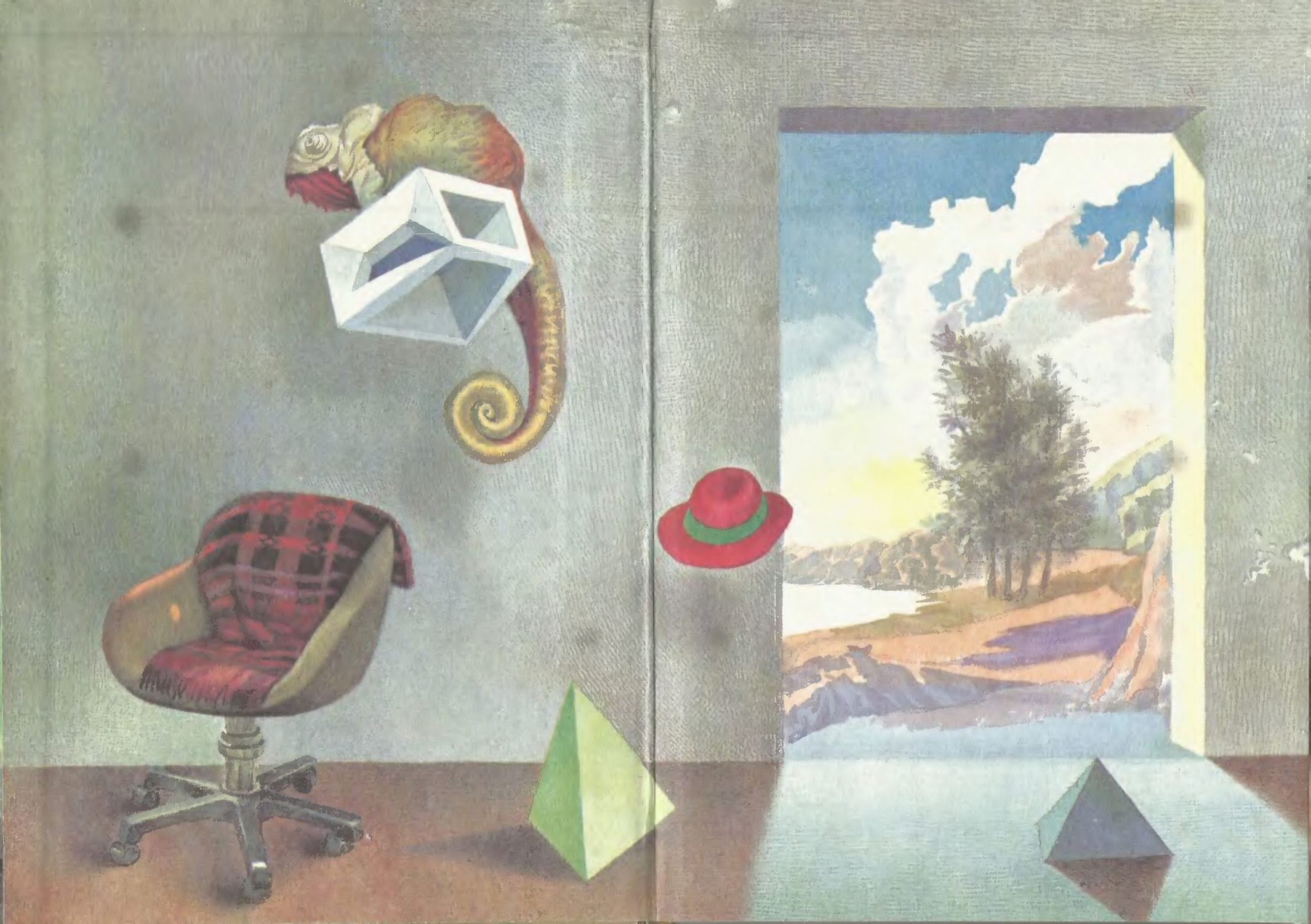

ОСИРИС
Филип Жозе
ФАРМЕР
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР
15
ОСИРИС
Филип Жозе
ФАРМЕР
МНОГОЯРУСНЫЙ
МИР

Филип Жозе ФАРМЕР

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

ВРАТА МИРОЗДАНИЯ

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

ЗА СТЕНАМИ ЗЕМЛИ

романы

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

ББК 84.7 (США)
Ф24

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 15

Художник *А. Державин*

Фармер Филип Жозе

Ф24 Многоярусный мир: Фантастические романы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 15. — М.: Центрполиграф, 1993. — 639 с.

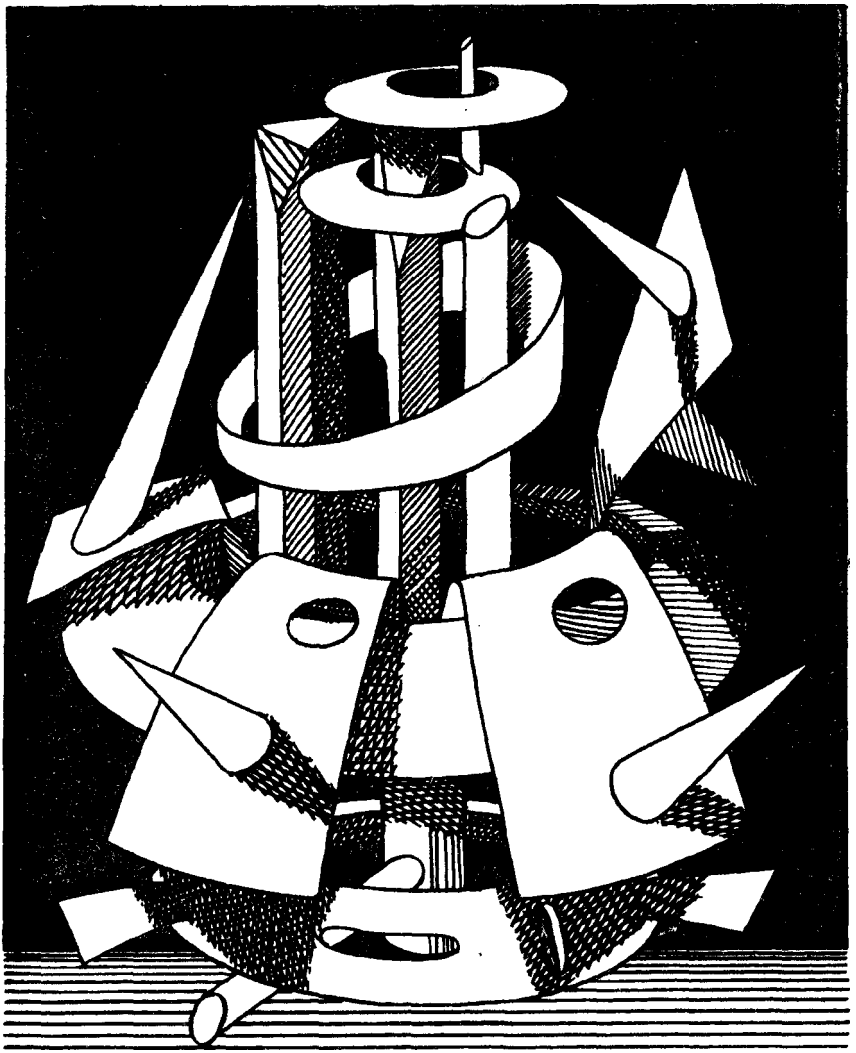
Есть некие Властелины, которые в своих безумных играх создают и разрушают целые миры, населенные живыми, мертвыми и никогда не жившими существами. Эти Властелины все время между собой враждуют - так каково же простым смертным, случайно оказавшимся на их неисповедимых путях?

Даже среди магистров американской фантастики Ф. Ж. Фармер выделяется необузданностью воображения, страстью к парадоксам, умением захватить читателя.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0036-3

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1993

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Глава I

Звук, очень похожий на трубный зов, пронесся с другой стороны дверей.

Семь нот были слабыми и отдаленными, словно эктоплазменное излияние серебряного фантома, если б звук мог служить материалом, из которого образуются тени.

Роберт Вольф знал, что за раздвижными дверями не может быть ни рога, ни трубящего в него человека. Минуту назад он заглядывал в этот стенной шкаф. Там не было ничего, кроме цементного пола, белых оштукатуренных стен, вешалок и крючков для одежды, полки и лампочки.

И все же он слышал эти трубные звуки, слабые, словно неслись они по другую сторону стены самого мира. Вольф был один, так что ему не с кем было посоветоваться относительно реальности того, что, как он знал, не могло быть реальным. Комната, в которой он в трансе стоял, была маловероятным местом для проведения такого опыта. Но он был отнюдь не призрачной личностью, так что вполне способен испытать все. В последнее время его сон беспокоили странные и непонятные сновидения. В дневное время через его мозг проходили странные мысли и мимолетные образы, молниеносные, но живые и даже поразительные.

Они были нежеланными, нежданными и неудержимыми.

Вольф был встревожен. Быть готовым уйти на покой, а потом пострадать от психического срыва казалось нечестным.

Однако это могло случиться с ним, как случалось с другими. Так что следовало бы сделать одно: дать обследовать себя врачу. Но он не мог заставить себя действовать так, как требовал разум. Он продолжал ждать и никому ничего не говорил, и всего меньше — своей жене.

Теперь он стоял в комнате отдыха нового дома в районе новостроек Хохокам Хаумс, уставившись на двери стенного шкафа. Если рог протрубит вновь, он отодвинет дверь и убедит себя, что там ничего нет. И тогда, зная, что звуки рождаются в его собственном больном мозгу, он забудет о покупке этого дома.

Он проигнорирует истерические протесты жены и увидится сперва с доктором, а потом с психотерапевтом.

— Роберт! — позвала его жена. — Разве ты недостаточно долго пробыл внизу? Поднимайся сюда. Я хочу поговорить с тобой и мистером Брессоном.

— Минутку, дорогая, — отозвался он.

Жена позвала опять, на этот раз ее голос послышался так близко, что он обернулся. Бренда Вольф стояла наверху лестницы, ведущей в комнату отдыха. Ей было столько же лет, сколько и ему — шестьдесят шесть. Вся красота, какая у нее некогда имелась, была теперь погребена под жиром, под густо нарумяненными и напудренными морщинами, толстыми очками и голубовато-стальными волосами.

Он вздрогнул при виде ее, как вздрагивал всякий раз, когда смотрел в зеркало и видел свою собственную плешивую голову, глубокие складки от носа до рта и звезды — точки, образованные морщинками, словно лучики разбегавшимися от покрасневших глаз. Не в этом ли его беда? Но был ли он в состоянии приспособиться к тому, что приходит ко всем людям, нравится им это или нет?

Или дело в том, что ему не нравилось в своей жене и в себе самом не физическое увядание, а сознание, что ни он, ни Бренда не реализовали мечты своей юности? Было никак нельзя избежать следов рашпилей и надфилей времени на теле, но время было милостиво к нему, позволив жить так долго. Он не мог ссылаться на краткость срока для оправдания отсутствия у себя красоты души. Мир нельзя было винить в том, чем он был.

Ответствен он, и только он, по крайней мере, он был достаточно силен, чтобы посмотреть этому факту в лицо.

Он не попрекал вселенную или ту ее часть, которая являлась его женой.

Он не визжал, не рычал и не хныкал, как Бренда.

Бывали времена, когда легко было бы захныкать или заплакать. Сколько человек не могли ничего вспомнить о своей жизни до двадцатилетнего возраста? Он думал, что двадцатилетнего, потому что усыновившие его Вольфы сказали, что он выглядел именно на эти годы. Он был обнаружен стариком Вольфом, бродившим в горах Кентукки, неподалеку от границы с Индианой. Он не знал, ни кто он такой, ни как он туда попал. Кентукки или даже Соединенные Штаты Америки ничего для него не значили, так же, как и весь английский язык.

Вольфы взяли его к себе и уведомили шерифа. Проведенное властями расследование не сумело установить его личность. В другое время его история могла привлечь внимание всей страны, однако страна воевала с Кайзером и думала о более важных

вещах. Роберт, названный в честь умершего сына Вольфов, помогал в работе на ферме. Он также ходил в школу, ибо потерял всякую память и был совершенно не образован.

Хуже отсутствия формальных знаний было его неведение относительно того, как себя вести. Он то и дело смущал или оскорблял других и страдал от презрительной, а иногда и жестокой реакции жителей гор, но он быстро учился, а его готовность упорно трудиться плюс огромная способность защитить себя завоевали ему уважение.

В изумительно короткий срок, словно повторяя усвоенное, он обучился и закончил начальную и среднюю школу.

Хотя он и начал так поздно и в течение долгих лет не посещал регулярно школу, он без всякого труда сдал вступительные экзамены в университет. Там у него начался пожизненный любовный роман с классическими языками. Больше всего он любил древнегреческий, так как тот задевал в нем какую-то струну, он чувствовал себя с ним как дома.

Получив диплом доктора философии Чикагского университета, он преподавал потом в различных восточных и среднезападных университетах. Он женился на Бренде, прекрасной девушке с замечательной душой. Или так он сперва думал.

Позже иллюзии у него рассеялись, но он был все еще довольно счастлив.

Его, однако, всегда беспокоила тайна его амнезии и его происхождения. Долгое время она его не тревожила, но потом, с уходом на покой...

— Роберт, — громко произнесла Бренда, — сейчас же поднимайся сюда! Мистер Брессон занятой человек.

— Я уверен, что у мистера Брессона было много клиентов, желавших осмотреть дом не торопясь, — мягко ответил он. — Или, наверное, ты уже приняла решение, что не хочешь покупать этот дом?

Бренда прожгла его взглядом, а затем ушла вперевалку, с видом оскорбленного достоинства. Он вздохнул, ибо знал, что позже она обвинит его в том, что он преднамеренно заставил ее глупо выглядеть перед агентом по продаже недвижимости.

Он снова повернулся к дверям стенного шкафа. Осмелится ли он открыть их?

Нелепо было стоять тут, замерев, словно в шоке или в психотическом состоянии нерешительности. Но он не мог пошевелиться, только рукой дернул, когда рожок снова издал семь нот, раздавшихся из-за толстой баррикады. Но на этот раз громче.

Сердце его глухо стукнуло о грудную кость, словно изнутри ударили кулаком. Он заставил себя подойти к дверям и положить руку на покрытую медью выемку, расположенную на

уровне талии, и отодвинуть дверь в сторону. Легкий грохот роликов заглушил рог, когда дверь отъехала в сторону.

Белые оштукатуренные доски стены исчезли. Дверь служила теперь входом на сцену, какой — он никак не мог вообразить, хотя она должна была родиться в его мозгу.

Солнце лилось в отверстие, бывшее достаточно большим для того, чтобы он прошел через него, если бы нагнулся. Растительность, похожая на деревья — но не на деревья Земли, — загораживала ему часть обзора. Сквозь ветви он увидел ярко-зеленое небо. Он опустил взгляд и осмотрел поверхность под деревьями.

У подножия гигантского валуна собралось шесть-семь кошмарных существ. Валун из красной, насыщенной кварцем скалы формой приблизительно походил на поганку.

Большинство существ с черными, лохматыми, уродливыми телами стояли, отвернувшись от него, кроме одного, демонстрировавшего свой профиль на фоне зеленого неба. Голова его была грубой, субчеловеческой, а выражение лица — злобным. На его теле, лице и голове имелись выпуклости, комья мяса, придававшие ему полусформировавшийся вид, словно его создатель позабыл разгладить его. Две короткие ноги походили на задние ноги собаки.

Существо протягивало свои длинные руки к молодому человеку, стоявшему на плоской вершине валуна.

Этот человек был одет только в набедренную повязку из оленьей кожи и мокасины. Он был высок, мускулист и широкоплеч. Кожа его покоричневела от солнца. Его густые длинные волосы были рыже-бронзовыми, лицо — сильным и крутым, с длинной верхней губой. Он держал инструмент, который, должно быть, и издавал услышанные Вольфом звуки.

Человек отбросил ударом ноги одно из уродливых существ, когда то подползло к нему, цепляясь за валун. Он снова поднес к губам серебряный рог и тут увидел стоявшего за отверстием Вольфа.

Он широко усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Так, значит, ты явился наконец! — окликнул он.

Вольф не шевельнулся и не ответил.

Он мог только подумать: "Теперь уж я точно сошел с ума! Не просто слуховые галлюцинации, но и зрительные! Что дальше? Следует ли мне с воплем убежать или спокойно уйти и сказать Бренде, что я должен сейчас же увидеться с доктором? Сейчас же! Без ожиданий, без объяснений с Брендой, я еду".

Он шагнул назад. Отверстие начало закрываться, белые стены вновь обретали свою твердость. Или, скорее, он начинал заново обретать реальность.

— Вот! — крикнул юноша на вершине валуна. — Лови!

Он бросил рог. Несколько раз перевернувшись, отбрасывая серебряные солнечные лучи, когда свет падал на него сквозь листья, рог полетел прямо к отверстию. Как раз перед тем, как стены сомкнулись друг с другом, рог прошел через отверстие и ударил Вольфа по коленям.

Тот вскрикнул от боли, ибо в резком ударе не было ничего энтоплазменного.

Он увидел сквозь узкое отверстие, как рыжий поднял руку и сложил большой и указательный пальцы в виде буквы "О". Юноша ухмыльнулся и крикнул:

— Желаю удачи! Надеюсь, мы скоро встретимся! Я — Кикаха!

Словно медленно смыкающийся во сне глаз, отверстие постепенно закрылось. Свет померк, и предметы начали терять четкость очертаний. Но Вольф мог видеть достаточно хорошо, чтобы бросить последний взгляд, и вот тогда-то девушка и высунула голову из-за ствола дерева.

У нее были нечеловечески большие глаза, непропорциональные по отношению к ее лицу, такие же крупные, как у кошки. Губы ее были полные и алые, а кожа — золотисто-коричневая. Густые волнистые волосы, свободно свисавшие вдоль ее лица, были в тигровую полосу: слегка зигзагообразные черные полосы почти касались земли, когда она выглянула из-за дерева.

Затем стены побелели, словно закатившийся глаз трупа.

Все стало как прежде, за исключением боли в коленях и твердости рога, лежавшего у его лодыжки.

Он поднял его и повернулся, чтобы рассмотреть его в свете, падающем из комнаты отдыха.

Хоть и ошеломленный, он больше не считал себя сумасшедшим. Он заглянул в другую вселенную, и из нее ему было кое-что доставлено — почему и как, он не знал.

Рог был немного меньше двух с половиной футов длиной и весил меньше четверти фунта. Формой он походил на рог африканского буйвола, за исключением раструба, сильно расширявшегося в конце. На узкий конец был насажен мундштук из какого-то мягкого золотистого материала. Сам рог был из серебра или посеребренного металла. Пистонов у него не было, но перевернув его, он увидел семь маленьких кнопок в один ряд.

На полдюйма внутри мундштука находилась паутина из серебристых нитей. Когда рог держали под углом к свету от лампочек над головой, паутина выглядела так, словно уходила глубоко в рог.

Именно тогда-то свет упал на рог таким образом, что Вольф увидел то, что пропустил во время первого изучения: посередине между мундштуком и раструбом был еле заметно начертан иероглиф. Иероглиф выглядел не похожим на все ранее виденное Вольфом, а ведь он был экспертом по всем типам алфавитной письменности, идеографии и пиктографии.

— Роберт! — окликнула его жена.

— Сейчас поднимусь, дорогая!

Он положил рог в правый передний угол стенного шкафа и закрыл дверь. Ничего другого он сделать не мог, кроме как убежать из дома с рогом. Если он появится с ним, его будут расспрашивать и жена, и Брессон. Поскольку он вошел в дом без рога, он не может утверждать, что тот принадлежал ему.

Брессон захочет взять рог под свою охрану, поскольку он был обнаружен в доме, принадлежавшем его фирме.

Вольф мучался от неуверенности в правильности этого поступка.

Как он мог вытащить рог из дома? Что мешает Брессону привести новых клиентов, возможно, даже сегодня, которые увидят рог, как только откроют дверь стенного шкафа? Клиент может привлечь к нему внимание Брессона.

Вольф поднялся по лестнице в большую гостиную. Бренда все еще прожигала его взглядом. Брессон, круглолицый человек в очках, лет тридцати пяти, похоже, чувствовал себя неудобно, хотя и улыбался.

— Ну, как он вам понравился? — спросил он.

— Сильно, — ответил Вольф. — Он напоминает мне типичный дом у меня на родине.

— Мне он нравится, — сказал Брессон. — Я сам со Среднего Запада. Я могу понять, что вы можете не захотеть жить в доме типа ранчо. Не то чтобы я их хаю. Я сам живу в таком.

Вольф подошел к окну и выглянул наружу. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайка была покрыта свежей бермудской травой, посаженной три недели назад, новой, как дома в этом только что построенном районе Хохокам Хоумс.

— Почти все дома одноэтажные, — говорил Брессон. — Экскавация в этой твердой селитре стоит немалых средств, но эти дома мне не дороги. Во всяком случае, за то, что вы получаете.

"Если бы селитру выкопали, — подумал Вольф, — чтобы устроить комнату отдыха, что бы тогда увидел человек с другой стороны, когда появилось отверстие? Увидел бы он только землю и таким образом лишился бы шанса избавиться от рога? Несомненно".

— Может, вы читали, почему мы вынуждены были задержаться с открытием этого района, — сказал Брессон. — Пока мы копали, мы обнаружили бывшее поселение хохокамов.

— Хохокамов? — переспросила миссис Вольф. — А кто они были?

— Множество приезжающих в Аризону людей никогда не слышали о них, — ответил Брессон. — Но нельзя прожить долго в районе Феникса, не натыкаясь на упоминания о них. Они были индейцами, жившими давным-давно в Солнечной Долине. Они могли прибыть сюда по меньшей мере тысячу двести лет назад. Они здесь накопали оросительные каналы, построили поселения, имели развивающуюся цивилизацию. Но с ними что-то случилось, никто не знает что. Они просто взяли и исчезли несколько сот лет назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы папаго и пима их потомки.

Миссис Вольф фыркнула и заметила:

— Я видела их. Глядя на них, нальзя сказать, что они могут построить что-то, кроме тех жалких глинобитных хижин в резервации.

Вольф повернулся и сказал почти грубо:

— Современные майя тоже не выглядят так, словно они могли когда-нибудь построить свои храмы или открыть понятие *нуля. Но они это сделали.*

Бренда разинула рот. Мистер Брессон улыбнулся довольно механически:

— Так или иначе, нам пришлось отложить выемку грунта, пока не поработали археологи. Это задержало операции примерно на три месяца, но мы ничего не могли поделать, так как штат связывает нам руки.

— Для вас, однако, это может быть удачей. Если бы нас не задержали, все эти дома могли быть уже распроданы. Так что все оборачивается к лучшему, а?

Он широко улыбнулся и перевел взгляд с одного на другого.

Вольф помолчал, глубоко вздохнул, зная, что услышит от Бренды, и сказал:

— Мы его берем. Мы подпишем документы прямо сейчас.

— Роберт! — взвизгнула миссис Вольф. — Ты даже не спросил меня!

— Сожалею, дорогая, но я уже принял решение.

— Ну а я — нет!

— Ну, уважаемые, нет нужды торопиться, — вмешался Брессон.

Его улыбка была отчаянной.

— Не спешите, обговорите все. Даже если придет кто-то и купит этот конкретный дом, а это может случиться прежде, чем кончится день, — они продаются, как горячие пирожки, — но есть же множество других точь-в-точь как этот.

— Я хочу этот дом.

— Роберт, ты с ума сошел! — взвыла Бренда. — Я никогда не видела, чтобы ты так вел себя прежде.

— Я уступал тебе почти во всем, — бросил он. — Я хотел, чтобы ты была счастлива. Так что теперь уступи мне в этом. Просьба не так уж велика. Кроме того, этим утром ты сказала, что хочешь дом именно такого типа, а дома Хохокам Хоумс — именно такие, которые мы можем себе позволить. Давай подпишем теперь предварительные документы. Я могу выписать чек в качестве задатка.

— Я не подпишу, Роберт.

— Почему бы вам не поехать домой и не обсудить это? — предложил Брессон. — Я встречусь с вами, когда вы придете к решению.

— Разве моя подпись недостаточно хороша? — ответил вопросом Вольф.

Все еще напряженно улыбаясь, Брессон произнес:

— Я сожалею, но миссис Вольф тоже должна подписать.

Бренда победно улыбнулась.

— Обещайте мне, что вы не станете его больше никому показывать, — сказал Вольф. — Во всяком случае, до завтра. Если вы боитесь потерять продажу, я выпишу задаток.

— О, в этом нет необходимости.

Брессон двинулся к двери с поспешностью, выдававшей его желание выбраться из неловкой ситуации.

— Я не буду его никому показывать, пока не услышу от вас известий утром.

На обратном пути в их номера в отеле "Бэндс" в Темпе ни он, ни она не разговаривали. Бренда сидела, как деревянная, глядя прямо вперед через лобовое стекло. Вольф время от времени поглядывал на нее, замечая, что нос ее, казалось, становился острее, губы тоньше.

Если она будет продолжать в том же духе, то будет выглядеть точь-в-точь, как толстый попугай.

Когда ее наконец прорвет, когда она заговорит, то ее голос будет звучать, как пародия на толстого попугая. Будет выдан тот же старый, затасканный и все еще энергичный поток упреков и угроз. Она будет бранить его за то, что он все эти годы пренебрегал ею, напомнит ему напоследок, бог знает в который раз, что он сидел, уткнувшись носом в свои книги, или же практиковался в стрельбе из лука, или в фехтовании, или в альпинизме,

видах спорта, которые она не могла с ним разделять из-за своего артрита. Она раскрутит долгие годы несчастья, или якобы несчастья, и закончит сильно и горько плача.

Почему он не мог от нее отделаться?

Он не знал ничего, за исключением того, что очень сильно любил ее, когда они были молоды, а также потому, что обвинения ее были не совсем неверными. Более того, он находил мысль о расставании болезненной, даже более болезненной, чем мысль о том, чтобы остаться с ней.

И все же он имел полное право пожать плоды своих трудов в качестве профессора английского и классических языков. Теперь, когда у него было достаточно денег и досуга, он мог заняться исследованиями, которых не позволяли ему прежние обязанности. Имея этот аризонский дом в качестве базы, он смог бы даже путешествовать. Или не смог? Бренда не откажется поехать с ним, фактически она настоит на том, чтобы сопровождать его. Но ей будет настолько скучно, что его собственная жизнь станет несчастной. Он не мог винить ее в этом, потому что интересы у них были неодинаковые. Но следует ли ему бросить занятия, обогащавшие его жизнь, просто чтобы сделать ее счастливой? Особенно, если она все равно не будет счастлива?

Как он и ожидал, ее примолкший язык стал крайне активен после ужина.

Он слушал, пытался спокойно увещевать ее и указать на отсутствие у нее логики, несправедливость и безосновательность ее обвинений. Все было бесполезно. В конце концов она, как всегда, заплакала и стала угрожать оставить его или покончить с собой.

На этот раз он не уступил.

— Я хочу купить этот дом, и я хочу наслаждаться жизнью так, как я запланировал, — твердо заявил он. — И все тут!

Он надел куртку и двинулся к двери.

— Я вернусь позже. Может быть.

Она завизжала и запустила в него пепельницей. Он пригнулся, и пепельница отскочила от двери, отщепив кусок дерева.

К счастью, Бренда не последовала за ним и не устроила сцену в коридоре, как, бывало, делала раньше.

Уже была ночь. Луна еще не взошла, и единственный свет лился из окон мотеля, фонарей вдоль улиц и многочисленных фар автомобилей на бульваре Апач. Он вывел машину на бульвар и поехал на восток, а затем свернул на юг. Через несколько минут он был на дороге в Хохокам Хоумс. Мысль о том, что он собирался сделать, заставила его сердце забиться быстрее, а его кожа похолодела. Это было первый раз в его жизни, когда он всерьез думал совершить преступный акт.

Хохокам Хоумс был весь в огнях, из громкоговорителей неслась музыка и раздавались голоса детей, игравших на улице, покуда их родители осматривали дома.

Он поехал дальше, проехал через Месу, развернулся и двинулся обратно через Темпе до Ван Бюрена и Феникса. Он срезал угол на север, потом на восток, до тех пор пока не оказался в городке Скоттгдейл. Здесь он остановился на полтора часа в маленькой таверне. После четырех рюмок "Бэт-69" он завязал. Больше он не хотел — скорее, боялся принять больше, потому что ему не улыбалось быть пьяным, когда он начнет выполнять свой проект.

Когда он вернулся в Хохокам Хоумс, свет уже не горел, и в пустыню вернулось безмолвие. Он припарковал машину позади дома, в котором побывал в полдень. Одетым в перчатку правым кулаком он разбил окно, давшее ему доступ в комнату отдыха.

К тому времени когда он оказался внутри комнаты, он тяжело дышал и сердце его билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Хоть и испуганный, он вынужден был улыбнуться про себя. Человек, много мечтавший, он часто мнил себя взломщиком — не заурядным, конечно, а Раффизом. Теперь он знал, что его уважение к закону было слишком сильным, чтобы он стал когда-нибудь крупным преступником или даже мелким. Совесть мучила его из-за этого маленького акта, выполнение которого он считал для себя целиком оправданным.

Более того, мысль о возможной поимке чуть не заставила его плюнуть на рог.

Прожив тихую, достойную и респектабельную жизнь, он будет погублен, если его заметят. Стоил ли рог того?

Он решил, что да. Отступи он сейчас, он всю жизнь будет гадать о том, что же он упустил. Его ждало величайшее из всех приключений, такое, какого не испытывал никакой другой человек. Если он сейчас станет трусом, то может с таким же успехом застрелиться, ибо он будет не в состоянии вынести потери рога или самобичеваний и обвинений в отсутствии смелости.

В комнате отдыха было так темно, что он вынужден был нащупывать путь к стенному шкафу кончиками пальцев.

Обнаружив раздвигавшиеся двери, он откатил левую, которую он отодвинул в сторону в полдень. Он медленно подталкивал ее локтем, чтобы избежать шума, и остановился послушать звуки снаружи дома.

Как только дверь была полностью открыта, он отступил на несколько шагов. Он поднес мундштук рога к губам и тихо дунул. Раздавшийся из него трубный звук так сильно поразил его, что он выронил инструмент. Пошарив вслепую, он обнаружил его наконец в углу помещения.

Второй раз он дунул сильнее. Раздалась еще одна громкая нота, не громче, чем первая. Какое-то устройство в роге, наверное серебристая паутина за мундштуком, регулировало децибельный уровень. Несколько минут он стоял в нерешительности с поднятым ко рту рогом. Он пытался мысленно реконструировать точную последовательность семи слышанных им нот.

Семь маленьких кнопок на нижней стороне явно определяли различные гармонические волны. Но он не мог выяснить, которая ему необходима, не экспериментируя и не привлекая внимания.

Он пожал плечами и пробормотал:

— Какого черта!

Он снова затрубил, но теперь он нажимал кнопки последовательно. И первой нажал ближайшую к нему. Воспарило семь громких нот.

Их длительность была такой, как он помнил, но не в нужной последовательности.

Когда замер последний трубный звук, издалека донесся крик. Вольф чуть было не запаниковал. Он выругался, снова поднял рог к губам и нажал на кнопки в таком порядке, который, как он надеялся, воспроизведет "сезам откройся", музыкальный ключ к другому миру.

В то же время луч фонарика пробежался по разбитому окну комнаты, а затем последовал дальше. Вольф снова затрубил.

Свет вернулся к окну. Поднялись новые крики.

Вольф пробовал разные комбинации кнопок. Третья попытка оказалась дубликатом того звука, что произвел юноша на вершине поганообразного валуна.

Фонарик просунули в разбитое окно. Глухой голос прорычал:

— Эй, ты, там, выходи, или я буду стрелять!

Одновременно на стене появился зеленоватый свет, прорвался и выплавил дыру. Сквозь него сияла луна. Деревья и валун были видимы только как силуэты на фоне зеленовато-серебряного излучения от огромного шара, у которого виднелся только сегмент.

Вольф не стал задерживаться. Он мог бы заколебаться, если бы остался незамеченным, но теперь он знал, что должен бежать.

Другой мир предлагал неуверенность в будущем и опасность, но в этом его ждал определенный неизбежный стыд и позор. И пока сторож повторял свои требования, Вольф оставил его и свой мир позади. Ему пришлось нагнуться и высоко шагнуть, перебираясь через съеживавшуюся дыру. Когда он обернулся на другой стороне, чтобы бросить последний взгляд, то оказалось, что он смотрит сквозь отверстие не большее, чем корабельный иллюминатор. Через несколько секунд и оно исчезло.

Глава II

Вольф присел на траву отдохнуть и подождать, пока тяжелое дыхание не придет в норму.

Он подумал, какой иронией судьбы было бы, если бы волнение оказалось слишком велико для его шестидесятилетнего старого сердца. Умер до оказания помощи. УДОП.

Они — кто бы они ни были — вынуждены будут похоронить его и написать на могиле: "НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗЕМЛЯНИН".

Тут он почувствовал себя лучше.

Он даже засмеялся, поднимаясь на ноги.

С некоторой смелостью и уверенностью он огляделся вокруг.

Воздух был достаточно приятным, около семидесяти градусов, так он прикинул. Он нес странные, очень нежные, почти фруктовые ароматы. Кричали птицы — Вольф надеялся, что это только они повсюду вокруг него. Где-то далеко звучал тихий рев, но Вольф не испугался. Он был уверен (без всякого разумного основания для уверенности), что это приглушенный расстоянием грохот прибоя. Луна была полная и огромная, в два с половиной раза больше земной.

Небо потеряло свой дневной ярко-зеленый цвет и стало, за исключением свечения луны, столь же черным, как ночное небо покинутого мира. Множество больших звезд двигалось со скоростью и в направлениях, вызвавших у него головокружение от страха и замешательства. Одна из звезд падала прямо на него, становилась все больше и ярче, пока не спикировала в нескольких футах от его головы. В оранжево-желтом свечении он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, болтающиеся тощие ноги. Все это походило на силуэт головы с антеннами.

Это был светлячок какой-то разновидности, с размахом крыльев по меньшей мере в десять футов.

Вольф наблюдал за смещением, расширением и сокращением живых скоплений, пока не привык к ним. Он гадал, в каком направлении двинуться, и наконец звук прибоя заставил его решиться. Береговая линия даст определенную точку отсчета, куда бы он ни пошел после этого. Продвигался он медленно и осторожно, с частыми остановками, чтобы прислушаться и изучить тени.

Поблизости что-то хрюкнуло, звук явно доносился из большой грудной клетки.

Вольф распластался на траве в тени густого куста и постарался дышать медленно. Раздался шорох, треснул прут. Вольф поднял голову достаточно высоко, чтобы выглянуть на залитую лунным светом поляну перед ним. Огромная туша, прямая,

двуногая, темная и волосатая, протащилась всего лишь в нескольких ярдах от него.

Существо вдруг остановилось, и сердце Вольфа застучало с перебоями. Голова туши повернулась из стороны в сторону, позволяя Вольфу получить полный обзор гориллоидного профиля. Это, однако, была не горилла — во всяком случае, не земная. Мех зверя не был сплошь черным. Перемежающиеся широкие черные и узкие белые полосы шли зигзагами по его ногам и телу. Руки его были намного короче, чем у его двойника на Земле, а ноги — не только длиннее, но и прямее. Более того, лоб, хотя и прорезанный надглазной костью, был высоким.

Чудище что-то пробормотало; это был не животный крик или стон, а последовательность четко модулированных слогов.

Чудовище было не одно. Зеленоватая луна освещала клок голой кожи сбоку от Вольфа. Он принадлежал женщине, шедшей рядом со зверем, и плечи ее были спрятаны под его огромной правой рукой.

Вольф не видел ее лица, но он разглядел достаточно: длинные стройные ноги, выпуклые ягодицы, изящную руку и длинные черные волосы, оставалось только гадать, была ли она такой же прекрасной спереди.

Она заговорила с гориллой голосом, похожим на звук серебряных колокольчиков. Горилла ей ответил. Затем парочка ушла с зеленой луны в темноту джунглей.

Вольф встал не сразу, так как был слишком потрясен.

Наконец он поднялся на ноги и начал проталкиваться дальше через подлесок, который был не таким густым, как в земных джунглях. В самом деле, кусты были широко разделены.

Не будь окружающая среда такой экзотической, он бы не счел флору джунглями. Она больше походила на парк, включая мягкую траву, бывшую такой короткой, что казалась недавно подстриженной.

Всего лишь в нескольких шагах далее он был напуган, когда какое-то животное фыркнуло, а затем пробежало перед ним. Он мельком увидел красноватые панты, беловатый нос, огромные бледные глаза и пятнистое тело. Оно с треском проломилось мимо него и исчезло, но спустя несколько секунд он услышал позади себя шаги. Он обернулся и увидел в нескольких футах того же оленеподобного. Когда тот увидел, что его заметили, он медленно прошел вперед и ткнулся носом в вытянутую руку Вольфа. Потом он замурлыкал и попытался потереться боком о Вольфа. Поскольку весил он, наверное, четверть тонны, то только медленно отталкивал Вольфа от себя.

Вольф привалился к нему, погладил его за большими чашеобразными ушами, почесал ему нос и слегка похлопал по ребрам.

Оленеподобный несколько раз лизнул его длинным мокрым языком, таким же шершавым, как у льва.

Надежды Вольфа, что зверь скоро устанет выражать свою симпатию, скоро осуществились. Зверь покинул его одним прыжком, столь же внезапным, как и тот, который привел его к Вольфу.

После того как тот исчез, Вольф почувствовал себя в большей безопасности. Разве было бы животное таким дружелюбным с совершенно незнакомым человеком, если бы ему приходилось опасаться плотоядных или охотников?

Рев прибоя стал громче. Через десять минут Вольф был на краю пляжа.

Там он пригнулся под широкой и высокой вайей и изучал залитую лунным светом сцену. Сам пляж был белым и, как удостоверила его вытянутая рука, состоял из очень мелкого песка.

Пляж тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз, и ширина его между лесом и морем была около двухсот ярдов. Вдали с обеих сторон виднелись костры, вокруг которых прыгали силуэты мужчин и женщин. Их крики и смех, хоть и приглушенные расстоянием, подкрепляли его впечатление, что они, должно быть, люди.

Затем его взгляд прошелся обратно по пляжу.

Наискось от него, примерно в трехстах ярдах и почти у воды, находились два существа. При виде их у Вольфа перехватило дыхание. Его шокировало не то, что они делали, а строение их тел.

Выше талии мужчина и женщина были такими же людьми, как и он, но в точке, где полагалось начинаться ногам, их тела сужались в хвосты с плавниками.

Вольф был не в состоянии обуздать свое любопытство. Спрятав рог в кучу пушистой травы, он прокрался вдоль края джунглей. Оказавшись напротив парочки, он остановился понаблюдать. Поскольку самец и самка лежали теперь бок о бок и разговаривали, их поза позволяла Вольфу изучить их более подробно. Он убедился, что они не сумели бы гнаться за ним по суше со сколько-нибудь приличной скоростью и не имели при себе никакого оружия. Вольф приблизился к ним. Они могли даже оказаться дружелюбными.

Когда он очутился почти в двадцати ярдах от них, то снова остановился, чтобы изучить их. Если это и не были русалки, то, разумеется, они не были и полурыбами. Плавники на концах их

длинных хвостов находились, в отличие от вертикальных рыбьих, в горизонтальной плоскости.

Хвосты, кажется, были без чешуи. Гибридные тела сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Вольф кашлянул. Они подняли головы, и самец зарычал, а самка завизжала.

Одним движением, столь быстрым, что Вольф не смог различить подробностей, они поднялись на концы хвостов и взметнули себя вверх и в волны. Луна отразилась на темной голове, ненадолго поднявшейся из волн, и вскинутом вверх хвосте.

Прибой накатился и с шумом разбился о белый песок. Светила огромная зеленая луна. Налетевший с моря бриз обвеял вспотевшее лицо Вольфа и отправился дальше охлаждать джунгли. Позади Вольфа из темноты раздалось несколько странных криков, а с пляжа впереди донеслись звуки человеческого веселья.

Некоторое время Вольф не мог выпутаться из паутины мыслей. В речи русалки было что-то знакомое, так же, как и в речи зебриллы — новое слово, созданное им для того гориллы, — и женщины. Вольф не узнал никаких отдельных слов, но звуки и взаимодействующая высота тонов разворошили что-то в его памяти. Но что? Они, безусловно, разговаривали не на каком-то никогда не слышанном им языке. Но был ли он схожим с одним из живых языков Земли и не слышал ли он его в записи или в кино?

Рука сомкнулась на его плече, подняла его и развернула. Готическая морда и пещерные глаза зебриллы ткнулись в его лицо, и в ноздри ему ударило сивушное дыхание. Он заговорил, и из кустов вышла женщина.

Она медленно подошла к нему, и в любое другое время у Вольфа перехватило бы дыхание при виде ее великолепного тела и прекрасного лица. К несчастью, сейчас ему было тяжело дышать по иной причине. Гигантская обезьяна могла швырнуть его в море даже с большей легкостью и скоростью, чем продемонстрированные недавно русалками, когда те нырнули. Или же огромная рука могла сжаться и сомкнуться на раздавленном горле и раздробленных костях.

Женщина что-то сказала, и зебрилла ответил. Вот тогда-то Вольф и понял несколько слов. Их язык был родственным догомеровскому греческому, миканскому.

Вольф не разразился сразу же речью, заверяя их, что он безвреден и намерения у него добрые, хотя бы потому, что он был слишком ошарашен, чтобы мыслить достаточно ясно. К тому же его знание греческого языка того периода было ограниченным.

Даже если тот был близок эолийско-ионическому диалекту, Вольфу все равно было бы трудно разговаривать.

Наконец, Вольф сумел издать несколько неподходящих фраз, он был озабочен не столько смыслом, сколько тем, чтобы дать им знать, что он не собирался причинять никакого вреда.

Послушав его, зебрилла крякнул, сказал что-то девушке и опустил Вольфа на землю. Тот облегченно вздохнул, но поморщился от боли в плече. Огромная ручища монстра оказалась очень могучей. Если не считать ее величины и волосатости, рука была совершенно человеческой.

Женщина дернула его за рубашку.

На лице ее было написано легкое отвращение. Только позже Вольф открыл, что отталкивало ее: она никогда раньше не видела толстого старика. Более того, ее озадачивала одежда.

Она продолжала тянуть его за рубашку. Вольф предпочитал не ждать, пока она попросит зебриллу снять ее с него, и он стащил ее сам.

Она с любопытством посмотрела на рубашку, понюхала ее, сказала: "Уй!", а затем сделала какой-то жест.

Хотя он предпочел бы не понять ее и еще меньше рвался подчиниться, он все-таки решил, что вполне может исполнить ее просьбу. Не было никакой причины расстраивать ее и, наверное, гневать зебриллу. Вольф сбросил одежду и ждал новых приказаний.

Женщина визгливо рассмеялась, зебрилла ответил лающим смехом и трахнул себя по бедру огромной ручищей так, что раздался звук, словно от топора, рубящего дерево. Он и женщина обняли друг друга за талию и, истерически смеясь, пошли, пошатываясь, вперед по пляжу.

Взбешенный, униженный, опозоренный, но также и благодарный, что остался цел, Вольф снова надел брюки.

Подобрав нижнее белье, носки и ботинки, он поплелся по песку обратно в джунгли. Достав рог из потайного места, он долгое время сидел, гадая, что делать. Наконец он заснул.

Он проснулся утром, с затекшими мускулами, голодный, жаждущий.

Пляж ожил. Вдобавок к виденным им ночью русам и русалкам,несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами плюхались взад-вперед по песку в погоне за янтарными шарами, метаемыми русалиями. А человек, с выступавшими изо лба бараньими рогами, мохнатыми ногами и коротким козлиным хвостом, преследовал женщину, выглядевшую почти так же, как и та, которая была с зебриллой. Волосы у нее, однако, были

желтыми. Она бежала, пока рогатый человек не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. То, что случилось потом, показало Вольфу, что эти существа, должно быть, столь же не ведали греха и сдерживающих начал, как Адам и Ева.

Это было более чем интересным, но зрелище завтракавшей русалки возбудило в нем совсем другие чувства. Русалка держала в одной руке овальный желтый плод и полусферу, похожую на скорлупу кокосового ореха в другой.

Женский двойник мужчины с бараньими рогами сидела на корточках у костра всего лишь в нескольких ярдах от Вольфа и жарила на конце палки рыбу. Запах вызвал у Вольфа слюноотделение во рту и урчание в животе.

Сперва он должен напиться. Поскольку единственной водой в поле его зрения был океан, он вышел на пляж и зашагал к прибою. Прием был именно таким, какого он ожидал: удивление, отступление, в какой-то степени опасение. Все прекратили свою деятельность, какой бы поглощающей она ни была, и уставились на него. Когда он приближался к некоторым из них, его приветствовали широко раскрытые глаза, разинутые рты и отступление. Некоторые из лиц мужского пола, оставшись на месте, выглядели так, словно готовы были бежать, если он скажет "кыш". Но он не испытывал желания бросить им вызов, поскольку самый маленький из них обладал мускулами, способными легко одолеть его усталое старое тело.

Он вошел до пояса в прибой и попробовал воду на вкус. Он видел, как другие пили ее, так что надеялся найти ее приемлемой. Она была чистой и свежей и обладала сильным, никогда раньше не испытываемым им привкусом.

Напившись до отвала, он почувствовал себя так, словно получил переливание крови. Он вышел из океана и пошел обратно по пляжу в джунгли. Остальные вернулись к своей еде и развлечениям, и, хотя следили за ним наглыми прямыми взглядами, они ничего ему не сказали. Он улыбнулся было им, но перестал, когда это, казалось, вспугнуло их. В джунглях он поискал и нашел такие же плоды и орехи, как и те, что ела русалка. Желтый плод был на вкус, как грушевый пирог, а мякоть внутри псевдококосового ореха напоминала очень нежное мясо, смешанное с мелкими кусочками грецкого ореха. Он почувствовал себя вполне удовлетворенным, за исключением одного: он жаждал покурить трубку. Но табак был единственным, что, кажется, отсутствовало в этом раю.

Следующие несколько дней он обитал в джунглях или же проводил время в океане или поблизости от него. К тому времени пляжники привыкли к нему и даже начали смеяться, когда он появлялся по утрам. Однажды несколько мужчин и женщин

набросились на него и, буйно хохоча, стащили с него одежду. Он кинулся за женщиной, убегавшей с его брюками, но она удрала в джунгли. Когда она появилась вновь, то уже с пустыми руками. Теперь он уже говорил достаточно хорошо, чтобы его понимали, если он медленно произносил фразы. Годы преподавания и изучения вооружили его очень большим запасом слов древнегреческого языка, и ему требовалось только овладеть интонацией и множеством слов, отсутствовавших в его "аутенрейте".

— Зачем ты это сделала? — спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

— Я хотела посмотреть, что ты прячешь под этими уродливыми тряпками. Голый ты ужаснее, но эти штуки на тебе заставляют тебя выглядеть еще уродливей.

— Непристойно? — осведомился он.

Она не поняла этого слова.

Он пожал плечами и подумал: "В чужой монастырь..." Только это было больше похоже на Сад Эдема. Температура днем и ночью была вполне приемлемой и разнилась примерно на семь градусов. Тут не возникало никаких проблем с получением разнообразной пищи, не требовалось никакой работы, не существовало никакой арендной платы, никакой политики, никакого напряжения, за исключением легко облегчаемого сексуального, никакой национальной или расовой вражды.

Не нужно было оплачивать никаких счетов. Или нужно? Основным принципом Земли являлось положение, что за так не получали ничего. Был ли здесь такой же принцип? Ведь кому-то полагалось бы заплатить по счету.

Ночью он спал на куче травы в большом дупле дерева. Это было только одно из тысяч таких дупел в деревьях особого типа, предлагавших это естественное пристанище. Вольф, однако, не оставался в постели по утрам. Несколько дней он вставал как раз перед рассветом и наблюдал, как прибывает солнце.

"Прибывает" было более подходящим словом, чем "восходит", ибо солнце, безусловно, не восходило. По другую сторону моря находился огромный горный кряж, настолько пространный, что Вольф не видел ему конца. Солнце всегда выходило из-за горы и было высоко, даже тогда, когда выходило. Оно следовало прямо через зеленое небо и не тонуло, а исчезало, только когда уходило за другой конец горного кряжа.

Час спустя появлялась луна. Она тоже выходила из-за горы, проплывала на том же уровне по небесам и ускользала за другую сторону горы. Каждую вторую ночь целый час шел сильный дождь. Вольф тогда обычно просыпался, потому что воздух становился немного холоднее. Вольф зарывался в листья и дрожал, пытаясь вернуться ко сну.

С каждой следующей ночью он находил, что сделать это становится все труднее. Он думал о своем собственном мире, об имевшихся там у него друзьях, работе и развлечениях и о жене. Что поделывала теперь Бренда?

Она, несомненно, горевала по нему.

Хоть она и была часто злой, скверной и скулящей, она его любила. Его исчезновение будет для нее ударом и потерей. О ней, однако, хорошо позаботятся. Она всегда настаивала на том, чтобы он вносил на страховку больше, чем мог себе позволить, это не раз приводило к ссорам между ними. Затем ему пришло в голову, что она долгое время не получит ни цента из страховки, потому что придется представить доказательства его смерти. И все же, если ей придется подождать, пока его не объявят по закону умершим, она могла бы прожить на соцобеспечении. Это будет означать резкое понижение ее образа жизни, но этого окажется достаточно, чтобы поддержать ее.

Он, разумеется, не имел ни малейшего намерения возвращаться. Он вновь обретал юность. Хотя он хорошо питался, он терял вес, а его мускулы становились все сильней и тверже. У него появилась пружинистость в ногах и чувство радости, потерянное где-то в двадцать с небольшим. На седьмое утро он потер череп и открыл, что тот покрыт легкой щетиной. На десятое утро он проснулся с болью в деснах.

Он потирал распухшую челюсть и гадал, предстоит ли ему заболеть. Он и позабыл, что существовало такое понятие, как болезнь, потому что сам был крайне здоров, и никто из пляжников, как он их называл, казалось, никогда не болел.

Десны продолжали изводить его всю неделю, после чего он принялся пить естественно перебродившую жидкость в "пунш-орехе". Он рос большими скоплениями высоко на вершине стройного дерева с короткими, хрупкими лиловыми ветвями и табачнообразными желтыми листьями. Когда его дубленую кожуру вскрывали острым камнем, он выделял запах винного пунша.

На вкус он был, как дыня с тоником и примесью вишневой настойки, и действовал, как стаканчик токильи. Он сработал отлично, убивая и боль в деснах, и вызываемое болью раздражение.

Спустя девять дней после того, как у него впервые возникли затруднения с деснами, у Вольфа начали резаться десять крошечных белых твердых зубов. Более того, золотые пломбы в других зубах выталкивались естественной плотью.

Его плешивая прежде башка покрылась густой порослью.

И это еще не все. Плаванье, бег и лазание по деревьям растопили весь жир. Выступавшие старческие вены снова утонули под гладкой твердой кожей.

Он мог бегать на длинные дистанции, не запыхавшись, при этом Вольф не чувствовал себя так, словно его сердце вот-вот лопнет. Все это приводило его в восторг, но он иногда размышлял, почему или как это произошло.

Он спросил и нескольких пляжников об их кажущейся всеобщей юности. У них был один ответ: "Такова воля Господа".

Сперва он подумал, что они говорят о творце, что показалось ему странным. Насколько он мог судить, у них не существовало никакой религии и уж, разумеется, никаких ритуалов, таинств.

— Кто такой Господь? — спрашивал он.

Он подумал, что, наверное, он неправильно понял слово "вапакс", и решил, что оно имеет несколько иное значение, чем то, которое находишь у Гомера.

Ипсевас, зебрилла, самый умный из всех, кого он покамест встретил, ответил так:

— Он живет на вершине мира, за пределами Океаноса.

Ипсевас показал вверх и через море на горный кряж по другую сторону его.

— Господь живет в прекрасном и неприступном дворце на вершине мира. Именно он — тот, кто создал этот мир и создал нас. Бывало, он часто спускался повеселиться с нами. Мы поступаем, как говорит Господь, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх. Если он рассердится или будет недоволен, то, вероятно, убьет нас. Или хуже.

Вольф улыбнулся и кивнул. Так, значит, Ипсевас и другие не имели рационального объяснения происхождения и функционирования своего мира. Но у пляжников было одно явление, отсутствовавшее на Земле. У них имелось единообразие мнений.

Все, кого он спрашивал, давали ему тот же ответ, что и зебрилла:

— Такова воля Господа. Он создал мир, он создал нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вольф.

Задавая этот вопрос, он не ожидал чего-нибудь большего, чем получал в ответ на Земле. Но ему преподнесли сюрприз.

— О, — ответила русалка Пайява, — так нам рассказывал Господь. Кроме того, мать мне тоже рассказывала. А ей следовало бы знать. Господь создал ее тело. Она помнит, когда он сделал это, хотя это было давно-предавно.

— В самом деле? — переспросил Вольф.

Он гадал, не вешает ли она ему лапшу на уши, и думал, что было бы трудно расквитаться, сделав с ней то же самое.

— И где же твоя мать? Я хотел бы поговорить с ней.

Пайява махнула рукой на запад.

— Где-то там.

"Где-то" могло означать тысячи миль, потому что он понятия не имел, как далеко простирался пляж.

— А насколько давно? — поинтересовался Вольф.

Пайява наморщила свой прекрасный лоб и поджала губы.

"Очень целовабельные, — подумал Вольф. — И это тело!" Возвращение юности приносило с собой осознание зова тела, пола.

Пайява улыбнулась ему и произнесла:

— Ты таки проявляешь интерес ко мне, не так ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, но хотел получить ответ на свой вопрос.

— Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать? — снова спросил он.

Пайява не могла ответить. Слово "год" не было в ее словаре.

Он пожал плечами и быстро ушел, исчезнув за весьма колоритной листвой у пляжа. Она кричала ему вслед сперва лукаво, а потом сердито, когда стало очевидным, что он не собирался возвращаться. Она сделала несколько уничижительных замечаний о нем по сравнению с другими мужчинами. Он с ней не спорил — это было ниже его достоинства, и, кроме того, сказанное ею было правдой. Хотя его тело быстро возвращало себе молодость и силу, оно все еще страдало от сравнения с окружавшими его почти совершенными образчиками.

Он бросил эту линию размышлений и обдумал рассказ Пайявы.

Если бы он смог обнаружить ее мать или ее ровесников, он, возможно, сумел бы побольше узнать о Господе. Он не подвергал сомнению рассказ Пайявы, который на Земле был бы невероятным. Эти люди просто-напросто не лгали. Вымысел был для них чужд. Такая правдивость имела свои преимущества, но она также означала, что они были крайне ограничены в своем воображении и не обладали большим юмором или остроумием.

Смеялись они достаточно часто, но по очевидным и мелким поводам. Их комедия не подымалась выше фарса и грубых розыгрышей.

Он выругался из-за того, что ему трудно было оставаться в намеченном русле размышлений. Его сложности с сосредоточением, казалось, становились с каждым днем сильнее. Итак, о чем он думал, пока не сбился, на свое несчастье, на другие мысли? Ах, да, о матери Пайявы!

Некоторые из старейшин могли бы просветить его, если он смог бы их обнаружить. Да только как их опознать, когда все взрослые выглядели на один возраст? Имелось очень немного

юнцов, наверное, трое на несколько сот покамест встреченных им существ. Более того, среди многих здешних животных и птиц, довольно странных, вероятно, только полдюжины не были пока взрослыми.

Если было мало рождений, то весы сбалансировали и отсутствие смерти.

Он видел трех мертвых животных — двух погибших в результате несчастного случая, а третье погибло во время боя с другим из-за самки. И даже это было несчастным случаем, так как потерпевший поражение самец, антилопа лимонного цвета с четырьмя изогнутыми в виде восьмерки рогами, повернулся и сломал себе шею, перепрыгивая через бревно.

Тело мертвого животного не могло разложиться и издавать вонь: несколько вездесущих существ, выглядевших похожими на маленьких двуногих лисиц с белыми носами, отвисшими, как у такс, ушами и обезьяньими лапами съели труп за какой-то час. Лисы рыскали по джунглям и убирали все — плоды, орехи, ягоды, трупы. У них было пристрастие к гнилому, они бы проигнорировали свежие плоды ради побитых. Но они не вносили дисгармонии в симфонию красоты и жизни. Даже в Саду Эдема необходимы сборщики мусора.

Временами Вольф смотрел через голубой с белыми барашками волн океан на горный кряж, называвшийся Тайяфайявоэд. Наверно, Господь жил там. Может, стоило пересечь море и подняться на грозную кручу на случай, что будет раскрыта какая-то тайна этой вселенной. Но чем больше он пытался прикинуть высоту Тайяфайявоэда, тем меньше ему эта мысль нравилась.

Черные скалы воспаряли все ввысь и ввысь, пока не уставал глаз и не спотыкался ум. Никакой человек не мог жить на его вершине, потому что там не было воздуха для дыхания.

Глава III

В один прекрасный день Вольф вынул серебряный рог из потайного места в дупле дерева. Пробираясь через лес, он пошел к валуну, с которого бросил рог человек, назвавшийся Кикахой. Кикаха и бугристые твари пропали из виду, словно никогда не существовали и никто, с кем он разговаривал, никогда не видел и не слышал о них.

Вольф вновь вступит в свой родной мир и даст ему еще один шанс. Если он сочтет, что его преимущества перевалывают достоинства планеты-Сада, то он останется там. Или, наверно, он сможет путешествовать туда-сюда и таким образом получит

самое наилучшее из обоих. А когда устанет от одного, то устроит себе каникулы в другом.

По дороге он на минутку остановился по приглашению Эликопиды выпить и поболтать. Эликопида, чье имя означало "Яркоглазая", была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Она была ближе к "нормальному" существу, чем все, кого он пока что встречал. Если бы не темно-пурпурные волосы, то она, надлежащим образом одетая, привлекала бы к себе на Земле больше внимания, чем то, какого обычно удостаивается женщина превосходной красоты.

Вдобавок она была одной из очень немногих, кто мог поддерживать стоящий разговор. Она не считала, что разговор состоит из безудержной болтовни или громкого, беспричинного смеха и игнорирования слов тех, кто предположительно с ней общался. Вольф испытывал отвращение и депрессию, обнаружив, что большинство пляжников или лесников предпочитали всем видам беседы монолог, как бы горячо они, казалось, ни говорили и как бы общительны они ни были.

Эликопида была иной, наверно, потому, что не принадлежала ни к какой "группе", хотя было более вероятным, что причина совсем иная. В этом мире вдоль моря туземцы, не владея даже технологией австралийских аборигенов и не нуждаясь в ней, развили крайне сложные общественные отношения. Каждая группа имела определенные участки пляжа и леса с различными уровнями престижа. Каждый был способен подробно разъяснять — и любил это делать — свое горизонтально-вертикальное положение по сравнению со всеми личностями в группе, численность которой обычно приближалась к тридцати. Они могли пересказать по памяти споры, примирения, достоинства и недостатки характера, атлетическую мощь или отсутствие таковой, ловкость во множестве их детских игр и оценить сексуальные способности каждого и каждой.

Эликопида обладала чувством юмора столь же ярким, как ее глаза, но она также обладала и некоторой чувствительностью.

Сегодня ей была присуща особая привлекательность. Она украсила себя небольшим зеркалом, установленным в золотом обруче, инкрустированном бриллиантами. Оно было одним из немногих виденных им здесь предметов материальной культуры.

— Где ты его достала? — спросил он.

— О, мне его подарил Господь, — ответила Эликопида. — Некогда, давным-давно, я была одной из его фавориток. Когда бы он ни спускался сюда в гости с вершины мира, он проводил много времени со мной. Мы с Хрисендой были единственными,

кого он любил больше всех. Поверишь ли, другие все еще ненавидят нас за это. Вот почему я такая одинокая — ведь от пребывания с другими мало пользы.

— И как же выглядел Господь?

Она засмеялась и сказала:

— Ниже шеи он выглядел во многом так же, как любой высокий, хорошо сложенный мужчина, вроде тебя.

Она обняла его одной рукой за шею и принялась целовать в щеку. Ее губы медленно перебирались к его уху.

— А его лицо? — с усилием воли проговорил Вольф.

— Не знаю. Я могла его коснуться, но не могла видеть. Меня ослепляло исходившее от него излучение. Когда он приближался ко мне, мне приходилось закрывать глаза, таким оно было ярким.

Она закрыла Вольфу рот своими поцелуями, и вскоре он позабыл о своих вопросах. Но когда она лежала рядом с ним в полутьме на мягкой траве, он поднял зеркало и посмотрелся в него. Сердце его распахнулось от восторга. Он выглядел таким же, как тогда, когда ему было двадцать пять. Он это знал, но до настоящей минуты был не в состоянии осознать.

"А если я вернусь на Землю, то состарюсь ли я столь же быстро, как вновь обрел свою юность?"

Он поднялся и некоторое время простоял в задумчивости.

Затем он произнес:

— Да кого я, собственно, обманываю? Я не собираюсь возвращаться.

— Если ты сейчас покинешь меня, — сонно проговорила Эликопида, — то поищи Хрисанду. С ней что-то случилось. Она убегает всякий раз, когда к ней кто-нибудь приближается. Даже я, ее единственная подруга, не могу к ней подступиться. Она тебе понравится. Она не похожа на других. Она похожа на меня.

— Ладно, — рассеянно ответил Вольф, — поищу.

Он шел, пока не остался совсем один. Даже если он не намеревался воспользоваться воротами, через которые он прошел, он хотел хотя бы поэкспериментировать с рогом. Наверное, тут имелись и другие врата. Возможно, что врата открывались в любом месте, где трубили в рог.

Дерево, под которым он остановился, было одним из многочисленных рогов изобилия. Оно было высотой в двести футов, тридцати футов толщиной, имело гладкую, почти маслянистую, лазурную кору, ветви толщиной в его бедро и длиной примерно в шестьдесят футов. Ветви были лишены прутьев и листьев.

На конце каждой из них имелся цветок с твердой скорлупой, восьми футов в длину. Его форма была точь-в-точь как у рога изобилия.

Из рогов изобилия на землю лились непрерывные струйки "шоколада". На вкус продукт этот походил на мед с очень легким привкусом табака — курьезная смесь, и все же она ему нравилась. Все лесные создания ели его.

Под деревом рога изобилия он протрубил в рог. Никаких "врат" не появилось. Он попробовал вновь, отойдя на сто ярдов, но без успеха. Он решил, что, значит, рог действовал только в определенных районах, наверно, только в том месте у поганковидного валуна.

Затем он увидел уголком глаза голову девушки, которая высовывалась из-за дерева в тот первый раз, когда открылись врата. У нее было то же самое овальное лицо, огромные глаза, полные алые губы и длинные, в тигровую полосу, черно-коричневые волосы.

Он приветствовал ее, но она стремглав убежала. Тело у нее было прекрасным, а ноги — самыми длинными, какие он когда-либо видел у женщин. Более того, она была стройней, чем другие, слишком фигуристые и большегрудые женщины этого мира.

Вольф погнался за ней. Девушка бросила взгляд через плечо, издала крик отчаяния и продолжала бежать. Тут он чуть не остановился, так как не видел такой реакции ни у кого из туземцев. Первоначальное отступление — да, но не чистая паника и предельный страх.

Девушка бежала, пока не смогла больше удирать. С рыданием хватая воздух открытым ртом, она прислонилась к мшистому валуну поблизости от маленького водопада. Ее окружали желтые цветы в форме вопросительных знаков по голень высотой. На вершине валуна стояла и, моргая, смотрела на них птица с совьими глазами, перьями-штопорами и длинными, согнутыми вперед ногами. Она издавала тихие крики:

— Ви-ви-ви!

Приближаясь медленно и с улыбкой, Вольф проговорил:

— Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Я просто хочу поговорить с тобой.

Девушка показала трясущимся пальцем на рог и дрожащим голосом произнесла:

— Где ты его взял?

— Я получил его от человека, назвавшегося Кикахой. Ты его видела? Ты знаешь его?

Огромные глаза девушки были темно-зелеными. Он счел их самыми прекрасными из всех, что он когда-либо видел. И это несмотря на кошачьи зрачки, а может быть, именно из-за них.

Она покачала головой.

— Нет. Я не знала его. Я впервые увидела его, когда эти существа загнали его на валун.

Она сглотнула и побледнела и выглядела так, словно ее вот-вот стошнит.

— Я видела, как они стащили его с валуна и увели с собой.

— Значит, его не прикончили? — спросил Вольф.

Она не сказала "убили", "зарезали" или "умертвили", так как эти слова были табу.

— Нет. Наверное, эти существа собирались сделать даже худшее, чем прикончить его.

— А зачем убегать от меня? — Вольф недоумевал. — Я же не одно из этих существ.

— Я не могу об этом говорить.

Вольф подумал о ее нежелании говорить о неприятном. В жизни этих людей было так мало отталкивающих или опасных явлений, что они не желали сталкиваться с ними лишний раз, они желали только легкого и прекрасного.

— Мне наплевать, хочешь ты говорить или нет, — бросил он. — Ты должна. Это очень важно.

Она отвернула лицо.

— Не буду.

— В какую сторону они направились?

— Кто?

— Эти чудища и Кикаха.

— Я слышала, как он называл их гворлами, — сказала она. — Я никогда раньше не слышала этого слова. Они, гворлы, должно быть, пришли откуда-то оттуда.

Она показала в сторону моря и вверх.

— Они, должно быть, спустились с горы. Откуда-то оттуда.

Она вдруг повернулась и подошла близко к нему. Ее огромные глаза поднялись к его лицу, и даже в этот момент он не мог не подумать, какими прелестными были черты ее лица и какой гладкой и кремовой кожа.

— Давай скроемся отсюда! — воскликнула она. — Далеко! Эти существа все еще здесь. Может, некоторые из них и забрали Кикаху, но не все они ушли. Я видела пару несколько дней назад. Они прятались в дупле дерева. Глаза их горели, как у зверей, и они издают ужасный запах, словно сгнивший заплесневелый плод.

Она положила руку на рог.

— Я думаю, они хотят заполучить его!

— А я трубил в рог, — произнес Вольф. — Если они где-то поблизости, должны были услышать!

Он огляделся сквозь деревья. Примерно в сотне ярдов за кустом что-то блеснуло.

Он не сводил глаз с куста и увидел, что куст дрожит. Снова появился отблеск солнечного света. Он взял узкую ладонь девушки в свою руку и проговорил:

— Пошли. Но иди так, словно мы ничего не видели. Будь беспечной.

Она протянула руку и спросила:

— Что случилось?

— Не впадай в истерику. По-моему, я что-то увидел за кустом. Может, там и нет ничего, а впрочем, опять же, возможно, это гворлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь!

Он сказал это слишком поздно, потому что она дернула головой, обернувшись. Она охнула и прижалась к нему.

— Они!

Вольф посмотрел в том направлении, куда указывал ее дрожащий палец, и увидел две темные приземистые фигуры, неуклюже выбиравшиеся из-за куста. Каждый держал в руке длинный широкий, изогнутый стальной клинок. Они размахивали ножами и что-то громко кричали хриплыми, резавшими слух голосами. На темных мохнатых телах не было никакой одежды, кроме широких поясов на талиях, поддерживавших ножны, из которых торчали рукоятки ножей.

— Без паники, — предупредил Вольф, — я не думаю, что они могут очень быстро бегать на таких коротких кривых ногах. Где есть хорошее место, куда бы можно было скрыться от них, куда бы они не смогли последовать за нами?

— За морем, — ответила она.

Голос ее дрожал.

— Я не думаю, что они смогут нас найти, если мы достаточно опередим их. Мы можем переправиться на гистоихтис.

Она рассчитывала на одного из огромных моллюсков, которыми изобиловало море. Тела у них были покрыты тонкими, как бумага, но прочными раковинами, формой напоминающими корпус гоночной яхты. Из спины каждого вертикально выступал тонкий, но прочный хрящеватый штырь, а из этой хрящевой мачты рос треугольный парус из кожи, настолько тонкой, что та просвечивала насквозь. Угол наклона паруса, управлявшегося движением мускулов, и напор ветра на парус, плюс выбрасывание вверх струи воды делали это существо способным быстро двигаться при ветре или штиле. Русалки и разумные существа, жившие на пляже, часто пользовались случаем прокатиться на них, меняя давление на открытые нервные центры.

— Ты думаешь, что гворлам придется воспользоваться лодкой?

Он понял ее.

— Если так, то им не повезло, коль они ее сами не сделают. Я здесь ни разу не видел никакого морского судна.

Вольф часто оглядывался. Гворлы подходили скорым шагом, тела их качались на каждом шагу, как у пьяных матросов. Вольф и девушка подошли к ручью примерно в семьдесят футов шириной и доходившем в самом глубоком месте им до пояса. Вода была прохладной, но не леденящей, чистая, с мелькавшими туда-сюда серебряными рыбами. Когда они добрались до другого берега, то спрятались за большим деревом рога изобилия. Девушка звала его продолжать бегство, но он отказался.

— У нас будет преимущество, когда они окажутся посередине ручья.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Он не ответил. Положив рог за деревом, он огляделся кругом, пока не нашел камень. Тот был размером с половину его головы, округлый и достаточно шершавый, чтобы твердо держать его в руке. Он поднял и взвесил в руке один из опавших рогов изобилия.

Хоть и огромный, он был полым и весил не больше двадцати футов. К тому времени двое гворлов оказались на противоположном берегу ручья. Вот тогда-то он и открыл слабость этих отвратительных тварей. Они ходили взад-вперед вдоль берега, в ярости потрясая ножами, и так громко рычали на своем горластом языке, что он мог слышать их из своего укрытия.

Наконец один из них сунул в воду широкую скошенную стопу. Он почти сразу выдернул ее, затряс ею, как трясет мокрой лапой кошка, и что-то сказал другому гворлу. Тот что-то проскрежетал в ответ, а затем наорал на него.

Гворл с мокрой ногой проорал ответ, но шагнул в воду и неохотно принялся переходить ручей вброд. Вольф понаблюдал за ним и заметил, что другой собирался болтаться позади, пока его спутник не завершит свое путешествие.

Вольф подождал, пока тварь не пройдет середину ручья, затем взял в одну руку рог изобилия, в другую — камень и побежал к ручью. Позади него девушка пронзительно вскрикнула.

Вольф выругался, потому что таким образом она предупредила гворла о его приближении.

Гворл остановился по пояс в воде, заорал на Вольфа и стал размахивать ножом. Вольф поберег дыхание, так как не хотел зря запыхаться. Он мчался к краю воды, в то время как гворл возобновил свое продвижение к берегу. Гворл на противоположной стороне замер при появлении Вольфа, потом кинулся в ручей помочь собрату. Это совпадало с планами Вольфа. Он

только надеялся, что сможет разделаться с первым прежде, чем второй доберется до середины ручья.

Ближайший гворл метнул нож.

Вольф поднял перед собой рог изобилия.

Нож ударился в его тонкую, но прочную скорлупу с такой силой, что Вольф чуть не выронил его из рук. Гворл начал вытаскивать из ножен второй нож.

Вольф не остановился, чтобы вытащить нож из рога изобилия. Он продолжал бежать, как раз когда гворл поднял второй нож, чтобы резануть Вольфа. Вольф выронил камень, высоко поднял большой колоколообразный рог и стукнул им гворла по башке.

Из-под скорлупы раздался приглушенный вопль. Рог изобилия упал, а Вольф опрокинулся вместе с гворлом, и оба поплыли вниз по течению. Вольф выбежал из воды, подобрал камень и схватил гворла за одну из барахтавшихся ног.

Он бросил поспешный взгляд на другого и увидел, что тот поднял нож для броска. Вольф схватился за рукоять ножа, воткнувшегося в скорлупу, вырвал его, а затем бросился в укрытие за колоколообразным рогом. Он вынужден был выпустить волосатую ногу гворла, но зато избежал ножа. Тот пролетел над краем скорлупы и зарылся по рукоять в глину берега.

В то же время гворл, накрытый рогом изобилия, выскользнул, отплевываясь. Вольф пырнул его в бок. Нож соскользнул с одного из хрящевых бугров. Гворл завизжал и повернулся к нему. Вольф поднялся и изо всех сил ткнул его ножом в брюхо.

Нож вошел по рукоять. Гворл схватился за него. Вольф шагнул назад. Гворл упал в воду. Рог изобилия уже уплыл, оставив Вольфа без прикрытия, без ножа и только с камнем в руке.

Оставшийся гворл наступал на него, держа нож у груди. Он явно не собирался попытать счастья во втором броске.

Он намеревался вступить с Вольфом в ближний бой.

Вольф заставил себя держаться, пока существо не оказалось всего лишь в десяти футах от него. В то же время он пригнулся так, чтобы вода доходила ему до груди и спрятала камень, который он переложил из левой руки в правую. Теперь он мог ясно видеть лицо гворла. У того был очень низкий лоб, двойной карниз кости над глазами, густые мшистые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей, тонкие черные звериные зубы, выдающаяся челюсть, выгибавшаяся далеко вперед и придававшая рту лягушачий вид. У него не оказалось никакого подбородка, и острые, широко разделенные зубы плотоядного животного торчали во все стороны.

Голова, лицо и тело были покрыты длинным, густым, темным мехом.

Шея была очень толстая, а плечи — сутулыми. Его мокрый мех вонял, как гнилой заплесневелый плод.

Отвратительный вид существа испугал Вольфа, но он удержался на месте.

Если он сломается и побежит, то свалится с ножом в спине.

Когда гворл, попеременно шипя и скрежеща на своем отталкивающем наречии, оказался в пределах шести футов, Вольф выпрямился. Он поднял камень, а гворл, видя его намерение, поднял для броска нож. Камень полетел прямо и стукнулся о бугор на лбу. Существо качнулось назад, выронило нож и упало спиной в воду. Вольф подошел к нему, поискал на ощупь в воде камень, нашел его и поднялся из воды как раз во время, чтобы столкнуться с гворлом лицом к лицу. Хотя у того был оглушенный вид, а глаза — слегка скошены, он вовсе не собирался прекращать драку.

Вольф высоко поднял камень и обрушил его на макушку черепа. Раздался громкий треск. Гворл снова упал на спину, исчез под водой и появился в нескольких ярдах ниже по ручью. Он плыл, держа лицо в воде.

Вольфа охватило оцепенение. Сердце его молотило так сильно, что ему думалось, оно разорвется. Его всего трясло и тошнило. Но он помнил про воткнувшийся в глину нож и вытащил его.

Девушка все еще стояла за деревом. Она выглядела слишком испуганной, чтобы говорить. Вольф подобрал рог, взял девушку за руку и грубо встряхнул ее.

— Выскакивай из этого столбняка! Подумай, как тебе повезло! Ты могла бы умереть вместо них!

Она разразилась долгим воем, а потом начала плакать. Он подождал, пока в ней, казалось, не осталось больше горя, потом он заговорил:

— Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза раскраснелись, а лицо выглядело старше. Но Вольф подумал, что не видел землянки, которая могла бы с ней сравниться по красоте.

Ее красота заставила померкнуть ужас схватки.

— Я — Хрисенда, — представилась она.

Словно гордясь этим, но в то же время робея от своей гордости, она сказала:

— Я здесь единственная женщина, которой позволено носить это имя. Господь запретил другим принимать его.

— Снова Господь, — проворчал он. — Всегда Господь. Кто такой Господь, черт побери?

— Неужели ты действительно не знаешь? — ответила она, словно не могла этому поверить.

— Да, не знаю.

Он с минуту помолчал, а затем произнес ее имя, словно пробуя его на вкус.

— Хрисенда, а? Оно небезызвестно на Земле, хотя боюсь, что университет, где я преподавал, полон неграмотных, никогда не слышавших этого имени. Они знают, что Гомер сочинил "Илиаду", и это примерно все.

"Хрисенда, дочь Хриса, жреца Аполлона. Она была захвачена греками в плен во время осады Трои и отдана Агамемнону. Но Агамемнона вынудили вернуть ее отцу из-за насланной Аполлоном бубонной чумы".

Хрисенда молчала так долго, что Вольф почувствовал нетерпение. Он решил, что им следует убираться из этого места, но не был уверен, какое выбрать направление и как далеко идти.

Хрисенда, нахмурившись, произнесла:

— Это же было давным-давно. Я едва могу вспомнить про это. Все это теперь так смутно.

— О чем ты говоришь?

— О себе, о моем отце. Агамемноне, о войне.

— Ну, и что насчет них?

Он решил, что хотел бы отправиться к подножию гор. Там он может получить некоторое представление о том, что может последовать за восхождением.

— Я — Хрисенда, — проговорила она, — та самая, о которой ты говорил. Ты высказывался так, словно только что явился с Земли. Ах, скажи мне, это правда?

Он вздохнул. Эти люди не лгали, но ничто не мешало верить, что их россказни были правдой. Он слышал достаточно невероятных вещей, чтобы знать, что они были не только абсолютно неверно информированы, но и, вероятно, реконструировали прошлое на свой вкус. Делали они, конечно, это со всей искренностью.

— Я не хочу разбивать мир твоих маленьких грез, — объяснил он, — но та Хрисенда, если она когда-нибудь существовала, умерла по меньшей мере три тысячи лет назад. Более того, она была человеческим существом. У нее не было волос в тигровую полосу и глаз с кошачьими зрачками.

— И у меня не было... тогда. Это Господь похитил меня, привез в эту вселенную и изменил мое тело точно так же, как он похитил других, изменил их или же вставил их мозги в созданные им тела.

Она показала в сторону моря и ввысь.

— Он живет теперь там, и мы не очень часто видим его. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез, и его место занял новый Господь.

— Давай-ка уберемся отсюда, — предложил он. — Мы можем побеседовать об этом позже.

Они прошли всего лишь четверть мили, когда Хрисенда жестом велела ему спрятаться за густым кустом с пурпурными ветвями и золотыми листьями. Он пригнулся рядом с ней и, раздвинув немного ветки, увидел, что ее встревожило. В нескольких ярдах от них стоял волосатоногий человек с тяжелыми бараньими рогами на макушке головы, а на низкой ветке на уровне его глаз сидел гигантский ворон.

Он был таким же крупным, как золотой орел, и у него был высокий лоб. Череп выглядел так, словно его мозг не превышал размеров мозга фокстерьера.

Массивность ворона не удивила Вольфа, так как он повидал немало громадных существ. Но он был потрясен, обнаружив, что птица и человек беседовали.

— Око Господне, — прошептала Хрисенда.

В ответ на его озадаченный взгляд она ткнула пальцем в ворона.

— Это один из шпионов Господа. Они летают над миром и смотрят, что происходит, а потом приносят новости Господу.

Вольф вспомнил об искреннем замечании Хрисенды о том, что Господь помещает мозг в новые тела. На его вопрос Хрисенда ответила:

— Да, но я не знаю, вставил ли он человеческие мозги в головы воронов. Он мог создать маленькие мозги по образцу больших человеческих, а затем обучить воронов. Или он сумел использовать только часть человеческого мозга.

К несчастью, хоть они и напрягали слух, им удалось уловить только несколько отдельных слов. Прошло несколько минут. Ворон, громко прокаркав "прощай" на искаженном, но понятном древнегреческом, сорвался с ветки. Он начал тяжело падать, но его громадные крылья быстро забились о воздух и унесли его вверх прежде, чем он коснулся земли.

Через минуту ворон пропал за частой листвой деревьев. Немного позже Вольф уловил, как он промелькнул через разрыв в растительности. Гигантская черная птица медленно набирала высоту. Ворон устремился к горе за морем.

Вольф заметил, что Хрисенда вся дрожит, и спросил:

— Что может ворон рассказать такого Господу, чего ты так испугалась?

— Я боюсь не столько за себя, сколько за тебя. Если Господь обнаружит, что ты здесь, он захочет убить тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире.

Она положила руку на рог и снова затрепетала.

— Я знаю, что его дал тебе Кикаха и что ты не можешь не владеть им. Но Господь этого не знает, нет твоей вины. Или, даже если он знает, ему может быть все равно. Он ужасно разгневается, если подумает, что ты имел какое-то отношение к похищению рога. Он сделает с тобой страшные вещи. Тебе лучше прикончить себя сейчас, чем дожидаться, когда ты попадешь в руки Господа.

— Кикаха похитил рог? Откуда ты знаешь?

— О, поверь мне, я знаю. Рог — Господа. Кикаха должен был похитить его, потому что Господь никогда бы никому его не отдал.

— Я сбит с толку, — признался Вольф. — Но, может быть, в один прекрасный день мы сумеем все уладить. Что меня беспокоит, так это где Кикаха?

Хрисенда показала на гору и сказала:

— Гворлы взяли его туда. Но прежде чем они увели его...

Она закрыла лицо руками.

— Они сделали что-то с...

Вольф отнял руки от ее лица.

— Если ты не можешь об этом рассказать, то, может, покажешь?

— Я не могу. Это слишком ужасно. Мне дурно.

— Все равно покажи мне.

— Я отведу тебя к тому месту. Но не проси меня смотреть на нее снова.

Она пошла, и он последовал за ней. Время от времени она останавливалась, но он мягко побуждал ее идти дальше.

После зигзагообразной дороги длиною в полумилю она остановилась.

Перед ними виднелся маленький лес из кустов вдвое выше Вольфа. Листья ветвей одного куста переплетались с листьями соседних. Листья светло-зеленые, с широкими красными прожилками, напоминали формой слоновые уши, они оканчивались ржавыми цветками лилий.

— Она — там, — показала Хрисенда. — Я видела, как гворлы поймали ее и уволокли в эти кусты. Я пошла следом. Я...

Она не могла больше говорить.

Вольф с ножом в руке раздвинул ветви кустов. Он оказался на естественной поляне. Посередине ее на короткой траве лежали разбросанные кости женщины-человека. Кости были

серыми и носили следы мелких зубов, по которым он понял, что до нее добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытал ужаса, но мог себе представить, что должна была почувствовать Хрисенда. Она увидела, вероятно, что здесь кого-то изнасиловали, а потом убили.

Она прореагировала, как и все другие обитатели Сада.

Смерть была чем-то столь ужасным, что обозначающее ее слово давным-давно стало табу, а потом выпало из языка.

Здесь нельзя было иметь ничего, кроме приятных мыслей и действий и от всего прочего нужно было отгораживаться.

Вольф вернулся к Хрисенде, смотревшей на него огромными глазами, словно хотела, чтобы он сказал ей, что на поляне ничего нет. Он же проговорил:

— Она теперь — всего лишь кости и ее давно покинули любые страдания.

— Гворлы поплатятся за это! — в ярости бросила она. — Господь не позволяет причинять вред его созданиям! Это его Сад, и все вторгшиеся сюда наказываются!

— Вот и хорошо, — сказал он. — Я уж начал думать, что ты могла умереть от шока. Ненавидь гворлов, сколько угодно: они этого заслуживают. А тебе нужно порвать путы внутри себя.

Она завизжала и прыгнула на него, колотя по груди кулаками. Затем она принялась плакать, и вскоре он заключил ее в объятия. Он поднял ее лицо и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, хотя из глаз ее все еще лились слезы.

После она объяснила:

— Я побежала на пляж рассказать о том, что видела, моему народу. Но они не слушали. Они поворачивались ко мне спиной и притворялись, будто не слышат меня. Я продолжала пытаться заставить их выслушать, но Овисандр — человек с бараньими рогами, беседовавший с вороном, ударил меня кулаком и велел убираться вон. После этого никто из них не станет иметь со мной никаких дел. А я... Мне нужны друзья и любовь.

— Ты не добьешься ни дружбы, ни любви, сообщая людям то, чего они не хотят слышать, — сказал Вольф. — Ни здесь, ни на Земле. Но у тебя есть я, Хрисенда, а у меня есть ты. По-моему, я по-тихому влюбляюсь в тебя, хотя, может, просто это влияние одиночества и самая странная красота, когда-либо виденная мною. И моя новая юность.

Он сел и показал на гору.

— Если гворлы вторглись сюда, то откуда они явились? Почему они охотятся за рогом? Почему они забрали с собой Кикаху? Кто такой Кикаха?

— Он тоже приплыл оттуда. Но я думаю, что он — землянин.

— Что значит землянин? Ты же говоришь, что и ты с Земли.

— Я имею в виду, что он — новоприбывший. Я не знаю. У меня просто было такое чувство, что он здесь недавно.

Он встал и приподнял ее, взяв на руки.

— Давай отправимся за ним.

Хрисенда втянула в себя воздух и, положив руку на грудь, отпрянула от него.

— Нет!

— Хрисенда, я мог бы остаться здесь с тобой и быть очень счастлив какое-то время. Но я всегда гадал бы, что значат все эти слова насчет Господа и что случилось с Кикахой. Я видел его всего несколько секунд, но думаю, что он мне очень понравился. Кроме того, он бросил мне рог не просто потому, что мне случилось оказаться там. У меня есть предчувствие, что он сделал это по веской причине, и мне следует выяснить, по какой. Я не могу успокоиться, пока он в руках этих тварей, гворлов.

Он отнял руку от груди и поцеловал ладонь.

— Тебе самое время покинуть этот Рай, который вовсе не Рай. Ты не можешь вечно оставаться здесь, вечно быть ребенком.

Она покачала головой.

— От меня тебе не будет никакой помощи. Я просто встану у тебя на пути. И покинув... Я, ну я просто перестану существовать.

— Тебе придется научиться новому словарю, — сказал он. — Смерть будет только одним из многих новых слов, которые ты сможешь произнести без дальнейших раздумий или дрожи. Благодаря этому ты станешь лучшей женщиной. Отказ признать название явления не помешает, знаешь ли, ему происходить. Кости твоей подруги находятся недалеко, можешь ты говорить об этом или нет.

— Это ужасно!

— Истина часто бывает такой.

Вольф отвернулся от нее и двинулся к пляжу. Через сто ярдов он остановился и оглянулся. Хрисенда как раз побежала следом за ним. Он дождался ее, заключил в объятия, поцеловал и сказал:

— Ты можешь обнаружить, что идти трудно, Хрисенда, но скучать ты не будешь, и тебе не придется напиваться до столбняка, чтобы вынести эту жизнь.

— Надеюсь, что так, — произнесла она тихим голосом. — Но я боюсь.

— Я тоже, но мы пойдем.

Глава IV

Он взял ее за руку, и они пошли бок о бок к реву прибоя.

Они прошли не больше ста ярдов, когда Вольф увидел первого гворла. Тот шагнул из-за дерева и, казалось, столь же удивился, как и они. Он закричал, выхватил нож, а затем повернулся позвать других. Через несколько секунд образовался отряд из семи гворлов, и каждый держал длинный кривой нож.

Вольф и Хрисенда оторвались от гворлов ярдов на пятьдесят.

Все еще держа Хрисенду за руку, а в другой руке — рог, Вольф бежал все быстрее.

— Не знаю! — в отчаянии прокричала она. — Мы могли бы спрятаться в дупле дерева, но окажемся в западне, если они нас найдут.

Они побежали дальше. Время от времени Вольф оглядывался. Кустарник здесь был густой и скрывал некоторых гворлов, но один-два всегда были видны.

— Валун! — воскликнул он. — Он как раз впереди. Мы воспользуемся этим выходом.

Он вдруг понял, как сильно ему не хотелось возвращаться в свой родной мир. Даже если это означало дорогу к спасению и временное укрытие, он не хотел туда, на Землю. Перспектива застрять там и оказаться не в состоянии возвратиться сюда казалась такой ужасной, что он чуть было не отказался от мысли протрубить в рог, но был вынужден это сделать. Куда же ему еще деваться?

Но спустя несколько минут Вольф понял, что ничего не получится. Когда они с Хрисендой мчались к валуну, Вольф увидел несколько темных фигур, сгорбившихся у его подножия. Они поднялись, и выяснилось, что это гворлы со сверкающими ножами и длинными белыми клыками.

Вольфу и Хрисенде удалось увернуться от этих троих, хотя они и оказались ближе всех к беглецам, всего ярдах в двадцати. Тройка гворлов присоединилась к остальной погоне.

— Неужели ты не знаешь никакого места? — выдохнул Вольф на бегу.

— За краем, — ответила она. — Это единственное место, куда они не смогут за нами последовать. Я бывала ниже грани. Там есть пещеры. Но это опасно.

Он не ответил, сберегая дыхание для бега. Он ощущал тяжесть в ногах, а легкие и горло горели. Хрисенда, казалось, находилась в лучшей форме, чем он. Она бежала легко, ее длинные ноги ритмично поднимались и опускались, и дышала она глубоко, без мучительных усилий.

— Еще две минуты, и мы там, — сообщила она.

Две минуты показались очень длинными, но каждый раз, когда он чувствовал, что вот-вот остановится, он бросал взгляд назад и возобновлял бег. Гворлы, хоть они и отстали еще больше, были по-прежнему видны. Они качались на своих коротких прямых ногах, и на их бугристых лицах была написана решимость.

— Может, если ты отдашь им рог, — предположила Хрисенда, — они уберутся? Я думаю, им нужен рог, а не мы.

— Я сделаю это, если буду вынужден, — выдохнул он, — но только в качестве последнего средства.

Внезапно они побежали вверх по пологому склону. Теперь его ноги отяжелели еще больше, но Вольф обрел второе дыхание и думал, что сможет пробежать еще какое-то время.

Затем они выбежали на вершину холма, а потом на край утеса.

Хрисенда не позволила ему бежать дальше. Она подошла к краю, остановилась, посмотрела вниз и жестом подозвала его. Когда он оказался рядом с ней, он тоже взглянул вниз.

Желудок у него сжался, как кулак.

Утес, состоявший из твердой, черной, блестящей скалы, шел несколько миль отвесно вниз. Затем — ничего, кроме зеленого неба.

— Так, значит, это край Света! — произнес он.

Хрисенда не ответила ему. Она двигалась впереди него, заглядывая за край утеса. Время от времени она ненадолго останавливалась изучить край.

— Еще около шестидесяти ярдов, — сказала она. — За теми деревьями, которые растут прямо на краю.

Она быстро побежала, а он не отставал от нее. В это же время один гворл вырвался из кустов, росших по внутренней грани холма. Он обернулся и крикнул, явно уведомляя своих собратьев, что нашел добычу, а затем атаковал, не дожидаясь собратьев.

Вольф побежал к гворлу. Увидев, что тварь подняла нож для броска, он швырнул в него рог. Это захватило гворла врасплох, или, наверное, вращающийся рог заблестел у него в глазах солнечным светом. Какой бы ни была причина, но гворл заколебался, и это позволило Вольфу выиграть несколько секунд. Он налетел на него, когда гворл пригнулся и протянул руку к рогу. Огромные волосатые пальцы обвились вокруг рога, тварь издала скрежещущий звук восторга, и Вольф набросился на него. Он ткнул ножом в выпиравшее брюхо. Гворл поднял собственный нож, два клинка лязгнули.

Промахнувшись при первом ударе, Вольф хотел было снова бежать. Эта тварь, несомненно, владела искусством боя на но-

жах. Вольф неплохо фехтовал и никогда не переставал тренироваться, но была небольшая разница между поединками на рапирах и грязной поножовщиной без всяких правил, и Вольф знал это. И все же он не мог убегать. Гворл свалит его, метнув нож в спину, прежде чем он успеет сделать еще четыре шага. Кроме того, существовал еще и рог, стиснутый в бугристом левом кулаке гворла. Вольф не мог его оставить.

Гворл, понимая, что Вольф оказался в очень неприятной ситуации, оскалился. Сверкнули его длинные, мокрые, желтые и острые клыки. Вольф подумал, что с ними эта тварь не нуждается в ноже.

Мимо Вольфа пронеслось что-то золотисто-коричневое, с развевавшимися волосами в черно-каштановую полосу.

Глаза гворла расширились, и он повернулся налево. Утолщенный конец шеста, длинной палки, лишенной листьев и части коры, врезался гворлу в грудь. Шест метнула Хрисенда. Она бежала во весь дух, держа сухой сук, словно шест, потом прыгнула, но как раз перед столкновением она опустила палку, и та ударила чудовище достаточно тяжело, чтобы опрокинуть его на спину. Рог выпал из его кулака, но в другом остался нож.

Вольф прыгнул вперед и воткнул конец своего ножа между двух хрящевых бугров на толстой шее гворла. Мускулы там были толстыми и сильными, но не настолько, чтобы воспрепятствовать лезвию ножа.

Нож застрял в горле гворла и перерезал трахею.

Вольф вручил Хрисенде нож гворла.

— Вот, возьми его!

Она приняла его, но, казалось, пребывала в шоке. Вольф надавал ей оплеух, пока ее глаза не перестали быть стеклянными.

— Ты действовала отлично! — приободрил он ее. — Кого бы ты предпочла увидеть мертвым, его или меня?

Он снял с трупа пояс и надел его на себя. Теперь у них было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в ножны, поднял рог, взял Хрисенду за руку, и они снова пустились бежать. Позади них поднялся вой. Вскоре первые из гворлов перевалили за край холма. Однако Вольф и Хрисенда имели фору в тридцать ярдов, которую они и сохраняли, пока не добрались до группы росших на грани деревьев. Хрисенда вышла вперед.

Она опустилась на грань лицом вниз и перекатилась через нее. Вольф посмотрел разок, прежде чем слепо последовать за ней. Девушка уже опустила ногу на этот карниз и теперь висела на руках. Она снова перевалилась, на этот раз на еще более узкий карниз. Но и это был не конец. Карниз тянулся под углом в сорок пять градусов вниз по поверхности утеса. Они могли

воспользоваться им, если смогут встать лицом к каменной стене и будут двигаться боком, раскинув руки.

Вольф заткнул рог туже за пояс и раскинул руки.

Сверху раздался вой. Вольф поднял голову и увидел первого из гворлов, оказавшегося на верхнем карнизе. Затем он оглянулся на Хрисенду и чуть не упал от потрясения. Хрисенда исчезла.

Вольф медленно повернул голову и посмотрел через плечо вниз. Он ожидал увидеть девушку, падающую вниз по поверхности утеса.

— Вольф! — окликнула она.

Голова ее высовывалась из самого утеса.

— Здесь есть пещера. Спеши.

Дрожа и потея, он дюйм за дюймом пробирался к ней по карнизу и вскоре оказался внутри отверстия. Потолок пещеры был на несколько футов выше его головы. Вытянув руки в стороны, он мог почти коснуться ладонями стен. Внутренняя часть уходила в темноту.

— Насколько далеко она тянется?

— Не очень далеко, но тут есть естественная шахта, изъян в скале, ведущая вниз. Она выходит на дно мира, ниже ничего нет, кроме воздуха и неба.

— Этого не может быть, — медленно произнес он, — но это есть. Вселенная, основанная на совершенно иных физических принципах, чем принципы моей вселенной. Плоская планета с краями. Но я не понимаю, как здесь действует гравитация. Где ее центр?

Она пожала плечами и ответила:

— Может, Господь и рассказывал мне давным-давно, но я забыла. Я даже забыла, что он рассказывал мне, будто Земля — круглая.

Вольф снял кожаный пояс, выдернул из него ножны и поднял овальный черный камень, весивший примерно десять фунтов. Он просунул ремень через пряжку, а затем поместил камень внутри петли. Проткнув острием ножа дырку поблизости от пряжки, он затянул петлю. Ему потребовалось всего лишь застегнуть пряжку ремня, и он был вооружен плетью, на конце которой был тяжелый камень.

— Встань позади и сбоку от меня, — велел он ей. — Если я промахнусь, если кто проскочит мимо меня, толкай его, пока он не обрел равновесия, но не свались сама. Как ты думаешь, ты сможешь с этим справиться?

Она кивнула, но явно боялась произнести это вслух.

— Это потребует от тебя многого. Я бы понял, если бы ты полностью сломалась. Но в основном ты сделана из крепкой

древнеэллинской породы. В те дни люди были весьма жестокими. Ты не могла потерять всех сил даже в этом омертвляющем псевдо-Раю.

— Я была не ахейка, — поправила она его. — Я из сминтейцев. Но ты, в некотором смысле, прав. Я чувствую себя не так плохо, как мне думалось. Только...

— Только к этому требуется привыкнуть, — закончил он за нее.

Он воодушевился, так как ожидал иной реакции. Если она сумеет продержаться, то, может, они вдвоем выпутаются. Но если она расклеится и ему придется утихомиривать истеричную женщину, то могут оба пасть под атакой гворлов.

— А вот, кстати, и они, — пробормотал он.

Он увидел, как черные, волосатые, бугристые пальцы выскользнули из-за угла пещеры. Он с силой взмахнул ремнем, так что камень на его конце раздробил руку. Раздался рев удивления и боли, затем долгий завывающий вопль, пока гворл падал.

Вольф не стал дожидаться появления следующего. Он подобрался ближе к краю пещеры и снова взмахнул камнем. Тот хлестнул за угол и стукнулся о что-то мягкое. Снова раздался вопль, и он тоже растаял в пустоте зеленого неба.

Три долой — осталось семь! Предполагая, что к ним не присоединились другие.

Он обратился к Хрисенде:

— Они, вероятно, не сумеют ворваться сюда, но они смогут уморить нас голодом.

— Рог?

Он рассмеялся.

— Они не отпустят нас теперь, даже если я отдам им рог, а я не намерен допускать, чтобы рог попал к ним. Скорей уж я выброшу рог в небо.

У входа в пещеру возникла еще одна фигура. Гворл, влетев, приземлился на ноги и секунду покачался. Затем бросился вперед, покатился волосатым шаром и снова очутился на ногах.

Вольф был настолько удивлен, что не сумел сразу же прореагировать. Он не ожидал, что они сумеют забраться выше пещеры и спуститься вниз, так как скала над пещерой выглядела гладкой.

Каким-то образом гворл ухитрился это сделать, и теперь он был внутри и с ножом в руке.

Вольф раскрутил камень на конце ремня и выпустил его в гворла. Тварь метнула в него нож. Вольф пригнулся, но и сам промахнулся. Камень пролетел над бугристой мохнатой головой, а метательный нож чиркнул Вольфа слегка по плечу.

Вольф прыгнул за своим собственным ножом на полу пещеры и увидел, как еще одна темная фигура упала сверху в пещеру, а третья появилась у входа из-за угла.

Что-то ударило его по голове. В глазах у него померкло, в голове помутилось, колени под ним согнулись.

Когда он очнулся, у него болела левая сторона черепа и возникло пугающее ощущение. Он, казалось, находился вверх ногами и плавал над огромным полированным черным диском. Вокруг шеи у него была завязана веревка, и руки были связаны за спиной. Он висел вверх тормашками в пустом воздухе, и все же веревка вокруг его шеи только чуть напряглась.

Откинув голову назад, он увидел, что веревка вела вверх в шахту диска и что на противоположном конце шахты был бледный свет.

Вольф застонал и закрыл глаза, но открыл их вновь. Мир, казалось, вращался. Внезапно Вольф вновь сориентировался.

Теперь он знал, что не был подвешен вверх ногами вопреки всем законам гравитации. Он висел на веревке, шедшей со дна нижней стороны планеты. Зеленое под ним было небом.

"Мне полагалось бы уже давно задохнуться, — подумал он, — но нет никакой гравитации, тянущей меня вниз".

Он подрыгал ногами, и реактивная сила погнала его вверх.

Отверстие шахты стало ближе. Его голова вошла в нее, но что-то сопротивлялось ему. Движение его замедлилось и остановилось. Словно благодаря невидимой сжатой пружине, давившей ему на голову, он начал опять двигаться вниз. Полет его не останавливался, пока веревка не натянулась вновь.

Это сделали с ним гворлы. Оглушив его, они спустили его вниз по шахте или, что было более вероятно, отнесли его вниз. Шахта была достаточно узкой, чтобы спуститься по ней, упираясь спиной в одну стену и ногами в другую. Такой спуск сдерет с человека кожу, но волосатые шкуры гворлов выглядели достаточно жесткими, чтобы выдержать спуск и подъем без повреждений. Затем была спущена веревка, завязана у него на шее, и его бросили через дырку в дне мира.

Не было никакого способа выбраться обратно. Он умрет с голоду. Тело его будет болтаться на пространственных ветрах, пока не сгниет веревка.

Он и тогда не упадет, а будет дрейфовать в отбрасываемой диском тени.

Сбитые им с карниза гворлы упали, и их продолжало уносить ветром.

Хотя и испытывая отчаяние из-за своего положения, Вольф не мог не размышлять о гравитационной конфигурации плоской планеты.

Центр должен находиться на самом дне. Все тяготение шло вверх через массу планеты. На этой же стороне никакого тяготения не было.

Что гворлы сделали с Хрисендой?

Убили ли они ее так же, как ее подругу?

Он знал, что, как бы они ни поступили с ней, они намеренно не повесили ее вместе с ним. Они запланировали, что частью его муки будет незнание ее судьбы. Пока он мог жить на конце веревки, он будет гадать, что с ней случилось. Он будет измышлять многочисленные возможности, и все — ужасные.

Долгое время он висел с небольшим отклонением от перпендикуляра, поскольку ветер удерживал его на месте. Здесь, где не существовало никакой гравитации, он не мог раскачиваться как маятник.

Хоть он и оставался в тени черного диска, ему все же было видно продвижение солнца. Само солнце было невидимым, скрытое диском, но свет от него падал на грань большой дуги и медленно полз вдоль нее. Зеленое небо под солнцем ярко светилось, в то время как неосвещенные части постепенно становились темными. Затем в поле его зрения появилось более бледное свечение вдоль края диска, и он понял, что за солнцем последовала луна.

Он подумал, что сейчас, должно быть, полночь. Если гворлы куда-то уводят ее, то они могут проплыть немалое расстояние по морю. Если они пытали ее, то она могла умереть. Если они искалечили ее, то он надеялся, что она умерла.

Внезапно, покуда он висел во мраке под дном мира, он почувствовал, что веревка у него на шее дернулась. Петля затянулась, хотя и не настолько, чтобы удушить его, и его вытянули вверх по шахте. Он выгнул шею, пытаясь увидеть, кто его вытаскивал, но не мог проникнуть сквозь темноту пасти шахты.

Затем его голова пробилась сквозь паутину гравитации, похожую на поверхностное натяжение воды, и его подняли из бездны. Большие сильные руки обхватили его, прижали к твердой теплой волосатой груди. В лицо ему дыхнули винным перегаром. Дубленый рот поскреб ему щеку, когда существо стиснуло его покрепче и начало дюйм за дюймом подниматься по шахте с Вольфом в объятиях. Мех скреб по скале, когда существо отталкивалось ногами. Возникало подергивание, когда ноги мохнатого неизвестного поднимались и обретали новую опору, затем следовало новое поскребывание и рывок вверх.

— Ипсевас? — произнес Вольф.

— Ипсевас, — ответил зебрилла. — А теперь не разговаривай. Я должен поберечь дыхание. Это нелегко.

Вольф подчинился, хотя ему было трудно не расспрашивать о Хрисенде.

Когда они достигли верха шахты, Ипсевас снял с его шеи веревку и бросил Вольфа на пол пещеры.

Теперь он наконец осмелился спросить:

— Где Хрисенда?

Ипсевас мягко приземлился на полу пещеры, перевернул Вольфа и принялся развязывать узлы вокруг его запястий. Он тяжело дышал от путешествия по шахте, но ответил:

— Гворлы взяли ее с собой в большую долбленку и поплыли через море к горе. Она крикнула мне, умоляя меня помочь ей. Потом гворл ударил ее, и она, я полагаю, потеряла сознание. Я сидел там, пьяный, как Господь, сам наполовину без сознания от орехового сока, хорошо проведя время с Антиноей — знаешь, аковилой с длинным языком. Прежде чем Хрисенду оглушили, она крикнула что-то о том, что ты висишь из дыры в дне мира. Я не знал, о чем она говорила, потому что я давно уже здесь не бывал. Насколько давно — мне крайне не хочется говорить. Собственно, я на самом деле и не знаю. Теперь я все уже помню, в довольно густом тумане.

Вольф поднялся и растер запястье.

— Боюсь, что если я останусь здесь, то тоже могу кончить в алкогольном тумане.

— Я думал пойти к ней, — продолжал свой рассказ Ипсевас, в то время как они шли к морю, — но гворлы замахали на меня этими длинными ножами и сказали, что убьют. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов свою лодку, и тогда решил: какого черта, если они убьют меня, так что? Я не собирался прощать им их угроз или похищение бедной маленькой Хрисенды один Господь знает куда. В былые дни мы с Хрисендой были друзьями, знаешь, в Троаде, хотя здесь мы какое-то время имели мало общего друг с другом. Я думаю, это продолжалось долго. В любом случае я вдруг возжаждал какого-то настоящего приключения, какого-то истинного волнения, и мне были ненавистны эти чудовищные бугристые твари. Я побежал к ним, но они к тому времени спустили лодку на воду. Я огляделся в поисках гистоихтиса, думая, что смогу протаранить им лодку. Коль скоро я опрокину их в воду, они будут у меня в руках, хоть с ножами, хоть без. То, как они вели себя в лодке, показывало мне, что на море они чувствовали себя отнюдь не уверенно. Я также сомневаюсь, что они умеют плавать.

— Я тоже в этом сомневаюсь, — согласился Вольф.

— Но в пределах досягаемости не было ни одного гистоихтиса, а ветер уносил лодку: у нее был большой треугольный парус. Я вернулся к Антиное и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как пытался забыть о Хрисенде. Я был уверен, что ей придется худо, и не мог вынести мысли об этом, и поэтому хотел упиться до забытья. Но Антиноя — благослови ее пьяный мозг! — напомнила мне о том, что Хрисенда сказала о тебе. Я быстро протрезвел и немного осмотрелся, потому что не мог вспомнить, где именно находились карнизы, ведшие в пещеру. Я чуть было не бросил это занятие и не принялся снова пить, но что-то продолжало жечь меня. Может, я хотел совершить хоть одно доброе дело в этой вечности ничегонеделанья, ни добра, ни зла.

— Если бы ты не пришел, я висел бы там, пока не умер от жажды. А теперь у Хрисенды есть шанс, если я смогу ее найти. Я отправлюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф ожидал, что Ипсевас скажет "да", но не думал, что тот сохранит свою решимость, коль скоро ему светит путешествие через море. Ему, однако, преподнесли сюрприз.

Зебрилла вошел в море, ухватился за выступ раковины проплывавшего мимо гистоихтиса и перебросил себя на спину этого существа. Он привел его к берегу, нажимая на крупные нервные пятна, темно-пурпурные кляксы, видимые на открытой коже как раз за конусовидной раковиной, представляющей собой нос существа.

Вольф под руководством Ипсеваса надавливал на пятна, чтобы удержать рыбу-парус — ибо таков был буквальный перевод слова "гистоихтис" — у пляжа.

Зебрилла собрал несколько охапок плодов, орехов и большую коллекцию пуншорепсов.

— Нам надо будет есть и пить, особенно пить, — проворчал Ипсевас. — Путь через океаны к подножию горы может быть долгим. Я не помню.

Спустя несколько минут после того, как припасы были уложены в одно из естественных вместилищ на раковине рыбы-паруса, они отплыли. Тонкий хрящевой парус поймал ветер, и огромный моллюск заглотнул в рот воду и выбросил ее через мускульный клапан сзади.

— Гворлы нас немного опередили, — сказал Ипсевас, — но они не могут тягаться с нами в скорости. Они попадут на другую сторону не намного раньше нас.

Он расколол пуншорепс и предложил Вольфу выпить. Вольф принял предложение. Орех был опустошен, но нервы у Вольфа были натянуты, как струны. Ему нужно было что-то такое, что оглушит его и даст ему уснуть. Изгиб раковины создавал

пещероподобный выступ, куда он и смог заползти. Он лежал, прижавшись к излучавшей тепло голой коже рыбы-паруса. В скором времени он уснул. Последнее, что он увидел, была голова Ипсеваса на фоне сливавшихся в лунном свете полос.

Ипсевас поднял над головой еще один пуншорепс и вылил его содержимое в свой выступавший горилловидный рот.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце только-только выходило из-за изгиба горы. Полная луна — она всегда была полная, так как тень планеты на нее никогда не падала — только-только ускользала за другую сторону горы.

Отдохнувший, но проголодавшийся, он съел кое-что из плодов и богатых белком орехов. Ипсевас показал ему, как разнообразить свою диету "кровавыми ягодами". Это были сверкавшие каштановые шарики, расположенные на мясистых стеблях, произраставших из раковины. Они росли гроздьями. Каждый шарик был не меньше бейсбольного мяча и имел тонкую, легко разрываемую кожу, выделявшую жидкость, походившую видом и вкусом на кровь. Мясо внутри походило на сырое мясо креветок.

— Созрев, они отваливаются, и большая часть их достается рыбам, — сказал Ипсевас, — но некоторые доплывают до пляжа. Лучше всего они, когда ты срываешь их прямо со стебля.

Вольф пригнулся рядом с Ипсевасом.

Наполнив рот, он произнес:

— Гистоихтисы очень удобны. Они кажутся чересчур хорошими.

— Господь придумал и создал их для нашего и своего удовольствия, — ответил на это Ипсевас.

— Господь создал эту вселенную? — спросил Вольф.

Он больше не был уверен, что этот рассказ является мифом.

— Тебе лучше в это поверить, — ответил Ипсевас.

Он выпил еще.

— Потому что, если ты не поверишь, Господь тебя прикончит. Вообще-то я сомневаюсь, что он в любом случае позволит тебе продолжать жить. Он не любит незваных гостей.

Ипсевас поднял орех и предложил тост:

— За то, чтобы ты остался незамеченным им, и за внезапный конец и проклятие Господу.

Он выпил орех и прыгнул на Вольфа. Вольф был настолько захвачен врасплох, что не сумел защититься.

Он растянулся в выемке раковины, там, где спал, и туша Ипсеваса накрыла его.

— Тихо! — скомандовал Ипсевас. — Оставайся здесь, свернувшись в клубок, пока я не скажу тебе, что все в порядке. Это Око Господне.

Вольф съежился, прижавшись к твердой раковине, и попытался слиться с внутренней тенью. Одним глазом он, однако, выглядывал наружу и таким образом увидел пронесшуюся неровную тень ворона, за которой последовало и само это создание. Суровая птица промелькнула разок, развернулась и начала заходить на посадку на корме рыбы-паруса.

— Черт побери! Он не может не заметить меня! — пробормотал Вольф.

— Без паники! — призвал Ипсевас. — А-а-а!

Раздался глухой стук, всплеск и пронзительный крик, заставивший Вольфа резко выпрямиться и сильно стукнуться головой о раковину над ним. Сквозь вспышки света и тьмы он увидел, что ворон висит, обмякнув, в двух гигантских лапах. Если ворон был размером с орла, то его убийца, обрушившийся с зеленого неба, словно молния, показался Вольфу в ту первую секунду таким же громадным, как птица рух. Зрение Вольфа прояснилось, и он увидел орла со светло-зеленым телом, бледно-красной головой и бледно-желтым клювом. Он был в шесть раз массивнее ворона, и его крылья, каждое длиной по меньшей мере в тридцать футов, тяжело хлопали, когда он старался подняться повыше от моря, в которое его занесло. С каждым мощным взмахом он поднимался на несколько дюймов выше, держа добычу.

Вскоре он начал набирать высоту, но прежде чем убраться, он повернул голову и позволил Вольфу увидеть его глаза. Они были черными щитами, отражавшими пламя смерти. Вольф содрогнулся. Никогда он не видел такой обнаженной жажды убивать.

— Ты вполне можешь содрогаться, — утешил его Ипсевас.

Его ухмылявшаяся голова просунулась в пещеру раковины.

— Это была одна из птичек Подарги. Подарга ненавидит Господа и напала бы на него сама, будь у нее шанс, даже если бы знала, что это станет ее концом, чем оно и стало бы. Она знает, что не может приблизиться к Господу, но она может сказать своим птичкам, чтобы они питались Очами Господа, что, как ты видел, они и делают.

Вольф покинул каверну в раковине и некоторое время постоял, следя за удалявшейся фигурой орла с его добычей.

— Кто такая Подарга?

— Она, подобно мне, одно из чудищ Господа. Она тоже некогда жила на берегах Эгейского моря. И была прекрасной молодой девушкой. Это было, когда жили великий царь Приам,

богоподобный Ахилл и хитроумный Одиссей. Я знал их всех. Они оплевали бы критянина Ипсеваса, некогда храброго моряка и копьеносца, если бы смогли увидеть меня сейчас. Но я говорил о Подарге. Господь забрал ее в этот мир, создал чудовищное тело и поместил в него ее мозг. Она живет где-то там, в пещере на самом склоне горы. Она ненавидит Господа, но одновременно ненавидит все нормальные человеческие существа и поедает их, если ее птички не добираются до них первыми. Но больше всех она ненавидит Господа.

Это, кажется, было все, что знал о ней Ипсевас, за исключением того, что имя ее до того, как ее похитил Господь, было не Подарга. Он также помнил, что был хорошо знаком с ней.

Вольф принялся расспрашивать дальше, потому что его заинтересовало то, что Ипсевас мог рассказать ему об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Он сказал зебрилле, что предполагалось, что Агамемнон был историческим персонажем. Но что насчет Ахилла и Одиссея?

— Они и в самом деле существовали? — спросил Вольф.

— Конечно, существовали, — ответил Ипсевас.

Он крякнул, а затем продолжал:

— Я полагаю, тебе любопытно узнать о тех днях, но я мало что могу сказать тебе. Это было слишком давно, слишком много праздных дней назад. Дней, веков, тысячелетий — один Господь знает. А также слишком много выпито.

Весь остальной день и часть ночи Вольф пытался выкачать из Ипсеваса все, что тот знал, но мало что получил за свои хлопоты. Заскучавший Ипсевас выпил половину своего запаса орехов и наконец захрапел. Из-за горы пришел зеленовато-золотой рассвет.

Вольф уставился на воду, такую прозрачную, что он мог видеть сотни тысяч рыб фантастических очертаний и роскошных цветов. Из глубины поднялся ярко-оранжевый тюлень, существо, похожее на живой бриллиант. Рванул назад отброшенный тюленем спрут с пурпурными жилами. Далеко внизу появилось на секунду что-то огромное и белое, а затем нырнуло обратно на дно.

Вскоре до него донесся рев прибоя, и показалась тонкая белая линия пены у подножия Тайяфайявоэда. Гора, казавшаяся такой гладкой на большом расстоянии, была теперь изломана трещинами, выступами и пиками, вздымавшимися откосами и замерзшими каменными фонтанами. Тайяфайявоэд все рос и рос, и, казалось, он висел над миром.

Вольф толкал Ипсеваса, пока зебрилла, стеная и бурча, не поднялся на ноги. Он поморгал покрасневшими глазами,

почесался, откашлялся, а затем протянул руку за новым пуншорепсом.

Наконец, по настоянию Вольфа, он так вырулил рыбу-парус, что та поплыла параллельно подножию горы.

— Я когда-то был знаком с этим районом, — сказал Ипсевас. — Некогда я думал влезть на гору, найти Господа и попытаться...

Он помолчал, почесал голову, вздрогнул и закончил:

— Убить его! Вот! Я знал, что могу вспомнить это слово. Но это бесполезно. У меня не хватило духу попробовать совершить это в одиночку.

— Теперь с тобой я, — заметил Вольф.

Ипсевас покачал головой и выпил еще.

— Теперь не тогда. — Если бы ты был со мной тогда... Ну, что толку болтать? Ты тогда еще даже не родился. Тогда еще не родился и твой пра-пра-прадед. Нет, теперь уже слишком поздно.

Он молчал, направляя рыбу-парус через отверстие в горе.

Огромное создание внезапно отклонилось от курса. Хрящевой парус сложился у мачты из жесткого, как кость, хряща, тело поднялось на огромной волне, а затем они оказались в спокойных водах узкого, крутостенного и темного фиорда.

Ипсевас показал на серию неровных карнизов.

— Воспользуйся ими. Ты можешь забраться далеко. Насколько далеко — не знаю. Я устал и натерпелся страху и возвращаюсь в Сад, чтобы никогда не вернуться сюда, я так думаю.

Вольф уговаривал Ипсеваса. Он сказал, что ему очень понадобится сила Ипсеваса и что Хрисенда в нем нуждается. Но зебрилла покачал своей массивной темной головой.

— Я дам тебе свое благословение, чего бы мне это ни стоило.

— А я благодарю тебя за то, что ты сделал, — проговорил Вольф. — Если бы ты недостаточно быстро пришел мне на помощь, я бы до сих пор качался на конце веревки. Может, мы снова встретимся с тобой. Вместе с Хрисендой.

— Господь слишком могуч, — ответил Ипсевас. — Неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс побороть существо, способное создать свою собственную личную вселенную?

— У меня есть шанс, — сказал Вольф. — Покуда я борюсь, шевелю мозгами и мне немножко везет, у меня есть шанс.

Он спрыгнул с палубоподобной раковины и чуть не подскользнулся на мокром камне.

— Дурное знаменье, друг мой! — крикнул Ипсевас.

Вольф обернулся и, улыбнувшись ему, прокричал в ответ:

— Я не верю в знаменья, мой суеверный друг-грек! Пока!

Глава V

Он начал восхождение и не останавливался, чтобы посмотреть вниз, пока не прошло около часа. К тому времени большое белое тело гистоихтиса стало тонкой, бледной нитью, а Ипсевас — только черной точкой на его оси. Хотя Вольф и знал, что его нельзя разглядеть, он помахал Ипсевасу и возобновил восхождение.

Еще час карабканья и цеплянья за скалы вывел его из фиорда на широкий карниз на поверхности утеса. Здесь снова засиял яркий солнечный свет. Гора казалась столь же высокой, как всегда, а путь был таким же тяжелым. С другой стороны, он не представлялся более трудным, чем можно было предположить, хотя радоваться было не из-за чего.

Руки и колени у него кровоточили, и подъем утомил его.

Вольф сперва собирался провести ночь тут же, но изменил свое решение. Покуда есть свет, ему следует им воспользоваться.

Он снова гадал, был ли прав Ипсевас насчет того, что гворлы, вероятно, выбрали этот маршрут. Ипсевас утверждал, что там, где море врезалось в гору, существовали и другие проходы, но они были далеко. Он искал признаки того, что гворлы прошли этой дорогой, и ничего не нашел. Это не означало, что гворлы выбрали другую тропу — если эту рваную вертикаль можно было назвать тропой.

Спустя несколько минут Вольф вышел к одному из многих деревьев, росших из самой скалы. Под его кривыми ветвями и пестрыми коричнево-зелеными листьями валялись пустые ореховые скорлупки и сердцевины плодов.

Они были свежими. Кто-то не слишком давно останавливался позавтракать.

В ореховых скорлупках осталось также достаточно мяса, чтобы он мог слегка удовлетворить голод.

Остатки плодов дали ему влагу для пересохшего рта.

Шесть дней он лез на гору и шесть дней отдыхал. На поверхности этого перпендикуляра существовала жизнь, на карнизах из пещер и из трещин росли маленькие деревья и большие кусты. Изобиловали птицы всех видов и много мелких животных, которые кормились ягодами и орехами или друг другом. Вольф убивал птиц камнями и ел их мясо сырым. Он обнаружил кремень и заточил грубый, но острый нож. С его помощью он сделал короткое копье с деревянным древком.

Вольф похудел, руки затвердели от толстых мозолей. Мозоли появились на ступнях и коленях. Борода отросла еще длиннее.

На утро седьмого дня он взглянул с карниза и прикинул, что, должно быть, находится по меньшей мере в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. И все же воздух был ни разряженнее, ни холоднее, чем когда он начинал восхождение.

Море, достигавшее по меньшей мере двухсот миль в поперечнике, выглядело, словно широкая река. За его пределами виднелась грань края мира. Сад, из которого он отправился в погоню за Хрисендой и гворлами. Грань эта казалась такой же узкой, как кошачий усик, а за ней — только зеленое небо.

В полдень восьмого дня он наткнулся на змею, закусывающую мертвым гворлом. Сорока футов длиной, змея была покрыта черными пятнами-ромбами и алыми печатями Соломона. Из ее тела по обеим сторонам росли ступни, хотя самих ног не было. А ступни змеи до отвращения напоминали человеческие. Челюсти ее очерчивались тремя рядами акульих зубов.

Вольф храбро напал на нее, потому что заметил, что из средней части ее тела торчал нож, и из раны все еще сочилась свежая кровь. Змея зашипела, развернулась и начала отступать. Вольф ткнул ее несколько раз, и она бросилась на него.

Вольф вогнал острие копья в один из больших тускло-зеленых глаз. Змея громко зашипела и поднялась, лягаясь двунадесятью парами своих пятилапых ступней. Вольф вырвал копье из окровавленного глаза и воткнул его в мертвенно белую кожу как раз под челюстью змеи. Копье вошло глубоко, змея дернулась так сильно, что вырвала древко из рук Вольфа. Тварь упала набок, глубоко дыша, и через некоторое время умерла.

Над ним раздался вопль, потом Вольф увидел тень.

Вольф слышал раньше этот вопль, когда находился на рыбе-парусе. Он прыгнул и покатился по карнизу. Докатившись до трещины, он заполз в нее и повернулся посмотреть, что же угрожало ему. Это была одна из огромных, ширококрылых, зеленоватых, красноглазых, желтоклювых орлиц. Она сидела, согнувшись, на змее и клювом вырывала куски мяса.

Заглатывая куски, она прожигала взглядом Вольфа, пытавшегося еще дальше забиться в трещину.

Вольфу пришлось оставаться в своей щели, пока птица не набила свой зоб. Поскольку это заняло весь остаток дня и орлица не покинула свой пост даже ночью, Вольф начал испытывать голод, жажду и неудобства. К утру он рассвирепел.

Орлица сидела у двух трупов, змеи и гворла, сложив крылья вокруг тела и опустив голову.

Вольф подумал, что если она спит, то теперь самое время бежать. Он вылез из щели, морщась от боли в затекших мускулах. Когда он это проделал, орлица вскинула голову, взмахнула крыльями и заклекотала на него. Вольф отступил в щель.

К полудню орлица все еще не показывала ни малейшего намерения убраться. Она немного поела и, казалось, боролась со сном. Время от времени она рычала. Солнце жарило птицу и два трупа, все трое воняли. Вольф начал отчаиваться. Вольф знал, что орлица может не сдвинуться с места, пока не обглодает и рептилию, и гворла до костей. К тому времени он, Вольф, будет полумертвым от голода и жажды.

Вольф покинул трещину и подобрал копье.

Оно выпало, когда птица разодрала змею.

Вольф угрожающе ткнул копьем в сторону орлицы, которая обожгла его взглядом, зашипела, а потом заклекотала на него.

Вольф крикнул в ответ и медленно отступил от птицы. Та наступала короткими медленными шагами, слегка покачиваясь. Вольф остановился, снова заорал и прыгнул на орлицу. Пораженная, она отскочила и снова заклекотала. Вольф возобновил свое осторожное отступление, но на этот раз орлица не преследовала его. Только когда изгиб горы скрыл хижину из виду, Вольф возобновил восхождение. Он удостоверился, что всегда будет, куда укрыться, если птица отправится за ним. Однако никакой тени не упало на него.

Орлица, очевидно, хотела только защитить свою пищу.

К середине следующего утра Вольф набрел на другого гворла. У этого была раздроблена нога, и он сидел, привалившись спиной к стволу небольшого дерева. Он размахивал ножом, отгоняя дюжину красных и мускулистых свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз.

Они разгуливали взад-вперед перед покалеченным гворлом и глухо хрюкали.

Время от времени кто-нибудь совершал короткий бросок, но останавливался в нескольких футах от ножа.

Вольф влез на валун и принялся кидать камни в плотоядных.

Минуту спустя он пожалел, что привлек к себе внимание. Звери карабкались на крутой валун так, словно для них была построена лестница.

Только быстрыми выпадами копья он сумел оттолкнуть их обратно на карниз.

Наконечник копья вонзался в их крепкие шкуры не глубоко, но достаточно, чтобы ранить.

Они с визгом падали на скалу только для того, чтобы снова лезть на валун. Их кабаньи клыки рассекали воздух поблизости от Вольфа, и один раз ему чуть не порезали ногу.

Наконец настал момент, когда все звери оказались на карнизе. Вольф бросил копье, поднял камень вдвое больше своей головы и швырнул его на спину одному из кабанов.

Зверь завизжал и попытался уползти на двух невредимых передних ногах. Стая набросилась на его парализованные задние ноги и принялась поедать их. Когда раненый зверь повернулся, чтобы защитить себя, его схватили за горло. Через минуту он был мертв и разорван на части.

Вольф подобрал копье, спустился с другой стороны валуна и подошел к гворлу. Он не сводил глаз со зверей, но те почти не поднимали головы от добычи.

Гворл зарычал на Вольфа и держал нож наготове. Вольф остановился достаточно далеко, чтобы можно было уклониться, если нож метнут. Из пострадавшей ноги гворла ниже колена торчал осколок кости. Глаза гворла, утонувшие под подушками хряща на низком лбу, выглядели остекленевшими.

Реакция Вольфа была неожиданной.

Он думал, что сразу же и жестоко убьет любого попавшегося гворла, но сейчас он хотел с ним поговорить. Он стал таким одиноким за дни и ночи восхождения, что был рад поговорить даже с этим ненавистным существом.

Вольф спросил по-гречески:

— Не могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Гворл ответил глухими невероятными слогами и снова поднял нож.

Вольф начал подходить к нему, а затем бросился в сторону, когда нож просвистел у его головы. Вольф вернулся за ножом, а потом подошел к гворлу и снова с ним заговорил. Существо заскрежетало в ответ, но более слабым голосом. Вольф нагнулся, чтобы повторить свой вопрос, но получил только огромный плевок в лицо.

Это усилило его страх и ненависть. Он всадил нож в толстую шею, гворл несколько раз сильно дрыгнул ногами и умер.

Вольф вытер нож о темный мех и осмотрел содержимое кожаной сумки, притороченной к поясу гворла. Там имелось сушеное мясо, сушеные фрукты, немного темного, твердого хлеба и фляга с огненной жидкостью. Вольф не был уверен насчет того, откуда взялось мясо, но сказал себе, что он слишком голоден, чтобы быть разборчивым.

И Вольф решился.

Хлеб оказался почти таким же твердым, как камень, но размягченный слюной был на вкус как печенье из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Проходили дни и ночи, а гворлы не появлялись. Воздух оставался таким же густым и теплым, как и возле моря, и все же Вольф решил, что поднялся, должно быть, по меньшей мере на тридцать тысяч футов. Море внизу стало тонким серебряным пояском вокруг талии мира.

Той ночью он проснулся, почувствовав на своем теле дюжину маленьких мохнатых рук. Он рванулся только для того, чтобы обнаружить, что многочисленные руки были слишком сильны. Они крепко держали его в то время, как другие связывали руки и ноги веревкой из трав. Вскоре его высоко подняли и вынесли на каменную площадку перед маленькой пещерой, в которой он спал. Лунный свет осветил несколько десятков двуногих, каждое из которых было около двух с половиной футов ростом.

Они были покрыты гладким серым мехом, словно мыши, и имели белый воротник вокруг шеи.

Черные вдавленные морды походили на мордочки летучих мышей. Уши у них были огромными и заостренными.

Они молча потащили его через площадку в другую трещину.

Та выходила в большую пещеру около тридцати футов шириной и двадцати высотой. Лунный свет проникал через щель в потолке и открывал то, что уже почувствовал его нос: кучу костей с остатками гниющего мяса.

Его положили неподалеку от костей, в то время как существа отступили в угол пещеры. Они принялись разговаривать или, по крайней мере, переговариваться между собой.

Один подошел к Вольфу, с минуту смотрел на него и затем опустился на колени возле горла Вольфа.

Секунду спустя он жевал горло Вольфа крошечными, но очень острыми зубами. За ним последовали другие, зубы начали грызть все его тело.

Все это проделывалось в мертвом молчании. Даже Вольф не издавал ни звука, только хриплое дыхание вырывалось из его легких, когда он боролся. Острая мелкая боль от зубов быстро прошла, словно ему в кровь вводили какое-то слабое анестезирующее средство.

Вольф начал чувствовать сонливость.

Вопреки себе он перестал бороться.

По его телу распространилось приятное онемение. Казалось, не стоит сражаться за свою жизнь. Почему бы не отойти в мир иной приятно? По крайней мере, смерть его не будет бесполезной. Вольфу казалось благоразумным, что его съедят эти существа. Они смогут набить свои животы и быть несколько дней сытыми и счастливыми.

В пещеру ворвался свет. Сквозь теплый туман он увидел, как морды летучих мышей отвернулись от него и умчались в другой конец пещеры, где и сбились в кучку. Свет стал сильнее, оказался факелом из горящей сосны. За светом последовало лицо старика и склонилось над ним. У старика была длинная белая борода, впалый рот, кривой острый нос и огромные надбровные дуги с щетинистыми бровями. Его тощее тело покрывал

грязный белый балахон. Его рука с крупными венами держала посох, на конце которого находился сапфир величиной с кулак Вольфа, обработанный в виде гарпии.

Вольф попытался заговорить, но смог только пробормотать неразборчивые слова, словно он выходил из-под наркоза после операции. Старик сделал посохом жест, и несколько существ с мордами, как у летучих мышей, отделилось от общей массы. Они шмыгнули бочком через пещеру, не сводя со старика полных страха раскосых глаз. Они быстро развязали Вольфа. Тот сумел подняться на ноги, но так шатался, что старику пришлось поддержать его, выводя из пещеры.

Древний старец проговорил на микенском греческом:

— Скоро ты почувствуешь себя лучше. Яд долго не действует.

— Кто ты? Куда ты меня ведешь?

— Прочь от этой опасности, — ответил старик.

Вольф поразмышлял над загадочным ответом. К тому времени, когда его ум и тело снова достаточно хорошо функционировали, они подошли к другому входу в пещеру. Они прошли через комплекс помещений, постепенно приведший их наверх. Когда они прошли около двух миль, старик остановился перед пещерой с большой железной дверью. Он вручил факел Вольфу, открыл на себя дверь и взмахом руки предложил Вольфу заходить. Вольф заглянул в большую пещеру, ярко освещенную факелами.

Позади него лязгнула дверь, затем последовал глухой стук быстро закрываемого засова.

Первое, что поразило Вольфа, это удушающий запах, а потом он увидел двух приближающихся к нему зеленых красноголовых орлиц. Одна заговорила голосом, как у гигантского попугая, и приказала ему шагать вперед. Он так и сделал, заметив в то же время, что существа с мордами летучих мышей, должно быть, забрали его нож. Оружие принесло бы ему мало хорошего. Пещера кишела птицами, и все они возвышались над ним.

У одной стены стояли две клетки, сделанные из тонких железных прутьев.

В одной находилась группа из шести гворлов, а в другой — высокий, хорошо сложенный юноша, одетый в набедренную повязку из оленьей кожи. Он ухмыльнулся Вольфу и спросил:

— Значит, ты сумел? Как ты изменился!

Только тогда рыжевато-бронзовые волосы, длинная верхняя губа и грубоватое, но веселое лицо показались знакомыми Вольфу.

Вольф узнал человека, бросившего ему рог с осажденного гворлами валуна и назвавшегося Кикахой.

Глава VI

У Вольфа не нашлось времени ответить, потому что одна из орлиц открыла дверь клетки, использовав свою ногу столь же эффективно, как руку. Могучая голова и твердый клюв втолкнули его в клетку. Дверь со скрежетом закрылась за ним.

— Так, вот ты и здесь, — сказал Кикаха густым баритоном. — Вопрос такой: что нам теперь делать? Наше пребывание здесь может оказаться коротким и неприятным.

Вольф, посмотрев сквозь прутья, увидел высеченный из камня трон, а на нем — женщину, скорее, полуженщину, ибо у нее были крылья вместо рук и нижняя часть тела, как у птицы. Ноги, однако, были по пропорциям намного толще, чем у земного орла нормальных размеров.

Вольф подумал, что им приходилось поддерживать большой вес, и он понял, что здесь обитало еще одно из чудовищ, произведенных в лаборатории Господа. Она, должно быть, и была та Подарга, о которой рассказывал Ипсевас.

Выше талии она была такой женщиной, честь видеть которых выпадала немногим мужчинам. Кожа у нее была белой, как молочный опал, груди — превосходными, шея — мраморной.

Длинные черные и прямые волосы ниспадали по обеим сторонам лица, бывшего даже более прекрасным, чем у Хрисенды, хотя Вольф и не хотел себе в этом сознаваться.

Однако в этой красоте было нечто ужасающее: безумие.

Глаза были, как у попавшего в клетку сокола, задразненного до невыносимого состояния.

Вольф оторвал глаза от нее и оглядел пещеру.

— Где Хрисенда? — прошептал он.

— Кто? — прошептал в ответ Кикаха.

Несколькими быстрыми фразами Вольф описал ее и то, что с ней случилось.

Кикаха покачал головой.

— Я ее никогда не видел.

— Но гворлы?

— Их было две банды. Другая, должно быть, держит и Хрисенду, и рог. Не беспокойся о них. Если мы не отбрешемся и не выберемся отсюда, нам конец, и очень отвратительный.

Вольф спросил о старике. Кикаха ответил, что он некогда был любовником Подарги. Это абориген, один из тех, кто был перенесен в эту вселенную вскоре после того, как Господь сработал ее. Гарпия теперь держала его для выполнения чер-

ной работы, требовавшей человеческих рук. Старик явился по приказу Подарги спасти Вольфа от существ с мордами летучих мышей, несомненно, потому, что та давным-давно прослышала от своих пташек о присутствии Вольфа в ее владениях.

Подарга беспокойно заерзала на своем троне и развернула крылья. Они сошлись перед ней со звуком, похожим на раскаты грома.

— Эй, вы, двое, там! — крикнула она. — Кончайте шептаться! Кикаха, что еще ты можешь сказать в свою пользу, прежде чем я спущу своих пташек?

— Я могу только повторить, рискуя оказаться утомительным, то, что сказал раньше! — громко ответил Кикаха. — Я такой же враг Господа, как и ты, и он меня ненавидит. Он убил бы меня! Он знает, что я украл его рог и что я опасен для него. Его Очи рыщут на четырех уровнях мира и летают вверх и вниз по горам, пытаясь найти меня, а...

— Где этот рог, который, по твоим словам, ты украл у Господа? Почему его нет при тебе сейчас? Я думаю, что ты лжешь, чтобы спасти свою никчемную душу!

— Я же рассказывал тебе, что открыл врата в соседний мир и бросил его человеку, появившемуся во вратах. Он сейчас стоит перед тобой.

Подарга повернула голову, как поворачивает ее орлица, и прожгла взглядом Вольфа.

— Я не вижу никакого рога. Я вижу только какое-то жесткое жилистое мясо за черной бородой!

— Он говорит, что рог похитила у него другая банда гворлов, — ответил Кикаха. — Он гнался за ними, чтобы вернуть рог, когда псевдолетучие мыши захватили его в плен, а ты столь великодушно спасла его. Освободи нас, милостивая и прекрасная Подарга, и мы вернем рог. С его помощью мы окажемся способными сразиться с Господом. Его можно побить! Может, он и могучий, но он не всемогущ! Будь он таким, он нашел бы и нас, и рог давным-давно!

Подарга встала, почистила крылья и, сойдя с трона, подошла к клетке.

Она не подпрыгивала при ходьбе, как птица, а шла на негнущихся ногах.

— Желала бы я тебе поверить, — произнесла она тише, но все еще напряженным голосом. — Если бы только я могла! Я ждала годы и века и тысячу лет, ах, так долго, что у меня сердце болит при мысли об этом времени! Если бы я подумала, что оружие для ответного удара по нему попало наконец в мои руки...

Она пронзила их взглядом, держа перед собой крылья, и сказала:

— Видите! Я сказала: "мои руки", но у меня нет ни рук, ни тела, бывшего некогда моим. Этот...

Она разразилась бешеной бранью, заставившей Вольфа поежиться. Похолодеть его заставили не слова, а ярость, граничившая с божественной или бессмысленной.

— Если Господа можно свергнуть — а я считаю, что можно, — тебе будет возвращено твое человеческое тело, — сказал Кикаха, когда она закончила.

Она тяжело дышала, все еще гневаясь, и уставилась на них. Ее взгляд выражал явное намерение убить их. Вольф почувствовал, что все потеряно, но ее следующие слова показали, что гнев относился не к ним.

— Прежний Господь давно пропал. Так гласит слух. Я послала одну из своих птиц разузнать, и она вернулась со странной новостью. Она сказала, что там наверху новый Господь, но она не знала, не был ли это тот же Господь в новом теле. Я послала ее обратно к Господу, тот отказал мне в просьбе снова дать мне мое истинное тело. Так что не имеет значения, тот или другой там Господь. Он точно такой же злой и ненавистный, как и прежний, если он и в самом деле не прежний. Но я должна знать! Во-первых, кто бы ни был сейчас Господь, он должен умереть. Потом я выясню, он ли это в новом теле или нет. Если же прежний Господь покинул эту вселенную, я выслежу его через все миры и найду его!

— Ты не сможешь этого сделать без рога, — заметил Кикаха. — Он, и только он, открывает врата без контрустройства в другой мир.

— Что мне терять? — спросила Подарга. — Если ты лжешь и предашь меня, я в конце концов доберусь до тебя, а охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, то мы увидим, что может случиться.

Она поговорила с орлицей рядом с ней, и та открыла дверь.

Кикаха и Вольф последовали за Гарпией через пещеру к большому столу с креслами вокруг него. Только тогда Вольф понял, что это помещение служило сокровищницей.

В ней была свалена добыча со всего мира. Тут были большие открытые сундуки, набитые сверкавшими драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные чаши изысканной формы, были маленькие фигурки из слоновой кости и из какого-то отсвечивавшего твердоволокнистого черного дерева. Были великолепные картины. Доспехи и оружие всех видов, кроме огнестрельного, были беззаботно свалены в разных местах.

Подарга приказала им сесть в изукрашенные резьбой кресла с вытесанными львиными ножками. Она сделала крылом знак, и из тени вышел молодой человек.

Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три прекрасно вырезанные чаши из кристаллов кварца. Они были сработаны в виде прыгающих рыб с широко открытыми ртами. И во ртах рыб булькало дорогое вино.

— Это один из ее любовников, — прошептал Кикаха в ответ на любопытный взгляд Вольфа в сторону красивого белокурого юноши. — Он унесен ее орлицами с уровня, известного как Дракландия или Тентония. Бедняга! Но это лучше, чем быть заживо съеденным ее пташками, а у него всегда есть надежда сбежать. И это делает его жизнь сносной.

Кикаха выпил и вздохнул, удовлетворенный тяжелым, но бодрящим кровь вкусом. Вольф почувствовал, что вино извивается в нем, словно живое. Подарга зажала чашу между кончиками крыльев и поднесла ее к губам.

— За смерть и проклятие Господу и, следовательно, за ваш успех!

Двое мужчин выпили снова. Подарга поставила свою чашу на стол и слегка щелкнула Вольфа по лицу кончиками перьев крыла.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он ел нарезанные ломти зажаренной козо-свиньи, светло-коричневый хлеб и фрукты и пил вино.

Голова у него начала кружиться, но он все рассказывал и рассказывал, останавливаясь только тогда, когда Подарга его о чем-то спрашивала. Старые факелы заменили новыми, а он все рассказывал.

Внезапно он проснулся. Из другой пещеры лился солнечный свет, освещая пустую чашу и стол, на котором лежала его голова, пока он спал. Кикаха, ухмыляясь, стоял рядом с ним.

— Пошли, — сказал он. — Подарга хочет, чтобы мы отправились пораньше. Ей не терпится отомстить. А я хочу убраться, пока она не изменила своего решения. Ты не представляешь, как нам повезло. Мы — единственные пленники, которым она когда-либо даровала свободу.

Вольф сел и застонал от боли в плечах и в шее. Ему казалось, что голова у него распухла и отяжелела, но он переживал и худшие похмелья.

— Что ты делал после того, как я уснул? — спросил он.

Кикаха широко улыбнулся.

— Я заплатил последнюю цену. Но это было совсем неплохо. Сперва довольно странно, но я парень адаптабельный.

Они вышли из этой пещеры в следующую и оттуда попали на широкий выдающийся из скалы каменный выступ. Вольф обернулся, чтобы бросить последний взгляд, и увидел несколько орлиц; зеленые монолиты, стоявшие у входа во внутреннюю пещеру. Там мелькнула белая кожа и черные крылья, когда Подарга прошла на негнущихся ногах перед гигантскими птицами.

— Идем, — сказал Кикаха. — Подарга и ее пташки голодные. Ты не видел, как она пыталась заставить гворлов молить о пощаде. Одно могу сказать в их пользу — они не скулили и не ревели. Они плевали в нее!

Вольф подпрыгнул, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий крик.

Кикаха взял Вольфа за руку и подтолкнул его. Из клювов орлиц вырвались нервные крики, смешанные с воем существ, испытывающих страх и муки смерти.

— Это случилось бы и с нами тоже, — сказал Кикаха, — если бы у нас не было на что обменять свою жизнь.

Они начали восхождение и к ночи поднялись тремя тысячами футов выше.

Кикаха развязал свой кожаный заплечный мешок и извлек разнообразные предметы. Среди них оказался коробок спичек, которыми он и разжег костер.

За ними последовали мясо, хлеб и бутылочка разаманского вина. Рюкзак и его содержимое были подарками Подарги.

— Нам осталось около четырех дней восхождения, прежде чем мы доберемся до следующего уровня, — объяснил юноша, — а потом — легендарный мир Индеи.

Вольф начал было задавать вопросы, но Кикаха заявил, что ему следует объяснить физическую структуру планеты. Вольф терпеливо слушал и, выслушав, не стал насмехаться. Более того, объяснение Кикахи совпадало с тем, что он покамест увидел. Намерения Вольфа спросить, как Кикаха, явно уроженец Земли, попал сюда, были сорваны. Юноша, пожаловавшись, что он долгое время не спал, а прошлой ночью особенно истощил силы, провалился в сон.

Некоторое время Вольф сидел, уставясь на пламя умиравшего костра. За короткое время он повидал и испытал многое, но ему еще предстояло через многое пройти, если он выживет. Из глубин поднялся гикающий крик, и огромная зеленая орлица заклекотала где-то в воздухе у поверхности горы.

Вольф гадал, где была сегодня ночью Хрисенда. Была ли она еще жива, и если да, то как у нее дела? И где рог? Кикаха сказал, что они должны найти рог, если вообще хотят рассчитывать на какой-то успех. Без него они неизбежно проиграют.

С такими мыслями Вольф и уснул.

Четыре дня спустя, когда солнце находилось в средней точке своего пути вокруг планеты, они втащили себя наверх через грань. Перед ними находилась равнина, расстилавшаяся по меньшей мере на сто шестьдесят миль, прежде чем горизонт пропадал из виду. По обеим сторонам, вероятно, в сотне миль, находились горные хребты. Они могли быть достаточно большими, чтобы выдержать сравнение с Гималаями. Но они казались мышами рядом с монолитом Абхарплунтой, господствовавшим в этом секторе многоярусной планеты. Абхарплунта, как утверждал Кикаха, находилась в пятнадцати сотнях миль от грани, а казалось, что она расположена всего в пятнадцати милях от них.

Она высилась ничуть не меньше, чем гора, на которую они только что поднялись.

— Теперь ты получил представление, — проговорил Кикаха. — Этот мир не похож на грушу. Это — планетарная Вавилонская Башня, серия ступенчато расположенных колонн, и каждая меньше той, что под ней. На самой оси этой башни размером с Землю находится дворец Господа. Как видишь, нам предстоит долгий путь. У нас впереди может быть множество неожиданностей. Но жизнь эта великолепна, пока она продолжается! Я провел здесь дикое и чудесное время! Если бы Господь сразил меня в эту минуту, я не мог бы жаловаться. Хотя, конечно, жаловался бы, будучи человеком и, следовательно, злясь из-за того, что меня срубают в расцвете лет! Поверь мне, друг мой, я — в расцвете лет!

Вольф не мог не улыбнуться юноше.

Он выглядел таким веселым и жизнерадостным, словно неожиданно оживленная и переполненная от этого радостью бронзовая статуя.

— Ладно! — воскликнул Кикаха. — Первое, что мы должны сделать, это достать для тебя какую-нибудь подходящую одежду. Уровнем ниже нагота — шик, но на этом — нет. Тебе придется носить по крайней мере набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы будут тебя презирать, а презрение здесь означает для презираемого рабство или смерть.

Он пошел вдоль грани, Вольф последовал за ним.

— Заметь, как зелена и сочна трава, она доходит нам до колен. Это — пастбище для жующих побеги и траву. Но трава также достаточно высока, чтобы скрыть зверей, кормящихся

травоядными. Так что берегись! В траве рыскают равнинная пума, страшный волк, полосатая охотничья собака и гигантская ласка. И потом, есть Фелис, Атрог, которого я называю жестким львом. Он некогда бродил по равнинам Северо-Американского Юго-Запада и вымер там примерно десять тысяч лет назад. Здесь же он очень даже живой, на треть больше африканского льва и вдвое злобнее, — объяснил Вольфу Кикаха.

— Эй, гляди-ка! Мамонты!

Вольф хотел было остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, находившимися примерно в четверти мили от них, но Кикаха вынудил его идти дальше.

— Их еще много кругом, и придет время, когда ты пожелаешь, чтобы их не было. Трать свое время на наблюдение за травой. Если она будет двигаться против ветра, скажи мне.

Они быстро прошли две мили. За это время они подошли к табуну диких лошадей. Жеребцы захрапели и прискакали посмотреть на них, а затем остановились не отступая, роя копытами землю и фыркая, пока двое путников не прошли.

Это были великолепные животные, высокие, гладкие, черные или лоснившиеся гнедые, или в черно-белых яблоках.

— Тут нет никаких ваших индейских лошаденок, — сообщил Кикаха. — Я думаю, Господь не импортировал ничего, кроме самых лучших пород.

Вскоре Кикаха остановился у кучи камней.

— Это мой ориентир, — пояснил он.

Отсюда он пошел прямо в глубь равнины. Через милю они вышли к высокому дереву. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и начал взбираться на дерево. На половине пути к вершине он добрался до дупла и вытащил большой мешок. По возвращении Кикаха достал из мешка два лука, два колчана со стрелами, набедренную повязку из оленьей кожи и пояс с кожаными ножнами, где находился длинный стальной нож.

Вольф надел набедренную повязку с поясом, взял лук и колчан.

— Ты знаешь, как ими пользоваться? — спросил Кикаха.

— Всю жизнь практиковался.

— Хорошо. Ты получишь больше чем один шанс проверить свое искусство. Вперед. Нам требуется покрыть много миль.

Они тронулись волчьим скоком: сто шагов бегом, сто шагов шагом. Кикаха показал на горный кряж справа от них.

— Вот где проживает мое племя хровака — медвежий народ. Коль скоро мы попадем туда, мы сможем какое-то время отдохнуть и приготовиться к предстоящему нам долгому путешествию.

— Ты не похож на индейца, — заметил Вольф.

— А ты, друг мой, тоже не похож на шестидесятилетнего старика. Но здесь мы ими являемся. Ладно. Я отложил рассказ о себе потому, что хотел сперва услышать твою историю. Сегодня ночью мы поговорим.

Они мало о чем еще беседовали в тот день. Вольф время от времени удивлялся при виде разных животных. Здесь бродили большие стада бизонов, темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные родственники.

Были и другие табуны лошадей и существа, выглядевшие похожими на прототип верблюда, новые мамонты, а потом семейство степных мастодонтов. Стая страшных волков бежала рядом с ними какое-то время на расстоянии всего в сто ярдов. Волки в холке доставали Вольфу почти до плеч.

Кикаха, видя тревогу Вольфа, засмеялся и сказал:

— Они не нападут на нас, если не проголодаются. А это крайне маловероятно со всей этой дичью здесь вокруг. Им просто любопытно.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону, их скорость возросла, когда они выгнали из рощи нескольких полосатых антилоп.

— Это — Северная Америка, какой она была долгое время до прихода белого человека, — сказал Кикаха. — Свежая, просторная, с многочисленными животными и немногими бродячими племенами.

Над головами у них пролетела, крякая, стая из сотни уток.

Словно гром средь зеленого неба, рухнул ястреб, и стая лишилась одного товарища.

— Счастливая Охотничья Земля! — воскликнул Кикаха. — Только иногда не такая уж и счастливая.

За несколько часов до того, как солнце ушло за гору, они остановились у небольшого озера. Кикаха нашел дерево, на котором он соорудил помост.

— Мы будем спать сегодня здесь, неся по очереди караул. Единственное животное, могущее напасть на нас на дереве, это гигантская ласка, но от нее может возникнуть достаточно беспокойства. Кроме того, и это еще хуже, тут могут оказаться военные отряды.

Кикаха отлучился с луком в руке и вернулся через пятнадцать минут с большим кроликом. Вольф развел небольшой костер, который мало дымил, на нем они и зажарили кролика. Пока они ели, Кикаха объяснял топографию местности.

— Что бы ты ни говорил о Господе, нельзя отрицать, что он проделал неплохую работу, проектируя этот мир. Возьми этот уровень, Индею. Он на самом деле не плоский. У него есть серия легких изгибов, каждый длиной примерно в сто шестьдесят

миль. Они позволяют воде стекать, образовывать ручьи, реки и озера. На этой планете нигде нет снега и не может быть, климат довольно единообразный. Но дождь идет каждый день. Тучи приходят откуда-то из пространства.

Они окончили есть кролика и завалили костер. Вольф вызвался караулить первым. Кикаха проговорил всю очередь дежурства Вольфа, а Вольф не засыпал все дежурство Кикахи, слушая его.

Вначале, давным-давно, больше двадцати тысяч лет назад, Боги обитали во вселенной, параллельной земной. Тогда их еще не называли "Господь".

В то время их было не очень-то много, ибо они являлись выжившими в длившейся тысячелетие борьбе с другими видами. Всего их было, наверно, тысяч десять.

— Но если их и было недостаточное количество, то качество их знаний и умений превосходило многое, — рассказывал Кикаха. — У них была такая наука и технология, что наши, земные, выглядели, словно мудрость австралийских аборигенов. Они могли сконструировать эти личные вселенные, и конструировали их. Сперва каждая вселенная была своего рода площадкой для игр, микрокосмическим загородным клубом для мелких групп. Затем, и это неизбежно, поскольку эти боги являлись человеческими существами, как бы они ни походили своей мощью на богов, они поссорились. Чувство собственности было и есть в них столь же сильно, как и в нас. Среди них возникла борьба. Я полагаю, случались также смерти от несчастных случаев и самоубийства. К тому же изоляция и одиночество делали их одержимыми манией величия. И это естественно, если учесть, что каждый играл роль маленького бога и стал сам верить в нее. Если сжать длившуюся целые эпохи повесть в несколько слов, Господь, построивший эту конкретную вселенную, в конце концов оказался в одиночестве. Его звали Джадавин, и у него не было даже жены. Да он и не хотел. Зачем бы ему делить этот мир с равной себе, когда он мог быть Зевсом с миллионом Европ, с прекраснейшими из Лед? Он населил этот мир существами, похищенными из других вселенных, главным образом землянами или созданными в лабораториях во дворце на вершине яруса. Он создал таких, каких только желал, божественных красавиц и экзотических чудовищ. Единственная беда заключалась в том, что боги не довольствовались властью только над одной вселенной. Они начали желать миры других, и поэтому борьба продолжалась. Они воздвигали почти неприступную оборону и изобрели почти неотразимое нападение. Битва стала смертельной игрой. Эта роковая игра была неизбежной, если учесть, что тоска и скука являлись такими врагами, которых они

не могли отогнать. Когда ты почти всемогущ, твои создания слишком низки и слабы, чтобы вечно интересовать тебя. Какие тут найдутся острые ощущения, кроме как рискнуть своим бессмертием против другого бессмертного?

— Но как в это угодил ты? — спросил Вольф.

— Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Мое среднее имя было фамилией моей матери. Как тебе известно, Янус Финнеган — это также бог ворот и старого и нового года, бог с двумя ликами, одним, глядящим вперед, и другим, глядящим назад.

Кикаха усмехнулся и продолжил:

— Янус очень подходящее имя, тебе не кажется? Я — человек двух миров, и я прошел через врата между ними. Не то чтобы я когда-либо возвращался на Землю или хотел этого. Здесь я пережил приключения и приобрел положение, какого никогда бы не добился на том мрачном старом шарике. Кикаха — не единственное мое имя. Я вождь на этом ярусе и своего рода большая шишка на других ярусах, как ты со временем выяснишь.

Вольф призадумался. Кикаха был так уклончив, что Вольф заподозрил, что у него есть еще одна личина, о которой он не собирался распространяться.

— Я знаю, что ты думаешь, но ты в это не веришь, — проговорил Кикаха. — Я обманщик, но с тобой я откровенен. Кстати, знаешь ли ты, как я приобрел имя среди медвежьего народа? На их языке Кикаха — мифологический персонаж, полубожественный обманщик и хитрец, что-то вроде старика Койота индейцев прерий или Нанабоэхо у оджибваев или Вакджункага у винебаго. Когда-нибудь я расскажу тебе, как я заслужил это имя и как я стал советником у хровака. Но сейчас я должен рассказать тебе о более важных вещах.

Глава VII

В 1941 году в возрасте двадцати трех лет Пол Финнеган записался добровольцем в кавалерию США, потому что любил лошадей. Короткое время спустя он оказался водителем танка. Он служил в Восьмой Армии и поэтому в конечном итоге переправился через Рейн.

Однажды, после того как они помогли взять небольшой городок, он обнаружил в развалинах местного музея необыкновенный предмет. Это был полумесяц из серебристого металла, настолько твердого, что удары молотка не гнули его, а ацетиленовая горелка не расплавляла.

— Я расспросил о нем нескольких горожан. Все, что они знали, это то, что он находился в музее долгое время. Один профессор химии, после того как подверг его некоторым испытаниям, попытался заинтересовать им Мюнхенский университет, но потерпел неудачу. Я забрал его домой после войны наряду с другими сувенирами. Потом я вернулся в Индианский университет. Отец оставил мне достаточно денег, чтобы я смог прожить несколько лет без забот, так что у меня была небольшая милая квартирка, спортивная машина и так далее. Один мой друг был газетным репортером. Я рассказал ему о полумесяце, его странных свойствах и неизвестном составе. Он написал о нем статью, которую напечатали в Блумингтоне, и статья эта была подхвачена и перепечатана газетным синдикатом. Она не вызвала большого интереса среди ученых. Фактически они не хотели иметь к этому никакого отношения. Три дня спустя в моей квартире появился человек, называвший себя мистер Ваннакс. Я подумал, что он голландец, из-за его фамилии и иностранного акцента. Он хотел посмотреть на полумесяц. Я оказал такую любезность. Он очень разволновался, хотя пытался казаться спокойным. Он сказал, что хотел бы купить его у меня. Я спросил, сколько он заплатит, и он ответил, что даст десять тысяч долларов, но не больше.

— Разумеется, вы можете поднять цену и выше, объяснил я, — продолжал Кикаха, — потому что если вы не поднимете, то ничего не получите.

— Двадцать тысяч, — предложил Ваннакс.

— Давайте поднакачаем еще немного, — предложил я.

— Тридцать тысяч?

Финнеган решил рискованно сыграть.

Он спросил Ваннакса, заплатит ли тот сто тысяч долларов.

Ваннакс еще больше побагровел и раздулся, словно "лягушка-скакушка", как выразился Финнеган-Кикаха, но ответил, что добудет данную сумму через двадцать четыре часа.

— Тут я понял, что у меня действительно кое-что имеется, — рассказывал Вольфу Кикаха. — Вопрос был в том, что это такое, а также почему этот тип, Ваннакс, так отчаянно хотел заиметь это. Никто в здравом уме, ни один нормальный человек не клюнул бы так быстро на приманку. Значит, надо было быть с ним поуклончивее.

— Как выглядел этот Ваннакс? — спросил Вольф.

— Это был здоровый парень, хорошо сохранившийся шестидесятилетний мужчина. У него был орлиный клюв и орлиные глаза. Чувствовалось, что он — сильная личность, но он пытался обуздать себя, быть по-настоящему любезным. Делать это ему было дьявольски тяжело. Одет он был в дорогой костюм, правда,

уже старомодного покроя. Казалось, он был человеком, не привыкшим, чтобы ему в чем-то перечили.

— Поднимите до трехсот тысяч долларов, и он — ваш, — сказал я.

Мне и не снилось, что он скажет "да". Я думал, он взбесится и уберется, потому что я не собирался продавать ему полумесяц, если бы даже он предложил мне миллион.

Ваннакс, хотя и рассвирепел, сказал, что он заплатит триста тысяч долларов, но Финнегану придется дать ему добавочные двадцать четыре часа.

— Вам сперва придется сказать мне, зачем вам нужен этот полумесяц и на что он годен, — заявил я.

— Нет! — закричал он. — Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья ты купеческая, земляной червь!

— Убирайтесь отсюда, пока я не выкинул вас или пока я не вызвал полицию, — велел я ему.

Ваннакс начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган пошел в спальню и вышел с автоматическим пистолетом сорок пятого калибра. Ваннакс не знал, что он не заряжен. Он ушел, хотя ругался и бормотал про себя всю дорогу до своего "ролле-ройса" сорокового года выпуска.

Той ночью Финнеган никак не мог уснуть. Было уже больше двух часов, когда ему удалось заснуть, и даже тогда он постоянно просыпался. Во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Он тихо скатился с постели и достал из-под подушки заряженный пистолет сорок пятого калибра.

По пути к двери спальни он взял с бюро фонарик.

Луч его поймал Ваннакса, нагнувшегося посередине гостиной. В руке у него был серебристый полумесяц.

— Затем я увидел второй полумесяц на полу. Его Ваннакс принес с собой. Я застиг его на складывании их вместе, создавая полный круг. Я не знал, зачем он это делал, но спустя минуту выяснил. Я велел ему поднять руки вверх. Он это сделал, но поднял и ногу, чтобы шагнуть в круг. Я велел ему не двигаться даже на волосок или буду стрелять. Он все равно поставил одну ногу в круг, поэтому я пальнул. Я выстрелил над его головой, и пуля ушла в угол комнаты. Я просто хотел припугнуть его, рассчитывая, что если он будет достаточно потрясен, то, может, начнет говорить. Он напугался, что и говорить, и отпрыгнул назад. Я прошел через гостиную, в то время как он отступал к двери. Он болтал, как маньяк, угрожая мне и предлагая полмиллиона. Я думал прижать его к двери и вогнать в живот дуло пистолета. Вот тогда-то он действительно заговорит и выложит всю подноготную о полумесяце. Но когда я последовал за ним через гостиную, то ступил в созданный двумя полумесяцами

круг. Он увидел и заорал мне, чтобы я остановился, впрочем, слишком поздно. Он и квартира исчезли, а я оказался по-прежнему в круге, только он не был тем же самым и был в этом мире, во дворце Господа на вершине Мира.

Кикаха сказал, что он мог бы впасть в шоковое состояние, но он активно читал Фэнтези и научную фантастику с четвертого класса начальной школы. Идея параллельных вселенных и устройство для перехода между ними была ему знакома. Он был приучен принимать такие концепции. Фактически он наполовину верил в них. Таким образом, он был достаточно гибко мыслящим, чтобы согнуться, не ломаясь, а затем пружинисто распрямиться. Хоть и испугавшись, он в то же время был взволнован и полон любопытства.

— Я вычислил, почему Ваннакс не последовал за мной через врата. Два полумесяца, сложенные вместе, создали "контур". Но они не были активированы, пока внутрь какого бы там ни излучаемого ими "поля" не шагнуло живое существо. Затем один полукруг остался на Земле, в то время как другой прошел через врата в эту вселенную, где он сцепился с поджидавшим его полукругом. Иными словами, чтобы создать замкнутый контур, требуется три полумесяца: один — в мире, куда ты отправляешься, а два других — в том, который ты покидаешь. Ты вступаешь в круг, один полумесяц переправляется к единственному в следующей вселенной, оставляя только один полумесяц в только что покинутом тобой мире. Ваннакс, должно быть, явился на Землю посредством этих полумесяцев. Он не прошел бы, не смог бы пройти, если бы на Земле уже не было полумесяца. Каким-то образом — как именно, мы, может, никогда и не узнаем — он потерял на Земле один из них. Может, он был украден кем-то, не знавшим его истинной ценности. Так или иначе, он должен был искать его. Когда появилась статья об этом полумесяце, который я нашел в Германии, он понял, что это то, что ему надо. Поговорив со мной, он сделал вывод, что я могу и не продать его. Поэтому он забрался ко мне в квартиру с имевшимся у него полумесяцем. Он как раз готов был завершить круг и совершить переход, когда я его остановил. Он, должно быть, застрял на Земле и был не в состоянии попасть сюда, если не найдет еще одного полумесяца. При всем, что я знаю, на Земле могут быть и другие. Тот, который я добыл в Германии, мог даже не быть потерянным им.

Финнеган долгое время бродил по "дворцу". Тот был громадным, потрясающе прекрасным, экзотическим и наполненным сокровищами, драгоценными камнями и произведениями искусства. Имелись там также и лаборатории со странными существами, формировавшимися в огромных прозрачных

цилиндрах. Там было много пультов со множеством действовавших приборов, но он понятия не имел, что они собой представляли. Символы под кнопками и рычагами были еще незнакомы.

— Мне повезло. Во дворце полно ловушек, готовых поймать или убить незваных гостей. Но они не были включены, почему — не знаю. Я не знал тогда, почему дворец необитаем. Но это было удачей для меня.

Финнеган на время покинул дворец и прошел через окружавший его изысканный сад. Он приблизился к краю монолита, на котором располагались дворец и сад.

— Ты повидал достаточно, чтобы представить себе, что я почувствовал, посмотрев через край. Монолит достигал, должно быть, высоты тридцати тысяч футов. Ниже его находился ярус, названный Господом Атлантидой. Я не знаю, был ли земной мир основан на этой Атлантиде, или Господь позаимствовал название из мифа. Ниже Атлантиды находится ярус, называемый Дракландией, потом — Индея. Все это я охватил одним взглядом, точно так же, как можно охватить одну сторону Земли с ракеты. Никаких деталей, конечно, просто большие облака, крупные озера, моря и контуры континентов. Добрая часть каждого нижеследующего яруса загораживалась тем, который был непосредственно над ним. Но я мог разобрать структуру Вавилонской Башни этого мира, даже хотя я в то время не понимал того, что вижу. Все это было попросту слишком неожиданно и чуждо для меня, чтобы воспринять какую-либо форму. Все виденное ничего для меня не значило.

Финнеган, однако, мог понять, что он находился в отчаянном положении. У него не было никаких средств покинуть вершину этого мира, кроме как попытавшись вернуться на Землю через полумесяцы. В отличие от других монолитов поверхность этого была гладкой, как шарик подшипника. Да он и не собирался снова использовать полумесяцы, ведь его несомненно поджидал Ваннакс.

Хотя ему и не угрожала опасность умереть от голода — пищи и воды хватило бы на долгие годы, — он не мог да и не хотел оставаться там. Он страшился возвращения хозяина, так как у того мог оказаться очень скверный характер. Во дворце имелись некоторые вещи, заставлявшие Кикаху испытывать беспокойство.

— Но вот пришли гворлы, — продолжал рассказ Кикаха. — Я полагаю, что они пришли из другой вселенной через врата, схожие с теми, которые открыли дорогу мне. В то время я никак не мог знать, как или почему они оказались во дворце, но я был рад, что попал туда первым. Если бы я угодил к ним в руки...

Позже я вычислил, что они были агентами другого Господа. Он послал их похитить рог. Я видел рог во время своих скитаний по дворцу и даже потрубил в него, но я не знал, как нажимать комбинацию кнопок на нем, чтобы заставить его сработать. Фактически я, собственно, не знал его настоящей цели. Гворлы забрались во дворец. Их была примерно сотня. К счастью, я увидел их первым. Они тут же дали волю своим дурным наклонностям. Они попытались убить некоторых из Очей Господа, живших в саду воронов размером с орла. Меня они не беспокоили, наверно потому, что подумали, будто я гость, или я не выглядел опасным. Гворлы попытались перерезать глотку одному ворону; и вороны напали на них. Гворлы отступили во дворец, куда большие птицы и последовали за ними. Вскоре в той стороне дворца раздался шум, послышались крики. И там пролилась кровь. Повсюду валялись перья, куски шерсти. Во время битвы я увидел, как один гворл выбрался из помещения с рогом. Он шел по коридорам так, словно что-то искал.

Финнеган последовал за гворлом в другое помещение, размером примерно с два ангара для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных, но загадочных устройств. На мраморном пьедестале стояла большая золотая модель планеты. На каждом из ее уровней было несколько драгоценных камней. Как со временем установил Финнеган, алмазы, рубины и сапфиры были расположены, определенным образом составляя символы, а те указывали различные точки резонанса.

— Точки резонанса?

— Да. Символы были закодированными мнемотическими записями комбинации нот, требовавшихся для открытия врат в определенных местах. Некоторые врата открывались в другие вселенные, другие — служили просто вратами между ярусами в этом мире. Они давали Господу возможность мгновенно путешествовать с одного уровня в следующий. С символами были связаны крошечные модели выдающихся характеристик резонансных точек на разных ярусах. Господь, должно быть, объяснил гворлу с рогом, как читать символы. Очевидно, он проводил для Господа испытание, чтобы удостовериться, что он добыл нужный рог. Он протрубил семь нот в сторону бассейна, и воды расступились, открыв кусок суши с алыми деревьями вокруг него и зеленым небом на заднем плане. Это было придумано первоначальным Господом для входа на атлантический ярус через сам бассейн. Я в то время не знал, куда вели эти врата. Но я увидел свой единственный шанс сбежать из огромной ловушки этого дворца и ухватился за него. Подкравшись сзади к гворлу, я выхватил из его рук рог и столкнул его в бассейн —

не в ворота, а в воду. Ты никогда не слышал таких визгов и воплей и такого барахтанья. Весь страх, которого они не испытывают перед другими вещами, заключается в водобоязни. Этот гворл погрузился в воду, вынырнул, крича и отплевываясь, а затем сумел ухватиться за край врат. У врат, знаешь ли, есть определенные грани, осязаемые и изменяющиеся. Я услыхал позади себя рев и крики. В помещение ввалилась дюжина гворлов с большими окровавленными ножами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться. Она была так мала, что я содрал, пробираясь, кожу на коленях, но я-таки пробрался, и дыра закрылась. Она отхватила обе руки гворла, пытавшегося вылезти из воды и последовать за мной. В руке у меня был рог, и я на время оказался за пределами их досягаемости.

Кикаха ухмыльнулся, словно смакуя воспоминания. Вольф проговорил:

— Господь, пославший вперед гворлов, и есть нынешний Господь, верно? Кто он?

— Арвур. Отсутствующий Господь был известен как Джадавин. Должно быть, он и являлся человеком, назвавшимся Ваннаксом. Арвур прибыл занять вакантное место, и с тех пор он все время пытался найти меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал, что с ним произошло после того, как он оказался на атлантическом ярусе. В течение двадцати лет земного времени он жил то на одном, то на другом ярусе, всегда замаскировавшись. Гворлы и вороны, служившие теперь новому Господу Арвуру, никогда не прекращали искать его, но выпадали долгие периоды, иногда они длились по два-три года подряд, когда Кикаху не тревожили.

— Минутку, — прервал его Вольф. — Если врата между ярусами закрыты, то как же гворлы спустились с монолита, преследуя тебя?

Кикаха этого тоже не мог понять.

Однако, когда гворлы на уровне Сада захватили его в плен, он порасспросил их. Хоть они и были ребята угрюмые, они ответили ему на некоторые вопросы. Их спустили на атлантический уровень на тросах.

— Тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Разумеется. Почему бы и нет? Дворец — сказочный многопалатный склад. Если бы я имел шанс поискать достаточно долго, я бы и сам нашел тросы. В любом случае, гворлы сказали мне, что Господь Арвур не поручал им убивать меня, даже если я попытаюсь сбежать. Он хочет, чтобы я насладился серией изысканных пыток. Гворлы говорили, что Арвур разработал новую и тонкую технику, плюс утончил некоторые из давно

утвердившихся методов. Можешь себе представить, как я потел от страха на пути обратно во дворец.

После пленения в Саду Кикаху отвезли через океаны к подножию монолита. Пока они выходили на него, их остановил один ворон-Око. Он принес новость о пленении Кикахи Господу, пославшему его обратно с приказами. Гворлы должны были разделиться на два отряда. Один должен был подниматься дальше с Кикахой, другой обязан был вернуться к грани Сада. Если человек, овладевший теперь рогом, вернется с ним через врата, его требовалось взять в плен. Рог надо было доставить обратно Господу.

Кикаха заметил:

— Как мне представляется, Арвур хотел, чтобы и тебя тоже доставили к нему. Он, вероятно, забыл передать такой приказ гворлам через ворона или же считал само собой разумеющимся, что тебя привезут к нему, забыв, что гворлы — ребята очень плохо мыслящие и начисто лишены воображения. Я не знаю, зачем гворлы захватили в плен Хрисенду. Они, наверно, намеревались использовать ее как умиротворяющее подношение Господу. Гворлы знают, что он не доволен ими из-за того, что я ускользнул от них в такой долгой, а иногда даже веселой охоте. Может, они собирались уменьшить его гнев, поднеся ему самый прекрасный шедевр прежнего Господа.

— Значит, нынешний Господь не может путешествовать между ярусами через резонансные точки? — сказал Вольф.

— Без рога — нет. Я держу пари, что прямо сейчас его прошибает то горячий, то холодный пот. Ничто не может помешать гворлам воспользоваться рогом для ухода в другую вселенную и подарить его другому Господу, кроме их неведения о том, где находятся резонансные точки. Если бы они нашли такую... Однако они не воспользовались им у валуна, так что мне представляется, что они не попробуют этого ни в каком другом месте. Они злобны, но умом не блещут.

— Если все эти боги такие мастера супернауки, то почему Арвур не воспользуется для путешествия самолетом? — спросил Вольф.

Кикаха разразился долгим смехом, а затем проговорил:

— Ну, ты шутник. Господь — наследник науки и мощи, намного превосходящих земные. Но ученые и техники их народа давно умерли. Те, кто живут сейчас, знают, как пользоваться своими устройствами, но они не способны ни объяснить принципы их действия, ни отремонтировать их. Длившаяся тысячелетия борьба за власть перебила всех, кроме немногих. Эти немногие, несмотря на свою огромную мощь, невежды. Они сибариты, маньяки, параноики, называй, как хочешь, но на

ученье они не способны. Вполне возможно, что Арвур является обездоленным Господом. Он вынужден был бежать, спасая свою жизнь, и только потому, что Джадавин по какой-то причине пропал из этого мира, Арвур сумел завладеть им. Он явился во дворец с пустыми руками. У него нет доступа ни к каким силам, кроме тех, которые находятся во дворце, и он не может управлять многими из них. Он тот, кто наверху, но он все равно в невыгодном положении.

Кикаха заснул. Вольф уставился в ночь, так как он был в первом карауле.

Он не находил этот рассказ невероятным, но думал, что в нем есть прорехи.

Кикахе придется еще многое объяснять.

И потом, была Хрисенда. Он думал о щемяще прекрасном лице с изящной костной структурой и большими глазами с кошачьими зрачками. Где была Хрисенда? Как там у нее дела? Увидит ли он ее когда-нибудь вновь?

Глава VIII

Во время второго караула Вольфа что-то черное, длинное и быстрое проскользнуло в лунном свете между двух кустов.

Вольф пустил в хищника стрелу, и тот, издав свистящий визг, встал на задние ноги. Вольф понял, что чудовище огромных размеров. Вольф вставил в тетиву новую стрелу и пальнул в белое брюхо, и все же зверь не умер, а убежал, свистя и с треском ломая кусты.

К тому времени Кикаха с ножом в руке оказался рядом с ним.

— Тебе повезло, — только и произнес он. — Их не всегда удается увидеть, а потом — хоп! Они вцепляются тебе в горло.

— Я мог бы воспользоваться ружьем, предназначенным для охоты на слонов, — объяснил Вольф, — и уверен, что оно остановило бы его. Кстати, почему гворлы да и индейцы, судя по тому, что ты мне рассказывал, не пользуются огнестрельным оружием?

— Оно строго запрещено Господом. Видишь ли, Господь не любит некоторых вещей. Он хочет держать свой народ на определенном демографическом и технологическом уровне и в пределах определенных социальных структур. Господь правит планетой железной рукой. Например, он любит чистоту. Ты, может, заметил, что народ Океапоса — ленивая, радующаяся, что им повезло, компания. И все же они всегда убирают за собой. Нигде никакого помета. То же самое происходит и на этом уровне, на каждом уровне. Индейцы также соблюдают личную

чистоту, так же, как дранландцы и атланты. Господь хочет, чтобы было так, а наказание за неповиновение — смерть.

— Как он проводит в жизнь свои желания? — спросил Вольф.

— По большей части, имплантировав их в нравы обитателей. Первоначально Господь поддерживал тесный контакт со жрецами и знахарями и, используя религию, в которой он верховное божество, сформировал и утвердил обычаи населения. Он любил аккуратность и не любил огнестрельного оружия или любой формы развитой технологии. Может, он был романтик, не знаю. Но все самые разнообразные общества на этой планете крайне статичны.

— Значит, тут нет никакого прогресса?

— Ну так что ж? Разве прогресс обязательно желателен, а статичное общество нежелательно? Лично я, хоть и ненавижу надменность Господа, его жестокость и отсутствие человечности, тем не менее одобряю кое-что из сделанного им. За некоторыми исключениями, мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

— Тогда ты тоже романтик!

— Может быть. Этот мир, как ты уже знаешь, достаточно реален и мрачен, но он свободен от грязи и копоти, от любых болезней, мух, москитов и вшей. Юность тут продолжается, пока ты жив. В общем и целом, это не такое уж плохое место проживания. Во всяком случае, для меня.

Вольф стоял в последнем карауле, когда солнце появилось из-за угла мира. Светляки побледнели, и небо стало похоже на зеленое вино. Воздух прошелся прохладными пальцами по двум спутникам и омыл их легкие. Они потянулись, а затем, спустившись с помоста, отправились поохотиться, ведь надо же им позавтракать. Позже, наполнив животы жареным кроликом и сочными ягодами, они возобновили свое путешествие.

Вечером третьего дня, когда солнце уже готовилось спрятаться за монолит, они вышли на равнину. Перед ними находился высокий холм, за которым, как сказал Кикаха, лежали небольшие леса. Одному из высоких деревьев предстояло дать им убежище на ночь.

Внезапно из-за холма выехал отряд человек в сорок. Они были темнокожими, а волосы были заплетены в две косички.

Лица их были раскрашены бело-красными полосами и черными иксами.

Они носили маленькие круглые щиты и держали в руках копья или луки. На некоторых были в качестве шлемов

медвежьи черепа, у других — воткнутые в шапочки перья и шляпы с длинными птичьими перьями.

Увидев перед собой пеших, всадники закричали и бросили коней в галоп.

Копья со стальными наконечниками опустились. В луки вставили стрелы и подняли тяжелые стальные топоры или утыканные шипами дубинки.

— Стой спокойно! — велел Кикаха.

Он улыбался.

— Это Хровака — медвежий народ, мой народ.

Он шагнул вперед и поднял обеими руками лук над головой.

Он что-то крикнул всадникам на их родном языке. Слова он произносил медленно, глотая некоторые гласные, интонационно речь часто звучала как вопросительная.

Узнав его, они закричали:

— АнгКун гавас ТреКикаха!

Они подлетели, воткнув копья в землю как можно ближе к Кикахе, но ни одно не задело его. Дубинки и топоры свистели перед его лицом или над головой, а стрелы вонзались в землю у его ног или даже между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, но он вынес все это не моргнув глазом. Подобно Кикахе, он продемонстрировал улыбку, но не думал, что она была такой же ненапряженной.

Хровака развернули коней и атаковали снова. На этот раз они резко натянули поводья, подняв своих лягавшихся, ржавших коней на дыбы. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером. Смеясь и тяжело дыша, они стали бороться на земле, пока Кикаха не повалил хровака на обе лопатки. Затем Кикаха поднялся и представил проигравшего Вольфу.

— ИгатуГангис, один из моих шуринов.

Двое индейцев, спешившись, приветствовали Кикаху крепкими объятиями и взволнованной речью. Кикаха подождал, пока они не успокоятся, а затем принялся говорить долго и торжественно. Он часто тыкал пальцем в Вольфа. После пятнадцатиминутной речи, прерываемой время от времени краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу.

— Нам повезло. Они отправились в набег на Ценаква, которые живут довольно близко к лесу Деревьев со многими тенями. Я объяснил, что мы здесь делаем, хотя, конечно, поведал им не все. Они не знают, что мы ищем самого Господа, и я не собираюсь им рассказывать. Но они знают, что мы идем по следу Хрисенды и гворлов и что ты — мой друг. Они также знают, что нам помогает Подарга. Они испытывают большое уважение к ней и ее орлицам и хотели бы, если смогут, оказать ей услугу. У них масса прекрасных лошадей, так что выбирай на свой вкус.

Единственное, что мне в этом не нравится, это что ты не наведаешься в вигвам медвежьего народа, а я не увижусь со своими двумя женами, Глишовей и Ангванат. Но нельзя иметь все.

Военный отряд скакал весь тот день и весь следующий без передышки, меняя лошадей каждые полчаса. Вольф натер себе седалище о седло, или, скорее, об одеяло. К третьему утру он был в такой же хорошей форме, как любой из медвежьего народа, и мог оставаться на коне весь день, не чувствуя усталости и боли ни в мышцах, ни в костях.

На четвертый день отряд задержался на восемь часов. Поперек их пути промаршировало стадо гигантских бородатых бизонов. Животные собрались в колонну шириной в две мили и длиной в десять миль, создав барьер, который не могли пересечь ни зверь, ни человек.

Вольф был раздражен, но другие не слишком переживали, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе.

Вслед за бизонами проскакали охотники шаникоца, намеревавшиеся убить какого-нибудь отставшего бизона. Хровака хотели внезапно напасть на них и перебить всю группу, и только страстная речь Кикахи удержала их. После Кикаха рассказал Вольфу, что медведи убеждены, что каждый из них равен десятку из любого другого племени.

— Они — отличные бойцы, но чересчур самоуверенные и самонадеянные. Если бы ты знал, сколько раз мне приходилось отговаривать их от попадания в ситуации, где их стерли бы в порошок!

Они поскакали дальше, но день завершился встречей с НгашуТангисом, одним из разведчиков. Он подскакал, крича и жестикулируя. Кикаха расспросил его, а затем сообщил Вольфу:

— Одна из шташек Подарги в двух милях отсюда. Она устроилась на дереве и потребовала у НгашуТангиса привести к ней меня. Сама она не может этого сделать, ее разодрала стая воронов.

Ходу!

Орлица сидела на нижней ветке одинокого дерева, сжав когти вокруг тонкой ветки, согнувшейся под ее весом. Ее зеленые перья покрывала засохшая красно-черная кровь, а один глаз был вырван. Другим же она грозно глядела на медвежий народ, державшийся на почтительном расстоянии.

— Я — Аглая. Я давно тебя знаю, Кикаха-обманщик. И я видела тебя, о Вольф, когда ты был гостем большекрылой Подарги, моей сестры и царицы. Именно она отправила нас на поиски дриады Хрисенды, гворлов и рога Господа. Но только я

одна видела, как они вошли в лес Деревьев с многими тенями по другую сторону равнины. Я налетела на них, надеясь застать их врасплох и захватить рог, но они увидели меня и построились в стенку, выставив перед собой свои ножи, и я поранилась. Поэтому я снова взлетела так высоко, что они не могли меня видеть. Но я, дальнозоркая покорительница небес, могла их видеть.

— Они надменны, даже умирая, — тихо сказал по-английски Вольфу Кикаха, — и это оправданно.

Орлица выпила воды, предложенной Кикахой, и продолжала:

— Когда наступила ночь, они разбили лагерь на опушке рощи. Я села на дерево, под которым спала, укрывшись плащом из оленьей шкуры, дриада. На плаще была засохшая кровь, полагаю, человека, убитого гворлами. Они свежевали его, готовясь зажарить над своими кострами. Я опустилась на землю с противоположной стороны дерева, надеясь поговорить с дриадой, может, даже помочь ей бежать, но сидевший рядом с ней гворл услышал трепет моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это было его ошибкой, потому что мои когти вцепились ему в глаза. Он выронил нож и попытался оторвать меня от своего лица. Он этого добился, но вместе с моими когтями пропало и многое из его лица и оба глаза. Тогда я предложила дриаде бежать, она попыталась встать, плащ упал, и я увидела, что руки и ноги у нее связаны. Я ушла в кусты, оставив гворла выть по своим глазам и по своей смерти тоже, потому что его собратья не станут обременять себя слепым воином. Я сбежала через лес обратно на равнину. Там я снова смогла взлететь. Я полетела к гнезду медвежьего народа сообщить тебе, о Кикаха, и тебе, о Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день. Но охотничья стая Очей Господних увидела меня первой. Они были надо мной и впереди меня в сияньи солнца. Они обрушились вниз, эти псевдоястребы, и застали меня врасплох. Я упала, гонимая ударами дюжины их, вцепившихся в меня когтями. Я падала, переворачиваясь снова и снова и истекая кровью под ударами их острых, как кремни, клювов. Потом я выправила свое тело, а также собралась с мыслями. Я хватала визжавших воронов и откусывала им головы или же отрывала им крылья или ноги. Я убила вцепившуюся в меня дюжину только для того, чтобы подвергнуться нападению остальной стаи. С этими я дралась, и история была та же самая. Они умирали, но, умирая, они приближали мою смерть, только потому, что их было так много.

Наступило молчание. Она оглядела их оставшимся глазом, но жизнь быстро покидала ее. Медвежий народ притих, даже

кони перестали храпеть, шептавший с небес ветер был самым громким звуком.

Внезапно Аглая проговорила слабым, но по-прежнему надменно-резким голосом:

— Скажи Подарге, что ей незачем стыдиться меня. И пообещай мне, о Кикаха, что Подарге обо всем расскажут.

— Обещаю, о Аглая, — сказал Кикаха. — Твои сестры прилетят сюда и унесут твое тело далеко от граней ярусов в зеленые небеса, и тебя пустят плыть через бездну, свободную в смерти, как и в жизни, пока ты не упадешь на солнце или не найдешь покой на луне.

— Я приказываю тебе это, человечишко, — произнесла она.

Голова ее опустилась, и она упала, но железные когти так вцепились в ветку, что птица раскачивалась взад-вперед вверх ногами. Крылья ее обвисли и развернулись, их концы задевали верхушки травы.

Кикаха раздавал приказания. Двоих воинов он отрядил искать орлиц, чтобы передать им сообщение Аглаи и уведомить их о ее смерти.

Он, конечно, ничего не сказал о роге и вынужден был потратить некоторое время на обучение обоих короткой речи на микенском. Удостоверившись, что они удовлетворительно запомнили ее, он отправил их в путь. Затем отряд задержался еще, поднимая тело Аглаи как можно выше. Здесь ее стоя привязали к стволу сыромятными ремнями.

— Вот, — удовлетворенно сказал Кикаха, когда работа была завершена. — Ни одна тварь не приблизится к ней, покуда она кажется живой. Все страшатся орлиц Подарги.

В полдень шестого дня после встречи с Аглаей отряд сделал долгую остановку у источника. Лошадям дали возможность отдохнуть и набить животы длинной зеленой травой. Кикаха и Вольф сидели бок о бок на вершине небольшого холма и жевали вареное мясо антилопы.

Вольф с интересом смотрел на небольшое стадо мастодонтов всего в четырехстах ярдах от них. Поблизости пригнулся в траве полосатый лев, девятисотфутовый образчик вида Феликс Атрокс. Лев питал какие-то слабые надежды напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, раз они добрались до леса в целости, — говорил Кикаха, — особенно потому, что они пешие. Между нами и лесом Деревьев со многими тенями находятся Цонаква и другие племена и ХингГатаврит.

— Полукони? — переспросил Вольф.

За несколько дней пути, проделанных с людьми Кикахи, Вольф хорошо усвоил язык этого племени.

— Полукони. Хои Кентаврои. Кентавры. Их создал Господь точно так же, как он создал других чудовищ этого мира. На индейских равнинах водится много их племен. Некоторые говорят по-скифски или сарматски, поскольку Господь захватил часть своего, кентаврийского, материала из этих древних стен инков. Но другие усвоили языки своих соседей — людей. И все приняли культуру индейцев прерий — с некоторыми вариациями.

Военный отряд вышел на Большую Торговую Тропу. Она отличалась от остальной равнины только вогнанными в землю на каждой миле столбами, увенчанными вырезанными из черного дерева изображениями Тишкитмоакского бога торговли Ишкветтламму.

Кикаха велел отряду пустить в галоп, когда они приблизились к тропе, и не замедлять хода, пока Тропа не останется далеко позади.

— Если бы Большая Торговая Тропа шла в лесу, а не параллельно ему, — сказал он Вольфу, — то все бы было отлично. Покуда мы оставались бы на ней, нас бы не тревожили. Тропа священна, ее уважают даже дикие полукони. Все племена получают тут стальное оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и так далее от тишкитмоаков, единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я поспешил пересечь Тропу потому, что был бы не в состоянии помешать хровака задержаться на несколько дней для торговли, если бы мы наткнулись на купеческий караван. Заметь, что у наших воинов больше мехов на лошадях, чем им нужно. Это просто на всякий случай. Но теперь мы, к счастью, далеко.

Шесть дней прошло, отряд не обнаружил никаких признаков вражеских племен вокруг за исключением нескольких представителей племени типи иреннусонков, выкрашенных в черно-красную полосу. Никто не выехал бросить им вызов, но Кикаха не расслаблялся, пока они не разминулись окончательно. На следующий день равнина начала меняться. Ярко-зеленая трава высотой по колено перемежалась с голубоватой травой высотой всего в несколько дюймов. Вскоре отряд скакал по раскинувшейся голубой земле.

— Утоптанная территория полуконей, — пояснил Кикаха.

Он выслал разведчиков далеко вперед от отряда.

— Не давай взять себя живым, — напомнил он Вольфу, — особенно полуконям. Человеческие равнинные племена могут решить принять тебя в племя вместо того, чтобы убить, если у тебя хватит пороху весело распевать и плевать им в рожу, пока

они станут поджаривать тебя на медленном огне, но у полуконей нет даже человеческих рабов. Они будут много недель держать тебя живым и визжащим.

На четвертый день после предупреждения Кикахи разведчики поднялись на бугор и увидели впереди черную ленту.

— Деревья растут вдоль реки Виникакнау, — объяснил Кикаха. — Мы проехали почти полпути до Леса Деревьев со многими Тенями. Давай гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня такое предчувствие, что везение перестает сопутствовать нам.

Он замолк, когда увидел вместе с другими отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа от них.

Затем белая лошадь Злого Ножа, разведчика, исчезла в ложбине между буграми.

Спустя несколько секунд на бугре позади него появилась темная масса.

— Полукони! — заорал Кикаха. — Ходу! К реке! Мы можем дать отпор среди деревьев вдоль нее, если сумеем добраться туда!

Глава IX

Единым порывом весь отряд пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее коня, великолепного чалого жеребца, погоняя его, хотя он не нуждался в поощрении. Ноги коня замелькали с необыкновенной скоростью. Несмотря на большую скорость, Вольф продолжал поглядывать направо. Белая кобыла Злого Ножа время от времени становилась видна, когда она переваливала через складки местности. Разведчик скакал к своему народу. Меньше чем в четверти мили позади него, то настигая, то отставая, неслась орда полуконей. Численность их доходила по меньшей мере до ста пятидесяти, а может, была и больше.

Кикаха подскакал к Вольфу на своем жеребце, золотистом звере с серебристой гривой и хвостом.

— Когда они догонят нас — а они догонят, — оставайся рядом со мной! Я организую колонну по двое, классический маневр, испытанный и верный! Таким образом, каждый сможет охранять бок другого.

Он отстал, чтобы передать приказ остальным. Вольф направил своего чалого по следу воинов, называемых Лапами Россомахи и Спит Стоя. Позади него Белоносый Медведь и Большое Одеяло пытались держаться на равном расстоянии от него.

Остальной отряд рассыпался в беспорядке. Кикаха и Советник, Паучьи Ноги пытались выстроить всадников в колонну.

Вскоре все сорок организовались в рваную колонну. Кикаха подскочил к Вольфу и крикнул, перекрывая грохот копыт и свист ветра:

— Они глупы, как дикобразы! Они хотели развернуться и атаковать кентавров, но я им втолковал, что этого делать нельзя.

Слева скакали, стремясь присоединиться к ним, еще двое разведчиков, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен.

Кикаха жестом велел им пристроиться в хвосте. Вместо этого парочка проскакала дальше мимо арьергарда колонны.

— Эти дураки собираются спасти Злого Ножа!

Двое разведчиков и Злой Нож приближались к точке схождения. С каждой секундой разрыв сокращался.

Скоро кентавры приблизились, их стало возможно разглядеть достаточно хорошо, Вольф понял, кем именно они являлись.

Они и в самом деле были кентаврами, хотя и не совсем такими, каких рисовали художники Земли. И неудивительно. Господь, создавая их в своих биолабораториях, вынужден был сделать определенные уступки реальности. Главное переустройство определялось нуждой в кислороде. Большая животная часть кентавра должна была дышать — факт, игнорируемый традиционными земными изображениями. Воздухом требовалось снабжать не только верхний, человеческий торс, но и нижнее, териоморфное тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли удовлетворить потребности в воздухе.

Более того, желудок человеческого туловища не сумел бы питать пищей большое тело под ним. Стало быть, необходим еще один желудок для передачи пищи конскому телу. И в таком случае без диеты не обойтись. Человеческие зубы быстро бы стерлись, жуя постоянно траву.

Поэтому гибридные существа, несшиеся столь быстро и угрожающе к людям, не во всем совпадали с мифическими созданиями, послужившими их прообразом.

Рты и шеи были пропорционально большими, чтобы позволить вдохнуть достаточно кислорода. На месте человеческих легких находился похожий на меха орган, гнавший воздух через горлоподобное отверстие, а оттуда — в большие легкие конского тела. Эти легкие были больше лошадиных, потому что у кентавров и потребность в кислороде больше, чем просто у лошадей. Пространство для больших легких было создано за счет удаления более крупных травоядных пищеварительных органов и заменой их меньшим плотоядным желудком. Кентавры ели мясо, включая тела своих индейских жертв.

Лошадиная часть кентавров достигала размеров небольшой земной лошади. Шкуры их были гнедые, белые и пегие. Конский волос покрывал все, кроме лица. Последнее было почти вдвое больше, чем у человека нормальных размеров, и было широким, скуластым и большеносым. Чертами лица кентавры походили на индейцев прерий.

Боевая окраска расцвечивала их лица, а на головах у них были шляпы с перьями и шлемы из буйволиных шкур с выступавшими рогами.

Оружие у них было таким же, как у Хровака, за исключением одного предмета. Это была бола: два округлых камня, закрепленных на концах сыромятного ремня. Пока Вольф гадал, что ему делать, если болу бросят в него, он увидел их пущенными в ход. Злой Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и скакали рядом друг с другом примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь обернулся и пустил стрелу.

Она вонзилась в набухший, похожий на меха орган под человеческой грудью полуконя. Тот рухнул, перевернулся пару раз и остался лежать неподвижно.

Верхний торс был согнут под таким углом, что сразу стало ясно, что сломан позвоночник. И это несмотря на то, что универсальное соединение кости и хряща при схождении человеческого и конского тела давало большую гибкость верхнему торсу.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил первое убийство, и его подвиг будут много лет воспевать в Доме Совета Хровака.

"Если останется кто-то, чтобы рассказать о нем", — подумал Вольф.

Было выпущено множество бол, раскрученных так, что камни стали едва видимыми. Вращаясь, словно сорвавшиеся со своих осей пропеллеры аэропланов, болы прочертили воздух. Камень на конце одной из них ударил в шею Пьяного Медведя и сбросил его с коня, оборвав посередине его победную песнь. Другая бола обернулась вокруг задней ноги его коня, с грохотом отправив его на землю.

Вольф одновременно с некоторыми хровака выпустил стрелу.

Он не мог сказать, попала ли она в цель, ибо трудно хорошо прицелиться и выстрелить, сидя на галопирующем коне. Но четыре стрелы угодили в цель, и четверо полуконей пали.

Вольф сразу же вытащил из колчана за спиной другую стрелу, заметив в то же время, что Слишком Много Жен и его конь лежат на земле. Из спины Слишком Много Жен торчала стрела.

Теперь обогнали Злого Ножа. Вместо того чтобы заколоть его копьями, полукони разделились и зашли к нему с обеих сторон.

— Нет! — закричал Вольф. — Не давай им этого сделать!

Злой Нож, однако, заслужил свое имя не без веской причины.

Если полукони упустили шанс убить его ради того, чтобы взять его живым для пыток, то им придется поплатиться за свою ошибку. Он швырнул свой длинный тишкетмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полуконя. Кентавр закувыркался колесом. Злой Нож выхватил из ножен другой тесак, и, даже когда в его коня вогнали копье, он бросился на воткнувшего это копье кентавра.

Вольф мельком увидел его сквозь массу тел. Он приземлился на спину кентавру, который чуть не рухнул от толчка, но сумел оправиться и понес его дальше. Злой Нож вонзил тесак в спину человеческой части тела кентавра.

Мелькнули копыта, хвост кентавра взметнулся в воздух над толпой, а за ним последовали круп и задние ноги.

Вольф подумал, что Злому Ножу конец, но нет. Вот он каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг на лошадином туловище другого кентавра. На этот раз Злой Нож держал лезвие клинка у горла врага. Он явно угрожал перерезать ему яремную вену, если полуконь не унесет его прочь от других.

Но пика, воткнутая сзади, пронзила Злого Ножа. Однако не раньше, чем он выполнил свою угрозу и перерезал шею полуконю, на котором сидел.

— Я видел это! — крикнул Кикаха. — Какой муж этот Злой Нож! После того, что он сделал, даже дикие полукони не посмеют расчленить его тело! Они чтят врага, давшего им жестокий бой, хотя они, конечно, съедят его.

Теперь хинггатаврит подобрались близко к заднему концу цепочки хровака.

Они разделились на части и увеличили скорость, чтобы обойти их с обеих сторон. Кикаха сказал Вольфу, что полукони не бросятся сразу в массовую атаку на хровака. Они постараются немного поразвлечься с врагами, а также дать своим неиспытанным молодым воинам шанс показать свое искусство и смелость.

Полуконь в черно-белых яблоках, носивший единственное ястребиное перо в повязке вокруг головы, отделился от основной группы слева. Вертя болой и держа оперенное копье, он поскакал под углом на Кикаху.

Камни на концах сыромятного ремня засвистели, став неразличимыми, а затем рванулись вперед. Их метнули вниз, к ногам вражеского коня.

Кикаха нагнулся и ловко ударил по боле наконечником копья. Удар был настолько своевременным, что проткнул ремень болы посередине. Кикаха поднял копье, а бола все вертелась и вертелась, пока не обмоталась вокруг древка. Добрую часть энергии болы поглотило длинное древко. Копье также перескочило через Кикаху, чуть не ударив Вольфа, которому пришлось пригнуться. Даже так Кикаха едва не потерял копье, поскольку оно выскользнуло из его руки, увлекаемое болой, но он удержал его и потряс копьем с болой на верхнем конце.

Незадачливый полуконь в ярости погрозил кулаком и хотел было атаковать Кикаху с копьем. Со стороны двух колонн кентавров поднялся рев одобрения и восхищения. Вождь вылетел перехватить юнца. Он сказал несколько слов и отправил его с позором обратно к основной группе. Вождь был рослым чалым в шляпе со множеством перьев и черных полосок, нарисованных на его конских ребрах.

— Атакующий Лев! — крикнул по-английски Кикаха. — Он думает, что я заслуживаю его внимания!

Он проорал что-то на языке вождя, а затем разразился издевательским смехом, когда темная кожа последнего стала еще темнее. Атакующий Лев крикнул что-то в ответ и рванул вперед, чтобы поровняться с оскорбителем. Пика в его правой руке нацелилась проткнуть Кикаху. Два древка отскочили друг от друга. Кикаха немедленно снял свой маленький щит из шкуры мамонта с левой руки. Он парировал своей пикой новый удар пики кентавра, а затем метнул щит, словно диск.

Щит проплыл между ними и ударил Атакующего Льва по правой передней ноге.

Кентавр споткнулся и упал на передние ноги.

Когда он попытался подняться, то обнаружил, что его правая передняя нога хромает. У его сородичей вырвался крик, дюжина вождей в шляпах устремилась с копьями наперевес к Атакующему Льву. Тот держался храбро и ждал смерти, сложив руки на груди, как и подобало великому, но теперь потерпевшему поражение и искалеченному полуконю.

— Передай по цепи приказ сбавить скорость, — бросил Кикаха. — Кони не смогут долго выдержать такую скорость, они уже сейчас в мыле. Может быть, мы сумеем поберечь их и выиграть немного времени, если полукони захотят обстрелять еще каких-нибудь своих новеньких. Если же не захотят, ну, какая разница?

— Пока было весело, — проговорил Вольф. — Если мы и не сумеем доскакать до цели, то сможем, по крайней мере, сказать, что не скучали.

Кикаха подскакал достаточно близко, чтобы хлопнуть Вольфа по плечу.

— Ты мне по душе! Я счастлив, что познакомился с тобой. О-го-го! Вот скачет еще один! Но он собирается выбрать Лапы Россомахи!

Лапы Россомахи, один из тестей Кикахи, находился во главе колонны хровака и как раз перед Вольфом. Он выкрикивал оскорбления полуконю, атаковавшему его, раскручивая болу, а затем метнул в него копье. Полуконь, видя летящее к нему оружие, выпустил болу раньше, чем собирался. Копье пронзило ему плечо, бола же все равно пошла верно и обмоталась вокруг Лап Россомахи. Потеряв сознание от удара одним из камней, он упал с коня.

Кони Кикахи и Вольфа перепрыгнули через его тело, лежавшее перед ними. Кикаха нагнулся и проткнул тело Лапы Россомахи своей пикой.

— Они не порадуются, пытая тебя, Лапы Россомахи! — воскликнул Кикаха. — И ты заставил их поплатиться за свою жизнь жизнью.

Последовало несколько мелких схваток. Вновь и вновь молодые необстрелянные кентавры выскакивали из основной группы, чтобы бросить вызов одному из людей. Иногда побеждал человек, иногда кентавр. В конце кошмарных тридцати минут от сорока хровака осталось двадцать восемь. Когда пришла очередь Вольфа, ему достался рослый воин, вооруженный дубиной, усаженной стальными шипами. У него имелся маленький круглый щит, которым он попытался продублировать трюк Кикахи.

Это не сработало, так как Вольф отбил щит острием пики.

Однако он на минуту раскрылся, и в эту-то минуту кентавр и воспользовался своим преимуществом.

Он подскакал так близко, что Вольф не мог повернуться и не сумел воспользоваться пикой.

Дубина высоко поднялась, солнце сверкнуло на острых концах ее шипов.

Огромное широкое лицо расколола победоносная ухмылка. У Вольфа не было времени уклониться, а если бы он попытался схватить дубину, то был бы уже с разбитой и искалеченной рукой. Не думая, он сделал нечто удивившее как его самого, так и кентавра. Наверное, его вдохновил подвиг Злого Ножа. Он бросился с коня, пролетел под дубиной и обхватил полуконя за шею. Его враг пронзительно закричал от страха. Затем они рухнули наземь, и у обоих перехватило дыхание.

Вольф вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха схватил его коня за узду, чтобы он мог снова оказаться верхом. Кикаха держал

коня, но не делал ни малейшего движения, чтобы подвести его к Вольфу.

В самом деле, и хровака, и полукони остановились.

— Законы войны, — крикнул Кикаха. — Кто первый схватит дубину, тот и победит!

Вольф и кентавр, поднявшийся теперь на ноги, рванулись к дубине, валявшейся примерно в тридцати футах позади них.

Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого.

Кентавр добрался до дубины, опередив Вольфа на десять футов. Не снижая скорости, он нагнул свое человеческое туловище и подхватил дубину. Затем он затормозил и развернулся, да так стремительно, что вынужден был встать на дыбы.

Вольф не перестал бежать. Он приблизился, а затем прыгнул на полуконя, даже когда тот встал на дыбы. Копыто метнулось к нему, но кентавр промахнулся. Хотя нога и задела Вольфа, он все же врезался в верхнюю часть туловища кентавра, увлек его немного назад, и оба они снова упали.

Несмотря на столкновение, Вольф сжимал правой рукой шею кентавра.

Он висел на нем, в то время как кентавр упорно пытался подняться на ноги.

Кентавр потерял свою дубину и теперь старался одолеть человека только собственной силой.

Он снова усмехался, так как превосходил Вольфа в весе по меньше мере на семьсот футов. Его торс, грудь и руки тоже были намного массивней, чем у Вольфа.

Вольф напряг ноги, сопротивляясь напиравшему весу кентавра, и не отступал, продолжая уже двумя руками сжимать шею кентавра.

Тогда полуконь попытался выхватить нож, но Вольф схватил его запястье и выкрутил. Кентавр завизжал от боли и выронил нож.

Со стороны следивших полуконей раздался рев удивления.

Они никогда раньше не видели такой силы у всего лишь человека.

Вольф напрягся, рванул и опустил боровшегося полуконя на колени.

Его кулак ударил по вздымавшимся мехам под ребрами и погрузился в них. Полуконь издал громкое "уф". Вольф отпустил свои руки, сделал шаг назад и ударил правым кулаком по толстой челюсти наполовину лишившегося сознания кентавра. Голова откинулась назад, и кентавр рухнул как подкошенный. Прежде чем он смог опять прийти в сознание, ему раздробили череп его же дубиной.

Вольф снова вскочил на коня, и три колонны поскакали дальше легким галопом. Некоторое время полукони не предпринимали никаких шагов против своих врагов. Их вожди, казалось, что-то обсуждали. Что бы они ни намеревались сделать, они потеряли свой шанс минуту спустя.

Кавалькады перевалили через небольшой бугор и понеслись в широкую ложбину. Она была достаточно глубока, чтобы скрыть залегший там львиный прайд. Очевидно, двадцать с чем-то представителей вида Фелис Атрокс съели предыдущей ночью протоверблюда и были слишком сонливы, чтобы обратить какое-то внимание на грохот приближавшихся копыт. Но теперь, когда вторгшиеся внезапно оказались среди них, большие кошки одним прыжком вступили в бой. Их ярость еще больше увеличивалась желанием защитить находившихся среди них детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Хотя со всех сторон прыгали огромные кошки, ни одна из них не бросилась на них. Но Вольф оказался достаточно близко к одному самцу, чтобы разглядеть все внушавшие ужас подробности, и это было столь ужасно, что Вольф не хотел бы никогда это увидеть еще раз. Кот был величиной почти с коня, и хотя у него отсутствовала грива африканского льва, он отнюдь не уступал тому в мощи и свирепости. Он прыгнул мимо Вольфа и бросился на ближайшего кентавра, который с воплем упал. Челюсти сомкнулись на горле кентавра, он умер.

Лев потом сразу же прыгнул на другого полуконя.

Все смешалось: рычавшие кошки и пронзительно ржущие лошади, люди и полукони. Каждый был за себя. К черту битву и все, что происходит вокруг!

Вольфу, Кикахе и тем хровака, которые оказались достаточно счастливыми, чтобы не подвергнуться нападению, потребовалось только тридцать секунд, чтобы выбраться из ложбины. Им не нужно было понукать лошадей. Те сами неслись достаточно быстро.

Позади них из ложбины выбирались тонким ручейком кентавры, избежавшие львиных когтей и зубов.

Вместо того чтобы сразу преследовать хровака, они отбежали на безопасное расстояние от львов, а затем остановились подсчитать свои потери. На самом деле они потеряли не более чем дюжину убитых, но были крайне потрясены.

— Удача для нас! — крикнул Кикаха. — Однако если мы не сможем добраться до леса прежде, чем они снова погонят нас, то нам конец! Они не собираются больше продолжать индивидуальные схватки. Они произведут всеобщую атаку!

Лес, к которому они стремились, по-прежнему выглядел таким же далеким, как раньше. Вольф не верил, что его конь, хоть он и был великолепным зверем, сумеет доскакать до него.

Его шкура стала темной от пота, и он тяжело дышал.

И все же он мчался вперед, словно машина из прекрасно закаленной плоти и духа, которая будет бежать, пока у нее не лопнет сердце.

Теперь полукони пустились в полный галоп и постепенно настигали их. Через несколько минут они оказались на расстоянии выстрела из лука. Несколько стрел, выпущенных в хровака, вонзились в траву, и полукони перестали стрелять из луков, убедившись, что сейчас они бесполезны.

Вдруг Кикаха издал восторженный вопль.

— Не снижайте скорости! — крикнул он им всем. — Да послужит вам Дук АкджауДимиса!

Вольф не понял его, пока не посмотрел, куда указывал палец Кикахи. Перед ними, полускрытые высокой травой, находились тысячи земляных холмиков. Перед ними сидели существа, похожие на полосатых собак прерий.

В следующую минуту хровака проскакали в колонию, а полукони — сразу же за ними. Поднялись крики и вопли, когда лошади и кентавры с треском падали, попав в ямы. Рухнувшие лошади и полукони лягались и пронзительно кричали от боли в сломанных ногах. Кентавры пытались остановиться, а те, которые скакали следом, врезались в них. На минуту по границе поля прерийных собак образовалась куча переломанных и лягавшихся четвероногих тел.

Полукони, скакавшие позади своих сородичей, остановились и смотрели на своих застрявших товарищей.

Затем они осторожно потрусили вперед, внимательно следя, куда ставят копыта.

Тем, кто сломал руки или ноги, они перерезали глотки.

Хровака хотя и сознавали, что случилось у них за спиной, не задерживались, чтобы посмотреть. Они гнали дальше, но с уменьшившейся скоростью. Теперь у них имелось десять лошадей и двенадцать человек. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава скакали позади тех, у кого лошади не сломали ноги.

Кикаха, поглядев на них, покачал головой. Вольф знал, что он думает.

Ему следовало бы приказать Жужжит Как Пчела и Высокой Траве слезть и бежать на своих двоих, иначе не только они, но и подобравшие их воины неизбежно будут настигнуты. Затем Кикаха сказал:

— К черту все! Я их не брошу!

Он притормозил, поравнявшись с ними. Коротко поговорив со скакавшими, он снова поравнялся с Вольфом.

— Если они пропадут, так пропадем все вместе, — сказал он. — Но ты не обязан оставаться с нами, Боб. Ты должен хранить верность не нам. Для тебя нет никакой причины приносить себя в жертву ради нас и терять Хрисенду и рог.

— Я остаюсь, — твердо заявил Вольф.

Кикаха усмехнулся и хлопнул его по плечу.

— Я надеялся, что мы сможем добраться до леса, но нам этого не суметь. К тому времени, когда мы доберемся до того большого холма всего в полумиле впереди, нас снова догонят. Очень жаль. До леса-то останется всего лишь еще полмили.

Колония прерийных собак столь же внезапно осталась позади, как раньше выросла перед ними. Хровака пустили своих коней галопом. Минуту спустя кентавры безопасно прошли через поле и тоже помчались на полной скорости. Преследуемые поскакали вверх по холму. На вершине они остановились, строясь в круг.

Вольф показал на речку внизу холма. Вдоль нее рос лес.

У края реки сияли, частично загороженные деревьями, белые типи.

Кикаха долго смотрел, прежде чем сказать:

— Ценаква. Смертельные враги медвежьего народа. Впрочем, кто им не враг?

— Вот они выходят, — объяснил Вольф. — Их, должно быть, предупредили часовые.

Он показал на неорганизованную группу всадников, выезжавших из леса.

Солнце отсвечивало от белых лошадей, белых щитов и белых перьев и искрилось на наконечниках пик.

Один из хровака, завидя их, начал высокотонную воющую песню. Кикаха прикрикнул на него, и Вольф понял, что Кикаха велел ему заткнуться. Сейчас было не время для песни смерти, они еще обманут и полуконей, и ценаква.

— Я собирался приказать дать здесь наш последний бой, — проговорил Кикаха, — но теперь — нет. Мы поскачем к ценаква, а затем оторвемся от них к лесу вдоль реки. Как мы отделаемся, зависит от того, решат ли оба наших противника драться или нет. Если один откажется, то другой нас разделает. Если нет... Ходу!

Пронзительно вопя "уайя", они ударили пятками по ребрам лошадей и поскакали вниз с холма прямо на ценаква.

Вольф оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону холма следом за ними.

— Не думал я, что они попадутся на это, — крикнул Кикаха. — Много женщин будет выть сегодня в вигвамах, но не только среди медвежьего народа!

Теперь хровака были достаточно близко, чтобы различить узоры на щитах ценаква. Это были черные свастики, символы, на которые Вольф смотрел с удивлением. Крючковатый крест был на Земле давно и широко распространен. Он был известен троянцам, критянам, кельтам, норвежцам, индийским буддистам и брахманам, китайцам и всей доколумбовой Северной Америке. Вольф не удивился и тогда, когда увидел, что надвигавшиеся индейцы были рыжими. Кикаха рассказывал ему, что ценаква красили свои черные локоны.

По-прежнему разношерстной массой, но сбитые теперь потесней, ценаква взяли копья наперевес и издали свой боевой клич, подражание клекоту ястреба. Кикаха во главе колонны поднял руку, подержал ее один миг, а затем резко рубанул ею воздух. Его конь развернулся налево и поскакал прочь, за ним последовала цепочка медвежьего народа. Он — голова, а другие — тело змеи.

Кикаха оторвался от врага, используя правильный и точный расчет времени. Когда полукони и ценаква врезались с треском друг в друга и перепутались в шквале свалки, хровака ускакали прочь. Они добрались до леса, замедлили ход, пробираясь сквозь деревья и подлесок, а потом переправились через речку. Даже и так Кикахе пришлось поспорить с несколькими воинами. Они хотели шмыгнуть обратно через реку и сделать набег на типи ценаква, пока их воины заняты боем с полуконями.

— По-моему, есть смысл, — высказался Вольф. — Если мы задержимся там, только чтобы захватить нескольких лошадей. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава не могут продолжать сказать вдвоем с другими воинами.

Кикаха пожал плечами и отдал приказ.

Набег занял пять минут. Хровака вновь переправились через речку и, выскочив из леса с дикими криками, рассеялись среди типи. Женщины и дети завизжали и укрылись в лесу или в вигвамах. Некоторые хровака хотели захватить не только коней, но и добычу. Кикаха пригрозил, что убьет первого, кого поймают на краже чего-нибудь, кроме луков и стрел. Но он нагнулся с коня и подарил хорошенькой, но боевитой женщине долгий поцелуй.

— *Скажи своим мужчинам, что я бы лег с тобой в постель и* ты бы запомнила меня навек, не то что мужчин из твоего племени, — бросил ей Кикаха, — но нас ждут дела поважнее.

Он, смеясь, отпустил женщину, убежавшую в вигвам.

Кикаха задержался достаточно долго, чтобы помочиться в большой котел посередине лагеря, и нанес смертельное оскорбление своим врагам, а затем приказал отряду убираться.

Глава X

Они ехали две недели, а потом оказались на опушке Леса деревьев со многими тенями. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с хровака. Они также, подойдя по очереди к Вольфу и положив ему руки на плечи, произносили прощальную речь. Теперь он стал одним из них.

Вернувшись, он возьмет жену и построит дом среди них и будет выезжать с ними на охоту и на войну. Он был КвашингоДа, Сильный, он убил своего врага, сражаясь бок о бок с ними, он поборол полуконя, ему дадут медвежонка, чтобы он вырастил его как своего родного, Господь благословит его сыновьями и дочерьми, и так далее, и тому подобное.

Вольф степенно ответил, что не мог придумать большей чести, чем быть принятым медвежьим народом, и говорил правду.

Много дней спустя они проехали через Лес деревьев со многими тенями. Они потеряли однажды ночью своих коней, их увел кто-то с огромной четырехпалой ступней. Вольф был опечален и разъярен, так как он успел привязаться к своему коню. Он хотел погнаться за этим ВаГанасситом и отомстить. При этом предложении Кикаха в ужасе воздел руки.

— Будь счастлив, что тебя тоже не уволокли! — воскликнул он. — ВаГанассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от него. Забудь про лошадей. Мы можем когда-нибудь вернуться и поохотиться на него. Их можно поймать в ловушку, а потом зажарить на костре, что я и хотел бы сделать, но мы должны быть практичными. Пошли.

По другую сторону многих теней они соорудили каноэ и поплыли вниз по широкой реке, протекавшей через множество больших и малых озер. Местность здесь была холмистая, с крутыми утесами. Она напомнила Вольфу лесные долины Висконсина.

— Прекрасная страна, но здесь живут чакоревачи и энвадоиты.

Тринадцать дней спустя, во время которых им трижды приходилось бешено грести, спасаясь от преследовавших их каноэ с воинами, они покинули реку. Перейдя широкую и высокую гряду холмов по большей части ночью, они вышли к большому озеру.

Там они снова соорудили каноэ и пустились через воды.

Пять дней гребли привели их к подножию монолита Абхарплунты. Они начали медленный подъем, столь же опасный, как и на первый монолит. К тому времени, когда они добрались до вершины, они израсходовали весь свой запас стрел и получили несколько неприятных ран.

— Ты можешь понять, почему сообщение между ярусами ограниченное? — спросил Кикаха. — В первую очередь, это запретил Господь. Это, однако, не удерживает непочтительных и склонных к авантюрам торговцев от попытки переходить с одного яруса на другой. Между гранью и Дракландией лежат несколько миль джунглей с рассыпанными здесь и там большими плато. Река Гузирит протекает всего лишь в ста милях. Мы отправимся туда и поищем, как нам туда попасть.

Они приготовили кремневые наконечники и древки для стрел.

Вольф убил тапироподобное животное. Мясо его было немного вонючим, но они все же его съели. Вольф хотел скорей отправиться в путь, находя нежелание Кикахи раздражающим.

Кикаха посмотрел на зеленое небо и ответил:

— Я надеялся, что одна из пташек Подарги найдет нас и сообщит нам новости. В конце концов, мы не знаем, какое направление выбрали гворлы. Они должны отправиться к горе, но могли выбрать два пути. Они могли пройти всю дорогу через джунгли; маршрут, не рекомендуемый никому ради безопасности. Или они могли отправиться на лодке вниз по Гузириту. У этого маршрута тоже есть свои опасности, особенно для довольно бросающихся в глаза тварей вроде гворлов. А Хрисенда получила бы высокую цену на работорговом рынке.

— Мы не можем вечно ждать орлицу, — возразил Вольф.

— Да нам и не придется, — ответил Кикаха.

Он показал наверх, и Вольф, проследив за направлением его пальца, увидел желтую молнию. Она исчезла только для того, чтобы миг спустя появиться в поле зрения. Орлица стремительно падала, сложив крылья. Вскоре она остановила свое падение и спланировала к ним.

Фтия представилась, а потом сразу же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину, Хрисенду, всего в четырехстах милях впереди них. Они устроились пассажирами на купеческоми судне и путешествовали вниз по Гузириту к Стране Людей в Доспехах.

— Ты видела рог? — спросил Кикаха.

— Нет, — ответила Фтия. — Но они, несомненно, прячут его в одном из своих бурдюков. Я выхватила у гворла один бурдюк

на случай, что рог мог оказаться там. За свои хлопоты я добыла мешок, полный барахла, и чуть не получила стрелу в крыло.

— У гворлов есть луки?

Вольф удивился.

— Нет. В меня стреляли речники.

Вольф спросил о воронах и услышал в ответ, что их было много. Господь явно приказал им всем постоянно следить за гворлами.

— Это плохо.

Кикаха встревожился.

— Если они нас заметят, то мы окажемся в настоящей беде.

— Они не знают, какие вы на вид, — успокоила их Фтия. — Я подслушала воронов, когда те разговаривали, прячась, хотя жаждала схватить их и разорвать на части. Но у меня есть приказ моей госпожи, и я подчиняюсь. Гворлы пытались описать вас Очам Господа. Вороны ищут двух путешествующих вместе людей, оба высокие, один черноволосый, а другой бронзоволосый. Но это и все, что они знают, а к этому описанию подходят многие люди. Вороны, однако, будут высматривать двух людей, идущих по следу гворлов.

— Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду, — решил Кикаха.

Фтия сказала, что она должна лететь дальше. Она объяснила, что сейчас летит доложить обо всем Подарге, но она оставила другую сестру продолжать наблюдение за гворлами. Кикаха поблагодарил ее и убедился, что она передаст его привет Подарге. После того как гигантская птица оторвалась от грани монолита, путники направились в джунгли.

— Ступай мягко и говори тихо, — велел Кикаха. — Здесь водятся тигры. Фактически джунгли так и кишат ими. Здесь также водится большой топороклюв. Это бескрылая птица, настолько крупная и свирепая, что от нее бросилась бы улепетывать даже любая из птичек Подарги. Я однажды видел, как два тигра связались с топороклювом, и тигры продержались недолго, тогда и я уловил, что будет неплохо побыстрее дать тягу.

Несмотря на предупреждение Кикахи, они увидели очень мало живности, за исключением огромного числа многоцветных птиц, обезьян и рогатых жуков размером с мышь. Для жуков у Кикахи нашлось только одно слово: "Ядовитые". Соответственно Вольф теперь, прежде чем лечь, каждый раз убеждался, что ни одного из них поблизости нет.

Прежде чем добраться до своей непосредственной цели, Кикаха поискал одно растение, губхарец. Обнаружив целую группу их, он растолок волокна, сварил их и отжал черноватую

жидкость. Он выкрасил ею свои волосы, бороду и кожу сверху донизу.

— Свои зеленые глаза я объясню сказочкой про мать-рабыню из Тевтонии, — сказал он. — Вот. Употреби немного сам. Тебе не повредит быть немного потемнее.

Они вышли к полуразрушенному Каменному городу с широкоротыми приземистыми идолами. Горожане были невысокими, худощавыми и темноволосыми людьми, одетыми в каштановые накидки и черные набедренные повязки. Волосы как у мужчин, так и у женщин были длинные и смазанные маслом, получаемым из молока разношерстных коз, бойко скакавших по руинам и питавшихся травой, проросшей по трещинам в камне. Эти люди, кайдушанги, держали кобр в маленьких клетках и часто выпускали своих любимцев погулять. Жители жевали дхиз — растение, делавшее зубы черными и придававшее их взглядам затуманенное выражение, а движениям — медлительность.

Кикаха, употребив Хъвайжум, общепонятный приречный жаргон, устроил меновую торговлю со старейшинами. Он поменял ногу убитого им с Вольфом гиппопотамоподобного зверя на хамшемскую одежду. Спутники облачились в красно-зеленые тюрбаны, украшенные перьями кигглибаша, белые безрукавные рубашки, мешковатые пурпурные шаровары, кушаки, много раз обматываемые вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носками.

Несмотря на оцепеневшие от дхиза мозги, старейшины оказались очень ловкими в своей торговле. Только когда Кикаха достал из своего рюкзака самый маленький сапфир — один из драгоценных камней, подаренных ему Подаргой, — они продали инкрустированные жемчугом ножны и ятаганы из припрятанных ими товаров.

— Надеюсь, что лодка прибудет скоро, — заметил Кикаха. — Теперь, когда они знают, что у меня есть камни, они могут попробовать перерезать нам глотку. Я сожалею, Боб, но нам придется ночью караулить сон друг друга. Они любят также посылать своих змей выполнять за них грязную работу.

В тот же день из-за поворота реки выплыло купеческое судно. При виде двух спутников, стоявших на гниющем пирсе и машущих длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить паруса.

Вольф и Кикаха сели в спущенную для них лодочку и были отвезены на "Хриллкуз". Это было судно длиной в сорок футов, с низкой осадкой, но возвышенными палубами на корме и в носовой части и с одним косым парусом и кливером. Матросы по большей части принадлежали к ветви хамшемского народа,

называемой шибакуб. Они разговаривали на наречии, фонологию и структуру которого Кикаха описал Вольфу прежде. Он был уверен, что это архаическая форма семитского, подвергшаяся влиянию аборигенных наречий.

Капитан Архюрель вежливо приветствовал их на полуюте. Он сидел, скрестив ноги на куче подушек и богатых ковров, потягивая густое вино из крошечной чашки.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, выдал свою заботливо приготовленную историю. Он и его спутник, человек, давший обет не разговаривать, пока не вернется к своей жене в далекой стране Шиашту, провели несколько лет в джунглях.

Они искали легендарный затерянный город Зикуант.

Сплетенные черные брови капитана поднялись, и он погладил ниспадавшую до пояса темно-каштановую бороду. Он попросил их присесть и принять чашу ахштумского вина, пока они рассказывают свою повесть. Глаза Кикахи сверкнули, и он усмехнулся, продолжая свой рассказ. Вольф его не понимал и все же был уверен, что его друг в восторге от своих длинных, богатых на подробности и приключения выдумок. Он только надеялся, что Кикаха не слишком увлечется и не возбудит недоверия у капитана.

Проходили часы, покуда каравелла плыла вниз по реке. Один матрос, одетый только в алую набедренную повязку, с мешками под глазами, тихо играл на флейте на фордеке. Им принесли еду на серебряной и золотой тарелках: зажаренную обезьяну, фаршированную птицу, твердый черный хлеб и кислое желе.

Вольф нашел мясо чересчур пряным, но съел.

Солнце приблизилось к своему еженощному повороту за гору, и капитан поднялся. Он провел их в маленькое святилище позади штурвала. Здесь стоял идол из зеленого нефрита, Тартартар. Капитан пропел молитву, главную молитву Господу. Затем Архюрель опустился на колени перед маленьким божком собственного народа и отвесил глубокий поклон. Матрос побрызгал немного благовониями на крошечный огонь, пылавший в выемке на коленях у Тартартара. В то время как пары распространялись по кораблю, те, кто придерживался веры капитана, тоже помолились.

Позже матросы, поклонявшиеся другим богам, совершили свои личные обряды.

Той ночью спутники лежали на средней палубе на предоставленной им капитаном куче мехов.

— Не знаю я насчет этого парня, Архюреля, — говорил Кикаха. — Я рассказал ему, что мы не сумели отыскать город Зикуант, но нашли небольшой тайник с сокровищами. Хвалиться

нечем, но достаточно, чтобы позволить нам скромно жить без забот по возвращении в Шиалиту. Он не попросил показать драгоценности, хотя я пообещал дать ему за наш проезд большой рубин. Эти люди заключают сделки не спеша: торопиться в делах — оскорбительно. Но жадность может одолеть его чувство гостеприимства и деловой этики, если он подумает, что сможет получить большую добычу, всего лишь перерезав нам глотки и выбросив наши тела в реку.

Он на мгновение замолк. С веток вдоль реки доносились крики множества птиц. Время от времени какой-то ящер ревел с берега или из самой реки.

— Если он собирается сделать что-то бесчестное, то сделает это на следующей тысяче миль. Это уединенный отрезок реки, после него городки и города начинают становиться более многочисленными.

В следующий полдень, сидя под установленным для их удобства пологом, Кикаха презентовал капитану рубин, огромный и прекрасной окраски. За него Кикаха мог купить у капитана само судно с экипажем впридачу. Кикаха надеялся, что Архюрель будет более чем удовлетворен камнем. Капитан сам мог, если желал, уйти на покой, получив такой камень. Затем *Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, да знал, что нельзя.* Он вынул остальные драгоценные камни: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы. Архюрель улыбнулся, облизнул губы и три часа гладил камни. Наконец он заставил себя отдать их.

Той ночью, пока они *лежали* в своих постелях на палубе, Кикаха достал пергаментную карту, позаимствованную им у капитана. Он показал на большой изгиб реки и постучал пальцем по кружку, отмеченному причудливыми завитушками слоговых символов хаммомского письма.

— Это город Хотсикш. Он заброшен построившим его народом, подобно тому, из которого мы отплыли на этом судне, и населен полудиким племенем визварт. Мы покинем корабль ночью, как только бросим там якорь, и двинемся по тонкому сухопутному перешейку, сократив путь. Возможно, мы сумеем выиграть достаточно времени, чтобы перехватить судно, на котором плывут гворлы. Если же нет, то мы все равно окажемся впереди них. Мы сядем на другого "купца" или, если ни одного не подвернется, наймем визвартскую долбленку с экипажем.

Двенадцать дней спустя "Хриллкуз" пришвартовался у массивного, но потрескавшегося пирса. На каменном "языке" толпились визварты и зазывали матросов, показывая им кувшины

с дхизом и "золотым дождем", певчих птиц в деревянных клетках, обезьян и сервалов на поводках, остатки материальной культуры из спрятанных и разрушенных городов в джунглях — сумки и кошели, сделанные из пупырчатых шкур речных ящеров, и плащи из шкур тигров и леопардов. У них был даже детеныш топороклюва, за которого, как они знали, капитан заплатит хорошую цену и продаст башишубу королю Бишакуба. Их главным товаром, однако, были их женщины. Они, одетые с головы до ног в дешевые халаты из алого и зеленого хлопка, фланировали взад-вперед по пирсу. Они молниеносно распахивали свои халаты, а потом быстро запахивали их, одновременно выкрикивая цену за одну ночь для изголодавшихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастическое подобие набедренной повязки, стояли в стороне, жевали дхиз и усмехались. У всех были духоружья шестифутовой длины и длинные, тонкие, кривые ножи, воткнутые в спутанные узлы волос на макушках.

Во время торга между капитаном и визвартцем Кикаха и Вольф побродили по циклопическим плитам и руинам города.

Внезапно Вольф предложил:

— Камни-то у тебя ведь с собой. Почему бы нам не взять визварта-проводника и не отправиться сейчас же? Зачем ждать ночи?

— Мне нравится твоя идея, друг, — согласился Кикаха. — Ладно. Пошли.

Они нашли высокого худого человека, Бивхина, который с энтузиазмом принял их предложение, когда Кикаха показал ему топаз. По их настоянию он не сказал даже жене, куда идет, а сразу повел их в джунгли. Он хорошо знал тропы и, как обещал, доставил их за два дня к городу Киррукшак. Здесь он потребовал еще один камень, сказав, что, если ему дадут премию, он вообще никому не скажет о них.

— Премии я тебе не обещал, — ответил Кикаха, — но мне нравится проявленный тобой прекрасный дух свободного предпринимательства, друг мой, поэтому вот тебе еще один, но если попробуешь получить третий — убью.

Бивхин улыбнулся, поклонился, взял второй топаз и потрусил в джунгли. Кикаха, глядя ему вслед, произнес:

— Может быть, мне все равно следовало бы его убить. В лексиконе визвартов нет даже слова честь.

Они вошли в развалины. После получаса залазания и осторожного протискивания между обвалившимися зданиями и кучами земли они оказались на приречной стороне города. Здесь собирались долинзы, народ той же языковой семьи, что и визварты, но у них мужчины носили длинные, вислые усы,

а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и продевали в нос кольцо. Тут же находилась группа купцов из страны, давшей всем говорящим на хамшемском свое название. У пирса не было пришвартовано ни одного судна.

Увидев это, Кикаха остановился и начал было поворачивать обратно в развалины. Он сделал это слишком поздно, потому что хамшемы увидели его и окликнули.

— Можно повести себя и вызывающе, — пробурчал Вольфу Кикаха. — Если я завоплю, беги, как из ада. Эти субчики — работорговцы.

Там было около тридцати хамшемов.

Все они были вооружены ятаганами и кинжалами.

Вдобавок среди них было около пятидесяти солдат, высоких, широкоплечих, более светлых, чем хамшемы, с вытатуированными на лицах и плечах спиральными узорами. Кикаха объяснил, что это шелкинские наемники, часто используемые хамшемами. Они были знаменитыми копейщиками, горцами, козопасами, презиравшими женщин, как не годных ни к чему, кроме домашней работы, работы в поле и рождения детей.

— Не давай им взять себя живым.

Это было последнее предупреждение Кикахи, прежде чем он улыбнулся и поздоровался с предводителем хамшемов. Это был очень высокий и мускулистый человек по имени Абиру. У него оказалось лицо, которое можно было бы назвать красивым, если бы не нос, чересчур большой и кривой, как ятаган.

Он ответил Кикахе достаточно вежливо, но его большие черные глаза оценивали их, словно они являлись только несколькими фунтами продаваемого мяса.

Кикаха выдал ему ту же историю, но существенно сократил ее и оставил сведения о драгоценностях за скобками. Он сказал, что они будут ждать, пока не прибудет купеческое судно и не отвезет их обратно в Шиалиту.

Затем он поинтересовался, как обстояли дела у Абиру.

К тому времени способность Вольфа быстро изучать языки позволила ему понимать хамшемское наречие, по крайней мере, простой разговорный язык.

Абиру ответил, что благодаря Господу и Тартартару данное деловое предприятие оказалось очень прибыльным.

Кроме набранного рабского материала обычного типа, он захватил в плен группу очень странных созданий, а также женщину исключительной красоты, подобной которой никогда прежде не видывали, во всяком случае, на этом ярусе.

Сердце Вольфа начало сильно биться.

Неужели это возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил предупреждающий взгляд на Вольфа, но ответил, что он очень хотел бы увидеть как курьезных существ, так и сказочно прекрасную женщину. Абиру поманил капитана наемников и приказал ему сопровождать их к пленникам вместе с десятью воинами. Тут Вольф почуял опасность, которую Кикаха осознавал с самого начала. Он знал, что им следует бежать, хотя маловероятно, что им это удалось бы. Шелкины, казалось, привыкли настигать беглецов своими копьями.

Но он отчаянно хотел вновь увидеть Хрисенду. Поскольку Кикаха не предпринимал никаких попыток что-либо изменить, Вольф тоже не выступал с инициативой. Кикаха, имевший больше опыта, предположительно знал, как действовать.

Абиру, любезно болтая о прелестях столичного города Хамшема, провел их по заросшей подлеском улице к большому ступенчатому зданию, украшенному разбитыми статуями. Он остановился перед входом, у которого стояло еще десять шелкинов. Прежде чем они вошли, Вольф понял, что гворлы находятся там.

Внутреннее помещение оказалось огромным, прохладным и скудно освещенным. У противоположной стены на наваленной на каменном полу земле сидело примерно сто мужчин и женщин и тридцать гворлов. Все были закованы длинными тонкими железными цепями, тянущимися железным ошейником у них на шеях.

Вольф поискал взглядом Хрисенду.

Ее там не было.

Абиру, отвечая на невысказанный вопрос, объяснил:

— Кошкоглазую я держу отдельно. У нее есть прислужница и особая охрана. Она получает все внимание и заботу, полагающиеся драгоценному камню.

Вольф не смог сдержаться.

— Я хотел бы увидеть ее, — сказал он.

Абиру пристально посмотрел на него и ответил:

— У тебя странный акцент. Разве твой спутник не говорил, что ты тоже из страны Шиашиту?

Он махнул рукой солдатам, которые бросились вперед с копьями наперевес.

— Неважно. Если ты и увидишь эту женщину, то увидишь ее с конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

— Мы подданные царя Хамшема и вольные люди! Вы не можете сделать с нами этого! Это будет стоить вам головы, конечно, после определенных законных пыток!

— Я не намерен везти вас обратно в Хамшем, друг мой. Мы отправляемся в Тевтонию, где ты получишь хорошую цену,

будучи человеком сильным, хотя и слишком разговорчивым. Мы, однако, можем позаботиться и об этом, отрезав тебе язык.

Ятаганы друзей были отобраны у них вместе с рюкзаком. Подталкиваемые копьями, они прошли к концу цепи. Их усадили непосредственно за гворлами и заковали железными ошейниками. Абиру, вывалив на пол содержимое, выругался, увидев кучу драгоценных камней.

— Так, значит, вы кое-что нашли в затерянных городах! Какая удача! Меня почти одолело искушение отпустить вас за то, что вы меня так обогатили.

— Это насколько же можно одуреть, — пробурчал по-английски Кикаха. — Он говорит, словно злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня будет шанс, я ему отрежу больше, чем язык.

Абиру, счастливый своим обогащением, вышел. Вольф изучил соединенную с ошейником цепь. Она была сделана из мелких звеньев. Он мог бы суметь порвать ее, если железо оказалось бы не слишком высококачественным. На Земле он забавлялся, втайне, конечно, разрывая именно такие цепи, но он не мог попробовать сделать это здесь до наступления ночи.

Позади Вольфа Кикаха прошептал:

— Гворлы не узнают нас в этом гриме, поэтому пускай так и останется.

— А что насчет рога? — поднял вопрос Вольф.

Кикаха, заговорив на ранней среднегерманской форме тевтонского, попытался вовлечь гворлов в разговор. После того, как ему чуть не попали в лицо сгустком слюны, он бросил эту затею. Он сумел поговорить с одним из шелкинских солдат и с несколькими рабами-людьми. От них он собрал по мелочам много сведений.

Гворлы были пассажирами на "Кваркиржубе", плававшей под командованием некоего Раххамена. Пристав в этом городе, капитан встретил Абиру и пригласил его на борт выпить чашу вина.

Той же ночью — фактически в ночь перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе, — Абиру и его люди захватили судно. Во время борьбы капитан и несколько матросов были убиты, остальные сидели теперь в ряд на цепи. Судно было отправлено вниз по реке для продажи экипажа одному речному пирату, о котором слышал Абиру.

Что касается рога, то никто из экипажа "Кваркиржуба" о нем не слышал.

Не поведал каких-либо новостей и солдат. Кикаха сказал Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли позволит узнать о роге кому-либо еще, кроме себя.

Он, должно быть, опознал его, так как все слышали про рог Господа. Он был частью универсальной религии и описывался в различных священных книгах.

Наступила ночь. Вошли солдаты с факелами и едой для рабов. После еды в помещении осталось двое шелкинов и очень много стражников снаружи. В помещении стоял отвратительный запах нечистот, воздух был удушливый.

Абиру явно не заботился о соблюдении приличий, предписанных Господом. Однако, должно быть, некоторые из более религиозных шелкинов пожаловались, потому что несколько долинзов пришли убраться. На каждого раба выплеснули ведро воды, а несколько ведер оставили для питья.

Гворлы завыли, когда на них попала вода, и долгое время потом жаловались и ругались. Кикаха пополнил запас сведений Вольфа, сообщив ему, что гворлы, подобно сумчатым крысам и другим пустынным животным Земли, не нуждались в воде. У них имелось биологическое устройство, схожее с тем, которое было у обитателей аридных зон, окислявшее их жир в потребную окись водорода.

Взошла луна. Рабы улеглись на пол или, прислонившись к стене, уснули. Вольф и Кикаха притворялись, что тоже заснули. Когда луну стало видно сквозь дверной проем, Вольф сказал:

— Я собираюсь попробовать порвать цепи. Если у меня не хватит времени порвать твои, то нам придется изобразить сиамских близнецов.

— Давай, — прошептал в ответ Кикаха.

Длина цепи между ошейниками обоих была около шести футов.

Вольф медленно, дюйм за дюймом подкрался к ближайшему гворлу, чтобы заполучить достаточно длинный ненатянутый отрезок цепи. Кикаха подполз вместе с ним. Путешествие заняло примерно пятнадцать минут, так как они не хотели, чтобы двое часовых в помещении заметили их перемещение. Затем Вольф, повернувшись спиной к охранникам, взялся за цепь обеими руками.

Он натянул ее и почувствовал, что звенья держатся прочно.

Медлительность плохой помощник в их положении. Значит, необходим быстрый рывок. Звенья с шумом порвались.

Двое шелкинов, громко разговаривавшие и смеявшиеся, чтобы не дать друг другу заснуть, замолкли. Вольф не смел обернуться и посмотреть на них. Он ждал, покуда шелкины обсуждали возможное происхождение звука. Им явно не приходило в голову, что он мог быть от разорвавшейся цепи. Они провели некоторое время, высоко держа факелы и рассматривая потолок.

Один пошутил, другой рассмеялся, и они возобновили свой разговор.

— Хочешь попробовать и вторую? — прошептал Кикаха.

— Не хочу, но если не попробую, мы окажемся в невыгодном положении, — ответил Вольф.

Ему пришлось немного подождать, так как гворл, с которым он был скован, проснулся от шума. Он поднял голову и проворчал что-то на своей скрежещущей, как напильник по стали, речи. Вольф начал потеть еще сильней.

Если гворл сядет или попробует встать, выяснится, что цепь повреждена.

После пронзающей сердце минуты гворл снова улегся и вскоре захрапел.

Вольф чуть расслабился. Он даже натянуто улыбнулся, так как действия гворла подали ему идею.

— Подползай ко мне, словно тебе хочется согреться около меня, — тихо сказал Вольф.

— Ты что, шутишь? — прошептал в ответ Кикаха. — Я чувствую себя, словно в парной бане. Ну ладно. Вот так.

Он подполз, пока его голова не очутилась у коленей Вольфа.

— Когда я порву цепь, не шевелись, — предупредил его Вольф.

— У меня есть идея привлечь сюда охранников, не потревожив тех, что снаружи.

— Надеюсь, они не будут менять караульных как раз тогда, когда мы начнем действовать, — заметил Кикаха.

— Молись Господу, — ответил Вольф, — земному.

— А он помогает тому, кто сам не плошает.

Кикаха усмехнулся.

Вольф рванул изо всех сил, звенья с шумом лопнули. На этот раз часовые перестали разговаривать, а гворл внезапно поднялся. Вольф сильно укусил гворла за палец ноги. Тварь не закричала, а крякнула и начала подниматься.

Один из часовых приказал ему оставаться сидеть, и оба двинулись к нему.

Гворл не понял их языка. Он осознал только тональность голоса и увидел направленное на него копье.

Он поднял ногу и принялся тереть ее, скрежеща в то же время проклятия Вольфу.

Факелы стали ярче, когда ноги часовых приблизились.

— Давай! — скомандовал Вольф.

Он и Кикаха одновременно поднялись и стремительно развернулись, оказавшись лицом к лицу с удивленными шелкинами. Наконечник копья находился в пределах досягаемости

Вольфа. Его рука скользнула по нему, схватила древко как раз за ним и рванула на себя.

Часовой открыл было рот, чтобы заорать, но резко захлопнул его, когда поднятый тупой конец копья треснул его по челюсти.

Кикахе не повезло. Шелкин шагнул назад и поднял копье, чтобы метнуть его. Кикаха бросился на него, словно полузащитник на игрока с мячом. Он кинулся наземь, покатился, и копье лязгнуло о стену.

Тишину разорвал крик.

Один часовой начал орать. Гворл поднял упавшее рядом с ним оружие и бросил его. Наконечник вонзился в горло часового, и острие вышло наружу с другой стороны.

Кикаха рывком высвободил копье, вытащил из ножен убитого часового тесак и метнул его. Первому вошедшему снаружи стражнику он вошел по рукоять в солнечное сплетение. Увидев, что он упал, другие, столь рвавшиеся следом за ним, отступили. Вольф забрал нож у другого трупа, заткнул его за кушак и осведомился:

— И куда нам дальше?

Кикаха вытащил нож из поверженного им и вытер его о волосы трупа.

— Не через эту дверь. Слишком долго.

Вольф показал на дверной проем в противоположном конце помещения и бросился бежать к нему. По пути он подобрал выроненный часовым факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был частично забит землей, вынудив их опуститься и пролезть через него на четвереньках. Вскоре они очутились в месте, через которое насыпалась земля.

Луна открывала пустое пространство в каменных плитах потолка.

— Они должны знать об этом, — подумал вслух Вольф. — Они не могут быть настолько беззаботными. Нам лучше пройти дальше.

Они едва успели миновать эту брешь в потолке, как сверху запылали факелы. Спутники как можно быстрей шмыгнули вперед, слыша через отверстие возбужденные голоса шелкинов.

Секунду спустя в землю врезалось копье, едва не попав Вольфу в ногу.

— Они бросятся следом за нами. Теперь они знают, что мы покинули главное помещение, — сказал Кикаха.

Они побежали дальше, выбирая ответвления, которые, казалось, предлагали выход к черному ходу. Вдруг пол под Кикахой провалился. Он попытался переползти по плите, на которую упал, к следующей, но не сумел. Одна сторона большой плиты

поднялась, а та, которая упала, опрокинула Кикаху в дыру. Кикаха закричал, выпустив в то же время факел.

Вольф остался стоять, уставившись на поднятую плиту и проем под ней. Из дыры не доходило никакого света, так что факел либо погас, либо дыра была настолько глубока, что огонь пропал из виду. Стеная от тревоги, он подполз и подержал факел над краем, глядя вниз. Шахта была по меньшей мере в десять футов шириной и пятьдесят глубиной. Она была выкопана в земле. На дне была куча земли, но там Вольф не увидел Кикахи, ни даже вмятины, указывавшей, где он приземлился.

Вольф окликнул его по имени, слыша в то же время крики шелкинов, когда те рыскали по коридорам.

Не получив никакого ответа, он вытянул тело, насколько сумел, за край шахты и изучил провал повнимательней.

Ему не удалось рассмотреть ничего, кроме упавшего и погасшего факела.

Некоторые уголки дна так и оставались черными, словно в стенах были выемки.

Он мог только заключить, что Кикаха свалился в одну из них.

Теперь звук голосов стал громче, и из-за угла коридора появилось первое мерцание факела. Вольф ничего не мог поделать, кроме как продолжать бежать. Он поднялся как можно выше, бросил свой факел вперед себя на другую сторону и прыгнул, что было сил в ногах. Он пролетел почти горизонтально большое расстояние, ударился о край влажной мягкой земли и заскользил вперед носом. Он был в безопасности, хотя ноги его торчали над краем.

Подобрав все еще горевший факел, он пополз вперед. В конце коридора он нашел одно ответвление, совершенно забитое землей. Другое было частично перегорожено огромной плитой из гладко обтесанного камня, лежавшей под углом в сорок пять градусов к горизонтали.

Принеся в жертву немного кожи на груди и спине, он протиснулся между землей и камнем. За плитой находилось огромное помещение, даже большее, чем то, где держали рабов.

В противоположном конце находилась цепь грубых террас, образованная обвалом камня. Он поднялся по ним к углу между потолком и стеной. Сквозь щель между ними виднелся лучик лунного света. Это была единственная возможность выбраться. Он погасил свой факел. Если по верху здания бродили шелкины, то они увидят свет факела, просачивающийся через маленькое отверстие. У проема некоторое время постоял на узком карнизе и внимательно прислушался. Если его факел увидели, то его поймают, когда он вылезет из дыры, бессильный защитить себя. Наконец, услышав только отдельные крики и зная, что

он должен воспользоваться своим единственным шансом, Вольф протащил себя через отверстие.

Он оказался почти на вершине земляного кургана, покрывавшего заднюю часть здания. Ниже его горели факелы.

В свете их стоял Абиру, грозя кулаком солдату и что-то крича.

Вольф посмотрел на землю у себя под ногами, представляя содержавшиеся под ней камни и пустоты, и шахту, в которую швырнуло умирать Кикаху.

Он поднял копье и прошептал:

— Аве аткве вале, Кикаха!

Он желал лишить жизни еще нескольких шелкинов, особенно убить Абиру — в уплату за жизнь Кикахи, но вынужден был прислушаться к голосу разума. Была еще и Хрисенда, а был еще рог. Но он чувствовал в себе пустоту и слабость, словно оставил здесь часть своей души.

Глава XI

Той ночью он спрятался в ветвях высокого дерева на некотором расстоянии от города. Он собирался последовать за работорговцами и при первом же удобном случае вызволить Хрисенду и рог. Работорговцы обязаны были выбрать тропу, поблизости от которой он находился. Она была единственной, ведущей в Тевтонию. Пришел рассвет, пока он ждал, испытывая голод и жажду. К полудню ему стало невтерпеж. Наверняка же они ищут его до сих пор. Вечером он решил, что должен по крайней мере напиться воды. Он спустился и направился к ближайшему ручью. Рык заставил его забраться на другое дерево. Вскоре через кустарник проскользнуло семейство леопардов и принялось лакать воду. К тому времени, когда они напились и ускользнули обратно в кусты, солнце приблизилось к повороту за монолит.

Вольф вернулся к тропе, уверенный, что находился слишком близко к ней, чтобы услышать большой караван. И все же никто не появился. Той ночью он прокрался по развалинам к зданию, из которого сбежал.

Никого не было заметно. Уверенный, что они ушли, он порыскал по заросшим кустами дорогам и улицам, пока не наткнулся на сидевшего у дерева человека. Человек этот был почти без сознания от дхиза, но Вольф пробудил его, надавав сильных оплеух. Приставив ему нож к горлу, он допросил его. Несмотря на свое ограниченное знание хамшемского и слабое владение долинзским, он сумел узнать кое-что.

Абиру и его отряд уплыли этим утром на трех боевых каноэ с наемными долинзскими гребцами.

Вольф нокаутировал допрашиваемого и отправился к пирсу. Тот был пустынен, предоставляя Вольфу таким образом выбирать любое нужное ему судно.

Он взял узкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Две тысячи миль спустя он оказался на границе Тевтонии и цивилизованного Хамшема. Хотя ему полагалось бы уже давно догнать медленно двигавшийся караван, он трижды терял его и неоднократно его задерживали тигры и топороклювы.

Постепенно местность стала подниматься. Внезапно из джунглей показалось плато. Восхождение всего лишь в шесть тысяч футов — ничто для человека, дважды поднявшегося на тридцать тысяч. Перевалив через грань, Вольф оказался в иной стране. Хотя воздух здесь был ничуть не прохладнее, здесь росли дубы, платаны, самшит, трехгранный тополь, орешник, сушеница и липа.

Животные, однако, отличались. Он прошел не более двух миль по сумраку дубового леса, прежде чем его вынудили спрятаться.

Мимо него медленно прошелестел дракон, взглянул на него разок, зашипел и пошел дальше. Он походил на общепринятые западные изображения, был около сорока футов длиной, десяти футов высотой и покрыт большими чешуйчатыми пластинами, но не дышал огнем. Он остановился в ста футах от убежища Вольфа на ветвях дерева и принялся щипать высокую траву.

"Так, — подумал Вольф, — значит, существуют драконы не только одного вида". Гадая, как он сумеет отличить плотоядных от травоядных, не обезопасив сперва себя, Вольф слез с дерева. Дракон продолжал набивать себе брюхо, или брюхи, издавая слабый шум от процесса пищеварения.

Осторожней, чем раньше, Вольф проходил под гигантскими ветвями деревьев и мхов, свисавшими с ветвей зелеными водопадами. Рассвет следующего дня застал его покидавшим опушку леса. Перед ним расстилался длинный пологий спуск. Он мог видеть на много миль вперед. Справа от него текла по дну долины река. На противоположной стороне, венчая собой колонну неровной скалы, находился замок. У подножия скалы располагалась небольшая деревня. Поднимавшийся из труб дым вызвал у него ком в горле. Ему казалось, что он не хотел бы ничего большего, чем сидеть за столом за чашкой кофе с друзьями, после хорошего ночного сна в мягкой постели и болтать о пустяках.

Боже! Как он тосковал по лицам и голосам истинных человеческих существ, о месте, где не были бы все против него!

По его щеке пробежало несколько слезинок. Он промокнул их и продолжал свой путь. Он сделал свой выбор и должен принимать плохое наряду с хорошим точно так же, как принимал бы на отвергнутой им Земле. А этот мир был, во всяком случае в данный момент, не так уж и плох. Он был свежим и зеленым, без всяких телефонных проводов, афиш, газет и усеявших сельскую местность консервных банок, без смога или угрозы атомной бомбы. Многое можно было сказать в его пользу, этого мира, как ни грустно это было Вольфу. И он имел то, за что многие продали бы душу: молодость, обогащенную опытом возраста.

Всего лишь час спустя он гадал, сумеет ли сохранить этот дар. Он вышел на узкую грунтовую дорогу и шагал по ней, когда из-за поворота выехал рыцарь в сопровождении двух пеших ратников. Конь его был огромным и черным, частично его покрывали доспехи. Рыцарь же был облачен в черный пластинчато-кольчужный доспех, который, по мнению Вольфа, выглядел похожим на доспехи, носимые в Германии тринадцатого века.

Забрало было поднято, открывая мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья коня. Он окликнул Вольфа на средне-верхне-германском наречии, с которым Вольф был знаком благодаря Кикахе, а также своим исследованиям на Земле.

Язык, конечно, изменился и был обременен заимствованиями из хамшемского и аборигенского, но Вольф мог разобрать большую часть того, что сказал обратившийся к нему.

— Стой смирно, хам! — крикнул рыцарь. — Что ты делаешь, разгуливая с луком?

— С позволения вашего августейшества, — язвительно ответил Вольф, — я охотник и поэтому имею королевское позволение носить лук.

— Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. Ты мне кажешься похожим на сарацина или даже на идше, такой ты смуглый. Брось лук и сдавайся, или я зарублю тебя, как свинью, каковой ты, собственно, и являешься.

— Приди и возьми его, — посоветовал Вольф, чувствуя нараставшую ярость.

Рыцарь взял копье наперевес, и его конь пустился в галоп.

Вольф удержался и не бросился в сторону или назад от сверкавшего наконечника копья. Нет, наоборот, он кинулся вперед. Копье опустилось, чтобы пронзить его насквозь, прошло меньше чем в дюйме над ним, а затем воткнулось в землю.

Словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за копье, описал в воздухе дугу. Шлем его первым ударился о землю, и столкновение, должно быть, оглушило его или сломало ему шею или хребет, потому что он больше не шевелился.

Вольф не терял времени даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на талии. Конь убитого — великолепный чалый — вернулся и встал рядом со своим бывшим хозяином.

Вольф сел на него и поскакал дальше.

Тевтонией эта страна была названа из-за того, что ее завоевала группа Тевтонского ордена или Тевтонских Рыцарей Госпиталя Святой Марии в Иерусалиме.

Этот орден возник во время третьего крестового похода, но позже изменил своим первоначальным целям. В 1229 году Немецкий Орден начал завоевание Пруссии, чтобы обратить в христианство прибалтийских язычников и подготовить немецкую колонизацию. Одна группа вступила на планету Господа на этом ярусе либо благодаря случайности, что казалось маловероятным, либо потому что Господь преднамеренно открыл для них врата или силой вынудил их войти.

Что бы ни было причиной, Орден Тевтонских Рыцарей покорил аборигенов и установил общество, основанное на тех же принципах, которые они оставили на Земле.

Оно, конечно, изменилось, как из-за естественной эволюции, так и из-за желания Господа смоделировать его по собственному вкусу. Первоначальное единое королевство, или Гроссмейстерство, выродилось во множество независимых королевств. Они, в свою очередь, состояли из мало связанных между собой баронетств и множества незаконных или разбойничьих княжеств.

Еще одним аспектом плато было государство Идше. Его основатели прошли через врата немногим раньше Тевтонских Рыцарей. Оставалось неизвестным, прошли ли случайно эти люди через эти врата, либо по замыслу Господа. Но множество говорящих на идше жителей Германии обосновалось в восточном конце плато. Хотя они и были изначально купцами, они стали хозяевами туземного населения. Они приняли феодально-рыцарскую организацию Тевтонского Ордена, так как вынуждены были так поступить, чтобы выжить. Именно это-то государство и поминал тот первый рыцарь, когда обвинил Вольфа в том, что он идше.

Думая об этом, Вольф невольно рассмеялся. Опять же, могло быть случайностью, что немцы вступили на уровень, где уже существовал архаически-семитический Хамшем и где их современниками были презренные евреи. Но Вольфу думалось, что

он видит за всем этим ироническое лицо Господа, с улыбкой глядящего на созданную ситуацию.

На самом деле в Дракландии не было ни христиан, ни иудеев. Хотя две веры все еще использовали свои первоначальные названия, обе они потеряли свой изначальный смысл. Господь занял место Яхве и Готта, но к нему обращались, используя именно эти имена. Последовали и другие изменения в теологии: церемонии, ритуалы, заповеди.

Вольф отправился в путь к владениям фон Элгерса. Он не мог сделать этого столь быстро, как желал, потому что должен был избегать дорог и деревень. После того как он вынужден был убить рыцаря, он не посмел даже срезать путь через баронетство фон Лаурентиуса, как сперва планировал.

Весь округ искал его, повсюду шныряли люди с собаками.

Каменистые холмы — вот его единственная дорога.

Два дня спустя он добрался до пункта, где мог спуститься на равнину, не попадая в пределы сюзеренитета фон Лаурентиуса.

Съезжая с крутого, но не особенно трудного холма, он завернул за угол.

Ниже расстилался широкий луг с речушкой. На противоположных концах его были разбиты два лагеря. Вокруг нарядных, украшенных флагами и вымпелами шатров располагалось множество палаток поменьше, костры и лошади.

Большинство людей скопилось в двух группах. Они следили за своим паладином и его противником, которые атаковали друг друга с копьями наперевес. Как раз в тот момент, когда Вольф увидел их, они со страшным лязгом встретились на середине поля.

Один рыцарь полетел назад от врезавшегося в его щит копья другого. Второй, однако, потерял равновесие и с лязгом упал несколько секунд спустя.

Вольф изучил открывшуюся сцену.

Это был необыкновенный рыцарский турнир. Отсутствовали крестьяне и горожане, которым полагалось бы толпой обступать стороны и построенный на скорую руку стадион, где в центре клумбой должны были сидеть ярко разодетые дамы. Это было одинокое место рядом с дорогой, где паладины разбивали свои шатры и вызывали на бой всех подходивших по званию проезжих.

Вольф осторожно спустился с холма.

Хотя он и находился на виду у тех, которые были внизу, он не думал, что они проявят в такое время много интереса к одинокому путешественнику. Он был прав. Ни из одного лагеря никто не поспешил расспросить его. Он смог подойти к краю луга и понаблюдать не торопясь.

Флаг над шатром слева от него представлял желтое поле со звездой Соломона. Вольф понял, что здесь разбил свой лагерь паладин Идше. Рядом с национальным флагом трепыхалось зеленое знамя с рыбой и ястребом. В другом лагере реяло несколько государственных и личных вымпелов.

Один из них бросился в глаза Вольфу и заставил его вскрикнуть от удивления.

На белом поле была изображена рыжая ослиная голова, а под ней — рука, сжимающая все пальцы, кроме среднего. Кикаха однажды рассказал ему об этом вымпеле, и Вольф здорово посмеялся над этим. Это было как раз похоже на Кикаху — избрать такой герб.

Тут Вольф опомнился, понимая, что, скорее всего, этот вымпел принадлежал сейчас человеку, заботившемуся о территории Кикахи, пока тот отсутствует.

Вольф изменил свое решение проехать мимо поля. Он должен был сам установить, что человек под этим знаменем не Кикаха, ведь Вольф знал, что кости его друга гниют под кучей земли на дне шахты в разрушенном городе среди джунглей.

Никем не остановленный, он проложил себе дорогу через лагерь на западном конце поля. Ратники и слуги уставились было на него, но только для того, чтобы отвернуться под его грозным взглядом. Кто-то пробурчал:

— Идишский пес!

Но никто не ответил на грозный взгляд, когда Вольф обернулся.

Вольф обошел ряд привязанных к столбу лошадей и приблизился к интересовавшему его рыцарю.

Тот был облачен в сверкавшие красные доспехи с опущенным забралом и держал огромное копье, дожидаясь своей очереди.

На наконечнике его копья развевался вымпел с изображением рыжей ослиной головы и человеческой руки.

Вольф остановился около гарцевавшего коня, тот стал нервничать. Вольф выкрикнул по-немецки:

— Барон фон Хорстманн?

Раздалось приглушенное восклицание, пауза, и рука рыцаря подняла забрало. Вольф чуть не расплакался от радости. В шлеме виднелось веселое, длинногубое лицо Финнегана-Кикахи-фон Хорстманна.

— Ничего не говори, — предостерег его Кикаха. — Не знаю, как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеется, этому очень рад. Я увижусь с тобой через минутку. То есть если вернусь живым. Этот Фунем Лаксфальк — крепкий парень.

Глава XII

Грянули трубы. Кикаха выехал на указанное герольдами место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля раввин что-то говорил барону Фунем Лаксфальку. Идшский паладин был рослым человеком в серебристых доспехах и в шлеме в виде рыбьей головы. Его скакун оказался огромным могучим черным жеребцом. Трубы грянули вновь. Двое соперников качнули копьями, отдавая честь друг другу.

Кикаха ненадолго переложил копье в левую руку, пока крестился правой. Он был ярым приверженцем соблюдения религиозных правил народа, среди которого ему случалось в данный момент находиться.

Раздался еще один гром длинных, с большими мундштуками труб, за которым последовал грохот копыт коней рыцарей и поощряющие крики зрителей. Противники встретились точно на середине поля, так же, как копья обоих — в середине щитов друг друга. Оба упали с лязгом, вспугнувшим птиц с ближайших деревьев, как их вспугивали уже много раз в тот день. Кони покатились по земле.

Ратники обоих рыцарей выбежали на поле подобрать своих господ и уволочь коней, сломавших себе шеи. На мгновение Вольф подумал, что идше и Кикаха тоже убиты, потому что ни тот, ни другой не шевелились. Однако вскоре Кикаха поднялся. Он слабо усмехнулся и сказал:

— Видел бы ты другого парня.

— С ним все о'кей, — ответил Вольф, взглянув на другой лагерь.

— Очень жаль, — ответил Кикаха. — Я надеялся, что он больше не причинит нам забот. Он и так уже чересчур задержал меня.

Кикаха приказал выйти из шатра всем, кроме Вольфа. Его вассалы, казалось, не хотели покидать его, но подчинились. Кикаха рассказал:

— Я держал путь из своего замка в замок фон Элгерса, когда проехал мимо шатра Фунем Лаксфалька. Будь я один, я показал бы ему нос в ответ на его вызов и поскакал бы дальше. Но тут были также и тевтоны, и я должен был подумать и о своих собственных вассалах. Я не мог себе позволить приобрести репутацию труса. Мои же собственные ратники забросали бы меня гнилой капустой, и мне пришлось бы драться с каждым рыцарем в стране, чтобы доказать свою смелость. Я счел, что мне не потребуется много времени, чтобы втолковать этому идше, кто самый лучший воин, а потом я смогу отправиться дальше. Но

вышло иначе. Герольды записали меня на позицию Номер Три. Это означало, что я должен был за три дня встретиться в поединке с тремя противниками, прежде чем доберусь до большой игры. Я протестовал, но бесполезно. Поэтому я выругался про себя и решил пережить. Ты видел мою вторую встречу с Фунем Лаксфальком. В первый раз мы тоже вышибли друг друга из седла. Даже так это больше, чем сделали другие. Они так и кипят, потому что идше нанес поражение всем тевтонам, кроме меня. Помимо этого, он уже убил двоих, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая Кикаху, Вольф снимал с него доспехи. Кикаха вдруг сел, стеная и морщась, и осведомился:

— Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда?

— По большей части на своих двоих. Но я думал, что ты погиб.

— Сообщение о моей смерти было не слишком сильно преувеличенным. Когда я свалился в ту шахту, то приземлился на полдороге на земляном карнизе. Он отломился и вызвал небольшой обвал, засыпавший меня после того, как я опустился на дно. Но я пробыл без сознания недолго, и земля только слегка покрыла мне лицо, так что я не задохнулся. Некоторое время я лежал тихо, потому что шелкины заглядывали в эту яму. Они даже бросили вниз копье, но оно разминулось со мной на волосок крота. Через пару часов я откопал себя. Прямо скажу, я здорово попотел, выбираясь. Земля продолжала обваливаться, и я стремительно падал обратно. Это заняло у меня, должно быть, часов десять, но и в этом мне повезло. А теперь, как ты попал сюда?

Вольф рассказал ему. Кикаха нахмурился и произнес:

— Так, значит, я был прав, считая, что Абиру зайдет по пути к фон Элгерсу. Слушай, мы должны быстрее уматывать отсюда. Как тебе понравится драться с этим здоровяком идше?

Вольф возразил, что он ничего не знает об изящных правилах турниров и что на усвоение их потребуется целая жизнь.

Кикаха отмел это:

— Если бы ты собирался переломить с ним копье, ты был бы прав. Но мы вызовем его посостязаться на мечах, без щитов. Фехтование на мечах — не совсем то, что поединок на рапирах или саблях. Здесь главную роль играет сила, а именно она-то у тебя имеется!

— Я же не рыцарь. Все видели, как я пришел, словно простой бродяга.

— Чепуха! Ты думаешь, эти дворяне не разгуливают все время переодевшись? Я скажу им, что ты сарацин, язычник хамшем, но мой настоящий добрый друг. Я, мол, спас тебя от дракона, или расскажу еще какую-нибудь сказку про белого

бычка. Они ее проглотят. Придумал! Ты — сарацин Вольф. Есть знаменитый рыцарь с таким именем. Ты путешествовал переодевшись, надеясь найти меня и отплатить мне за спасение от дракона. Я слишком избит, чтобы переломить еще одно копье с Фунем Лаксфальком — это не ложь: я так задубел и исколочен, что едва могу двигаться, — и ты поднимаешь перчатку за меня.

Вольф спросил, какой ему выдвинуть предлог для неприменения копья.

— Я им расскажу какую-нибудь байку. Скажем, вороватый рыцарь спер твое копье, и ты поклялся никогда не пользоваться копьем, пока не вернешь украденное. Они это примут. Они всегда дают какой-нибудь такой глупый обет. Они ведут себя точь-в-точь, как компания рыцарей Круглого Стола Короля Артура. На Земле никаких таких рыцарей никогда не существовало, но Господу, должно быть, доставляло удовольствие заставлять этих вести себя так, словно они только что прискакали из Камелота. Он был романтиком, что там о нем ни говори.

Вольф сказал, что он не горит желанием, но если это поможет ускорить их отправку к фон Элгерсу, он сделает что угодно.

Доспехи Кикахи оказались недостаточно велики для Вольфа, поэтому принесли доспехи идшского рыцаря, убитого в тот день Кикахой. Слуги облачили Вольфа в синие латы и кольчугу и отвели его к лошади. Это была прекрасная кобыла изабелловой масти, также принадлежавшая убитому Кикахой рыцарю, Рихтеру фон Ройтфельду.

Лишь с небольшим трудом Вольф сел на лошадь. Он ожидал, что доспехи окажутся такими тяжелыми, что его придется поднимать в седло с помощью подъемного механизма.

Кикаха сообщил ему, что некогда это могло быть и так, но с тех пор рыцари давно уже вернулись к более легким латам, а чаще просто надевали кольчугу.

Явился идшский посредник, объявивший, что Фунем Лаксфальк принял вызов, несмотря на отсутствие у Вольфа рекомендаций. Если доблестный и почтенный барон-разбойник Хорст фон Хорстманн ручался за Вольфа, это было достаточно хорошо для Фунем Лаксфалька.

Вся речь была просто формальностью.

Идшский паладин ни на минуту не думал отвергать вызов.

— Сохранение лица здесь большое дело, — пояснил Вольфу Кикаха.

Сумев, хромая, выйти из шатра, он давал своему другу последние указания:

— Я рад, что ты появился, старина. Я не смог бы выдержать еще одно падение и не посмел бы отступить.

Снова взревели трубы. Лошади поскакали навстречу друг другу. Они на полной скорости пронеслись мимо друг друга, и в это время всадники взмахнули мечами. Раздался металлический лязг. По кисти и руке Вольфа пробежал парализующий шок. Однако когда он развернул свою лошадь, то увидел, что меч его противника лежит на земле. Идше быстро спешился, чтобы добраться до своего клинка раньше Вольфа.

Он так спешил, что поскользнулся и упал на землю головой вперед.

Вольф медленно подъехал к нему и, не торопясь, спешился, позволяя подняться. При этом рыцарском шаге оба лагеря разразились одобрительными криками. По правилам Вольф мог остаться в седле и зарубить Фунем Лаксфалька, не разрешая ему подобрать оружие.

Спешившись, они встали лицом друг к другу. Идшский рыцарь поднял забрало, открыв красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

— Умоляю позволить мне увидеть ваше лицо, сударь, — сказал он. — Вы — истинный рыцарь, ибо не сразили меня, пока я был беспомощным.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. Затем оба двинулись друг на друга и снова свели вместе мечи.

Удар Вольфа опять оказался таким мощным, что выбил оружие из руки соперника.

Фунем Лаксфальк поднял забрало, на этот раз левой рукой.

— Я не могу сражаться правой рукой, — сказал он. — Не разрешите ли вы мне воспользоваться левой?

Вольф отдал мечом честь и отступил.

Его противник ухватился покрепче за длинную рукоять и, шагнув вперед, изо всех сил обрушил его сбоку на Вольфа. Но в последнюю секунду удар Вольфа выбил у идше меч.

Фунем Лаксфальк в третий раз поднял забрало.

— Вы такой паладин, какого я еще никогда не встречал. Мне крайне неприятно признавать это, но вы нанесли мне поражение, а это нечто такое, чего я никогда не говорил, да и не думал, что скажу. Вы обладаете силой самого Господа.

— Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь и свои доспехи и коня, — ответил Вольф. — Я только хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстманну позволили ехать дальше, без новых вызовов на поединок. У нас назначена одна встреча.

Идше ответил, что да будет так.

Вольф вернулся в свой лагерь, радостно приветствуемый там даже теми, кто считал его хамшемским псом.

Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь. Вольф спросил его, не думает ли он, что, не связанные свитой, они смогут продвигаться намного быстрее.

— Разумеется, но это делается не очень часто, — ответил Кикаха. — Ладно, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем эти проклятые локомотивные латы.

Они не успели далеко отъехать, как услышали стук копыт.

Следом за ними по дороге скакал Фунем Лаксфальк, тоже без доспехов.

— Благородные рыцари, — проговорил он, — я знаю, что вы находитесь в рыцарском поиске.

Он улыбнулся.

— Не будет ли слишком бестактным с моей стороны попросить разрешения присоединиться к вам? Я бы счел это большой честью. Я также считаю, что, только помогая вам, могу искупить свое поражение.

Кикаха посмотрел на Вольфа и сказал:

— Решать тебе. Но мне нравится его манера поведения.

— Обяжетесь ли вы помогать нам в чем бы то ни было? Конечно, покуда это не роняет чести. Мы можем в любое время освободить вас от клятвы, но вы должны поклясться всем, что для вас свято, что никогда не станете помогать нашим врагам.

— Клянусь кровью Бога и бородой Моисея.

Той ночью, пока они разбивали лагерь в чаще вдоль ручья, Кикаха заметил:

— Есть одна проблема, которую может осложнить присоединение к нам Фунем Лаксфалька. Мы должны убрать краску с твоей кожи, и борода тоже должна исчезнуть, иначе, если мы наткнемся на Абиру, он может опознать тебя.

— Одна ложь всегда приводит к другой, — спокойно рассудил Вольф.

— Ну, скажи ему, что я — младший сын барона, который прогнал меня из-за того, что меня оклеветал мой ревнивый брат. Я с тех пор путешествовал, переодевшись сарацином. Но я намерен вернуться в замок отца — он уже умер — и вызвать своего брата на поединок.

— Замечательно! Ты — второй Кикаха! Но что будет, когда он узнает про Хрисенду и рог?

— Мы что-нибудь придумаем. Может, правду. Он всегда может отступить, когда узнает, что лягает самого Господа.

На следующее утро они ехали, пока не добрались до деревни Этцельбранд.

Здесь Кикаха приобрел какие-то химикалии у местного белого мага и приготовился к удалению краски. Едва выехав

из деревни, они остановились у ручья. Фунем Лаксфальк с интересом, затем с изумлением, а потом с подозрением наблюдал, как исчезли борода, а вслед за ней и краска с лица Вольфа.

— Божьи глаза! Вы были хамшемом, а теперь можете сойти за идше!

Тут Кикаха пустился в трехчасовое, со множеством подробностей повествование, в котором Вольф был внебрачным сыном идшской незамужней дамы и тевтонского рыцаря в поиске. Рыцарь, Роберт фон Вольфрам, остановился в идшском замке после того, как покрыл себя славой во время турнира. Он и девушка полюбили друг друга, даже чересчур.

Когда рыцарь уехал, дав обет вернуться по завершении своего поиска, он оставил Ривке беременной. Но фон Вольфрам погиб; и девушка вынуждена была родить юного Роберта в бесчестии. Отец выгнал ее из дому и отправил в маленькую хамшемскую деревушку жить там до конца дней. Девушка умерла, рожая Роберта, но старый верный слуга открыл ему тайну его рождения. Юный бастард поклялся, что, став мужчиной, отправится в замок родичей своего отца и предъявит права на свое законное наследство. Отец Ривке теперь умер, но замком завладел его брат, злой старик. Роберт намеревался вырвать у него баронетство, если он не отдаст его добром.

Под конец повести на глаза Фунем Лаксфалька навернулись слезы.

— Я отправлюсь с тобой, Роберт, и помогу тебе в борьбе против твоего злого дяди. Таким образом я смогу искупить свое поражение, — заявил он.

Позже Вольф упрекнул Кикаху за сочинение такой фантастической повести, настолько детальной, что он мог легко наделать ляпов. Более того, ему не нравилось обманывать такого человека, как идшский рыцарь.

— Чепуха! Ему нельзя было рассказать всей правды, а легче выдумать полную ложь, чем полуправду! Кроме того, посмотри, он остался доволен, даже малость прослезился. И я же Кикаха, обманщик, создатель фантазий и реальностей, человек, которого не могут удержать границы. Я то тут, то там. Финнеган здесь, Финнеган там. Я кажусь погибшим, и все же я снова всплываю живой, ухмыляющийся и брыкающийся! Я быстрее людей, которые сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее. Я мало кому храню верность, но уж если храню, то навсегда. Я любимец женщин, куда бы ни направился, и много слез проливается, когда я ускользаю в ночи, словно рыжий призрак. Но слезы могут удержать меня не больше, чем цепи. Я исчезаю прочь, и немногие знают, где я появлюсь или каким будет мое имя.

Я — свод Господа. Он не может спать по ночам оттого, что я ускользаю от его очей, воронов, и его охотников гворлов.

Кикаха остановился и принялся буйно хохотать. Вольф невольно усмехнулся в ответ. Кикаха ясно давал понять, что он смеется над собой.

Однако он наполовину верил в сказанное. Да почему бы и нет? То, что он сказал, не было сильным преувеличением.

История, выдуманная Кикахой, заставила Вольфа размышлять. Не могло ли быть так, что Кикаха и есть сам замаскированный Господь? Он мог развлекаться, бегая, словно заяц от гончих. Ведь это лучшая забава для Господа, вынужденного искать что-либо новое, чем можно разогнать скуку? В Кикахе было много необъяснимого.

Ища на лице Кикахи какой-то ключ к тайне, Вольф почувствовал, что его сомнения испаряются. Наверняка это веселое лицо не могло быть маской игравшего жизнями отвратительного холодного существа. И потом, у Кикахи был бесспорно хужеровский акцент и идиомы.

Мог ли Господь овладеть этим языком? Ну, а почему бы и нет? Кикаха явно столь же хорошо владел другими языками и диалектами.

Такие вот мысли приходили на ум Вольфу в тот долгий полдень, пока они ехали. Но обед, выпивка и доброе товарищество рассеяли их, так что, укладываясь спать, он забыл свои сомнения. Трое спутников остановились в таверне в деревне Ганзельшист и с аппетитом поужинали. Вольф и Кикаха умяли вдвоем зажаренного поросенка.

Фунем Лаксфальк, хотя и придерживался свободных взглядов на свою религию, отказался есть запрещенную свинину. Он поужинал только телятиной. Все трое осушили много кружек превосходного местного темного пива, и во время разговора за пивом Вольф рассказал Фунем Лаксфальку несколько исправленную историю их розысков Хрисенды, а затем все, шатаясь, отправились спать.

Утром они двинулись короткой дорогой через холмы. Она могла сократить им путь на три дня, если они сумеют пробиться. По этой дороге путешествовали редко, и по веской причине, ибо здесь кишмя кишели разбойники и драконы.

Они двигались с хорошей скоростью, не видя никаких лесных людей, а встретив только одного дракона. Чешуйчатое чудовище вылезло из канавы в пятидесяти ярдах впереди них. Оно фыркнуло и исчезло в лесу на другой стороне дороги, ничуть не меньше их желая избежать драки.

Спускаясь с холмов на столбовую дорогу, Вольф заметил:

— За нами следуют вороны.

— Да, я это знаю, но не мучайся. Они кружат повсюду над этой местностью. Я сомневаюсь, что они знают, кто мы такие. Я искренне надеюсь, что они не знают.

В полдень следующего дня они вступили на территорию контура Трегильна. Более чем двадцать четыре часа спустя они увидели замок Трегильн, средоточие власти барона фон Элгерса. Это был самый большой из всех покамест увиденных Вольфом замков. Он был построен из черного камня и расположен на вершине высокого холма в миле от города Трегильна.

В полных доспехах, высоко держа копья с вымпелами, трое спутников храбро подъехали к окружавшему замок рву. Из маленькой дверцы у рва вышел привратник и вежливо осведомился об их деле.

— Передай благородному господину, что трое рыцарей, пользующихся доброй славой, будут его гостями, — сказал Кикаха, — бароны фон Хорстманн и фон Вольфрам и широко прославленный идшский барон Фунем Лаксфальк. Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас или отправил в рыцарский поиск.

Сержант крикнул капралу, а тот побежал через подъемный мост. Спустя несколько минут один из сыновей фон Элгерса, роскошно одетый юноша, выехал принять их. На огромном внутреннем дворе Вольф увидел нечто его расстроившее. Там слонялись или играли в кости несколько хамшемов и шелкинов.

— Они не знают никого из нас, — успокоил Кикаха. — Веселей. Если они здесь, то, значит, Хрисенда и рог тоже тут.

Удостоверившись, что об их лошадях хорошо позаботятся, трое поднялись в отведенные им покои. Они приняли ванну и надели новые одежды яркого цвета, присланные им фон Элгерсом. Вольф заметил, что они немного отличались от одежды, носимой в тринадцатом веке. В ней были интересные детали.

К тому времени, когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин был в полном разгаре. Разгар был самым подходящим словом, так как рев стоял оглушающий. Половина гостей пошатывалась, а другие не двигались, потому что уже прошли стадию пошатывания. Фон Элгерс сумел подняться и поздороваться с гостями. Он любезно извинился за то, что его застали в таком состоянии в такой ранний час.

— Мы несколько дней развлекали нашего хамшемского гостя. Он принес нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая это событие.

Он повернулся представить Абиру, сделал это слишком быстро и чуть было не упал. Абиру поднялся ответить на их поклон. Его черные глаза полоснули по ним, словно острие меча,

улыбка его была широкой, но механической. В отличие от других он казался трезвым.

Трое заняли свои места, находившиеся поблизости от хамшема, так как занимавшие их прежде отправились под стол.

Абиру, казалось, не терпелось поговорить с вновь прибывшими.

— Если вы ищете службу, то вы нашли нужного вам человека. Я плачу барону за препровождение меня в глубь страны, но всегда могу найти применение лишним мечам. Дорога к моей цели длинная и трудная и сопряжена со многими опасностями.

— И где же находится цель вашего путешествия? — спросил Кикаха.

Никто, глядевший на него, не подумал бы, что он испытывал к Абиру что-либо большее, чем праздный интерес, ибо он горячо рассматривал белокурую красавицу, сидевшую за столом напротив него.

— В этом нет никакого секрета, — ответил Абиру. — Владыка Кранзелькрахта, говорят, очень странный человек, но говорят также, что он богаче, чем даже сам Гроссмейстер Тевтонии.

— Я это знаю наверняка, — подтвердил Кикаха. — Я бывал там и видел его сокровища. Утверждают, что много лет назад он дерзнул вызвать неудовольствие Господа и поднялся по великой горе на Ярус Атлантиды. Он ограбил сокровищницу самого Радаманта и смылся с целым мешком драгоценных камней. С тех пор фон Кранзелькрахт увеличил свое богатство, завоевывая соседние с ним государства. Говорят, что Гроссмейстер этим обеспокоен и думает организовать против него крестовый поход. Гроссмейстер утверждает, что он, мол, еретик. Но если бы он им был, разве Господь не поразил бы его давным-давно молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

— Пути Господни неисповедимы. Кроме того, кто, кроме Господа, знает истину? В любом случае, я везу своих рабов и кое-какие вещи в Кранзелькрахт. Я собираюсь получить огромную прибыль от своего предприятия, и те рыцари, которые достаточно храбры, чтобы разделить со мной путь, приобретут много золота, не говоря уже о славе.

Абиру замолк, чтобы отпить вина из стакана. Кикаха бросил в сторону Вольфа:

— Этот человек такой же большой лжец, как и я. Он намерен использовать нас для доставки его до самого Кранзелькрахта, который находится неподалеку от подножия монолита, а потом он заберет Хрисенду и рог в Атлантиду, где ему должны отвалить за них целый дом золота и алмазов, конечно, если его игра не идет дальше, чем я в данный момент думаю.

Он поднял свою кружку и долгое время пил или делал вид, что пьет.

С треском опустив кружку на стол, он заявил:

— Будь я проклят, если в Абиру нет чего-то знакомого! У меня возникло такое странное ощущение, когда я увидел его в первый раз, но потом я был слишком занят, чтобы много думать об этом. Теперь же я знаю, что видел его прежде.

Вольф ответил, что в этом нет ничего удивительного. Сколько лиц он перевидел за свои двадцатилетние странствия?

— Может, ты и прав, — пробормотал Кикаха. — Но я не думаю, что у меня было с ним какое-то шапочное знакомство. Я, безусловно, хотел бы увидеть его без бороды.

Абиру поднялся и, извинившись, вышел из-за стола, сказав, что настал час молитвы Господу и его личному божеству Тартартару. После отправления обрядов он вернулся. Тут фон Элгерс жестом подозвал двух ратников и приказал им сопровождать гостя в его покои и позаботиться о его безопасности.

Абиру поклонился и поблагодарил за заботу. От Вольфа не ускользнули тайные намерения барона.

Он не доверял хамшему, и Абиру знал это. Фон Элгерс, несмотря на опьянение, отлично сознавал, что происходит, и замечал все из ряда вон выходящее.

— Да, ты прав насчет него, — подтвердил Кикаха. — Он очутился там, где находится, не потому, что поворачивался к врагам спиной. Постарайся скрыть свое нетерпение, Боб. У нас впереди долгое ожидание. Прикинься пьяным, поухаживай за дамами. Тебя сочтут ненормальным, если ты этого не сделаешь. Но не сбеги с какой-нибудь. Мы должны оставаться на виду друг у друга, чтобы суметь уйти вместе, когда придет нужное время.

Глава XIII

Вольф выпил достаточно и, казалось, потерял контроль над собой. Он даже начал болтать с госпожой Алисон, женой барона Венцельбрихта Морча. Темноволосая и голубоглазая женщина величавой красоты, она носила облегавшее белое парчовое платье. Оно было с таким низким вырезом, что его одного было бы достаточно, чтобы притягивать взгляды мужчин, но она не переставала ронять веер и поднимала его сама. В любое другое время Вольф был бы счастлив уединиться с ней, нарушив обет верности Хрисенде. Было очевидным, что у него не возникло бы с этим никаких затруднений, так как она была польщена, что

великий фон Вольфрам заинтересовался ею. Она слышала о его победе над Лаксфальком. Но он мог думать только о Хрисенде, которая должна была находиться где-то в замке. Никто не упомянул о ней, а он сам не посмел спросить. И все же у него язык чесался выяснить это. Несколько раз он замечал, что ему надо прикусить его, чтобы не дать сорваться с него ненужным вопросам.

Вскоре — и как раз в самое нужное время, поскольку он не мог больше пропускать мимо ушей смелые намеки госпожи Алисон, не оскорбляя ее, — ему пришел на выручку Кикаха. Он привел с собой мужа Алисон, чтобы дать Вольфу резонный предлог покинуть ее. Позже Кикаха открыл, что он уволок фон Венцельбрихта от другой женщины под тем предлогом, что жена потребовала, чтобы он подошел к ней. Кикаха с Вольфом ушли, предоставив отупевшему от пива барону объяснять, что именно ему понадобилось от своей жены. Поскольку ни он, ни его жена этого не знали, у них должен был произойти интересный разговор. Вольф жестом предложил Фунем Лаксфальку присоединиться к ним.

Все трое прикинулись бредущими, пошатываясь, в туалет.

Как только они скрылись из поля зрения сидевших в пиршественном зале, сразу поспешили вперед по коридору совсем в противоположном направлении. Они без помех одолели четыре лестничных марша.

Вооружены они были только кинжалами, так как являться на пир при мечах и в доспехах было бы оскорблением.

Вольф, однако, сумел отвязать длинный шнур от штор в своих покоях. Он обмотал его вокруг талии под рубахой.

— Я подслушал, как Абиру говорил со своим помощником Рамнишем, — сказал идшский рыцарь. — Они говорили на торговом языке х'вайкум, не зная, что я путешествовал по реке Гузирит в районе джунглей. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли он уже, куда фон Элгерс забрал Хрисенду. Рамниш ответил, что он потратил немало золота и времени на разговоры со слугами и часовыми. Все, что он смог выяснить, это то, что она находится на восточной стороне замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной темнице.

— Зачем бы фон Элгерсу отбирать Хрисенду у Абиру? — не понял Вольф. — Разве она не собственность Абиру?

— Может, у барона имеются относительно ее некоторые замыслы, — предположил Кикаха. — Если она такая необыкновенная и прекрасная, как ты говоришь...

— Мы должны найти ее!

— Не горячись. Найдем. Ого, в конце коридора часовой. Продолжайте идти к нему, пошатываясь чуть сильнее.

Часовой поднял копье, когда они закачались перед ним. Вежливым, но твердым голосом он сообщил им, что они должны идти обратно. Барон запретил всем, под страхом смерти, проходить дальше.

— Ладно, — произнес заплетавшимся языком Вольф.

Он начал поворачиваться, а затем внезапно прыгнул и схватился за копье. Прежде чем пораженный охранник смог испустить крик, его стукнули о дверь и с силой прижали к горлу древко копья. Вольф продолжал давить на него.

Глаза караульного выскочили из орбит, лицо побагровело, затем посинело. Минуту спустя он рухнул мертвый.

Идше уволок тело дальше по коридору, в боковую комнату. Вернувшись, он доложил, что спрятал труп за большим сундуком.

— Очень жаль, — весело отозвался Кикаха. — Он мог быть милым парнем. Но если нам придется вырываться с боем, у нас на пути будет одним меньше.

У покойника, однако, не было ключа, чтобы отпереть дверь.

— Вероятно, фон Элгерс — единственный человек, у кого он есть. Мы поднимем большой тарарам, добывая у него ключ, — сказал Кикаха.

— Ладно. Пойдем в обход.

Он повел их обратно по коридору в другую комнату. Они *пролезли через ее высокое, заостренное кверху окно.* За его карнизом находилось множество выступов: камней, вырезанных в форме голов дракона, бесов, кабанов.

Украшения были размещены отнюдь не для того, чтобы обеспечивать легкий подъем, но храбрый или отчаянный человек мог взобраться по ним. В пятидесяти футах под ними в свете факелов с подъемного моста тускло поблескивала поверхность рва.

К счастью, луну закрыли густые черные облака и не позволяли тем, кто находился внизу, увидеть влезавших.

Кикаха посмотрел вниз на Вольфа, цеплявшегося за каменное чудище, стоя одной ногой на голове змеи.

— Эй, я забыл тебе сказать, что барон держит во рву кучу водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них вообще нет ног, но они обычно недокормлены.

— Бывают времена, когда я нахожу твой юмор безвкусным, — свирепо отозвался Вольф. — Двигай.

Кикаха тихо рассмеялся и продолжал подниматься. Вольф следовал за ним после того, как взглянул вниз, чтобы удостовериться, что у идше все идет, как надо. Кикаха остановился и сообщил:

— Здесь есть окно, но оно зарешеченное. Я не думаю, что внутри кто-то есть. Там темно.

Кикаха продолжал подниматься.

Вольф остановился заглянуть в окно.

Там было черно, как в глубине рыбьего глаза. Он просунул руку сквозь прутья и пошарил кругом, пока его пальцы не сомкнулись на свече. Осторожно поднимая ее так, чтобы вытащить из подсвечника, он вытянул ее за решетку. Зацепившись согнутой рукой за стальной прут, он некоторое время повисел, выуживая другой рукой спички из маленькой сумки на поясе.

Кикаха сверху поинтересовался:

— Что ты делаешь?

Вольф объяснил ему, а Кикаха возразил:

— Я пару раз произнес имя Хрисенды. Там никого нет. Кончай терять время.

— Я хочу удостовериться.

— Ты слишком основателен. Ты обращаешь слишком много внимания на детали. Если хочешь срубить дерево, надо отсекать щепу побольше. Лезем дальше.

Не потрудившись ответить, Вольф чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он сумел достаточно быстро засунуть ее за окно. Вспышка света осветила пустую спальню.

— Удовлетворен? — донесся голос Кикахи, более слабый, так как он влез еще выше. — У нас есть еще один шанс — сторожевая башенка. Если и там никого нет... В любом случае, я не знаю, как — уф! — мы спустимся...

Вольф поблагодарил сам себя, что не торопился. Он дал спичке догореть до тех пор, пока она не стала жечь ему пальцы, и только тогда выпустил ее.

Сразу же после этого его ударило падающее тело. Столкновение было очень сильным. Он крякнул и повис на одной руке. Несколько секунд Кикаха, дрожа, цеплялся за него, а затем глубоко вздохнул и возобновил подъем. Ни тот, ни другой не сказали ни слова, но оба знали, что если бы не упрямство Вольфа, то падающий Кикаха сшиб бы и Вольфа с ненадежной опоры.

Возможно, не удержался бы и Фунем Лаксфальк, так как он находился прямо под Вольфом.

Сторожевая башенка оказалась большой.

Она находилась примерно на трети пути вверх по стене, выступая из нее далеко наружу, и из ее крестообразного окна лился свет. Стена на небольшом расстоянии выше ее была лишена всяких украшений.

Внизу раздался сильный шум. Вольф остановился посмот-

реть вниз на подъемный мост, думая, что их, должно быть, заметили. Однако, хотя на подъемном мосту и рядом с ним было много ратников и гостей, причем многие держали факелы, ни один не глядел на верхолазов. Они, казалось, искали кого-то в кустах и среди деревьев.

Он подумал, что заметили их отсутствие и тело часового.

Им придется выбираться с боем. Но пусть они сперва найдут и освободят Хрисенду. Потом будет время подумать о битве.

Впереди него Кикаха скомандовал:

— Лезь сюда, Боб!

Голос его был таким взволнованным, что Вольф понял, — он, должно быть, обнаружил Хрисенду. Он вскарабкался быстро, быстрее, чем разрешал здравый смысл. Необходимо было влезать по одной стороне башенки, так как нижняя ее сторона выступала наружу под углом. Кикаха лежал на плоской вершине башенки и старался продвинуться дальше от края крыши.

— Тебе придется повиснуть вверх ногами, чтобы заглянуть в окно, Боб. Она там, и она одна. Но окно слишком узкое, чтобы пропустить тебя или ее.

Вольф свесился вниз, в то время как Кикаха схватил его за ноги. Он выползал все дальше, далеко, где-то там чернел ров. Щель в камне показала ему перевернутое лицо Хрисенды. Она улыбалась, но по щекам у нее катились слезы.

После он не мог точно вспомнить, что они сказали друг другу, так как он пребывал в лихорадке, сменившейся холодом отчаяния и последовавшей затем новой лихорадкой. Он боялся, что не сможет говорить.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее ладони. Она в каменный проем тщетно пыталась дотянуться до него.

— Ничего, Хрисенда, — ободрил он ее. — Ты знаешь, что мы здесь. Мы не собираемся уходить, пока не заберем тебя с собой, клянусь в этом.

— Спроси ее, где рог, — вмешался Кикаха.

Услышав его, Хрисенда ответила:

— Я не знаю, но думаю, что он у фон Элгерса.

— Он тебя беспокоил? — свирепо спросил Вольф.

— Пока нет, но я не знаю, долго ли придется ждать, прежде чем он потащит меня в постель, — ответила она. — Он сдерживается только потому, что не хочет понизить ту цену, какую получит за меня. Он говорит, что никогда не видывал такой женщины, как я.

Вольф выругался, а затем рассмеялся. Это было похоже на нее — говорить вот так откровенно, так как в мире Сада самовосхищение было общепринятой позицией.

— Кончай ненужную болтовню.

Кикаха разозлился.

— Для этого будет время, когда мы вызволим ее.

Хрисенда, по возможности сжато и ясно, ответила на вопросы Вольфа. Она описала путь в свою комнату. Она не знала, сколько часовых было расставлено за дверью ее комнаты или по дороге.

— Я знаю одно, чего не знает барон, — сказала она. — Он думает, что Абиру везет меня к фон Кранзелькрехту. Мне-то лучше знать. Абиру намерен подняться на Дузвиллиаву в Атлантиду. Там он продаст меня Радаманту.

— Он никому тебя не продаст, потому что я собираюсь убить его, — вскипел Вольф. — Сейчас я должен уходить, Хрисенда, но я вернусь как можно скорее. И я приду не этим путем. А пока я люблю тебя.

Хрисенда заплакала.

— Я тысячу лет не слышала таких слов ни от одного мужчины! Ах, Роберт Вольф, я люблю тебя! Но я боюсь! Я...

— Ты не должна ничего бояться, — сказал он. — В этом нет нужды, пока я жив, а я не намерен умирать.

Кикаха втащил его обратно на крышу сторожевой башенки. Он поднялся и чуть не упал от головокружения, вызванного приливом крови к голове.

— Идше уже начал спускаться, — объяснил Кикаха. — Я отправил его выяснить, сможем ли мы вернуться тем же путем, которым пришли, а также посмотреть, чем вызван этот шум и гам.

— Нами?

— По-моему, нет. Первое, что бы они сделали, это проверили бы Хрисенду, но они этого не сделали.

Спуск проходил еще медленнее и опаснее, чем подъем, но они одолели его без происшествий. Фунем Лаксфальк ждал их у окна, давшего им доступ на стену.

— Они нашли убитого вами часового, — сообщил он, — но не думают, что мы имеем к этому какое-то отношение. Гворлы вырвались на свободу из темницы и убили множество ратников. Они захватили собственное оружие. Некоторые выбрались из замка, но не все.

Друзья покинули комнату и быстро слились с людьми, искавшими гворлов. У них не было шанса подняться по лестничному маршу, в конце которого находилась комната, где была заточена Хрисенда. Фон Элгерс, несомненно, увеличил охрану.

Несколько часов они бродили по замку, знакомясь с его расположением.

Они заметили, что, хотя шок от побега гворлов несколько отрезвил тевтонов, они все еще были очень пьяны. Вольф пред-

ложил им вернуться в свои покои и обговорить возможные планы. Наверно, они смогут придумать что-нибудь разумное и действенное.

Их комната находилась на пятом этаже, несколько наискосок и ниже от окна башенки Хрисенды. Чтобы добраться до нее, им пришлось пройти мимо множества мужчин и женщин, уже набравшихся пива и вина, пошатывавшихся, невнятно и без удержу болтавших. В их комнату никто кроме них самих проникнуть не мог, потому что ключи были только у них и у главного привратника, а тот был слишком занят где-то в другом месте, чтобы добраться до их покоев. Кроме того, как гворлы могли войти через запертую дверь?

В тот же миг, когда Вольф шагнул в комнату, он понял, что они каким-то образом все-таки вошли. В ноздри ему ударило затхлой вонью гнилых фруктов. Он втащил спутников внутрь и быстро запер за ними дверь, а затем обернулся с кинжалом в руке. Кикаха тоже, раздувая ноздри и зыркая взглядом, держал в руке нож. Только Фунем Лаксфальк не сознавал, что тут что-то не так, за исключением неприятного запаха.

Вольф шепотом объяснил ему. Идше подошел к стене, чтобы взять мечи, а затем остановился. Подставки были пусты.

Молча Вольф прошел в другую комнату, Кикаха — следом за ним, держа факел. Пламя заколебалось и отбросило горбатые тени, заставившие Вольфа вздрогнуть. Он был уверен, что это гворлы.

Свет изменился, тени улетели или преобразились в безвредные формы.

— Они здесь, — тихо произнес Вольф, — или только что ушли. Но куда?

Кикаха показал на закрывавшие окно высокие шторы. Вольф широким шагом подошел к ним и принялся протыкать красно-пурпурную бархатную ткань.

Его клинок встретил только воздух и камень стены. Кикаха отдернул шторы, открыв то, что уже сказал ему кинжал.

Никаких гворлов там не было.

— Они забрались через окно, — сказал идше. — Но зачем?

В этот момент Вольф поднял глаза и выругался. Он шагнул назад, чтобы предупредить своих друзей, но они уже тоже смотрели вверх. Там, зацепившись согнутыми коленями за тяжелый железный каркас штор, висели вверх тормашками двое гворлов. В руках оба держали длинные окровавленные ножи, а один, вдобавок, сжимал рог.

Двое созданий расслабили ноги в ту же секунду, как поняли, что их обнаружили. Оба сумели перекувырнуться и приземлить-

ся на ноги. Тот, что оказался справа, нанес удар ногой. Вольф покатился, а затем вскочил, но Кикаха промахнулся своим ножом, а гворл — нет. Нож оказался в руке Кикахи.

Другой бросил нож в Фунем Лаксфалька, потом ударил идше в солнечное сплетение с силой, заставившей того согнуться и, пошатнувшись, отступить.

Спустя несколько секунд он выпрямился, вспомнив, почему нож не смог войти в его тело. Сквозь порванную рубаху блеснула сталь легкой кольчуги.

К тому времени гворл с рогом исчез за окном, а оставшийся гворл дал друзьям жестокий бой. Он снова сшиб Вольфа, но на этот раз кулаком, и, словно вихрь, налетел на Кикаху, молотя кулаками и отгоняя его назад.

Идше с ножом в руке прыгнул на гворла и попытался пырнуть того ножом в брюхо, но его тут же схватили за запястье и вывернули руку. Идше закричал от боли, и нож выпал из его кулака.

Лежавший на полу Кикаха поднял ногу, а затем врезал пяткой гворлу по голени. Тот упал, хотя и не ударился об пол, потому что его схватил Вольф.

Они кружили, сцепившись в объятиях. Оба пытались сломать друг другу хребет, а также поставить подножку и опрокинуть противника. Вольф сумел перебросить гворла через бедро. Они стукнулись о стену, и гворл сильно ушибся, стукнувшись головой.

На долю секунды он был оглушен.

Это дало Вольфу достаточно времени, чтобы крепко прижать к себе вонючую волосатую бугристую тварь и изо всех сил нажать на хребет гворла. Слишком мускулистый и слишком толстокожий гворл сопротивлялся. На него набросились с ножами двое остальных. Они несколько раз пырнули гворла и продолжали бы попытки убить его, не вели им Вольф прекратить.

Шагнув назад, Вольф выпустил гворла, упавшего на пол. Тот истекал кровью, взгляд его остекленел. С минуту Вольф не обращал на него внимания, высматривая в окно бежавшего с рогом другого гворла. Отряд державших факелы всадников прогромыхал через подъемный мост и удалился. Свет показал только гладь черных вод рва. Не было никакого спускавшегося по стене гворла. Вольф снова повернулся к поверженному гворлу.

— Его зовут Дискибибал, а другого — Смил, — уведомил его Кикаха.

— Смил, должно быть, утонул, — сказал Вольф. — Даже если бы он умел плавать, его могли сцапать водяные драконы; но он не умел.

Вольф подумал о роге, лежащем в иле на дне рва.

— Никто не видел, как упал Смил. Так что на некоторое время рог там в безопасности.

Гворл заговорил. Хотя он употреблял немецкий, он не мог точно овладеть звуками. Его слова скрежетали у него в глубине горла.

— Вы умрете, человеки. Господь победит. Арвур — Господь. Ему не может нанести поражения такая падаль, как вы. Но прежде чем умрете, вы будете страдать большую...

Он начал кашлять, харкая кровью, и продолжал харкать, пока не умер.

— Нам лучше избавиться от его тела, — предложил Вольф. — Нам будет тяжело объяснить, что он здесь делал. И фон Элгерс может связать пропажу рога с их присутствием здесь.

Взглянув в окно, Вольф убедился, что поисковый отряд ускакал далеко по ведущей к городу утоптанной дороге.

По крайней мере, на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и вытолкнул его из окна.

После того как была перевязана рана Кикахи, Вольф и идше стерли все следы борьбы.

Только после того, как они закончили, Фунем Лаксфальк заговорил. Лицо его было бледным и мрачным.

— Это был рог Господа. Я настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда и какова ваша роль в этом кажущемся кощунстве.

— Теперь самое время сказать всю правду, — заметил Кикаха.

— Расскажи ты, Боб. На сей раз я не испытываю желания все объяснять.

Вольф был озадачен состоянием Кикахи, так как его лицо тоже побледнело, а сквозь толстую перевязку сочилась кровь. Тем не менее он как можно быстрее рассказал идше все, что знал.

Рыцарь слушал внимательно, хотя не мог удержаться от вопросов и ругательств, когда Вольф разъяснял ему что-нибудь особенно изумительное.

— Клянусь Богом, — произнес он, когда Вольф окончил рассказ, — эта повесть о другом мире заставила бы меня назвать вас лжецом, если бы раввины уже не рассказывали мне, что мои предки и предки тевтонов пришли именно из такого места. И потом, есть Книга Второго Исхода, которая гласит то же самое и утверждает, что Господь явился из другого мира. И все же я всегда считал эти сказки тем, что пригрезилось святым, чуточку безумным людям. Мне и присниться никогда, конечно, не могло сказать об этом вслух, так как я не хотел быть побитым камнями за ересь. К тому же всегда существует сомнение, что сказки

могут быть правдой. И Господь карает тех, кто отрицает его. В этом-то никаких сомнений нет. Теперь же вы ставите меня в такое положение, какому ни один человек не может позавидовать. Я знаю вас обоих как самых грозных рыцарей, каких мне когда-либо выпадало счастье встретить. Вы такие люди, которые не станут лгать. В этом я готов поручиться своей жизнью. Ваша повесть звучит столь же правдиво, как и доспехи великого драконоборца фон Зильбербергла. И все-таки я не знаю, как реагировать.

Он покачал головой.

— Пытаться вступить в цитадель самого Господа, нанести удар по Господу! Это пугает меня. Первый раз в своей жизни я, Лейб Фунем Лаксфальк, признаю, что я боюсь!

— Вы дали нам клятву, — сказал Вольф. — Мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы вы действовали так, как поклялись, то есть не говорили никому о нас или нашем поиске.

— Я не говорил, что брошу вас! — возмутился, рассердившись, идше. — Я этого не сделаю, по крайней мере, пока. Существует нечто такое, что заставляет меня думать, что вы, может, говорите правду. Господь — всемогущ, и все же его священный рог побывал в ваших руках и у гворлов, а Господь ничего не сделал. Наверно...

Вольф ответил, что у него нет времени ждать, пока тот примет решение, рог должен быть возвращен сейчас, пока есть возможность, и Хрисенду надо освободить при первом же удобном случае. Вольф вывел друзей из этой комнаты в другую, там никого не было.

Там они взяли три меча взамен тех, которые гворлы, должно быть, выбросили из окна в ров. Через несколько минут троица оказалась за пределами замка и притворилась, что ищет по лесу гворлов.

К тому времени большинство вышедших на поиски тевтонов вернулось в замок. Трое подождали, пока отставшие ратники не убедились, что никаких гворлов поблизости нет.

Когда последние из них прошли через подъемный мост, Вольф и его друзья погасили факелы. На конце моста в караульной осталось двое часовых. Они, однако, находились в ста ярдах от них и не могли видеть их тени. Более того, сторожа были слишком заняты обсуждением событий этой ночи. Эти люди не были профессиональными караульными и только что заступили на пост. А настоящих караульных убили бежавшие гворлы.

— Точка как раз под нашим окном, вот где должен находиться рог, — подумал вслух Вольф. — Только...

— Водяные драконы!

Кикаха понял его с полуслова.

— Они уволокут тела Смила и Дискибибола в свои логова, где бы те ни были. Но поблизости могут находиться другие. Я бы нырнул, но эта моя рана сразу же привлечет их.

— Я говорил как раз о себе, — проворчал Вольф.

Он принялся снимать одежду.

— Насколько глубок этот ров?

— Узнаешь, — лаконично ответил Кикаха.

Вольф увидел, как что-то блеснуло в отраженном свете факелов с отдаленного моста. Он подумал, что это глаза драконов. В следующий миг он и его друзья были пойманы во что-то липкое и вяжущее. Материал этот, чем бы он ни был, закрыл ему глаза и ослепил его.

Вольф дрался жестоко, но молча. Хоть он и не знал, кем были напавшие на него, но не собирался поднимать обитателей замка, каким бы ни был исход борьбы, их это дело не касалось.

Чем больше он трепыхался, тем туже цеплялась к нему и связывала его паутина. В конечном итоге, ярясь и тяжело дыша, он оказался беспомощным. Только тогда раздался низкий и скрипучий голос.

Нож разрезал паутину, оставив открытым лицо Вольфа. В тусклом свете отдаленных факелов он увидел две другие фигуры, завернутые в паутину, и дюжину кривобоких силуэтов. Вонь гнилых фруктов была мощной.

— Я — Гагрилл, здррих'аг. Аббкмунга. Вы — Роберт Вольф и наш великий враг Кикаха, а третьего я не знаю.

— Барон Фунем Лаксфальк, — процедил идше. — Освободи меня и ты скоро выяснишь, хорошо ли со мной знаться, вонючая свинья!

— Тихо! Мы знаем, что вы каким-то образом убили двух моих лучших убийц, Смила и Дискибибола, хотя они оказались не столь уж умелыми, если дали себя разбить таким, как вы. Оттуда, где мы спрятались в лесу, мы видели, как упал Дискибибол, и мы видели, как выпрыгнул с рогом Смил.

Гагрилл помолчал, а затем произнес:

— Ты, Вольф, отправишься за рогом в воды и принесешь его нам. Если ты это сделаешь, то, клянусь честью Господа, мы освободим всех троих. Кикаху Господь тоже хочет иметь, но не так сильно, как рог, и он сказал, что мы не должны убивать его, даже если нам придется дать ему скрыться. Мы повинуемся Господу, потому как он — величайший убийца из всех.

— А если я откажусь? — спросил Вольф. — С водяными драконами во рву мне грозит верная смерть.

— Тебе будет верная смерть, если ты откажешься.

Вольф подумал. Он вынужден был признать логичность выбора. Фунем Лаксфальк был гворлам неизвестен, поэтому они не могли позволить ему отправиться за рогом. Он мог и не вернуться. Кикаха был призом, уступавшим в ценности только рогу. Кроме того, он был ранен, а кровь из раны привлекла бы водяных чудовищ. Вольф же, если ему не наплевать на Кикаху, вернется. Гворлы, конечно, не могли быть уверены в глубине его чувств к Кикахе. Это был риск, на который им приходилось идти.

Наверняка же ясно одно: ни один гворл не рискнет сунуться в такую глубокую воду, если у него есть кто-то, способный сделать это за него.

— Ладно, — согласился Вольф. — Освободите меня, и я отправлюсь за рогом. Но дайте мне, по крайней мере, нож для защиты от драконов.

— Нет, — отказал Гагрилл.

Вольф пожал плечами. После того как его вырезали из сети-паутины, он снял с себя всю одежду, кроме рубахи. Она прикрывала обмотанный у него вокруг талии шнур.

— Не делай этого, Боб, — заговорил Кикаха. — Гворлу можно доверять не больше, чем его хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что пожелают, и еще посмеются над нами.

— У меня нет выбора, — ответил Вольф. — Если я найду рог, то вернусь. Если я не вернусь, ты будешь знать, что я погиб.

— Ты все равно погибнешь, — возразил Кикаха.

Раздался удар кулака по телу. Кикаха выругался, но сделал это тихо.

— Поговори еще, Кикаха, — сказал Гагрилл, — и я отрежу тебе язык. Этого Господь не запрещал.

Глава XIV

Вольф поднял взгляд на окно, из которого все еще лился свет факела.

Он вошел в воду, которая оказалась прохладной, но не холодной.

Его ноги погрузились в густой клейкий ил, вызывавший в воображении многочисленные трупы, чья гниющая плоть, должно быть, и образовала часть этого ила. Вольф не мог удержаться от мыслей о плававших там драконах.

Если ему повезет, то в непосредственной близости их не будет. Если они уволокли тела Смила и Дискибибола...

Лучше перестать размышлять о них и пускаться плыть.

Ров в этом месте был по меньшей мере в двести ярдов шириной. Вольф даже остановился посередине и, усиленно работая ногами, обернулся посмотреть на берег. С этого расстояния он не смог увидеть никаких признаков гворлов.

С другой стороны, они, стало быть, тоже его не видели. Гагрилл не ограничил его во времени. Вольф, однако, знал, что если он не вернется до рассвета, то не найдет на берегу никого.

В точке, расположенной непосредственно под светом из окна, он нырнул. Вольф погружался, и вода становилась холодней чуть ли не с каждым гребком. У него начали зудеть, а затем болеть уши. Он выпустил несколько пузырьков воздуха, чтобы уменьшить давление, но ему это мало помогло.

Как раз когда ему показалось, что он не сможет уже нырнуть глубже без того, чтобы у него не лопнули барабанные перепонки, его рука вошла в мягкий ил. Удерживаясь от желания сейчас же повернуть и плыть к поверхности за благословенным облегчением от давления в ушах и абсолютно необходимым глотком воздуха, он пошарил по дну рва. Он не нашел ничего, кроме ила и одной кости.

Он мучил себя, пока не понял, что должен глотнуть воздуха.

Дважды он поднимался на поверхность, а затем снова нырял.

К тому времени он понял, что, даже если рог лежит на дне, он может никогда не найти его. Слепой, в темной воде, он мог проплыть в дюйме от рога и никогда не узнать о нем. Более того, возможно, Смил, упав, отбросил рог подальше от себя, или водяной дракон мог утащить его вместе с трупом Смила и даже проглотить его.

В третий раз он прежде, чем погрузиться в воду, отплыл на несколько гребков вправо. Вольф нырнул, как надеялся, под углом в девяносто градусов ко дну.

В этой черноте он никак не мог определить направление.

Его рука вспахала ил. Он пощупал кругом, и его пальцы сомкнулись на холодном металле.

Быстро скользнув по предмету, Вольф ощутил семь кнопочек.

Выплыв, Вольф вспенил воду и жадно глотнул воздух.

Теперь надо было проделать обратное путешествие, которое, как он надеялся, он сможет осуществить. Водяные драконы еще могли появиться.

Затем он забыл про драконов, так как ничего не увидел.

Свет факелов с подъемного моста, слабое свечение луны сквозь тучи, свет из окна наверху — все это исчезло.

Вольф заставил себя продолжать вспенивать воду ногами, тщательно обдумывая свое положение. Во-первых, не было ни малейшего ветерка. Воздух застоялся. Следовательно, он мог

находиться только в одном месте, там, где он и нырнул. Ему повезло, что он всплывал со дна под наклонным углом.

И все же он не мог разглядеть, в какой стороне находился берег, а в какой — замок. Потребовалось лишь несколько гребков, чтобы выяснить это. Его рука наткнулась на камень. Он ощупал его, пока стена не начала выгибаться внутрь. Следуя за изгибом, он наконец добрался до того, на что надеялся.

Это был марш каменных ступенек лестницы, поднимавшейся из воды и ведшей вверх.

Он медленно поднялся по ней, держа перед собой руку на случай неожиданного препятствия. Ноги его скользили по каждой ступеньке, готовые остановиться, если появится отверстие или ступенька покажется непрочной.

После двадцати ступенек вверх он дошел до конца лестницы. Он находился в высеченном из камня коридоре.

Фон Элгерс, или кто бы там ни построил этот замок, сконструировал и тайный вход и выход. Отверстие ниже уровня воды вело в камеру, небольшой порт, а оттуда — в замок. Теперь Вольф владел рогом и мог попасть в замок незамеченным.

Не следует ли ему сперва вернуть рог гворлам? Потом он и двое других могли вернуться этим путем и отыскать Хрисенду.

Он сомневался, что Гагрилл сдержит слово. Однако, даже если гворлы отпустят своих пленников, то, если они поплывут сюда, рана Кикахи привлечет драконов, и все трое пропадут.

У Хрисенды тогда не останется никаких шансов освободиться. Кикаху же нельзя было покидать, пока двое других вернутся в замок. Он окажется на виду у всех, как только наступит рассвет. Кикаха мог спрятаться в лесу, но все было за то, что к тому времени окрестности станут обыскивать, особенно после того, как обнаружат, что исчезли трое чужих рыцарей.

Вольф решил пойти вперед по коридору. Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его. До зари он сделает все, что в его силах. Если он ничего не добьется, то вернется с рогом.

Рог! Нет смысла брать его с собой. Если его, чего доброго, захватят в плен, его знание о местонахождении рога может помочь ему.

Он вернулся туда, где лестница уходила под воду. Он нырнул на глубину примерно в десять футов и оставил рог в иле.

Вернувшись в коридор, он волочил ноги по полу, пока не подошел к другой лестнице.

Марш вел вверх туго закрученной спиралью.

Счет ступенек привел его к мысли, что он поднялся по меньшей мере на пять этажей. На каждом расчетном этаже он ощупывал узкие стены в поисках дверей или пружин, открывавших их, и ничего не находил.

На том, что могло быть седьмым этажом, он увидел вырывавшийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул в отверстие. В противоположном конце помещения сидел за столом с бутылкой вина перед собой фон Элгерс. Человек, сидевший за столом напротив барона, был Абиру.

Лицо барона побагровело не только от вина. Он рычал на Абиру.

— Это все, что я намерен сказать, хамшем! Ты отнимешь рог у гворлов, или я сниму тебе голову! Только сперва тебя бросят в темницу. У меня там есть кой-какие любопытные железные устройства, которые заинтересуют тебя.

Абиру встал. Лицо его было столь же бледным под темным пигментом, сколь у барона — багровым.

— Поверьте мне, государь, если рог захватили гворлы, он будет возвращен. Они не могут уйти с ним далеко, если он у них, и их можно легко выследить. Они, знаете ли, не могут сойти за людей. Кроме того, они глупы.

Барон взревел, встал и треснул кулаком по столу.

— Глупы! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из моей темницы, а я бы поклялся, что этого никто не может сделать! И они нашли мои покои и забрали рог! А ты называешь их глупыми!

— По крайней мере, — заметил Абиру, — они не похитили также и девушку. С этого я кое-что получу. Она принесет сказочную цену.

— Тебе она ничего не принесет! Она — моя!

Абиру прожег его взглядом и сказал:

— Она — моя собственность. Я приобрел ее с большим риском и провез ее весь этот путь, пойдя на крупные расходы. Я имею полное право на нее. Вы — человек чести или вор?

Фон Элгерс ударил его и сшиб на пол. Абиру, потирая щеку, сразу же поднялся на ноги. Глядя прямо на барона, он спросил, едва сохраняя ровный тон:

— А что насчет моих драгоценностей?

— Они находятся в моем замке! — закричал барон. — И все, что в моем замке, принадлежит фон Элгерсу!

Он ушел из поля зрения Вольфа и явно открыл дверь. Барон проревел, зовя стражу, и, когда та явилась, стражники увели с собой Абиру.

— Тебе повезло, что я не убил тебя! — бушевал барон. — Я позволяю тебе, пес поганый, сохранить жизнь! Тебе следовало бы пасть на колени и благодарить меня за это! А теперь немедленно убирайся из замка. Если я услышу, что ты не спешишь

с наивозможной скоростью в другое государство, то повешу тебя на ближайшем дереве.

Абиру не ответил. Дверь закрылась. Некоторое время барон расхаживал взад-вперед, а затем внезапно двинулся к стене, за которой пригнулся Вольф. Вольф отступил подальше вниз по лестнице.

Он надеялся, что выбрал правильное направление для отступления.

Если барон будет спускаться по лестнице, он вынудит Вольфа спуститься в воду. Но Вольф рассчитывал, что барон намеревается идти другим путем.

На секунду свет пропал. Затем участок стены отодвинулся. Факел фон Элгерса осветил винтовую лестницу. Вольф согнулся в тени, отбрасываемой поворотом витка лестницы. Вскоре свет стал слабее, когда барон понес факел вверх по лестнице. Вольф последовал за ним.

Он не мог все время держать фон Элгерса в поле зрения, так как должен был укрываться за разными поворотами, чтобы не быть замеченным, если барон, чего доброго, взглянет вниз, и поэтому он не увидел, как фон Элгерс покинул лестницу, и не узнал об этом, пока свет вдруг не пропал.

Он быстро поднялся следом за бароном. Потом спустился и остановился у едва видимой щелки.

Он просунул в нее палец и стал поднимать вверх. Небольшой участок стены поддался, послышался щелчок, и распахнулась дверь. Внутренняя сторона двери образовала часть стены покоев барона. Вольф шагнул в комнату, выбрал с подставки на стене тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу.

Закрыв за собой дверь, он двинулся наверх.

На этот раз у него не было никакого света.

Вольф даже не был уверен, что остановился в том же месте, что и барон. Не оставалось ничего другого, кроме как нащупывать устройство, которым, должно быть, воспользовался барон, открывая другую дверь. Когда он приложил ухо к стене, то ничего не услышал.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от влажности известке, пока нащупали дерево. Это было все, что он смог найти: камень и деревянная рама, в которую была вставлена широкая и высокая панель. Не было ничего, указывавшего на "сезам, откройся".

Вольф поднялся еще на несколько ступенек и продолжил прощупывание. Камни не скрывали какого-нибудь рычага или пружины. Вольф вернулся к месту напротив двери и ощупал стену там. Там тоже ничего не было.

Теперь он чуть не обезумел. Он был уверен, что фон Элгерс направился в комнату Хрисенды, и не просто поболтать. Он вернулся вниз по лестнице, обшарил стены там. По-прежнему ничего.

Он снова безуспешно попробовал вокруг двери. Он толкнул ее, но та не шелохнулась.

В какой-то миг он решил замолотить по двери и привлечь внимание фон Элгерса.

Если барон явится выяснить, он окажется беспомощным перед атакой сверху.

Вольф отверг эту мысль. Барон был слишком хитер, чтобы попасться на такой трюк. Хотя он вряд ли отправится за помощью, так как не захочет открыть тайный ход другим. Он мог покинуть комнату Хрисенды через обычную дверь. Может, поставленный перед дверью часовой и подивится, откуда он взялся, хотя, вероятно, подумает, что барон зашел туда до смены караула.

В любом случае, барон мог навсегда заткнуть рот подозрительному часовому. Вольф толкнул по другой стороне двери, и та распахнулась внутрь. Она не была заперта.

Он застонал от того, что так долго провозился, и шагнул через дверной проем. За дверью было темно. Вольф оказался в маленькой комнате, чуть ли не в чулане. Она была сложена из скрепленных известковым раствором камней, за исключением одной стороны. Здесь из деревянной стены торчал металлический прут. Прежде чем поработать над ним, Вольф приложил ухо к стене. Донеслись приглушенные голоса, слишком слабые, чтобы он мог узнать их.

Чтобы привести в действие дверную пружину, требовалось потянуть на себя металлический прут. С кинжалом в руке Вольф прошел через эту дверь. Он оказался в большой комнате, сложенной из крупных каменных блоков. В ней находилась большая постель с четырьмя изукрашенными резьбой столбами из лощеного черного дерева и ярко-розовым, с кисточками, балдахином.

За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он смотрел этой же ночью на Хрисенду.

Фон Элгерс стоял спиной к нему. Барон держал в объятиях Хрисенду и тащил ее в постель. Глаза ее были закрыты, а голова отвернута, чтобы избежать поцелуев фон Элгерса. И он, и она были еще полностью одеты.

Вольф в несколько прыжков пересек помещение, схватил барона за плечо и рванул его назад. Барон выпустил Хрисенду, чтобы схватиться за кинжал, а затем вспомнил, что он его

не принес. Очевидно, он не собирался давать Хрисенде шанс заколоть его.

Его лицо, столь раскрасневшееся, теперь посерело. Губы его задвигались, но крика о помощи не раздалось. Барон ошалел от страха.

Вольф не позволил ему позвать на помощь. Он бросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок. Фон Элгерс рухнул без сознания. Вольф не хотел зря терять время, поэтому он прошмыгнул мимо огромноглазой и бледной Хрисенды, отрезал от простыней полоски ткани и засунул их барону в рот. Затем он отмотал кусок шнура, спрятанного у него на талии, и связал фон Элгерсу руки. Взвалив обмякшее тело на плечо, он скомандовал Хрисенде:

— Пошли. Поговорить мы можем и позже.

Он остановился, чтобы дать Хрисенде указания, как закрыть за ними стену-дверь.

Не было смысла позволять другим найти тайный ход, когда они явятся наконец расследовать долгое отсутствие барона.

Хрисенда несла позади него факел, пока они спускались по лестнице. Дойдя до воды, Вольф объяснил ей, что они должны сделать. Сперва он должен был вернуть рог. Сделав это, он зачерпнул воды в ладони и плеснул на лицо барона. Когда Вольф увидел, что глаза барона открылись, то разъяснил ему, что тот должен сделать.

Фон Элгерс отрицательно замотал головой. Вольф заявил:

— Либо вы отправитесь с нами заложником и рискнете столкнуться с водяными драконами, либо умрете прямо сейчас. Так какой выбор?

Барон кивнул. Вольф разрезал путы, но привязал конец шнура к его лодыжке. Все трое вошли в воду. Фон Элгерс сразу же поплыл к стене и нырнул. Вольф и Хрисенда последовали за ним под стену, уходившую только фута на четыре ниже поверхности. Вынырнув на другой стороне стены, Вольф увидел, что тучи начинают рассеиваться. Луна скоро будет светить во всей своей зеленой яркости.

Как и было указано, барон и Хрисенда плыли под углом к другой стороне рва.

Вольф последовал за ними с концом шнура в руке. Они не могли плыть быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, а солнце выйдет с другой стороны. У Вольфа оставалось мало времени для выполнения своего плана, но было бы невозможно сохранить контроль над бароном, если они не будут плыть без спешки.

Они должны выйти из воды в ста ярдах от того места, где их ждут гворлы и их пленники. Через несколько минут они

окажутся за изгибом замка вне поля зрения гворлов и часовых на мосту, даже если луна выйдет из-за туч.

Этот путь был необходимым злом — злом потому, что каждая секунда в воде означала риск быть обнаруженным драконами. Когда они были в двадцати ярдах от своей цели, Вольф скорее почувствовал, чем увидел, помутнение воды. Он повернулся и разглядел, что поверхность воды чуть вспучилась, и к нему пошла небольшая волна. Он вытянул ноги и лягнул. Они ударили по чему-то достаточно твердому и прочному. Вольф рванул назад, бросив в то же время конец шнура. Объемистая туша проплыла между ним и Хрисендой, наткнулась на фон Элгерса и пропала, также как заложник Вольфа.

Вольф и Хрисенда забыли об осторожности. Они плыли что было сил. Остановились они, только когда добрались до берега, вскарабкались на него и добежали до дерева. Хватая воздух разинутыми ртами, они прильнули к его стволу.

Вольф не дожидался, пока полностью восстановит дыхание. Через несколько минут из-за Дузвиллнававы появится солнце. Он велел Хрисенде подождать его здесь. Если он не вернется вскоре после появления солнца, то не придет еще долго, если вообще придет. Она должна будет уйти и спрятаться в лесу, а потом делать, что сможет.

Она умоляла его не уходить, ибо не могла вынести мысли о том, чтобы остаться здесь совсем одной.

— Я должен, — сказал Вольф.

Он вручил ей лишний кинжал, который она спрятала под рубашку.

— Я сама воспользуюсь им, если тебя убьют, — сказала она.

Он мучился от того, что оставлял ее здесь такой беспомощной, но ничего не мог с этим поделать.

— Убей меня сейчас, прежде чем покинешь меня, — взмолилась она. — Я слишком многое пережила, больше я не могу вынести.

Вольф слегка поцеловал ее в губы и возразил:

— Разумеется, сможешь. Ты сильнее, чем бывала прежде, и всегда была сильнее, чем ты думала. Посмотри на себя сейчас. Ты можешь сказать "убить" и "смерть", даже глазом не моргнув.

Он исчез, побежав согнувшись к месту, где оставил своих друзей и гворлов. Когда он, по его расчетам, оказался в двадцати ярдах от них, то остановился. Вольф ничего не услышал, кроме крика ночной птицы и приглушенного вопля откуда-то из замка. Опустившись на четвереньки, с кинжалом в зубах, он пополз к месту напротив света из окна своих покоев. Он ожидал в любой момент почуять заплесневелый запах и увидеть ком черноты на фоне тьмы.

Но там никого не было, кроме мерцающих серых остатков паучьей сети, доказывающей, что гворлы действительно были здесь.

Он порыскал по окружающему участку вокруг.

Когда стало очевидным, что никакого ключа к их местонахождению тут нет, а солнце вскоре откроет его часовым на мосту, он вернулся к Хрисенде. Она прильнула к нему и всплакнула.

— Видишь! Я все-таки здесь, — сказал Вольф. — Но теперь мы должны убираться отсюда.

— Мы вернемся в Сады?

— Нет. Мы отправимся за моими друзьями.

Они рванули рысью мимо замка. Отсутствие барона скоро будет замечено. На много миль вокруг невозможно укрыться. Гворлы, зная это, тоже должны быстро двигаться к Дузвиллнававе. Как бы сильно они ни хотели заполучить рог, они сейчас не могли болтаться поблизости. Более того, они, вероятно, думали, что Вольф утонул или съеден драконами. Для них рог мог быть в данный момент недосягаем, но они могли вернуться, когда это станет неопасным.

Вольф гнал вперед. Они почти не останавливались, пока не добрались до густого леса Раухвальд. Там они поползли под спутанным терновником, сквозь переплетавшиеся кусты, пока у них не закровоточили колени и не заболели суставы. Хрисенда рухнула без сил. Вольф собрал ягод. Они поели и заснули. Они спали всю ночь, а утром возобновили свой путь на четвереньках. К тому времени, когда они достигли другой стороны Раухвальда, они целиком покрылись ранками от колючек. На другой стороне леса их никто не поджидал.

Это и еще одно обстоятельство сделали его счастливым. Вольф наткнулся на доказательства, что гворлы тоже прошли этим путем. На колючках терновника висели клочки жестких волос гворлов и куски ткани. Их, несомненно, сумел обронить Кикаха, чтобы отметить дорогу, если Вольф последует за ними.

Глава XV

Через месяц они прибыли наконец к подножию монолита Дузвиллнававы. Они знали, что находятся на правильном пути, поскольку до них доходили слухи о гворлах и им даже доводилось разговаривать с теми, кто видел их издали.

— Не знаю, почему они ушли так далеко от рога, — недоумевал Вольф. — Наверно, они собираются спрятаться в пещере на поверхности горы и вернуться, когда их перестанут искать.

— Или, возможно, — добавила Хрисенда, — у них есть приказ Господа сперва привести Кикаху. Тот так долго был словно насекомое в ухе Господа, что Господь, должно быть, приходил в бешенство при одной мысли о нем. Может, он хочет удостовериться, что Кикаху убрали с дороги, прежде чем снова послать гворлов за рогом.

Вольф согласился, что она, может быть, права. Возможно даже, что Господь собирался спуститься из дворца по тем же тропам, по которым он отпустил гворлов. Это, однако, казалось маловероятным, так как Господь не захотел бы оказаться застрявшим здесь. Мог ли он довериться гворлам?

Вольф посмотрел на огромную мощную башню Дузвиллнававы. Она была, по словам Кикахи, по меньшей мере вдвое выше монолита Абхарплунты, поддерживавшего ярус Дракландии. Башня воспаряла на шестьдесят тысяч футов или больше, а существа, жившие на карнизах и в нишах, были точно такими же страшными и голодными, как и на других монолитах. Дузвиллнавава была бугристой, подвергшейся эрозии, иссеченной и щетинистой. В ее разрушенной поверхности имелась огромная выемка, придававшая ей вид темного и разинутого рта. Великанша казалась готовой съесть всякого, кто посмеет ее обидеть.

Хрисенда, тоже изучавшая дикие скалы и их невероятную высоту, задрожала, но ничего не сказала. Она уже давненько перестала сообщать о своих страхах.

Дело было в том, что она больше не волновалась о себе, а сосредоточилась на зародившейся в ней жизни. Она была уверена, что забеременела.

Он обнял ее одной рукой, поцеловал и сказал:

— Я хотел бы начать подъем сейчас же, но мы должны несколько приготовиться. Мы не можем атаковать это чудовище без отдыха или без достаточного запаса еды.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи и таща веревки, оружие, орудия для восхождения и бурдюки с едой и водой, они начали подъем. Вольф нес рог в мягком кожаном мешке, привязанном к спине.

Девяносто один день спустя они оказались на расчетной точке — посередине пути.

По крайней мере на каждом втором шагу им приходилось сражаться с гладкой вертикальной поверхностью, ненадежной и предательской скалой или с хищниками. Будь то многостопная змея, волки с огромными цеплявшимися за скалы лапами, горные обезьяны, топороклюв размером со страуса и маленькая, но смертельно опасная рысь.

Когда они перевалили через верхний край Дузвиллнававы, то пробыли в пути сто восемьдесят шесть дней. Ни он, ни она не были теми же людьми, что в начале подъема. Они очень устали, как физически, так и психически. Вольф весил меньше, но стал намного сильнее, выносливее, жилистее. На лице и теле его появились шрамы, полученные от рысей, горных обезьян и топороклювов. Его ненависть к Господу стала даже более сильной, ибо Хрисенда выкинула плод, прежде чем они достигли высоты в десять тысяч футов. Этого и следовало ожидать, но он не мог забыть, что им бы не пришлось совершать этого восхождения, если бы не Господь.

Хрисенда закалилась телом и духом. И все же на этом монолите им было намного хуже, чем когда-либо раньше, и она могла бы сломаться.

То, что она не сломалась, подтверждало первоначальные мысли Вольфа о том, что она создана в основном из прочной ткани. Воздействие тысячелетия растительной жизни в Саду было сброшено, как старая кожа. Хрисенда, покорившая этот монолит, во многом походила на женщину, умыкнутую из жестокой и требовательной жизни древних эгейцев. Только она была намного мудрее.

Вольф подождал несколько дней, отдыхая, охотясь, ремонтируя луки и заготовляя новые стрелы. Он также продолжал высматривать орлицу. У него не было контакта ни с одной из них с тех пор, как он разговаривал с Фтией в разрушенном городе у реки Гузирит. Никаких зеленотелых желтоголовых птиц не появилось, и он очень неохотно решил вступить в джунгли. Как и в Дракландии, всю грань башни окружал пояс джунглей тысячемильной толщины.

Внутри этого пояса находилась земля Атлантиды. Она, включая монолит в центре ее, покрывала площадь, превышавшую Германию и Францию, вместе взятые.

Вольф поискал взглядом столп, на вершине которого находился дворец Господа, поскольку Кикаха говорил, что его видно с грани. Он видел только огромные и темные облака, разрываемые и скручиваемые молниями. Идаквиззурхруз был скрыт. И равным образом Вольфу не увидеть его, куда бы ни поднимался: на высокий холм или на громадное дерево. Неделю спустя грозовые облака продолжали окутывать каменный столп. Это обеспокоило Вольфа, так как он не видел такой грозы за все три с половиной года, что пробыл в этом мире.

Прошло пятнадцать дней. На шестнадцатый они нашли на узкой, заполненной зеленью тропе обезглавленный труп. В ярде от него в кустах валялась покрытая тюрбаном голова хамшема.

— Абиру также пошел по следу гворлов, — сказал Вольф. — Может, гворлы прихватили его камни, покинув замок фон Элгерса, или, что более вероятно, он думал, что у них есть рог.

Через полторы мили они наткнулись на другого хамшема, с распоротым животом. Вольф попытался получить от него какие-нибудь сведения, пока не обнаружил, что тот зашел слишком далеко в потусторонний мир.

Вольф избавил его от мук, заметив, что Хрисенда даже не отвернулась, пока он это делал.

После этого он заткнул за пояс нож и взял в правую руку ятаган хамшема.

Он чувствовал, что тот ему скоро понадобится.

Полчаса спустя он услышал впереди по тропе крики и вопли.

Они с Хрисендой скрылись в листве рядом с тропой. Сюда вскоре выбежали Абиру и два хамшема, а за ними скакала смерть в образе трех приземистых негроидов с разрисованными лицами. Один из них метнул копье. Оно прочертило воздух, закончив путь в спине хамшема. Тот без звука рухнул лицом вперед и заскользил по мягкой влажной земле, словно спускаемый в вечность парусник, с копьем в качестве мачты.

Другие два хамшема повернулись, чтобы дать бой.

Вольф вынужден был невольно восхититься Абиру, который дрался с большим умением и мужеством. Хотя его спутник вскоре пал, Абиру продолжал рубиться ятаганом. Двое дикарей были убиты, а третий поджал хвост. После того как негроид исчез, Вольф бесшумно подошел сзади к Абиру.

Он ударил Абиру ребром ладони, парализовав ему руку и заставив его выронить ятаган.

Абиру был так поражен и напуган, что не мог даже говорить. При виде вышедшей из кустов Хрисенды он еще больше выпучил глаза. Вольф спросил его, какова ситуация. После некоторых трудов Абиру вновь обрел дар речи и начал объяснять.

Как и догадался Вольф, он преследовал гворлов со своими людьми и множеством шелкинов.

В нескольких милях отсюда он настиг их, или, точнее, они обманули его.

Их засада оказалась успешной, ибо в результате ее было убито очень много хамшемов. У гворлов же не было потерь, они метали ножи с деревьев или из кустов.

Хамшемы сломались и побежали, надеясь дать отпор в лучшем месте, если смогут такое найти. Затем и преследуемые, и преследователи столкнулись с ордой черных дикарей.

— И скоро прибегут новые, искать тебя, — заключил Вольф. Что насчет Кикахи и Фунем Лаксфалька?

— Насчет Кикахи я не знаю. Его с гворлами не было. Но идшский рыцарь был.

На миг Вольф засомневался, убить ли Абиру. Ему, однако, не хотелось делать это походя и, кроме того, хотелось задать ему еще несколько вопросов. Он считал, что в Абиру таилось нечто большее, чем можно было распознать с первого взгляда. Толкая Абиру вперед острием ятагана, Вольф направился дальше по тропе. Абиру предупреждал, что их убьют. Вольф велел ему заткнуться.

Через несколько минут они услышали крики и вопли сражавшихся людей.

Они перешли через мелкий ручей и оказались у подножия крутого высокого холма.

Он был таким каменистым, что его покрывало сравнительно мало растительности. Вдоль тропы вверх по холму виднелись следы боя — мертвые и раненые гворлы, хамшемы, шелкины и дикари. Почти на самой вершине холма, прижавшись спиной к у-образной стене, под навесом, образованным двумя большими валунами, трое сражавшихся черных. Это были гворлы, хамшем и идшский барон. Когда Вольф и Хрисенда бросились вверх по склону, хамшем пал, пронзенный несколькими наконечниками копий размером с лопату. Вольф велел Хрисенде вернуться. В ответ она вставила в лук стрелу и выстрелила. Дикарь позади толпы упал с торчавшим из спины древком.

Вольф мрачно улыбнулся и начал орудовать собственным луком. Они с Хрисендой выбирали только тех, кто находился дальше всех от защищавшихся, надеясь перестрелять побольше и не ранить никого. Им сопутствовал успех, пока не пал двенадцатый. Один дикарь случайно оглянулся и увидел, что воин позади него свалился. Он заорал и дернул за руки тех, кто находились ближе всех к нему.

Те немедленно затрясли копьями и кинулись бегом вниз по холму, оставив большую часть своего отряда атаковать гворла и идше. Прежде чем они одолели половину склона холма, пало еще четыре дикаря.

Еще трое перекувырнулись через голову и покатились, проткнутые стрелами. Оставшиеся шестеро потеряли желание биться в ближнем бою. Остановившись, они бросили копья, которые были запущены с такого расстояния, что лучники без труда увернулись от них. Вольф и Хрисенда, действуя с хладнокровием и умением, рожденными большой практикой и опытом, убили затем еще четверых.

Двое уцелевших побежали, вопя, обратно к своим собратьям.

Ни тот ни другой не сумели до них добраться, хотя один был только ранен в ногу.

К тому времени пал и гворл. Фунем Лаксфальк остался один против сорока.

Он имел небольшое преимущество, заключавшееся в том, что враги могли добраться до него только по двое за раз.

Стены из валунов и баррикада из трупов не давали нападавшим возможности навалиться на него всей оравой. Фунем Лаксфальк, размахивая окровавленным ятаганом, громко пел какую-то идшскую боевую песнь.

Вольф и Хрисенда нашли небольшое укрытие за двумя валунами и возобновили свою атаку с тыла. Пало еще пятеро, но тут у обоих опустели колчаны.

— Вытаскивай стрелы из трупов и используй их вновь, — скомандовал Вольф. — Я собираюсь помочь ему.

Он подобрал копье и побежал наискось вверх по холму, надеясь, что дикари будут слишком заняты, чтобы увидеть его.

Когда он обогнул холм, то увидел двух дикарей, пригнувшихся на вершине валуна. Им не давал прыгнуть на спину идше навес из двух грубо сложенных валунов. Но они дожидались минуты, когда он выйдет слишком далеко из-под его защиты.

Вольф швырнул копье и попал одному в ягодицы. Дикарь закричал и навернулся со скалы вперед, надо полагать, на своих собратьев внизу. Другой встал и развернулся как раз во время, чтобы получить нож Вольфа в живот. Он упал со скалы спиной.

Вольф взял небольшой камень и поднял его на верх одного из огромных валунов, затем влез следом. И потом он снова взял камень, поднял его над головой и подошел к переднему краю огромного валуна. Он заорал и бросил его в толпу. Те подняли головы как раз вовремя, чтобы увидеть опускавшийся на них камень. Он раздробил кости по меньшей мере троим и покатился вниз. При таком повороте событий уцелевшие в панике убежали.

Наверное, они подумали, что здесь есть кто-то еще, кроме Вольфа. Или от того, что они были недисциплинированными дикарями, они потеряли боевой дух, увидев, что понесли уже слишком большие потери. Зрелище стольких убитых, должно быть, прибавило им страху.

Вольф надеялся, что они не вернутся. Чтобы подлить масла в огонь, он спрыгнул вниз, снова поднял валун и отправил его грохотать вниз по склону, следом за ними.

Камень подпрыгивал и подскакивал, словно гонящийся за кроликом волк, и действительно ударил еще одного, прежде чем достиг подножия.

Хрисенда из-за своего валуна выпустила в дикарей еще две стрелы.

Вольф повернулся к барону и обнаружил, что тот лежит на земле. Лицо его было серым, а из раны вокруг воткнутого ему в грудь наконечника копья хлестала кровь.

— Вы! — слабо произнес он. — Человек из другого мира. Вы видели, как я бился?

Вольф подошел к нему, чтобы изучить рану.

— Видел. Ты бился, словно один из воинов Йешпа, друг мой. Ты бился так, как я никогда не видывал прежде. Ты, должно быть, убил по меньшей мере двадцать врагов.

Фунем Лаксфальк сумел чуть улыбнуться.

— Двадцать пять. Я их считал.

Затем он широко улыбнулся и промолвил:

— Мы оба чуть-чуть округлили истину, как сказал бы наш друг Кикаха. Но не слишком сильно. Это был великолепный бой. Я только сожалею, что мне приходилось сражаться без друзей и без доспехов в одиноком месте, и никто никогда не узнает, что Фунем Лаксфальк прибавил чести своему имени, даже если бой этот был против оравы воющих голых дикарей.

— Узнают, — пообещал Вольф. — Настанет день, и я расскажу.

Он не просто утешал. И он, и идше знали, что смерть уже за поворотом, нетерпеливо вынюхивающая конец пути барона.

— Ты не знаешь, что случилось с Кикахой? — спросил Вольф.

— А, с этим обманщиком! Он однажды ночью выскользнул из цепей. Он попытался освободить и меня тоже, но не смог. Затем он ушел, пообещав, что вернется и выручит меня. Именно так он и сделает, но прибудет слишком поздно.

Вольф посмотрел вниз по склону.

Хрисенда поднималась к нему с несколькими извлеченными из трупов стрелами. Враги перегруппировались у подножия и оживленно толковали между собой. Из джунглей вышел и присоединился к ним еще отряд. Нападавших стало человек сорок.

Их возглавлял человек, разодетый в перья и носивший отвратительную деревянную маску. Он вращал трещоткой, прыгал и, казалось, произносил речь.

Идше спросил у Вольфа, что происходит. Вольф объяснил ему.

Голос идше звучал так слабо, что Вольф должен был приложить ухо чуть не к самому рту рыцаря.

— Моей самой заветной мечтой, барон Вольф, было сражаться однажды бок о бок с вами. Ах, какую бы благородную пару рыцарей мы бы составили в доспехах и размахивая нашими... Это конец.

Губы его стали безмолвными и синими. Вольф поднялся снова и посмотрел вниз. Дикари двигались вверх, разворачивая

чиваясь широкой полосой, чтобы предотвратить бегство. Вольф взялся за работу. Он стаскивал тела убитых и сваливал их, образовывая вал.

Единственное, что могло их спасти, так это образовать узкий проход, чтобы атакующие не могли приблизиться к ним больше, чем по двое. Если они потеряют достаточно людей, то могут поостыть и убраться восвояси. Вольф по-настоящему на это не надеялся, так как эти дикари показали замечательную настойчивость, несмотря на ошеломляющие потери.

Кроме того, они могли отступить ровно настолько, чтобы подождать, пока голод и жажда не выгонят Вольфа и Хрисенду из их убежища.

Дикари остановились на полпути к вершине, чтобы дать тем, кто обходил холм, время расположиться там. Затем, по призыву человека в деревянной маске, они стали лезть на холм. Двое оборонявшихся не предприняли ничего, пока брошенные копья не зазвенели о края валунов и не вонзились в баррикаду из мертвых.

Вольф выстрелил дважды, а Хрисенда — три раза. Ни одна стрела не прошла мимо цели.

Вольф выпустил свою последнюю стрелу. Она ударила по маске вождя и сшибла его тело.

Миг спустя он сбросил маску. Хотя лицо его кровоточило, он возглавил вторую атаку.

В джунглях поднялось странное завывание. Дикари остановились, обернулись и смолкли, уставясь на окружавшую холм зелень. Снова откуда-то из леса донесся ужасающий крик.

Внезапно из джунглей выскочил бронзоволосый юноша, одетый только в набедренную повязку из леопардовой шкуры. В одной руке он держал копье, а в другой — длинный нож.

Вокруг плеча у него было намотано лассо, а на другом плече висели на ремне колчан и лук. За ним из леса хлынула масса громадных, длиннооруких, грудастых и длиннозубых обезьян.

При виде их дикари громко закричали и попытались убежать за холм, но оттуда появились обезьяны. Две колонны, словно волосатые челюсти, сомкнулись на дикарях.

Бой был коротким. Некоторые обезьяны пали с копьями в животах, но большинство дикарей побросали оружие и попытались убежать или же остановились парализованные. Сбежало только человек двенадцать.

Вольф, облегченно улыбаясь и смеясь, осведомился у человека в леопардовой шкуре:

— И как же тебя зовут на этом ярусе?

Кикаха усмехнулся в ответ:

— Я дам тебе шанс угадать, но чур с первого раза.

Улыбка его умерла, когда он увидел барона.

— Проклятие. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян, а потом вас! Он был хорошим человеком, этот идше. Мне нравился его жизненный стиль. Проклятие! Так или иначе, я обещал ему, что, если он погибнет, я отвезу его кости в замок предков, и это обещание я сдержу, однако не сейчас. Мы должны уделить внимание одному делу.

Кикаха подозвал нескольких обезьян и представил им Вольфа.

— Как ты можешь заметить, — объяснил он Вольфу, — они сложены наподобие твоего друга Ипсеваса, а не как истинные обезьяны. Ноги у них слишком длинные, а руки слишком короткие. Подобно же Ипсевасу и в отличие от больших обезьян любимого автора моего детства, они обладают мозгами не хуже, чем у людей. Они ненавидят Господа за то, что он с ними сделал, и хотят только отомстить. Они хотят получить возможность снова погулять в человеческом обличье.

Только тут Вольф вспомнил про Абиру. Его нигде не было видно. Очевидно, он ускользнул, когда Вольф бросился на помощь Фунем Лаксфальку.

Той ночью, сидя у костра и поедая жареного оленя, Вольф и Хрисенда услышали о катаклизме, происшедшем в Атлантиде.

Все началось с нового храма, который принялся строить радамант Атлантиды. Внешне башня строилась к вящей славе Господа. Она должна была подняться выше, чем любое когда-либо известное на планете здание.

Чтобы воздвигнуть храм, радамант мобилизовал все свое государство. Он продолжал добавлять этаж к этажу, пока все не стало выглядеть так, словно он хотел добраться до самого неба.

Люди спрашивали друг друга, когда же наступит конец работе. Все были рабами, имевшими на уме только одну цель: строить. И все же они не смели говорить открыто, ибо солдаты радаманта убивали всех, кто возражал или не мог трудиться. Затем стало очевидным, что в безумной голове радаманта существовало еще кое-что кроме храма. Радамант намеревался воздвигнуть средство штурмовать сами небеса, дворец Господа.

— Здание высотой в тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Да. Это невозможно сделать, конечно, с имеющейся в Атлантиде технологией. Но радамант был безумцем. Он действительно надеялся, что сумеет это сделать. Может, его поощрило то, что Господь так много лет не появлялся, и он подумал, что, может быть, слухи об исчезновении Господа верны. Конечно, вороны, должно быть, говорили ему иное, но он мог счесть, что они лгут, чтобы защитить себя.

Кикаха сказал, что опустошительные явления природы, уничтожающие сейчас Атлантиду, явились доказательством большего, чем отмщение Господом за гордыню радаманта. Господь, должно быть, раскрыл наконец секреты того, как управлять некоторыми устройствами во дворце.

Исчезнувший Господь принял меры предосторожности против действий нового постояльца.

Но новый Господь сумел наконец-таки узнать, где находится устройство, вызывающее бури.

Доказательством тому служили гигантские ураганы, торнадо и непрерывный дождь, разворошившие страну. Господь, должно быть, решил избавить этот ярус от всякой жизни.

Прежде чем достичь края джунглей, друзья встретили большую группу беглецов. Они рассказали о сдутых домах и больших зданиях, о людях, подхваченных, унесенных и разбитых ветрами, о потопах, лишавших землю деревьев и всякой жизни и даже смывавших холмы.

К тому времени отряд Кикахи начал уставать, идя против ветра.

Вокруг них сомкнулись тучи, их хлестал дождь, а со всех сторон ослепляли молнии.

Бывали периоды, когда дождь и молнии прекращались. Высвобожденная Арвуром энергия растрачивалась, и прежде чем опять направить ее, требовалось нарастить новые силы. В эти мгновения сравнительного затишья отряд продвигался вперед, хотя и медленно. Они переправлялись через вздувшиеся реки, несшие обломки цивилизации: дома, деревья, мебель, колесницы, трупы мужчин и женщин, детей, собак, лошадей, птиц и диких животных.

Леса были выворочены с корнем или разбиты ударами молний.

Все долины бурлили водой, все впадины были затоплены, а воздух наполняла удушающая вонь.

Когда путешественники проделали больше чем половину своего пути, тучи начали рассеиваться. Они снова оказались под солнцем, но в безмолвной от смерти земле. Только рев воды да крик каким-то образом уцелевшей птицы разбивали каменную тишину. Иногда у них пробегал по спине холодок от воя сошедшего с ума человеческого существа, но их было мало.

Унесло последнюю тучу. Перед ними засверкал белый монолит Идаквиззурхруза, в трехстах милях впереди, на равнине без горизонта.

Город Атлантида — или то, что от него осталось, — находился на расстоянии ста миль. Им потребовалось двадцать дней, чтобы добраться до него через обломки.

— Может ли Господь увидеть нас? — спросил Вольф.

— Мог бы, я полагаю, с помощью какого-нибудь телескопа, — ответил Кикаха. — Однако я рад, что ты спросил об этом, потому что нам лучше теперь путешествовать по ночам. Даже и так мы будем замечены ими.

Он показал на пролетавшего ворона.

Проходя через развалины столицы, они миновали имперский зоопарк радаманта. Там все еще осталось на месте несколько прочных клеток, и в одной из них сидела орлица. На заплеванном дне валялось множество костей, перьев и клювов. Орлицы в клетках избегали голодной смерти, поедая друг друга.

Единственная уцелевшая птица сидела на самом высоком насесте истощенная, слабая и несчастная.

Вольф открыл клетку и поговорил с орлицей Армонидой.

Сперва Армонида хотела только одного — напасть на них, хоть и была ослабленной. Вольф бросил ей несколько кусков мяса, а затем двое друзей продолжили свой рассказ.

Армонида заявила, что они — лгуны и у них на уме какая-то человеческая и, следовательно, дурная цель.

Когда же она выслушала рассказ Вольфа до конца и он объяснил, что им незачем было освобождать ее, она начала верить. Когда Вольф объявил, что он придумал план, как отомстить Господу, в ее глазах загорелся яркий свет.

Мысль отомстить Господу оказала более благотворное действие, чем мясо. Птица оставалась с ними три дня, отъедаясь, набираясь сил и точно запоминая, что именно она должна сообщить Подарге.

— Вы еще увидите смерть Господа, а новые, юные и прекрасные, девичьи тела будут вашими, — пообещал Вольф, — но только если Подарга поступит так, как я ее прошу.

Армонида взлетела с утеса, устремилась вниз, захлопала своими размашистыми крыльями и начала подниматься вверх.

Вскоре зеленое небо поглотило зелень ее перьев. Ее красная голова стала черной точкой, а затем и она тоже пропала.

Вольф и его отряд оставались в буреломе павшего леса до ночи, прежде чем отправиться дальше. К этому времени, благодаря какому-то неощутимому процессу, Вольф почувствовал себя номинальным лидером. Раньше Кикаха, с одобрения всех, держал поводья власти в своих руках.

Случилось что-то, давшее Вольфу власть принимать решения, но Вольф не знал, что, ибо Кикаха оставался таким же шумливым и энергичным, как и прежде. Вольф отнюдь не стремился к власти. Все выглядело так, словно Кикаха ждал, пока Вольф не узнает от него все, что можно, а затем Кикаха передал ему жезл правителя.

Они путешествовали только в ночное время. Они видели очень мало воронов. Очевидно, в этом районе в них не было нужды, поскольку он находился под пристальным наблюдением самого Господа. Кроме того, кто бы посмел сюда вторгнуться после того, как был столь катастрофически выражен гнев Господа.

Прибыв к огромной опрокинутой башне радаманта, они укрылись в развалинах. Тут им хватило места. Их единственными проблемами были добывание достаточных запасов пищи и попытка скрыть шум от пилки, ковки, который производили их маленькие кузницы. Первая проблема была успешно разрешена, когда они обнаружили склад зерна и сушеного мяса.

Многое из припасов уничтожил сначала огонь, а потом вода, но осталось вполне достаточно, чтобы они могли протянуть несколько недель. Со второй проблемой справились, работая глубоко в подземных помещениях.

Рытье траншеи заняло пять дней. Вольф не волновался, потому что знал, что пройдет некоторое время, прежде чем Армонида доберется до Подарги, если она вообще достигнет своей цели. Многое могло случиться с ней по пути, ведь на нее могли напасть вороны.

— Что, если она не сумеет долететь? — спросила Хрисенда.

— Тогда нам придется придумать что-нибудь еще, — ответил Вольф.

Он погладил рог и нажал на его семь кнопок.

— Кикаха знает врата, через которые он прошел, когда покинул дворец. Мы можем вернуться через них. Но это было бы безрассудством. Нынешний Господь не так глуп, чтобы не оставить там охраны.

Прошло три недели. Запас пищи настолько уменьшился, что приходилось отправлять охотников за дичью. Это было опасно даже ночью, так как нельзя было сказать, когда может поблизости оказаться ворон. Более того, у Господа могли быть приборы, позволявшие видеть ночью столь же легко, как и днем.

В конце четвертой недели Вольф вынужден был отказаться от расчетов на Подаргу. Либо Армонида не добралась до нее, либо Подарга отказалась слушать.

Той самой ночью, когда он сидел под прикрытием огромной пластины из согнутой стали и глядел на луну, он услышал шорох крыльев. Вольф выглянул во тьму. Вдруг лунный свет блеснул на чем-то черно-бледном, и перед ним очутилась Подарга. За ней виднелось много крылатых силуэтов с желтыми клювами и красными глазами.

Вольф провел их вниз по туннелям в большое помещение. В свете костерков он снова посмотрел на трагически прекрасное лицо гарпии.

Теперь, когда она думала, что сможет нанести Господу ответный удар, она действительно выглядела счастливой. Ее стая принесла с собой пищу: поэтому, пока все ели, Вольф объяснил ей свой план.

Когда они обсуждали детали, одна из обезьян, часовой, привела человека, пойманного им, когда тот крался по руинам.

Это был хамшем Абиру.

— Это несчастье для тебя и огорчительное событие для меня, — сказал Вольф. — Я не могу просто связать тебя и оставить здесь. Если ты сбежишь и вступишь в контакт с вороном, Господь будет заблаговременно предупрежден. Ты должен умереть, если не сможешь убедить меня в своей преданности.

Абиру огляделся вокруг и увидел только смерть.

— Отлично, — сказал он. — Я не хотел говорить и не стану говорить перед всеми, если смогу избежать этого. Поверь мне, я должен поговорить с тобой наедине. Речь идет столько же о твоей жизни, сколько и о моей.

— Ты не можешь сказать ничего такого, чего нельзя сказать перед всеми, — ответил Вольф. — Говори.

Кикаха приблизил рот к уху Вольфа и прошептал:

— Лучше сделай, как он говорит.

Вольф был поражен. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи. Обе просьбы были такими странными и неожиданными, что у него возникло подозрение.

Он, казалось, уплывал от них всех.

— Если никто не возражает, я выслушаю его наедине, — сказал Вольф.

Подарга нахмурилась и открыла рот, но, прежде чем она смогла что-либо сказать, ее перебил Кикаха.

— Великая птица, теперь настало время для доверия. Ты должна верить в нас, доверять нам. Неужели ты хочешь упустить свой единственный шанс отомстить и получить обратно свое человеческое тело? Ты должна содействовать нам в этом. Если ты вмешаешься — все потеряно.

— Я не знаю, о чем тут, собственно, речь, — сказала Подарга, — но чувствую, что меня каким-то образом предают. Но я сделаю, как ты говоришь, Кикаха, потому что я знаю тебя и знаю, что ты злейший враг Господа. Но не испытывай чересчур моего терпения.

Затем Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Теперь я узнаю Абиру. Меня одурачили эта борода и краска на коже, да еще, что я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Вольфа часто забилось от неопределенного опасения.

Он взял ятаган и проводил Абиру, чьи руки были связаны, в маленькую комнату. И здесь Вольф выслушал Абиру.

Глава XVI

Час спустя он вернулся.

Вольф выглядел ошеломленным.

— Абиру отправится с нами, — заявил он. — Он может оказаться очень полезным. Нам понадобится каждый, кого мы сможем заполучить, и каждый человек, обладающий знанием.

— Ты не хотел бы объяснить? — осведомилась Подарга.

Она сузила глаза, ее лицо скривилось.

— Нет, не хотел бы, не буду и не могу, — ответил он. — Но я чувствую сильнее, чем когда-либо, что у нас есть хорошие шансы на победу. Теперь, Подарга, насколько сильны твои орлицы? Они летели так долго сегодня ночью, что мы должны подождать до завтрашней ночи, чтобы дать им отдохнуть?

Подарга ответила, что они готовы к стоявшей перед ними задаче. Она не хотела больше задерживаться.

Вольф отдал приказ, который Кикаха передал обезьянам, поскольку те подчинялись только ему. Наружу вынесли большие поперечины и веревки.

В ярком свете луны обезьяны подняли тонкие, но прочные поперечины. Затем человеческие существа и обезьяны забрались в паутинообразные люльки под поперечинами и привязались для страховки ремнями. Орлицы схватили веревки, прикрепленные к концам поперечин, а еще одна схватила веревку, привязанную в центре креста. Вольф подал сигнал. Хотя и не удалось потренироваться, все птицы одновременно поднялись в воздух, захлопали крыльями и медленно поднялись вверх. Канаты были вытравлены больше чем на пятьдесят футов, чтобы позволить орлицам набрать высоту, прежде чем надо будет поднимать поперечины вместе с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок.

Поперечина накренилась на одну сторону, потом выровнялась. Подарга, летевшая над другими птицами, отдала приказ. Орлицы подтянули канаты вверх или выпустили еще кусок каната, чтобы восстановить равновесие. Через несколько секунд все поперечины оказались в нужном положении.

На Земле этот план был бы невыполним. Птица размером с орлицу, вероятно, не смогла бы подняться в воздух, не спланировав с высокого утеса. Даже тогда ее полет был бы очень медленным, может, слишком медленным, чтобы удержаться и не потерять скорость или не спикировать обратно на землю. Однако Господь дал орлицам силу, соответствовавшую их весу.

Они поднимались все выше и выше.

Бледные стены монолита в миле от них мерцали в лунном свете. Вольф вцепился в ремни своей люльки и посмотрел на других. Хрисенда и Кикаха помахали ему в ответ, а Абиру остался неподвижен. Разбитые и распростертые обломки башни радаманта стали меньше. Никаких воронов не прилетело поразиться увиденному и взмыть вверх, дабы предупредить Господа. Те орлицы, которые не несли поперечин, развернулись, чтобы предотвратить такую возможность и не подпустить воронов, если те покажутся. Воздух был заполнен птичьей армадой, биение их крыльев казалось настолько громким, что Вольф не мог себе представить, что этот шум не разносится на много миль.

Пришло время, когда перед ним развернулась эта сторона опустошенной Атлантиды.

Затем появилась грань и часть яруса ниже ее. Дракландия стала казаться огромным полудиском. Тянулись часы.

Теперь и луна, и солнце стали видны из-за сравнительной узости монолита. Тем не менее орлицы и их ноша все еще оставались в темноте, в тени Идаквизурхруза. Это продлится еще недолго. Скоро эта сторона окажется под ярким дневным светом. Любые вороны смогут увидеть их за много миль.

Эскадра, однако, подлетела поближе к монолиту, так что всякому на вершине надо было бы находиться на краю ее, чтобы заметить армаду.

Наконец, после четырех часов полета, как раз когда их осветило солнце, они оказались на уровне вершины.

Рядом с ними находился Сад Господа, место пламенеющей красоты. За ним поднимались башни, минареты, арочные пролеты и паутина архитектуры дворца Господа. Он воспарял на двести футов в высоту и занимал, по словам Кикахи, больше ста акров.

У них не было времени оценить это чудо, потому что вороны в саду подняли крик. Сотни пташек Подарги уже налетели и убивали их, другие летели к многочисленным окнам, чтобы ворваться и отыскать Господа.

Вольф увидел, что многие попали внутрь дворца прежде, чем успели заработать ловушки Господа. Вскоре те, кто пытался пролезть через отверстия, исчезли в ударах грома и вспышках

молнии. Обугленные до костей, они падали с карнизов вниз или на крышу, расположенную ниже.

Человеческие существа и обезьяны спустились как раз перед ромбовидной дверью из выложенного рубинами розового камня. Орлицы отпустили канаты и собрались около Подарги, ждать ее приказаний.

Вольф отвязал канаты от металлических колец на поперечинах. Затем он поднял крест над головой. Не добежав всего несколько футов до ромбовидного дверного проема, он бросил в него стальной крест. Одна штанга прошла через вход, две перпендикулярные ей зацепились за дверные косяки.

Вокруг бушевал огонь.

Гром оглушил Вольфа. На него выпрыгивали языки огня. Вдруг из дворца повалил дым, и молния пропала.

Разрушающее устройство либо сгорело, либо временно разрядилось.

Вольф бросил взгляд по сторонам.

Другие входы тоже изрыгали вспышки пламени или же их защита уже сгорела. Вольф перепрыгнул через добела раскаленную жидкость, оставшуюся от его поперечины, и проскочил за дверь. Хрисенда и Кикаха присоединились к нему через другой вход. За Кикахой ввалилась орда гигантских обезьян. Все держали в руках мечи или боевые топоры.

— Где Абиру? — спросил Вольф Кикаху.

— Подарга и пара обезьян не сводят с него глаз. Он может попробовать совершить что-нибудь для собственной выгоды.

С Вольфом во главе отряд шел по коридору, стены которого были разрисованы фресками, приведшими бы в восторг и благоговейный ужас самых критичных из землян. В противоположном конце находились низкие ворота из тонкой и ажурной сетки, выполненные из мерцавшего голубоватого металла. Все проследовали к воротам, но остановились, когда над ними пронесся летевший, спасая жизнь, ворон. За ним гналась орлица.

Ворон пролетел над воротами и, сделав это, натолкнулся с разгону на невидимый экран. Внезапно ворон стал россыпью тонких срезов из мяса, костей и перьев. Преследовавшая его орлица пронзительно закричала, увидев это, и попыталась остановить свой полет, но слишком поздно. Ее тоже разрезало на полосы.

Вольф потянул к себе левую секцию ворот, вместо того чтобы толкнуть их, как естественно было бы поступить.

— Теперь все должно быть о'кей, — сказал он. — Но я рад, что ворон первым активизировал экран. Я об этом не вспомнил.

Он все же ткнул вперед мечом для проверки, а затем он вспомнил, что эту ловушку активизировала только живая материя.

Оставалось только довериться тому, что ему удалось вспомнить. Он прошел вперед, не почувствовав ничего, кроме воздуха, другие последовали за ним.

— Господь окопался в центре дворца, там, где находится главный пульт управления обороной, — сказал он. — Часть обороны автоматическая, но другой он может управлять сам, то есть если он выяснил, как ею управлять. А у него, конечно, было достаточно времени для этого.

Они протопали через милю коридоров и комнат, каждая из которых могла бы на много дней задержать любого, обладавшего чувством прекрасного. Время от времени грохот или вопль объявляли о сработавшей где-то во дворце ловушке.

Дюжину раз Вольф останавливал их.

Каждый раз в таком случае он некоторое время стоял, нахмурясь, пока вдруг не улыбался. Затем он сдвигал картину под каким-то углом или касался какого-то места на фресках: глаз нарисованного человека, рогов буйвола в сцене индейской жизни, рукоятки меча в ножнах рыцаря на панораме Тевтонии, а затем шел вперед.

Наконец он вызвал орлицу.

— Приведи Подаргу и остальных, — проинструктировал он. — Им больше нет смысла жертвовать собой. Я покажу дорогу.

Кикахе же он объяснил:

— Опасность с каждой минутой становится все сильнее. Но я не помню всего, только определенные детали.

— Покуда это важные детали, это все, что имеет значение, — отозвался Кикаха.

Усмешка его была широкой, а лицо светилось упоением боя.

— Теперь ты видишь, почему я не смел попробовать вновь войти сам. У меня достаточно пороху, но не хватает знаний.

— Я не понимаю, — проговорила Хрисенда.

Вольф привлек ее к себе и сжал в объятиях.

— Скоро узнаешь, если мы сумеем победить. Мне придется многое тебе рассказать, а тебе придется многое мне простить.

Дверь перед ними ушла в стену, и к ним двинулся, лязгая, человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор и размахивал им, словно перышком.

— Это не человек, — сказал Вольф. — Это додин из Талосов Господа.

— Робот! — воскликнул Кикаха.

Вольф подумал, что это не совсем то, что имеет в виду Кикаха.

Робот был сделан не только из стали, пластика и электрических проводов. Половина его была протеиновой, образованной в биобанках Господа. Робот обладал волей к выживанию, какой не могла обладать никакая машина, состоящая из одних неодушевленных частей. Это было его силой, а также слабостью.

Вольф быстро растолковал все Кикахе, который приказал обезьянам позади него подчиняться Вольфу. Дюжина их шагнула вперед бок о бок и одновременно швырнула свои топоры. Робот уклонился, но не мог избежать всех топоров. Удар был так силен, что его разрубило бы пополам, не будь он покрыт доспехами. Он упал назад и покатился, а затем поднялся на ноги. Пока он валялся, Вольф подбежал к нему и ударил его ятаганом туда, где соединялись плечо и шея. Клинок сломался, не войдя в металл. Однако сила удара снова сшибла Талоса.

Вольф бросил оружие, обхватил Талоса за талию и поднял его. Молча, ибо у него не было голосовых связок, бронированное существо лягалось и тянулось вниз, чтобы схватить Вольфа. Тот швырнул его об стену, и Талос с треском свалился на пол. Когда он опять начал подниматься на ноги, Вольф выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий. Раздался треск, когда пластик над глазом поддался...

Кончик ножа обломился, и Вольфа отшвырнуло назад ударом бронированного кулака. Вольф быстро увернулся, снова схватил вытянутый кулак, повернулся и перебросил Талоса через плечо.

Прежде чем Талос смог встать, он оказался снова схваченным и высоко поднятым. Вольф подбежал к окну и выбросил его головой вперед.

Талос несколько раз перевернулся и шмякнулся оземь четырьмя этажами ниже. Какой-то миг он лежал, словно сломанный, а затем опять начал подниматься. Вольф крикнул нескольким орлицам какие-то слова. Они сорвались, спланировали вниз, и одна пара схватила Талоса за руки.

Они поднялись вверх, нашли его слишком тяжелым и снова опустились. Но птицы были в состоянии держать его в нескольких дюймах над землей. Они полетели невысоко. Их целью был край монолита, откуда они и сбросили Талоса. Даже его доспехи не могли выдержать силы удара от падения с высоты тридцать тысяч футов.

Где бы там ни прятался Господь, он, должно быть, увидел судьбу единственного выпущенного им Талоса. Теперь панель снова ушла в стену, и вышли двадцать Талосов, все как один с топорами в руках. Вольф быстро проинструктировал обезьян, и

они снова швырнули топоры, сшибив многих из Талосов. Обезьяны снова бросились в атаку и схватились с Талосами. Хотя механическая сила каждого Талоса-антропоида была большей, чем у обезьяны, животные превосходили Талосов своей численностью. Пока одна обезьяна боролась с антропоидом, другая хватала голову-шлем и вывертывала ее. Металл трещал от напряжения, а потом шейные механизмы с щелчком ломались. Шлемы катились по полу с вытекавшей потоком икоровидной жидкостью. Других Талосов поднимали и передавали из рук в руки, чтобы выбросить из окна.

Орлицы уносили всех к грани.

Несколько обезьян погибли, зарубленные топорами или из-за того, что им самим открутили головы. Быстро учившиеся протеиновые мозги полуавтоматов имитировали действия своих противников, если те были к их выгоде.

Немного дальше по коридору толстые листы металла упали сверху впереди и позади них, преграждая путь и к наступлению, и к отступлению. Вольф позабыл про это. Листы опустились быстро, но не настолько, чтобы у него не хватило времени опрокинуть мраморный пьедестал вместе со статуей на нем.

Конец упавшей колонны лег под плиту и помешал ей полностью закрыть проход.

Однако силы, давившие на плиту, были настолько мощны, что край плиты начал пробиваться сквозь камень. Отряд ползком проскользнул через уменьшавшееся пространство. В то же время на этот участок хлынула вода. Их могли утопить!

Бредя по голень в воде, они прошли коридор и поднялись еще на один лестничный марш. Вольф остановил их у окна, через которое он бросил топор. В результате не возникло ни грома, ни молнии, поэтому он высунулся и позвал к себе Подаргу и ее орлиц.

Когда им преградили путь плиты, они выбрались наружу, чтобы найти другой маршрут.

— Мы находимся поблизости от центра дворца, от помещения, где должен быть Господь, — объяснил Вольф. — У всех коридоров дальше в стенах есть дюжины проекторов лазерных лучей. Лучи могут образовать сеть, через которую никто не проникнет живым.

Он помолчал, затем добавил:

— Господь может сидеть там вечно. Горючее для его проекторов не иссякнет, и у него хватит воды и питья, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одна старая военная аксиома, гласящая, что любую оборону, какой бы внушительной она ни была, можно прорвать, если найдена правильная форма нападения.

Затем он обратился к Кикахе:

— Когда ты отправился через врата на ярус Атлантиды, ты оставил полумесяц здесь. Ты помнишь где?

Кикаха усмехнулся и сказал:

— Да. Я засунул его за статую в комнате поблизости от плавательного бассейна. Но что, если гворлы нашли его?

— Тогда мне придется придумать что-нибудь еще. Давай посмотрим, не сможем ли мы найти полумесяц?

— Что за идея? — тихим голосом осведомился Кикаха.

Вольф объяснил, что у Господа наверняка есть план бегства из центра управления.

Насколько помнил Вольф, помочь ему должен полумесяц, вделанный в пол. А у Господа был еще один.

Этот полумесяц следовало приложить к тому, что вделан в пол, и тогда Господь получил бы возможность попасть на другой уровень планеты.

Но только рог мог воздействовать на врата между ярусами.

— Да, конечно, — согласился Кикаха. — Но какая нам будет польза от полумесяца, даже если мы найдем его? Его надо будет совместить с другим. А где другой? В любом случае, всякий, воспользовавшийся им, будет просто отправлен на Землю.

Вольф ткнул большим пальцем через плечо, указывая на висевший там на ремне длинный кожаный мешок.

— У меня есть рог.

Они двинулись вперед по коридору. Подарга шла следом за ними.

— Что вы затеяли? — свирепо спросила она.

Вольф ответил, что они ищут средство попасть в центр управления.

Подарге следовало остаться, чтобы управиться с любой возможной неожиданностью.

Она отказалась, заявив, что теперь, когда они так близко подошли к Господу, она хочет держать их в поле зрения.

Кроме того, если они проберутся к Господу, им придется взять с собой и ее.

Она напомнила Вольфу о его обещании, что Господь достанется ей, чтобы делать с ним все, что она пожелает. Он пожал плечами и пошел дальше.

Они отыскали комнату, где находилась статуя, за которой Кикаха спрятал полумесяц, но та была перевернута в борьбе между обезьянами и гворлами. По всей комнате валялись их тела.

Вольф в удивлении остановился.

С тех пор, как они вступили во дворец, он не видел ни одного гворла и считал само собой разумеющимся, что все они погибли

во время боя с дикарями. Видимо, Господь не всех их отправил ловить Кикаху.

— Полумесяц исчез! — воскликнул Кикаха.

— Либо он был найден какое-то время назад, либо кто-то только что нашел его, после того как сшибли статую, — рассудил Вольф.

— Я знаю, кто его забрал. Вы видели Абиру?

Никто не видел его после того, как началось вторжение во дворец.

Гарпия, которой полагалось не спускать с него глаз, потеряла его из виду.

Вольф побежал к лабораториям, а Кикаха и полуразвернувшая крылья Подарга последовали за ним.

К тому времени, когда Вольф покрыл три тысячи футов, он запыхался.

Тяжело дыша, он остановился у входа.

— Ваннакс мог уже уйти и находится в центре управления, — объяснил он. — Но если он все еще работает над полумесяцем, то нам лучше тихо войти и попытаться захватить его врасплох.

— Ваннакс? — переспросила Подарга.

Вольф мысленно выругался. Они с Кикахой не хотели раскрывать личность Абиру до более позднего времени.

Подарга так сильно ненавидела любых Господов, что сразу же убила бы его.

Вольф хотел сохранить его живым, потому что Ваннакс, если он не попытается предать их, мог быть полезным при штурме дворца.

Вольф пообещал Ваннаксу, что тот сможет отправиться в другой мир и попытать счастья там, если поможет им против Арвура-Господа.

Ваннакс объяснил, как он сумел вернуться в эту вселенную.

После того как Кикаха, урожденный Финнегап, случайно отправился сюда, забрав с собой полумесяц, Ваннакс бросил все силы на поиски другого.

Его ждал успех, где бы вы думали? В скобяной лавке в Неории, штат Иллинойс.

Как он туда попал и какой Господь потерял его на Земле, никогда уже не узнать.

Несомненно, на Земле находились и другие полумесяцы.

Однако найденный им полумесяц пропустил его через врата, расположенные на Индейском ярусе.

Ваннакс поднялся на Тайяфайявоэд в Хамшем, где ему достаточно повезло, чтобы захватить гворлов, Хрисенду и рог.

После он проделал путь к дворцу, надеясь попасть туда.

— Старая поговорка гласит, что Господу нельзя доверять, — пробормотал Вольф.

— Что ты сказал? — спросила Подарга. — Я повторяю: кто такой Ваннакс?

Вольф испытал облегчение от того, что она не знала этого имени.

Он ответил, что Абиру иногда выступал под таким именем.

Не желая отвечать ни на какие другие вопросы и чувствуя, что время не ждет, он вошел в лабораторию.

Это было помещение достаточно широкое и с достаточно высоким потолком, чтобы вместить дюжину реактивных авиалайнеров.

Шкафы, пульты и различные аппараты придавали, однако, лаборатории вид тесного помещения.

В сотне ярдов от них Ваннакс склонился над огромным пультом, работая с кнопками и рычагами.

Трое молча двинулись к нему.

Скоро они оказались достаточно близко, чтобы увидеть на пульте два соединенных полумесяца.

На широком экране над Ваннаксом было призрачное изображение третьего полукруга. Через него пробегали волнистые линии света.

Ваннакс вдруг издал восторженное "А!", когда на экране появился рядом с первым еще один полумесяц.

Ваннакс поманипулировал с несколькими шкалами, чтобы заставить два изображения двинуться друг к другу, потом слиться в одно.

Вольф знал, что машина посылала частотный искатель и обнаруживала частоту полумесяца, установленного в полу центра управления. Вслед за тем Ваннакс подвергнет зажатые в пульте полумесяцы такому воздействию, которое изменит их резонанс на соответствующий резонанс полумесяца в центре управления.

Где Ваннакс раздобыл два полукруга, оставалось тайной, пока Вольф не вспомнил о полумесяце, который должен был отправиться с ним, когда он прошел через врата.

Каким-то образом во время между своим пленением и бегством Ваннакс заполучил в свои руки этот полумесяц.

Он, должно быть, спрятал его в развалинах, прежде чем обезьяна захватила его в плен.

Ваннакс оторвался от своей работы, увидел троицу, взглянул на экран и сорвал два полумесяца с зажимов на пульте.

Трое бросились к нему, когда он положил на пол один полумесяц, а затем другой.

Он засмеялся, сделал непристойный жест и шагнул в круг с кинжалом в руке.

Вольф издал крик отчаяния, так как они были слишком далеко, чтобы остановить его.

Затем он остановился и попытался ладонью закрыть глаза, но сделал это слишком поздно, чтобы загородиться от ослепительной вспышки.

Вольф услышал, как закричали Кикаха и Подарга, тоже ослепленные.

Он услышал вопль Ваннакса и почуял запах обгорелого мяса и одежды.

Ничего не видя, он пошел вперед, пока его ноги не коснулись трупа.

— Что случилось, черт подери? — выругался Кикаха. — Боже, я надеюсь, мы не ослепли навсегда?

— Ваннакс думал проскользнуть через врата Арвура в центре управления, — объяснил Вольф, — но Арвур установил ловушку. Он мог бы удовольствоваться разрушением аппаратуры, но он, должно быть, решил убить попытавшегося воспользоваться ею.

Он постоял и подождал, зная, что время уходит, но ничего другого поделать он не мог.

Постепенно зрение начало возвращаться.

Ваннакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости.

Два полумесяца все еще оставались на полу невредимыми.

Миг спустя Вольф разделил их чертилкой с пульта.

— Он был предателем, — тихо сказал Вольф Кикахе, — но оказал нам услугу. Я собирался попробовать тот же фокус, только я намеревался воспользоваться рогом для активации спрятанного тобой полумесяца после того, как изменил бы его резонанс.

Притворяясь, что изучает другие пульты в поисках минисюрпризов, он сумел увести Кикаху подальше от Подарги.

— Не хотел я этого делать, — прошептал он, — но придется. Надо будет воспользоваться рогом, если мы хотим выгнать Арвура из центра управления или добраться до него прежде, чем он сможет использовать полумесяцы для побега.

— Я не поспеваю за твоей мыслью, — сказал Кикаха.

— Когда я построил дворец, то включил термическую субстанцию в пластиковую оболочку центра управления. Ее можно запустить только определенной последовательностью нот из рога, вместе с еще одним маленьким трюком. Я не хочу активировать этот материал, потому что тогда пропадет также и центр управления, и этот дворец будет беззащитен против любых других Господов.

— Тебе лучше это сделать, — посоветовал Кикаха. — Есть, однако, один момент, что помешает Арвуру смыться через полумесяцы.

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Арвуру следовало бы уничтожить его, вместо того чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, оно обоюдоострое.

Вольф активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца. По экрану побежали волнистые линии света.

Вольф перешел к другому пульту и распахнул небольшую дверцу наверху, открыв панель с управлением без поясняющих надписей.

Щелкнув двумя переключателями, он нажал кнопку. Экран опустел.

— Резонанс его полумесяца изменен, — констатировал Вольф. — Когда он решит воспользоваться им, применяя любой другой, какие у него есть, его ждет дьявольский шок. У него просто не будет врат для бегства.

— Вы, Господы, — подлый, изобретательный и коварный народ! — сказал Кикаха. — Но все равно, мне нравится твой жизненный стиль.

Он покинул помещение. Миг спустя из коридора донеслись его крики.

Подарга бросилась из помещения, затем остановилась и прожгла Вольфа подозрительным взглядом. Он пустился бежать.

Подарга, убедившись, что он не остается, помчалась за ним. Вольф остановился и вынул из футляра рог.

Он просунул палец в мундштук и, слегка потягивая, вытащил из него паутину, затем повернул к себе рог и в его широкий раструб засунул эту паутину.

Затем он положил рог обратно в чехол и побежал следом за гарпией.

Она была рядом с Кикахой, объяснявшим ей, что ему показалось, что он увидел гворла, но это была просто рыскавшая орлица. Вольф объяснил, что они должны вернуться.

Он не сказал, что это было необходимо для того, чтобы рог находился в пределах определенного расстояния от стен центра управления. Когда они возвратились в коридор перед центром управления, Вольф открыл чехол. Кикаха встал позади Подарги, готовый оглушить ее, если та вздумает причинять какие-то неприятности. Что еще они могли сделать с орлицами, кроме как натравить на них обезьян?

Подарга воскликнула, увидев рог, но ничего не сделала. Вольф поднял рог к губам, надеясь, что сумеет воспроизвести ноты в нужной последовательности. Многое он вспомнил с тех пор, как он поговорил с Ваннаксом, многое оставалось еще утраченным.

Он как раз поднес мундштук к губам, когда загремел голос. Он, казалось, исходил из потолка, стен и пола, отовсюду.

Он говорил на языке Господов, чему Вольф был рад. Подарга этого языка не знала.

— Джадавин, я не узнавал тебя, пока не увидел с рогом. Мне казалось, что ты мне знаком, — мне следовало бы знать. Но это же было так давно! Как давно?

— Много веков или тысячелетие, в зависимости от временной шкалы. Так, значит, мы, два старых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на этот раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ваннакс.

— Как так? — прорычал голос Арвура.

— Я заставлю расплавиться стены твоей кажущейся неприступной крепости. Ты либо останешься в ней и зажаришься, либо выйдешь и умрешь иным образом. Я не думаю, что ты останешься.

Его вдруг охватила озабоченность и ощущение несправедливости. Если Подарга убьет Арвура, она будет убивать не того, кто ответствен за ее нынешнее состояние. Не имело значения, что Арвур сделал бы то же самое, будь он в то время Господом этого мира.

С другой стороны, он, Вольф, тоже был не виноват. Он не был Господом Джадавином, сконструировавшим эту вселенную, а затем так дурно управлявшим ею. Приступ амнезии был полнейшим. Он стер в нем всего Джадавина и сделал его разум чистой страницей. Из этой чистоты появился новый человек, Вольф, малоспособный, как Джадавин или любые другие Господы.

Он по-прежнему оставался Вольфом, за исключением того, что он вспомнил, кем он был. Эта мысль вызвала у него боль, раскаяние и стремление все поправить, насколько это в его силах.

Разве так нужно было начинать, позволяя Арвуру умереть страшной смертью за преступление, которого он не совершал?

— Джадавин, — прогремел Арвур, — ты, может, думаешь, что выиграл этот ход, но я снова одержал над тобой верх! Я могу выложить на стол еще один козырь, и его цена намного выше, чем то, что может твой рог!

— И какой же он? — спросил Вольф.

У него было тяжелое чувство, что Арвур не блефовал.

— Я подложил одну из бомб, прихваченных с собой, когда меня лишили Чиффаэнира. Она находится под дворцом, и, когда я пожелаю того, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Верно, я тоже умру, но я прихвачу с собой своего старого врага. Твоя женщина и твои друзья тоже погибнут. Подумай о них!

Вольф подумал о них. Он испытывал страшные муки.

— Каковы твои условия? — спросил он.

— Я знаю, что ты не хочешь умирать. Ты такой жалкий, что тебе следовало бы хотеть умереть, но ты десять тысяч лет цеплялся за свою никчемную жизнь.

— Довольно оскорблений! Ты готов или нет? Мой палец в дюйме над кнопкой.

Арвур хохотнул и продолжал:

— Даже если я блефую, а это не так, ты не можешь позволить себе идти на риск.

Вольф рассказал всем, слушавшим Господа-Арвура, не понимавшим ни слова, о чем они беседовали.

Он объяснил все, что сумел, опустив любой намек, что он тоже Господ.

Подарга, кипя от бешенства, произнесла:

— Спроси, каковы его условия.

Затем она добавила:

— После того как все это закончится, тебе, Вольф, придется многое мне объяснить.

Арвур ответил:

— Ты должен отдать мне серебряный рог, драгоценнейшую работу мастера Ильмарволкина. Я воспользуюсь им, чтобы открыть врата в бассейне, и пройду через них на атлантидский ярус. Это все, чего я хочу, за исключением твоего обещания, что никто не бросится вслед за мной, пока не закроются врата.

Вольф несколько секунд обдумывал предложение, а затем сказал:

— Ладно. Ты можешь теперь выходить. Я клянусь тебе своей честью Вольфа и рукой Детьюва, что отдам тебе рог и не пошлю никого вслед за тобой, пока не закроются врата.

Арвур засмеялся и сказал:

— Я выхожу.

Вольф ждал, пока не распахнулась дверь в конце коридора.

Тогда, зная, что теперь Арвур не мог его подслушать, он объяснил Подарге:

— Арвур думает, что мы у него в руках, и у него есть основание быть в этом уверенным. Он выйдет через врата в сорока милях отсюда, неподалеку от Инвеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он был бы по-прежнему предоставлен твоей милости

и милости твоих орлиц, если бы не было другой резонансной точки всего в десяти милях отсюда. Эти врата откроются, когда он протрубит в рог, и пропустят его в другую вселенную. Я покажу тебе эти врата, после того как Арвур уйдет через бассейн.

Арвур уверенно шел к ним.

Это был высокий, широкоплечий и красивый мужчина с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами.

Он взял у Вольфа рог, иронически поклонился и прошел дальше по коридору.

Подарга уставилась на него с таким безумным бешенством, что Вольф боялся, что она бросится на него. Но он предупредил ее, что должен сдержать свои обещания и ей, и Арвуру.

Арвур шагал мимо безмолвных и угрожающих рядов так, словно они были не больше чем мраморные статуи.

Вольф не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, а сразу же направился в центр управления.

Быстрое изучение показало ему, что Арвур оставил устройство, которое должно было нажать кнопку, взрывающую бомбу.

Он, несомненно, дал себе много времени, чтобы убраться отсюда. Тем не менее Вольфа прошибал пот, пока он не удалил это устройство. К тому времени вернулся Кикаха, следивший, как Арвур уходит через врата в бассейне.

— Он смылся, спору нет, — сказал он. — Но это было не так легко, как ему думалось. Место выхода находилось под водой из-за созданного им самим потопа. Он вынужден был упасть в воду и плыть. Он все еще плыл, когда закрылись врата.

Вольф отвел Подаргу в огромный зал карт и показал городок, поблизости от которого находились врата.

Затем в зале обзора он показал ей на экране врата с близкого расстояния. Подарга с минуту изучала карту и экран. Она отдала приказ орлицам, и они вышли следом за ней. Даже обезьян ужаснул блеск смерти в их глазах.

Арвур был в сорока милях от монолита, но его еще ждало десятимильное путешествие. Более того, Подарга и ее пташки готовились к полету. Они будут снижаться с огромной высоты под таким углом, что смогут набрать огромную скорость.

Пока Вольф ждал перед экраном, у него было много времени для размышлений. В конечном итоге он расскажет Хрисенде, кем он был и как стал Вольфом. Она узнает, что он отправился в другую вселенную навестить одного из немногих дружественных Господов.

Господам становилось одиноко, несмотря на их огромную мощь, и время от времени они хотели пообщаться с равными

себе. По возвращении в эту вселенную он попал в ловушку, расставленную Ваннаксом, еще одним лишенным владений Господом.

Джадавина швырнуло во вселенную Земли, но он подхватил с собой захваченного врасплох Ваннакса.

Ваннакс сбежал с полумесяцем после жестокой борьбы на склоне горы. Что случилось с другим полумесяцем, Вольф не знал. Но Ваннаксу он не достался, это уж наверняка.

Тут он снова потерял память, и Джадавин стал, по существу, младенцем. Его взяли к себе земляне, и началось его образование и воспитание.

Вольф не знал причины амнезии.

Она могла быть вызвана ударом по голове во время схватки с Ваннаксом или могла произойти в результате пребывания на чужой планете. Господы так долго полагались на свою унаследованную науку, что, лишенные ее достижений, они становились менее умными, чем даже люди.

Или же потеря памяти могла произойти из-за его долгой борьбы со своей совестью. Долгие годы до того, как его волей-неволей вытолкнули в другой мир, он был не удовлетворен собой, испытывал отвращение к своим делам и печаль от своего одиночества и ненадежного положения.

Не было ни одного существа могущественней Господа, и все же никто не был более одиноким или более осознававшим, что любая минута могла стать для него последней. Против него строили козни другие Господы. Все должны были быть каждую минуту настороже.

Какой бы ни была причина, он стал Вольфом. Но, как указал Кикаха, существовало взаимное притяжение между ним, рогом и точками резонанса. Отнюдь не случайно он оказался в подвале того дома в Аризоне, когда Кикаха протрубил в рог. У Кикахи были подозрения, что Вольф был лишившимся памяти, изгнанным Господом.

Теперь Вольф знал, почему он так необыкновенно быстро усваивал здесь языки. Он вспоминал их. И у него возникло такое стремительное влечение к Хрисенде потому, что та была самой любимой его фавориткой из всех женщин в его владениях. Он даже подумывал привести ее во дворец и сделать Госпожой.

Она не узнала в нем того, кем он был, встретив его как Вольфа, потому что никогда не видела его лица. Тот дешевый фокус с ослепительным излучением скрыл его черты. Что же касается голоса, то он использовал прибор, чтобы усиливать и искажать его лишь для того, чтобы внушить еще большее благоговение у поклонявшихся ему.

Его огромная сила тоже не была естественной, ибо он воспользовался биопроцессами для обогащения себя превосходными мускулами.

Он возместит, что отнял своей жестокостью и надменностью. Он создаст новые человеческие тела в биоцилиндрах и подарит их Подарге и ее сестрам, обезьянам, Кикахе, Ипсевасу и всем прочим, кто того пожелает. Он позволит народу Атлантиды вновь отстроиться и не будет тираном. Он не станет вмешиваться в дела многоярусного мира, если в этом не будет абсолютной необходимости.

Кикаха позвал его к экрану. Арвур каким-то образом нашел лошадь в этой стране мертвых и бешено гнал ее.

— Везет же дьяволу!

Кикаха застонал.

— Я думаю, дьявол гонится за ним, — заметил Вольф.

Арвур оглянулся назад, а потом принялся колотить лошадь палкой.

— Он сумеет добраться! — воскликнул Кикаха. — Храм Господа всего в полумиле впереди.

Вольф посмотрел на огромное белокаменное строение на вершине высокого холма. В нем находилось тайное помещение, которым он сам пользовался, когда был Джадавином.

Он покачал головой:

— Нет!

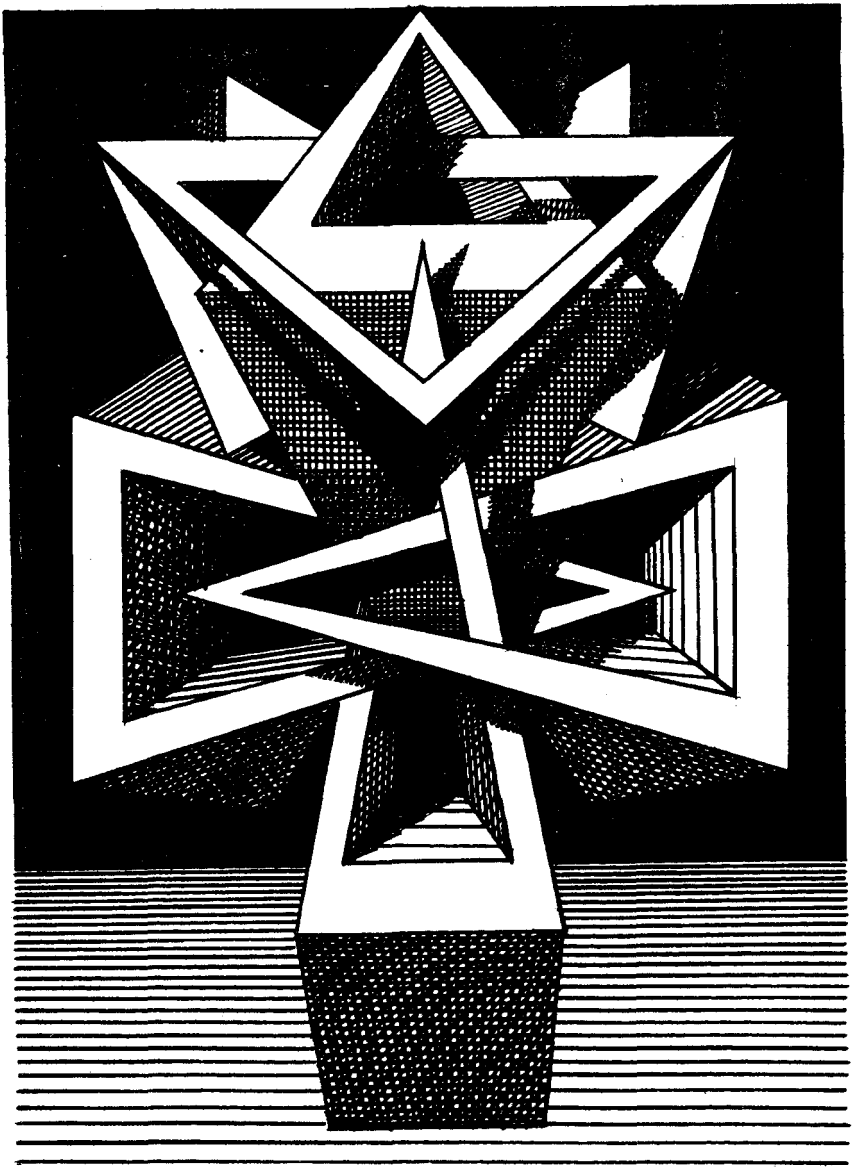
Подарга спикировала на Арвура.

Она снижалась на огромной скорости, хлопая крыльями и вытянув вперед белое лицо. За ней неслись ее орлицы.

Арвур проскакал на лошади как можно дальше вверх по крутому холму. Затем ноги кобылы подкосились, и она рухнула.

Арвур ударился о землю и тут же пустился бежать. Подарга налетела на него. Арвур петлял, как удирающий от ястреба кролик. Гарпия следовала за ним, повторяя его зигзаги, угадывая, куда он метнется во время одного из своих прыжков в сторону, и настигла его. Ее когти вцепились ему в спину. Он вскинул руки в воздух, и рот его издал безмолвный для смотревших на экран вопль.

Арвур упал, и Подарга опустилась на него. Другие орлицы приземлились и собрались вокруг посмотреть.

ВРАТА МИРОЗДАНИЯ

Глава 1

Тысячи лет назад Властелины пользовались лекарствами, электроникой, гипнозом и психотехникой, чтобы обходиться без сна. Дни и ночи, целыми месяцами их глаза не затуманивались, а тела оставались свежими и энергичными. Но со временем мозг разрушался. Галлюцинации, безграничная злоба и беспричинное предчувствие близкой гибели овладевали ими. Некоторые сходили с ума, и их приходилось убивать или заключать в тюрьмы.

Именно тогда Властелины обнаружили, что даже они, творцы вселенной, властелины науки, которая поставила их только на одну ступень ниже богов, должны спать. Их разум, лишенный сна, взбунтовался. Его оружием стало сумасшествие, которое опрокидывало опоры разума.

Поэтому все Властелины теперь спали и видели сны. Роберт Вольф, которого когда-то звали Джадавин, Властелин многоэтажной планеты вселенной, построенной наподобие Вавилонской башни, видел сон.

Ему снилось, что в его спальню через окно вплыла шестиконечная звезда. Кружась, она повисла в воздухе, в ногах кровати. Это был панлоголаз, один из древних символов религии. Вольф, имевший обыкновение размышлять главным образом по-английски, подумал о ней как о Гексакулуме. Это была шестигранная звезда, ее центр сиял белым цветом, каждая ее грань сияла разноцветными лучами: красный, оранжевый, лазурный, пурпурный, черный и желтый. Гексакулум пульсировала, как сердцевина Солнца, ее лучи искрились как молнии, слегка опаляя его ресницы. Лучи скребли кожу, как могла бы ее скрести домашняя кошка, слегка выпустив когти, чтобы разбудить спящего хозяина осторожным царапаньем.

— Чего ты хочешь? — спросил Вольф; он знал, что видит сон.

Гексакулум несла опасность. Даже тени, которые образовывались между лучами, были густыми и зловещими. И Вольф

знал, что Гексакулум послана его отцом, которого он не видел в течение двух тысяч лет.

— Джадавин!

Голос был тихим, слова образовывались из шести лучей, которые теперь изгибались, свертывались кольцами и корчились как огненные змеи. Буквы, в которые они превращались, были древними — из первоначальной письменности Властелинов. Он видел их светившимися перед собой, однако воспринимал их не столько глазами, сколько на слух, как голос, шепчущий что-то издалека. Казалось, будто цвета проникали в центр его мозга и воскрешали давно умерший голос. Голос был сильный, он так глубоко потрясал внутреннюю сущность Вольфа, что вносил смятение в его душу. Вольф испугался, что этот кошмар продлится еще долго, а может быть, и навсегда.

— Проснись, Джадавин! — воззвал голос его отца.

При этих словах Вольф понял, что Гексакулум со светящимися лучами была не только в его разуме, она существовала и в действительности. Его глаза открылись. Он уставился на вогнутый потолок, освещенный мягким, струящимся светом, испещренный красными, черными, желтыми, зелеными бликами. Он протянул руку, чтобы дотронуться до Кризейс, своей жены, и обнаружил, что ее сторона постели пуста.

Когда он сел и огляделся, то увидел, что ее нет в комнате. Он позвал ее:

— Кризейс!

Потом увидел сверкающий, пульсирующий шестилучевой предмет, который висел в шести футах над краем кровати. Из него донесся голос отца:

— Джадавин, сын мой, мой враг! Не ищи утраченное. Ты оказал ей честь, сделав своим другом. Она исчезла и не вернется.

Вольф выпрямился, а потом спрыгнул с кровати. Как эта штука проникла в его замок, считающийся неприступным? Задолго до того, как шестиугольник достиг спальни, находящейся в центре замка, его, Вольфа, должны были разбудить сигналы тревоги, массивные двери в громадном замке должны были закрыться, а лазерные лучи в залах — нацелиться и уничтожить нарушителя, кроме того, должны были сработать сотни хитроумных ловушек. Гексакулум должны были сжечь, разрушить, взорвать, сокрушить, утопить.

Но ни единый огонек не засиял на противоположной стене, которая хотя и казалась только фантастическим украшением, но на самом деле служила световым сигнализатором тревоги и контрольной панелью охраны всего замка. Она тускло и спокойно светилась, будто непрошеный гость пребывал за тридевять земель.

Уризен, его отец, засмеялся и произнес, по-прежнему оставаясь невидимым:

— Ты ведь не думал, что можешь удержать Властелина Властелинов своим слабым оружием, не так ли, Джадавин? Я мог бы убить тебя сию же секунду — там, где ты стоишь, так глупо удивляясь, такой бледный, дрожащий, покрытый потом.

— Кризейс! — снова воскликнул Вольф.

— Кризейс больше нет. Безопасность твоих кроватей и вселенной уже не для нее. Ее захватили так быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценность.

— Что ты хочешь, отец? — спросил Вольф.

— Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй-ка найти ее.

Вольф в ярости вскочил на кровать и бросился через спинку на Гексакулум. На мгновение он потерял рассудок, потерял осторожность, предупреждающую его, что каждое его движение может стать роковым. Его руки устремились к многоцветной сверкающей звезде. Они сомкнулись в воздухе, а сам он очутился на полу, глядя вверх, туда, где мгновением раньше сияла Гексакулум. В тот миг, когда его пальцы коснулись огненных бликов, многогранная звезда исчезла.

Следовательно, она не была физическим телом, а являлась просто-напросто изображением, переданным неизвестным ему способом.

Но Вольф все же сомневался. Он был уверен, что все же шестиугольник являлся формой энергии, моментально преобразованной и переданной из другого мира.

Источник мог находиться в соседней вселенной или за миллион миров отсюда. Расстояние не имело значения. Важно было то, что Уризен проник в личный мир Вольфа. И тайно похитил Кризейс.

Вольф больше не ждал отцовских объяснений, Уризен не сказал, куда отправили Кризейс, где Вольфу следует искать ее и что с ней сделают. Однако Вольф уже составил план. Любым способом ему придется обнаружить скрытый, самоограженный мир отца, затем отыскать врата, через которые он может туда проникнуть. Наконец, распознать ловушки, поставленные Уризеном, и избежать их. Если он преуспеет — а вероятность удачи очень мала, — ему предстоит добраться до Уризена и убить его. Только так он сумеет спасти Кризейс.

Таковы были правила древней игры, которой забавлялись Властелины. Сам Вольф, будучи Джадавином, седьмым сыном Уризена, прожил десять тысяч лет, наслаждаясь каждым днем. И ему удалось сделать очень многое, довольствуясь жизнью

собственного мира. В отличие от большинства Властелинов, он не уставал от сотворенного мира. Он наслаждался им, хотя, как признавал теперь, развлечения здесь были жестокими. Он не только эксплуатировал местных жителей, но и создал оборону, которая поймала в ловушки десятки Властелинов. Захваченные мужчины и женщины — в том числе его несколько братьев и сестер — умирали медленно и мучительно. Вольф почувствовал раскаяние за недоброе отношение к жителям своего мира. Убитые и замученные Властелины не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что шли, когда проникали в его мир, и если кто-то попадался в ловушку, то долго страдал, прежде чем умереть.

Потом Властелину Уимаксу удалось забросить Джадавина в мир Земли, хотя он сам попал туда вместе с Джадавином. Тем временем Властелин Арвур завладел миром Джадавина.

Джадавин, размышляя о своей прежней жизни, вновь вспомнил о том потрясении, которое он испытал, когда его, совершенно безоружного и беспомощного, вытолкнули в чуждый мир. Джадавин стал пустым местом.

Усыновленный кентуккийцем по фамилии Вольф, потерявший память, Джадавин принял имя Роберта Вольфа. Ему не исполнилось еще и шестидесяти лет, когда он вспомнил, что же произошло до того времени, когда он свалился на Кентуккскую гору. Он перестал изучать латинский, греческий и индийский языки — то, чем он занимался всю свою жизнь на Земле, — и удалился на территорию Феникса Аризоны.

И там, наблюдая небо из только что приобретенного и прекрасно оборудованного дома, он предпринял ряд рискованных экспериментов, которые позволили ему пройти через "врата" обратно в тот мир, который он создал и которым правил как Властелин в течение десяти тысяч лет.

Там он с боем пробивал себе путь от самого нижнего этажа многоэтажной планеты, похожей на Вавилонскую башню, к замку Владыки Арвура. Там же он встретил и полюбил Кризейс, одну из собственных полусозданий. И снова стал Властелином, но уже не таким, каким покинул этот мир. Он стал гуманным.

Его слезы, вызванные болью от потери Кризейс, и ужас, охвативший его при мысли о том, что с ней может случиться, служили доказательством его человечности. Ни один Властелин не проливал слез над другими существами, хотя говорили, что Уризен плакал от радости, когда поймал в ловушку двух своих сыновей несколько тысяч лет назад.

Не теряя времени, Вольф приступил к делу, которое необходимо было выполнить.

Прежде всего ему предстояло убедиться, что никто не захватит замок, пока он будет отсутствовать. Он не хотел повторения того, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир: вернувшись, он обнаружил на своем месте другого Властелина. Только один человек был способен занять его место, только ему он мог доверять. Это был Кикаха (урожденный Пол Янус Финнеган из местечка Хауте в Индии, на Земле).

Именно Кикаха подарил ему горн и дал возможность вернуться в этот мир. Кикаха оказал ему необходимую помощь, которая позволила ему вновь завоевать свое владение.

Горн.

С ним он сможет выследить мир Уризена и отыскать вход в него!

Вольф прошел по хризолитовому полу вдоль стены и повернул фрагмент украшения ее, изображавший гигантскую орлицу. У него перехватило дыхание, и он остолбенел: в потайном месте больше не было спрятанного там горна. Выдолбленный в стене тайник, в котором хранился горн, был пуст.

Итак, Уризен не только захватил Кризейс, но еще и выкрал древний горн Шамбаримена.

Пусть! Вольф будет оплакивать Кризейс, но не станет проливать слез над вещью, какую бы ценность она ни представляла.

Он быстро прошел через зал, отмечая, что ни одно из средств оповещения на случай тревоги не срабатывало. Придворные и челядь спали, будто их ждал еще один день покоя и счастья, воцарившихся здесь с возвращением Вольфа во дворец на вершине мира. Он не мог сдержать дрожи. Он всегда боялся отца. Теперь же, получив доказательство огромной силы родителя, Вольф ужаснулся, но страх не остановит его. Он выследит и убьет отца или погибнет в битве.

Войдя в просторную комнату, Вольф уселся перед контрольной панелью, имеющей форму пагоды, и включил установку автоматического обзора всех мест планеты, оборудованных телекамерами. А их было около десяти тысяч на каждой из четырех нижних ступеней; они были замаскированы под скалы и деревья, их установили так, чтобы иметь возможность наблюдать за всем происходящим в ключевых местах планеты. В течение двух часов он сидел, наблюдая за меняющимися на экране видами. Потом, зная, что так можно просидеть еще несколько дней, включил аппаратуру на поиск Кикахи и вышел из зала. Теперь, если на экране появится изображение разыскиваемого, сработает стоп-кадр и соответствующий сигнал уведомит его о выполнении задания.

Вольф задействовал еще несколько дисплеев. Компьютер сверял данные. Записи были семидесятилетней давности,

поэтому количество вновь созданных вселенных допускалось равным тысяче. Именно ими Вольф интересовался в первую очередь. Последним местом пребывания Уризена был мир Гардаэримтаж, где вырос Вольф со своими родными и двоюродными братьями и сестрами. Но Уризен, которому миры надоедали столь же быстро, как новые игрушки избалованному ребенку, давно уже покинул Гардаэримтаж и с тех пор трижды переселялся.

Возможно, что теперь он избрал резиденцией новый, четвертый мир, и вот его-то и следовало отыскать и найти способ проникнуть туда.

Будь даже все миры зарегистрированы, не представлялось бы возможным вычислить вселенную отца. К тому же каждая вселенная была изолирована и не поддавалась обнаружению. Единственным уязвимым местом являлись "врата", появившиеся в какой-то момент и с тех пор периодически становящиеся видимыми. И если в тот момент, когда видоискатели-разведчики станут искать этот вход, а "врата" будут закрыты, то местность сочтут "пустой".

Однако Уризен, завлекая Вольфа, наверняка должен был облегчить ему поиск.

Даже Властелины испытывают голод. Вольф съел легкий завтрак, который принес ему робот, — один из полубелковых андроидов, выглядевший как рыцарь в доспехах. У Вольфа было больше тысячи таких. Потом он побрился и принял ванну (сама ванна была вырезана из целого изумруда). После чего оделся в вельветовые ботинки, плотно облегающие вельветовые брюки и вельветовую куртку, подпоясался коротким поясом из мамонтовой кожи и надел на шею золотую цепь.

С цепи свисал красный нефритовый талисман Мамбаримена, подаренный ему великим ученым и механиком Властелинов, когда Вольфу было еще десять лет. Красный цвет нефрита ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. Находясь в замке, Вольф одевался просто и небрежно. Лишь в редких случаях, вынужденный присутствовать на церемониальных приемах, он опускался на нижние этажи, облаченный в роскошные одеяния и в особой шляпе Властелина. Но во всякое другое время он покидал свои апартаменты инкогнито, переодевшись в наряды местных жителей.

Покинув замок, Вольф вышел на один из сотен балконов-садов. На дереве нахохлился "око", огромный, как стервятник, ворон. Он один из немногих остался в живых после штурма замка, предпринятого Вольфом, чтобы отобрать этот мир у Арвура. Ныне, когда Арвур покоился в земле, вороны присягнули на верность Вольфу.

Вольф приказал ворону разыскать Кикаху и сообщить об этом задании всем остальным воронам, а также орлам Подарго. Кикахе подлежало передать, что он срочно нужен. Если же Кикаха, получив приказ и явившись в замок, уже не застанет там Вольфа, пусть возложит на себя обязанности Властелина. В случае, если Вольф не вернется, Кикаха принимает на себя все полномочия.

Он знал, что Кикаха последует за ним и бесполезно ему это запрещать.

Ворон взлетел, осчастливленный заданием. Вольф вернулся в замок. Наблюдатели все еще искали Кикаху, но безуспешно. Однако искатели "врат", которым требовались микросекунды, чтобы обнаружить их, прошли по всей вселенной и уже повторяли свой поиск. Вольф позволил им продолжать поиск на тот случай, если какие-либо "врата" обладали дискретностью во времени и в пространстве. Результаты первого обхода уже отпечатали на бумаге классическими иероглифами древнего языка.

Обнаружено было тридцать пять новых миров. Из них единственные "врата" имел только один.

Вольф вывел изображение этого мира на дисплей, и на экране возникла шестиконечная звезда — только не с белым, а с красным центром. Красное обозначало опасность.

"Врата" вели в мир Уризена, и понять это было так же просто, как если бы раздался голос врага и произнес: "Вот он я! Приди и завоюй, если осмелишься!"

Перед мысленным взором Вольфа возникло лицо отца — красивые соколиные черты, большие, похожие на бриллианты глаза. Властелины не старели. Их тела сохраняли физиологическую молодость двадцатипятилетних. Но чувства побеждали всесильную науку и разум Властелинов, и эти чувства в союзе со временем оставляли следы на лицах Властелинов. Когда Вольф видел отца в последний раз, то заметил, что его лицо испещрено линиями ненависти. Бог знает, как глубоко изборождила ненависть его лик с тех пор!

Будучи Джадавином, Вольф платил за отцовскую ненависть той же монетой. Но не испытывал кровавой жажды мщения своим братьям и сестрам. Он не предпринимал никаких шагов против них. Теперь же, когда надругались над невинной Кризейс, ненависть в его душе взывала к мести.

"Врата", ведущие в мир Уризена, соответствовали часто повторяемому изображению Гексакулум. Роботам потребовалось двадцать два часа, чтобы соорудить аналогичную установку.

К тому времени все наблюдатели планеты передали сообщение: Кикахи в поле зрения не оказалось. Отсюда не следовало,

что неуловимый паренек покинул планету — он вполне мог находиться в одном из тысяч ее укромных уголков. Планета по площади превосходила Землю, и наблюдатели, естественно, не могли охватить всю ее территорию. Ждать появления Кикахи не было смысла.

Вольф решил не терять времени. В ту секунду, как закончили постройку аналога Гексакулум, он стал собираться в путь. Перекусив и напившись вволю — неизвестно, когда ему еще придется сесть за стол, — он вооружился лучеметом, ножом, луком и полным стрел колчаном. Могло показаться странным, что он рассчитывал с помощью такого примитивного оружия одолеть автоматику Властелинов. Но по иронии технического развития самые простые способы убийства оказывались самыми эффективными.

Впрочем, он и не обольщался на сей счет. Он слишком хорошо знал разнообразные ловушки Властелинов.

— Итак, — произнес Вольф, — в путь! Больше ждать нет смысла.

Он вошел в узкое пространство аналога Гексакулум.

Вихрем засвистел и рванулся к нему ветер. Упала тьма. Словно огромные руки сдавили грудь. В одно стремительное мгновение нахлынула и тут же спала вся масса этих ощущений.

И вот он стоит на траве, близ гигантских деревьев, а неподалеку плещется прибой. Над островом виднеется кромка солнца, светящаяся ровным светом. Одежда осталась на нем, хотя при проходе сквозь "врата" ему показалось, что ее сорвало.

Оружие тоже уцелело. Конечно, это не было внутренним дворцом крепости Уризена, потому что в противном случае крепость была бы самым неудобным местом жительства Властелина.

Он оглянулся на доставившую его Гексакулум — "врата" исчезли, лишь высокий широкий шестиугольник образовался на месте, где только что они находились — на плоскости валуна. Вольфу вспомнилось, как что-то подтолкнуло его в проходе в этот мир и заставило сделать несколько шагов, чтобы не упасть.

Довольно быстро он понял, что Уризен сдублировал "врата" Гексакулум и перебросил его в неизвестное место.

Вольф отчетливо представлял, что может произойти при попытке вернуться сквозь "врата". Но он никогда не сдавался без боя.

Обойдя валун, Вольф обнаружил, что "врата", как он и ожидал, служили и для выхода и для входа.

Позади кто-то кашлянул. Вольф резко повернулся, держа лучемет наготове.

Глава 2

В нескольких футах от Вольфа, на самом краю скалистого обрывистого берега, расположилось странное существо, похожее на жабу. Подогнув колоннообразные ноги, не имеющие, казалось, костей, оно сидело на корточках и покачивалось на огромных ступнях. Жирное, похожее на человеческое туловище оказалось безголовым, а вот из живота выпирала длинная, гибкая, как у гуся, шея, завершающаяся вполне человеческой головой... Правда, ушей не было, а череп, равно как и все лицо и тело, покрывал темно-синий маслянистый мех. Плоский нос очерчивал длинные узкие ноздри, рот окаймляли усики из красной плоти. Большие глаза цвета зеленого мха глядели на Вольфа.

— Джадавин! — произнесло существо на древнем языке Властелинов. — О Джадавин! Не убивай меня! Разве ты меня не узнаешь?

Джадавин был ошеломлен, однако не забыл оглянуться, странное существо вполне могло служить отвлекающим маневром.

— Джадавин! Неужели ты не узнаешь своего родного брата?

Вольф покачал головой. Тюлене-лягушачье тело, голова без ушей, синий мех и расплющенный нос с длинными ноздрями, а также время существенно затрудняли опознание. Если существо когда-то и называлось его братом, то с тех пор, должно быть, минули тысячелетия.

Вот только голос... Вольф покопался в пыли воспоминаний, словно собака в старой ветоши, но...

Он вновь покачал головой и взглянул на жабообразное существо.

— Кто ты? — спросил Вольф.

Существо захныкало, и по холодному завыванию нетрудно было догадаться, что его брат — если только это действительно был его брат — пребывал в таком состоянии долгое время. Ибо ни один Властелин не унижался до плача.

— Неужели ты отречешься от меня?! Неужели и ты прогонишь? Все надо мною смеются, все меня гонят прочь, бьют, все плюют на меня и говорят... — он прикрыл плавниками лицо, и огромные слезы покатились из зеленых глаз по синему меху щек. — О Джадавин, не будь таким, как остальные! Ведь я любил тебя больше всех! Так не будь же жестоким.

"Другие, — подумал Вольф. — Были и другие. Но как давно это было?!"

Вслух же он нетерпеливо спросил:

— Не будем играть в прятки, кто бы вы ни были. Ваше имя?

Существо привстало на бескостных ногах и, силой мускулов подняв жирную тушу, сделало шаг вперед. Вольф не отступил, но переложил лучемет поудобнее.

— Больше ни шагу! Как тебя зовут?!

Существо остановилось, не переставая рыдать.

— Ты такой же плохой, как и другие. Ты думаешь только о себе, тебе безразлично, что случилось со мной. Неужели мое страдание, мое одиночество и муки, длившиеся так долго, так бесконечно долго, ничуть не трогают тебя?

— Возможно, я и растрогался бы, если бы знал, кто ты такой, — заметил Вольф. — Так что случилось?

— О Властелин Властелинов! О, мой родной брат!

Жабообразное чудовище сделало еще один гигантский косолапый шаг, оставив за собой перепончатый мокрый след, и протянуло ласт, словно делая умоляющий жест рукой. Потом замерло, метнув взгляд поверх головы Вольфа. Вольф резко отскочил и обернулся, так, чтобы держать под обстрелом и существо, и того, кто мог подкрасться сзади. Однако позади никого не оказалось.

Существо явно рассчитывало на это, и в тот самый момент, когда Вольф отпрыгнул и развернулся, оно метнулось вперед: нижние конечности распрямились, словно освобожденная катапульта, и бросили тушу в воздух. Если бы Вольф только повернулся, чудовище погребло бы его под своим весом. Отступив в сторону, он избежал столкновения, но все же не успел увернуться от удара ластом по левому плечу. Толчок был столь сильным, что он отлетел в сторону, выронив лучемет. При этом не следует забывать, что Вольф обладал мощной мускулатурой, а мозг посылал импульсы по всему телу вдвое быстрее обычного. В этом Властелинам помогали научные открытия их миров. Будь он простым землянином, его левая рука осталась бы навсегда покалеченной и он не смог бы избежать второго нападения.

Вопя от ярости и разочарования, жабообразная тварь приземлилась на том месте, где мгновением раньше стоял Вольф, повернулась и, резко оттолкнувшись, словно вместо ног у нее были пружины, вновь бросилась в атаку. Вся схватка протекала настолько быстро, что напоминала кадры ускоренной киносъемки.

Вольф, не теряя ни секунды, метнулся к оружию. Тварь уже снова нависла над ним, ее воинственный крик резал барабанные перепонки. Схватив лучемет, Вольф несколько раз перевернулся и вскочил на ноги. Чудовище прыгнуло в третий раз. Вольф перехватил лучемет в правую руку и обрушил удар на темечко

противника. Удар отшвырнул жабообразное существо назад, оно рухнуло наземь с окровавленной головой.

Поодаль послышались аплодисменты. Повернувшись, Вольф увидел в тридцати ярдах от поля боя мужчину и женщину, укрывшихся под сенью фрондов. Одетые в роскошные одежды Властелинов, они направлялись к нему; руки их были пусты, шпаги скрыты в ножнах, выделанных не то из грубой кожи, не то из рыбьей чешуи. Вольф не ослабил бдительности и, когда свидетели схватки приблизились на расстояние примерно двадцати ярдов, приказал им остановиться. Поверженная тварь застонала и шевельнулась, но не сделала попытки сесть. Вольф все же отошел на безопасное расстояние.

— Джадавин! — окликнула его женщина. В нежном, чувствительном его сердце пробудились воспоминания. Хотя они и не виделись более пятисот лет, он узнал ее.

— Вала! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический. Он понял, что ее, должно быть, тоже пленил отец. Узнал он и спутника сестры — это был Ринтрах, один из его братьев. Вала и Ринтрах, несомненно, попались в ловушку.

Вала улыбнулась, и сердце Вольфа забилось сильнее. Она была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, если не считать очаровательной Кризейс и его другой сестры, Ананы Великолепной. Однако он любил и ненавидел Анану немного сильней, чем Валу.

Вала вновь зааплодировала и сказала:

— Молодец, Джадавин! Ты нисколько не утратил умения сражаться. Твой противник опасен и отвратителен. Он раболепствует и хнычет, пытаясь завоевать доверие, но тут же — прыг! — хватает за горло! Он чуть не убил Ринтраха, когда тот впервые пришел сюда, и убил бы его, если бы я не ударила его камнем и не лишила сознания. Итак, ты видишь, что я тоже имела с ним дело.

— А почему вы не добили его тогда? — спросил Вольф.

Ринтрах улыбнулся и пояснил:

— Неужели ты не узнаешь собственного братца, Джадавин? Это существо — твой любимый маленький умненький Теорион.

— Боже! — воскликнул Вольф. — Теорион! Кто же его сделал таким?

Никто не ответил, да и ответа не потребовалось. Это был мир Уризена, только он мог сделать таким их братца.

Теорион тяжело вздохнул и сел, положив ласты на кровоточащее место на голове, он качался из стороны в сторону и стонал. Его зеленые, как лишайник, глаза уставились на Вольфа, и он тихо ругался, не осмеливаясь говорить громко.

Вольф произнес:

— Уж не собираетесь ли вы утверждать, что сохранили ему жизнь из братских чувств? Не стоит пытаться, я все равно не поверю.

Вала засмеялась:

— Конечно нет! Я думаю, что его можно будет использовать позднее. Он хорошо знает эту маленькую планету, так как находится здесь довольно долго. Он трус, брат Джадавин. У него не было мужества испытать свою жизнь в лабиринте Уризена, он остался на этом острове и стал таким же, как вырождающиеся местные жители. Наш отец устал ждать, когда он соберется с несуществующим мужеством. Чтобы наказать его за отсутствие мужества, он забрал его в свою крепость Аппирмадзум. Там он превратил его в отвратительное морское чудовище. Даже тогда Теорион не осмелился пройти через "врата" во дворец Уризена, он остался здесь и жил как отшельник, ненавидя и презирая себя и все другие живые существа, особенно Властелинов.

Он живет, питаясь птицами, фруктами и морскими обитателями, которых может поймать. Он ест их сырыми. А когда представляется возможность, он убивает и ест местных жителей. Не потому, что они заслужили такую участь, они сыновья и дочери других Властелинов, проявивших, как и Теорион, трусость. Они провели свою жалкую жизнь на этой планете, родили детей, вырастили их, затем умерли.

Уризен сделал с ними то же самое, что и с Теорионом. Он забирал их к себе в Аппирмадзум, превращал в страшные существа и возвращал сюда. Наш отец думал, что превращение их в чудовищ, несомненно, заставит их ненавидеть его, что они тогда испытают дверь в Аппирмадзум и отомстят за себя, но они все были трусы. Они предпочитали жить в своем извращенном виде, чем умереть как настоящие Властелины.

— Мне нужно побольше узнать об этих превращениях, содеянных моим отцом. Но как я могу поверить вам? — спросил Вольф.

Вала снова засмеялась:

— Все мы, попавшие в ловушку Уризена, находимся на этом острове. Некоторые из нас только несколько недель, хотя Лувах уже полгода.

— Кто такие другие?

— Некоторые — твои родные и двоюродные братья. Кроме Ринтраха и Луваха еще два брата — Эньен и Аристон и кузены Тармас и Палалброн.

Она весело засмеялась, показала на красное небо и сказала:

— Все, все пойманы в ловушку нашим отцом! Все снова собрались после горестного отсутствия в течение целых

тысячелетий. Счастливая семейная встреча, какой не могут представить себе смертные!

— Я могу представить, — сказал Вольф. — Вы все еще не ответили на мой вопрос о доверии.

— Мы все дали клятву об общем перемирии, — сказал Ринтрах. — Мы нуждаемся друг в друге, поэтому должны отбросить нашу естественную враждебность и действовать сообща. Только тогда можно будет победить Уризена.

— Насколько я помню, общего перемирия не было давно, — проговорил Вольф. — Я помню, как мать говорила мне, что такое перемирие было за четыре тысячи лет до моего рождения, когда Черные Беллеры угрожали Властелинам. Уризен совершил тогда два чуда. Он поймал в ловушку сразу восемь Властелинов и принудил их заключить перемирие. А это перемирие пусть несет с собой его гибель!

Затем Вольф объявил, что готов поклясться в своем согласии на перемирие. И именем отца всех Властелинов, Великого Эпинима Лоса, он поклялся соблюдать все пункты мирного соглашения, пока не наступит время, когда все согласятся отказаться от него или все, кроме одного, будут мертвы. Но даже тогда, когда он давал клятву, он твердо знал, что на других нельзя положиться, нельзя надеяться, что они не предадут его. Он знал, что Ринтрах и Вала сознавали это и доверяли ему не более, чем доверял он им. Но по крайней мере, все они некоторое время будут действовать вместе. И вероятно, что никто из них не нарушит перемирия. Они это сделают только тогда, когда появится очень большая реальная возможность и полная уверенность в безнаказанности. Теорион скулил:

— Джадавин! Мой родной брат! Мой любимый брат, тот, кто всегда любил меня и защищал. Ты такой же, как и другие. Ты хотел навредить мне, убить. Своего собственного маленького брата.

Вала плюнула на него и проговорила:

— Ты мерзкое, трусливое животное! Ты не Властелин и не наш брат. Почему ты не нырнешь в глубину и не утонешь! Спрячь свой страх и предательство с наших глаз и от всех, дышащих воздухом. Пусть рыбы сожрут твое жирное тело, хотя даже они могут изрыгнуть тебя.

Ползя и протягивая ласты, Теорион волочил свое тело к Вольфу.

— Джадавин! Ты не знаешь, как я страдаю. Неужели у тебя нет жалости ко мне? Я всегда думал, что у тебя, по крайней мере, есть то, чего не хватает другим. У тебя теплое сердце и есть сострадание, а этого не хватает этим бездушным чудовищам.

— Ты пытался убить меня, — сказал Вольф. — И ты снова попытаешься, если решишь, что есть хорошая возможность сделать это.

— Нет, нет, — прервал его Теорион, пытаясь улыбнуться. — Ты совершенно не понял меня. Я думал, что ты будешь ненавидеть меня за то, что я предпочитаю подлую жизнь смерти в качестве Властелина. Я хотел забрать твое оружие, чтобы ты не причинил мне вреда. Потом я бы объяснил, что случилось со мной и как я дошел до этого. Тогда бы ты понял меня. Ты бы искал меня и любил так же, как тогда, когда ты был еще мальчиком во дворце нашего отца, а я был твоим младшим братом. Вот все, что я хотел сделать: объяснить тебе, а не снова стать ненавистным. Я не хотел причинять тебе вреда. Именем Лоса я клянусь тебе в этом.

— Мы еще поговорим, — бросил Вольф, — а теперь прощай, уходи.

Теорион пошел прочь, широко расставляя ноги. Достигнув края острова, он повернулся и выкрикнул непристойности и оскорбления в адрес Вольфа. Вольф поднял лучемет, хотя намеревался только попугать Теориона. Чудовище пронзительно закричало и прыгнуло, как гигантская лягушка, в воду. Оно погрузилось в воду и больше не появлялось. Вольф поинтересовался у Валы, как долго Теорион мог оставаться под водой.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Не сомневаюсь, что он будет сдерживать дыхание. Вероятно, он спрятался в одной из пещер, которые имеются в корнях и камнях, образующих основание острова.

Потом она сказала, что они должны идти, чтобы встретиться с другими. Пока они шли через фрондовый лес, она объяснила ему физические явления этого мира, насколько она их знала сама.

— Ты, наверное, уже заметил, как близок горизонт. Эта планета имеет в диаметре около двух тысяч ста семидесяти миль. ("Приблизительно столько, сколько и земная Луна", — подумал про себя Вольф.) Сила притяжения резко падает при подъеме над атмосферой, как бы растекаясь, размазываясь в окружающую вселенную. Все остальные планеты этой галактики имеют подобное поле.

Вольф не интересовался этим. Властелины могли делать с полями и притяжением то, о чем земляне и не мечтали.

— Эта планета полностью покрыта водой...

— А как насчет острова? — спросил он.

— Он плавает. Его основание — это растение, которое поднимается со дна моря. Когда оно выросло наполовину, его пузыри начали наполняться газом, вырабатываемым бактериями.

Оно оторвалось от корней и всплыло на поверхность. Там оно выпустило корни, или полоски, которые встречаются с полосками другого вида. Очевидно, в таких растениях существуют твердые массы. Верхняя часть растения отмирает, в то время как нижняя продолжает расти. Гниющая верхняя часть образует почву. Птицы помогают в образовании почвы. Они перелетают к новым островам, перенося в полете зерна. Те вырастают в фронды, которые ты видишь, и другую растительность. — Она указала на группу растений, похожих на бамбук.

Он спросил:

— Откуда взялись эти камни?

За бамбуком виднелось несколько беловатых валунов, примерно двенадцати футов в диаметре.

— Газово-пузырчатые растения, которые образуют остров, являются только одним из, возможно, нескольких тысяч видов. Есть растения, которые прикрепляются к скалам морского дна и выносятся на поверхность, когда становятся достаточно плавучими. Местные жители приносят их и помещают на островах, если они не слишком большие. Белые валуны чем-то привлекают птиц гаржу, жители убивают их или приручают.

— А как насчет питьевой воды?

— Это океан свежей воды.

Вольф, глядя через просвет зарослей пурпурных с желтыми полосами фрондов и отягощенных ягодами кустов вышиной до пояса, увидел, как на горизонте появилась огромная черная арка. Через шестьдесят секунд она стала окружностью, поднимающейся над горизонтом.

— Это луна, — сказала Вала. — Здесь все изменено. Солнца нет, свет исходит от неба. Поэтому луна означает ночь или отсутствие света. Это бледный свет ночи, но все же лучше, чем никакой. Позднее ты увидишь планету Аппирмадзум. Она находится в центре этой вселенной, а вокруг нее вращается пять второстепенных планет. Ты увидишь их тоже. Они все черные и погружены в небо, как наша луна.

Вольф спросил, как она узнала так много о мире Уризена. Она объяснила, что эти сведения ей дал, хотя и без желания, Теорион. Он узнал многое, пока был пленником Уризена. Он не хотел расставаться с этой информацией, так как был злым и эгоистичным животным. Но когда кузены, братья и сестра поймали его, то заставили заговорить.

— Большинство шрамов заживает, — вдруг объявила она и засмеялась.

Вольф хотел знать, не было ли у Теориона важной причины желать их смерти. И он хотел выведать, насколько правдива

история об их отношениях. Ему придется поговорить когда-нибудь с Теорионом, конечно, на безопасном расстоянии.

Вала замолчала и схватила Вольфа за руку. Он начал отталкивать ее, думая, что она пытается выкинуть какой-нибудь трюк. Но она с тревогой смотрела вверх, как и Ринтрах.

Глава 3

Фронды высотой в шестьдесят футов скрывали какой-то предмет, появившийся в небе. Теперь Джадавин увидел массу шириной по крайней мере в четверть мили, пятидесяти футов толщиной и длиной почти в милю, плывущую в пятидесяти футах над островом. Она дрейфовала по ветру, который дул из неизвестной стороны света. В этом мире без солнца север, юг, восток и запад ничего не значили.

— Что это? — спросил он.

— Это остров, который плавает в воздухе. Поспешим, мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф отправился за ними. Время от времени он поглядывал вверх через заросли фрондов на аэронес. Он спускался довольно быстро на противоположный конец острова. Вольф догнал Валу и спросил ее, как управляется этот небоплаватель. Она ответила, что его жители применяют клапаны в гигантских пузырях, чтобы выпускать водород. Эта процедура требует усилий почти всех жителей, так как каждый пузырь и клапан открывается вручную. Во время спуска им всем приходится заниматься управлением полета.

— Как они ведут его?

— Пузыри имеют выходные отверстия: когда абуталы хотят, чтобы остров летел в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне. И они очень искусны в этом деле. Но даже при этом им приходится бороться с ветром, и маневр не всегда удается. Нас они уже дважды атаковали и оба раза не смогли сесть на остров. Они бросают морские якоря — большие камни на концах канатов, — чтобы спускаться медленно. Первые атакующие опустились рядом с островом, вместо того чтобы повиснуть как раз над ним, и врагам пришлось довольствоваться атакой с моря. Они потерпели неудачу.

Она покачала головой и добавила:

— О нет! Это, должно быть, илманиры. Да поможет нам Лос.

Сперва Вольф думал, что пятьдесят летательных аппаратов, выпущенных из аэронеса, были маленькими самолетами. Когда же они, кружась против ветра, спустились к суше, он увидел, что

это планеры. Крылья их, длиной в пятьдесят футов, были сделаны из какого-то блестящего металла и украшены на концах зубцами. Под каждым крылом был нарисован краской глаз с перекрещенными над ним шпагами, фюзеляж был не закрыт, корпус и его оснастка, элероны и рули были покрашены в пурпурный цвет. Пилот сидел в плетеной корзине как раз впереди развернутых крыльев. Нос судна был закруглен и имел длинный рог, выступающий вперед на расстояние около двадцати футов.

"Как рог нарвала", — подумал Вольф. Как он узнал позднее, рога позаимствованы у гигантских рыб.

Планер прошел над ними до тропинки, на которой и приземлился. Вольф бросил взгляд на пилота. Его рыжие волосы торчали по крайней мере на фут в высоту, они блестели от какого-то фиксатора. Лицо его было выкрашено, как у красно-кожего индейца, красными и зелеными кругами, и черные волосы спускались по его шее к плечам.

— Деревня находится примерно в полумиле отсюда, — заметила Вала. — На самом конце острова.

Вольфа интересовало, почему она так обеспокоена. Почему Властелина заботило то, что случится с другим? Она объяснила, что, если илманиры совершат успешную посадку, они убьют всех женщин на острове. Потом они оставят тут своих людей, как в колонии.

Остров не был совершенно плоским. Там и тут виднелись возвышенности, образованные неровно выросшими пузырями. Вольф взобрался на вершину одной из них и посмотрел поверх фрондов. Летательные аппараты спустились теперь уже до пятидесяти футов, медленно снижаясь и направляясь прямо к деревне. Это была группа строений, насчитывающая около сотни похожих на улья хижин, построенных из фрондов. Стена высотой в двадцать футов окружала деревню. Дома выглядели так, будто были построены из камней, бамбука, фрондов и каких-то скучно-серых столбов, которые могли быть костями гигантских морских животных.

За стеной располагались мужчины и женщины, а несколько местных обитателей находились снаружи, на открытой местности. Они были вооружены копьями и луками со стрелами.

За деревней были доки, построенные из обычного бамбука. Вдоль них на берегу находились лодки различных размеров.

Дно летающего острова было густым сплетением толстых кореньев. Однако в нем были отверстия, и из нескольких таких отверстий были выброшены большие камни на канатах, сплетенных из каких-то растений. Камни-якоря, вырезанные в форме дисков, были белыми, похожими на гипс. Они тащились

с моря и волоклись по острову, ударяясь о землю, некоторые якоря попадали на лодки.

Другие якоря падали, ударяясь о стены деревни. Они натыкались на сплетение различных материалов, образующих стены. Они падали на голую, без травы, землю и задевали хижины. Те рушились под ударами камней. В то же самое время из отверстий стреляли из луков, метали копья и бросали горящие факелы на жителей, находившихся внизу. Некоторые островитяне были сбиты с ног, хижины начали гореть. Горящие факелы взрывались, и от них поднимался густой черный дым.

Однако защитники не были обеспокоены. Из большого центрального дома вышли мужчины и женщины со странными приспособлениями. Они подожгли их и выпустили вверх, и те быстро достигли нижней части острова небоплавателей, коснулись сплетения ветвей и загорелись там. Потом они неожиданно взорвались и разнесли огонь по окружающим их корням.

Крыша одной из хижин поднялась и повернулась на одну сторону, как крыша люка. Стены аккуратно разошлись наружу, падая на землю, и хижина приняла вид распустившегося цветка. В центре ее оказалась катапульта: гигантский лук со стрелой, сделанной из рогов существа, которое издает гудение, словно планер.

К стреле было прикреплено несколько горящих пузырей. Лук отпустили, горящая стрела взвилась вверх и вонзилась в нижнюю часть острова небоплавателей.

Команда катапульты снова начала натягивать тетиву.

Из отверстия небесного острова выпал мужчина, за ним появилось еще десять. Они спускались, как на парашютах. Их спуск тормозили пучки пузырей, прикрепленные ремнями к их плечам и груди. Стрела пронзила первого как раз в тот момент, когда он коснулся поверхности, а потом были уничтожены еще трое из десяти, спускавшихся следом.

Оставшиеся в живых достигли деревни невредимыми вблизи катапульты. Они отогнули ремни, и пузыри рванулись вверх. К этому времени их уже окружили. Десантники сражались весьма ожесточенно, один добрался до катапульты, но был сражен двумя копьями.

Летающий остров, подгоняемый ветром, стал пролетать над деревней. Начали падать новые камни на канатах, и несколько из них попало в сплетение стен, не разрушив их. Потом веревка упала на фронды, и огромная петля охватила деревья.

Затормозив, небесный путешественник повернулся так, чтобы его большая часть нависла над этим концом острова. К тому времени все планеры приземлились, хотя и не все успешно.

Из-за густой растительности им пришлось спускаться на фронды. Некоторые перевернулись, несколько разбилось о фронды. Часть проскользнула между фрондами и разбилась вдребезги о плотные, густые кусты.

Но оттуда, где стоял Вольф, было видно по крайней мере двадцать невредимых пилотов, которые теперь ускользали в джунглях. Там должны были быть и другие.

Он услышал, как его позвали по имени. Это вернулась Вала и стояла у подножия холма.

— Что ты собираешься делать? — сердито спросила она. — Тебе нужно стать на чью-то сторону, Джадавин, хочешь ли ты этого или нет. Абуталы — а это все-таки они — убьют тебя.

— Возможно, ты права, — сказал он, спустившись с холма. — Я хотел получить представление о том, что происходит. Не хочется слепо вмешиваться в это дело, не зная, где кто находится и как идет бой.

— Ты всегда осторожен и хитер, Джадавин, — проговорила Вала. — Но это хорошо, это показывает, что ты не дурак, о чем я и так знаю. Поверь мне, ты нуждаешься во мне, так же как я в тебе. Ты не можешь сделать все один.

Он последовал за ней, и вскоре они наткнулись на Ринтраха, который припал к земле под фрондой. Он сделал им знак, чтобы они соблюдали тишину. Когда они приблизились, Вольф посмотрел туда, куда указывал Ринтрах. Не более чем в двадцати футах от них стояли пять воинов-абуталов. Слева от них из кустов поднимался хвост разбитого планера. У них были маленькие круглые щиты из кости, метательные костяные копья с бамбуковыми наконечниками, некоторые воины имели луки со стрелами. Луки — короткие и сильно изогнутые — были сделаны из какого-то рогоподобного материала и состояли из двух частей, которые соединялись в центральной впадине рогов.

Воины были слишком далеко от них, чтобы можно было подслушать разговор.

— Какова дальность действия твоего лучемета? — спросила Вала.

— Он убивает на расстоянии до пятидесяти футов, — ответил Вольф. — Третья степень ожога — следующие двадцать футов, а после этого вторая степень ожога, дальше легкий ожог и совсем ничего.

— Теперь твой черед. Нападай на них. Ты сможешь убить всех пятерых одним движением, прежде чем они поймут, что происходит.

Вольф вздохнул: настанет ли время, когда не нужно будет ждать наставлений Валы? Прежде он давно бы убил их и продолжал бы действовать совместно с Валой и Ринтрахом. Но он

не был больше Джадавином, он был Робертом Вольфом. Вала не поймет этого, она примет его колебания за слабость. Он не хотел убивать, но сомневался в том, что существует другой способ защиты, другая возможность заставить абуталов прекратить нападение. Вала знала островитян и, возможно, говорила правду. Поэтому, нравится ему или нет, придется ему стать на их сторону.

Позади них раздался пронзительный крик. Вольф перекатился через себя и привстал, увидев еще троих воинов-абуталов примерно в сорока футах от него. Они вышли из-за фрондов и целились в них, подняв свои метательные копья.

Вольф повернулся кругом, чтобы стать лицом к трем абуталам, и нажал на пластинку на нижней стороне трехфутового ствола. Ослепительно белый луч толщиной с палец прошел через животы всех троих. Растительность между ними и позади них задымилась. Все трое упали, роняя копья и скользя по траве лицом.

Вольф поднялся на одно колено и повернулся лицом к пятерым. Два стрелка прицелились в него. Вольф сбил их первыми, потом троих остальных. Он полз, оглядываясь кругом и разыскивая абуталов, которых могли привлечь крики.

Но слышен был только ветер, затихающие крики и приглушенные звуки битвы в деревне.

Запах горелой плоти вызывал у Вольфа отвращение. Он поднялся и перевернул три трупа, а потом и те пять, что лежали в стороне. Он не думал, что они еще живы, но хотел удостовериться. Каждый из них был перерезан лучом почти пополам. Кожа вдоль глубоких ран подгорела. Крови было мало, так как луч сжег их легкие и все внутренности. Их кишки тоже были сожжены.

Вала посмотрела на лучемет. Она была очень любопытна, но знала, что бесполезно просить Вольфа дать ей оружие в руки.

— У тебя две ступени регулировки, — сказала она. — Что же он может сделать на полной мощности?

— Он способен разрезать десятифунтовую плиту из стали, — ответил он. — Но заряд иссякнет через минуту. На половинной мощности он может работать в течение десяти секунд, пока не понадобится перезарядка.

Она посмотрела на его карманы, и он улыбнулся. Он вовсе не собирался говорить ей, сколько у него в карманах зарядов.

— Что случилось с вашим оружием? — спросил он в свою очередь.

Вала издала проклятие и объяснила:

— Его украли, пока мы спали. Я не знаю, сделал ли это Уризен или хитрый Теорион.

Вольф пошел к месту битвы, Вала и Ринтрах вплотную следовали за ним. Остров над ними отбросил на них бледную тень, которая скоро должна была стать гуще, когда приносящая ночь луна покроет эту часть планеты. Абуталы, мужчины и женщины, продолжали спускаться с летающего острова — из отверстия на дне его. Кое-кто тушил пожар на днище. Они пользовались для этого странными предметами, которые при сжатии испускали струи воды.

— Они живые, кроткие существа, — сказала Вала. — Амфибии. Они путешествуют по суше, выбрасывая струи воды, передвигаясь толчками.

Вольф переключил лучемет на полную мощность. Всякий раз, когда они проходили мимо каната, прикрученного к дереву или каменному якорю, он перерезал его. Трижды они наталкивались на абуталов, и Вольф пускал в ход лучемет. К тому моменту, когда он оказался в нескольких ярдах от деревни, он перерезал сорок канатов и убил двадцать мужчин и женщин.

— Счастье для нас, что ты прибыл вовремя, — сказала Вала. — Думаю, что мы бы не смогли справиться с ними, если бы ты не пришел.

Вольф вздрогнул. Он извлек заряд лучемета и сунул в ствол другой маленький цилиндрик. У него осталось еще шесть цилиндриков, и если дело будет так дальше продолжаться, то скоро он останется безоружным. Но делать нечего, сберечь их невозможно.

Деревня была окружена со стороны суши абуталами, их было примерно девяносто человек. Очевидно, те, которые остались в деревне, были заняты тушением пожаров. Однако им больше не нужно было беспокоиться об атаке сверху. Жителей спасло то, что Вольф обрезал много канатов. Остров скользнул по ветру на четверть мили и только из-за сотни других веревок и якорей, которыми они пользовались, еще держался над деревней.

Вольф срезал лучеметом группу офицеров, стоявших на вершине единственного ближайшего к деревне холма.

Вскоре абуталы стали понимать, что происходит. Половина из них окружила холм. Местность ощетинилась копьями и стрелами. Властелины оказались в зоне поражения, но они находились под защитой группы из четырех белых каменных идолов на холме.

Вала сказала:

— Теперь они перешли к обороне, даже не поняв этого. И это хорошо для нас. Возможно...

Она молчала некоторое время, пока Вольф расправлялся с тремя мужчинами, бежавшими по впадине на холме. Потом он сказал:

— Что "возможно"?

— Наш любимый отец оставил для нас здесь весточку. Он сообщил нам кое-что из того, что нам нужно сделать, чтобы найти "врата", которые ведут к нему. Их нет на этом острове. Он сообщил, что есть пара "врат" на другом острове, но где именно, он не указал. Нам нужно будет самим их найти, поэтому я думаю...

Послышался рев абуталов, и передовые отряды бросились на холм. Стрелки выпустили стрелы одновременно из тридцати луков. Вала и Ринтрах укрылись за идолом, как им велел Вольф. Как бы сильно он ни желал, он не мог не расходовать заряды и был вынужден сделать это.

Он переключил лучемет на полную мощность и выстрелил по головам первых нападающих. От растительности и от тел поднимался дым, когда он описывал круг ослепительно белым лучом. Стрелкам пришлось обнаружить себя во время стрельбы, и поэтому большинство упало сраженными.

Стрелы засвистели вокруг Вольфа, отскакивая от каменных идолов. Одна ударила его в плечо, другая рикошетом от камня пролетела между его ног. Потом стрел больше не было. Абуталы, увидев перед собой сморщенные тела и почуяв запах горелого мяса, дрогнули. Вольф начал направлять луч на них, и они бросились в джунгли.

— Что ты думаешь дальше делать? — спросил Вольф Валу.

— Мы можем искать тысячи лет, используя этот остров как корабль, и не обнаружить острова, на котором находятся эти "врата". Возможно, такова и была цель нашего отца. Он будет наслаждаться, видя наши бесполезные поиски, наслаждаться нашим отчаянием и разногласиями и убийствами, которые возникнут между нами за столь долгий срок. Но если бы мы были там, наверху, вместе с абуталами, мы бы получили возможность не только передвигаться быстрее, но и видеть гораздо больше с высоты...

— Прекрасная мысль! — сказал Вольф. — А как уговорить абуталов позволить нам сопровождать их? И каковы гарантии того, что они не набросятся на нас при первом же случае?

— Ты совсем забыл о своей младшей сестре. Как мог ты, единственный из всех, кто любил меня, не помнить, какой убедительной я могу быть?

Она встала и закричала в сторону безлюдных на первый взгляд джунглей. Некоторое время ответа не было. Она повторила призыв. Вскоре из-за фронды вышел офицер. Это был высокий, хорошо сложенный человек, старше тридцати лет, красивый, несмотря на круги, наведенные у него на лице. Кроме

черных полос вниз по шее и плечам он был украшен нарисованной на груди морской птицей. Это был инфтара — отличительный знак командира планерных войск. Позади него стояла его жена, одетая в короткую юбку из птичьих перьев красного и синего цвета. Ее рыжие волосы были завиты, лицо выкрашено красными с белыми ромбами, на шее висело ожерелье из костей пальцев, поперек груди был нарисован инфтара, а вокруг пупка — три концентрических окружности — малинового, черного и желтого цвета. По обычаю абуталов, она сопровождала своего мужа в бой. Если он умирал, ее долгом было атаковать его убийц, пока она не убьет их или не погибнет сама.

Оба приблизились к холму, пока Вольф не приказал им остановиться. Вала начала говорить, и мужчина заулыбался. Его жена, однако, внимательно следила за Валой во время этого разговора.

Глава 4

Лугарн, офицер, капитулировал только тогда, когда были согласованы определенные условия. Он отказался покинуть остров, пока не получит по крайней мере то, что намеревался захватить, начиная атаку. Вала не колебалась и обещала ему, что военными трофеями станут домашняя птица и животные (морские крысы и молодые тюлени) защитников. Кроме того, абуталы могут изуродовать трупы своих врагов и снять с них скальпы.

Островитяне плавучего острова, который назывался Фринкан, возражали, когда услышали эти условия. Тогда Вольф сказал их вождям, что, если они не примут условия, война будет продолжаться. И он, Вольф, не станет на их сторону. Конечно, они ответили, что сделают так, как он хочет. Абуталы отняли у жителей деревни все, что сочли ценным и нужным.

Другие Властелины — Лувах, Эньен, Аристон, Тармас, Палалброн — были в деревне, когда началась атака. Они очень удивились, увидев Вольфа, и не могли скрыть зависти к его лучемету. Только Лувах оказался рад видеть его. Лувах, самый низкорослый из всех, с волосами песочного цвета и красивыми чертами лица, имел, однако, широкий и пухлый рот, что несколько его портило. Его глаза были темно-голубыми, по переносице бежали дорожки веснушек. Он обнял Вольфа и крепко сжал, и даже чуть не всплакнул. Вольф разрешил ему обнять себя, потому что верил — Лувах не воспользуется возможностью заколоть его. Когда они были детьми, то крепко дружили, имели много общего, будучи оба фантазерами, склонными позволять другим думать и делать, что те хотят. Фактически Лувах никогда

не принимал участия в смертельных играх Властелинов, пытавшихся лишить других собственности или убить.

— Как нашему отцу удалось выманить тебя из твоего мира? Ты был там счастлив и в безопасности, — спросил Вольф.

Лувах криво усмехнулся и объяснил:

— Я мог бы спросить тебя о том же. Возможно, он проделал тот же трюк и с тобой. Он прислал посыльного — сверкающую Гексакулум, она поведала, что послана тобой. Ты хотел, чтобы я навестил тебя, потому что ты страдаешь от одиночества и хочешь повидать своего единственного родственника, не жаждущего твоей гибели. Поэтому я, приняв, как я думал, необходимые предосторожности, покинул свою планету. Я вошел, как считал, в твои "врата" и очутился на этом острове.

Вольф покачал головой и заметил:

— Ты всегда был слишком стремительным, брат, слишком опрометчивым. И все же я преисполнен уважения к тебе, как к человеку, пренебрегшему собственной безопасностью, чтобы навестить меня. Только...

— Только мне следовало бы быть осмотрительным и увериться, что посыльный прибыл действительно от тебя. В другое время я так бы и сделал. Но в тот момент, когда появилась Гексакулум, мои мысли были полны тобой, я скучал по тебе. Даже мы, Властелины, имеем слабости, ты же знаешь.

Вольф некоторое время молчал, наблюдая, как ликующие абуталы волокут домашнюю птицу, животных, нагребленные ожерелья и кольца из морских нефритов. Потом произнес:

— Мы, безусловно, в отчаянном положении. И наибольшую опасность представляет отец. Но почти равная, смертельная, угроза нависла и над теми, кто стал нашим союзником. Данное ими слово не убеждает меня в их честных намерениях. Я предлагаю тебе взаимную поддержку, мы будем спать и бодрствовать поочередно.

Лувах вновь усмехнулся:

— Однако во сне ты не забудешь держать один глаз приоткрытым, чтобы следить за мной, а, брат?

Вольф нахмурился, и Лувах поспешно продолжал:

— Не сердись, Джадавин. Нам с тобой удалось прожить так долго лишь потому, что мы не утрачивали взаимного доверия, причем поступали так с самыми благими намерениями. Подумать только, ведь было время, когда все мы, двоюродные братья и сестры, жили, учились и играли вместе, благословенные невинностью взаимной любви. Теперь же мы словно злые волки, готовые перегрызть друг другу глотки. А почему, спрашивается? Я скажу тебе. Потому что Властелины — сумасшедшие. Они считают себя богами, тогда как в действительности они самые

обыкновенные люди, не лучше вот этих дикарей. Только нам посчастливилось быть наследниками могущественной науки и техники, достижением которой мы пользуемся, не понимая ее законов. Подобно злым детям, мы забавляемся "игрушками", способными создавать и разрушать целые миры. Великие и мудрые люди, придумавшие эти "игрушки", давно почили, знание их обратилось в прах, и лишь технология, унаследованная у космических государств, продолжает существовать, используемая единственно для утех и удовлетворения алчности.

— Мне все это хорошо известно, брат, — согласился Вольф, — возможно, даже лучше, чем тебе, поскольку было время, когда я сам наслаждался эгоизмом и пороками. Мне многое пришлось пережить, — когда-нибудь я расскажу тебе, — и собственный горький опыт пробудил во мне человеческую сущность, которую, надеюсь, ты сможешь оценить.

Абуталы спустили с абуты огромные лестницы, увлекаемые вниз тяжелым грузом. Награбленное добро привязали к направляющим веревками и подняли к отверстиям в донной части острова. Так же подняли и те планеры, которые еще можно было починить. Вольф устроился в упряжке, прикрепленной к паре пузырей; двигаясь вверх, он держал лучемет наготове, поскольку отдавал себе отчет, что находится во власти абуталов и те вполне могут его прикончить. Но, как ни странно, никто не проявил враждебности. Вольф прошел через отверстие, две ухмыляющиеся женщины подхватили его. Они оттащили его в сторону и сняли упряжь. Затем отнесли пузыри и бросили их в самом дальнем углу.

Когда подняли всех Властелинов, Лугарн со своей женой Ситаз отвели своих союзников в верхнюю часть острова. Ступени, изготовленные из весьма тонкого и легкого материала, но очень прочные, представляли собой уплотненную оболочку газовых пузырей. На абуте, где газ считался жизненно важным, все делалось как можно более легким. Это повлияло даже на разговорный язык, как заметил потом Вольф. В целом их речь отличалась от языка предков незначительно, но фонетический строй претерпел некоторые изменения. Кроме того, появились новые слова, уточняющие понятия, связанные с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальным и горизонтальным направлениями движения.

Лестничный колодец представлял собой цилиндр, вырезанный в сплетении корней. Поднявшись по нему, Вольф очутился в своего рода амфитеатре. Полом просторного помещения служили широкие полосы оболочек пузырей, а покатые стены и потолок были огромными пузырями, связанными корнями. На обширной палубе находилось только одно общественное здание

с крышей, покрытой тростником, а также длинная, скрытая со всех сторон постройка, предназначенная для увеселений. В доме имелись плоские камни, на которых каждая семья готовила пищу. В проходах копошилась домашняя птица, бегали морские крысы, а в глубине пруда играли тюлени, каждый около центнера весом, их разводили на мясо. Ситаз отвела новоприбывших в предназначенное для них помещение. Комнаты в виде небольших кабинок были вырезаны в корнях, а полом и стенами служили все те же оболочки пузырей. Двери заменяли вырезанные в полу отверстия, куда поднимались с помощью складных лестниц. Свет проникал через единственный иллюминатор; для освещения также использовались лампы, заправленные рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать два шага. В качестве кроватей использовались ниши в стенах, по форме напоминающие гроты, забросанные матрасами из перьев, набитых в рыбью кожу. Большая часть дневной и ночной деятельности проходила на главной палубе. Уединяться было негде, кроме капитанского мостика.

Вольф ожидал, что абуталы тотчас же отплывут, подняв якоря. Однако Лугарн сказал, что им придется некоторое время подождать. Во-первых, острову необходима большая высота, чтобы лететь над открытым морем. А бактериям, вырабатывающим газ в пузырях, потребуется, даже при усиленной подкормке, самое меньшее, два дня, чтобы наполнить пузыри, иначе полет будет отнюдь не безопасным.

Во-вторых, при сражении абуталы понесли огромные потери, людей явно не хватало, чтобы эффективно управлять островом, поэтому Лугарн предложил последовать древнему обычаю и пополнить команду, завербовав фринканов. Убедившись, что гости благополучно разместились, Лугарн вернулся на поверхность. Вольф с любопытством последовал за ним. Вала тоже сопровождала их, хотя была ли это просто прихоть или она собиралась не спускать с него глаз — этого Вольф не знал. Возможно, это решение было продиктовано и тем и другим. Лугарн объяснил вождю фринканов, что от него требуется. Вождь удрученно махнул рукой, давая понять, что ему все равно. Лугарн собрал выживших и огласил свое предложение. К удивлению Вольфа, многие пожелали стать добровольцами. Вала сказала, что эти два народа были заклятыми врагами, но сейчас фринканы ослаблены, и, кроме того, молодежь привлекает романтика жизни на летающем острове.

Лугарн осмотрел добровольцев и выбрал тех, кто проявил себя во время битвы. В первую очередь он старался взять женщин, особенно с детьми. Последовала церемония ритуальной пытки, заключавшаяся в прижигании паха кандидата или кан-

дидатки. Обычно захваченного противника пытали до смерти, если он не проявил в бою должной стойкости и смелости. Потом его могли принять в племя.

При крайней необходимости, как в данном случае, пытали символически.

Позднее, когда остров отплывет, новобранцы пройдут церемонию, в которой каждый смешает свою кровь с кровью абуталов. Это предотвратит месть, поскольку кровное братство считается священным.

— Есть и другая причина, по которой полет откладывается, — сказала Вала. — Абуталы всегда стремятся принять к себе пленников. Их ссылки на бактерии не очень правдивы.

Вала была теперь очень дружелюбной и настаивала на том, чтобы проводить с ним все время. Она даже стала снова называть его Уивкрат — термин Властелинов, означавший "дорогой". Она опиралась на его руку всякий раз, когда представлялась возможность, и однажды даже легонько поцеловала его в щеку. Вольф не ответил на ласку. Даже теперь, пятьсот лет спустя, он не забыл, что когда-то они были любовниками и она пыталась убить его.

Вольф отправился к "вратам", через которые вошел. Вала увязалась следом. На ее вопросы он ответил, что хочет еще разок поговорить с Теорионом.

— С этой морской жабой? Чего ради? Что он может знать?

— Посмотрим.

Они приближались к "вратам". Теориона не было видно. Вольф прошелся по краю острова, чувствуя, что то тут, то там суша проседает под его весом. Очевидно, пузыри в этих местах были не такими полными.

— Сколько таких островов есть на планете и каков их максимальный размер? — спросил он.

— Не знаю. За время, что я здесь, мы видели два, фринканы говорят, что таких островов множество. Они упоминали еще о матери островов, самом большом острове, имеющем, если верить слухам, огромные размеры. Все остальные летающие острова приблизительно одного размера. Слушай, зачем нам говорить об этих скучных материях? Разве нам нечего вспомнить?

— Что же? — осведомился Вольф.

Она повернулась к нему, приблизив лицо так, что раскрытые губы чуть не коснулись его подбородка.

— Почему бы не забыть прошлое? В конце концов, прошло так много времени, мы были тогда так молоды и глупы.

— Сомневаюсь, чтобы ты сильно изменилась.

Вала улыбнулась:

— Почему ты так уверен? Разреши мне доказать, что теперь я совсем другая.

Она обняла его и положила голову ему на грудь.

— Кое в чем я действительно стала другой. Но ведь я любила тебя когда-то и теперь, когда я вижу тебя снова, понимаю, что никогда не переставала любить тебя.

— Даже тогда, когда попыталась убить меня в моей постели? — спросил он.

— Ах это, дорогой мой, я была уверена, что ты изменяешь мне с противной и хитрой Алаградой. Я думала, что ты предал меня. Можно ли бранить женщину, которая сходила с ума от ревности? Ты ведь знаешь, какая я собственница.

— Даже слишком хорошо. — Вольф оттолкнул ее и добавил: — Еще ребенком ты была эгоисткой. Эгоистичны все Властелины, но ты своего рода уникум, что я тогда в тебе нашел?

— Ах мерзавец! — воскликнула она. — Ты любил меня, потому что я — Вала. Вот и все.

Вольф покачал головой:

— Возможно, когда-то так и было. Но теперь прошло. И никогда не повторится.

— Ты любишь другую? Я знаю ее? Это, случаем, не Анада, не моя ли глупая и кровожадная сестра?

— Нет! — отрезал Вольф. — Анада кровожадна, но не глупа. Ведь она не попалась в ловушку Уризена. Кстати, почему я не вижу ее здесь? Или с ней что-нибудь случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась:

— Понятия не имею. Но твое беспокойство доказывает, что ты ее любишь. Анада! Кто бы мог подумать!

Вольф не пытался убедить ее в обратном. Он счел неразумным упоминать о Кризейс, пусть даже Вала никогда с ней не встречалась. Не стоило рисковать.

Вала повернулась и спросила:

— А что случилось с твоей девицей — землянкой?

— Какой "землянкой"? — переспросил он, ошеломленный ее злобой.

— Как "какой"? — скривилась Вала. — Я имею в виду эту Кризейс, смертную, которую ты привез с Земли около двух с половиной столетий назад. Из района Земли под названием Троя или что-то в этом роде. Ты сделал ее бессмертной, и она стала твоей возлюбленной.

— Как и несколько тысяч ей подобных, — заметил он. — Почему именно она привлекла твое внимание?

— Не спорь, я все знаю, ты и впрямь стал выродком, мой брат Вольф — Джадавин.

— Тебе даже известно мое земное имя — имя, которым я предпочитаю называться? А как много ты еще знаешь? И почему это так тебя интересует?

— Просто я всегда отличалась любопытством по отношению к Властелинам, — усмехнулась Вала, — вот почему я и остаюсь так долго в живых.

— А не подскажешь ли ты, отчего умерло так много других?

Ее голос снова стал нежным, и она улыбнулась:

— Нам нет причин ссориться. Почему бы не оставить прошлое в прошлом?

— Ссориться? О нет! Что прошло, то прошло, если только оно действительно было, только вот Властелины никогда не помнят хорошего и не забывают обид. И до тех пор, пока ты не убедишь меня в ином, я буду считать тебя прежней Валой. Такой же прекрасной, может, даже более прекрасной, чем раньше, но с черной, гнилой душой.

Она попыталась улыбнуться:

— Ты всегда был слишком резок. Может, поэтому я тебя и любила. И как мужчина ты был лучше других, ты был самым великим из моих любовников.

Она ждала, что он вернет ей комплимент, но вместо этого он ей сказал:

— Любовь — вот что творит любовников, и я тебя любил. Но все в прошлом.

Вольф повернулся и вновь зашагал по краю берега. Вала следовала за ним на расстоянии двадцати футов. Почва местами прогибалась под его ступнями. Он помедлил, чтобы Вала догнала его, и сказал:

— На дне, должно быть, много пещер, как можно вызвать Теориона?

— Никак, а пещер действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей, по болезни или от старости, или их съедают рыбы, которым они приходятся по вкусу. Тогда образуется каверна, хотя постепенно она заполняется новыми растениями.

Вольф отложил сведения в уголок памяти на случай, если дела пойдут плохо, он понял, что всегда сможет найти укрытие под островом. Вала, очевидно, догадалась о его мыслях — дар, который удивлял его, когда они были дружны, — поскольку заметила:

— Я бы туда ни за что не отправилась: вода кишит рыбами-людоедами.

— Как справляется Теорион?

— Не знаю. Вероятно, он превосходит их силой и быстротой. В конце концов он приспособился к такой жизни, если это можно назвать жизнью.

Вольф решил махнуть рукой на Теориона. Он направился назад, в джунгли. Вала шла следом. Теперь он позволил ей идти

сзади. Она слишком нуждалась в нем, чтобы покушаться на его жизнь.

Он прошел почти двадцать ярдов, когда был сбит с ног ударом сзади. Сначала он подумал, что Вала все-таки прыгнула на него. Он откатился, стараясь одновременно выхватить из кобуры лучемет, и тогда только увидел, что сбит другим. Огромное, блестящее тело Теориона летело на него. Жирная туша навалилась на Вольфа, и его дыхание прервалось от тяжести. Потом Теорион уселся верхом на Вольфа и стал жестоко бить его по лицу. Первый удар привел Вольфа в полубессознательное состояние, второй — вверг его в темноту.

Глава 5

Хотя Вольф и лишился на несколько мгновений чувств, он, видимо, даже в бессознательном состоянии продолжал бороться. Вытащив обе руки из-под навалившейся туши, он схватил ласты. Какими бы они ни были скользкими, их удалось зажать. Способность ясно мыслить вернулась к Вольфу в тот момент, когда он в ярости сдавил ласты так, что Теорион завопил от боли и приподнялся. Этого оказалось достаточно, Вольф пнул противника в толстый живот и освободился.

Поднявшись на ноги, Вольф еще раз ударил ногой в самую чувствительную часть туловища чудовища — в голову. Теорион схватился за лоб и откинулся назад. Вольф двинул ему в челюсть, потом еще раз пнул его в живот. Зеленые, как мох, глаза потускнели, лягушачьи ноги подогнулись, и Теорион рухнул на землю.

Однако он не потерял сознания, и когда Вольф приблизился, чтобы завершить дело, Теорион ударил его громадной ступней. Вольф перехватил ступню и, таким образом, блокировал удар, но все же его отбросило назад. Теорион вскочил, пригнулся и снова прыгнул вперед. Вольф тоже бросился на противника, выставляя правое колено. Удар пришелся Теориону в подбородок, и оба снова упали на землю. Вольф поднялся, нащупывая лучемет, но не обнаружил его в кобуре. Теорион тоже поднялся, оба противника стояли лицом друг к другу, только теперь ощущая боль.

Благодаря особым средствам естественная сила Вольфа была увеличена вдвое, и его кости окрепли, чтобы соответствовать возросшей мускулатуре. Однако подобный подготовительный курс прошли все Властелины, так что, борясь друг с другом, они обладали сравнительно одинаковой мощью. Теорион, чье тело переделал Уризен, весил теперь по крайней мере на сто шесть-

десят футов больше брата. Но Уризен, очевидно, ненамного увеличил силу Теориона, так как Вольф еще выглядел более крепким. Хотя вес, конечно, имеет большое значение в борьбе, и Вольфу следовало держаться настороже, чтобы не дать братцу воспользоваться этим преимуществом.

Теорион, отдышавшись, рявкнул:

— Я из тебя еще выколочу дух, Джадавин! А затем нырну в море, оттащу в пещеру и буду держать там, скармливая своим любимцам.

Вольф огляделся. Вала стояла поодаль, странно улыбаясь. Он не стал тратить силы и время, прося ее о помощи. Подпрыгнув в воздухе, Вольф ударил Теориона обеими ногами. Урод на мгновение замер, потом присел. Именно на это Вольф и рассчитывал. Он провел удар снизу, но Теорион оказался весьма проворен. Скользнув ботинками по спине чудовища, Вольф перелетел через него и тотчас же развернулся. Теорион, надеясь смять его, прыгнул, но был остановлен ударом в челюсть.

Для большей уверенности Вольф врезал ему пару раз по ребрам.

Вала зааплодировала:

— Хвалю, хвалю, недаром я любила такого мужчину и все еще люблю...

На этот раз Теорион не поднялся, он лежал, шумно сопя размозженным носом. Теплый котиковый мех пропитался кровью, сочившейся из разбитых губ и сломанной челюсти.

— Почему же ты не помогла мне? — поинтересовался Вольф.

— В этом не было нужды. Я и так не сомневалась, что ты выбьешь из этого болтливого мешка все его жабьи мозги.

Вольф тщетно искал в траве лучемет. Вала, продолжая стоять на месте, спросила:

— Почему ты не воспользовался ножом?

— Не стоило, мне он нужен живой, мы возьмем его с собой.

Глаза ее широко раскрылись:

— Во имя Лоса, зачем?

— Нам могут понадобиться кое-какие его способности.

Теорион застонал и сел. Вольф, не спуская с него глаз, продолжал поиски. Наконец он повернулся к Вале:

— Ладно, детка, давай сюда оружие.

Вала пошарила в одежде и вытащила лучемет.

— Я ведь могу тебя убить.

— Ну что ж, стреляй, только не морочь мне голову пустой болтовней. Меня не напугаешь.

— Ах так! Держись! — Она в ярости подняла лучемет. На какое-то мгновение Вольф решил, что слишком раздразнил ее.

Ведь отличаясь болезненным самолюбием и отменной реакцией, Властелины редко спускают оскорбления.

Но Вала нацелила свое оружие на Теориона, и белый луч коснулся конца ласта. Заклубился дым, засмердила горящая плоть. Теорион рухнул наземь, испустив вопль, глаза его выпучились.

Вала с улыбкой опустила лучемет и вручила его Вольфу.

Тот выругался и заметил:

— Для стрельбы не было никакой причины, кроме твоей злобы, Вала. Злобы и глупости. Я же сказал тебе, что он мог бы стать спасением для нас во многих вопросах жизни и смерти.

Вала медленно прошла по влажной траве и наклонилась осмотреть Теориона. Подняв ласт с обугленным концом, она заметила:

— Он жив... пока. Его еще можно спасти, если так хочешь. Но ласт придется ампутировать по плечо.

Вольф молча повернулся и отправился позвать нескольких абуталов, чтобы они помогли переправить Теориона на летающий остров.

С помощью четырех пузырей это было сделано. Там его уложили на полу Б р и г а. Это была клетка с очень легкими, но крепкими как сталь прутьями из расщепленных оболочек пузырей. Вольф принялся за операцию. Силой влив лекарство, которое дал лекарь, в горло Теориона, Вольф осмотрел хирургический инструмент. Он принадлежал колдуну, который заботился как о физическом, так и духовном благоденствии жителей острова.

Воспользовавшись пилой из акулоподобной рыбы, Вольф отпилил ласт чуть ниже плеча. Плоть расчленилась легко, но вот, чтобы перепилить кость, потребовалось дважды менять зубья. Затем шаман прижал к культе горящий факел, чтобы закупорить кровоточащие сосуды, и наложил на ожог целебную мазь, уверяя Вольфа, что чудодейственное средство помогало вовсе обгорелым.

Вала наблюдала за ампутацией с легкой усмешкой. И когда Вольф, на секунду оторвавшись от работы, встретился с ней взглядом, рассмеялась. Он пожал плечами. Прекрасный чарующий смех напомнил ему звуки гонга, слышанные им некогда на реке Гизирит, во время путешествия по стране Хакшем, на третьем этаже своей вселенной. В них так же звучали золотистые нотки, и это единственное, с чем можно сравнить. Звук его отдавался в камнях и зарослях джунглей. Хотя гонг был бронзовым, набат его звучал золотом. И вот так же звенел смех Валы — бронзово и золотисто, — полный потаенного и темного чувства.

Она сказала:

— Он никогда не отрастит себе новый ласт, ты ведь знаешь, что, если постоянно не счищать струпья, ткань зарубцовывается и не регенерирует.

— Вот это уже не твоя забота, — отрезал он. — Все, что могла, ты уже сделала.

Вала фыркнула и поднялась по винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что Теорион не умер, последовал за ней. Там обучали обязанностям принятых в племя фринканов, и Вольф заинтересовался. Он спросил Лугарна, чем питаются огромные газовые растения, ибо ему казалось, что корм должен иметь гигантский вес. А на летающем острове было по крайней мере тысяча пузырей, каждый из которых — размером с газовую камеру цеппелина.

— Растущий пузырь действительно надо кормить, — принялся объяснять Лугарн. — Но когда растение созреет, пузырь отмирает. Его оболочка становится сухой и твердой, и ее специально обрабатывают, чтобы сохранить гибкость и способность растягиваться. Внутрь же помещают новые колонии газовырабатывающих бактерий. Им тоже нужна пища, но в весьма незначительном количестве, а газа они вырабатывают много. На корм им идет главным образом сердцевина растений, хотя бактерии могут питаться и рыбой, и мясом, и гнилью.

Некоторое время спустя Лугарн оставил его, сославшись на занятость. Лунные сумерки кончились, и вернулся полный дневной свет. Остров с силой натягивал веревки. Наконец Лугарн решил, что грузоподъемность достаточна и пора отправляться в путь. Каменные якоря подняли, веревки, закрепленные на фрондах, обрубили. Медленно поднимаясь, остров проплыл над полуразрушенной деревней. Некоторое время он оставался на высоте ста пятидесяти футов. Потом, по мере того как газ продолжал наполнять пузыри, поднялся до пятисот футов. Лугарн приказал уменьшить подачу пищи бактериям и отправился на обход острова. Осмотр занял у него несколько часов, после чего он вернулся на мостик.

Вольф опустился посмотреть, как чувствует себя Теорион. Колдун доложил, что самочувствие пациента хорошее, даже лучше, чем можно было бы ожидать.

Вольф поднялся по лестнице на вершину стен. Здесь он обнаружил Луваха и одного из кузенов, Палалброна, прекрасно сложенного красавца, самого темного в семье. Его конусообразную шляпу с шестиугольным ободком украшали изумрудно-зеленые совы. Черная мантия со стоячим воротником и эполетами в форме львиных лап была сделана из зеленой мерцающей ткани с узором трилиотина, пронзенного окровавленным

копьем. Рубашку цвета электрик украшала отделка из канта с белыми черепами. Большой кожаный пояс был отделан золотом и украшен бриллиантами, изумрудами и топазами. Мешковатые брюки — с белыми и черными полосами. На ногах ботинки из мягкой кожи красного цвета.

Палалброн был исключительным красавцем, о чем и сам хорошо знал. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа и ушел. Тот глядел ему вслед, усмехаясь:

— Палалброн никогда не питал ко мне нежных чувств. Я бы встревожился, если бы он вдруг изменил ко мне свое отношение.

— Пока мы на летающем острове, можно не беспокоиться, — заметил Лувах. — По крайней мере, если поиск не слишком затянется. Хотел бы я знать, как долго он продлится. Так можно вечно летать над этим морем и никогда не наткнуться на "врата".

Вольф посмотрел на красивое небо, сине-зеленую воду и островок, который они покинули, — кусочек дрейфующей суши, с высоты кажущийся не больше монетки. Чуть поодаль кружили белые птицы с огромными крыльями, желтыми кривыми клювами и оранжевыми круглыми глазами. Одна из них с резким криком опустилась рядом с тем местом, где они стояли, подняла голову и уставилась на них немигающими глазами. Вольфу вспомнились вороны собственного мира. Есть ли у этих птиц хоть капля разума? Следили ли они и подслушивали для Уризена? У отца наверняка имелись способы наблюдения за ними, иначе бы он не получил бы полного удовлетворения от этой игры.

— Лугарн сказал мне, что абута следует всегда одним и тем же курсом. Ветер здесь постоянный, и он гонит остров вокруг водного мира по спиральной орбите. Так что в конечном счете полет острова охватывает всю поверхность планеты.

— Но остров, на котором находятся "врата", также двигается. Что, если наши курсы никогда не пересекутся?

Вольф пожал плечами:

— Тогда мы не найдем его.

— Этого-то Уризен и добивается. Вот уж он порадуется, когда увидит, как все мы свихнемся тут от безделья и перегрызем друг другу глотки.

— Вполне вероятно. Однако курсом абуты можно управлять. Поиски, конечно, потребуют времени, но шанс есть. Вот только... — Вольф умолк и молчал так долго, что Лувах забеспокоился:

— Что "только"?

— Наш добрый отец поселил здесь не только разумные существа, я имею в виду не рыб, животных, птиц. Так что следует

ожидать, что некоторые водные и воздушные острова населены злобными существами.

Снизу раздался голос Валы, сзывающей на обед. Собеседники спустились и расположились за столом вождя. Лугарн рассказал о своих планах. Он намеревался изменить курс абуты, поскольку где-то на юго-западе дрейфовал еще один остров, которым правил его злейший враг Ваериш. Теперь, когда здесь находится Вольф с лучеметом, они без труда разделаются с ними. Победа покроет Лугарна славой, Ваериша навсегда похоронят в океане.

Вольф не стал возражать. Он только надеялся, что Ваериша не найдут, поскольку хотел сберечь заряды для более важных дел.

Ярко-красные дни и бледно-розовые ночи тянулись однообразно. Лишь первое время для Вольфа нашлось занятие. Он разузнал все, что смог, об управлении абутой. Тщательно изучил нравы племени и характер каждого ее члена. Другие Властелины, за исключением Валы, не интересовались подобными вещами. Большую часть времени они проводили, слоняясь по носовой части, высматривая остров, на котором располагались "врата" Уризена. Они вечно сетовали на судьбу, изливая душу то абуталам, то друг другу, и постепенно задирались, правда не доводя дело до дуэли.

По мере того как проходили дни, Вольф все больше проникался к ним отвращением. Они явно не стоили того, чтобы спасать их, всех, за исключением, пожалуй, Луваха. Высокомерие Властелинов к тому же раздражало абуталов. Вольф неоднократно напоминал собратьям, что их жизнь зависит от островитян. Стоит только разгореться антагонизму, и пришельцев тут же выбросят за борт. Сначала к его советам прислушивались, но прошло время, и тысячелетняя вера в свою богоподобность вновь овладела Властелинами.

Вольф целые дни проводил на мостике с Лугарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, бездумно создаваемую его братьями и кузенами. Он также посещал занятия по планеризму, поскольку человек, не умеющий управлять крыльями, не мог рассчитывать на уважение со стороны абуталов. Вольф как-то спросил Лугарна, почему это так, поскольку считал планеры пустой тратой времени.

Вопрос удивил Лугарна. Вождь отыскал слова и сказал:

— Почему?.. Просто потому, что так и есть. Ни один мужчина не станет мужчиной, пока не совершит взлет и посадку. А уж говорить, что планеры не стоят хлопот!.. Нет, ты тут заблуждаешься. Подождите, вот придет день, когда мы встретимся с врагом, и тогда все вы возьмете свои слова обратно.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Они с Лугарном сели в тренировочный планер, и два пузыря поднимали его вверх, пока абута не превратилась в крошечный овал. На этой высоте ветер дул сильнее, и они на несколько миль обогнали остров. Лугарн, выступавший в роли инструктора, отцепил подъемный механизм. Пузыри потянулись вниз на абуту с помощью тонкой, но крепкой веревки — чтобы их снова использовать.

Будучи Джадавином, Вольф имел представление о самых различных типах летательных аппаратов. На Земле он получил лицензию, разрешающую ему пилотировать одномоторный самолет. Он уже давненько не летал, но старые навыки не забылись. Когда планер начал спускаться по спирали, Лугарн передал ему рычаг управления. Потом похлопал Вольфа по плечу, одобрительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина шла по ветру, слегка отклоняясь в сторону, и в последний момент приземлилась на широкой палубе.

Вольф совершил еще пять тренировочных вылетов, причем два последних — с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух один, Лугарн был поражен: ведь большинству новичков требовалось вдвое больше времени. Вольф поинтересовался, что будет, если выполняющий самостоятельный полет ученик не сможет посадить планер на абуту. Как островитяне подбирают его?

Лугарн улыбнулся, поднял руки ладонями кверху и сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на эту тему не говорили. Но перед первым самостоятельным полетом Лугарн просил Вольфа оставить лучемет на абуте. Вольф передал оружие на хранение Луваху, поскольку не думал, что тот употребит его во зло. Во всяком случае, вероятность была намного меньше, чем если довериться кому-нибудь другому.

Лугарн также выразил желание побрататься с ним. Услышав об этом, другие Властелины принялись глумиться.

— Неужели Джадавин, сын Уризена, прямой потомок самого Лоса, станет братом вождя раскрашенных дикарей? Неужели нет у тебя гордости, брат?

— Не вам говорить о братстве, — ответил он. — Эти люди по крайней мере не пытались меня убить — чего нельзя сказать о вас, если не считать Луваха. И не вам презирать их, ведь они хозяева собственного мира, тогда как вы скитальцы, попавшие в ловушку, как безмозглые гуси. Так что не спешите кичиться, а лучше постарайтесь подружиться с островитянами. Может случиться так, что их расположение вам очень понадобится.

Теорион, прижимая к груди полуотросший ласт, сидя на корточках в мелком бассейне, воскликнул:

— Проклятие всем вам! Уризен в конце концов захлопнет ловушку и будет долго наслаждаться вашими воплями. Но вот что я скажу о Джадавине. Он — настоящий мужчина, не то что вы. И я желаю ему удачи. Пусть он доберется до нашего любимого папочки и отомстит, а вы — сдохнете.

— Закрой свой безобразный рот, ты, жаба! — закричал Аристон. — У меня спазмы в желудке, когда я тебя вижу. А уж слушать тебя — не дай бог! О, как бы мне хотелось очутиться в своем мире и видеть тебя, закованного в цепи у моих ног. Я быстро бы заставил тебя молить о пощаде, мерзкое животное. А потом бы скормил твою жирную тушу своим любимым псам. О, мои прекрасные любимцы!..

— Размечтался! — съязвил Теорион. — Погоди, как-нибудь ночью я сброшу тебя с этого острова. Вот уж я посмеюсь, глядя, как ты будешь молотить кулаками воздух, летя вниз!

— Довольно детских пререканий! — оборвала Вала. — Разве вы не знаете, что любая ссора меж нас восторгает отца?! Он порадуется от души, если вы растерзаете друг друга на куски.

— Вала права! — заметил Вольф. — Вы называете себя Властелинами, творцами, правителями всех миров. Однако ведете себя, как избалованные злые дети. Даже если вы в немалой степени ненавидите друг друга, помните, что тот, кто научил вас этой ненависти и возвел на эшафот, жив. А он должен умереть. Даже если нам самим придется погибнуть, чтобы удостовериться в его смерти. Так что потрудитесь жить, как подобает Властелинам, и достойно встретить конец.

Неожиданно Аристон рванулся к Вольфу. Его лицо побагровело, рот перекосился. Остановившись перед братом, который был явно сильнее, Аристон с такой яростью махнул рукой, что его шафранового цвета мантия с пурпурно-зеленой вышивкой распахнулась.

— Довольно я натерпелся, ненавистный брат! — вскричал он. — Больше я не намерен сносить твои оскорбления. Он, видите ли, лучше нас, потому что стал ближе к человеку! Говорю тебе я, не смей нас равнять с этими скотами! Ненавижу тебя, как ненавидел всегда! Ты ничто!.. Ты подкидыш!..

С этими словами (надо заметить, что для Властелина нет худшего оскорбления, чем обвинение в том, что он не является потомком избранной расы) Аристон схватился за нож.

Вольф согнул колени, готовясь к схватке и до последнего надеясь, что все устроится миром. Престиж Властелинов сильно упадет, если они начнут ссориться на глазах абуталов.

В этот момент с гондолы на носу острова раздался крик. Тотчас забили барабаны, и островитяне побросали свои дела.

Вольф схватил пробегавшего мимо аборигена и поинтересовался, что за шум.

Мужчина указал на небо. Вольф повернулся и увидел на фоне красного небосвода темный силуэт.

Глава 6

Еще на бегу к мостику Вольф увидел второй темный силуэт, потом еще два. Его охватило смутное беспокойство, предчувствие того, что сейчас произойдет нечто необычное. Поначалу он не отдавал себе отчета в причине смятения, но внезапно понял, в чем дело: темные пятнышки двигались под прямым углом к ветру.

На мостике Лугарн приказал Вольфу остаться с ним. Что касается Властелинов, то настало и для них время отработать свое содержание. Лугарн слышал, как они похвалялись своей силой. Пусть же действуют мечами, как языками, и подтвердят слова делом.

Связь на летающем острове во время боя осуществлялась барабаном. Приказы тем, кто находился во внутренних помещениях, передавались через проходы в боковых частях и через отверстия в дне. Всю абуту пронизывала сеть тонких трубок. Изготовленные из костей рыбы гиролы, они обладали хорошей звукопроводимостью. Голос по этим трубкам был слышен на расстоянии до семидесяти пяти футов. На более далекие расстояния сигнал передавался кодом, выстукиваемым молотком.

Вольф наблюдал за Лугарном: приказы командира выполнялись быстро и четко, чувствовалась хорошая выучка. Даже дети по мере возможности брались за поручения, высвобождая, таким образом, взрослых для более трудных и важных дел. Вале, которая тоже поднялась на мостик, Вольф заметил:

— Мы, так называемые божественные Властелины, могли бы многому поучиться у этих, так называемых дикарей в том, что касается сотрудничества.

— Не сомневаюсь, — согласилась Вала и, посмотрев на воздушный океан, добавила: — Их уже шесть, кто это?

— Лугарн называет их нечиллорами, но у него не было времени объяснить подробнее. Имей терпение, довольно скоро все прояснится. Думаю, даже слишком скоро.

К этому времени к планерам уже прикрепляли подъемные пузыри. Пилоты рассаживались по кабинам, а люди из "наземной службы" подвешивали к крыльям взрывчатые пузыри-бомбы. Вдоль строя планеров прошел колдун, облаченный в мантию и в маску. Он нес двойной анкх, которым благословлял пилотов

и машины: останавливаясь перед каждым планером, он тряс двойным анкхом и произносил заклинания. Лугарн терял терпение, но не осмелился поторопить колдуна. Как только последний из двадцати пилотов получил благословение, подкрепленное соответствующим заклинанием, Лугарн подал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом тотчас подняли на тысячу футов над островом и затем взмыли еще выше.

Лугарн сказал:

— Они освободятся от смертельного груза, как только нечиллоры окажутся в пределах досягаемости. Да ведет их Лос. Немногие уцелеют, но гнезда разобьют...

— Их уже восемь, — заметил Вольф.

Ближайший из нападавших находился не далее как в полумиле. Странное сооружение имело форму шара. Его диаметр равнялся тремстам ярдам. Неопределенность очертания объяснялась множеством отростков. Поросль скрывала газовые пузыри, образовавшие неправильные концентрические окружности. На поверхности сфероида-гнезда виднелись сотни коричневых кругов.

"Воздушный помет", — подумал Вольф. Лугарн указал рукой на небо, и Вольф увидел несколько маленьких темных точек.

— Разведчики, — пояснил Лугарн, — нечиллоры не начнут атаки, пока не получат данных.

— Кто они такие, эти нечиллоры?

— Вот один спускается, чтобы рассмотреть нас поближе.

Вольфу удалось разглядеть нечиллора. Огромные пятидесятифутовые крылья с черными перьями росли прямо из широченных плеч, завершая безволосый, почти человеческий торс. Четко виднелась грудная клетка, ниже — живот с пупком. Тонкие, с огромными ступнями ноги походили скорее на лапы с когтями. Сзади торчал длинный черный хвост с перьями. Лицо было человеческим, за исключением носа. Тот торчал на несколько футов и походил на хобот слона. Пролетая над островом, нечиллор пронзительно затрубил.

Лугарн бросил взгляд на лучемет Вольфа, но тот покачал головой и объяснил:

— Не стоит раскрываться перед ними раньше времени. Тем более что запас снарядов у меня ограничен. Подождем, может, удастся сразить одним выстрелом нескольких.

Нечиллор, тяжело взмахивая крыльями, летел к ближайшему гнезду. Крылатые люди являлись, несомненно, работой Уризена, поместившего их сюда ради собственного удовольствия. Род их наверняка брал начало от человеческих существ, переделанных в колбах лаборатории. Их вполне могли похитить из других миров, возможно даже, что некоторые имели земное

происхождение. Теперь же они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушном гнезде, носимом ветром над просторами бескрайнего океана. Питались они главным образом рыбой, которую ловили клювами, подобно пеликанам. Но когда попадались надводные или летающие острова, нечиллоры сеяли смерть, пожирая свежее человеческое мясо.

Теперь Вольф разглядел, каким образом гнезда движутся против ветра. Сотни нечиллоров, ухватившись клювами за отростки, усиленно махали крыльями. Отвратительная небесная колесница была запряжена самыми странными птицами, которые когда-либо существовали.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, черные крылья замерли. Постепенно сокращалось расстояние до других гнезд. Два сфероида опустились, чтобы атаковать дно острова, два — облетели и заняли позицию с противоположной стороны.

Лугарн невозмутимо ожидал, пока нечиллоры приготовятся к атаке.

Вольф поинтересовался, почему он не приказывает планерам атаковать.

— Если отпустить планеры раньше, чем подойдут основные силы противника, то нечиллоры поднимутся и преградят им путь, — пояснил Лугарн. — Планеры просто не смогут пробраться среди них. Только если мы отвлечем основные силы крылатых людей на себя, у планеров будет шанс пробиться к гнездам. Я это знаю по собственному опыту.

— Почему же нечиллоры не уничтожат сначала планеры? — удивился Вольф. — Ведь так для них было бы намного разумнее.

Лугарн пожал плечами:

— Я бы на их месте так и поступил. Но они почему-то следуют всегда одной и той же тактике, по-моему, природа лишила их не только рук, но и ума. Правда, ступни и хобот до некоторой степени заменяют им руки, но орудиями труда они пользуются значительно реже, чем мы.

— Могу предложить еще одно объяснение, если угодно. Возможно, нечиллоры, сознательно предоставляя планерам возможность действовать, находят в этом своего рода удовольствие. Скажем, они самонадеянны — подобно морским орлам, нападающим на акул, которые весят на тысячу фунтов больше, чем они сами, нападают несмотря на то, что, даже прикончив эту злобную тварь, не в силах удержать ее на поверхности.

Ветер донес до абуты бормотание и рев сотен голосов. Неожиданно наступила тишина. Потом, медленно подняв руку, Лугарн застыл, настороженно озираясь. Воин, стоявший

с пузырем в руках возле каменной чаши с горящими углями, не спускал с командира глаз.

Тишина прервалась дружным воплем нечиллоров, затрубивших в змеиные носы. С оглушительным громыханием они поднялись с гнезд и сложили крылья в первом взмахе. Лугарн махнул рукой. Воин тотчас же опустил короткий фитиль пузыря в огонь и выпустил его. Пузырь взмыл на пятьдесят футов вверх и взорвался.

Планеристы отцепили подъемные пузыри и устремились каждый к предназначенному ему гнезду. Вольф взглянул на темные тучи приближающейся орды и почувствовал, что теряет веру в лучемет. Неся большие потери, абуталы все же отбили атаку. Но положение по-прежнему оставалось серьезным.

В этот миг над головой Вольфа тенью промелькнула белая птица с огромными крыльями. Ее крик донесся до Вольфа, и он подумал, не была ли она "оком" Уризена? Не следил ли отец за ними с помощью мозга и глаз этой птицы? Если так, то зрелище битвы, несомненно, наполнит радостью его жестокое сердце.

Тем временем нечиллоры, которых было так много, что они походили на черные тучи, окружили остров. Замедлив приближение, они принялись описывать круги вокруг абуты, все время уменьшая дистанцию. На острове лучники напряженно ждали, когда вождь отдаст приказ открыть огонь. Женщины, вооруженные пращами, также замерли в ожидании.

Лугарн знал, что, разместив людей вдоль стен, он ослабил бы оборону и сконцентрировал защитников на носу ауты. Ничто не мешало нечиллорам совершить посадку на дальнем конце острова. Однако они не опускались, не полагаясь на свои слабые ноги.

Вольф поискал взглядом планеры. Некоторые скрылись из поля зрения, атакуя гнезда, находившиеся под дном острова. Другие продолжали кружить, опускаясь к цели. Из гнезда навстречу им пустились нечиллоры.

Два планера пролетели мимо ближайшего гнезда, скинув на шар дымящиеся бомбы. Хлопая крыльями, к ним тотчас же направились женщины-нечиллорки. Раздался взрыв, ввысь взметнулся язык пламени. Почти сразу же рвануло еще раз.

Оба планера резко взмыли вверх и развернулись для нового захода. Снова упали бомбы. Огонь мигом распространился по сухим веткам и охватил газовые ячейки. Нечиллоры завизжали так пронзительно, что не стало слышно хлопанья крыльев этой орды. Торопливо покидали они горящее гнездо, держа пальцами ног детей. Шар разлетелся на части; осколки задавили женщин, обжигая и переворачивая их вверх ногами. Выроненные

дети камнем падали в море, беспомощно трепеща короткими крылышками.

Вольф увидел, как одна нечиллорка сложила крылья и стремглав кинулась к ребенку. Подхватив его у самой воды, она направилась к еще целому гнезду.

К этому времени уже два шара, разлетевшиеся на части, падали в океан. Около сотни нечиллоров отделились от кольца, осаждавшего абуту, и устремились к планерам, которые виднелись далеко внизу, готовясь к посадке на воду.

Гнезда, находящиеся на одном уровне с островом, были недосягаемы для лучемета. Понадеявшись, что с двумя гнездами внизу абуты дело обстоит иначе, Вольф сообщил Лугарну о своем намерении спуститься по пятидесятифутовой лестнице к отверстию в днище. Как он и ожидал, вражеские шары находились совсем близко, и он взмахом лучемета, включенного на полную мощность, поразил оба сфероида. Гнезда рухнули с такой силой, что его чуть не скинуло с площадки взрывной волной. Отверстие в днище окуталось дымом, и когда он рассеялся, Вольф увидел летящие во все стороны куски растительности. Тела детей и женщин, как гирьки, падали в море.

Воины-нечиллоры не оставляли попыток пробраться в донные отверстия. Вольф вдвое уменьшил мощность лучемета и очистил пространство от нападающих. Затем пробежал вдоль сходен, останавливаясь у каждого входа, чтобы снова пустить в ход оружие. Он насчитал по меньшей мере сотню атакующих. Некоторым из них удалось пробиться сквозь ряды защитников к отверстиям в дальнем конце острова. Ему потребовалось некоторое время, чтобы уничтожить их, так как приходилось соблюдать осторожность при стрельбе, поскольку в днище располагалось множество несущих пузырей.

Хотя Вольф уничтожил многих нападающих, со всеми ему было не справиться. Остров был слишком велик, чтобы он мог обойти все днище.

К тому времени как он снова поднялся к люку, нечиллоры предприняли еще одну массированную атаку. Восточная часть острова представляла собой кружащую, воющую, взвизгивающую толпу. Повсюду валялись трупы.

Лучники и пращники понесли тяжелые потери во время первых двух атак. Но когда нечиллоры вновь ринулись на штурм, завязался рукопашный бой. Единственным оружием крылатых людей являлись мощные крылья и когти на ногах. Взмахом крыла нечиллор сбивал защитника с ног, а затем прыгал на оглушенного и рвал его кривыми когтями. Абуталы защищались копьями, с плоскими наконечниками, усеянными

зубами акул, и ножами, изготовленными из бамбукообразного растения.

Вольф принялся методично расстреливать нечиллоров, находящихся на главной палубе. Властелины сражались плечом к плечу, рубя нападающих мечами. Тщательно целясь, Вольф уничтожил окружающих их нечиллоров. Какая-то тень опустилась на него, он упал и выстрелил вверх. На палубу свалилось два нечиллора, крыло одного покрыло Вольфа, как знамя. Морщась от рыбного запаха, Вольф выбрался как раз вовремя, чтобы убить еще двоих, прижавших Лугарна к стене. Жена командира стояла рядом, когда копье крылатого воина попало ей в грудь. Ее лицо и тело были истерзаны, и нечиллор, одурманенный запахом горячей крови, уже принялся вспарывать ей живот, вытягивая за собой внутренности.

В течение следующей минуты Вольф находился в смертельной опасности. По меньшей мере двадцать нечиллоров напали на него со всех сторон. Он кружился, как волчок, рассекая огненным лучом нападающих. Потом забрался на гору трупов поближе к воздуху. Бой кипел вовсю. Вольф стрелял по всем направлениям и обычно попадал в цель, хотя в пылу сражения два абутала попали под его смертоносный луч. Этого нельзя было избежать, и он был счастлив, что не убил больше.

Абуталы, несмотря на отчаянное сопротивление, потеряли половину своих людей. Даже помощь Вольфа не спасала положения. Нечиллоры теснили защитников острова. Огромные потери, казалось, нисколько не поколебали их решимости разгромить врага, даже если для этого придется пасть всем до одного.

Вольф снова очистил от атакующих пространство вокруг Властелинов. Залитые вражеской кровью, они твердо стояли, размахивая мечами. Вольф крикнул, чтобы они собрались вокруг него, Властелины сдержат крылатых воинов, а он тем временем будет стрелять поверх них. Стоя на куче трупов нечиллоров, упираясь ногами в скользкие тела, он хладнокровно продолжал обстрел. Внезапно он понял, что у него осталось только два зарядных боеприпаса для крепости Уризена, но, видно, ничего не поделаешь. Если не пользоваться лучеметом — их ждет неминуемая смерть.

В тот же миг раздался крик Валы. Он взглянул вверх, куда она указала. По небу стремительно двигался темный предмет — черная комета. Она появилась в то время, когда все были охвачены боем.

Стоявшие неподалеку абуталы тоже взглянули вверх и, издав вопль, отчаянно побросали оружие. Не обращая внимания

на крылатых воинов, островитяне сломя голову кинулись к ближайшему люку. Но и нечиллоры взглянули на небо, чтобы узнать причину паники, и их тоже охватил ужас. Они поднялись в воздух, чтобы спрятаться в гнездах или спастись под островом.

Вольф не бросил лучемет, но, подобно другим, ринулся к ближайшему укрытию. Лугарн рассказывал ему о черных кометах, время от времени появляющихся над планетой, так что Вольф представлял себе последствия.

Вольф мчался к люку, когда раздался свистящий звук. Над поверхностью главной палубы появился дым, а на стенах — дыры. Нечиллор, нависший на высоте десяти футов над островом, неистово замахал пятидесятифутовыми крыльями, пронзительно заревел и рухнул на палубу. Кожа его была продырявлена в нескольких местах, крылья дымились. Повсюду на палубу падали крылатые люди, а вместе с ними — абуталы. Трупы подергивались от ударов раскаленных капель.

Ударом ртути, или, как его здесь называли, живого серебра, у Вольфа выбило из рук лучемет. Наклонившись, он подобрал его и возобновил бег. На минуту перед люком образовалась пробка: Властелины расталкивали друг друга, ругались и взывали к Лосу. Некоторые даже молили Уризена и поминали умершую мать.

На какое-то мгновение у Вольфа мелькнула дикая мысль: расчистить себе путь лучеметом. Именно так поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Оставаться снаружи означало быть убитым. Каждая секунда была дорога.

Однако каким-то образом толпившиеся пробились в люк, и уже другие пробивали себе путь к спасению.

Что-то раскаленное прожгло Вольфу одежду, свистнуло над ухом, задело затылок. Вольф сиганул вниз головой и, пролетев вдоль невысокой лестницы, приземлился на обе руки, выпустив при падении лучемет. Палалброн, вставший у люка в следующий пролет, вскрикнул и нырнул в отверстие. Вольф заглянул в колодец и увидел, что все Властелины попадали в кучу, крича и ругаясь. Палалброн восседал сверху. Однако никто вроде не пострадал.

В другое время бы Вольф рассмеялся. Теперь же он был слишком занят соскабливанием горячей ртути с волос. Затем осмотрел ноги и, удостоверившись, что раскаленные капли лишь задели его, спустился по лестнице. Следовало укрыться как можно ниже. Если ртутный ливень продолжится, верхние палубы будут разрушены. А если огненные капли поразят большие пузыри, то останется лишь сказать всему — прости-прощай.

Глава 7

Вала со смехом приветствовала его в полумраке шарообразного отсека. Это был отнюдь не истерический смех. Вала испытывала подлинное наслаждение от такого поворота событий. Вольф не сомневался, что, будь здесь светлее, он, несомненно, разглядел бы в ее глазах счастливый блеск.

— Рад, что ты находишь это смешным, — произнес он. Его качало от усталости, кровь нечиллоров покрывала его с головы до ног, одежда прилипала к телу. — Ты, Вала, всегда была со странностями. Даже ребенком обожала всех дразнить и жестоко подшучивать. А став женщиной, испытывала куда больше удовольствия от вида крови, страданий, чем от любви.

— Не забывай, я — Властительница, — сказала она. — Дочь своего отца. И, как можно было бы добавить, — сестра своего брата. Ты был точно таким же, Джадавин, пока не превратился в сентиментального человекоподобного Вольфа-выродка и полуземлянина. — Приблизившись и понизив голос, Вала добавила: — Я уже давненько ни с кем не спала, Джадавин. И ты не касался женщины с тех пор, когда прошел через "врата". А ведь я знаю твою мужскую силу, ты страдаешь, если не получишь женщину хоть раз в день... Отбрось свою непонятную ненависть ко мне! Пойдем. На острове найдется сотня темных и теплых укромных местечек, где нам никто не помешает, я прошу тебя.

Вала говорила правду: как мужчина, он был действительно силен. И теперь Вольф чувствовал, как им овладевает желание, которое он день за днем подавлял. А по ночам, ложась в постель, он занимал свои мысли планами борьбы с отцом, стараясь обдумать тысячи случайностей и найти способ уберечься от них.

— Сперва кровавый пир, а на десерт вожделение и страсть, — произнес он. — Не я возбудил тебя, а удары клинков и вид крови.

— И то и другое, — сказала Вала и протянула ему руку: — Пойдем со мной.

Вольф покачал головой.

— Нет! И давай больше не будем об этом говорить. Между нами все кончено раз и навсегда.

Она процедила сквозь зубы:

— Так скоро будет кончено и с тобой, еще никто не смел...

Она резко повернулась и ушла. Потом некоторое время спустя Вольф увидел ее, разговаривавшую с принцем Палалброном, затем оба удалились в полумрак переходов.

В первое мгновение он собирался вернуть их. Ведь они, в сущности, дезертировали со своих постов. Опасность нападения нечиллоров, похоже, миновала, но если ртутный ливень

усилится, то капли ртути могут серьезно повредить или даже разрушить остров.

Вольф пожал плечами и отвернулся. В конце концов, его никто не уполномачивал распоряжаться. Властелины согласились сотрудничать лишь формально, а о мерах наказания вообще не было сказано ни слова. Кроме того, любую попытку с его стороны остановить парочку расценили бы как проявление ревности. И нельзя сказать, что подобное объяснение было бы лишено оснований. Ему действительно было больно, когда Вала ушла с другим мужчиной. Очевидно, что она все еще нравилась ему. Что поделать, если эхо чувств, которые он питал к ней более пятисот лет назад, все еще сохранилось в его сердце, и даже предательство не стерло приятных воспоминаний.

Вольф осведомился у Лугарна:

— Как долго длится такой ливень?

— Около получаса, — ответил вождь. — Капли проносятся вместе с черной кометой. Мы называем их смехом Уризена. Только Уризен, жестокий и кровожадный бог, мог создать такую напасть. Он наслаждается страданиями своего народа.

Лугарн относился к Уризену иначе, чем Властелины. За многие тысячелетия, которые потомки Властелинов провели на этом острове из-за попавших в ловушку своих предков, имя Уризена стало олицетворять злобное божество в пантеоне абуталов.

Послышался грохот, и Вольф на мгновение испугался, решив, что лопнул газовый пузырь на заднем конце острова. Однако скоро выяснилось, что это взорвалось гнездо нечиллоров. Оно попало под концентрированный поток капель, несущие пузыри стали один за другим выходить из строя. Наконец цепная реакция охватила весь сфероид, и он разлетелся на куски.

Вольф подошел к Теориону, сидящему в углу на корточках, и попытался заговорить с ним. Брат бросил на него взгляд, полный ненависти и страданий, несколько минут оба молчали. Наконец Теорион беспокойно заерзал и произнес:

— Отец говорил мне, что его крепость находится на планете Аппирмадзум. Вокруг нее вращаются еще четыре планеты, каждая из которых примерно такого же размера, как эта. И все удалены от Аппирмадзума не более чем на двадцать тысяч миль. Планеты неновые, отец создал их как серию примерно пятнадцать тысяч лет назад, но держал закрытыми, их "врата" действовали лишь тогда, когда через них проходил отец, потому они не поддавались обнаружению.

— Так вот почему я видел тоже три планеты, — сказал Вольф. — Они располагаются квадратом, и одна скрыта Аппирмадзумом.

Его не интересовало, каким образом тела таких больших размеров удерживаются в сравнительной близости и тем не менее не пересекаются с исхоженными путями (наука Властелинов была вне его понимания). Они унаследовали и использовали силы, принцип действия которых уже не понимали. Достаточно было того, что они им владели.

Недостаток знаний делал Властелинов уязвимыми. У каждого из них имелось множество машин и механизмов, но если что-нибудь ломалось, терялось или было украдено, Властелину ничего не оставалось, как похитить подобную вещь у соседа, если у того еще имелся аналог. Поэтому оборонительные сооружения, какими бы неприступными они ни казались, всегда имели бреши. Но обнаружить их можно было, только непрестанно нападая. Так что, несмотря на беспомощность в данный момент, Вольф не терял надежды на победу.

Ожидая, пока прекратится ртутный ливень, он размышлял. Из уголка мозга всплывала мысль, уже давно беспокоившая его и не имеющая, казалось бы, никакого отношения к происходящим событиям. Подсознательно он продолжал тревожиться о Кризейс, помочь которой в данный момент ничем не мог.

Имена отца, братьев и сестер, кузенов не переставали удивлять Вольфа, с тех пор как он восстановил в памяти свою жизнь Джадавина, Властелина мира Тнерса.

Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теорион, Палалброн, Эньен, Аристон, Тармас, Ринтрах — эти имена очень походили, а иногда и полностью совпадали с теми, что упоминал Уильям Блейк в своих символических и дидактических произведениях о Властелинах и таинственных космогонах. Это не могло быть простым совпадением. Вольф был убежден в этом, но как прознал про них английский поэт-мистик? Встретил ли он какого-нибудь изгнанного Властелина, скитающегося по Земле, и тот по неизвестной причине поведал о своих собратьях землянину? Может быть, Блейк использовал некоторые эпизоды из жизни Властелинов как основу своих апокалипсических стихов? Хотя, конечно, он сильно исказил услышанные истории.

Когда-нибудь, если он выберется из этой ловушки, надо будет поискать его на Земле, а также порасспрашивать тех Властелинов, которые решатся побеседовать с ним.

Ртутный град прекратился. Выждав для полной уверенности еще полчаса, островитяне вернулись на главную палубу. Глазам их предстало печальное зрелище: настил был сожжен и исковеркан, стены испещрены пробоинами настолько, что корни и листья превратились в лохмотья. Особенно сильно пострадала гондола — от нее остались одни обломки. Всю палубу усеяли капли ртути.

Теорион произнес:

— Ртутный ливень нельзя сравнивать с метеоритным. Капли летят всего лишь сотню миль в час, когда входят в атмосферу, и, прежде чем достигнуть поверхности, еще больше снижают скорость и распадаются на брызги. И все же...

Он махнул ластом, указывая на причиненный ущерб.

Вольф посмотрел вокруг. Уцелевшие гнезда медленно удалялись. У крылатых людей хватало своих забот, им было не до атаки.

Лишившиеся крова нечиллоры так перегрузили один из сфероидов, что он заметно терял высоту.

Лугарн был мрачен. Огромные потери среди островитян сильно затрудняли маневрирование острова и сделали невозможным его защиту в случае другого нападения. Племя останется беззащитным до тех пор, пока не подрастут дети. Однако не было никакой надежды, что за весь этот долгий срок не произойдет ни одного столкновения.

— Мой народ обречен, — сказал Лугарн.

— Положение серьезное, — согласился Вольф. — Но, в конце концов, вам же не обязательно затевать бой с каждым встречным островом над поверхностью океана. Вы как-то говорили мне, что единственным поводом для вражды между племенами служит сближение их островов. Так избегайте этого, а нечиллоры встречаются редко. Ведь вы, если я не ошибаюсь, натолкнулись на такое большое гнездовье пятнадцать лет назад.

— Что? Уклоняться от сражений?! — воскликнул Лугарн. От удивления у него отвисла челюсть. — Ну знаете... такое даже в голове не укладывается. Ведь мы прослывем трусами, а наши имена станут бранными словами в устах врага.

— Вздор, — возразил Вольф. — Как они разглядят вас, если вы не дадите им приблизиться. Это разъяснение для вас, если вы не можете отказаться от своих предрассудков.

И Вольф вместе с другими принялся расчищать остров. Мертвых и раненых нечиллоров выбросили за борт. Павшим в сражении абуталам устроили похоронную церемонию. Погребальный обряд совершил Лугарн, так как колдуну в стычке разбили голову. Тела погибших столкнули за борт, и их приняло море.

Днем и ночью остров медленно двигался по ветру. Долгими часами Вольф глядел на огромную сферу Аппирмадзума. До нее было две тысячи миль — так близко и одновременно недосягаемо. С таким же успехом она могла находиться и за миллион миль. Неужели нельзя отыскать способ попасть туда? В голове у Вольфа мелькнула идея — идея столь сумасшедшая, что он сам

посмеялся над собой. И все же, будь под рукой необходимые материалы, план можно было бы претворить в жизнь.

Абута пролетала над полярной облачностью, поверхность которой не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Но как только они меняли курс на сближение с абутой, Лугарн печально приказывал спасаться бегством. Клапаны по бокам острова регулировались так, чтобы придать ему боковое ускорение, и расстояние между летающими островами сохранялось неизменным. Через некоторое время противник прекращал преследование, не рискуя больше использовать газ, хранящийся в пузырях. Лугарн объяснил, что маневры абуталов при столкновении продолжаются иногда до пяти дней.

— Никогда не встречал людей, которые бы так стремились умереть, — откровенно высказался Вольф.

Однажды, когда уже всем Властелинам казалось, что они будут вечно летать над бескрайними просторами океана, раздался крик впередсмотрящего. Все сбежались.

— Мать всех островов! — кричал он. — Как раз впереди! Мать островов!

По сравнению с Матерью островов ее дети выглядели действительно небольшими. С высоты трех тысяч футов Вольф не мог окинуть взглядом плывущую массу от берега до берега. Остров был около двадцати миль в ширину и около тридцати миль в длину. Все на свете относительно, и Мать островов была на этой планете почти континентом.

Побережье изрезали заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. Некий катаклизм, возможно столкновение с другими островами, сморщили часть острова, образовав горы. И именно на вершине одной из них Вольф увидел "врата".

Шестиугольных сооружений из светящегося материала было два, и каждое по величине равнялось газовой камере цеппелина.

Вольф поспешил объявить новость Лугарну. Вождь уже знал о "вратах" и выкрикивал приказы. Он давно пообещал Вольфу выполнить соглашение: когда найдутся "врата", Вольф с лучеметом и Властелины смогут покинуть абуту.

Следовало торопиться и снизить летающий остров так, чтобы он пролетел над Митцой, Матерью островов, на желаемой высоте, прежде чем отправиться дальше. Поэтому Властелины, не мешкая, спустились на нижнюю палубу, где для них уже приготовили упряжки на пузырях для спуска. Они застегнули пояса вокруг плеч, груди и ног и пошли к отверстию. Лугарн и абуталы, пришедшие проводить гостей, стояли вокруг. Из всех Властелинов они попрощались только с Вольфом и Лувахом, расцеловали их и вручили по цветку молодого газового расте-

ния. Крикнув "до свидания", Вольф прыгнул в люк и устремился вниз со скоростью падающего парашютиста, за ним последовали остальные Властелины. Вольф метил на поляну между фрондов, но не принял в расчет ветер и врезался в верхушку дерева. Та спружинила, оборвав его падение. Остальные также приземлились успешно, хотя некоторые ушиблись. Теориону, весившему четыреста пятьдесят фунтов, выделили дополнительную упряжку, и он опустился быстрее других. Приняв удар на ноги, он упал, перекувырнулся и тут же с воплем подскочил, стукнувшись обо что-то головой.

Дожидаясь, пока все придут в себя, Вольф помахал рукой островитянам, выглядывавшим из донных отверстий. Летающий остров удалялся все дальше и дальше и вскоре исчез из виду. Властелины начали пробираться через джунгли к горе. Они держались настороже, так как видели с абуты много местных деревень. Однако на пути к "вратам" аборигены не встретились, и вскоре путешественники стояли перед возвышающимися г е к с а г о н а м и.

— Почему их двое? — осведомился Палалброн.

— Очевидно, загадка нашего отца, — пожала плечами Вала. — Одни "врата" ведут, очевидно, в его дворец на Аппирмадзуме. Другие — кто знает?

— Как же быть? — спросил Палалброн.

— Тупица! — не сдержалась Вала. — Конечно, придется идти на риск.

Вольф слегка улыбнулся; с тех пор как Вала поразвлекалась с Палалброном, она обращалась с ним с еще большим презрением. Палалброн был сбит этим с толку. Очевидно, он ожидал своего рода благодарности.

Вольф объявил:

— Мы все должны пойти в одни "врата". Было бы неразумно разъединять наши силы. Правильные "врата" или нет, но нам следует держаться вместе.

— Ты прав, брат, — согласился Палалброн. — Кроме того, если мы разделимся и одна группа доберется до Уризена и убьет его, то она захватит власть и, несомненно, предаст тех, кто пошел во второй группе.

— Призывая держаться вместе, я не имел этого в виду, — заметил Вольф. — Но мыслишь ты правильно.

— Макушкой он мыслит, — буркнула Вала, — из Палалброна такой же никудышный мыслитель, как и любовник.

Палалброн побагровел и схватился за рукоятку меча.

— Мне надоело сносить твои оскорбления, мегера! — гневно вскричал он. — Еще одно слово — и твоя голова повалится с плеч.

— Вам еще представится случай воспользоваться оружием, — вмешался Вольф. — Попридержите свой пыл для того, кто находится по ту сторону "врат".

Тут в сотне ярдов от них он заметил какое-то движение. За ними наблюдал туземец. Вольф не прочь был узнать, не пытался ли кто-нибудь из местных жителей пройти через "врата". Если попытки предпринимались, то исчезновение людей наверняка напугало аборигенов и место, возможно, считалось запретным.

Он интересовался реакцией туземцев также и потому, что рассчитывал в будущем на их помощь. Однако он просто не мог позволить себе потерять на расспросы ни одной секунды. Кризейс томилась в крепости Уризена, и каждая секунда в застенках причиняла ей не только моральные, но и физические страдания.

Вольф вздрогнул и постарался выбросить из головы мрачную картину, вставшую перед его мысленным взором. Следовало сосредоточиться на насущных делах.

Он окинул взглядом Властелинов, внимательно наблюдавших за ним. Хоть они и стали бы отрицать это, но в душе считали его вожаком. Вольф не был самым старшим, он был моложе одного из кузенов. Но когда наступал кризис, он действовал решительно и дальновидно. У него был лучемет. Однако главная причина крылась в другом: Властелины внутренне ощущали в нем некоторую *внутреннюю силу, которой не обладали сами*, хотя и это они стали бы отрицать, если бы их спросили. Его жизненный опыт как землянина Вольфа развил в нем умение в делах, которые прочими считались слишком низменными, чтобы марать себе руки. Избавленные от тяжелого труда и от необходимости заниматься простыми, или, на их взгляд, примитивными, вещами, они чувствовали себя потерянными. Когда-то Властелины создавали миры, теперь же стали не лучше дикарей, которых сами так презирали. Только Джадавин, или Вольф, как его стали теперь называть, был среди них единственным человеком, знавшим этот варварский мир.

— Те "врата" или эти... — пробормотал Вольф. — На все воля случая... ини мини мики мой.

— Что это за тарабарщина? — поинтересовалась Вала.

— Один из земных языков. Сейчас поймете. Поскольку Вала здесь единственная женщина...

— Но более мужчина, чем большинство из присутствующих, — съязвила она.

— ...поэтому, почему бы ей не выбрать, в какие "врата" войти? Думаю, что этот метод ничуть не хуже других.

— Сукина дочь в жизни не поступала правильно, — негодовал Палалброн. — Но, впрочем, пусть выбирает. Мы пойдем

не в те "врата", которые она укажет, а в другие, тогда уж точно не ошибемся.

— Дело ваше, — пожала плечами Вала. — Но я говорю, надо идти в эти "врата".

Она указала на гексагон справа.

— Что ж, прекрасно, — сказал Вольф. — Поскольку у меня лучемет, я пойду первым. Не знаю, что ждет меня по ту сторону. Скорее всего, там смерть, трудно сказать, какую форму она примет. Однако на прощание мне хотелось бы напомнить вам вот о чем. Было время, когда мы, братья мои, кузены и сестры, любили друг друга. Тогда была еще жива наша мать и мы были счастливы. Мы боялись отца, мрачного, страшного, далекого Уризена. Но не чувствовали к нему ненависти. Потом мать умерла. Как это случилось — никто не знает. Кое-кто, я в том числе, уверены, что мать погибла от руки Уризена. Ведь не прошло и трех дней после ее кончины, как отец взял в жены Арагу, Властительницу соседнего мира, и, таким образом, объединил ее и свои владения.

Но пусть убийца матери неизвестен, зато мы все знаем о том, что последовало за ее смертью. Уризен пожалел, что имеет детей. Он был одним из немногих, кто воспитывал своих отпрысков, как Властелинов. Ведь наша раса вымирает. Мы владеем бессмертием, мы обладаем властью, но род наш постепенно угасает. К тому же мы заплатили за свое могущество тем, что потеряли возможность любить.

— Ах, любовь! — усмехнулась Вала.

Послышались смешки. Лувах тоже улыбнулся, но сдержанно.

— Вы похожи на стаю гиен, — негодовал Вольф. — Да, гиен, на этих пожирателей падали — сильных, отвратительных и злобных животных, чье зловоние и мерзкие повадки вызывают везде негодование и презрение. Но даже они выполняют полезную функцию, чего нельзя сказать о вас. И я повторяю: любовь, я не боюсь этого слова, хотя оно ничего не значит для вас. Ведь прошли тысячелетия, с тех пор как вы испытывали нечто подобное. Да я уже говорил, мы узнали, что Уризен задумал погубить нас. Или, по крайней мере, сохранить жизнь, но отречься от нас и сослать на одну из захудалых планет, лишенную "врат", в одной из своих вселенных, чтобы мы вечно влачили жалкое существование там вместе с аборигенами и никогда не смогли бы нанести ему ответный удар. Мы сбежали. Он последовал за нами и попытался убить. Нам удалось выжить, уничтожив других Властелинов и завладев их мирами.

Шли годы, и мы забыли о своем родстве. Мы стали настоящими Властелинами — полными ненависти, интригующими друг

против друга, завистливыми собственниками. Убийцами, не щадившими ни себя, ни людей, населяющих наши миры.

— Довольно разглагольствовать, брат, — сказала Вала. — К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул, он понапрасну тратил время и силы.

— Я хотел сказать, что Уризен, сам не зная того, вполне мог оказать нам услугу. Возможно, нам как-то удастся воскресить в себе детскую любовь, вновь вспомнить, что мы кровные братья. Жить, как подобает...

Вольф запнулся; лица, обращенные к нему, напоминали лики каменных идолов. Время разгладит их черты, любовь — никогда.

Он повернулся и шагнул в правые "врата".

Глава 8

Поскользнувшись, Вольф упал на бок и покатился по гладкой стеклянной поверхности вниз с горы, на вершине которой стояли "врата". Склон, по которому он катился вниз, был сухим и скользким, хотя создавалось впечатление, что он смазан маслом. Несмотря на все старания притормозить свое падение каблуками или ладонями, он продолжал нестись вниз.

Это было похоже на спуск по льду.

Скорость все возрастала. Изогнувшись, Вольф бросил взгляд вперед. Отлогий склон постепенно выравнивался, падение несколько замедлялось. Но все же он спускался со скоростью по меньшей мере триста пятьдесят миль в час, не имея возможности остановиться. Он лишь приподнял руку и голову, предохраняя их от ожога. Одежда перекрутилась и порвалась от трения, но нагрелась не сильно.

В пурпурном небе над краем горизонта показалась яркая луна — почему-то Вольф решил, что это луна. Арка выделялась на фоне неба темно-багровым пятном. Место не походило на дворец Властелина, он попал в другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, эта планета была приблизительно такого же размера, что и та, которую он только что покинул. И собственно говоря, не было никакой уверенности, что планета — одна из тех, которые он видел с поверхности водного мира.

Уризен сыграл с ним злую шутку. Он устроил "врата", переместившие его лишь на другую планету, вращающуюся вокруг Аппирмадзума. Другие "врата" водного мира привели бы его в мир Уризена. Но могли доставить и сюда же. Теперь узнать об этом уже невозможно.

Куда бы ни вел другой выход, было поздно что-либо изменить.

Он беспомощно попался в западню отца, фактическую западню, если смерть можно назвать фактической.

Вольф проскользнул, пожалуй, около двух миль, когда скат начал изгибаться кверху. Еще через полмили скорость замедлилась примерно до тридцати миль в час, хотя утверждать что-либо было трудно, поскольку имелись лишь косвенные данные. По правую сторону виднелись причудливые деревья. Но не зная их высоты и расстояния до них, он не мог точно определить скорость скольжения.

Еще несколько минут спустя склон резко оборвался, и Вольф вылетел за край уступа, не сдержав крика. Он падал в пропасть. Под ним в сорока — пятидесяти футах катила воды река. Противоположный берег был примерно в ста футах, образуя отвесную стену из того же стекловидного материала, по которому он катился от самых "врат".

Вольф падал в каньон, дергая ногами и пытаясь сохранить вертикальное положение. До реки оказалось не так далеко, как он думал, и, ударившись ногами, он погрузился в холодную воду. По инерции он ушел на глубину, потом выплыл. Течение быстро потащило его между стенами ущелья к изгибу. Перед тем как течение унесло его за изгиб реки, он успел заметить, что в воду упал еще один Властелин, третий взмыл над обрывом.

Вскоре стены ущелья расступились, и река расширилась, начались пороги, к счастью, камни были ровные и гладкие — очевидно, из того же стекловидного материала, поэтому он отделался несколькими ушибами. После порогов течение замедлилось. Вольф поплыл к берегу, полого поднимавшемуся из воды. Но выбраться из воды не смог, потому что все время соскальзывал по гладкой поверхности.

Не оставалось ничего другого, как плыть вдоль берега дальше и надеяться, что рано или поздно появится место, где удастся выйти из воды. Одежда, нож, лук и лучемет тянули его вниз. Вольф понимал, что нужно избавиться от груза, но откладывал это до последнего. Все же усталость одолевала, и он бросил лук и колчан со стрелами, еще через некоторое время отстегнул пояс с кобурой и ножны, а лучемет и нож сохранил. Еще немного спустя он освободился и от ножа.

Время от времени он оглядывался, различая вверх по течению восемь голов. Пока что все выжили, но если и дальше берега останутся неприступными, то всем придет конец.

Утонут, пожалуй, все, кроме, может быть, Теориона, который продержится в воде дольше любого из них, даже с одним полуотросшим ластом.

Именно тогда Вольфа осенило. Он поплыл против течения, пока не оказался рядом с Лувахом, Валой и Тармасом. Приблизившись, он крикнул им, чтобы они тоже плыли против течения, если хотят спастись.

Наконец появилась огромная маслянистая сине-черная туша Теориона, за ним следовали Аристон, Эньен и Ринтрах. Больше всех похвалявшийся, однако вошедший во "врата" последним, был Палалброн. Лицо его было бледным, он тяжело дышал.

— Спаси меня, брат! — крикнул он. — Я больше не могу, я умираю.

— Побереги дыхание, — отозвался Вольф.

Он обратился к Теориону:

— Ты нам нужен, брат. Именно ты, некогда презираемый нами, можешь нам помочь. Без тебя мы все утонем.

Теорион ухмыльнулся, с легкостью плывя против течения:

— Чего ради вам помогать? Ведь всем плевать на меня, вас тошнит от одного моего вида, не так ли?

— Ты никогда не был мне безразличен, — возразил Вольф. — Я никогда не говорил, что меня тошнит от твоего вида. Именно я настоял на том, чтобы ты отправился с нами. Потому что предвидел день, когда мы будем нуждаться в твоей помощи. Взгляни на свое тело: ты можешь сделать многое, что нам не под силу. По иронии судьбы, Уризен, устроивший нам эту ловушку, видно, не учел того, что сам превратил тебя в морское чудовище, способное выжить при таких обстоятельствах. Поступив неразумно, он предоставил в твоем лице средство к спасению.

Учитывая ситуацию, речь была длинновата, и Вольф запыхался. Тем не менее следовало подхвалить Теориона, ведь тому ничего не стоит бросить их умирать, да еще посмеяться, когда они пойдут ко дну.

Теорион задумчиво произнес:

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил сам себя?

Вольф кивнул.

— И как же я смогу спастись?

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться так, что выскочишь на берег, и можешь вытолкнуть на сушу одного за другим нас. Я знаю, ты сумеешь это сделать.

Теорион хитро усмехнулся:

— Чего ради мне выталкивать вас в безопасное место?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в этом странном мире, — объяснил Вольф. — Может, ты и выживешь, но будешь одинок. Сомневаюсь, что здесь найдется хотя бы еще живая душа. Тебе не с кем будет перемолвиться словом. Кроме того, нужно будет разыскать "врата", которые ведут из этого

мира. Сможешь ли ты найти их один? Как только ты вступишь на землю, тебе понадобятся товарищи.

— К черту вас всех! — крикнул Теорион и, не добавив ни слова, скрылся под водой.

— Теорион! — воскликнул Вольф.

Властелины принялись звать беглеца. Но тщетно приподнимались они над водой и оглядывали поверхность реки, с отчаянием поглядывая друг на друга. Тот не появлялся. На лицах Властелинов теперь не осталось и следа былого высокомерия.

Неожиданно Вала вскрикнула и, всплеснув руками, исчезла под водой. Она скрылась так быстро, словно ее потащили вниз.

Прошло несколько секунд. Наконец на поверхности показалась маслянистая голова Теориона и мгновение спустя рыжие волосы Валы. Длинные пальцы брата запутались в ее волосах, голову сестры он поддерживал ногой.

— Скажи, что сожалеешь! Скажи, что я не отвратительная медуза! Скажи, что я красивый! Обещай любить меня, как ты любила на острове Палалброна!

Вала рванулась, оставив между пальцами Теориона темно-рыжие пряди, и воскликнула:

— Я убью тебя, жалкий прыщ! Я еще далека от смерти. Но даже если бы я умирала, то уж лучше это, чем лебезить перед тобой!

Глаза Теориона расширились. Шлепнув по воде ногами, он отплыл от Валы и повернулся к Вольфу:

— Вот видишь! Так чего ради мне спасать ее или кого-нибудь из вас? Все равно вы будете ненавидеть меня, а я вас.

Палалброн завопил, яростно разбрызгивая воду:

— Спаси меня, Теорион! Я больше не могу! У меня нет сил! Я умираю!

— Помни, что я говорил об одиночестве, — тяжело дыша, произнес Вольф.

Теорион усмехнулся и нырнул, а вскоре он уже толкал перед собой Палалброна, упершись головой в ягодицы брата, загребая воды ластами. Палалброн выскользнул из воды на стекловидный берег, на расстояние, приблизительно равное двум его ростам. Там он остался лежать, дыша как загнанная лошадь. С одежды капала вода, изо рта стекала струйка слюны.

Одного за другим Теорион вытолкал всех на берег, где они остались лежать чуть живые. Только Вала отказалась от его помощи, собрав все силы, она продолжала плыть. Вольф только подивился ее мужеству. Приблизившись к берегу, она сильным броском бросила свое тело вперед и, медленно отталкиваясь локтями, поползла по покатому склону. Достигнув наконец

ровного места, она осторожно села. Затем окинула остальных презрительным взглядом:

— И это мои братья? Всемогущие Властелины вселенных? Кучка полузатонувших крыс — вот вы кто! Лизоблюды морского слизня, канючившие спасти свои жалкие жизни!

Теорион мощным толчком вытолкнул себя на берег и прошел мимо спасенных. На Валу он даже не взглянул. Вскоре все восстановили силы и дыхание и выбрались на ровную землю. Вид у всех был жалкий, так как почти все они порастеряли в воде одежду и оружие... Только Вольф и Вала были одеты. Но Вольф лишился всего своего оружия, кроме лучемета. Да еще у Валы сохранился меч. Если не считать мокрых волос, то не верилось, что девушка побывала в реке: ее платье было сшито из водостойкой ткани.

Лувах дважды пытался сделать хоть шаг, но оба раза шлепался на землю. Наконец он добрался до Вольфа ползком. Лицо его вновь порозовело, и веснушки уже не были так заметны. Он сказал:

— Отец поймал нас, как детей, играющих в прятки. Только из детей мы превратились в младенцев. Мы даже не можем ходить, только ползать. Как ты думаешь, что он еще задумал?

— Не знаю, — пожал плечами Вольф. — Уверен я только в том, что Уризен долго вынашивал свои планы. И теперь мне начинает казаться, что он создал все планеты, которые вращаются вокруг Аппирмадзума, только для того, чтобы мучить и испытывать нас.

Лувах безрадостно рассмеялся:

— И какая же награда ждет нас в конце всех мук и испытаний?

— Мы получим шанс пасть от руки отца или убить его.

— Неужели ты действительно веришь, что он поступит честно? Что не сделает свою крепость абсолютно неприступной? Не думаю, что он способен на такое.

— Честно? А что такое "честно"? Согласно неписаному закону, предполагается, что каждый Властелин оставляет в своей обороне лазейку, какой-либо дефект, который может использовать искусный противник. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но Властелинов убивают и лишают собственности. Властелинов, убежденных в своей безопасности, уверенных в том, что их защитные сооружения оградят их от атак более могущественных и умных соперников. Не думаю, чтобы победителям везло из-за слабых мест в системе защиты. Оборона оказывается уязвимой по другой причине. И причина эта заключается в том, что Властелины наследуют оружие. Больше его

взять негде: либо получить в наследство, либо отобрать у кого-нибудь другого. Наша раса растеряла древнюю мудрость. Вы стали лишь потребителями и расточителями. Поэтому Властелин теперь вынужден пользоваться тем, что имеет, а если уж он уверен, что в состоянии предусмотреть все непредвиденные обстоятельства, а мы знаем, что это невозможно, то, следовательно, в обороне волей-неволей оказываются лазейки, и тогда к Властелину действительно можно пробиться. Следует учитывать еще одно: Властелины сражаются за свою жизнь, и сражаются так, чтобы убить противника. Но большинство живет долго. И они устали от жизни. Они хотят умереть. Глубоко, в самом уголке разума, под толщей тысячелетнего сознания своего могущества и недостатка любви — они ищут смерти. Вот что делает их уязвимыми.

Лувах был удивлен:

— Ты в самом деле веришь в эту галиматью, брат? Я, например, ничуть не устал от жизни. Я и сейчас люблю так сильно, как и тогда, когда мне было сто лет. Другие стремятся к смерти ничуть не больше, они сражаются и будут сражаться за свою жизнь.

Вольф пожал плечами:

— Это только теория. Мысль пришла мне в голову, когда я был Робертом Вольфом. Став им, я понял то, чего не понимал раньше и что недоступно никому из вас.

Он подполз к Вале и попросил:

— Одолжи мне на минутку свой меч. Я хочу проделать опыт.

— Ты собираешься выяснить, легко ли отделится голова от шеи? — поинтересовалась она.

— Если бы я хотел убить тебя, то вполне мог бы воспользоваться лучеметом, — ответил Вольф.

Она вытащила короткий клинок и отдала Вольфу. Вольф легонько стукнул острием по стекловидной поверхности. Видя, что первый удар не оставил никакой отметины, он ударил посильнее.

— Что ты делаешь! — возмутилась Вала. — Прекрати, испортишь лезвие.

Вольф указал на царапину, оставленную вторым ударом.

— Похоже на царапину, сделанную на льду. Это вещество гораздо более твердое и стойкое, но в остальном напоминает замерзшую воду.

Он отдал ей меч и вытащил лучемет, установив его на полную мощность, и направил на ледяную поверхность. Стекловидное вещество покраснело, потом запузырилось и наконец потекло. Вольф выключил лучемет и вынул из выемки

жидкость. Остальные подползли, заинтересовавшись происходящим.

— Странный ты человек, — заметила Вала. — Ну кому бы такое пришло в голову?

— Зачем он это делает? — спросил Палалброн. — Глупость какая — вырезать дыры в поверхности. — К этому времени к Палалброну вернулось былое высокомерие.

— Нет, это не глупости, — возразила Вала. — Вольф любознателен, вот и все. А впрочем, ты, наверное, позабыл, что такое любознательность, Палалброн? Какой-то у тебя бледный вид... и движения вялые. А ведь еще недавно ты действовал куда оживленнее.

Палалброн вспыхнул, но ничего не сказал. Он наблюдал, как росла горка кристаллов на стенках выемки и вдоль царапины.

— Самовосстановление, — произнес Вольф. — Странно. Я прочитал все, что мог достать о древней науке предков, но нигде не встречал упоминания ни о чем подобном. Уризен, видимо, владеет знаниями, которые другие давно утратили.

— Может быть, эти знания достались ему от Красного Орка, — высказалась Вала. — Говорят, что Красный Орк знает больше, чем все остальные Властелины, вместе взятые. Он последний из старшего поколения. Ходят слухи, что он родился свыше полумиллиона лет назад.

— Говорят, говорят, — скривился Вольф. — А ведь на самом деле никто не видел Красного Орка. Сотни тысячелетий. Я лично считаю, что он давно умер и только легенда о нем продолжает жить. Но довольно об этом. Нам нужно найти следующую группу "врат", хотя трудно сказать, куда они нас приведут.

Он осторожно поднялся и сделал несколько шагов, медленно отступая. Стекловидная поверхность этой планеты не была бесплодной. В сотне ярдов виднелись редкие деревца, а между ними кусты в форме грибов. Тонкие спиральные стволы деревьев с красными и белыми полосами напоминали щипцы парикмахеров. Там, где начинался изгиб, росли ветви, походившие на два соцепленных горизонтальных кольца, их покрывали мягкие серые нити длиной около двух футов.

Обнаженный Ринтрах дрожал. Он произнес:

— Не холодно, но что-то тревожит меня так, что пробирает дрожь. Наверное, эта тишина. Вы только послушайте, как тихо.

Все замолкли. Слышался только отдаленный шелест — это ветер шуршал в кустах и мохнатых ветвях да журчала вода

в реке. Больше ничего. Ни пения птиц, ни рева животных, ни человеческих голосов. Только шум ветра и реки, да и он, казалось, звучал приглушенно, словно придавленный пурпурным небосводом.

Глянцевито-белое поле вокруг них простиралось во все стороны горизонта. Поодаль возвышалось несколько холмов, над ними выступала закругленная вершина горы, с которой они скатились. Им были отчетливо видны ее склоны и "врата" — крошечный темный предмет на самой верхушке.

"Как же нам выбраться? — подумал Вольф. — Без ключа здесь можно бродить вечно, но и это нам навряд ли удастся, если мы не найдем пищу".

Вслух он сказал:

— Я считаю, что нам нужно идти вдоль реки. Она течет вниз, следовательно, должна привести нас к какому-нибудь большому водоему. И то, что Уризен бросил нас в реку, может означать, что она является нашим проводником до следующих "врат", одних или... нескольких.

— Звучит логично, — заметил Эньен. — Но у твоего отца и моего дяди извращенный ум. Используя реку в качестве указателя, он вполне мог иметь в виду, что нам надо продвигаться вверх по течению.

— Возможно, ты и прав, кузен, — согласился Вольф. — Однако имеется только один способ выяснить истину. Я предлагаю идти вниз по течению, хотя бы потому, что так двигаться будет легче.

Он обратился к Вале:

— А что думаешь ты?

Вала пожала плечами:

— Не знаю. Я ведь ошиблась, выбирая "врата". Почему ты спрашиваешь меня?

— Ну как же, ты ведь всегда была ближе всех к отцу и лучше других должна знать его манеру думать.

Она слегка улыбнулась.

— Сомнительный комплимент! Но все же благодарю. Как ни сильна во мне ненависть к Уризену, я не могу не восхищаться им. Ведь он выжил там, где большинство его современников погибло. Ладно, коль уж ты меня спрашиваешь, скажу: я за то, чтобы идти вниз по реке.

— Есть еще мнения? — спросил Вольф. Для себя он уже сделал выбор, но не хотел, чтобы другие жаловались, если путь окажется неверным. Пусть все разделят ответственность за принятое решение.

Палалброн заявил:

— Я говорю "нет", я настаиваю, чтобы...

Глава 9

Ветер донес рев, и Властелины обернулись на звук. В нескольких сотнях ярдов вверх по течению реки из-за холма появилось высокое, как слон, животное. Оно стояло между двумя валунами, задрав верблюжью голову на длинной шее, украшенную оленьими рогами. Глаза у него были огромными, а зубы — длинными и острыми, как у плотоядных. Скошенное от плеч туловище, покрытое бурой шерстью, опиралось на тонкие, как у жирафа, ноги, оканчивающиеся растопыренными темно-синими чашами.

Увидев чашеподобные ступни, нетрудно было догадаться об их назначении. Они походили на присоски или вакуумные подушки и давали возможность передвигаться по гладкой поверхности планеты.

— Стойте спокойно, — распорядился Вольф. — Мы не сможем убежать, а если бы даже и могли, то бежать некуда.

Животное фыркнуло и не спеша направилось к ним, раскачивая шеей и время от времени оглядываясь. Правая передняя и левая задняя ступни поднимались одновременно, и чашки издавали чмокающие звуки. Животное делало шаг, и присоски закреплялись на новом месте. Затем аналогичным образом передвигались левая передняя и правая задняя ступни. Примерно в пятидесяти футах от Властелинов огромная тварь остановилась и, задрав голову, издала пронзительный вопль. Затем изогнула шею и, упершись челюстью в землю, стала скрести лед, скользя из стороны в сторону по глянцевитой поверхности.

Странные движения напоминали поведение земного быка перед нападением. Вольф установил лучемет на половинную мощность и стал ждать. Неожиданно тварь вновь задрала голову и, завизжав, как раненый кролик, галопом рванулась в атаку. Скакало чудовище значительно медленнее, поскольку присоски мешали развить скорость. Но Властелинам его продвижение показалось излишне стремительным.

Вольф позволил себе выждать некоторое время, дабы убедиться, что тварь не блефует. Когда же расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он направил лучемет в место сочленения шеи и груди. Бурый мех тотчас же задымился и почернел. Тварь вновь завизжала, но атаку не прекратила. Еще через мгновение Вольф понял, что при такой скорости она все-таки успеет до них добраться, и переключил лучемет на полную мощность.

Громадный зверь издал предсмертный вопль. Его тонкие ноги продолжали присасываться ступнями к земле, но они

подогнулись, и туловище осело. Шея ослабла, и голова вытянулась вперед, из клыкастой пасти вывалился пурпурный язык, светло-коричневые глаза остекленели.

Наступившую тишину прервал смех Валы:

— Вот и обед! Да, пожалуй, тут еще и на завтрак останется. И заметьте, что бифштекс уже поджарен.

— Если он только съедобный, — буркнул Вольф, глядя, как Вала с Теорионом, зажавшим нож ластом, вышли из укрытия и отрезали по кусочку полузапеченного мяса. Теорион отказался пробовать его. Тогда вперед выдвинулся Вольф, однако, как он ни берегся, через пару шагов его ноги скользнули в разные стороны. Вала с Теорионом, которые добрались до зверя, ни разу не упав, засмеялись.

Вольф поднялся и, продолжая свой путь, произнес:

— Раз смелых нет, то попробую мясо я. Что толку стоять и спорить, можно ли его есть или нет.

— Я не боюсь... — сказала Вала. — Просто мне противно. Оно так дурно пахнет.

Все же она откусила кусочек и, пожевав, с брезгливым видом проглотила. Вольф решил, что ему теперь рисковать незачем. Вместе с другими он принялся ждать. Когда же прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, тогда начал есть и Вольф. Остальные, кто ползком, кто по-стариковски шаркая, добрались до туши убитого зверя и разделили трапезу. Съедобного мяса было не так уж много, так как большая часть либо обуглилась, либо осталась сырой.

Вольф одолжил у Теориона нож и вырезал еще один кусок мяса. Затем с неохотой, жалея растрачиваемый заряд, пропек вырезку. Каждый Властелин взял по куску, и отряд двинулся вниз по реке. Вольф задержался на некоторое время, считая возможным отделить присасывающиеся ступни зверя и использовать их для передвижения. Но он отбросил эту идею, почувствовав толщину и жесткость костей и крепость связок между ногой и присосками. Мечом Валы можно было бы наверняка перерубить кости и сухожилия, но лезвие затупилось бы так, что стало бы непригодным.

После двухмильного продвижения ползком отряд приблизился к зарослям кустов на берегу реки. Крона кустарника простиралась во все стороны от грибовидного ствола длиной в три фута. Толстые винтообразные ветви, как и на деревьях, были покрыты волосками, вблизи напоминающими иглы. С концов ветвей свисали кисти темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну ягоду и понюхал. Запах походил на аромат ореха пекона. Кожура была влажной и гладкой. Пока он колебался, Вала вновь первой отведала незнакомый плод,

причмокивая от удовольствия. За полчаса она съела шесть штук, потом к ней присоединились остальные. Палалброн, решившийся последним, пожаловался, что ему мало оставили.

— Кто же виноват, что ты такой трус? — хмыкнула Вала.

Палалброн промолчал и лишь свирепо взглянул на нее.

Вала отошла, и за нанесенное оскорбление пострадал Теорион. Решив, что тот тоже насмехается над ним, Палалброн ударил Теориона по морде. Последний зарычал от ярости и прыгнул на обидчика, однако в последний момент поскользнулся и упал ему на ноги. Палалброн покатился, как сбитая кегля, еле увернувшись от молотящего плавниками Теориона. Оба в бешенстве предпринимали тщетные попытки вцепиться друг в друга.

Наконец Вольф, не разделяющий общего смеха, приказал прекратить драку.

— Пора наконец бросить эти детские выходки, которые только отнимают время. Предупреждаю, если еще раз повторится что-нибудь подобное, я сам займусь драчунами. И не лучеметом — жаль тратить заряды. Тех, кто начнет ссору, просто бросят одних или отправят назад. Наша сила в сплоченности, поэтому никаких раздоров быть не должно. Иначе Уризен лишь порадуется, видя, как мы уничтожаем друг друга.

Теорион и Палалброн обменялись плевками, однако драку прекратили. Молча скользя в бледно-пурпурном свете луны, отряд продвигался вперед. С приходом ночи тишина прекратилась. Откуда-то послышалось отдаленное блеяние, похожее на овечье и одновременно на коровье мычание, и мощный, будто львиный, рык. Пройдя еще одни заросли кустарника, путники увидели небольших двуногих животных, поедающих ягоды. Их тела покрывал коричневый мех. Большие щелевидные глаза поглядывали с мордочек, похожих на мордочки лемуров, уши торчали, как у зайцев. Верхние конечности кончались лапами, нижние присасывались дисками, сзади виднелись короткие кроличьи хвостики. Увидев пришельцев, они перестали есть и воззрились на Властелинов, подергивая носами. Убедившись, что незнакомцы не представляют собой опасности, они вновь вернулись к ягодам. Однако глаз с путников не спускали и время от времени на них по-собачьи лаяли.

В это время из-за холма вышло четырехногое животное размером с норвежского лося, покрытое желтовато-бурым мехом и лохматое, как овчарка. Очертаниями оно напоминало лису. Ноги его заканчивались тонкими костяными коньками, и он довольно быстро катил к двуногим. Те пролаяли тревогу, и все, как один, сорвались с места. Травоядные удирали со всей ско-

ростью, какую позволяли присоски, но волк-конькобежец двигался быстрее. Вожак двуногих, видя, что стаду не спастись, замедлил ход и отставал до тех пор, пока не поравнялся с самым медленным. Затем подтолкнул слабака, сбил его с ног и побежал догонять остальных. Упавший завизжал и попытался встать на присоски, но тут же был снова сбит рычащим волком-конькобежцем. Последовала короткая ожесточенная схватка, закончившаяся, когда челюсти волка сомкнулись на шее двуногого.

— Вот вам и объяснение царапин, которые мы замечали на поверхности, — произнес Вольф. — Некоторые представители местной фауны — конькобежцы.

Некоторое время он молчал. Насколько быстрее они могли бы передвигаться, если бы у них были коньки! Эта проблема угнетала его.

Отряд миновал еще одно животное — с длинной шеей, с туловищем гиены и оленьими рогами. Оно мирно вгрызалось в скалу, вырывала кусок массы и мерно жевало ее. Тварь не сводила с них глаз, рыча от наслаждения, упиваясь вкусом скалы, и ее желудок урчал, как испорченный водопровод в старом доме.

Путники отправились дальше и вскоре подошли на расстояние трехсот ярдов к стаду местного подобия антилоп, пасущихся на скалах. Молодые детеныши резвились, бегая друг за другом и прижимаясь к матерям. Самцы предостерегающе заревели на незнакомцев, а один даже попытался последовать за отрядом. Белую шкуру антилоп покрывали ромбовидные узоры, на голове красовались закрученные рога, ступни оканчивались коньками.

Вольф, уже подыскавший место для ночлега, повел отряд в изогнутую амфитеатром ложбинку, образованную четырьмя холмами.

— Первым на стражу встану я, — распорядился он. — Затем будет сторожить Лувах, потом — Эньен.

Эньен запротестовал и осведомился, на каком основании Вольф выбрал именно его.

— Ты, конечно, можешь отказаться выполнить свой долг, — холодно заявил Вольф. — Но если ты будешь спать, когда придет твой черед, то вполне можешь проснуться в челюстях вот такого красавца.

Он указал на что-то за спиной Эньена, и тот повернулся так быстро, что не удержался на ногах. Остальные тоже посмотрели туда, куда указывала рука Вольфа. С вершины одного из холмов на них глядело огромное гривастое животное. Кошачье туловище венчала голова коротконогого крокодила, а ступни оканчивались большими чашками-присосками.

Вольф переключил лучемет на половинную мощность и выстрелил. Грива зверя окуталась дымом, а сам он скрылся за холмом.

— Настала пора сосредоточить официальную власть в одних руках, — произнес Вольф. — До сих пор мы, а точнее — вы уклонялись от решений, хотя и не возражали против того, что командую я. Главным образом потому, что слишком ленивы и слишком заняты своими делишками, чтобы набраться смелости и взять на себя ответственность. Больше откладывать нельзя. Без вождя, чьи приказы будут незамедлительно и безоговорочно выполняться в случае необходимости, мы погибнем.

— Любимый брат, — сказала Вала. — Думаю, что ты уже доказал, что являешься человеком, способным повести за собой. Я голосую за тебя. К тому же у тебя есть лучемет, а это делает тебя сильнее всех. Конечно, если у кого-нибудь еще нет припрятанного оружия.

— Ты единственная, у кого достаточно одежды, чтобы спрятать оружие, — заметил Вольф. — Что касается лучемета, то он будет у стоящего на страже. Я не пытаюсь этим сказать, что доверяю вам. Просто полагаюсь на здравый смысл. Думаю, что у вас хватит ума не использовать лучемет в корыстных целях. Утром же, надеюсь, мне вернут оружие.

Все согласились, за исключением Палалброна, заявившего, что он считает голосование бессмысленным, поскольку и так очевидно, что большинство за Вольфа.

— Брат, ты, конечно, не собирался выставлять свою кандидатуру, — съехидничала Вала. — Не верится, что подобное могло прийти тебе в голову — даже несмотря на весь твой ужасный эгоизм.

Палалброн оставил ее слова без внимания и обратился к Вольфу:

— Почему меня не назначили на стражу? Разве ты мне не доверяешь?

— Завтра вечером ты первым будешь охранять нас, — ответил Вольф. — Давайте все спать.

Властелины улеглись на твердой постели из белых скал, и Вольф остался на страже. Издалека доносились звуки ночной жизни: резкий вой, писк, жалобное рычание, свист. Однажды послышался звон и хлопанье крыльев над головой. Время от времени Вольф вставал и прохаживался, внимательно оглядывая холмы. По истечении получаса Вольф разбудил Луваха и передал ему лучемет. У него не было часов, но, как и все Властелины, он определял время без них. Еще ребенком он подвергся своего рода гипнозу, позволившему ему чувствовать время с точностью хронометра.

Улегшись, Вольф некоторое время ворочался без сна. Он беспокоился о первой вахте следующей ночи, когда он доверит свой лучемет Палалброну. Из всех Властелинов он больше всех внушал подозрение. Ведь Палалброн ненавидит Валу. Устоит ли он перед искушением убить ее во сне? Вольф решил непременно переговорить с ним утром. Врат должен понять, что смерть одного из них повлечет за собой смерть всех остальных. Конечно, он сможет перебить их всех, но тогда останется одинок. Властелины терпеть не могли друг друга, но, как ни странно, еще больше страшились одиночества. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, они бы ни секунды не остались вместе, однако в данной ситуации их объединял страх перед отцом, да и каждый чувствовал себя спокойнее, имея товарища по несчастью.

Вольф уже засыпал, когда ему в голову пришла идея. Он даже выругался, почему это не пришло ему в голову раньше. Ведь не было никакой необходимости ползти на карачках по этой гладкой поверхности — они могли бы передвигаться гораздо быстрее на лодках. Да и находились бы в большей безопасности... Утром следует поразмыслить, что тут можно сделать.

На рассвете Вольфа разбудили крики и рев. Вскочив, он увидел, что Тармас стреляет в гривастое животное, похожее на того льва-аллигатора, которого он отпугнул, опалив шерсть. Зверь быстро спускался с холма, шлепая присосками. Позади него лежали три мертвые самки. Выживший хищник успел подойти на расстояние десяти футов, затем упал с перерезанной пополам мордой.

Тармас продолжал палить, уставившись на тушу. Вольф заорал, чтобы тот выключил лучемет — луч врезался в холм. Тармас очнулся от шока и выключил оружие, но к этому времени большая часть заряда была израсходована. Вольф, изрыгая проклятия, отобрал лучемет. Теперь у него оставалась последняя энергообойма.

Властелины принялись за работу. Ножами Теориона и Валы они по очереди срезали с мертвого животного жесткую кожу. Дело шло медленно, поскольку работники из них были никудышные. То и дело они поскальзывались на стекловидной поверхности и не могли удержаться, чтобы не поспорить с Вольфом, раздраженно заявляя о бесполезности занятия. Ну где достать остов для лодок, о которых он говорит, да и не хватит этой шкуры на обтяжку.

Вольф велел им замолчать и продолжать работу. Он знает, что делает. С Лувахом, Валой и Теорионом он направился к ближайшему кустарнику. Здесь опять пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы прикончить поедавшее ягоды животное. Подобие китайского дракона зашипело, стоило им прибли-

биться. Кожа его была вся в складках и толстая, как броня, так что пробить ее можно было только лучом полной мощности. Вольф нацелился и выстрелил по глазам. Но заряд ударил в костяной щиток перед мордой зверя и не причинил существенного вреда. Дракон лишь замотал головой. В конце концов Вольфу удалось пробить череп. Хищник задергался в смертельной агонии и рухнул на землю, задрав в небо зубчатые пластинки и крошечные присасывающие диски, с помощью которых он передвигался.

— Если так будет продолжаться, то скоро у нас не останется ни одного заряда, — вздохнул Вольф. — Хоть бы этот миг не настал.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Однако предстояло обрубить кусты, срезать соответствующим образом кору, сплести остов — работа требовала массу усилий и времени, тем более что меч был один и наверняка затупился бы. Именно тогда, взглянув на катедракона (как он назвал его), Вольф увидел готовое судно. Ну не совсем готовое, но для завершения его постройки надо было приложить гораздо меньше усилий, чем на постройку лодки по первоначальному плану.

Сжимая в руках меч, Вольф отделил двигательные пластинки катедракона от костяной брони. Затем, орудуя мечом и ножом, из туши удалили внутренности. К этому времени к убитому дракону подошли остальные Властелины, и все работали по очереди. Кровь забрызгала их с головы до ног, залила площадку и сделала поверхность еще более скользкой. Чуть поодаль появилось несколько львов-аллигаторов, привлеченных запахом крови. Обезумев от кровавого аромата, они напали на кораблестроителей, так что Вольфу вновь пришлось прибегнуть к лучемету.

В результате всех трудов Властелины получили в свое распоряжение довольно сносное каноэ длиной в шестьдесят футов. Рот и ноздри оказались единственными отверстиями, доставившими много беспокойства. Этот дефект устранили, выгнув полую переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валы несколько валунов. Все камни обеспечивали достаточную нагрузку, чтобы нос не мог распрямиться и, таким образом, удерживался над поверхностью воды, — по крайней мере, они надеялись, что так будет. И вновь Вольфу пришлось потратить энергию лучемета, чтобы выжечь куски хрящей из кровавого мяса, прилипших к внутренним стенкам костяной брони. Затем, ползая на коленях, Властелины потащили свое сооружение к реке. Добравшись до берега, путешественники принялись забираться в лодку-дракон, переваливаясь через борта. Они дела-

ли это парами, чтобы судно не перевернулось. Когда все, кроме Вольфа и Валы, были внутри, они спустили лодку на воду. К счастью, склон был пологим. Как только каноэ заскользило по воде, Вольф с Валой ухватились за борта, и их втянули внутрь.

Луна, приносящая ночь, скрылась за горизонтом, и лодка поплыла по течению. Двое Властелинов остались дежурить на веслах, в то время как другие попытались заснуть. Вскоре небо озарилось ярким пурпуром. Путешественники миновали каньон и вновь выплыли на широкое пространство между холмистыми берегами. День прошел без происшествий. Властелины с трудом терпели вонь мяса и крови, от которых невозможно было избавиться. Ворчали, что прошлой ночью почти не сомкнули глаз, подшучивали над тем, что им нечего есть, болтали о том, что их ждет, когда отыщут "врата", ведущие к отцу.

Так минули день и ночь. Утром на вторые сутки каноэ миновало широкий поворот, и путники увидели посреди реки белый купол скалы. Вершину его венчала пара золотистых шестигранных "врат".

Глава 10

Сидя на берегу реки, куда вытащили лодку-дракон, Вольф обдумывал, как добраться до "врат". Карабкаться по отвесной гладкой стене бесполезно. Единственный способ, который, пожалуй, их спасет, — это забросить вверх веревку и зацепить ее за что-нибудь. Гексагоны слишком широки, чтобы накинуть на них петлю. Остается абордажный крюк — и то, если допустить, что по ту сторону "врат", то есть на другой планете, есть за что зацепиться.

Если нарезать шкуры животных полосами и связать их, то получится прочная веревка, хотя сначала надо будет продубить кожу, чтобы она стала гибкой. Металла для крюка тоже пока не было.

Возможно, где-нибудь в этом мире и есть металл, но добраться до него практически невозможно. Поэтому оставался только один способ, и Вольф не очень рассчитывал на то, что к его плану отнесутся благосклонно.

Так и вышло. Ни Вала, ни Теорион не желали расставаться со своим оружием.

Вольф тщетно проспорил с ними, убеждая несколько часов в том, что если они сейчас не отдадут нож и меч, то их со временем ожидает медленная смерть.

Наконец, после решительного отказа Теориона, Вольф заявил:

— Ну хорошо, оставайтесь при своем упрямстве. Но если мы отыщем другой способ добраться до "врат", вас с собой не возьмем. Клянусь в этом! Вы навеки останетесь здесь, в этом тусклом мире ледяных камней, и будете влачить здесь жалкое существование до тех пор, пока вас не сожрет какой-нибудь зверь или пока вы не умрете от старости.

Оглядев сидящих рядом Властелинов, Вала улыбнулась и сказала:

— Ладно, можешь взять мой меч.

— Моего ножа ты все равно не получишь! — воскликнул Теорион.

Властелины, не вставая, заскользили к нему. Теорион встал и собрался бежать — огромные ступни давали ему возможность передвигаться по стекловидной поверхности лучше, чем другим, но Вольф потянулся и схватил его за ласт. Теорион упал, и все кучей навалились на него. Он сопротивлялся изо всех сил, но в конце концов расплакался и сдался. Потом, скуля и ругаясь, отошел в сторону и в одиночестве уселся на берегу реки.

Похожим на мел камнем Вольф расчертил меч Валы, поставил лучемет на полную мощность и быстро вырезал треугольник. Потом еще три и положил поверх них несколько круглых пластинок, вырезанных из лезвия. С помощью лучемета он сварил все это в единое целое. Затем охладил в воде, вновь разогрел и придал слегка изогнутую форму. Наконец согнул еще одну полоску меча в петлю и приварил к концу зубца так, чтобы можно было привязать веревку.

Нож не понадобился, и Вольф вернул его Теориону. Рукоять с остатками лезвия отдал Вале — там еще было что-то вроде короткого меча. Все лучше, чем вообще никакого оружия, как он заметил.

Изготовление веревки заняло несколько дней. Убить животных, а потом нарезать их шкуры полосами не составило труда, но вот с дублением оказалось много сложнее: отыскать дубильные вещества не удалось. Наконец Вольф решил смазать самодельную веревку жиром убитых животных и, таким образом, добился успеха.

И вот на рассвете, когда зашла пурпурная луна, лодку-дракон подвели к скале с "вратами". Властелины гребли против течения, удерживая каноэ на месте, а Вольф стоял на носу. Размахнувшись, он метнул крюк под арку.

Трехзубый крюк пролетел "врата" и исчез. Вольф потянул за веревку, и лодка причалила к основанию скалы. Вольф решил было, что крюк зацепился, но тот вдруг выскочил из "врат" и упал в воду. Неустойчивое равновесие лодки нарушилось, и все

попадали в воду. Но им удалось ухватиться за перевернутую лодку. Вольф удерживал веревку и крюк.

Полчаса спустя они повторили маневр.

— Попытка — не пытка, — утешил товарищей Вольф, — это старая земная поговорка.

— Одолжи мне свои поговорки, — буркнул Ринтрах. — Я промок, как старая крыса, и чувствую себя просто жалким. Думаешь, есть смысл еще попытаться?

— Разве у нас есть выбор? Но — к делу! Вспомню-ка старые университетские денечки.

Властелины непонимающе посмотрели на него, а затем неохотно вновь повели лодку. На этот раз Вольф исполнил более сложный бросок. Он направил крюк на самую верхушку гексагона, высотой по крайней мере в двенадцать футов, что вместе со скалой составляло сорок два фута над уровнем воды. Бросок удался, и зубцы зацепились на другой стороне сооружения.

— Попал! — крикнул он, ухмыляясь, и потянул веревку за свободный конец. В этот момент лодка скользнула вдоль правой стороны скалы, Вольф приказал грести против течения, что Властелины и попытались сделать, но безуспешно. Лодка начала поворачиваться, влекомая течением, вокруг скалы. Вольф, стоя на носу, знал, что если будет сносить лодку и дальше, то зубцы соскользнут.

Ухватившись за веревку покрепче, Вольф повис, и лодка ушла из-под него. Он попробовал упереться в скалу ногами, но ноги соскальзывали с гладкой поверхности. Пришлось подтягиваться вверх, перебирая руками покрытые салом полоски кожи, а это было нелегко, так как скала изгибалась довольно отлого и веревка плотно прилегала к ней. Наиболее сильное натяжение приходилось на то место, где зацепился Вольф. Ему приходилось силой проталкивать руки между веревкой и скалой.

Хоть и медленно, но все же Вольф поднимался. Он уже прополз полпути, когда раздался треск, чуть слышный в шуме водоворота. У основания скалы натяжение веревки ослабло, и, вскрикнув от неожиданности, Вольф плюхнулся в воду.

Когда Вала с Эньеном вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке отломилось два зубца. Теперь они валялись где-то на дне реки.

— И что же делать теперь! — застонал Палалброн. — Ты изломал все оружие, израсходовал почти всю энергию лучемета, а мы так и не приблизились к "вратам" ни на шаг. Наоборот, мы еще дальше от них. Посмотри на меня, с меня течет, как со старой крысы, вытащенной из омута, а как я устал! О Лос! Как я устал!

— Что делать? Зондировать почву*, — сказал Вольф. — Еще одно выражение землян...

Он замолчал. Вдруг глаза его расширились, и он пробормотал:

— Интересно...

— Ну, нет! — всплеснул руками Палалброн. — Довольно с меня твоих экзотических идей.

— Экзотические или нет, но это идеи, — отрезал Вольф. — И пока что я единственный, кто что-то может предложить... а не только скулить, ныть и злословить.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо и жуя кусочек мяса, который ему дал Лувах. Насколько фантастична мысль о воздушном змее? Даже если его удастся изготовить, выйдет ли что-нибудь из этого? Нет, вряд ли. Каким большим ни делай змея, он не перелетит с тяжелым крюком через шестигранник-гексагон. Нет, ничего не получится.

Неожиданно он сел и воскликнул:

— И все-таки можно! Только потребуется не одна, а две!

— Что "две"? — осведомился Лувах, очнувшись от дремоты.

— Не змея, конечно.

— Кто говорил о змеях? — удивился Лувах.

— Два человека и две лодки — тогда все получится! — Вольф в возбуждении почти кричал. — Да как еще получится! Хо-хо! А я уже начал думать, что иссяк. Ладно, все равно ясно, что от вас благодарности не дождешься. Ведь все эти тысячелетия ваши мозги работали только в одном направлении: как бы только убить друг друга! Ни на что другое не годились.

— Ты устал, — тихо сказала Вала, — ляг и отдохни. — Она улыбнулась ему.

"Чему это она радуется, — удивился Вольф. — Ведь сама промокла до нитки. Тело наверняка ломит от усталости, да и случившимся расстроена небось не меньше других.

Неужели она все еще любит его, скрывая чувство под маской ненависти? Скорее, просто гордится тем, что он не опускает руки в унынии, как остальные, а продолжает бороться и искать выход.

Или она делает только вид, что питает к нему симпатию? Но если так, то что таится под напускным самолюбием?"

Ответа не было. Но Вольф знал, что никоим образом нельзя доверять ни любезным речам, ни кажущемуся благородству Властелинов.

---

* Игра слов: "зондировать почву", "запускать змея".

К тому времени как остов второй лодки закончили плести, Вольф выработал новый план. Будет лучше, если к скале с "вратами" подойдут не две, а три небольшие лодки.

Используя стволы, ветви деревьев и полосы шкур для крепления, Вольф изготовил подобие высоких козел. Четыре стойки сооружения укрепили на трех плетеных лодчонках и на большой лодке-драконе. Тщательно растолковав Властелинам, что им нужно делать, Вольф приступил к осуществлению плана. Лодки с гигантскими козлами со всеми предосторожностями спустили на воду. Образуя прямоугольник, они медленно двинулись от берега. Пока Властелины подталкивали лодки, Вольф приступил к осуществлению плана. Вольф взобрался по одной из стоек на верхние мостки. Сооружение слегка покачнулось, но устояло.

Пловцы первыми забрались в лодку, стараясь равномерно распределить вес, и первыми принялись грести к скале с "вратами". Поначалу было трудно согласовывать движение легких лодчонок, больше похожих на корзины. Однако после нескольких неудачных попыток путешественники все же направили неуклюжие суденышки к скале. Вольф раскачивался на перемычке, поглядывая на белый купол с двумя золотистыми гексагонами. Перед самой скалой он приказал Властелинам грести против течения, чтобы смягчить толчок при сталкивании — козлы держались на честном слове и вполне могли рассыпаться от удара.

Предыдущий раз Властелины выбрали правые "врата", поэтому теперь Вольф решил выбрать левые. Однако лодки несло ветром, и помост сместился к правому гексагону. Проверив, хорошо ли прикреплен к поясу лучемет, и поправив веревку, Вольф присел на корточки и, когда постройка с громким треском врезалась в скалу, прыгнул вперед и влетел во "врата".

Глава 11

У Вольфа не было ни малейшего представления о том, что ждет его по ту сторону "врат". Он мог попасть на другую планету, а мог и оказаться в крепости Уризена. Однако вряд ли Уризен достаточно позабавился с ними, поэтому наиболее вероятным казалось то, что "врата" вели на третью из планет, вращающихся вокруг Аппирмадзума. Другое дело, что Вольф мог свалиться в яму с дикими зверями или в пропасть.

Каменный склон холма оказался приятной неожиданностью. Вольф довольно удачно приземлился на вытянутые руки, чуть не врезавшись в гладкий валун. Оглядевшись, он понял, почему зубья крюка выскользнули из "врат" при первой попытке.

Основание гексагона на этой стороне изобиловало гладкими, но нескользкими камнями, так что зацепиться было не за что.

Вольф усмехнулся, поняв, что отец предвидел вариант с крючьями и весьма эффективно пресек всякую возможность их использования. Но сын обошелся и без них.

Мерцающая пустота арки гексагона отличалась от "врат", через которые они прошли в водный мир. Этот выход имел несколько направлений. По той или иной причине Уризена не беспокоило, вернутся ли они на планету пурпурного неба. Скорее всего, он понимал, что вряд ли у них возникнет такое желание.

Вольф немного спустился по склону холма и привязал конец веревки к дереву, потом вернулся к "вратам", швырнул свободный конец сквозь "врата". Тот исчез. Вскоре веревка задергалась, и под "вратами" показалась Вала. Вольф помог ей пройти, и они оба принялись встречать Властелинов, взбирающихся по веревке.

Когда Ринтрах, последний из отряда, оказался в безопасности, Вольф просунул голову во "врата", чтобы бросить прощальный взгляд на покинутый мир. Глядел он одно мгновение, поскольку опасался, что его голова находится на расстоянии двадцати тысяч миль от туловища. А выключить "врата" — такая шутка вполне в духе Уризена.

Помост, соединявший верх козел, все еще находился в трех футах от "врат". Конечно, через некоторое время течение раскачает лодки, и шаткое сооружение рухнет в воду.

Вольф убрал голову из-под арки с таким чувством, будто вытащил ее из гильотины.

По идее, Властелинам следовало ликовать, но уж слишком измотали их тяжелые труды, да и будущее своей неизвестностью вселяло тревогу. Теперь уже не было сомнений, что они находятся на другом спутнике Аппирмадзума. Темно-желтое небо нависло над равниной, покрытой густой высокой травой и зарослями кустарника. Растительность походила на земную, хорошо знакомую Вольфу. Ветки усыпали ягоды самых различных форм, цветов и размеров.

Плоды, однако, имели одно общее свойство — неприятный запах. Неподалеку от "врат" виднелся берег моря. Широкая полоса желтого песка тянулась до самого горизонта. В противоположной стороне вздымались скалистые холмы. Один из них напоминал очертаниями человеческое лицо. Чем больше Вольф смотрел на него, тем более уверялся, что физиономия ему знакома.

— Похоже, отец подает нам знак, — заметил он спутникам. — Глядите-ка, какой указатель он поставил на дороге к

следующим "вратам". Сомневаюсь, правда, что с нашей стороны было бы разумно следовать по предложенному пути.

И Властелины направились по равнине к отдаленному горному кряжу. Вскоре они подошли к широкой реке и двинулись вверх по течению. Вода в реке оказалась приятной на вкус и чистой. Путешественники поели мяса и ягод, которые принесли с собой из светло-пурпурного мира. Вскоре из-за горизонта выплыла луна, принесшая ночь. Розовато-лиловое ночное светило, как и на других планетах, едва озаряло тусклым светом сгустившиеся сумерки.

Отдохнув ночью, Властелины вновь отправились в путь и шли весь следующий день. Отряд продвигался в молчании: все устали, посбивали ноги и нервничали, потому что у них не было оружия. Их молчание сливалось с нависшей над местностью тишиной. Не кричал ни один зверь, не слышалось пения птиц, не видно было признаков никакой жизни. Несколько раз путникам мерещились лесные существа, но, приблизившись, они ничего не находили.

Так прошло три дня. По мере продвижения черты лица на скале становились отчетливее. На второй день, к вечеру, они узнали лицо Уризена. Казалось, он глядел на них сверху вниз и усмехался. Властелины стали еще молчаливее и нервознее, не в силах избежать пристального взгляда каменных глаз.

На четвертый день они подошли к подножию горы и остановились под крутым подбородком Уризена. Чуть поодаль в твердой скале телесного цвета виднелись отверстия — узкий каньон, протянувшийся до вершины горы, высотой по меньшей мере в десять тысяч футов.

— Похоже, что, кроме этого ущелья, пути наверх нет, — произнес Вольф. — Конечно, можно обследовать гору со всех сторон, но, по-моему, мы попросту потратим время.

— Зачем нам делать то, к чему нас подталкивает отец? — спросил Палалброн.

— У нас нет выбора, — ответил Вольф.

— Считаешь, что мы должны плясать под его дудку? Чтобы попасть прямиком к нему на вертел? — возмутился Палалброн. — Нет уж, хватит с меня походов! И так нет никаких сил.

— И где же ты обоснуешься на отдых? — осведомилась Вала. — Здесь? В этом раю? Ты, видно, не только глуп, но и слеп: у нас почти не осталось припасов. Мясо кончается, и мы съели сегодня утром последние ягоды. До сих пор мы не видели в этом мире ничего съестного. Ты можешь попробовать местные ягоды, но я лично думаю, что они ядовиты.

— О, Лос! Неужели ты хочешь сказать, что Уризен собирается уморить нас голодом?! — воскликнул Палалброн.

— Если мы не отыщем пищу, то, безусловно, умрем с голоду. А ничего съестного нам найти не удастся, если мы будем стоять здесь.

Вольф повел отряд в каньон. Властелины шли по гладкому голому камню, бывшему некогда дном горного потока. Теперь река обмельчала и бежала на несколько футов ниже берегов. По краям прохода росли кусты.

Путники весь день поднимались по извилистому ущелью. В тот вечер они съели остатки припасов. Когда наступил рассвет, Властелины поднялись с пустыми желудками и мрачной уверенностью, что на этот раз счастье покинуло их. Вольф вел отряд вперед, без устали подгоняя спутников. Он полагал, что чем быстрее они выйдут из каньона, тем легче будет отыскать что-либо пригодное в пищу. Рыбы в реке не было. И не было заметно даже насекомых.

На второй день вынужденного голодания путники увидели первое живое существо. Они брели в молчании и, обогнув с подветренной стороны поворот, застали зверя врасплох. Двухфутовое травоядное стояло, как кенгуру, на задних лапах и сжимало ветку кустарника передними лимуроподобными лапами. Увидев незнакомцев, оно застыло, судорожно оглянулось и бросилось наутек большими скачками, вытянув стрелой длинный хвост.

Вольф кинулся было в погоню, но остановился, увидев, с какой скоростью оно скачет. Отбежав на сотню ярдов, животное вновь замерло и оглянулось. Шоколадного цвета голова вызывала в памяти мордочку чистокровного персидского кота. Вот только красивые уши торчали, как у североафриканского зайца.

Вольф вновь двинулся вперед, но животное испуганно прыгнуло и скрылось из виду. Он решил, что было бы неплохо обзавестись дубинками на тот случай, если прыгун вновь встретится на пути. С этой целью он нарезал из кустарника тяжелых сучьев.

Палалброн поинтересовался, почему Вольф не убил животное лучеметом. Вольф объяснил, что старается экономить энергию.

— И кроме того, эта тварь так быстро поскакала, что я не был уверен, попаду ли в нее.

Однако Вольф понимал, что в следующий раз придется позабыть про экономию и стрелять в любом случае: Властелины нуждались в пище. Они продолжили путь. Прыгуны попадались еще несколько раз, но, видимо, предупрежденные первым, держались на недосягаемом расстоянии. Два часа спустя путники подошли к широкой расщелине в стене ущелья. Вольф спустился по ней и обнаружил, что проход ведет к углублению. Оно

располагалось на тридцать футов ниже каньона и было около трехсот ярдов шириной и четырехсот футов длиной. Дно расщелины густо поросло кустарником, среди которого он заметил пасущегося прыгуна.

Вольф вернулся к оставшимся и тихо отдал распоряжения. Лувах с Теорионом остались в узком проходе, остальные же, пройдя в каньон, разошлись широким полукругом и двинулись к животному.

Прыгун стоял на поляне, мотал головой и подергивал носом. Вольф велел загонщикам остановиться, а сам отправился к зверю, держа дубину за спиной. Животное выждало, пока Вольф не оказался в тридцати футах от него. Затем оно исчезло, примерно три секунды спустя появилось вновь — теперь уже в сорока футах от него. Только Вольф шагнул к нему, как оно снова исчезло.

Спустя еще три секунды на поляне было уже два прыгуна: один — в десяти футах от Валы, другой — в пятнадцати футах слева от Вольфа.

— Что за дьявольщина! — пробормотал Вольф. Непонятное исчезновение удивило его, раздвоение же и вовсе сбило с толку.

В этот момент прыгун, стоявший неподалеку от Валы, исчез, и снова остался только один. Вольф вскинул дубинку и с криком бросился на него. Однако нанести удар не удалось, прыгун исчез. Чуть позже он снова появился — на этот раз справа. И опять животных стало двое.

Властелины начали смыкать кольцо. Животных вдруг стало пять.

С дружным криком все бросились на них. И вдруг, к полному замешательству Властелинов, они увидели, что позади скачут еще несколько прыгунов. Часть загонщиков кинулась туда, и тут появилось еще два существа, которых Вольф назвал темпосфуджерами. И их сразу стало трое, когда за ними началась погоня.

Потом животное снова осталось в единственном числе.

Властелины погнались за ним и неожиданно увидели перед собой двух. Три секунды спустя они преследовали троих.

Потом опять оказалось одно животное.

Властелины со всех ног бросились за ним, когда прыгун вновь раздвоился, причем появившийся двойник оказался прямо перед носом несущегося во весь дух Палалброна. Тот отчаянно попытался уклониться от столкновения, но споткнулся и растянулся на поверхности. Существо перепрыгнуло через него и, едва Ринтрах замахнулся дубиной, испарилось.

Мгновение спустя меж ловцами вновь оказалось два прыгуна.

Три. И в следующий миг не осталось вдруг ни одного.

Властелины застыли, уставившись друг на друга. В каньоне слышался только шум ветра да тяжелое дыхание запыхавшихся Властелинов.

И вдруг посередине круга появилось трое животных.

Погоню возобновили.

Появилось одно.

Пять.

Шесть.

В течение шести секунд — три.

Снова шесть.

Вольф приказал прекратить погоню. Он отвел Властелинов назад к узкому проходу, где все уселись, чтобы отдохнуть некоторое время и перевести дух. Придя в себя, они принялись обсуждать повадки прыгунов, однако никто не мог предложить увиденному мало-мальски вразумительное истолкование.

Вольф пристально разглядел шестерых прыгунов, как ни в чем не бывало пасшихся на полянке.

Удивленные восклицания наконец стихли, и Властелины уставились на задумавшегося брата. Вала осведомилась:

— Ну что ты на это скажешь, Джадавин?

— Я все вспоминаю, как исчезло первое животное, — произнес он, — и пытаюсь отыскать взаимосвязь между продолжительностью исчезновений и числом скакунов. — Он покачал головой. — Не знаю. Пусть это невозможно, но как еще можно истолковать происходящее? Ну-ка скажите мне, кто-либо слышал о Властелине, которому удавалось произвести опыт над перемещением во времени?

Палалброн рассмеялся, а Вала, бросив ему: "Болван!" — обратилась к Вольфу:

— Ходят слухи, что над проблемой путешествия во времени не один год ломал голову некий Блайд Орк. Но говорят также, что в конце концов он отказался от этой затеи. Он заявил, что проблема времени якобы столь же неразрешима, сколь и гипотезы, пытающиеся разрешить вопрос о происхождении вселенной.

— А почему ты спрашиваешь об этом? — поинтересовался Аристон.

— Видите ли, существует крошечная субатомная частица, которую ученые-земляне называют нейтрино, — ответил Вольф. — Та частица не несет заряда и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все покачали головами. Лувах попытался оправдаться:

— Мы действительно получили прекрасное образование. Но, как ты знаешь, Джадавин, прошли тысячелетия с тех пор, как

нас перестали интересовать науки. Нас привлекает только техника, которую мы имеем под рукой, и лишь в той степени, чтобы удовлетворить наши насущные проблемы и потребности.

— Да-а, вот уж подобралась компания! — съязвил Вольф. — Самые могущественные существа космоса, можно сказать, боги, а на деле просто неграмотные дикари?!

— Какое это имеет значение в создавшейся ситуации? — возмутился Эньен. — И почему ты оскорбляешь нас? Сам ведь говорил, что надо покончить с оскорблениями, если мы хотим выжить.

— Извините, — вздохнул Вольф. — Меня иногда просто одолевают сомнения... не обращайте внимания. Так вот, нейтрино обладает рядом странных свойств. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени...

— Не может быть! — удивился Палалброн.

— Я не настаиваю. Но так утверждают ученые. Они в этом убеждены, хотя не уверены, что частица входит в возвратный хронологический механизм. Я уверен, что данную гипотезу можно приложить и к прыгунам. Возможно, они способны перемещаться во времени. Возможно также, что подобными качествами их наделил Уризен, но в этом я сомневаюсь, скорее всего, он просто натолкнулся на этих животных в какой-нибудь малоизвестной вселенной и переместил их сюда. Но каково бы ни было их происхождение, я считаю, что прыгуны действительно обладают способностью перемещаться во времени, затрачивая на каждое такое перемещение около трех относительных секунд.

Вольф начертил на земле палкой кружок.

— Пусть это будет первое животное, которое мы увидели.

Затем он нарисовал второй кружок и соединил обе линии.

— Изобразим таким образом его отсутствие во времени, или "исчезновение". Предположим, что прыгун сместился во времени.

— Могу поклясться, что до его появления не прошло и трех секунд, — заметила Вала.

Вольф протянул от второго круга еще одну линию и присоединил к ней третий кружок еще одной линией.

— Скакун переместился вперед во времени, вот так это можно изобразить. Потом, через уже проделанный во времени туннель, он вернулся в положение, которое занимал, когда делал первый прыжок. Мы видели животное в течение шести секунд, но не поняли, что оно прошло взад и вперед во времени и попало в момент, на который наложилось его... м-м-м-м... изображение из первого прыжка. Таким образом, мы увидели двоих... скажем,

темпосфуджеров. То есть второе было тем же животным, что и первое, но расщепленным во времени. Оно прыгнуло на три секунды вперед и на это время исчезло. Второе же осталось и начало бегать. Затем и оно прыгнуло, и тут появился темпосфуджер номер два. Причем в этот момент прыгнул назад номер один, и мы увидели обоих.

— Как же их стало пять? — спросил Ринтрах.

— Давай проверь. У нас было два прыгуна, вскоре сделал прыжок первый, он-то и был одним из пяти. Затем он еще раз прыгнул вперед и стал номером третьим из пяти, номер второй прыгнул вперед и стал номером третьим из пяти, номер два прыгнул, когда был один темпосфуджер, чтобы стать номером два из пяти. Номера один и два тоже прыгнули вперед и стали номерами четыре и пять из пяти, номера четыре и пять, в свою очередь, прыгнули вперед, когда их было только двое. Тем временем номер один прыгнул через три секунды, номер четыре не прыгнул, а номер пять прыгнул. Поэтому в тот момент их было только двое. По сути дела, получается, что одно животное как бы рассеялось, раздробилось во времени.

Вольф с усмешкой глянул на откровенно скучающие физиономии.

— Теперь понятно?

— Это невозможно, — высказался Тармас. — Путешествие во времени! Знаешь, я просто не могу себе представить!

— Я тоже. Но путешествие во времени — единственно возможное объяснение их исчезновения. И если хронологическая гипотеза поможет их поймать, почему бы не принять ее на веру?!

— Тебе надо было просто пальнуть из лучемета, — удрученно сказал Ринтрах. — Мы и так столько уже голодаем. А теперь после этой бессмысленной беготни за призраками я и вовсе без сил.

Вольф пожал плечами, поднялся и пошел к темпосфуджеру. Животное продолжало пастись, но стоило Вольфу приблизиться к нему на расстояние в тридцать ярдов, как тот тотчас же поскакал прочь. Вольф последовал за ним. Добравшись до глухой стены каньона, Вольф настроил лучемет на полную мощность и прицелился.

Вероятно, темпосфуджер испугался поднятого оружия. Когда Вольф выстрелил, он исчез, и энергия луча была поглощена валуном позади него.

Вольф выругался, повернулся и нацелился на появившееся рядом другое животное. Оно резко отпрыгнуло и избежало первого выстрела. Вольф, не выключая лучемета, прицелился снова. Животное снова прыгнуло, едва избежав луча. Вольф снова прицелился, и тут прыгун исчез.

Вольф резко развернулся и направил луч на третьего темпосфуджера. Он исчез в тот самый миг, когда белый луч, казалось, коснулся его. Тут позади раздался возглас. Вольф повернулся и увидел, что Властелины указывают на мертвое животное, лежащее в нескольких ярдах от него. Шкура прыгуна была продырявлена.

Вольф заморгал от удивления. Вала подбежала и объяснила:

— Он выпал из воздуха уже мертвый и поджаренный.

— Но я же не попал ни в одного, если не считать последнего, — сказал Вольф. — И тот, в которого я попал, еще не появился.

— Не знаю, но этот темпосфуджер был уже мертв, когда упал на землю три секунды назад, — за три секунды до того, как ты попал в другого, — Вала умолкла, усмехнувшись, и добавила: — Что я говорю... другого. Это ведь тот самый, в которого ты попал. Он был убит прежде, чем ты выстрелил. Или ты поразил его в тот момент, когда он прыгал назад.

Вольф медленно произнес:

— Ты говоришь, что сперва я его убил, а потом выстрелил?

— Ну уж ты скажешь! Конечно нет, вот только... ну не знаю. Но выглядело это так.

— Ладно, — буркнул он.. — Как бы это ни было, еда у нас есть. Хотя и немного, но на всех пока хватит.

Вольф повернулся и провел лучом над землей. Луч чиркнул по скалам, затем приблизился ко второму животному и погас. Вольф продолжал целиться, животное, оцепенев, стояло на задних ногах, мигая широко раскрытыми глазами.

— Энергия израсходована, — сказал Вольф.

Он вытащил использованную энергообойму и засунул лучемет за пояс. Теперь оружие бесполезно, но он не собирался его выбрасывать. Все равно наступит время, когда удастся достать новые заряды.

Вольф уже собирался продолжить охоту с дубинками, но остальные запротестовали. Слабые и голодные Властелины требовали немедленно начать готовить еду. Хотя мясо полусгорело, они с жадностью набросились на него и проглотили в один миг, урчание в желудках утихло. Все немного отдохнули, затем снова принялись гоняться за темпосфуджерами.

План был таков: разойтись широким кольцом, чтобы охватить всех животных, затем медленно смыкать его, приближаясь к прыгунам на расстояние взмаха дубинки. Фуджеры начали отчаянно метаться, то в реальном мире, то во временном потоке. Одно мгновение не было видно вообще ни одного животного. На протяжении всей охоты никто толком не понимал, что происходит.

Сначала Вольфу было нетрудно вести счет животным. Было шесть, потом ни одного, потом снова шесть, потом три, потом шесть, потом один, потом семь.

Назад, вперед, туда, сюда метались прыгуны, в то время как Властелины носились по лужайке, размахивая дубинками и издавая вопли в надежде захватить фуджера в тот миг, когда тот выскочит из временного прыжка.

Неожиданно дубинка Тармаса ударила по голове одного из фуджеров, когда тот материализовался. Прыгун свалился, дернулся пару раз и затих.

Тут восемь новых животных внезапно выскочили из воздуха. Одни оказались позади туши в то время, как остальные исчезли. В следующий миг их должно было быть семь, но снова было восемь, три секунды спустя их стало три. Еще через три секунды — девять, еще через три — ни одного. Девять, два, одиннадцать, семь, два.

Одиннадцать. Вольф метнул дубинку и попал одному по хребту. Тот упал вперед мордой. Вала бросилась к нему и добила, прежде чем тот очнулся от шока.

Затем численность животных увеличилась до пятнадцати, но быстро сократилась до тринадцати, когда Ринтрах и Теорион убили по одному. Потом опять ни одного.

В течение минуты казалось, что темпосфуджеры рассвирепели. Страшно напуганные, они метались взад и вперед; их стало двадцать восемь, ни одного, двадцать девять, ни одного, пятьдесят шесть — или примерно столько, по приблизительному подсчету Вольфа. Конечно, подсчитать их точнее было невозможно. Еще немного, и — полагаясь при определении численности лишь на удвоение — Вольф был уверен, что их семь тысяч сто девяносто три.

Больше стадо не понесло потерь, Властелины не могли убить ни одного. Все возрастающее количество прыгунов теперь сбивало с ног Властелинов. Неведомо откуда появляющиеся животные неслись на них, царапали, лягали, мелькали перед самым носом.

Неожиданно прыгуны обратились в паническое бегство и лавиной устремились ко входу в каньон. То один, то другой кувыркался, падал, и стадо могло бы застрять в узком проходе, однако в последний момент животные каким-то образом восстановили порядок и скрылись.

Расстроенные и потрясенные Властелины медленно поднялись. Они посмотрели на четырех убитых животных и покачали головами. Из восемнадцатитысячного стада, крутившегося под самыми дубинками, остались только эти четыре маленькие тушки.

— По половине фуджера каждому — лучше, чем ничего, — заметил Вольф. — Но что мы будем есть завтра?

Все промолчали и отправились собирать хворост для костра. Вольф одолжил нож у Теориона и стал снимать шкуры.

Утром Властелины позавтракали остатками вчерашнего пиршества, и Вольф повел отряд в путь. Безмолвие каньона, как и прежде, нарушало лишь журчание реки. Стены продолжали сходиться. Высоко в небе сияло желтое солнце. Ближе к полудню в отдалении появилось несколько фуджеров. Вольф бросил в одного из них камень, но увидел лишь, как животное исчезло, будто скользнуло за невидимый воздушный угол. Оно снова появилось три секунды спустя на двадцать футов дальше, стремительно прыгая, точно спеша на важное свидание. Потом снова исчезло.

Еще два дня спустя, после того как Властелины отобедали прыгунами, они были готовы к тому, чтобы отведать ягод. Палалброн утверждал, что отталкивающий запах этих ягод вовсе не означает, что они несъедобны. И пусть вкус у ягод отвратителен, но вряд ли они ядовиты. Раз им так или иначе грозит смерть, то почему бы им не попробовать?

— Ну что ж, давай, — сказала Вала. — Ты предложил, ты и пробуй.

Она как-то особенно улыбнулась ему, словно наслаждаясь зрелищем противоборства страха и голода.

— Ну уж нет, — возмутился Палалброн. — Не буду я подопытной свинкой. Почему именно я должен жертвовать собой? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

— Ты упускаешь возможность встретить смерть в прекрасной компании, — заметил Вольф. — И вообще, назвался груздем, полезай в кузов, как говорят земляне. Так что или пробуй, или заткнись. Пустые споры только отнимают время.

Палалброн понюхал ягоду, которую держал в руках, скорчил гримасу и бросил ее. Вольф пошел вперед, и Властелины последовали за ним. Примерно час спустя перед путниками открылся еще один вход в боковой каньон. Свернув в ответвление, Вольф подобрал круглый камень, подходивший по весу и размеру для броска. Только бы удалось подобраться к фуджеру достаточно близко.

Этот каньон был намного меньше первого. В его дальнем конце пасся один-единственный темпосфуджер. Вольф лег на траву и пополз по-пластунски, используя как прикрытие каждую скалу, каждый кустик, и ему удалось покрыть половину расстояния, прежде чем животное неожиданно перестало двигать челюстями, село и настороженно огляделось. Нос у него подергивался, а уши вибрировали, как телевизионная антенна

в сильный ветер. Вольф припал к земле и застыл. От нервного напряжения его прошиб пот. Голодная диета сильно ослабила его организм, хотелось вскочить и побежать к фуджеру, наброситься на него, разорвать на куски и тут же проглотить. Он чувствовал, что готов сожрать прыгуна целиком, от кончиков ушей до самого хвоста, а затем еще перебить кости и высосать мозг.

Но он заставил себя лежать неподвижно. Животное скоро успокоилось, и можно было продолжать черепашье продвижение.

В этот момент из-за скалы, неподалеку от фуджера, появилось еще одно животное. Зверь был серым, за исключением красных заячьих ушей, с длинной мордой, пушистым хвостом и величиной с лисицу или койота. Фуджер смотрел в другую сторону, и хищник прыгнул, намереваясь впиться в шею жертвы. Его зубы лязгнули в воздухе: прыгун исчез.

Хищник тоже исчез, пропав раньше, чем успел приземлиться.

Появилось трое животных, два фуджера и один хищник. Вольф, имевший склонности к классификации, тотчас же назвал его хроноволком. В первый раз видел он существо, волею природы или Уризена заселившее этот мир, дабы препятствовать чрезмерному размножению прыгунов.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом наблюдал за ходом событий. Прыгунов было двое. Потом ни одного. Потом трое. Таким образом, настоящий фуджер и хроноволк прыгнули вперед, но фуджер задержался в будущем лишь на мгновение и тут же выпрыгнул назад. Так он воспроизвел себя, и теперь волк охотился сразу за двумя прыгунами. Затем животные вновь исчезли и вскоре вновь появились, но уже вчетвером. Два фуджера, два волка. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в страшных серых туннелях прошлого и будущего.

Еще прыжок, и волк скрылся в кустарнике у ближайшего валуна.

Снова семь фуджеров. На этот раз волк возник ниоткуда, прямо за спиной жертвы. Он бросился вперед, и его челюсти сомкнулись прямо на шее фуджера. Послышался треск костей, и прыгун упал замертво.

Семь живых и один мертвый фуджер. Прыгнув в сторону, волк исчез: очевидно, решил отложить трапезу на потом. Вновь на поляне запрыгало семь хроноволков. Вот сцепились два волка, один другому перегрыз горло.

На три секунды сцена опустела. Вольф мигом добрался до места схватки и бросился на землю. Хотя он и остался лежать на виду, но надеялся, что, будучи неподвижным, он не привлечет к себе внимания, тем более что фуджеры были

охвачены ужасом, а волкам слепила глаза собственная кровожадность.

Еще один волк вынырнул из временного пространства. И еще один.

Оба волка набросились друг на друга, третий, только появившийся, наблюдал за схваткой: фуджеры очумело метались вокруг сцепившихся хищников.

Вскоре третьему волку надоела роль наблюдателя, и он активно включился в игру, схватив за горло фуджера, налетевшего на него в сплошной суматохе.

Уже валялись мертвыми фуджер и волк. Оставшиеся в живых исчезали. Когда животные вновь появились в поле зрения Вольфа, волк схватил ближайшего фуджера за шею и сломал ее.

Вольф медленно поднялся на ноги. В тот самый миг, когда один волк благополучно перегрыз горло другому, Вольф швырнул зажатый в руке камень в победителя. Тот, должно быть, заметил краем глаза угрозу, так как исчез раньше, чем камень успел коснуться его. Выскочив из туннеля, он припустился со всех ног к выходу из каньона.

— Не обессудь, что лишил тебя законной добычи! — крикнул ему вслед Вольф. — Удачи тебе на следующей охоте!

Он позвал своих спутников и объявил, что удача вернулась к ним. Шестерых животных хватит, чтобы всем набить животы, и еще останется на следующий день.

Однако хорошие времена продлились недолго. Три дня спустя голод терзал Властелинов пуще прежнего. Они исхудали, щеки у них ввалились, глаза казались темными и глубокими ямами, желудки прилипли к позвоночникам. В тот день Вольф разбил их на пары и отправил охотиться. Сам он намеревался пойти один, но Вала настояла на том, чтобы он взял с собой Луваха, а охотиться в одиночку вызвалась сама. На недоумевающий вопрос Вольфа ответила, что не хотела бы иметь сопровождающим мужчину, причем в единственном числе.

— Ты нас людоедами считаешь, что ли? — осведомился Вольф.

— Вот именно то, чего я остерегалась. Как будто бы не знаешь, что стоит нам поголодать немного, и мы наверняка бросимся друг на друга. Очень может быть, что Уризен на это и рассчитывает. Пиршество людоедов! Представляю, какое удовольствие он получит от этого зрелища.

— Ну, поступай как знаешь, — буркнул Вольф.

И они с Лувахом отправились осматривать боковые каньоны. Вскоре они увидели несколько фуджеров, пасшихся в зарослях кустарника, и со всеми предосторожностями принялись

подкрадываться к ним. За час они подползли к самим кустам и были близки к успеху. Но Вольф промахнулся, и камень пролетел в дюйме от головы намеченной жертвы. После этого все было потеряно. Фуджеры даже не стали уходить во время, они просто ускакали прочь и скрылись в соседнем каньоне.

Властелины поворчали, поругались, но вскоре усталость и сон сморили их.

Вольф тоже уснул, но среди ночи проснулся. Ему почудилось, что вдали кто-то кричит. Он сел и оглядел спящих. Все они были на месте, за исключением Палалброна и Эньена.

Вала тоже проснулась.

— Ты тоже слышал? — спросила она. — Или то было урчание наших желудков?

— Кричали около реки, — сказал Вольф, вставая. — Надо пойти посмотреть.

— Я с тобой, — попросила Вала, — все равно мне больше не уснуть. Стоит мне только подумать, что они там, может быть, пируют себе, как меня всю трясет.

— Крошкой прыгуном не насытишься, — пробормотал он.

— Неужели ты думаешь... — ахнула Вала.

— Не знаю. Ты сама указала первой на такую возможность. И она мне кажется все более правдоподобной по мере того, как мы слабеем от голода.

Вольф прихватил дубинку, и они отправились вдоль берега реки. Сумрачный свет луны освещал им дорогу, и шагать было легко.

Так случилось, что они первыми заметили Палалброна. Его голова мелькнула над стеной каньона и вновь исчезла. На цыпочках они подобрались к скале. Из-за нее доносились звуки, похожие на удары камня о камень.

— Он пытается разжечь огонь, — прошептала Вала.

Вольф не ответил. Ему стало дурно. Так как Вольф мог представить себе только одну причину, по которой Палалброн разводил костер, он, подавляя ужас и отвращение, внушаемые ему картиной, которую он ожидал увидеть, заставил себя обойти скалу.

Палалброн стоял на коленях спиной к ним перед кучей веток и листьев и ударял куском кремня о другой.

У Вольфа отлегло от сердца: около Палалброна валялась тушка фуджера.

Но где же Эньен?

Вольф бесшумно подошел и встал позади Палалброна. Вскинув дубинку, он громко сказал:

— Ну, Палалброн?

Тот вскрикнул и бросился на кучу, приготовленную для костра. Затем вскочил и повернулся к ним лицом. В руке он держал грубо сделанный кремневый нож.

— Он мой! — прорычал Палалброн. — Я его убил, и я голоден! Я умру, если не съем его!

— Так же как и все мы, — заметил Вольф. — Где брат?

Палалброн сплюнул:

— Скотина! Он мне не брат. Откуда я знаю, где он? Я ему что, нянька?

— Вы ушли вместе, — возразил Вольф.

— Не знаю я, где он. Мы охотились поодиночке.

— Тут кто-то, кажется, кричал, — сказала Вала.

— А-а, это я кричал, — пробормотал Палалброн. — Наткнулся тут на спящего фуджера и крикнул, когда пристукнул его.

— Может быть, — с сомнением в голосе произнес Вольф.

Не спуская глаз с Палалброна, он отошел к реке и поднялся метров на сто вверх по течению. Там он заметил высовывающуюся из-под валуна человеческую руку. Он обошел валун и увидел труп Эньена. Затылок был разбит, рядом валялся окровавленный камень.

Вольф вернулся, но Палалброна с тушей фуджера уже не было. Вала ждала его одна.

— Почему ты не остановила его? — спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась:

— Я только женщина, как я могла задержать его?

— Могла бы, если бы захотела, небось рассчитывала развлечься погоней? Боюсь, что буду вынужден огорчить: погони не будет. Я и не подумаю тратить силы на этого дурака. А если он еще и успеет поесть, то тем более удерет от любого из нас.

— Ну и ладно, — согласилась Вала. — Так что мы теперь будем делать?

— Пойдем завтра дальше и будем надеяться на лучшее.

— И умрем от голода. — Вала указала на валун, скрывающий труп Эньена, и тихо сказала: — Там достаточно пищи для всех.

С минуту Вольф не отвечал. Предложение Валы заставило его внутренне содрогнуться, но обстоятельства складывались так, что не оставалось выбора.

Вала была права. Как ни претила мысль о такой еде, без нее им не выжить. Так что Палалброн в известной степени оказал им любезность. Убив брата, он принял вину на себя. Теперь они могли есть, не считая себя убийцами. Не то чтобы факт насильственной смерти сильно беспокоил его спутников, но сам Вольф неизбежно мучился бы угрызениями совести, если бы был вынужден лишить другого человека жизни, чтобы не умереть с голода самому.

Что касается самой еды, то теперь он чувствовал лишь слабое отвращение. Голод притупил естественный ужас перед каннибализмом.

И Вольф отправился будить остальных Властелинов, в то время как Вала подобрала кремни, оброненные Палалброном. Когда они все собрались, она не только развела костер, но и успела разделать труп. На мгновение Вольф отшатнулся. Но затем подумал, что, коль скоро он собирается разделить трапезу, ему следует поработать. Он одолжил у Теориона нож и принялся нарезать куски. Остальные предложили свои услуги, но он отогнал их.

Казалось, он хотел наказать себя, выполняя самую ужасную работу.

Когда мясо было готово, он взял свою долю и пошел за скалу. Он знал, что не удержится и съест кусок, но знал также и то, что при виде спутников, пожирающих человечину, его непременно стошнит. Поэтому он решил есть в одиночестве.

Рассвет застал их все еще за трапезой. Лишь к полудню они снова тронулись в путь. Оставшееся мясо завернули в листья и взяли с собой.

— Если Уризен наблюдал за нами, — заметил Вольф, — он, должно быть, неплохо повеселился.

— Пусть веселится, — отозвалась Вала. — Придет и мой черед.

— Твой? Ты, наверное, имеешь в виду наш?

— Другие меня не касаются. Меня интересует, что сделаю я.

— Типично по-властелински, — заметил Вольф.

Некоторое время после этого он наблюдал за Валой. Ее жизнеспособность поражала Вольфа. Походка ее была легкой, щеки порозовели, движения казались проворными и изящными. Возможно, на нее такое влияние оказала еда. "Но это не так, — думал Вольф. — Даже когда мы голодали, она не страдала от недоедания и не выглядела усталой. Если кому-то удастся выжить и схватить отца за горло, — думал он, — это будет Вала. Пусть и мне хватит сил".

Глава 12

Они голодали уже целые сутки, когда вышли из ущелья. Отлогий склон постепенно переходил в равнину, простиравшуюся до самого горизонта. В четверти мили от подножия горы виднелся небольшой холм, и на нем — два гигантских гексагона.

Властелины остановились и тупо воззрились на них.

— Чем скорее мы пройдем через какие-либо "врата", тем лучше, — произнес Вольф. — Надеюсь, по ту сторону найдется пища.

— А если нет? — спросил Тармас.

— Лучше уж помереть, пробираясь через оборону Уризена, чем сдохнуть от голода. А наши дела обстоят так, что...

Вольф взглянул на унылые физиономии спутников и осекся.

Властелины устало последовали за ним к подножию золотистых сооружений.

— Ну что ж, сестра, — обратился Вольф к Вале, — предоставляем тебе право выбора. Поспеши, наши силы на исходе.

Вала подобрала камешек, повернулась спиной к "вратам" и швырнула его через плечо. Камень пролетел через правые "врата", чуть не ударившись о перекладину арки.

— Так тому и быть, — объявил Вольф.

Он посмотрел на спутников и рассмеялся:

— Что, ждете команду? Вперед, братья, бравые Властелины! Вперед, бродяги! Дубинки, поломанные мечи, нож, мускулы, одрябшие от слабости, желудки, ворчливо требующие мяса, — к бою! Ну, где вы еще видели такой презренный штурмовой отряд?!

Вала засмеялась и заметила:

— У тебя, Джадавин, хватит мужества на всех! Это что-нибудь да значит.

— Надеюсь, — отозвался Вольф и, разогнавшись, прыгнул в правые "врата".

Он приземлился на мягкой почве, чуть подавшейся под ногами. Над равнинной местностью раскинулось голубое небо. Кое-где возвышались крутые холмы. Такие каменистые и темные, что больше походили на наросты, чем на насыпи земли. Подозрение его усиливало и то, что поверхность, на которой он стоял, была похожа на землю. Она была коричневой, гладкой, испещренной отверстиями: из каждой дыры рос тонкий трубчатый стебель высотой в фут.

"Похоже на кожу великана", — подумал Вольф.

Единственной растительностью, если это можно назвать растительностью, были редкие деревья высотой около сорока футов, с тонкими стволами и остроконечными ветвями, росшими от ствола под углом в сорок пять градусов. Ветви были темнее, чем шафранового цвета стволы: их покрывали двухфутовые листья, похожие на лопасти.

Минуту спустя через "врата" прошли остальные Властелины.

Вольф повернулся и произнес:

— Я рад, что обошелся без вашей помощи.

— Они были уверены, что на этот раз "врата" приведут в крепость Уризена, — объяснила Вала.

— И ждали, пока я очищу площадку от ловушек для их прибытия, — ответил Вольф. — Решили пожертвовать мной, получить шанс прожить на несколько секунд больше.

Властелины промолчали. Вольф укоризненно посмотрел на покрасневшего Луваха.

Затем Вольф принялся исследовать "врата". Они были либо уже отключены, либо однополярны по конструкции. Вдали виднелась длинная черная линия, возможно, берег реки или моря. Этот мир, столь похожий на тот, который они только что покинули, не давал никакого указания, в каком направлении им надлежало двигаться. Лишь с того склона, куда он ступил по выходе из "врат", Вольф увидел два темных холма, возвышающихся неподалеку друг от друга. Возвышенности могли служить своеобразным знаком, поставленным Уризеном. Существовал только один способ проверить правильность догадки, и Вольф принял решение без колебаний.

Он пошел по слегка пружинящей поверхности, остальные последовали за ним. Над головами спутников мелькнула тень птицы, и все посмотрели вверх. Белая птица с красными лапками была размером со стервятника. Мордочка ее напоминала обезьянью, с изогнутым клювом вместо носа. Птица летела так низко, что Лувах не удержался и бросил дубинку, но промахнулся, слегка задев расширяющийся хвост. Птица негодующе вскрикнула и, быстро поднявшись, исчезла из виду.

— На дереве вроде бы гнездо, — сказал Вольф. — Посмотрим, нет ли там яиц.

Лувах побежал было вперед, чтобы подобрать свою дубинку, но на полпути застыл как вкопанный.

Земля заструилась. Поверхность вздыбилась дюймовыми волнами, покатившимися по направлению к упавшей дубинке. Лувах развернулся, собираясь убежать, но потом передумал и вновь кинулся к своему единственному оружию. Поверхность позади него вспухла, вздыбилась еще выше и штормовой волной устремилась вперед.

Вольф вскрикнул. Лувах оглянулся, увидел грозящую ему опасность и стремительно бросился в сторону, пытаясь обежать катящийся вал. Вольф помчался вслед за гребнем, не зная, чем помочь Луваху.

Внезапно волна спала. Вольф с Лувахом остановились, и тут почва под ними вновь стала вспухать. Оба со всех ног бросились прочь, а земля, или то, что это было, двинулась за ними.

Они мчались что было духу к "вратам", надеясь, что те установлены на определенном месте и они смогут обрести там твердую почву под ногами.

Властелины добрались до безопасного места как раз вовремя. Поверхность за ними внезапно выгнулась, образовав широкое углубление, затем впадина превратилась в узкий колодец, стенки его сомкнулись, издав чавкающий звук. Еще несколько мгновений — и дыра исчезла. Вновь перед ними расстилалась гладкая, ровная поверхность, испещренная норами со стеблями, все еще продолжавшими вибрировать.

— Ну и ну! — пробормотал Лувах. — Клянусь Лосом!

Он был бледен, веснушки проступили на его лице, как Млечный Путь.

Вольфу тоже было не по себе, словно он попал в землетрясение. И его сильно тревожило смутное подозрение, что на самом деле все обстоит еще хуже.

Позади послышалось чье-то восклицание. Повернувшись, Вольф увидел Палалброна, пытающегося вернуться через "врата", сквозь которые он только что вошел. Палалброн, очевидно, следовал за ними и, выждав время, чтобы Властелины успели отойти на приличное расстояние, рискнул шагнуть под арку. Теперь он тоже попал в ловушку.

Впрочем, его ждало нечто худшее. Приказав Властелинам, намеревающимся растерзать убийцу на куски, оставить его в покое, Вольф приблизился к нему и, не скрывая своего презрения, оглядел трясущегося и стучащего зубами брата.

— Палалброн, — объявил Вольф, — тебя приговорили к смерти, потому что ты нарушил перемирие и убил своего брата.

Палалброн, увидев, что ему грозит немедленная расправа, обрел мужество. Считая, что у него еще есть шанс, он вскричал:

— По крайней мере, я не ел своего собственного брата! Я не виноват! Мне пришлось его убить, так как он напал первым!

— Эньена ударили по затылку, — возразил Вольф.

— Я не виноват! — кричал Палалброн. — Он упал в драке, а когда начал подниматься, я схватил камень и ударил его. Разве я виноват, что он подставил свой затылок? Неужели я должен ждать, пока он повернется и набросится на меня?

— Я вижу, говорить с тобой бесполезно, — сухо сказал Вольф. — Ты свободен, никто не станет марать о тебя руки. Но с нами ты не можешь остаться. Иначе никто не будет чувствовать себя в безопасности.

— Вы позволяете мне уйти? — удивился Палалброн. — Но почему?

— Хватит болтать! — рявкнул Вольф. — Если через десять минут ты не скроешься с глаз, я больше никого не стану сдерживать. Тебе лучше уйти подобру-поздорову. Ну!

— Минуточку! — встревожился Палалброн. — Что-то тут не так. Нет, я никуда не пойду!

Вольф сделал знак остальным:

— Вперед! Убейте его!

Палалброн завопил и, повернувшись, со всех ног бросился бежать. Ярдов через тридцать он обернулся и, убедившись, что его никто не преследует, перешел на шаг.

В этот момент почва за ним вспухла, вздыбилась в два человеческих роста. В тот миг, когда волна набрала максимальную высоту, Палалброн обернулся вновь. Увидев устремившийся к нему гигантский вал, он издал отчаянный крик и кинулся прочь. Волна резко опала, и сотрясение почвы опрокинуло беглеца, сбив его с ног. Палалброн с трудом поднялся, шатаясь, он побежал дальше.

Тут почва перед ним ушла вниз. Он вскрикнул и круто свернул в сторону. Ужас, казалось, вновь придал ему силы. Вновь на его пути разверзлась дыра, и вновь ему удалось увернуться. Но навстречу ему уже поднималась новая волна. Несчастный попытался еще раз свернуть, но поскользнулся и упал. Вздыбившийся вал скрыл его от глаз Властелинов. На минуту волна застыла, чуть заметно подергиваясь, потом осела, и поверхность снова стала гладкой — лишь слегка выпирал холмик.

— Проглочен, — выдохнула Вала. Она была заметно возбуждена: широко открытые глаза сияли, рот приоткрыт. Она провела языком по губам.

— Похоже, что отец действительно создал для нас чудовище, — произнес Вольф. — Не удивлюсь, если вся планета покрыта шкурой этого... велтизмира.

— Что-что? — переспросил Теорион. Его глаза все еще были полны ужаса. И хотя недавний голод явно не пошел ему на пользу, за последние три минуты он похудел еще на пятьдесят фунтов. Кожа на нем висела складками.

— Велтизмир. Животное - мир. Германская мифология. Это земной язык.

"Планета, покрытая шкурой, — думал он. — Или, возможно, это не шкура, а амеба размером с континент. Амеба, завладевшая этим миром".

Жуткая картина наводила страх. Оболочка амебы жила, и этого нельзя было отрицать. Но как же эта чертова тварь не умирает от голода? Миллионы тонн живой протоплазмы нужно ведь чем-то кормить. Конечно, она поедает животных, но вряд

ли здесь найдется их достаточное количество, чтобы поддерживать жизнь в этой разросшейся клетке.

Вольф решил выяснить это, если, конечно, ему представится такая возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот, и всегда готов исследовать, размышлять, анализировать. Он не успокаивался, пока не узнавал, что, почему и как.

Вольф сел и погрузился в раздумья, как быть дальше. Властелины, за исключением Валы, тоже расположились на отдых. Вала же, осторожно ступая, отправилась прочь от безопасной зоны. Некоторое время Вольф с удивлением следил за ней, когда вдруг понял, в чем тут дело. И как он сам не догадался? Вала шла, тщательно избегая волосков, торчащих из почвы. Пройдя круг радиусом около двадцати пяти ярдов, девушка благополучно вернулась в зону "врат". И ни разу поверхность не задрожала, ни разу не покрылась смертоносной рябью.

Вольф поднялся на ноги со словами одобрения:

— Молодец, Вала. Один — ноль в твою пользу. Животное, или что бы то ни было, пробуждается от прикосновения к волоскам или щупальцам. Если мы будем двигаться так же осторожно, как лавируют корабли на рифах, мы пересечем эту местность. Единственное, что внушает беспокойство, так это вон те горки.

Он указал на возвышающиеся вдали не то холмы, не то грубые наросты. Волоски густо покрывали подножия бугров, а за ними плотно усеивали всю землю.

Вала пожала плечами:

— Не знаю.

— Ладно, побеспокоимся об этом, когда доберемся туда, — буркнул Вольф и зашагал, внимательно глядя под ноги. Властелины гуськом последовали за ним. Вала же пошла параллельно, держась от отряда на расстоянии пяти-шести ярдов.

— Трудновато будет охотиться в таких условиях, — произнес Вольф. — Придется одним глазом все время смотреть на волоски, будь они неладны!

— Я бы на твоем месте не переживала, — заметила Вала. — Еще неизвестно, есть ли на кого охотиться.

— Ну уж в существовании одного представителя местной фауны я уверен, — отозвался Вольф.

Он больше ничего не добавил, и Вала недоуменно подумала: "Что он имеет в виду?" Вольф тем временем направился к дереву, на ветвях которого виднелось гнездо. Кучка палок и листьев фута три в поперечнике, скрепленных каким-то клейким составом, располагалась на стыке ствола и одной из ветвей.

Остановившись меж двух волосков, Вольф протянул дубинку и ударил по стволу. Вдали, приблизительно на таком же расстоянии, какое они прошли, виднелись верхушки гексагонов. Дерево никак не отреагировало на удар, и Вольф, взобравшись по стволу, засунул руку в гнездо. Пошарив, он извлек оттуда два яйца с зелеными и черными пятнами, размером вдвое больше индюшачьих, и передал их Вале.

В это время вернулась птица-мать. Тельце ее, чуть большее, чем у лысого орла, покрывал белый пух с голубыми полосами. Обезьянью мордочку украшали орлиный клюв и волчьи уши; еще более странно выглядели крылья летучей мыши, хвост археоптерикса и лапы хищника.

Сложив крылья, птица камнем рассекла воздух и рухнула на Вольфа. Перед самым ударом она завизжала — раздался звук, словно пилили железо: визг, вероятно, предназначался для запугивания жертвы. Если так, то все ее старания пропали впустую: едва заметив угрозу, Вольф отпустил ствол и упал. Послышался треск и повторное взвизгивание — на этот раз от боли и паники, так как разъяренный стервятник, не рассчитав скорости, со всего лету врезался в дерево.

Свалившись на землю, Вольф покатился. Он чувствовал, что задевает волоски, но не в силах был избежать этого. Наконец он поднялся, отряхивая листья и ветки, осыпавшиеся из полуразрушенного гнезда, и едва успел уклониться от полуоглушенной птицы. Та, падая, инстинктивно расправила крылья.

К этому времени земля-шкура среагировала на прикосновение щупальцев, которые затронул не только Вольф, но и остальные Властелины, отскочившие, когда тот упал с дерева.

— Назад, на дерево! — крикнул он.

Вала предварила его совет и уже карабкалась по стволу. Он полез за ней и почувствовал, как острые когти, словно раскаленные добела крюки, впились ему в спину. Летающий хищник вновь напал на обидчика, придя в себя. Вольф опять рухнул наземь, подминая животное под себя.

Хищник надсадно дышал. Менее пострадавший Вольф скатился вниз и, вскочив, ударил зверя по ребрам. Пасть животного под коричневым клювом раскрылась, обнажая два саблезубых клинка, покрытых слюной и кровью. Вольф еще раз ударил птицу и вернулся к дереву.

Но Властелины, неистово стремящиеся добраться до безопасного места на ветвях, совсем обезумели. Тармас наступил Вольфу на голову и, воспользовавшись ею как трамплином, устремился вперед. Ринтрах, отпихнув его, полез по стволу. Слетев вниз, Тармас рухнул на стоящего на четвереньках Вольфа.

Сидя на ветке, недалеко от верхушки дерева, Вала истерично смеялась, хлопая себя по бедрам. Но вдруг она пронзительно вскрикнула. Ветка обломилась, и она, не удержавшись, свалилась. Удар был сильным, Вала, видимо лишившись чувств, осталась лежать. Теорион перепугался больше всех. Он сильно похудел за последние дни, но все еще весил немало, да и ласты здорово мешали, так что взбираться по дереву ему было трудно. Он все время скатывался вниз и то и дело оглядывался через плечо, что-то бормоча.

Вольфу наконец-то удалось встать на ноги. Вокруг него, а точнее, вокруг дерева почва-шкура взбунтовалась. Поверхность вздыбилась огромными валами, охотящимися за Лувахом и Аристоном. Эти двое с невероятной скоростью мчались по кругу, ужас придавал новые силы их измученным и голодным телам. Земляная плоть гналась за ними по пятам. Впереди уже появилась новая волна. Под ногами бегущих разверзались новые волны и ямы.

Лувах и Аристон резко свернули и двинулись навстречу друг другу. Опухоли и впадины, упустив близкую добычу, сомкнулись. Вольф ошеломленно следил, как протоплазма хаотично колыхалась, вспучиваясь и опадая, издавая чавкающие звуки. Больше всего эта сцена напоминала скопление водоворотов.

Прежде чем шкура смогла получить новые сигналы о Лувахе и Аристоне и перестроиться, им удалось добраться до дерева, но они мешали друг другу подняться. Пока двое обезумевших беглецов цеплялись друг за друга, Вольф схватил тело летающего зверя и изо всех сил швырнул его на землю-шкуру. Труп птицы упал на приближающуюся опухоль, остановившуюся в тот самый миг, когда мертвое животное коснулось ее. В месте соприкосновения тут же образовалась впадина, которая быстро углубилась, потом края колодца сомкнулись, оставив на поверхности только выпуклость и рубец, указывающий на то, что внутри что-то находится.

Хотя Вольф и хотел употребить птицу в пищу, но ею пришлось пожертвовать. Поверхность вокруг дерева разгладилась и, совершив несколько пульсаций, вновь стала инертной, будто и в самом деле была обычной почвой. Вольф подошел к Вале. Та сидела, тяжело дыша, с искаженным от боли лицом. Поскольку поверхность-шкура сильно пружинила, то удар оказался не таким сильным, как если бы она упала на твердую землю. Но все же ее лицо и плечи были покрыты синяками, и некоторое время она не могла пошевелить рукой.

Больше всего, казалось, пострадало чувство ее собственного достоинства. Пылая негодованием, она обзывала их всех кучей трусливых глупцов, годных лишь на то, чтобы быть рабами.

Властелины, смущенные оскорблениями, держались угрюмо. Они понимали ее правоту, и им было стыдно. Но, разумеется, никто из них не собирался в этом признаваться.

Вольф к этому времени счел происходящее забавным. Он даже рассмеялся, но потом со стоном выпрямился — рана, нанесенная когтями летающего зверя, все еще болела. Лувах осмотрел его спину и сказал, что сочившаяся кровь, по его мнению, скоро остановится, но следует опасаться заражения, так как лекарств у них нет.

— Да, весело, — пробормотал Вольф. Он поискал глазами яйца. Одно, разбившееся, растекалось у корней дерева. Другого не было видно — вероятно, его поглотила шкура.

— О, Лос! — простонал Аристон. — Что нам теперь делать? Мы умираем от голода и не можем шагу ступить от этого дерева, иначе чудовище проглотит нас живьем. Отец убил нас, а мы даже не приблизились к его крепости.

— Эй вы, Властелины и Созидатели миров! Да вы просто жалкие человечки без своих крепостей и оружия! — возмутился Вольф. — Напомню вам еще одну поговорку землян: "Есть не один способ содрать шкуру с кота".

— Какого кота? — оживился Теорион. — Я сейчас мог бы съесть дюжину котов.

Вольф только поднял глаза вверх, но ничего не сказал. Он велел всем забраться на дерево, а сам взял у Теориона нож и отошел на несколько футов в сторону. Присев на корточки, он изо всех сил всадил клинок в шкуру: если она достаточно податлива, чтобы образовывать псевдовпадины и дыры, то наверняка поддастся металлу.

Вольф вырвал нож из раны, поднялся и отступил на несколько шагов. Шкура раздвинулась, превратилась в дыру, затем вокруг раны образовался конус и начал сжиматься в кратер, заполняя сам себя. Вскоре кратер распрямился, и рана затянулась. Вместо крови, которую Вольф ожидал увидеть, выступила красная бледная сукровица.

Вольф приблизился к шраму, стараясь не касаться волосков. Затем быстро вырезал из шкуры кусок, вытащил трепещущую массу и стремглав побежал назад к дереву. Снова протоплазма вздыбилась бурей хаоса. Волны, кратеры, гребни и короткие водовороты. Затем плоть осела.

— Шкура вокруг дерева кажется гораздо крепче и менее податлива, чем на некотором расстоянии от него, — заметил Вольф. — Думаю, что мы находимся в безопасном месте, пока стоим на ней, хотя шкура может быть способна... приливная волна может смыть нас. Так или иначе, нам надо поесть.

Властелины поделили между собой кусок плоти. Свежевырезанное мясо было упругим, скользким от сукровицы и неприятно пахло, но его можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя более оптимистично. Некоторые легли спать. Вольф отправился на берег протекавшей поблизости речки. Вала и Теорион последовали за ним. И Лувах, глазея на них, тоже решил пройтись. Земляная местность резко обрывалась. Волосков над обрывом было мало, так что исследователи могли расслабиться.

Вольф стоял на самом краю и смотрел в воду. Солнца не было, но вода казалась прозрачной и позволяла видеть дно.

У берега плавало множество рыб самых различных размеров, форм и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как тонкие длинные щупальца высунулись из-под обрыва и схватили большую рыбину. Та сопротивлялась, но ее быстро утащили под обрыв. Вольф опустился на колени и перегнулся через край, чтобы посмотреть, кому досталась добыча. Обрыв, на котором он стоял, выдавался довольно далеко. Но основания выступа Вольф так и не разглядел: крутой склон усеивали тысячи копошащихся щупалец, многие из которых тянулись за рыбинами. Щупальца виднелись в воде, насколько хватало глаз. Вскоре еще одно из них свернулось, вытянув из глубины гигантскую рыбину.

Вольф поспешил убрать голову, так как в этот момент один из гигантских щупальцев пополз в его сторону. Он сказал:

— Я недоумевал, как такое чудовище добывает себе пищу. Теперь понятно, что оно питается главным образом морской живностью. И я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим, — это огромное плавающее чудовище. Подобно островам водного мира, оно ни к чему не прикреплено.

— Приятно знать это, но что это может нам дать? — заметил Лувах.

— Пожалуй, нам пора еще разок поесть, — заметил Вольф в ответ. — Теорион, ты среди нас самый лучший пловец. Прыгни в воду и поплавай немного. Держись поближе к берегу и будь готов выскочить оттуда.

— Почему я? — закричал Теорион. — Ты только посмотри, как эти щупальца хватают рыбу!

— По-моему, они движутся вслепую, может быть, чувствуют вибрацию воды. А ты двигаешься достаточно быстро, чтобы ускользнуть. Кроме того, под этим краем щупальца короткие.

Теорион покачал головой:

— Нет, я не буду рисковать своей жизнью.

— Ты умрешь с голоду, если не поймаешь рыбу, — настаивал Вольф. — Нельзя больше трогать шкуру, она становится все более раздражительной.

Он указал на рыбу, жирную и медлительную, с головой, похожей на голову сфинкса.

— Как, по-твоему, хороша будет на вкус?

У Теориона потекли слюнки, в желудке заурчало, но он не пошевелился.

— Ладно, давай свой нож, — сказал Вольф.

Он выхватил у Теориона нож и, разбежавшись как можно дальше, бросился в воду. Рыба тотчас же бросилась от него прочь. Она плыла медленно, но все же не настолько, чтобы догнать ее. Впрочем, Вольф и не собирался ее ловить. Он и не думал об этом. Гораздо больше его интересовала реакция щупальцев на его появление в воде.

Одно из них действительно отделилось от толстого основания и поползло по направлению к Вольфу. Вольф погрузил голову в воду, чтобы все хорошенько рассмотреть, и поплыл к берегу. Заметив, что щупальце увеличило скорость и приблизилось к нему, он протянул руку и ухватился за кончик отростка. До сего момента у него не было уверенности, что щупальца неядовиты. Успокаивал лишь тот факт, что рыба, которую схватили, отчаянно боролась, не показывая признаков отравления.

Отросток сложился кольцом и схватил его за кисть. Вольф резко высвободился и довольно легко отсек ножом футов двенадцать плоти. Щупальце отпрянуло и начало отползать. Приблизившись к берегу, Вольф положил добычу на край обрыва и стал подтягиваться, когда почувствовал, как что-то схватило его ступню. Он глянул вниз и увидел у основания щупальца пасть. Пасть была беззубой, но смыкалась достаточно сильно, чтобы удержать его ногу. Вольф вцепился руками в обрыв и выдохнул:

— Помогите мне!

Теорион сделал по направлению к нему несколько шагов и остановился. Вала, стоя в сторонке, глядела и улыбалась. Лувах выхватил из ножен поломанный меч и прыгнул в воду. Вала рассмеялась и нырнула следом. Вынырнув, она взяла у Вольфа кинжал и вместе с Лувахом принялась трудиться над щупальцем в нескольких футах от пасти. Наконец они отрезали отросток, и Вольф выбрался на сушу, волоча за собой вцепившуюся в ногу пасть с куском щупальца.

Отрезанную плоть можно было есть, лишь поколотив о ствол дерева, чтобы размягчить ее. Но даже после этого мясо напоминало жесткую резину. Как бы то ни было, желудки их заполнились.

Некоторое время спустя они вновь тронулись в путь по равнине, соблюдая при движении все меры предосторожности. Достигнув первого холма, подножие которого обросло пучками волос, путники остановились. Теперь они уже видели свою цель. На вершине высокого холма, в полумиле от них, возвышалась пара золотых гексагонов.

Вольф размахнулся и швырнул ветку, обломанную Валой при падении с дерева, в самую гущу волосков. Все пространство мгновенно пришло в движение, причем поверхность колыхалась более энергично, чем в тех местах, где волоски покрывали землю не так густо.

— О, Лос! — воскликнул Аристон. — Мы погибли! Нам никогда не добраться до "врат"! — Он погрозил кулаком небу и прокричал: — Отец! Я ненавижу тебя! И ненавижу тот день, когда ты меня зачал! Ты думаешь, что остановил нас там, где тебе было угодно, но — клянусь Лосом и Хромым Энитармором — мы еще доберемся до тебя!

— Вот это характер! — заметил Вольф. — Я уже решил, что ты собираешься заскулить, как больная собака. Выскажись, братец, выскажись, возможно, этот старый ублюдок и услышит тебя!

Тяжело дыша и сжимая кулаки, Аристон заявил:

— На проклятия у меня смелости хватает. Но все-таки хотел бы я знать, что же нам делать?

— Есть какие-нибудь идеи? — поинтересовался Вольф, оглядывая спутников.

Властелины покачали головами.

— Где же вся ваша дьявольская одаренность и лисий ум, который полагается иметь детям Уризена? — осведомился Вольф. — Или лгут историки, воспевающие ловкость каждого из вас, когда вы силой или хитростью захватывали неприятельские крепости? В чем же дело теперь?

— Все они храбрецы и умники, — заметила Вала, — когда вооружены до зубов. А теперь я думаю, что они все еще не оправились от шока, что так легко попались в ловушку отца, да еще к тому же лишились своих апартаментов. А без них они утратили то, что делало их Властелинами. Теперь это просто людишки, и притом жалкие.

— Мы так устали! — воскликнул Теорион. — Мои мускулы гудят и ноют от напряжения. Я так ослаб, словно нахожусь на планете с двойной силой тяжести.

— Мускулы, как же! — буркнул Вольф.

Развернувшись, он повел отряд назад к дереву. Он работал не покладая рук, несмотря на жгучий огонь в спине, охватывавший его всякий раз, как он обламывал ветку, — раны от

когтей при каждом движении причиняли мучительные страдания. Властелины дружно помогали ему, и вскоре у каждого в руке было по пучку веток.

Путешественники вернулись к краю густо заросшего волосками пространства и принялись бросать ветки в скопление волосков. Они кидали их не одновременно, а соблюдая строгую очередность. Поверхность-шкура зарокотала, как море во время урагана. Волны, кратеры, рябь искривили ровное пространство.

Однако, по мере того как волоски продолжали раздражаться, буря стихала. И к тому времени, когда запас веток подошел к концу, поверхность почти не реагировала на прикосновения. Последняя палка вызвала лишь мелкие углубления и быстро спавшую дрожь.

— Похоже, она устала, — объяснил Вольф. — Однако поверхность может ожить довольно скоро. Поэтому предлагаю идти немедленно.

И он быстро зашагал вперед. Шкура заколыхалась и сгорбилась, отвечая на раздражение волосков, в поверхности появились широкие углубления, вогнутые до трех футов. Вольф обошел их, затем побежал и не останавливался, пока не достиг холма. Этот холм, подобно первому, который они прошли, казался наростом, огромной бородавкой на шкуре. Хотя склоны его вздымались почти отвесно, все же они были достаточно сморщенными, чтобы за складки можно было цепляться руками и ногами. Подъем был тяжелым, но не невозможным. Все Властелины добрались до вершины без неприятностей.

— Честь выбора снова предоставляется тебе. Какие "врата"? — спросил Вольф у Валы.

— До сих пор она не слишком-то преуспевала в решении своей задачи, — заметил Аристон. — Почему все время выбирает Вала?

Вала как тигрица повернулась к нему:

— Если ты думаешь, брат, что можешь сделать выбор лучше, — выбирай! Но в доказательство твоей правоты тебе придется первым пройти "врата".

Аристон тотчас отступил, пробурчав:

— Ладно, ладно, не стоит нарушать обычай.

— Ах, уже обычай! — воскликнула Вала. — Так вот, я выбираю левые "врата".

Вольф не колебался. Он был слаб и безоружен и знал, что на этот раз он может прямиком попасть в крепость Уризена. Но все же он решительно прыгнул под арку.

В течение минуты он не мог понять, где он очутился и что происходит. Голова у него закружилась. В воздухе мелькнуло нечто странное.

Глава 13

Он стоял на огромном, быстро вращающемся цилиндре из серого металла. При каждом обороте в поле его зрения вплывали все новые и новые цилиндры, крутящиеся над ним со всех сторон на фоне бледно-розового неба.

Над каждым цилиндром сияли по три розовато-лиловых луча, начинающихся в двенадцати футах над основанием. Время от времени лучи освещались красными, оранжевыми, черными, белыми и пурпурными огоньками, вспыхивающими, как сигнальные ракеты. Огоньки подскакивали по лучам, словно их дергали за невидимые веревочки, и, доходя до точки, расположенной примерно в двенадцати футах от основания другого цилиндра, взрывались яркой вспышкой. И гасли.

Вольф закрыл глаза, чтобы побороть головокружение и боль. Когда он вновь открыл их, остальные Властелины уже прошли сквозь "врата". Аристон и Тармас упали на металлическую поверхность и изо всех сил прижимались к ней. Теорион сел, будто боясь, что вращение потащит его прочь и вытолкнет в пространство между цилиндрами. Только Вала, казалось, ничуть не удивилась. Она спокойно улыбалась, хотя, может быть, мужество ее было показным. Но даже если и так, она была достойна восхищения.

Вольф, насколько возможно, изучал окружающую обстановку. Все цилиндры были размером с небоскреб. Он не понимал, почему его сразу не сорвало центробежной силой. Для этого тело должно было обладать изрядной массой.

Как ни странно, но так оно и было.

Возможно... нет, нельзя верить, что Уризену удалось установить равновесие сил так, чтобы тела с большей силой тяжести удерживались от падения друг на друга. Вероятно, разноцветные огоньки, бегающие вдоль лучей, и служили проявлением постоянно удерживаемого равновесия, какая бы статика и динамика ни использовалась в данном случае.

Вольф понятия не имел, как это делалось, но он очень хорошо знал, что наука, унаследованная Властелинами, далеко опередила известную землянам.

Вокруг виднелись тысячи, а может быть, и сотни тысяч таких же цилиндров, расположенных в миле друг от друга. Они вращались вокруг своей оси и медленно перемещались относительно друг друга, словно в танце.

Издалека отдельные тела выглядели как одна цельная масса. Это, вероятно, была одна из планет, которые виднелись с водного мира.

Было лишь одно преимущество в их затруднительном положении: в таком крошечном мире им не придется далеко идти до следующих "врат". Хотя вряд ли Уризен сделал такой короткий путь легким.

Вольф вернулся к "вратам" и попытался выйти. Он легко шагнул через раму, но, как и ожидал, оказался снова на цилиндре. Развернувшись, он предпринял попытку пройти "врата" с другой стороны, однако и она оказалась бесполезной. Тогда Вольф принялся искать другие "врата", обходя цилиндр по окружности. Он не прошел и половину пути, когда увидел два гексагона.

"Врата" располагались в нескольких дюймах от поверхности, и между рамами и поверхностью цилиндра розовела полоска неба. Отряд двинулся к "вратам". Вольф не отрывал глаз от шестиугольника, стараясь не отвлекаться на кружащиеся и перемещающиеся во все стороны цилиндры.

Он шел впереди, поэтому первым заметил неожиданное поведение гексагонов-близнецов. Когда путешественники приблизились к ним на расстояние пятидесяти футов, "врата" начали отодвигаться. Вольф пошел быстрее, но "врата" сохраняли постоянное расстояние между Властелинами и собой. Когда Вольф побежал, они двинулись быстрее, но он все-таки выиграл несколько дюймов.

Остальные Властелины бежали за ним. Они топали по тяжелой металлической конструкции, и в воздухе слышалось их учащенное дыхание. Вольф снова остановился, "врата" тоже. Все, кроме Валы, собрались вокруг него. Раздались возгласы:

— Лос! Сперва он морит нас голодом до полусмерти... потом собирается уморить нас бегом.

Вольф подождал, пока у него восстановилось дыхание, затем сказал:

— По-моему, их можно поймать. Как только я бросался бежать, они замедляли скорость. Это пропорциональное уменьшение. Но я не могу бежать достаточно быстро и долго, чтобы ухватиться за них. Кто здесь самый быстрый?

— Я всегда мог побить всех в беге, — объявил Лувах. — Но сейчас я очень устал, и у меня нет сил, абсолютно...

— Попробуй, — распорядился Вольф.

Лувах неопределенно улыбнулся и осторожно двинулся к "вратам". Они отодвинулись. Он бросился бежать и вскоре скрылся за закруглением цилиндра. Вольф повернулся и побежал в противоположном направлении. Вала двинулась за ним. Головокружительно горизонт метнулся навстречу. Вольф побежал дальше и тотчас увидел Луваха и "врата", в десяти футах от них. Но Лувах уже устал: дыхание с хрипом вырывалось из

его легких, ноги чуть двигались. Наконец он остановился, и тут же застыли "врата". Вольф оказался на таком же расстоянии от них, как и Лувах, "врата" скользнули в сторону, как мыло из рук. Вала направилась к ним под углом, но они вновь изменили направление. Наконец запыхавшиеся Властелины остановились. Образовался как бы квадрат: в трех углах стояли люди, в четвертом — "врата".

— Где остальные? — спросил Вольф.

Лувах ткнул пальцем. Вольф поглядел и увидел, как Властелины идут вразброд вокруг этого крошечного мира. Он позвал всех, и его голос прозвучал жутко в этой странной атмосфере. Лувах пошел было вперед, но Вольф велел ему остановиться. Следуя указаниям Вольфа, Аристон, Тармас, Теорион и Ринтрах образовали восьмигранник с "вратами" в центре. Потом все начали сходиться, сохраняя одинаковое расстояние между собой и двигаясь с равной скоростью. "Врата" раскачивались из стороны в сторону, но висели на месте.

После двух минут медленного и терпеливого движения Властелины наконец ухватились за гексагоны. На этот раз Вольф не спросил у Валы, в какие "врата" входить. Он направился в левые.

Остальные последовали за ним, и физиономии у них тотчас вытянулись. Они стояли на другом цилиндре, а на противоположном конце его виднелась еще пара "врат". Вновь последовали утомительная погоня и сближение. Вновь Властелины прошли через "врата", на этот раз правые. И вновь оказались на другом цилиндре.

Так случалось пять раз. Властелины смотрели друг на друга красными, усталыми глазами. Ноги у них дрожали от изнеможения. Они покрылись потом, горло у каждого пересохло, словно они все попали в Сахару. Они едва держались на ногах, цепляясь за гексагоны.

— Так продолжаться больше не может, — заявил Ринтрах.

— Спасибо за откровение, — заметила Вала. — Мог бы для разнообразия высказать что-нибудь оригинальное.

— Очень хорошо. Мне ужасно хочется пить, так хочется, что я бы не отказался глотнуть чьей-нибудь крови. Твоей, например.

Вала рассмеялась:

— Только подойди, и я сейчас же проткну тебя этим мечом. Твоя кровь жидковата и дурно пахнет, но не беспокойся, я заткну нос.

— Почему-то мы всегда выбираем "врата", которые ведут куда угодно, но только не к Уризену, — сказал Вольф. — Пожалуй, на этот раз нам следует разделиться. По крайней мере, хоть кто-то попадет к отцу.

Все заспорили, Вала и Лувах молчали. Наконец Вольф объявил:

— Мы с Валой и Лувахом пойдем в одни "врата", остальные пойдут в другие, так-то вот.

— Почему с Валой и Лувахом? — спросил Теорион. Он подозрительно прищурился, и в его голосе послышались злобные нотки. — Почему с ними? Вы трое знаете что-то, чего не знаем мы? Вы собираетесь покинуть нас?

— Я беру Луваха, потому что он единственный, кому я могу доверять, — объяснил Вольф. — А Валу — потому что она среди вас лучший мужчина.

Он оставил Властелинов пререкаться, а сам пошел вместе с сестрой и Лувахом в левые "врата". Несколько минут спустя во "врата" прошли и остальные. Увидев Вольфа, Луваха и Валу, они смутились.

— Но мы прошли в правые "врата"! — заявил Ринтрах.

Вала рассмеялась:

— Похоже, отец сыграл с нами еще одну жестокую шутку. И те и другие "врата" ведут на один и тот же цилиндр. Я подозреваю, что они все здесь такие.

— Он играет нечестно! — возмутился Аристон.

При этом Вольф с Лувахом расхохотались, минутой позже и остальные, за исключением Аристона, присоединились к ним.

Когда смех, в котором, правда, слышались нотки отчаяния, замер, Вольф сказал:

— Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, каждый из цилиндров в этом... этом кружащемся мире имеет "врата", и если мы будем так же продолжать действовать, то в конце концов пройдем через все, которые есть. Только в таком случае мы умрем раньше, чем отыщем хотя бы намек на истинный путь. Нам следует придумать что-нибудь новенькое.

Наступила тишина. Властелины сидели и лежали на твердом сером металле, а над ними в беззвучной серенаде вращались цилиндры. Близнецы-гексагоны над основаниями цилиндров, казалось, насмехались над ними.

Наконец Вала произнесла:

— Я не верю, что ситуация безвыходная. Это не похоже на отца. Он не прекратит игру, пока у нас не останется хотя бы крупица дыхания и силы для борьбы. Он хочет довести нас до агонии и сломить. И он рассчитывает — я уверена в этом, — что в конце концов мы найдем "врата", которые приведут нас в его крепость. Он, должно быть, делает ставку на то, что мы догадаемся, в чем дело, и примем решение. И он будет разочарован, если мы спасуем. Поэтому я считаю, что нам следует хорошенько

подумать. Очевидно, "врата" на всех цилиндрах замкнуты между собой, то есть они ведут друг в друга, если входить в них обычным путем, через ту сторону, которая украшена драгоценностями. Но что, если "врата" двуполярны? Что, если другая сторона приведет нас к цели?

— Я пробовал войти в другую сторону, — сказал Вольф, — как только мы попали сюда.

— Да, ты опробовал входные "врата". Но проверил ты какие-нибудь из двойных "врат" на цилиндрах?

Вольф покачал головой:

— Усталость и жажда лишили меня разума. Я должен был подумать об этом. В конце концов, это единственное, что нам остается попробовать.

— Тогда поднимайтесь и пошли, — скомандовала Вала. — Соберитесь с силами, возможно, это и окажется выходом из этого проклятого крутящегося мира.

Снова Властелины загнали в тупик близнецов-гексагонов и ухватились за них. Вала первой прошла через сторону, не украшенную драгоценностями. Она исчезла, Вольф последовал за ней. Пройдя через "врата" и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, что его воодушевление иссякло. Потом он взглянул на основание "врат" и понял, что они пошли верным путем.

В нескольких дюймах над поверхностью нависал только один гексагон. Но он вращался вокруг своей собственной оси, совершая полный оборот каждые полторы секунды.

К этому времени на цилиндре собрались остальные Властелины, раздраженные тем, что все еще находятся на крутящейся поверхности. Но когда они увидели вращающиеся "врата", то взбодрились и одновременно пали духом при мысли о выходе и связанной с этим опасностью.

— Почему они вращаются? — слабым голосом спросил Аристон.

— Понятия не имею, братец, — ответила Вала. — Но, зная отца, я подозреваю, что "врата" имеют только одну безопасную сторону. То есть если мы выберем правильную сторону, то пройдем невредимыми! Но если ошибемся... Как видите, ни одна из сторон не инкрустирована драгоценностями, обе выглядят совершенно одинаково и ничем не отличаются.

— Я так измучен, что мне все равно, — заявил Аристон. — Пусть даже смерть — лишь бы избавиться от этих страданий навсегда.

— Так не стоит противиться душевным порывам, — сейчас же отозвалась Вала. — Ты можешь первым испытать "врата".

Вольф ничего не сказал, но другие присоединили свои голоса к предложению Валы. Однако Аристону, похоже, уже расхоте-

лось умирать: он запротестовал, говоря, что не настолько глуп, чтобы рисковать собой ради других.

— А ты, братец, оказывается, не только слабоволен, но и труслив, — заметила Вала. — Ладно, я пойду первой.

Уязвленный Аристон шагнул все же к вращающимся "вратам", однако, подойдя на несколько футов, остановился. Так он и стоял, глядя на гексагон, несмотря на насмешки Валы. Наконец она не выдержала и оттолкнула его так, что он свалился на серую поверхность, а сама присела на корточки перед золотым гексагоном и несколько минут пристально разглядывала его. Неожиданно она бросилась вперед и исчезла под аркой. "Врата" продолжали вращаться.

Аристон поднялся и, ни на кого не глядя и не отвечая на насмешки, подошел к "вратам", на секунду приостановился и бросился в них.

В то же мгновение он выскочил с другой стороны и упал на серую поверхность цилиндра.

Вольф подбежал к нему и перевернул тело на спину. Рот Аристона был широко раскрыт, глаза остекленели, кожа приобрела серый оттенок.

— Он прошел не с той стороны, — произнес Вольф, обернувшись к остальным. — Что ж, теперь мы знаем, что это за "врата".

— Ну и везет же этой чертовой ведьме, — воскликнул Тармас, — ты заметил, через какую сторону она прошла?

Вольф покачал головой и в сумрачном розовом свете еще раз осмотрел "врата". Стороны были совершенно одинаковые. Он подозвал Луваха. Вдвоем они подняли труп Аристона и по команде Вольфа швырнули под арку. Труп вылетел с другой стороны.

Вольф с Лувахом зашли с другой стороны, снова раскачали тело и бросили в отверстие. На этот раз труп исчез. Вольф повернулся к Ринтраху:

— Ну что?

Ринтрах кивнул.

— Подними палец, когда повернется нужная сторона, — распорядился Вольф. — Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и ткнул пальцем, Вольф бросился под арку, уповая, что Ринтрах не ошибся, — и упал на труп Аристона. Слышался шум моря, освещенного багровым небом.

Чуть поодаль, посмеиваясь, стояла Вала, явно забавляясь шуткой отца.

Они вновь находились на острове водного мира.

Глава 14

Один за другим появились остальные Властелины. Как ни странно, никто не выглядел удрученным. Наконец-то они были на знакомой поверхности, почти дома, так сказать. И по словам Теориона, наконец-то могли отъесться.

"Врата", через которые они прошли, были правыми гексагонами в огромной паре, установленной на высоком холме. Окрестности выглядели знакомыми. Властелины тотчас напились в ближайшем ручье и отобедали рыбой, которую наловил Теорион. Выставив охрану, все уснули. И лишь на следующий день обследовали местность.

Через полчаса не осталось ни капли сомнений, что они вернулись на громадный остров, который местные жители называли Мать всех островов.

— Да это те самые "врата", с которых начались наши злоключения, — сказал Вольф. — Тогда мы прошли в правый гексагон. Так что левый может привести нас в мир Уризена.

— Ну и что? — отозвался Тармас. — Не сказал бы, что это самый желанный из миров. Не лучше ли наслаждаться жизнью здесь, чем отправиться навстречу верной гибели и провести остаток своих дней в застенках Уризена? Почему бы нам не забыть о "вратах"? Здесь есть пища, вода и женщины-аборигены. Пусть Уризен сидит на своем троне и ждет нас, пока не сгниет.

— Не забывай, что без соответствующих лекарств ты состаришься и умрешь. Тебе этого хочется? Кроме того, нет никакой гарантии, что Уризен не заявится к нам, если мы не пойдем к нему. Нет, вы можете прохлаждаться здесь сколько угодно, но я намерен продолжать борьбу.

— Видишь ли, Тармас, у Джадавина есть веская причина действовать, — криво усмехнулась Вала. — Его любовница — между прочим, не Властелинка, а простолюдинка с Земли — захвачена в плен Уризеном. Так что, пока она в руках отца, нашему брату не сидится.

— Вы вольны поступать, как вам вздумается, — сказал Вольф. — Но я сам себе хозяин. — Он поглядел на небо и увидел две огромные планеты и черную комету. — Кстати, для чего нам ломиться в парадные двери, где нас намеренно поджидает Уризен? Почему бы не воспользоваться черным ходом или, если угодно, форточкой?

В ответ на последовавшие недоуменные вопросы Вольф изложил мысль, осенившую его, когда он смотрел на другие планеты и комету. Властелины решили, что он сошел с ума, а идея его просто безумна.

— Почему бы и нет? — настаивал Вольф. — Все необходимое мы вполне можем достать, даже если для этого придется вновь пройти через "врата". А до Аппирмадзума всего двадцать пять тысяч миль. Почему бы не отправиться туда на ракете?

— Построить аэростатный космический корабль?! — воскликнул Ринтрах. — Джадавин, жизнь на Земле повредила твой рассудок.

— Мне, конечно, потребуется ваша помощь, — продолжал Вольф как ни в чем не бывало. — Осуществить задуманное очень сложно. Понадобится не только время, но и колоссальные усилия. Однако задача осуществима, уверяю вас!

— Допустим, что так, — проронила Вала. — Но что помешает отцу заметить и уничтожить корабль, когда мы будем в космосе?

— Тут придется рискнуть. Будем надеяться, что он не установил детекторы между планетами. В конце концов, зачем они нужны? Ведь единственный вход в его мир — через "врата", которые сделаны им самим.

— А что, если один из нас предатель? — спросила Вала. — Ты не подумал, что кое-кто из нас может быть доносчиком и обо всем информировать Уризена?

— Такая мысль приходила мне в голову, как, наверное, и всем остальным. Однако мне не верится, что предатель согласился бы подвергаться всем опасностям наравне со всеми.

— А откуда нам знать, что Уризен не видит и не слышит нас прямо сейчас? — спросил Теорион.

— Ты прав, конечно, такая возможность не исключена. Значит, придется и здесь рискнуть.

— Предложение Вольфа в любом случае лучше, чем сидеть сложа руки.

Последовавшая дискуссия закончилась тем, что все Властелины согласились помогать Вольфу. Даже самые ярые оппоненты осознавали, что, если план удастся, бездельников оставят в покое. И при мысли, что у кого-то вновь появится шанс стать Властелином, последние возражения рухнули.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению, аборигены ни в чем не проявили враждебности. Они видели, как Властелины исчезли во "вратах", а затем вновь вышли из них. Такое было под силу только богам или почти богам. Вот почему Властелинов сочли особыми... и опасными существами. Туземцы были более чем счастливы сотрудничать с Вольфом, и их решение было предопределено религиозными верованиями, представлявшими мистически искаженную веру Властелинов. Они почитали Лоса добрым богом, а Уризена — злым, своего рода сатаной. Местные

предсказатели и знахари утверждали, что наступит день, когда злого бога Уризена низвергнут, и тогда придет для всех Алулос, рай.

Вольф не пытался разъяснить им происшедшее. Пусть верят, во что хотят, лишь бы помогли. Собрав все материалы, которые имелись в этом мире, он загрузил всех посильной работой, а сам вместе с Лувахом прошел во "врата". Оба продвигались по воздуху с помощью прикрепленных к спинам газовых пузырей и были вооружены короткими мечами, луками и стрелами. Одни за другими проходили они "врата" в поисках необходимых вещей. Они знали, что их ожидает и каких опасностей следует остерегаться. И все же приключений, выпавших на их долю, хватило бы на несколько книг.

Однако одного похода оказалось недостаточно, и на следующий раз их сопровождали Вала и Ринтрах. Из мира животных, катающихся на ороговевших подобиях коньков и передвигающихся с помощью присосок, они принесли куски стекловидной массы. Из Велтизмира — кучи птичьего помета, которые пошли на изготовление натриевой соли.

Ртуть добыли у туземцев, в больших количествах собиравших ее во время ливней, приносимых черными кометами. Капли ртути служили священными реликвиями, и их передали Вольфу только после того, как он заверил их в том, что серебристый металл потребуется для свержения Уризена. Выяснилось, что одно из растений острова является источником древесного спирта. Сжигая прочие деревья, заготовили древесный уголь. Планета темпосфуджеров обеспечила строителей серой.

Когда Вольфу понадобились платиновые катализаторы для получения азотной кислоты, он вспомнил о цилиндрах вертящегося мира.

Точка плавления платины — 1773,5 градуса по Цельсию, и она обладает высокой прочностью. Ни выплавить, ни отрезать кусок цилиндра не было никакой возможности. Однако Вольф решил задачу, воспользовавшись собственными устройствами Уризена.

Он взял с собой всех Властелинов, хотя Теорион и Тармас очень сильно возражали. Окружив подвижные гексагоны-близнецы, их подвели к краю цилиндра. Здесь-то Теорион понял, зачем ему было необходимо совершить это путешествие. Его вес потребовался для того, чтобы заставить "врата" опуститься к изгибающемуся краю цилиндра. Силы, удерживающие "врата" над поверхностью, были сильны, но не могли сопротивляться весу и мускулам всех Властелинов.

Часть дуги прошла в один гексагон. Если бы "врата" оставались неподвижными, кусок цилиндра просто бы выступил

через парные "врата" на другом цилиндре. Но "врата" перемещались и, действуя как своего рода ножницы, отрезали ту часть, которая прошла через арку.

Установив "врата" на место, Властелины прошли через них на следующий цилиндр и нашли кусок платины. Затем они воспользовались имеющимися там "вратами", чтобы рассечь кусок на более мелкие части.

Перенесшись на цилиндр с вертящимися смертоносными "вратами", Вольф, кидая камни и следя за их исчезновением, подметил безопасную сторону мазком желтой краски, принесенной из водного мира. Больше эти "врата" не доставляли им затруднений.

Постепенно Вольф определил точную направленность каждого гексагона и мог попадать в нужный ему мир кратчайшим путем.

Остров водной планеты к этому времени превратился в гигантскую кузницу, полную дыма и зловоний. Выслушивая жалобы туземцев и Властелинов, Вольф то насмехался, то грозил им. Он без устали подгонял всех. Так минуло шестьдесят темных лун. Работа продвигалась медленно, то и дело принося разочарования: часто отдельные операции бывали опасны для жизни. Вольф с Лувахом продолжали совершать походы по мирам, доставляя необходимые материалы.

Аэростатный космический корабль был уже почти готов. Еще немного, и он покинет планету. В стратосфере поле притяжения быстро ослабевает (в чем Теорион сильно сомневался), и корабль использует притяжение темной луны, чтобы набрать большую скорость. Затем пороховые ракеты придадут ему ускорение. Изменять направление движения можно будет с помощью небольших взрывов пороха или газовыми струями из пузырей.

Вольф еще не решил всех проблем, связанных с регенерацией и циркуляцией воздуха в герметичной гондоле и с трудностями жизнеобеспечения в невесомости. Впрочем, сила тяжести на корабле частично останется. До верхних слоев атмосферы они поднимутся за счет расширения газа в пузырях, но затем попадут в поле притяжения луны. И лишь пороховые ракеты должны придать кораблю достаточное ускорение, чтобы преодолеть притяжение водного мира.

Если же тяготение планеты преодолеть не удастся, они вполне могут оказаться пленниками лунной орбиты.

— Никакие математические расчеты не подскажут, как избавиться от притяжения и выбрать необходимое направление, — заметил Вольф Луваху. — Придется действовать по наитию.

— Будем надеяться, что у нас неплохой нюх, — отозвался Лувах. — Скажи, ты и вправду считаешь, что у нас получится?

— Надеюсь, — ответил Вольф. — Но сейчас стоит подумать о других вещах. Например, о космических костюмах, в которых мы будем работать. Нам придется носить скафандры даже тогда, когда мы будем в гондоле, так как нельзя будет полагаться на ее полную герметичность.

Уже приготовили гремучую ртуть для взрывных головок. Это была темная коричневая смесь, полученная путем взаимодействия ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, окислившую серу до серной кислоты, получили после нескольких химических реакций. Соль натрия, кристаллизированную из птичьего помета, нагрели вместе с серной кислотой, а ее получили, сжигая серу вместе с селитрой.

Свободный азот, выделенный из воздуха, смешали с водородом из газовых пузырей и получили аммоний. Аммоний при соответствующей темнературе смешали с кислородом, взятым из пузырей, вырабатывающих кислород. Смесь пропустили через тонкий проволочный смеситель, выполненный в виде контактной платины, чтобы одновременно подвергнуть катализу.

Полученные в результате азотные окислы смешали с водой и путем перегонки получили концентрированную кислоту. Материалом для тиглей, контейнеров и труб послужило стекловидное вещество с планеты конькобежцев.

Черный порох приготовили из древесного угля, серы, селитры.

Вольфу также удалось получить из солей азотной кислоты взрывчатый порох. Однажды Вала заметила:

— Не кажется ли тебе, что мы делаем чересчур много пороха? Мы ведь все равно не сможем взять с собой так много, иначе корабль просто не оторвется от земли.

— Верно, — ответил Вольф. — Но, может быть, ты поинтересуешься, почему я размещаю взрывчатку в разных местах? Потому что порох самовозгорается. Храня запасы по отдельности, я сохраню большую часть, если какой-нибудь склад взорвется.

Властелины побледнели, а Ринтрах осведомился:

— Ты имеешь в виду, что взрывчатка, которую мы возьмем на корабль, может взорваться в любую минуту?

— Именно так. И боюсь, что это еще один неизбежный риск. Шансы на успех малы, но не следует отчаиваться. Разве вы не чувствуете иронии в том, что Уризен сам снабдил нас материалами для собственной гибели? Он сам вложил в наши руки оружие, которым мы разрушим его сверхтехнику — если нам повезет, конечно.

— Если мы останемся живы, то непременно посмеемся, — пробормотал Ринтрах. — Однако мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

— Старая русская пословица гласит: "Когда деньги уплатил, веселись, что хватит сил". И еще: "Хорошо смеется тот, кто смеется последним".

В ту ночь Вольф пошел к Луваху. Почувствовав на плече руку, Лувах моментально проснулся. Он уже схватился за нож, сделанный из кремня на планете фуджеров, но Вольф объяснил:

— Я пришел поговорить с тобой, а не убивать. Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. Мне нужна помощь.

— Спасибо, брат. Ты лучший из нас. Я знаю, ты не способен на предательство.

— Часть того, что я собираюсь сделать, может показаться на первый взгляд предательством. Но это необходимо. Слушай внимательно, младший брат...

Час спустя, нагруженные лопатами и топорами, они вышли из хижины и направились к холму, на котором стояла пара "врат". Здесь их уже ждали двадцать туземцев, пользующихся доверием у Вольфа. Они принялись копать, обрубая сплетения гниющей растительности и корни пузырей, образующих остров. Все работали слаженно и быстро, так что к тому времени, когда луна зашла и увела с собой ночь, канава вокруг холма была закончена. Все продолжали работать до тех пор, пока лишь несколько футов древесных корней не отделяли дно раскопок от уровня моря. Затем в канаву заложили азотную селитру и взрывчатку и старательно забросали их нарезанными корнями и грязью, стараясь замаскировать все следы работы.

— Стоит только взглянуть, и любой догадается, что здесь копали, — сказал Вольф. — Но будем надеяться, что сюда никто не заглянет. Я ведь объявил, что сегодня день отдыха, так что все будут спать. — Он поглядел на "врата". — Теперь нам предстоит обойти все планеты, и сделать это надо быстро.

Добравшись до планеты темпосфуджеров, Вольф дал Луваху одно из своих духовых ружей. Оно было сделано из полого, похожего на бамбук растения. Аборигены пользовались им, чтобы стрелять дротиками с наконечниками из костей особого вида рыбы. С этим оружием они охотились на птиц и крыс, живущих на острове.

Вольф и Лувах зашли в каньон и сбили там пять фуджеров. Когда Вольф подбирал их, он нашел нору, в которой жили хроноволки. Он засунул конец духового ружья в нору

и выпустил дротик. Выждав минуту, он просунул в нору руку и вытащил спящего хроноволка.

Животных, которые находились в бессознательном состоянии, бросили во "врата", которые вели, по всей вероятности, в мир Уризена. Возможно, однако, что и те и другие "врата" вели лишь в следующий второстепенный мир, как и "врата" на планете вращающихся цилиндров.

— Я надеюсь, что маленькие животные заденут сигналы тревоги Уризена, — объяснил Вольф. — Эти сигналы на некоторое время отвлекут его. Возможно, что способность фуджеров и хроноволков удваиваться и перемещаться во времени даст им шанс выжить. Может быть, им даже удастся размножиться, попасть во дворец и разрушить какое-то количество ловушек и сигнальных устройств. Пока Уризен будет ломать голову над тем, что происходит, он отвлечется от "врат", через которые ожидает нашего прихода.

— Хорошо, если так, — отозвался Лувах. — Боюсь только, что гексагоны-близнецы, здесь и в водном мире, ведут только на второстепенную планету.

— Нет ничего надежного в этих мирах, — заметил Вольф. — И даже бессмертных Властелинов за каждым углом ожидает смерть. Так что давай-ка завернем за угол.

Они прошли через "врата" Велтизмира. Не обнаружив никаких признаков хроноживотных, Вольф очень обрадовался, так как считал весьма вероятным, что они попали в крепость Уризена.

Спутники вернулись в водный мир, и Вольф отправил Лувaха выполнять новое задание, провожая его задумчивым взглядом. Возможно, он и ошибался, подозревая Валу в тайном сговоре с отцом. Но уж слишком ей везло.

При малейшей опасности она почему-то оказывалась всегда в безопасном месте. А как уверенно она держалась, когда они скатились в реку с ледяных скал! Даже Теорион тогда устал до полусмерти, хотя вода, можно сказать, его родная стихия; она же плавала без устали. Вольф подозревал, что в ее поясе скрывалось устройство, позволяющее ей с такой легкостью держаться на поверхности воды. А гексагоны? Каждый раз выбираемые ею "врата" вели на второстепенную планету. Неужели действительно ни один из гексагонов не вел в крепость Уризена? Нет, уж слишком самоуверенно она держалась, это на нее не похоже. Она явно вела двойную игру.

Вала ненавидела отца, но она могла сговориться с ним, чтобы погубить своих братьев и кузенов. Ведь их она ненавидела не меньше, а может, даже и больше. Она вполне могла носить при себе ловко припрятанный передатчик. Таким образом, Уризен

мог все слышать, а возможно, и видеть. Она же наслаждалась этой игрой, совмещая роль беспристрастной наблюдательницы и участницы, подверженной всем опасностям.

Уризену же зрелище смертельно опасных приключений тем более доставляло удовольствие, что напоминало своеобразные спортивные соревнования.

Вернувшись к холму, Вольф принялся претворять в жизнь последний этап плана. Аборигены почти закончили грузить на корабль черный порох, селитру и гремучую ртуть. Полувыстроенный корабль состоял из двух каркасов, сделанных из полого бамбука и снабженных газовыми ячейками. Каркасы представляли собой верхние и нижние палубы, и соединить их предстояло позднее.

С самого начала он знал, что использовать этот корабль для космического путешествия невозможно. Он вообще сомневался, что корабль взлетит, а если и взлетит, то вряд ли сможет преодолеть притяжение планеты. Шансов на успех практически не было.

Но он делал вид, что уверен в успехе, и поэтому работы продолжались. Так что любой шпион, будь то Властелин или посторонний наблюдатель, был бы одурачен.

Возможно, что Уризен наблюдает за ними и сейчас, недоумевая, что они собираются предпринять. Если так, то, когда он узнает, будет слишком поздно.

Аборигены отпустили канаты, которыми были пришвартованы обе половинки корабля, и те, поднявшись на несколько футов в воздух, остановились — тонны взрывчатки не давали взлететь выше. Высота была примерно той, что требовалась Вольфу. Он подал сигнал, и туземцы начали толкать обе части корабля в сторону холма до тех пор, пока не подвели их к самим "вратам". Каждая половина была как раз таких размеров, чтобы пройти в шестиугольную арку. Именно для этой цели Вольф и приказал строить корабль из двух раздельных частей — цельный корабль никак не мог бы протиснуться в узкое пространство. Даже сейчас каркасы проходили в отверстие буквально впритирку.

Вольф поджег фитили на обоих парящих в воздухе половинках корабля и дал сигнал аборигенам. С дружным возгласом туземцы принялись подтаскивать каркасы. Стоя чуть поодаль, Вольф смотрел сквозь арку на ландшафт острова. Но вот нос одной из половинок вошел во "врата" и исчез, словно обрубленный. Следом исчезла и корма.

Из зарослей вышел Лувах с бесчувственной Валой на плечах. За ним, встревоженные и озадаченные, шагали остальные Властелины. Вольф объяснил им, что собирается делать.

— Я не мог доверить свои планы никому, кроме Луваха, — сказал он. — Я подозреваю, что Вала шпионит для отца. Может, она и невиновна, но рисковать не стоит. Поэтому и попросил Луваха позаботиться о ней. Надеюсь, он ударил ее не слишком сильно. Мы возьмем ее с собой, и к тому времени, когда она придет в себя — даже если мои подозрения оправданны, — она уже ничем не сможет нам помешать.

Теперь надевайте скафандры. Они будут действовать в воде так же хорошо, как и в космосе. Даже, пожалуй, лучше, поскольку их делали специально для погружения в воду.

Лувах посмотрел на "врата".

— Ты думаешь, что взрывчатка сработает?

— Трудно сказать. — Вольф пожал плечами. — "Врата" односторонние, так что с этой стороны мы, конечно, взрыва не услышим. Но будем надеяться, что запал сработал и часть ловушек уничтожена. И если так, то Уризен, должно быть, весьма расстроится и удивится.

Лувах облачил Валу в защитный костюм, затем оделся сам. Вольф смотрел, как бежит огонь по фитилям, спрятанным в полых бамбуковых трубках. Фитили соединялись непосредственно со взрывчаткой-порохом, аммониевой селитрой и гремучей ртутью, уложенной во рву вокруг холма с "вратами".

Глава 15

Раздался грохот, и почва дрогнула. В воздух поднялось облако черного дыма, обгорелые ветки и корни. Как только дым рассеялся, Вольф повел Властелинов к холму, быстро погружающемуся в воду. Взрыв как бы вырубил кусок острова, и тот под тяжестью гексагонов уходил вниз.

Вольф бросил пару бомб к основанию "врат", чтобы ускорить их погружение, и подождал, пока их верхняя часть не сравняется с поверхностью острова. Как только "врата" скользнули в воду, он повел отряд вперед. Его лицо скрывала кислородная маска, на спине были закреплены баллоны со сжатым воздухом. В одной руке Вольф держал копье с кремневым наконечником, в другой — нож, за пояс был заткнут топор.

Верхушка "врат" открылась уже в море, и как раз тогда, когда Вольф вынырнул на поверхность, чтобы осмотреться. Вода, взбаламученная обломками корней и перегноем, была такой мутной, что ничего не удалось разглядеть. Он схватился за арку гексагона, позволяя увлечь себя на дно моря.

Лувах погружался следом, одной рукой схватившись за его лодыжку, а другой держа бесчувственную Валу. Остальные

Властелины, в свою очередь, держались за Луваха. Лишь Теорион плыл сам по себе, пока отряд не прошел через "врата".

Убедившись, что она находится у левого гексагона, Вольф вплыл в шестиугольную арку — точнее, его затащило туда напором воды.

Мощное течение стремительно понесло его по длинному коридору. В свете люминесцентных ламп взору Вольфа предстала живописная картина. Чудовищной силы взрыв вырвал часть плит, которыми был выложен проход: массивные двери из белого металла в конце коридора сорвало с петель и покорежило. Корабль-бомба сделал свое дело. Даже если бы взрыв не сорвал двери, отделявшие холл от остальных помещений дворца, они в конце концов были бы сметены под напором воды: правда, к этому времени Властелинов расплющило бы давлением.

Вольфа вынесло в проход и увлекло вниз по другому коридору. Чуть впереди бурлящий поток с ревом ударялся о стенку и сворачивал в сторону. В свете ламп Вольф разглядел, что дно коридора усеяно рядом длинных металлических костылей. Несомненно, они предназначались для Властелинов, которые теперь проплывали над ними, приблизившись к повороту. Вольф развернулся и, оттолкнувшись ногами, последовал по течению.

Наклон коридора внезапно увеличился, и поток устремился вниз под углом в пятьдесят градусов. Вольф едва успел заметить, что проход разветвляется надвое, его неотвратимо влекло к водопаду, срывающемуся с большого отверстия в конце спуска.

Водоворот морской воды крутил и кидал его, как щепку. Мимо стремительно проносились стены. Наконец ревущий поток вышвырнул Вольфа в окно, и, уже падая, он увидел перед собой вышедший из берегов пруд.

Удар оглушил его. Но почти бессознательно он вынырнул и добрался до берега. "Нам определенно повезло", — подумал Вольф, разглядывая пруд. Если бы не он, все неминуемо бы разбились насмерть. Все еще сжимая копье, Вольф выбрался на камни.

Вскоре на поверхность один за другим вынырнули другие Властелины. Первым показался Теорион, за ним Лувах с пришедшей в себя и перепуганной Валой. Еще через несколько секунд выплыл Ринтрах. Тармас безжизненно покачивался на воде, лицом вниз с распростертыми руками. Его, должно быть, ударило об окно перед тем, как его увлек водопад, около его колена виднелся кровоподтек, лицо покрывали синяки.

Вала было набросилась с упреками на Вольфа, но он велел ей молчать — на разговоры не было времени. В нескольких словах он объяснил ей, что сделал и почему. Вала быстро

овладела собой. Она улыбнулась, хотя была все еще бледной, и проговорила:

— Опять ты добился своего, Джадавин! Обратил механизм Уризена против него самого!

— Вот что, Вала, — перебил ее Вольф. — По моему, ты в сговоре с отцом. Может, я чересчур мнителен, хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с Властелинами. В общем, если ты окажешься невиновна, я попрошу прощения, если же нет, то он решит, что ты переметнулась на нашу сторону, и вряд ли станет выслушивать твои объяснения. Он просто убьет тебя при первой же возможности. У тебя нет выбора.

— Да-а, братец, ты всегда отличался коварством! Что ж, твоя взяла. Но с отцом я и сама справлюсь. Кто знает, может быть, у меня и появится такой шанс! Несколько часов назад я поклялась бы, что мы попадем в западню, как только ступим в его владения, но вот мы здесь, отцу же грозит смертельная опасность.

Она указала на окно, из которого мощным потоком извергалась морская вода. — Очевидно, "врата" находятся в верхних этажах дворца. А вода бежит вниз. Если Уризен не примет в ближайшее время экстренных мер, то утонет, как крыса в собственной норе. — Оглядев окрестности дворца, Вала продолжила: — Как видишь, дворец расположен в долине, со всех сторон окруженной высокими горами. Через некоторое время все море водного мира вольется через "врата", если только они не затонули на мелководье. Долину затопит, а потом вода хлынет сквозь горы и затопит всю планету.

— Предлагаю забраться на горы и полюбоваться, как утонет отец, — предложил Ринтрах.

Вольф покачал головой:

— Нет. Во дворце Кризейс.

— А нам-то что? — пожал плечами Ринтрах.

— Не забывай, у Уризена есть самолет, — сказал Вольф. — Так что он наверняка спасется и непременно отыщет нас. Но даже если нам удастся спрятаться, мы все равно обречены: довольно скоро этот мир затопит. Уризен может просто бросить нас здесь на произвол судьбы, мы окажемся в западне и неизбежно умрем от голода. Нет, если вы уж хотите выбраться отсюда и вернуться в свои вселенные, вам придется помочь мне разделаться с Уризеном. — Вольф повернулся к Теориону и проговорил: — Ты должен знать тут какие-нибудь ходы, ведь отец держал тебя здесь пленником. Есть ли возможность пробраться внутрь, так, чтобы не нарваться на ловушки?

— В саду, который теперь залила вода, был вход, — объяснил Теорион. — Пожалуй, это лучший вариант. Так мы сможем

проплыть к "вратам", которые еще не затоплены. Достаточно не притрагиваться к полу и стенам, и ловушки не сработают.

Властелины снова погрузились в воду и, держась вдоль краев пруда, чтобы не попасть под водопад, спустились на глубину. Найти вход оказалось нетрудно: их буквально затащило туда течением. Они проплыли с влившимся туда потоком и вскоре добрались до широкой лестницы, выложенной из черного и красного камня. Поднявшись по ней и проплутав некоторое время в коридорах, путники очутились на втором этаже. Он тоже был затоплен, и Властелины продолжали подъем. Пол следующего этажа вода покрывала всего на несколько дюймов, но уровень ее быстро повышался. Скинув маски, они взбежали по лестнице на четвертый этаж.

Дворец Уризена, как и обиталища прочих Властелинов, был великолепен. В другое время Вольф непременно бы задержался, чтобы полюбоваться картинами, драпировками, скульптурами и прочими бесценными сокровищами, награбленными из десятков миров. Теперь лишь две мысли владели его сознанием: убить Уризена и спасти свою жену, большеглазую Кризейс.

Перед тем как дать команду идти вперед, Вольф спросил:

— Где Вала?

— Минуту назад она шла за мной следом, — отозвался Ринтрах.

— Значит, жива-здорова, — заметил Вольф. — Но как быть, если она ускользнет к Уризену?

— Лучше бы нам опередить ее, — поторопил Лувах.

Вольф отправился вперед, каждую секунду ожидая, что вот-вот сработает смертельная ловушка. Любые двери наверняка защищались заградительными устройствами, хотя коридор — была и такая возможность — мог оставаться свободным. Вполне вероятно также, что Уризен считал себя здесь в безопасности. Возможно что, заливая здание, вода могла нарушить режим работы накопителей энергии. К каким бы случайностям Уризен ни готовился, вряд ли ему приходило в голову, что море другой планеты может залить его владения.

— Комната, где меня держали, на следующем этаже. Личные апартаменты Уризена там же.

Вольф поднялся по первому пролету лестницы, к которой они приблизились. Он шел медленно, внимательно разыскивая признаки ловушек. Все было в порядке. Властелины без затруднений поднялись на следующий этаж и на минуту остановились. Чем ближе они подходили к Уризену, тем больше нервничали. Ненависть уступала перед былым трепетом, наполнявшим их сердца в детстве.

Они находились в огромном зале, стены которого, выложенные плитами из белого мрамора, украшало множество барельефов, изображающих различные сцены из жизни Властелинов. Вот Уризен восседает на троне. Вот он стоит на лугу, окруженный резвившимися детьми. Вольф узнал себя, братьев, сестер и кузенов. То была счастливая пора, хотя время от времени их терзали смутные предчувствия грядущей ненависти и тревог.

— Слышите грохот волны? — тихо спросил Теорион. — Еще немного, и этот этаж тоже затопит.

— Кризейс, наверное, держат в той же камере, что и тебя, — сказал Вольф. — Веди нас туда.

Теорион, отталкиваясь мощными ластами, направился туда. Он не колебался, когда прокладывал дорогу в путанице комнат и переходов, казавшихся постороннему запутанными лабиринтами.

Наконец он остановился перед высоким и овальным входом, выполненным из красного камня. Вход украшали пурпурные шероховатые барельефы, изображающие крылатых созданий. За ним виднелся огромный зал, залитый тусклым светом.

— Вот здесь меня и держали, — объяснил Теорион. — Но я боюсь туда входить.

Вольф сунул копье в сводчатый проход.

— Подожди минутку, — посоветовал Теорион. — Телеловушки могут срабатывать с опозданием, чтобы вошедший не сумел спастись.

Вольф продолжал держать копье, считая секунды и прикидывая, как далеко удастся войти в помещение. Неожиданно в зале что-то ослепительно вспыхнуло, и Вольфа отбросило назад.

Когда зрение вернулось, Вольф увидел, что половины копья как не бывало. Из прохода веяло жаром, воздух наполнился запахом гари.

— Твое счастье, что пламя локализовано, — заметил Теорион.

Ловушка занимала около двадцати ярдов. Дальше помещение могло быть безопасным, но как миновать смертельную преграду?

Вольф отступил на шаг и швырнул в зал остаток копья, а затем повернулся ко входу спиной. Снова последовала вспышка, ослепившая Властелинов, из зала хлынула волна жара. Вольф повернулся и метнул в комнату стрелу, считая секунды. Ровно через три секунды стрела вспыхнула в пламени. Вольф объяснил спутникам свой план, и Властелины, спустившись этажом ниже, окунулись в воду. Затем мокрые вернулись к сводчатому проходу. Вольф метнул стрелу. Последовала вспышка, и как только жар чуть-чуть схлынул, он опрометью кинулся в поме-

щение. За ним помчались Теорион и Лувах. У них было всего три секунды, чтобы преодолеть двадцать ярдов, — времени немного, но достаточно. Пламя высушило намокшие одежды и слегка опалило волосы. Но преграды остались позади.

У дверей остались Ринтрах и Тармас. Ринтрах метнул стрелу и кинулся в раскаленный воздух. Вольф, наблюдавший за ним, заметил, что Тармас заколебался, и предупреждающе крикнул, советуя подождать и попытаться еще раз. Но Тармас не обратил на его слова внимания, а может, просто не расслышал их. Он понесся изо всех сил, и глаза его были широко раскрыты под кислородной маской. Вольф приказал всем отвернуться. Вновь последовала ослепительная вспышка, и одновременно раздался пронзительный крик. Горячий воздух полыхнул в лица Властелинов, и одновременно они ощутили запах горелой плоти и сожженной рыбьей шкуры, из которой были сделаны одежды. Останки Тармаса темной грудой лежали на полу, пальцы его рук и ног обуглились.

Властелины молча отвернулись и, не говоря ни слова, направились через зал. Подойдя к следующему проходу, Теорион, после соответствующей проверки, провел их в узкую дверь. Отряд вошел в полукруглую комнату длиной около ста ярдов. Вдоль стен стояло множество клеток, и все они, за исключением одной, были пусты. Вольф увидел ее обитателя первым.

— Уризен! — воскликнул он.

Глава 16

В клетке размером десять на десять футов виднелось тонкое одеяло, кран с питьевой водой, дыра в полу, заменявшая отхожее место, да автоматический раздатчик пищи. Человек в ней был худым и высоким. Лицо его все еще странным образом сохраняло соколиное выражение, но борода отросла ниже колен, а грязные, спутанные волосы спадали до икр. Увидев клочья седины, Вольф понял, что отца держали здесь долго: даже прекратив принимать так называемое средство бессмертия, Властелины еще долгие годы испытывали воздействие препарата.

Уризен подошел к решетке, но держался осторожно. Он не прикасался к стальным прутьям. Вольф тихо приказал всем отступить, а сам приблизился к клетке. Остановившись в нескольких дюймах от нее, он спросил:

— Ты все еще ненавидишь нас так сильно, отец, что жаждешь нашей смерти?

Вольф поскреб прутья кончиком стрелы: по металлу тотчас побежали блики света.

Уризен печально улыбнулся и заговорил глухим, полным боли голосом:

— Дотрагиваться до решетки только болезненно, но не смертельно. Ах! Джадавин, ты всегда был самым хитрым! Кому бы еще удалось дойти сюда? Никому — разве только Вале да, возможно, Красному Орку.

— Так, значит, моей сестрице удалось пробраться сквозь все твои ловушки, да еще и поймать того, кто их расставлял! — произнес Вольф. — Да-а, она действительно выдающаяся личность.

— Где она? — спросил Уризен. — Неужели умерла? Я знаю, что она должна быть с вами, она говорила мне о своих планах.

— Вала во дворце, и ее все еще следует остерегаться, — ответил Вольф. — Она непрестанно убеждала нас, что ты по-прежнему царствуешь на троне. Она забавлялась, деля выпавшие на нашу долю невзгоды и изображая из себя союзницу. Я подозревал, что она действует в сговоре с тобой, но чтобы она... нет, такое мне в голову не приходило.

— Я обречен, — сказал Уризен. — Мне не выбраться отсюда, да ты и не сможешь открыть клетку. Не сможешь, даже если бы захотел помочь мне. Да и все равно я скоро умру. Вала ввела мне медленно действующую и болезненную культуру рака. Собственно говоря, она делала это уже трижды и каждый раз, когда я был уже при смерти, вылечивала меня, возвращая здоровье.

— Сказал бы, что мне жаль, но не хочу лгать, — заметил Вольф. — Ты получил по заслугам.

— Выслушивать нотации от тебя?! — воскликнул Уризен, и глаза его вспыхнули прежним огнем. Внутри у Вольфа что-то дрогнуло — былой страх перед отцом еще не угас. — Я слышал, Джадавин, что ты сильно изменился, с тех пор как пожил на Земле, но не мог этому поверить. Теперь вижу, что это правда.

— Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой, — оборвал Вольф излияния старика. — Да и времени для этого нет. Скажи, отец, как нам добраться до пульта управления? Скажи, если хочешь отомстить. Вала снова свободна и находится там.

— Зачем мне помогать вам? — возразил Уризен. — Пусть я умру, но, по крайней мере, буду знать, что ты, Ринтрах, Лувах и Теорион погибнете вместе со мной.

— Разве тебе приятна мысль о торжестве Валы? Разве ты получишь удовольствие от того, что Вала будет жить? Что она сделает из твоего тела мумию и выставит напоказ среди прочих трофеев?

Уризен горько улыбнулся:

— Если я тебе сообщу те сведения, которые тебя интересуют, то тогда Вала, может быть, и умрет, но вы-то останетесь

жить. Это отвратительный выбор. Как ни поверни — в проигрыше я.

— Ты можешь ненавидеть нас, но мы ведь никогда не делали тебе ничего плохого, — настаивал Вольф. — Вала же...

— Море скоро наводнит и этот этаж, тогда мы все погибнем, — вмешался Теорион. — Вот уж посмеется Вала, сидя в безопасности перед контрольной панелью. И над Кризейс она потешится, как захочет.

Чувство беспомощности овладело Вольфом. Какими угрозами заставить Уризена говорить? Он сделал все, что было в его силах, — что же еще? Вольф проговорил:

— Пошли, больше нельзя терять ни секунды, — и добавил, обратившись к Уризену: — Прощай, отец. Твоя смерть близка. Я знаю, твое сердце жаждет отмщения. Несколько слов, и справедливая кара настигла бы Валу. Но ненависть слепит тебя. Ты сам лишаешь нас возможности свершить возмездие.

— Подожди! — крикнул ему вслед Уризен.

Вольф быстро вернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы:

— Если я помогу тебе, выполнишь ли ты одно условие?

— Я не могу освободить тебя, отец, — ответил Вольф. — Тут надо подумать, а ты сам видишь, что у нас нет ни минуты. А если бы и смог, я все равно бы убил тебя, как только открыл бы клетку.

— Я предлагаю услугу за услугу, — произнес Уризен. — Я прошу тебя об одном — о смерти. Я бесконечно страдаю, сын мой. Гордость мешала мне сознаться. Но каждая минута такой жизни кажется мне тысячелетиями. Будь на моем месте кто-то другой, он давно бы пал на колени, умоляя положить конец его мукам. Уризен же никогда не унижается до просьб. Обмен — другое дело.

— Согласен, — сказал Вольф. — Стрела избавит тебя от мук.

Уризен склонился к решетке и прошептал несколько слов. Не успел он закончить, как в дальнем конце помещения послышался смех. Вольф резко повернулся и увидел Валу. Он мигом положил стрелу на тетиву лука, хотя знал, что Вала ни за что не решилась бы войти сюда, если бы не была надежно защищена.

Однако в следующий момент он заметил, что тело Валы просвечивает, и даже разглядел сквозь нее противоположную стенку. Тотчас же стало понятно, что перед ними проекционное изображение. "Хоть бы она не подслушала, о чем сказал Уризен, — взмолился про себя Вольф. — Иначе все пропало".

— Отлично! Лучшего я и желать не могла, — заявило изображение. — Все в сборе — меня это полностью устраивает. Счастливое семейство снова вместе! Советую хорошенько

поразвлечься, перегрызая друг другу глотки. Надеюсь, что это будет достойное зрелище! Мне, к сожалению, некогда: я покидаю эту планету и отправляюсь за еще живыми братьями и любимой сестричкой Анагой. Правда, перед отлетом я немного отдохну... с твоей Кризейс.

— Тебе еще ни разу не удавалось и не удастся взять верх! — воскликнул в ярости Вольф. — Даже если ты убьешь нас, то недолго будешь упиваться победой. Слышала ли ты о яде эстфагво туземцев водяного мира. Он не имеет ни вкуса, ни запаха, и его очень легко подмешать в еду. Яд этот проникает в кровь и долгое время остается там, никак не проявляясь. Лишь через несколько дней ужасная боль скрючивает жертву, и несчастный долгие часы бьется в предсмертных судорогах. Знаешь ли ты, что от него нет противоядия? Так вот, Вала, я подсыпал эстфагво тебе в ужин вчера вечером, подозревая тебя в предательстве. Скоро яд начнет действовать, вот тогда ты сможешь посмеяться.

Ничего подобного, конечно, Вольф не делал и до последнего момента даже не думал об этом. Но он рассчитывал, что если он умрет, то Вала заплатит за это хотя бы несколькими часами, проведенными в ожидании смерти.

Изображение вскрикнуло от ярости и отчаяния:

— Ты лжешь, Джадавин! Ты никогда бы не решился на такое! Ты просто пытаешься запугать меня!

— Подожди немного и увидишь, правду ли я сказал тебе или нет, — отпарировал Вольф.

Он повернулся и, подняв лук, направился к клетке, намереваясь выполнить данное Уризену обещание. Изображение Валы вспыхнуло и исчезло.

Тотчас же из скрытых в потолке труб забили струи зеленой пены. Жидкость моментально залила весь пол и поднялась до колен Властелинов, едкие испарения вызвали у них приступ кашля. Глаза у Вольфа заслезились. Он нагнулся за луком, который случайно выронил, и закашлялся еще сильнее.

Пена уже поднялась до уровня груди. Вольф с трудом шагал по вязкой массе, пробираясь к противоположной двери — хотя там его вполне могла ждать очередная ловушка. Когда пена начала захлестывать голову, он задержал дыхание и надел кислородную маску. Затем немного отодвинул ее от лица и выдул накопившийся в ней состав. Он надеялся, что и другие сохранили присутствие духа и вспомнили о масках.

Затем буквально за несколько шагов до выхода Вольф почувствовал, что пена начинает твердеть. Он протискивался, насколько хватало сил, но сопротивление вязкой массы все росло. Еще движение, и пена превратилась в твердую массу. Он был замурован, как муха в янтаре.

Вольф не мог видеть идущих за ним следом Властелинов, стоя лицом к сводчатому проходу, к которому так стремился. Он попробовал шевельнуться и обнаружил, что может немного двигать руками и ногами. Прилагая неимоверные усилия, он протиснулся еще на полдюйма.

Но желе как бы спружинило, вернуло его назад и вновь сжало, как в тисках. Ему стало невозможно что-либо предпринять, оставалось одно — ждать, пока не кончится запас воздуха. Система циркуляции кислорода была замкнутой и перерабатывала выдыхаемый углекислый газ. Будь она открытой, он уже давно бы умер: желе охватило его так плотно, что выдыхать было некуда. Ему оставалось жить, возможно, часа два. Похоже, что Вала будет смеяться последней. А Кризейс, большеглазая красавица Кризейс, — что будет с ней? Неужели ее заставят смотреть, как он умирает? Или же Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Так прошло минут пятнадцать, и все его мысли были направлены на поиски выхода из этой безвыходной ситуации. Но спасения не было. Близился конец более чем двадцати пяти тысячам лет жизни и власти бога. Годы прошли напрасно, не стоило и рождаться. Он умрет, и Кризейс тоже умрет, обоих их мумифицируют и выставят в трофейном зале среди прочих экспонатов.

— Нет уж, этого не будет! Во всяком случае, Вале придется покинуть этот дворец. Вода, врывающаяся на верхнем этаже дворца, лишит ее удовольствия. Первые тела — его и Кризейс — останутся под водой, в темноте прохода, пока плоть не сгниет, а кости не разнесет течением.

Вода! Он совсем забыл про мощный поток, стремительно наполняющий этаж за этажом. Если бы только!

Первая волна прокатилась по коридору, устремилась под арку и вымыла кусок желеобразного вещества. Коридор быстро наполнялся водой, и желе стало разжижаться. Однако время шло. И с каждой минутой вода все приближалась к Вольфу, пожирая пространство и превращая желе в зеленую пену. Так минуло полчаса, воздуха у него оставалось примерно на сорок минут. Он сдерживал дыхание, экономя каждый глоток кислорода.

Желе вокруг него уже опадало зеленой пеной. Вот густая масса растаяла — и он свободен! Однако опасность не миновала. Ведь оставаясь под водой, он неминуемо задохнется, как только кончится воздух.

Приплыв к спутникам, которых Вольф разглядел сквозь зеленую массу, он рывком освободил их от мертвой хватки желеобразного вещества. Все были живы, кроме Ринтраха — он

вовремя надел кислородную маску, но что-то не сработало. Махнув Теориону и Луваху, Вольф поплыл к выходу — их единственной надежде. Но проникнуть в двери, сквозь которые в зал врывался поток воды, оказалось невозможно. Их сносило к другой арке.

На минуту Вольф застрял в желе, закупорившем выход. Наконец вода размыла преграду, и Властелинов вынесло в соседнюю комнату. Течение отбросило их к противоположной стене. Кое-кто выкарабкался кое-как из потока и встал на ноги. Вольф выключил подачу воздуха и снял маску. Не было нужды говорить братьям, что через пару минут это помещение затопит и что им следует беречь тот небольшой запас воздуха, который остался в баллонах.

— Уризен сказал мне, что во дворце есть один командный зал, и объяснил, как до него добраться. Он установил контрольную панель на тот случай, если кому-то удастся завладеть главным пультом. Но потайная дверь находится за залом, в котором расположена ловушка с испепеляющими лучами. Уризену не хватило времени объяснить, как отключить эти лучи. Поэтому нам придется подождать, когда уровень воды поднимется, потом надеть маски и попробовать миновать ловушку в воде. Надеюсь, она ослабит лазеры!

Властелины надели кислородные маски и пробрались в угол около входа, чтобы хоть как-то защититься от напора водного потока. Ударяясь о стену напротив арки, поток несся по полу к противоположной стене. Видя, что вода не приводит лучи в действие, Вольф метнул в проход свой каменный топор. Тотчас же последовала ослепительная вспышка, от воды столбом пошел пар.

Уровень воды быстро поднимался, и Властелины постепенно всплывали к потолку. Когда между поверхностью воды и потолком остался только фут воздуха, они опять надели маски. Вольф нырнул к полу и поплыл. Вдруг воздух кончился. Он задержал дыхание и продолжал путь.

Вспышка света ослепила его, и вода, превратившаяся в кипяток, ошпарила незащищенные руки и шею. Потом его швырнуло о стойку двери и вынесло в соседнее помещение. Здесь Вольф оттолкнулся от пола и стремительно всплыл к потолку, вытянув вперед руки, чтобы не удариться.

Коснувшись камня, он скинул маску и вздохнул. Легкие наполнились воздухом, но тут же рот захлестнуло водой, и он закашлялся. Теорион и Лувах держались рядом. Вольф поднял руку и указал вниз:

— Следуйте за мной!

Он вновь нырнул, держа глаза открытыми и скользя рукой по стене. Через мгновение он добрался до ниши. В ней стояла нефритовая статуя, изображающая сидящего на корточках идола-божества, бог знает, какого племени.

Вольф повернул его голову, и часть стены отошла внутрь. Троих Властелинов тотчас же втянуло в большую комнату. Обретя под ногами твердый пол, Вольф подбежал к кронштейну и потянул рычаг с красной ручкой. Дверь медленно закрылась, и в помещение проникло очень мало воды. О том, как найти нужный кронштейн — а их было по крайней мере штук тридцать, — Уризен успел сообщить Вольфу.

Вольф нажал еще и прямоугольную пластинку с идеограммой на древнем языке Властелинов. Потом отступил назад и впервые за долгое время улыбнулся.

— Вала больше не сможет пользоваться своим пультом, более того, она в ловушке, — сказал он. — Все "врата" спасения в контрольной комнате отключены. Действуют только долговременные "врата" дворца, поддерживающие связь с водным миром.

Вольф протянул руку к кнопке, приводившей в движение обзорный экран. Но вдруг он отдернул руку и с минуту стоял в раздумье.

— Чем меньше сестра будет знать о действительном положении, тем лучше, — решил он наконец. — Теорион, иди сюда и слушай внимательно.

Вольф с Лувахом укрылись за кронштейном и смотрели на экран через узкую щель. Теорион нажал ластом кнопку. Вала уставилась на него. Волосы ее стали рыжими от влаги, лицо исказила ярость.

— Ты! — воскликнула она.

— Приветствую тебя, сестра, — произнес Теорион. — Как видишь, я жив. Ты удивлена? Я вот думаю, как ты почувствуешь себя, узнав, что я отрезал тебе все пути к спасению? Ты в моих руках.

— А где же братцы? Где твои любимые родственники? — поинтересовалась Вала, стараясь заглянуть мимо него в помещение.

— Погибли. У них кончился запас воздуха. У меня тоже, но тело, которое дал мне отец, позволило мне задержать дыхание, пока вода не смыла твое желе.

— Неужели Джадавин наконец-то мертв? Прямо не верится. Или ты разыгрываешь меня, а, глупый слизень?

— Ты не в том положении, чтобы ругаться.

— Покажи-ка мне его труп, — сказала она.

Теорион пожал плечами:

— Это невозможно. Он плавает где-то во дворце. Я сам едва добрался сюда. И не могу сходить за ним — комната наполняется водой.

Вала глянула на тонкий слой воды, покрывающий пол, и улыбнулась:

— А, так ты тоже в ловушке! Ах ты, воняющий рыбой идиот! У рыб и то больше извилин в мозгу — ты сам признался, что так же беспомощен, как и я.

Теорион зевнул:

— Хм-м...

— Ты ведь думаешь, что я в твоей власти, — продолжила Вала. — Пожалуй, ты даже уверен в этом. Но твое положение на самом деле ничуть не лучше моего. Я знаю, где находится космический корабль. Он может доставить нас на другую планету, на которой есть "врата", через которые можно покинуть пределы этой системы вселенной. Ну а что собираешься делать ты в своем безвыходном положении?

Теорион почесал мех на голове концом ласта:

— Не знаю.

— М-да, ты не знаешь! Ты глуп, но не настолько же. Слушай, давай заключим сделку. Ты выпустишь меня, а я позволю тебе улететь со мной на корабле. Другого пути нет ни для одного из нас.

Вольфу не видно было лица Теорина, но тон его выражал хитрость и подозрение.

— Откуда мне знать, что я могу доверять тебе?

— А разве я могу доверять тебе? Нам нужно устроить все так, чтобы никто не мог заманить другого в ловушку. Согласен?

— Ну-у, я не знаю...

— Моя контрольная комната не пострадает, даже если море поднимется еще на милю. У меня тут пищи на целый год. Я просто могу сидеть здесь и ждать, когда ты умрешь. А потом отыскать какой-нибудь способ выбраться отсюда. Уж поверь, я что-нибудь придумаю.

— Если такая умная, то что же не выходишь? — съязвил Теорион.

— Мне тут просто нравится. И дел у меня хватит на год, не меньше.

— Ладно. А как насчет Кризейс?

— Я ее захвачу с собой, я кое-что задумала, — ответила Вала, но голос ее стал более подозрителен. — А почему тебя это беспокоит?!

— Никто меня не беспокоит, мне просто интересно. Может быть... может быть, ты отдашь ее мне? Судя по словам Джадавина, она должна быть очень красивой.

Вала засмеялась:

— О такой пытке для нее я не подумала! Но нет, братец. Ты ее не получишь!

— Тогда никакой сделки, — сказал Теорион. — Хоть подавись ею! Посмотрим, чем вы будете развлекаться целый год. Да и не думаю, чтобы тебе удалось доплыть до космического корабля. Давление воды будет слишком большим.

— Ах ты глупая, эгоистичная, скользкая кишка! Да ты скорее сдохнешь, чем хоть чем-нибудь поделишься! Ладно, бери ее.

Вольф улыбнулся. Он велел Теориону выторговать Кризейс и таким образом отвести от себя подозрение Валы. Желание обладать Кризейс было настолько неуместным и эгоистичным, что Вала только утверждалась в искренности Теориона.

Теорион от радости хлопнул ластами. Вольф хоть и надеялся, что столь бурное выражение восторга было притворным, но не сдержался и подумал о возможном предательстве брата. Теорион продолжил:

— Ладно. Ну а как мы доберемся до космического корабля?

— Сначала выпусти меня, я все равно ничего не скажу тебе, а то ты улетишь один.

— Но если я открою дверь, то ты сможешь выйти раньше меня.

— Неужели ты не сможешь установить рычаги так, чтобы моя дверь открылась только тогда, когда выйдешь ты?

Теорион заворчал, как будто эта мысль оказалась для него новой:

— Ладно, только из комнаты ты выйдешь раздетой. Мы оба выйдем голыми и с пустыми руками. Без оружия. Выйдем одновременно и встретимся в коридоре, который соединяет обе комнаты.

— А я-то думала!.. — вздохнула Вала. — Ты хочешь сказать, что все время знал, как попасть сюда... так вот где находится запасной контрольный пульт! А я была уверена, что коридор упирается в глухую стену.

— Все равно это тебе уже ничего не даст, — буркнул Теорион. — Тебе не выйти, пока я тебя не выпущу. Да, вот еще что: раздень Кризейс тоже, я не хочу, чтобы ты прятала оружие на ней.

— Работаешь без риска, а? Да ты, похоже, умнее, чем я думала?

Что же Вала задумала? Если она действительно встретит его на середине коридора, то окажется совершенно беспомощной против огромной силищи Теориона. А он нападет на нее в тот же миг, как она раскроет ему местонахождение космического корабля, и Вала не может не знать об этом.

Дело еще в том, что Вольф, Лувах и Теорион на самом деле знали, где находится корабль. Теорион только притворился, чтобы дать Вале мнимое преимущество. Надо было как-то вытащить ее из комнаты, иначе бы она ни за что не вышла. Вольф знал свою сестру. Она скорее умрет, прикончив перед этим Кризейс, чем сдастся. А мысль, что Властелин действительно может сдержать данное слово, даже не приходила ей в голову. И для этого у нее были веские причины.

Так что же она все-таки задумала?

Теорион вновь стал спорить с Валой, прикидываясь дурачком и во всем сомневаясь. Наконец он выключил экран и повернулся к Вольфу и Луваху. Вольф открыл дверь. Как сказал Теорион, коридор соединял обе контрольные комнаты. Помещения и холл образовывали единый блок и защищались металлической оболочкой четырнадцатифутовой толщины, способной выдержать любое давление воды и даже противостоять прямому попаданию водородной бомбы. Внутреннюю поверхность стен покрывал слой специального вещества, отражающего проникающую радиацию нейтронной бомбы. Именно поэтому Уризен расположил запасную контрольную комнату в непосредственной близости к основной. Кто бы ни завладел главным пультом, даже не подумает, что из помещения существует выход в коридор, до тех пор пока не откроется часть стены, кажущейся монолитной.

Сам коридор был обставлен так роскошно, что в нем вполне можно было бы устраивать приемы. Даже у всех земных миллиардеров, вместе взятых, не хватило бы состояний, чтобы купить собранные там картины, мебель, скульптуры. На огромной цепи из золотого сплава висела полутонная люстра, высеченная из цельного алмаза. И она не была самым дорогим украшением коридора.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой. Лувах укрылся за статуей. Теорион, убедившись, что его спутники готовы, вернулся в контрольную комнату и сообщил Вале, что та может выходить. Потом он нажал кнопку, освобождающую двери от замка.

Вала высунула наружу голову, осторожно осматриваясь, проем залил свет. Теорион столь же осторожно выглянул из своей комнаты и шагнул вперед, готовый сразу же отскочить, если только у Валы окажется оружие. Вала усмехнулась и вышла, разведя руки, чтобы показать, что в них ничего нет. Она выглядела великолепно в своей наготе.

Вольф глянул на нее лишь мельком. Он смотрел на женщину, которая шла за ней. Это была Кризейс, прекрасная,

большеглазая нимфа с тигриной походкой и распущенными волосами. Она тоже была нагой.

— Горы Мамборизена! — воскликнул Теорион. — Я чуть было не забыл... где твой нож?

— В контрольной комнате, — ответила Вала. — Я не захватила его только потому, что ты велел выйти с пустыми руками.

— Пойди и принеси его, Кризейс, — распорядился Теорион. — Но когда будешь нести, держи высоко над головой, на всю длину рук, и не нацеливай на меня. Любое неожиданное движение — и я убью тебя.

Смех Валы наполнил коридор:

— Ты так мнителен, что подозреваешь даже ее? Она не причинит тебе вреда! Она определенно не собирается выступать на моей стороне.

Теорион не ответил. Соответствующим образом проинструктированный, он играл роль чрезвычайно настороженного Властелина, чтобы Вала не заподозрила его в предательстве. Будь Теорион подоверчивее, она сразу бы заподозрила неладное.

Затем Вала и Теорион двинулись навстречу друг другу, шагая медленно и не сводя друг с друга пристального взгляда. Все выглядело так, будто они играли или были партнерами в церемониальном танце — так величаво и ритмично они двигались.

Вольф согнул колени в ожидании. Он скинул одежду, чтобы та не стесняла его движений. От напряжения тело покрылось потом. Ни он, ни Лувах не были вооружены. Оба растеряли все свое оружие, пока добирались до потайного контрольного пульта. А в контрольной комнате, к его разочарованию, не было никакого оружия. Очевидно, Уризен считал его ненужным. Или, что более вероятно, оно было спрятано так, что найти его мог только человек, знающий секрет. А сообщить его Уризену не хватило времени... а может быть, у него не было такого желания. И поэтому их план заключался в том, чтобы дождаться, пока Вала пройдет мимо спрятавшихся Вольфа и Луваха, а затем все трое прыгнули бы на нее.

В нескольких футах от бриллиантовой люстры Вала остановилась и сказала:

— Ну, мой безобразный братец! Похоже, ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул.

— Итак, где же находится космический корабль?

Теорион шагнул вперед, надеясь, что Вала тоже сделает шаг. Однако она стояла неподвижно, затем насмешливо произнесла:

— Ход как раз в другом конце коридора, в розовой оправе, за зеркалом. Ты мог бы пройти в него, оставив меня умирать... если бы знал! Ты безмозглая мерзкая тварь!

Теорион зарычал и прыгнул на нее. Лувах вскочил из-за укрытия и бросился было вперед, но столкнулся с Кризейс. Вольф кинулся прямо к Вале.

Она пронзительно вскрикнула и вытянула правую руку, повернув ладонь прямо к потолку. Из ладони выплеснулся интенсивный белый луч не толще иглы. Вала повела рукой, луч скользнул по шее Теориона, и его голова свалилась. Какое-то время тело еще стояло, из шеи фонтаном лилась кровь. Потом труп рухнул на пол.

Почему Вала не убила и Вольфа крошечным лучеметом, имплантированным в ладонь, так и осталось тайной. Возможно, она хотела сохранить кого-нибудь в качестве будущей жертвы, которую можно было бы поистязать. Это было бы так похоже на Валу и вообще на Властелинов.

Вольф был беспомощен, и Вала знала это. Она шагнула к нему.

— Теперь я убью тебя, — сказала она. — Ты так опасен, что нельзя оставлять тебя в живых даже еще на одну секунду.

— Я еще не мертв, — процедил Вольф.

Пальцы его сжались на голове Теориона, и он метнул ее в Валу. Затем вскочил на ноги и кинулся к ней, зная, что у него нет ни одного шанса выиграть, но надеясь, что случится чудо и хоть на мгновение ее внимание отвлечется.

Вала подняла руку, чтобы отправить вызывающий ужас луч. Он рассек голову Теориона, но половина все еще продолжала лететь к Вале.

Однако луч был направлен к потолку и моментально перерезал золотую цепь. Полутонная люстра рухнула на девушку. Вольф даже не заметил, как это произошло. Он бросился на пол, спасаясь от луча — на тот случай, если Вала все еще была жива. Вала пристально смотрела на него, глаза ее еще сверкали яростью. Но тело и руки ее были придавлены тяжестью алмазов, по полу растекалась кровь.

— Ты... победил... брат, — выдохнула она.

Кризейс вышла из-за статуи и бросилась к Вольфу. Зарыдав, она прильнула к нему. Он не мог ругать ее за это, но нужно было действовать.

Крепко обняв ее, он несколько раз поцеловал жену и потом отстранил.

— Нам нужно выбраться отсюда, пока это возможно, — сказал он. — Нажми на третий завиток с левой стороны на верхнем украшении зеркала.

Кризейс нажала, и зеркало повернулось, открыв проход. Вольф вскинул на плечо потерявшего сознание брата и двинулся к потайному проходу.

— Роберт! — позвала Кризейс. — А как же она?

Он остановился.

— Что, "как она"?

— Неужели ты собираешься бросить ее здесь? Ведь она при смерти. Она же страдает!

— Ну и что? — ответил он. — Она это заслужила.

— Роберт!

Вольф вздохнул. Похоже, он снова стал настоящим Властелином, прежним Джадавином.

Он положил Луваха на пол и подошел к Вале. Она повернулась, и ее рука освободилась, причем кусок отколотого алмаза упал на пол. Вольф прыжком подскочил к ней и схватил за руку в тот момент, когда из ладони сверкнул луч. Он выкрутил ей руку так сильно, что затрещали кости. Она вскрикнула от боли и умерла.

Направленный на Вольфа лазерный луч рассек ее надвое.

* * *

Вольф, Кризейс и Лувах вошли в корабль. Звездолет поднялся по стволу шахты на самую вершину дворца. Стартовав, Вольф повел корабль к "вратам", укрытым в горах планеты темпосфуджеров. Только после этого у него нашлось время узнать, как Вале удалось выманить Кризейс из постели и похитить ее из его мира.

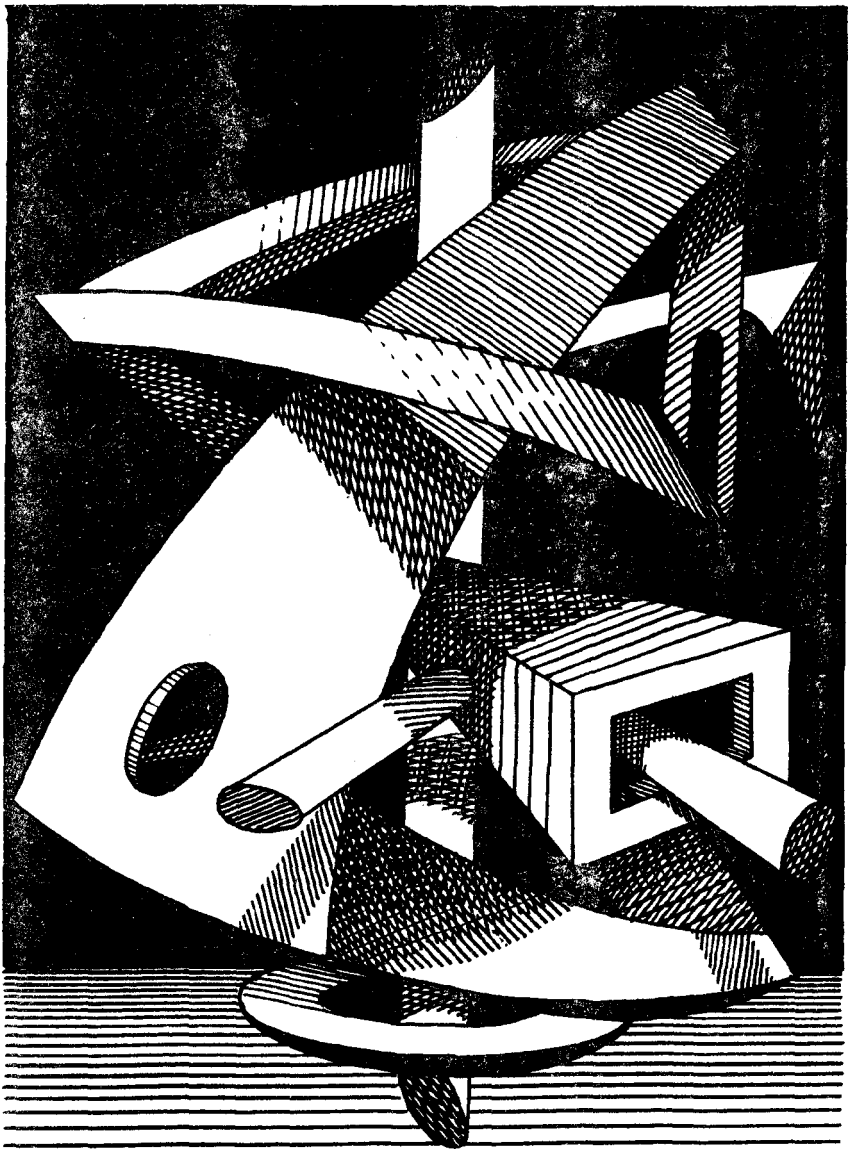
— Меня разбудил Гексакулум, — объяснила Кризейс. — Ты спал, она — Вала — предупредила меня, что, если я попытаюсь разбудить тебя, ты умрешь страшной смертью. Вала сказала, что, только безукоснительно выполняя ее указания, я спасу тебя от смерти.

— Тебе следовало бы знать ее получше, — заметил Вольф. — Если бы она могла причинить мне вред, она давно бы это сделала. Но только тогда ты слишком испугалась за меня, я понимаю тебя. Ты не осмелилась даже подумать, что она блефует.

— Да. Мне хотелось закричать, но я боялась, что она осуществит свои угрозы. Я так боялась за тебя, что не могла даже думать. Поэтому я прошла через указанные ею "врата" — те, которые ведут в нижние этажи нашей вселенной. Перед тем как выйти, я по ее приказу отключила сигнализацию. Вала ждала меня в пещере у "врат", чтобы перенести в этот мир. Остальное ты знаешь.

Вольф передал рычаги управления Луваху, чтобы обнять и поцеловать Кризейс. Она заплакала, и его глаза тоже наполнились слезами. То были не только слезы облегчения. Ведь он вернулся с Кризейс, целой и невредимой, и освободился от неимоверного напряжения, в котором жил последнее время, скитаясь по этой жестокой вселенной. Он плакал также по Вале и братьям, но не по тем, какими они были, а по тем, какими они могли быть.

Конец

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

1

Под зеленым небом и желтым солнцем на черном жеребце, грива которого была выкрашена в малиновый цвет, а хвост – в голубой, Кикаха скакал, спасая свою жизнь.

Сто дней назад, тысячу миль назад, он покинул Хровака, деревню медвежьего народа. Устав от охоты и обыденной жизни, Кикаха внезапно возжелал вкусить – и не просто вкусить – цивилизации. Более того, Кикаха понял, что пришла пора наточить нож его интеллекта, а у ташкетмоаков, единственного цивилизованного народа на этом уровне, было много такого, чего он еще не знал.

Поэтому он оседлал и нагрузил самым разным скарбом двух лошадей, попрощался с вождями и воинами, поцеловал на прощание двух жен. Он разрешил им взять себе новых мужей, если он не вернется через шесть месяцев. Жены заявили, что будут ждать его вечно, на что Кикаха улыбнулся, так как они говорили то же самое и своим предыдущим мужьям перед тем, как те ускакали на тропу войны, да так и не вернулись.

Несколько воинов хотели проводить его через горы до Великих Прерий. Он ответил "нет" и выехал один. Чтобы выбраться из гор, ему потребовалось пять дней. Один день был потерян, потому что за Кикахой крались двое молодых воинов из племени вакангишушей.

Возможно, они не один месяц ждали в Ущелье Черной Ласки, зная, что в один прекрасный день Кикаха проедет здесь.

Среди пятидесяти народов Великих Прерий и граничивших с ними горных хребтов скальп Кикахи считался самым ценным. Из сотни скальпов наиболее отважных людей.

По меньшей мере двести воинов пытались когда-либо подстеречь Кикаху, и ни один из них не вернулся живым.

Много военных отрядов поднималось в горы, чтобы напасть на обнесенный частоколом форт Хровака на вершине высокого холма, надеясь захватить медвежий народ врасплох и снять с Кикахи скальп во время боя. И только длительный набег племени полуконей, называвшегося ошангстава, едва не увенчался успехом.

Торжественные песни об этом набеге и уничтожении ужасных полуконей пелись народами всех ста двадцати девяти племен Прерий в вигвамах Совета вождей во время празника Крови.

Двое вакангишушей держались от своей добычи на почтительном расстоянии. Они дожидались, когда Кикаха устроится на ночлег. Воины надеялись преуспеть там, где потерпело неудачу множество других охотников, поэтому они крались за Кикахой осторожно и бесшумно. Красный ворон размерами с орла пролетел в сумерках над Кикахой и дважды громко каркнул.

Затем он закружился над одним из спрятавшихся воинов: описав двойной круг, пролетел над деревом, за которым пригнулся второй, и снова описал двойной круг.

Кикаха похвалил себя, что не поленился и приручил разумную птицу. Он улыбался, наблюдая за ней. Той ночью он вскоре всадил стрелу в первого воина, приблизившегося к его стоянке, а три минуты спустя – нож в другого.

У Кикахи появилось искушение отклониться от своего пути миль на пятьдесят и швырнуть копье с привязанными к нему скальпами в середину стойбища вакангишушей. Подобными подвигами он и заслужил свое имя Кикаха, то есть обманщик, и он любил поддерживать свою репутацию. Однако на этот раз его ждало стоящее дело. Образ Таланака, города, являвшегося Горой, светился у него в голове, как драгоценный камень над костром.

Поэтому Кикаха удовольствовался тем, что повесил два скальпированных трупа на дереве вверх ногами. Он повернул своего жеребца на восток и таким образом спас жизнь нескольким вакангишушам и, возможно, свою собственную. Кикаха много хвалился своей хитростью, быстротой и силой, но не боялся признаться себе, что отнюдь не был непобедимым или бессмертным.

Кикаха при рождении получил имя Пол Янус Финнеган. Произошло это в городке Терре-Хот, штат Индиана, на Земле, во вселенной по соседству с этой. (Все вселенные соседствуют друг с другом.) Его дочерна загорелую кожу украшали там и тут медные пятнышки веснушек, а более трех дюжин шрамов разнообразной формы и глубины придавали его телу особую мужественность. Его густые, волнистые, рыжевато-бронзовые волосы доходили ему до плеч и были заплетены сейчас в две косички.

Его лицо с ярко-зелеными глазами, курносым носом, длинной верхней губой и раздвоенным подбородком обычно выражало природную веселость.

На голове Кикаха носил обруч, сделанный из полоски шкуры льва. Ее украшали приделанные к ней медвежьи зубы, получалось нечто вроде короны. С правой стороны за повязку было воткнуто черно-красное перо из хвоста ястреба. Выше талии Кикаха не носил никакой одежды, если не считать ожерелья из медвежьих когтей на шее. Пояс из расшитой бирюзовыми бусами медвежьей шкуры поддерживал пятнистые штаны из оленьей кожи, а мокасины на его ногах были сделаны из кожи льва. По бокам на поясе у Кикахи обычно висели ножны: одни для большого стального ножа, другие – для ножа поменьше, идеального для метания.

Седло на его жеребце было очень легким. Седла лишь недавно вошли в обиход всех племен вместо одеял. Кикаха скакал, держа в одной руке копье, а в другой – поводья и опираясь ногами на стремена.

Притороченные к седлу кожаные колчаны и ножны хранили разнообразное оружие, а на приделанном к седлу деревянном крючке висел небольшой круглый щит с нарисованной на нем головой рычащего медведя. В скатанном и притороченном к седлу плаще из медвежьей шкуры находилось легкое походное кухонное снаряжение. На другом седельном крючке висела бутылка с водой в обмазанной глиной плетеной корзине.

Позади трусила вторая лошадь, нагруженная запасным седлом, кое-каким оружием и другим снаряжением.

Кикаха выбирался из гор не торопясь.

Хотя он тихо насвистывал мотивы этого мира и своей родной Земли, он не был беззаботен. Его глаза обшаривали все впереди, и он часто оглядывался.

Над головой Кикахи желтое солнце медленно двигалось по дуге в безоблачном светло-зеленом небе. Воздух был наполнен ароматами распускавшихся белых цветов, сосновых игл, а иногда и запахами кустов с пурпурными ягодами. Один раз проклекотал ястреб, и дважды он слышал урчавших в лесу медведей.

Кони, слыша это, прядали ушами, но не нервничали.

Они выросли вместе с ручными медведями, которых Кикаха держал в стенах деревни.

Вот так, настороже, но наслаждаясь окружающим миром, Кикаха спустился с гор в Великие Прерии.

Спустившись, Кикаха смог охватить взглядом очень большое пространство, так как тут находился зенит сташестидесятимильного легкого изгиба сектора.

Ему предстоял путь в восемьдесят миль по очень пологому склону, почти незаметному. Затем ему надо будет переправиться через реку или озеро и начать почти неощущаемый подъем.

Налево, как могло показаться, всего в пятидесяти милях, а на самом деле – в тысяче, находился монолит Абхарплунта. Он тянулся вверх на тридцать миль, а на вершине его находилась еще одна страна и еще один монолит. Там, наверху, располагалась Дракландия, где Кикаха был известен как барон Хорст фон Хорстман. Он не был там два года, а если бы и вернулся, то оказался бы бароном без замка. Его жена на том уровне решила не мириться с его долгими отлучками, и потому развелась с ним и вышла замуж за его тамошнего лучшего друга барона Зигфрида фон Лиобата.

Кикаха отдал им свой замок и отправился на любимый им больше всего индейский ярус.

Лошади покрывали легким галопом милю за милей, а Кикаха высматривал признаки врагов. Он также наблюдал за животными, теми, что были известны когда-то на Земле, но вымерли, и зверями из других вселенных. Всех их вывез в эту вселенную Господь Вольф, когда его знали здесь как Джадавина. Некоторые же представители местной фауны были созданы в лабораториях дворца на вершине самого высокого монолита.

Тут паслись огромные стада низкорослых бизонов, все еще известных в Северной Америке, и гиганты, вымершие в американских прериях примерно десять тысяч лет назад. В отдалении маячили большие серые туши мамонтов и мастодонтов с кривыми бивнями. Щипали траву несколько гигантских существ с большими головами, отягощенными множеством шишковатых рогов, и выступавшими из роговых же губ изогнутыми зубами. Страшные волки высотой по грудь Кикахе трусили вдоль края стада бизонов и дожидались, когда какой-нибудь детеныш отобьется от матери. Еще дальше Кикаха видел кравшееся за зарослями высокой травы тело, окрашенное в черно-рыжую полосу и знал, что это феликс атрокс, огромный безгривый четырехсоткилограммовый лев, скитавшийся некогда по травянистым равнинам Аризоны. Сейчас он надеялся поймать отставшего от матери мамонтенка или, наверное, питал какие-то слабые надежды задрать одну из пасшихся поблизости многочисленных антилоп.

В небе кружили ястребы и канюки. Один раз над головой Кикахи пролетел гусиный клин и птицы, крича, направились дальше, к рисовым болотам в горах.

К Кикахе приближалось, колыхаясь, стадо неуклюжих длинношеих созданий, похожих на дальних родственников верблюдов, каковыми они и были. С ними шло несколько тонконогих детенышей, и их тоже надеялась задрать стая страшных волков.

Повсюду царили и жизнь, и обещание смерти. В воздухе веяло сладостью. Ни одного человеческого существа не удалось увидеть Кикахе. Вдали мчался галопом табун диких лошадей, возглавляемый великолепным чалым жеребцом. Повсюду – только звери. Кикаха любил этот мир. Он был опасным, но и волнующим, и Кикаха думал о нем как о своем мире, несмотря на то что создал его и все еще владел им Вольф, Господь, а он, Кикаха, вторгся сюда.

Но этот мир в некотором смысле был больше миром Кикахи, чем Вольфа, поскольку он, Кикаха, безусловно, пользовался его благами больше, чем Вольф, находившийся обычно во дворце на вершине самого высокого монолита.

На пятидесятый день Кикаха выехал к Большой Торговой Тропе. Тут не было дороги в обычном смысле слова, поскольку трава тут росла не менее густо, чем рядом, но каждую милю ее отмечали два деревянных столба, верхняя часть которых была вырезана в виде Ишкетламму, ташкетмоакского бога торговли. Тропа тянулась на тысячу миль от границы империи ташкетмоаков, петляя по Великим Прериям, и проходила по разным полупостоянным торговым местам прерий и горных цепей. По тропе шли огромные караваны с ташкетмоакскими товарами в обмен на меха, шкуры, травы, слоновую кость, пойманных животных и пленников. Договор ограждал тропу от нападения, и всякий ехавший по ней находился в безопасности, по крайней мере, теоретически, но если он попадал за пределы узкой тропы, отмеченной резными столбами, то становился законной добычей любого встречного.

Кикаха несколько дней ехал по тропе, так как хотел найти торговый караван и узнать новости о Таланаке. Сто дней спустя после того, как он покинул деревню Хровака, он снова вышел на тропу.

Поскольку она вела прямо в Таланак, он решил пойти по ней.

Спустя час после рассвета появились полукони.

Кикаха не знал, что они делали в такой близости от ташкетмоакской границы.

Наверное, они совершали набеги, потому что, хотя они и не нападали ни на кого на Большой Торговой Тропе, они все же охотились в окружавших ее ташкетмоакских владениях.

Чем бы ни объяснялось их присутствие здесь, они не должны были оправдываться перед Кикахой. Они, разумеется, сделают все, что в их силах, чтобы поймать его, поскольку Кикаха был их величайшим врагом.

Кикаха пустил двух своих коней в галоп. Полукони, в миле налево от него, тоже рванули галопом в тот же миг, как увидели, что Кикаха понесся вскачь. Они бегали быстрее, чем обреме-

ненный человеком конь, но Кикаха имел хорошую фору. Он знал, что впереди, в четырех милях от него, находится аванпост и что там он будет в безопасности, если конечно, сумеет очутиться за его стенами.

Первые две мили он гнал своего черного жеребца с предельной для того быстротой. Тот отдал все свои силы, все, что мог, с губ у него срывалась пена, грудь увлажнилась. Кикаха страдал из-за этого, но, разумеется, он не собирался щадить животное, так как в этом случае погиб бы.

Кроме того, полукони все равно забили бы его лошадей на мясо.

Проскакав две мили, Кикаха понял, что его преследуют полукони из племени шойштотелей, разбойничавшие обычно в трехстах милях отсюда, неподалеку от Леса Деревьев со Многими Тенями. Они походили на кентавров из земных миров, но были крупнее, а их лица и украшения отнюдь не свидетельствовали о греческом происхождении.

Их огромные, вдвое больше человеческих головы с темными широкоскулыми лицами индейцев прерий украшали шляпы или повязки с перьями и заплетенные в одну-две косички длинные черные гривы.

Вертикальная человеческая часть их тела была снабжена похожим на мехи органом, качавшим воздух в пневматическую систему лошадиной части туловища. Он вздымался и опадал, усиливая странную и зловещую внешность полуконей.

Первоначально полукони были созданиями Джадавина, Господа этой вселенной. Он сработал и вырастил тела кентавров в своих биолабораторях. Первых кентавров снабдили человеческими мозгами, изъятыми у скифских и сарматских кочевников с Земли и у некоторых ахейских и пеласкгийских племен. Поэтому кое-какие племена полуконей все еще говорили на этих языках, хотя большинство давным-давно переняли язык какого-нибудь индейского племени из прерий.

Теперь же шойштотели упорно неслись галопом за Кикахой, почти уверенные, что враг находится в их власти. Почти – потому что опыт частично рассеивал иллюзии многих жителей прерий, веривших, что Кикаху удастся легко поймать или, поймав, удержать.

Шойштотели, хотя они и жаждали взять его в плен, чтобы помучить, вероятно намеревались убить Кикаху как можно скорее. Попытка взять его живым требовала осторожности с их стороны, но если они будут очень осторожничать, то быстро обнаружат, что он исчез.

Кикаха пересел на другую лошадь, черную кобылу с серебряными гривой и хвостом, и принудил ее скакать во весь дух.

Жеребец отстал, вся грудь его была в белой пене, он дрожал и тяжело дышал, а потом упал и тогда полуконь проткнул его копьем.

Мимо Кикахи проносились стрелы, а копья падали позади него. Но Кикаха не потрудился даже ответить на стрельбу. Он пригнулся к шее кобылы и громко понукал ее. Вскоре, когда полукони стали приближаться к Кикахе и их стрелы и копья стали ложиться ближе, Кикаха увидел на вершине невысокого холма аванпост. Он представлял собой площадку, построенную на вкопанных в землю заостренных бревнах. С каждой стороны площадки выступали небольшие пакгаузы. На шесте посередине площадки развевался ташкетмоакский флаг, зеленый, с алым орлом, глотающим черную змею.

Кикаха увидел, как караульный на несколько секунд уставился на него, а потом поднес к губам конец длинного тонкого рога. Кикаха не мог расслышать сыгранной тревоги, потому что ветер дул от него, а грохот копыт полуконей стал слишком громким.

Изо рта лошади хлестала пена, но она продолжала мчаться. И все-таки полукони приближались, а их стрелы и копья пролетали опасно близко. Одна стрела была с тремя камнями, образовывающими треугольник смерти, и она едва не поразила Кикаху. Затем, когда ворота форта открылись и оттуда вылетела ташкетмоакская кавалерия, кобыла споткнулась.

Она попыталась подняться и это ей почти удалось, но Кикаха знал, что несчастье было вызвано не усталостью, а стрелой, воткнувшейся в ее круп и пронзившей его под таким пологим углом, что головка стрелы вышла наружу. Кобыла не могла долго протянуть.

Еще одна стрела вонзилась в тело кобылы как раз позади седла. Кобыла упала, а Кикаха выбросился из седла, когда она рухнула. Он попытался приземлиться и сразу побежать, но не смог. Над ним нависла тень падающей кобылы. К счастью, она рухнула в сторону и лежала не двигаясь. Кикаха вскочил на ноги и побежал к ташкетмоакам.

Позади него торжествующе закричал полуконь.

Повернув голову, Кикаха увидел их вождя в шляпе с перьями, тот несся к нему, высоко подняв копье. Кикаха выхватил метательный нож, резко обернулся, принял стойку и, когда кентавр начал было бросать копье, метнул нож. Сразу же после того, как нож вылетел из его руки, Кикаха отпрыгнул в сторону. Копье пролетело над его плечом рядом с шеей.

Полуконь с торчавшим ниже груди ножом кубарем прокатился мимо Кикахи. Кости лошадиных ног и хребет человеческой части тела трещали от ударов. Затем над Кикахой пролетели

копья, посланные ташкетмоаками в полуконей. Одно из них зацепило воина, думавшего, что он преуспеет там, где потерпел неудачу вождь. Он не доверился своему умению бросать и собирался пронзить Кикаху копьем, вложив в удар всю силу своего пятисотфунтового тела.

Воин рухнул, Кикаха подобрал его копье и швырнул в лошадиную грудь ближайшего кентавра. Затем кавалерия ташкетмоаков, превосходившая численностью полуконей, проскакала мимо него, и началась свалка. Полуконей отогнали, но кавалерия понесла большие потери.

Кикаха сел на коня, потерявшего хозяина, и галопом поскакал к посту.

– Ты всегда приносишь с собой много бед, – сказал Кикахе командир аванпоста.

Кикаха усмехнулся.

– А признайся, ты ведь был рад происходящему? Вы ведь умирали от скуки, верно?

Капитан улыбнулся в ответ.

Тем же вечером к форту приблизился полуконь, несший шест с длинным белым пером цапли на конце. Чтя символ герольда, капитан отдал приказ воздержаться от стрельбы. Полуконь остановился перед воротами и крикнул Кикахе:

– Ты снова сбежал от нас, Обманщик, но смерь тебя ждет! Не думай, что ты сможешь пользоваться Большой Торговой Тропой и не опасаться нас! Мы будем чтить Тропу: никого на ней полукони не тронут! Кроме тебя, Кикаха! Мы убьем тебя! Мы поклялись не возвращаться к своим вигвамам, к своим женщинам и детям, пока не убьем тебя!

– Ваши женщины возьмут других мужей! – проорал в ответ Кикаха. – А дети вырастут, не вспоминая вас! Вам никогда не поймать и не убить меня, полуослы!

На следующий день прискакал сменный отряд, и получившие увольнительную кавалеристы поехали вместе с Кикахой в город Таланак. Полукони не появлялись, и, пробыв некоторое время в городе, Кикаха начисто забыл об угрозах шойштотелей. Но ему пришлось вспомнить о них.

2

Река Ваткеткол начинается с речки, ответвляющейся от реки Гузирит в стране Хамшем, или в Дракландии, на монолите Абхарплунта. Она протекает через густые джунгли, достигает краев монолита, затем обрушивается через проточенный водой в твердой скале канал. Долгое время воды реки падают сплош-

ной массой, а затем, у самого подножия тридцатимильного монолита, становятся водяной пылью. Тучи брызг скрывают его от людских глаз.

Подножие монолита тоже невозможно увидеть.

Те, кто пробовал зайти в этот туман, рассказывали, что он все равно что самая черная ночь, а брызги через некоторое время превращаются в сплошную воду. Туман простирается на одну-две мили от подножия и где-то там снова становится ручьем, а потом и рекой. Поток протекает через узкий канал в песчанике, а затем расширяется. Около пятисот миль река петляет зигзагами, дальше миль на двадцать течет прямо и наконец разделяется на несколько рукавов, обтекая твердые скалы гор.

По другую сторону горы река вновь воссоединяется, резко поворачивает и течет шестьдесят миль на запад. Там она исчезает в огромной пещере и, надо полагать, стекает вниз через сеть пещер внутри монолита, на вершине которого находится Индейский уровень. Где она снова выходит на поверхность, знают только Орлицы Подарги, Вольф и Кикаха.

Обтекаемая рекой гора-остров была сплошной глыбой полудрагоценных камней.

Когда Джадавин создал эту вселенную, он отлил гору из смешанных агата и нефрита в три тысячи футов высотой. Она имела пирамидальную форму и изумрудно-зеленые, коричневые, лиловые, желтые, голубые, серые, красные, черные и разные другие оттенки. Джадавин поместил эту глыбу, чтобы она охладилась, на краю Великих Прерий, а позже направил реку вокруг ее подножия.

Тысячи лет нефритовая гора оставалась нетронутой, если не считать приземлявшихся на ней птиц и плавающих у прохладного скользкого основания рыб. Когда индейцев провели через врата в этот мир, они наткнулись на нефритовую гору. Некоторые племена сделали ее своим богом, но кочевые народы не селились поблизости от нее.

Затем в этот мир привели цивилизованных людей из древней Мексики. Случилось это, насколько мог вспомнить Джадавин, ставший позже Вольфом, приблизительно тысячу пятьсот земных лет назад. Иммигранты поневоле принадлежали к цивилизации, названной впоследствии, вероятно, ольмекской культурой. Сами они называли себя ташкетмоаками. Они построили деревянные дома и деревянные стены к западу и востоку от горы и назвали гору Таланак. Таланаком они называли своего бога-ягуара.

Котчултя – буквально "дом бога" или храм Тошкоуни, божества письменности, математики и музыки, – находился на полпути к вершине похожего на многоступенчатую пирамиду

города Таланак. Он выходил на улицу Смешанных Благословений и снаружи не казался очень большим. Фасад храма, изящного здания, высеченного в склоне горы, был выполнен в виде птичье-ягуарова лица Тошкоуни. Как и в остальной внутренней части горы, все пещеры, вся резьба, все барельефы были сделаны с помощью трения или бурения. Нефрит нельзя расколоть или расслоить, его можно только пробуравить. Трение же порождает прекрасное и полезное.

Таким образом, черно-белый нефрит в этом районе уже давно истерли поколения рабов, применявших в качестве абразивов толченый корунд и стальные или деревянные инструменты. Рабы выполняли в основном черновую работу, а потом за дело принимались художники и ремесленники. Ташкетмоаки утверждали, что камню можно придать абсолютно любую форму, если позволят Боги.

"Боги прячут, люди находят", – говорили ташкетмоаки.

Когда посетитель вступал в храм через дверной проем, который, кажется, сжимался за ним, как зубы в кошачьей пасти Тошкоуни, он попадал в огромную пещеру. Она освещалась солнечным светом, льющимся сквозь отверстия в потолке, и сотней бездымных факелов. За красно-белой нефритовой перегородкой высотой по пояс стоял хор одетых в черное монахов с выбритыми и окрашенными в алый цвет головами. Хор пел хвалы Повелителю Мира, Алиммамлу, и Тошкоуни.

В каждом из шести углов помещения стоял алтарь в виде зверя, или птицы, или молодой женщины на четвереньках. На поверхности каждого алтаря виднелись криптограммы, а также изображения мелких животных и абстрактные символы – результат долгих лет самоотверженного труда и неутомимой фантазии. На одном алтаре лежал изумруд величиной с голову человека, и существовал рассказ о нем, в котором фигурировал также и Кикаха. В самом деле, изумруд был одной из причин, почему Кикаху так тепло встречали в Таланаке. Камень однажды похитили, и Кикаха отобрал его у хамшемских воров со следующего уровня и вернул – хотя и не задаром.

Кикаха зашел в храмовую библиотеку. Это было громадное помещение в глубине горы, куда можно было попасть, только пройдя через зал с алтарями и по длинному широкому коридору.

Помещение это освещалось солнцем, просачивающимся сквозь шахтные отверстия в потолке, да факелами и масляными лампами.

Стены его долбили и терли, пока не создали тысячи неглубоких ниш, в каждой из которых теперь хранилась ташкетмоакская рукопись. По форме своей они были свитками из сшитых

вместе ягнячьих кож и крепились с обоих концов к цилиндру из дерева и слоновой кости. Цилиндр в начале книги вешали на высокую нефритовую раму, и свиток медленно разматывали перед стоявшим читателем.

Кикаха находился в хорошо освещенном углу, как раз под отверстием в потолке.

Одетый в черное жрец Такоакол объяснял Кикахе значение некоторых криптограмм. Во время прошлого визита Кикаха изучил письменность этого народа, но запомнил только пятьсот рисунков-символов, а для беглого чтения требовалось знать по меньшей мере тысячи две.

Такоакол показывал окрашенным в желтый цвет пальцем с длинным ногтем местонахождение дворца императора, миклосимла.

– Точно так же, как дворец Господа мира сего стоит на вершине самого высокого уровня мира, так и дворец миклосимла стоит на высочайшем уровне Таланака, величайшего города в мире.

Кикаха не стал ему противоречить. Одно время столица Атлантиды, занимавшей внутреннюю часть уровня, предшествовавшего самому высокому, была в четыре раза больше и населеннее Таланака. Но ее уже уничтожил находившийся тогда у власти Господь, и теперь в ее развалинах обитали только летучие мыши, птицы да большие и маленькие ящерицы.

– Но, – продолжал жрец, – там, где мир имеет всего лишь пять уровней, в Таланаке есть трижды три уровня, или улицы.

Жрец свел вместе длинные ногти больших пальцев обеих рук и, полузакрыв раскосые глаза, произнес речитативом проповедь о магических и теологических свойствах чисел три, семь, девять и двенадцать. Кикаха не перебивал его, хотя и не понимал некоторые технические термины.

Только один раз он услышал странное лязганье в соседнем помещении. Одного раза было достаточно для него, выжившего до сих пор потому, что его не требовалось предупреждать дважды. Более того, цена, уплаченная им за сохранение своей жизни, хранила в себе и элементы постоянного беспокойства. Он всегда был в напряжении, даже в минуты отдыха и занятий любовью. Поэтому Кикаха никогда не заходил ни в одно место, даже в предположительно безопасный дворец Господа, не отыскав сперва возможных потайных мест, где бы удалось спрятаться и избежать опасности.

У него не было причин думать, что в этом городе ему угрожала какая-то опасность и особенно в святая святых храма – библиотеке. Но уже много раз казалось, что нет причин страшиться опасности, и все же опасность существовала.

Лязганье слабо повторилось. Кикаха, не извинившись, побежал к арочному проходу, из которого донесся этот неопознанный и, следовательно, зловещий шум.

Многие одетые в черное жрецы подняли головы от столов с наклонной поверхностью, где они царапали на коже пиктограммы, или повернулись от висевших перед ними книг. Кикаха был одет, как преуспевающий ташкетмоак, поскольку у него было в обычае как можно больше походить на местных, где бы он ни находился. Но кожа у него была на два тона бледнее, чем у самого светлого из них. И кроме того, он носил на поясе два ножа, и одно это выделяло его среди ташкетмоакцев. Он был первым, помимо императора, вошедшим в это помещение вооруженным.

Такоакол окликнул его, интересуясь, не случилось ли что-нибудь? Кикаха обернулся и приложил палец к губам, но жрец продолжал окликать его. Кикаха пожал плечами. Он не боялся показаться глупым или слишком опасливым, как это уже случалось с ним много раз в других местах. Ему было наплевать.

Приблизившись к арочному проему, он снова услышал лязганье, а потом какое-то легкое поскрипывание. Эти звуки могли издавать люди в доспехах, медленно шедшие сюда по коридору. Они не были ташкетмоаками, так как их солдаты носили стеганые доспехи. И их вооружение тоже не производило бы подобных звуков.

Кикаха думал отступить через библиотеку и исчезнуть в одном из обнаруженных им выходов. В тени арочного проема он смог бы наблюдать за новоприбывшими, когда те войдут в библиотеку.

Но он не мог устоять перед желанием немедленно узнать, кто это сюда вторгся.

Он рискнул бросить один быстрый взгляд из-за угла.

В двадцати футах от него шел человек в стальных доспехах. По пятам за ним следовали восемь рыцарей, а за ними по меньшей мере тридцать солдат, мечников и лучников. Может, их было и еще больше, поскольку колонна продолжалась за поворотом коридора. Кикаха часто в жизни удивлялся. Но на этот раз он прореагировал на увиденное медленнее, чем обычно.

Несколько секунд он стоял, не двигаясь, пока не пришел в себя.

Рыцарь во главе колонны, высокий человек с видимым из-под поднятого забрала лицом, был король Эгесхема Эрих фон Турбат.

Ему и его людям абсолютно нечего было делать на этом уровне. Это были дракландцы с уровня выше этого, жители внутреннего плато на вершине монолита, поднимавшегося с

этого уровня. Кикаха, известный в Дракландии как барон Хорст фон Хорстман, посещал несколько раз короля и однажды сшиб его с коня на турнире.

Когда Кикаха увидел короля и его воинов на этом уровне, он поразился, потому что для того, чтобы попасть сюда, им бы пришлось спуститься сто тысяч яутов по скале монолита. Но их присутствие в городе было и вовсе непостижимо. Никто и никогда не проникал сюда через особую защиту города, кроме Кикахи. А он ведь был один.

Придя в себя от удивления, Кикаха повернулся и бросился бежать. Он думал, что тевтоны, должно быть, воспользовались одними из врат, позволявших мгновенную транспортацию из одного места в другое. Однако ташкетмоаки не знали, где находились врата, и даже не догадывались о их существовании.

Только Вольф, бывший Господом этой вселенной, его жена Хрисенда да Кикаха как-то пользовались этими вратами. Теоретически, они были единственными знавшими, как ими пользоваться.

Несмотря на это, тевтоны были здесь.

Как они нашли врата и почему прошли через них в этот дворец – на эти вопросы Кикахе придется искать ответ позже, если вообще придется когда-нибудь.

Кикаха почувствовал страх, но сумел подавить его. Все это могло означать только одно – чужой Господь успешно вторгся в эту вселенную. То, что он сумел отправить воинов за Кикахой, означало, что Вольф и Хрисенда оказались не в состоянии помешать ему, а из этого вытекало, что они мертвы, но если они и были еще живы, то бессильны и, таким образом, нуждаются в его помощи!

Он снова бежал, спасая свою шкуру.

На этом уровне существовало трое скрытых врат.

Двое находились в храме Алиммамла, на вершине города, рядом с императорским дворцом. Одни врата – большие, и ими-то, должно быть, и воспользовались воины фон Турбата, так как они явились настоящим войском, иначе им бы ни за что не одолеть отряда фанатичных телохранителей императора и гарнизон.

"Если, – подумал Кикаха, – тевтоны не сумели каким-то образом сразу же захватить в плен императора, ташкетмоаки будут подчиняться приказам своего правителя, даже зная, что он в плену. Во всяком случае, так будет какое-то время. Жители города были в конце концов людьми, а не муравьями, и в конечном итоге взбунтовались бы. И они считали своего императора воплощением бога, уступающего в старшинстве только всемогущему Создателю Алиммамлу, но они также любили свой

нефритовый город и дважды в своей истории совершали богоубийство...

В то же время...

Кикаха бежал к арочному проему, расположенному напротив того, откуда как раз сейчас должны были появиться захватчики. Раздавшийся крик ускорил бег Кикахи. Кричали жрецы, но несколько воплей раздались на испорченном средне-верхнегерманском диалекте дракландцев. Лязг доспехов и мечей служил фоном этим голосам.

Кикаха надеялся, что дракландцы воспользовались только этим коридором. Если же они сумели добраться до всех входов в этот зал... Арка впереди вела в коридор, шедший, насколько он знал, только дальше в глубь горы. С ним могли пересекаться другие коридоры, но ни один из них не выходил наружу. Так ему говорили. Наверное, его осведомители по какой-то причине лгали или не поняли его несовершенной ташкетмоакской речи.

Лгали или нет, но Кикахе придется выбрать этот путь. Хотя он знал, что этот коридор упирается в гору.

3

Зал библиотеки был огромным. Пятистам рабам, тершим и бурившим нефрит двадцать четыре часа в день, потребовалось двадцать лет для завершения основных работ. Расстояние от только что покинутого Кикахой арочного проема до того, куда он желал попасть, равнялось примерно ста восьмидесяти ярдам. У некоторых захватчиков хватит времени зайти в библиотеку и сделать один выстрел по нему.

Зная это, Кикаха побежал зигзагами.

Когда он приблизился к арке, то бросился на пол и перекатился через выход.

Стрелы свистели над ним и тюкались в каменную стену или отскакивали от пола рядом с ним. Кикаха пружинисто вскочил на ноги и помчался дальше по коридору.

Он добежал до неизбежного поворота и остановился. Мимо него протрусили двое жрецов. Они взглянули на него, но ничего не сказали.

Они забыли о нем, когда услышали пронзительные крики, и помчались к источнику шума. Ему думалось, что они вели бы себя умнее, если бы побежали в другую сторону, поскольку, судя по звукам, дракландцы могли истреблять и жрецов в библиотеке.

Однако эти жрецы могли наткнуться на его преследователей и на несколько секунд задержать их. Жрецов очень жаль, но не

его вина, если их убьют. Ну, наверное, все-таки его. Но он не собирался предупреждать их, если молчание поможет ему обогнать охотившихся на него.

Он побежал дальше. Как раз перед тем как добежать еще до одного поворота под углом в сорок пять градусов, он снова услышал позади себя крики. Кикаха остановился и выдернул горящий факел из подставки на стене.

Подняв его высоко над головой, он посмотрел вверх. В двадцати яутах от макушки его головы находилось круглое отверстие в потолке. Оно было темным, поэтому Кикаха полагал, что шахта где-то сворачивала, прежде чем соединиться с другой такой же.

Всю гору пронизывали тысячи таких шахтных стволов, и все по меньшей мере были три фута в диаметре, поскольку проложившие шахтные стволы и туннели рабы не могли работать на площади меньших размеров.

Кикаха подумал о шахте, но оставил эту мысль.

У него не было под рукой ничего, способного помочь ему, чтобы добраться до нее.

Услышав скрежет металла о камень, он выбежал за поворот, а потом остановился. Первый лучник получил в лицо пылающим факелом, завопил, отступил, зашатавшись, и сшиб с ног лучника позади себя.

Конические стальные шлемы обоих свалились и залязгали по полу.

Пригнувшись, Кикаха устремился вперед, толкая впереди себя лучника с обожженным лицом. Он выхватил из ножен его длинный меч. Лучник держался за лицо обеими руками и визжал, что он ослеп. Сшибленный им солдат встал, не позволяя таким образом увидевшим Кикаху лучникам стрелять в него. Кикаха выпрямился и обрушил свой меч на незащищенную голову солдата, а затем резко развернулся и побежал, снова пригнувшись.

Некоторые лучники начали стрелять по нему, но слишком поздно. Стрелы ударяли в стены.

Кикаха вбежал в большое хранилище.

Здесь было много разных предметов, но внимание Кикахи сразу же привлекли длинные складные лестницы, использовавшиеся в библиотеке. Он установил одну из них. У подножия лестницы он положил свой меч, а затем взял вторую лестницу, побежал с ней дальше по коридору, свернув через дверной проем в ответвлявшийся коридор, и остановился под другим шахтным стволом.

Здесь он приставил лестницу к краю отверстия в потолке и полез в шахту.

Упершись спиной в одну сторону шахтного ствола, а ногами в другую, он сумел затолкнуть свое тело в отверстие.

Он надеялся, что первая лестница и меч рядом с ней одурачат его преследователей, и они потеряют время, пуская стрелы в темную дыру. Когда они поймут, что его не завалить, как медведя в берлоге, то подумают, что он сумел вовремя добраться до ответвляющегося шахтного ствола. Потом некоторые из них поднимутся за ним в шахту. Если они умные, то задержатся там, чтобы снять свои тяжелые кольчужные рубашки, латы и стальные шлемы.

Однако, если они достаточно умные, то поймут также, что он, возможно, выкинул трюк, и исследуют коридоры в глубине и вскоре могут оказаться под этим шахтным стволом и пустить в его тело стрелу.

Вдохновленный этой мыслью, он полез еще быстрее. Он продвигал спину на несколько дюймов вверх, твердо опираясь ступнями и напрягая ноги, затем передвигал вверх ступни, а потом опять спину, потом ступни. Хорошо, что стены были из гладкого, скользкого на ощупь нефрита, а не из нешлифованных стали, камня или дерева. Наверное футов через двадцать он добрался до шахтного ствола, шедшего под прямым углом к этому.

Тут ему пришлось извернуться, чтобы суметь посмотреть вниз. Он увидел, что лестница все еще стояла приставленная к освещенному концу шахтного ствола.

Из колодца не доносилось ни звука. Он подтянулся в горизонтальный ствол.

В этот момент Кикаха услышал невнятный голос. Солдаты, должно быть, попались на его хитрость. Либо они поднимались за ним по тому, первому стволу, либо они уже это сделали и, возможно, находились сейчас в том же горизонтальном шахтном стволе, что и он.

Кикаха решил охладить их пыл. Если они обнаружат выход, то поймут, что находятся прямо за ним. И тогда они могут передать друг другу вверх по шахте луки и стрелы.

Если они это сделают, то подстрелят его без какой-либо опасности для себя.

Пытаясь определить, куда ведет шахта, он дополз до соединения, где три горизонтальных туннеля встречались над вертикальным.

В этом месте сумеречный свет стал немного ярче. Кикаха перепрыгнул через отверстие в полу и приблизился к просвету. На повороте он увидел стоявшего к нему спиной согнувшегося солдата. Тот держал факел, который ему только что вручил солдат в вертикальной шахте.

Солдат в шахте бурчал, что факел опалил его, а тот, что находился выше, свирепо шептал, что им всем следует вести себя тихо.

Лезшие наверх солдаты сняли свои доспехи и все оружие, кроме кинжалов на поясах. Однако один лук и колчан они уже передали наверх солдату. Воины в вертикальной шахте образовали цепочку, с помощью которой переправляли свое оружие. Кикаха заметил, что они поступили бы умнее, разместив сперва в туннеле шесть-семь человек.

Кикаха хотел было сразу прыгнуть на одинокого солдата, но решил подождать, пока враги переправят наверх все оружие, которым собирались воспользоваться. Так вот, лук за луком, колчан за колчаном мечи и даже доспехи были переданы наверх и вручены воину в туннеле, свалившему их рядом с собой. Кикаха почувствовал отвращение: неужели они не понимают, что их доспехи только отяготят их и дадут ему преимущество? Более того, в тяжелых толстых кольчугах и одежде под ними, солдаты обязательно запарятся и вспотеют. Какие же они плохие стратеги! Если правила предписывали быть в доспехах во всех боевых ситуациях, то доспехи надевались независимо от того, соответствовало это обстановке или нет.

Солдат, принимавший вооружение, и те, которые торчали в шахте, жаловались, хотя и негромко, на жару и усталость. Кикаха-то слышал их отчетливо, а вот находившиеся внизу офицеры, как он полагал, не слышали этих разговоров.

Наконец на полу оказались сваленными тридцать пять луков, тридцать пять кольчуг и тридцать пять мечей и шлемов. Когда Кикаха впервые увидел завоевателей в коридоре, солдат было больше, поэтому он решил, что многие собирались остаться внизу. Среди них наверняка окажутся все офицеры, так как они не захотят терять время на снятие своих стальных доспехов. Судя по перекличке между воином в туннеле и офицером внизу, воин в туннеле был самым младшим по званию.

Кикаха внимательно слушал, надеясь выяснить, поднимались ли какие-нибудь другие воины по другим шахтным стволам. Он не хотел оказаться в западне или допустить нападение с тыла. О других нападавших тевтоны не разговаривали, но это еще ничего не означало. Кикаха постоянно оглядывался, словно птица, остерегавшаяся кошек, но ничего не услышал и не увидел. Шликруму, так звали стоящего наверху солдата, полагалось быть столь же нервозно бдительным, как и Кикахе, но тот явно чувствовал себя в безопасности.

Вскоре, однако, ситуация изменилась, когда солдат нагнулся, чтобы помочь первому воину выбраться из шахтного ствола,

тогда Кикаха вонзил свой нож на несколько дюймов в правую ягодицу воина.

Тот завопил, а затем от пинка Кикахи полетел головой вниз в шахту. Он упал на пытавшегося вскарабкаться воина. Они оба свалились вниз, и так далее, пока десять солдат не выпали, пронзительно крича, из отверстия в потолке. Они бухнулись друг на друга, и звуки ударов слабели по мере того, как увеличивался слой тел.

Шликрум, падавший дольше, чем другие, приземлился, растянувшись на самом верхнем теле. Хотя он и был ранен, но не потерял сознания. Он вскочил на ноги и, не найдя опоры, свалился на кучу тел на полу.

К нему подошел, лязгая доспехами, офицер и слегка наклонился, чтобы спросить его о происшедшем. Из-за гама внизу Кикаха не мог расслышать слов и поэтому прицелился в офицера из лука. Угол стрельбы был неудобным, но он натренировался стрелять под многими углами и послал стрелу верно.

Стрела вошла в соединение пластин у шеи и плеча, вонзившись глубоко в тело. Офицер упал. У Кикахи вызвала интерес пристегнутая к спине рыцаря шкатулка, так как он раньше никогда не видел ничего похожего на нее. Сейчас, однако, было не время удовлетворять свое любопытство.

Выбравшись из кучи тел, солдаты скрылись из поля зрения Кикахи. Раздался гул голосов, а потом наступило молчание, после того как офицер рявкнул:

– Заткнись!

Кикаха узнал голос фон Турбата. Только тогда он начал понимать, чем же вызвано это вторжение и жестокая охота на него.

Фон Турбат был королем независимого государства Эгесхем, горной страны с шестьюдесятью тысячами граждан. Одно время Кикаха как барон Хорст фон Хорстман поддерживал с ним довольно дружеские отношения. После того как Турбат потерпел поражение от Кикахи на турнире, а затем поймал Кикаху, когда тот занимался любовью с его дочерью, он стал относиться к нему враждебно, ясно давая понять, что не будет мстить за смерть Хорстмана, если кто-то убьет его, пока тот находится под крышей дома фон Турбата. Узнав об этом, Кикаха немедленно смылся, а позже, играя свою роль барона-разбойника, ограбил шедший в Эгесхем торговый караван. Но обстоятельства вынудили Кикаху бросить свой замок и бежать, спасая жизнь, на этот уровень.

Это случилось несколько лет назад.

Сейчас же не было никакой видимой причины, по которой фон Турбат пошел бы на такой страшный риск и хлопоты, чтобы

отомстить Кикахе. Во-первых, откуда король вообще узнал, что Кикаха здесь? Как он мог выведать, что Кикаха – это фон Хорстман? Почему, если он действительно открыл врата, он вторгся в опасный город Таланак? Впрочем, вопросов возникло слишком много.

В то же время, судя по приглушенным голосам, звукам, производившимся бегущими солдатами, стало очевидно, что тевтоны поднимутся по другим шахтным стволам. Кикаха сомневался, что многие из них будут в доспехах или тяжело вооружены, поскольку большая часть доспехов и оружия оказалась теперь у него. Они, конечно, пошлют за подкреплением, и ему лучше убраться отсюда.

Затем из кучи тел выполз один из воинов, и Кикаха пустил в него стрелу. Следом он быстро пустил еще пять стрел, действуя по теории, что лучше ликвидировать потенциального убийцу. Примерно пять минут он бегал взад-вперед, вдоль и поперек по разным туннелям. Три раза ему удалось застать солдат, поднимавшихся по шахтным стволам, и подстреливать верхнего воина. Дважды он стрелял через шахтные стволы по воинам, шедшим по коридорам.

Но он не мог бегать достаточно быстро, чтобы прикрыть все шахты, а король явно не считался с потерями. В шахтные стволы солдаты лезли вновь и вновь. Кикахе пришлось бросить все оружие, кроме своих ножей, чтобы подняться еще по одной вертикальной шахте. Он намеревался найти дорогу к отверстиям, выходившим наружу.

Там, высоко на поверхности горы, на улице Смешанных Благословений, ему, возможно, удастся скрыться.

Однако фон Турбат наверняка должен это знать.

Он расставит по улицам своих лучников.

Если бы только Кикаха мог продолжать скрываться от солдат здесь, в сети туннелей, до темноты, то ему, возможно, удалось бы проскользнуть по нефритовой скале, то есть он мог бы сделать это, будь там орнаментальные выступы, за которые можно было бы ухватиться.

Его стала мучить сильная жажда. Он все утро не пил воды, ибо был охвачен жаждой познания. Теперь потрясение, бой и беготня иссушили его. С нёба у него свисала густая сталактитовая слюна, а горло казалось словно бы наполненным пустынным галечником, выбитым копытами верблюда.

Если понадобится, Кикаха, конечно, сможет протянуть остаток дня и ночь, но ослабеет. Следовательно, он должен добыть воду. А поскольку существовал только один способ добыть ее, именно этот способ он и выбрал.

Он прокрался обратно к шахте, по которой только что поднялся, но остановился в нескольких футах от нее и улыбнулся. Что это с ним случилось? Он испытал слишком большое потрясение, его обычная хитрость и не скованное условностями мышление на этот раз подвели его. Он прошел мимо шанса на спасение.

Выбирать такой путь было безумием, но сама его абсурдность служила гарантией успеха. Если только он не додумался слишком поздно!

Спуск был легким. Он бросился к куче доспехов.

Солдаты еще не приблизились к этому отверстию. Они, должно быть, по-прежнему поднимались по шахтам подальше от этой.

Кикаха снял с себя ташкетмоакскую одежду и запихал ее в кольчугу внизу кучи.

Он поспешно надел доспехи, хотя ему и пришлось поискать для себя достаточно большие кольчугу и шлем.

Затем он нагнулся над отверстием и окликнул солдат. Он в совершенстве умел имитировать чужую речь, и хотя прошло несколько лет, с тех пор как он последний раз слышал эгейсхецкий диалект немецкого языка, он воскресил его без труда.

Расположившиеся внизу солдаты, однако, заподозрили обман. Они были, в конце концов, не так уж и тупы. Но они и представить не могли, что случилось на самом деле. Они думали, что Кикаха, возможно, пытается заманить их в пределы досягаемости своих стрел.

– Их унтершликрум Ганс Гимбат! – крикнул он. – Я капрал Ганс Гимбат!

Ганс – обычное имя в Дракландии, и Гимбат – часто встречающаяся туземная фамилия, как и большинство фамилий, кончающихся на "бат". Фамилия Гимбат была особенно распространена в том районе Дракландии среди низших классов, бывших смесью аборигенов и немцев. Среди завоевателей должно обязательно найтись несколько солдат с такой фамилией.

В поле зрения Кикахи появился сержант и остановился, подняв голову и вглядываясь в ствол шахты.

– Во ист де трикменш? (Где Обманщик?)

– Хир эн ист натюрлих. Их хап друсс. (Здесь его конечно нет. Я изнываю от жажды).

– Фракк зур фир де васс? (Ты просишь воды? В такое время?) – взревел сержант.

Просьба была искренней, но именно она снимала с Кикахи подозрение. Пока сержант бушевал внизу, факелы с обоих концов туннеля объявили о подходе уже поднявшихся солдат. Ки-

каха покинул отверстие шахты и обратился к офицеру новоприбывших. Этот офицер в конце концов все-таки снял доспехи, очевидно потому, что, по мнению фон Турбата, руководить охотой следовало офицеру.

Кикаха узнал его. Это был барон Дибрис, правитель мелкого княжества на границе Эгесхема. Он короткое время находился при дворе, когда там бывал Кикаха.

Кикаха держал голову склоненной, чтобы шлем оставлял часть его лица в тени, и сделал свой голос менее глухим. Фон Дибрис выслушал его, но не обратил внимания на его внешность. Для барона Кикаха был всего лишь еще одним безликим солдатом. Кикаха доложил, что Обманщик бесследно исчез, а также поспешил добавить, что он попросил воды, но сержант, кажется, счел эту просьбу неразумной.

Барон, облизывая губы, не разделил мнения сержанта и поэтому солдаты, стоявшие на лестнице, подняли на концах шестов бутыли с водой. Кикаха получил возможность напиться. Затем он попытался скрыться из виду, чтобы можно было выбраться в коридор и из храма. Фон Дибрис расстроил его планы, приказав ему первому подниматься по шахтному стволу до следующего горизонтального уровня. Фон Дибрис выругал его за ношение доспехов, и Кикахе пришлось снять кольчугу. Он готов был ударить барона или бежать, но фон Дибриса интересовал только поиск варвара-убийцы.

Кикахе хотелось задать много вопросов. Но он, однако, не мог этого сделать, не вызвав подозрений, и поэтому хранил молчание. Он выполз из шахтного ствола, а затем принял переданные луки, колчаны и длинные мечи. После этого отряд разделился на две части. Половина отряда двинулась в одну сторону, а другая отправилась в противоположном направлении. Когда та часть отряда, членом которой был Кикаха, встретит другую поисковую группу, им снова придется подниматься выше.

Только что покинутые им уровни стали светлыми и шумными. Подходили новые солдаты. Фон Турбат – или кто там стоял во главе всего этого вторжения – должен был прекрасно контролировать положение, чтобы выделить столько солдат.

Кикаха оставался именно в той группе, где его никто не знал. Когда они встречали другие группы, Кикаха ничего не говорил. Он по-прежнему был в шлеме, так как ему не приказали снять его. Некоторые солдаты тоже носили шлемы.

Идти стало труднее, потому что шахтные стволы стали теперь такими узкими, что отряду приходилось двигаться на корточках, переваливаясь, как утки. Солдаты думали, что

находятся в самой наилучшей физической форме, но такой способ передвижения вызывал у них дрожь в ногах и боли в спине. Кикаха, хоть он и не страдал, тоже жаловался, чтобы не казаться непохожим на остальных.

После того как они продвигались таким способом часа полтора, отряд из шести человек выполз из шахтного ствола в маленькую круглую камеру. В противоположной стене ее виднелись круглые отверстия, выходившие наружу. Солдаты высунулись и смотрели вниз. Там, на улице Смешанных Благословений, они увидели пешие войска и конных рыцарей. Хотя они с такой высоты и выглядели очень маленькими фигурками, по цветам их одежды удалось определить, что здесь присутствуют не только войска Эгесхема, но и по меньшей мере дюжины королевств и нескольких баронств.

Повсюду валялись тела, главным образом жителей ташкетмоакских улиц. Здесь и там была пролита кровь. Бои между тевтонами и местным гарнизоном происходили, должно быть, в другом месте, вероятно, на вершине горы.

Намного ниже улиц протекала река. Видимые Кикахой два моста были забиты беженцами, дружно повалившими в старый город.

Вскоре по длинному изогнутому спуску прискакал ташкетмоак и остановился перед только что вышедшим из храма фон Турбатом. Король уселся на коня, прежде чем позволил тому заговорить. Посланец был великолепен в головном уборе из длинных изогнутых белых перьев, алом плаще и зеленых панталонах. Он, вероятно, являлся каким-то чиновником императора.

Он что-то докладывал Турбату, и это, видимо, означало, что император попал в плен.

Кикахе негде было спрятаться. Даже если бы он попытался удрать. Оставшиеся в городе жители станут подчиняться приказам своего правителя. И если прикажут доложить о местонахождении Кикахи, то именно это они и сделают.

Тут один из шедших вместе с Кикахой солдат заговорил о награде, предложенной за пленение Кикахи: девять тысяч дракенер плюс титул, замок, земли и подданные баронства Хорстман. Вот это награда! Если награду заслужит простолюдин, то он и его семья автоматически станут дворянами. Денег предлагалось больше, чем король Эгесхема получал за два года в виде налогов.

Кикаха хотел спросить, что случилось с Лизой фон Хорстман, его женой, и фон Лисбатом, его добрым другом, управлявшим в его отсутствие баронством, но не посмел. Он только опечалился при мысли об их вероятной участи.

Кикаха снова высунулся из окна подышать свежим воздухом и увидел нечто, что его заинтересовало ранее. Он уже видел рыцаря, шедшего непосредственно за фон Турбатом и несшего в одной руке меч, а за спиной большую шкатулку. Теперь этот же самый рыцарь сопровождал фон Турбата на улице. А когда король направился обратно в храм, за ним чуть ли не по пятам направился рыцарь со шкатулкой.

"Очень странно", – подумал Кикаха. Но и все это дело было очень странным. Он не мог ничего себе сейчас объяснить.

Однако ясно было одно: Вольф не выполнял свои обязанности Господа в этом мире, иначе этого не происходило бы. Вольф был либо убит, либо пленен в собственном дворце, либо прятался в этом или ином мире.

Вскоре капрал приказал отряду возвращаться вниз. Опять исследовали все туннели. Их дурное настроение ухудшалось из-за оскорблений офицеров.

Рыцари никак не могли поверить, что Кикаха сбежал от них, и фон Турбат тоже.

Офицеры составили новые планы и приказали возобновить поиски. Возникла задержка, покуда солдатам раздавали бутылки с водой, сухари и сушеное мясо. Кикаха сгорбился у стены вместе с другими и говорил только тогда, когда к нему обращались.

Его не спрашивали, из какого он взвода, – все слишком устали и ни у кого не осталось сил на разговоры.

Уже час как стемнело, и поиски отменили. Один офицер заметил, что Обманщик не уйдет от них хотя бы потому, что беженцев перестали пропускать через город.

Каждый мост сильно охранялся, а берега реки напротив города патрулировались. Более того, уже сейчас начинались обыски домов.

Это означало, что поисковым партиям не видать желанного сна. Они всю ночь будут оставаться на ногах, ища Кикаху.

Солдаты не протестовали. Они не хотели подвергнуться наказанию кнутом, кастрации и повешению, но между собой они ворчали, и Кикаха внимательно слушал их, извлекая информацию.

Это были крепкие ребята. Они ворчали, но подчинились бы любому приказу, в том числе и самому бессмысленному.

Маршировали они достаточно четко, хотя их ноги страдали от боли.

Кикаха сумел попасть в последнюю шеренгу взвода, и когда они свернули на улицу, где не было ни местных, ни завоевателей, он исчез в дверном проеме.

4

Дверь, у которой он стоял, нельзя было, конечно, открыть снаружи. Она закрывалась изнутри на большой засов, применявшийся всеми гражданами Таланака для защиты от рыскавших по ночам воров.

Где есть цивилизация – есть и воры.

Кикаха в данную минуту был этим доволен. Во время предыдущего длительного визита в Таланак он преднамеренно свел знакомство кое с кем из уголовной среды. Эти люди знали много потайных выходов и входов в город, и Кикаха хотел проведать о них на случай, если они ему понадобятся.

Более того, он считал своих знакомых преступников, главным образом контрабандистов, интересными людьми. Одна из них, Калатол, представляла значительный интерес.

Она была прекрасна. У нее были длинные прямые черные волосы, очень длинные и густые ресницы, гладкая бронзовая кожа, хорошая фигура, хотя, подобно большинству местных женщин, она была чуточку широковата в бедрах и немного толстовата в лодыжках. Кикаха редко требовал от других совершенства. Он соглашался, что подобная асимметрия – фундамент истинной красоты.

Поэтому Кикаха стал любовником Калатол в то же самое время, когда ухаживал за дочерью императора. На этой двойной жизни он в конце концов погорел, и брат императора вместе с шефом полиции вежливо попросили его покинуть Таланак. Он сможет вернуться, когда дочь императора выйдет замуж и, таким образом, как водится у знати, запрется в гинекее. Кикаха уехал, даже не попрощавшись с Калатол. Он посетил одно из небольших вассальных королевств на востоке, страну, где жил цивилизованный народ, называвшийся коацл-слет.

Народ этот давным-давно покорили, и теперь он платил дань Таланаку, но люди все еще говорили и на своем исконном языке и придерживались своих исконных, несколько странных обычаев. Находясь там, Кикаха прослышал, что дочь императора вышла, как и подобало, замуж за своего дядю. Он мог бы возвратиться в Таланак, но он вместо этого вернулся обратно к Хровака, медвежьему народу, в горы у Великих Прерий.

Поэтому он теперь должен был добраться до дома Калатол и выяснить, не могла бы она его вывести тайно из города, если она вообще примет его. Когда он видел ее в последний раз, она попыталась его убить. Если она с тех пор уже простила его, то снова разгневается, потому что он вернулся в Таланак и не сразу попытался повидаться с ней.

"Ах, Кикаха! – пробормотал он про себя. – Ты считаешь себя таким умным и всегда умудряешься все запутать! К счастью, я единственный, кто знает об этом. А я-то, какой там ни длинный у меня язык, никогда не проболтаюсь".

Взошла луна. Не серебряная, подобно земной, а зеленая, как сыр, из которого, по словам юмористов-фольклористов, и была сделана эта луна. Она была в два с половиной раза больше земной луны и набухала в беззвездном черном небе, отбрасывая серебристо-зеленый свет на нефритовую улицу.

Гигантский диск двигался по небесам, и его свет вскоре залил большую дверь, у которой стоял Кикаха.

Кикаха поднял взгляд на луну и пожелал бы находиться сейчас там. Он много раз гулял по ее поверхности, и если бы он смог добраться до одних скрытых маленьких врат в Таланаке, то мог бы снова погулять по ней. Однако все указывало на то, что фон Турбат знал об этих вратах, поскольку он знал и о больших вратах. Даже если так, стоило бы выяснить наверняка, но одни из маленьких врат находились в часовне на три улицы ниже, а другие – в храме. Захватчики перекрыли все ведущие к ним пути и начали обыскивать дом за домом с самого нижнего уровня.

Они будут постепенно подниматься, размышляя, что если Кикаха прячется где-то здесь, то его заставят подниматься выше, пока он не наткнется на солдат, расположенных на двух уровнях ниже дворца. В то же время другие промежуточные улицы будут патрулироваться, но не часто и мелкими отрядами: на большее у фон Турбата не хватит солдат.

Кикаха отошел от двери и пересек улицу, а затем, наступая на богов, зверей, людей, абстрактные символы и пиктограммы, выступавшие из поверхности горы, между двумя улицами спустился вниз. Спускался он медленно, так как опоры для рук и ног не всегда были надежными и потому что у подножия спуска на улицу располагались солдаты.

Они держали факелы, и некоторые сидели на лошадях.

На полпути Кикаха прильнул к стене, заметив где-то вдали угрожающую ему огромную тень. По нижней улице зацокали копыта четырех конных патрульных. Они ненадолго остановились поговорить с расположившимся у спуска часовым, а потом тронулись дальше. Кикаха тоже двинулся в путь, добрался до улицы и заскользил вдоль стен, фасадов домов, от одной тени у дверей к другой. Он все еще нес лук и колчан, хотя без них, спускаясь, мог бы двигаться более гладко и бесшумно. Но они могли ему понадобиться, и Кикаха пошел на риск, хотя и испытывал неудобство из-за их бряцания и тяжести.

Он продвигался так, пока луна не собралась уплывать за монолит на северо-западе. Наконец он добрался до улицы, на которой жила Калатол. Это был район бедняков, рабов, недавно купивших себе свободу. Здесь было много таверн для матросов и контрабандистов с речных кораблей торговых флотов, для наемных охранников и возчиков фургонов торговых караванов. Тут проживало также множество воров и убийц, против которых у полиции не имелось ничего конкретного, а другие воры и убийцы прятались тут же от правосудия.

В обычный день даже в это позднее время на улице Подозрительных Запахов толпилось бы множество людей и стояли бы шум и гам, но введенный завоевателями комендантский час оказался действенным.

Не видно было ни одного человека, кроме нескольких патрульных, а все окна и двери были закрыты на засовы. Этот уровень был, подобно многим нижним улицам, выдолблен тогда, когда ташкетмоаки начали свой труд по переделке горы в мегаполис.

Тут дома и лавки стояли на самой улице. По крышам этих домов шла вторая улица, с другими домами, а над ней располагалась и третья улица и так далее.

Иными словами, здесь была представлена ступенчатая пирамида.

К этим улицам на крышах домов добирались по узким лестницам, выдолбленным из нефрита между пятым и шестым домом на главной улице.

Вверх по лестнице можно было гнать мелких животных вроде свиней и овец, но поднимающийся конь рисковал поскользнуться на камнях.

Кикаха прошмыгнул через улицу Зеленых Птиц, находившуюся непосредственно над четвертым уровнем домов улицы Подозрительных Запахов. Дом Калатол – если она все еще там жила – выходил фасадом на третий уровень. Кикаха собирался перелезть через ограду, повиснуть на руках, а потом спрыгнуть на крыши домов четвертого уровня и схожим образом попасть на улицу третьего уровня. Но тут не было никаких выступов, чтобы можно было слезть по ним.

Перейдя улицу Зеленых Птиц, он услышал цоканье железных подков. Из тени, отбрасываемой крыльцом фасада, выехали трое всадников на вороных конях. Один был рыцарь в полной броне, а двое других – ратники. Кони мчались галопом, всадники низко пригнулись к шеям лошадей, за спиной у них развевались черные плащи.

Они находились достаточно далеко, чтобы Кикаха мог сбежать от них, перескочив через парапет и спрыгнув вниз, но они,

вероятно, были вооружены луками и стрелами, хотя он и не мог разглядеть их. И если они достаточно быстро слезут с коней, то сумеют застрелить Кикаху. Лунный свет был здесь вдвое мощнее, чем на Земле в полнолуние. Более того, даже если их стрелы не попадут в него, они позовут на помощь других и начнут обшаривать дом за домом.

Он подумал, что теперь-то поиски станут более тщательными, что бы там ни случилось, но... нет, если он сможет убить их, прежде чем услышат другие... наверное... стоит попробовать.

При иных обстоятельствах Кикаха стал бы целиться во всадников. Он любил лошадей, но когда дело шло о спасении его жизни, сентиментальность испарялась. Все создания должны умереть, чтобы жил Кикаха. И Кикаха намеревался сделать так, чтобы к нему смерть пришла как можно позднее.

Он целился в лошадей и быстро свалил двух. Обе тяжело упали на бок, и ни один из всадников не поднялся. Третий всадник продолжал, не отклоняясь, скакать вперед, нацелив копье в грудь Кикахе. Стрела прошла сквозь шею лошади, животное упало головой вперед, вскинув копыта над хвостом.

Всадник вылетел из седла. Большую часть своего полета ему удавалось удерживать копье, но все-таки он бросил его, подтянул ноги и ударился о землю.

Сорвавшийся с головы конический шлем стукнулся о камень, подскочил и покатился по улице. Рыцарь заскользил по камню боком, плащ его тащился за ним, словно тень.

Затем рыцарь поднялся, несмотря на свои доспехи, и вытащил меч. Он открыл было рот, чтобы кликнуть любого, кто мог бы услышать и прибежать на помощь. Стрела прошла меж зубов и он рухнул на землю, зазвенев мечом по нефриту.

К седлу мертвого коня мертвого рыцаря была приторочена та самая шкатулка.

Кикаха попытался открыть ее, но ключ, должно быть, находился где-то у рыцаря.

У Кикахи не было времени искать его.

На улице лежало трое убитых, три мертвые лошади. Но никаких криков, означавших, что кто-то услышал шум, Кикаха не расслышал.

Однако туши и трупы долго не останутся незамеченными. Кикаха бросил вниз лук и колчан и последовал за ними. Меньше чем через минуту он стоял на улице третьего уровня и стучал по толстой деревянной раме окна Калатол. Он стукнул три раза, сосчитал до пяти, постучал два раза, сосчитал до четырех и постучал один раз. В другой руке он держал нож.

В ответ он не услышал ничего.

Он подождал, сосчитав до шестидесяти, а затем снова постучал. Сразу же после этого до него донесся сверху стук копыт, а потом и шум. Послышались крики и зов рога. На улице выше и на главной улице ниже начали скапливаться огни. Забили барабаны.

Вдруг ставни распахнулись, и Кикахе пришлось быстро пригнуться, чтобы они его не задели. Внутри комнаты царила темнота, но ему удалось разглядеть женское лицо и обнаженный торс.

Наружу хлынул запах чеснока, рыбы, свинины и любимого Калатол заплесневелого червивого сыра. Кикаха ассоциировал с этими ароматами красоту обработанного нефрита. Первый визит к Калатол обесчестил его. Он ничего не мог тут поделать – он был человеком ассоциаций, не всегда желательных.

Бледное лицо в комнате принадлежало Калатол, бывшей столь же прекрасной, как ее сыр. Она принялась страшно ругаться.

– Ш-ш! – прошипел Кикаха. – Соседи!

Калатол изрыгнула новый поток кощунственных выражений.

Кикаха прижал руку к ее рту и нагнул ей голову, чтобы напомнить, что он легко мог бы сломать ей шею. Он толкнул ее назад, так что она, зашатавшись, упала, и влез через окно в комнату. Закрыв и заперев окно, он повернулся к Калатол. Та встала и, найдя масляную лампу, зажгла ее. В ее трепетавшем свете Калатол подошла, покачивая бедрами, к Кикахе, затем обняла его и принялась целовать лицо, шею и грудь, заливая их слезами и шепча сквозь слезы нежные слова.

Кикаха, несмотря на насыщенный запах у нее изо рта, тоже целовал ее, а затем спросил:

– Ты одна?

– Разве я не поклялась оставаться верной тебе? – возмутилась она.

– Да, но я об этом не просил. Это была твоя идея.

Он усмехнулся:

– Кроме того, как нам обоим хорошо известно, ты не можешь прожить без мужчины больше недели.

Они рассмеялись, и она отвела его в заднюю комнату, практически квадратную, с куполообразной крышей. Это была ее спальня, а также кабинет, поскольку именно здесь она планировала контрабандные операции и распределяла разные товары.

Меблировка состояла главным образом из кровати: широкой низкой рамы из дерева с натянутыми поперек нее кожаными ремнями и наваленными на эти ремни шкурами пум и оленей.

Кикаха сразу же улегся на кровать. Калатол воскликнула, что он выглядит усталым и голодным. Она вышла на кухню, и он попросил ее, чтобы она принесла ему только воды, хлеба и ломтиков сушеного мяса или немного сушеных фруктов, если они у нее есть. Как бы он ни был голоден, но сыра он вынести не мог.

Поев, он спросил ее, что она знает о вторжении.

Калатол села к нему на кровать. Она, казалось, была готова заниматься с ним любовью, словно они не расставались на несколько лет, но Кикаха охладил ее пыл. Ситуация сейчас была чересчур опасной, чтобы думать о любви.

Калатол, бывшая женщиной практичной, какие бы у нее ни имелись иные изъяны, согласилась с Кикахой. Она встала и надела юбку из зеленых, черных и белых перьев и розовый хлопчатый плащ. Затем она прополоскала рот вином, растворенным в десятикратном количестве воды, и бросила на язык бисеринку мощных благовоний, а потом снова уселась рядом с ним и начала рассказывать.

Даже несмотря на то что Калатол знала многие тайны уголовного мира, она не могла сообщить всего, что хотел знать Кикаха.

Захватчики появились словно ниоткуда, выйдя из задней комнаты в большом храме Олиммамла. Они хлынули наружу, ворвались во дворец и, сокрушив телохранителей, а затем и гарнизон, захватили императора и всю его семью.

Взятие Таланака было спланировано хорошо и исполнено почти безупречно. Покуда второй предводитель, фон Свиндебарк, удерживал дворец, фон Турбат повел все прибывавшие полки завоевателей из дворца в сам город.

– Все были парализованы, – рассказывала Калатол.– И это случилось настолько неожиданно. Эти белые люди в доспехах, хлынувшие из храма Олиммамла... словно сам Олиммамл послал их, и это усилило паралич.

Вставшие на пути завоевателей граждане и полиция были изрублены, а остальное население либо бежало в здания, либо, когда слух дошел до самых нижних уровней, пыталось скрыться по мостам за реку. Но мосты перекрыли.

– Странно это, – констатировала Калатол.

Она поколебалась, а затем продолжила:

– Странно то, что это все сделано, кажется, не из-за желания завоевать Таланак. Нет, захват города был, как ты это называешь, побочной целью. Враги решили, кажется, взять город только потому, что считают его прудом, где водится очень желанная рыба.

– То есть я, – уточнил Кикаха.

Калатол кивнула.

– Я не знаю, почему эти люди так сильно хотят заполучить тебя. А ты?

– Я тоже не знаю, – ответил Кикаха. – Могу предположить, но не стану этого делать. Мои догадки только собьют тебя с толку, да и излагать их долго. Для меня первое дело – выбраться из города и смыться. И вот тут-то, моя любовь, и вступаешь в игру ты.

– Теперь-то ты любишь меня.

– Если бы было время... – уточнил Кикаха.

– Я могу спрятать тебя там, где у нас будет сколько угодно времени, – заявила она. – Конечно, там есть и другие...

Кикаха гадал, не скрывает ли она чего-то. Он находился не в таком положении, чтобы вести себя с ней грубо, но ему пришлось так поступить. Он схватил ее за запястья и крепко сжал их. Калатол поморщилась и попыталась вырвать руку.

– Какие другие?

– Перестань делать мне больно, и я тебе скажу, быть может. Поцелуй меня, и я наверняка скажу тебе.

Дело стоило того, чтобы потратить несколько секунд, и потому он поцеловал ее. Благовония из ее рта наполнили ему ноздри и, казалось, просочились до кончиков ног. Он почувствовал головокружение и начал гадать, не заслуживает ли она награды после всех этих лет разлуки.

Тут он засмеялся и мягко высвободился.

– Ты и впрямь самая прекрасная из всех, кого я когда-либо видел, а я видел тысячу раз тысячу женщин, – сказал он. – Но по улицам гуляет смерть и ищет меня.

– Когда ты увидишь эту другую женщину... – проговорила Калатол.

Она снова стала застенчивой, и тогда ему пришлось силой побороть эту застенчивость.

Ее это не возмутило, а только порадовало, поскольку для нее эротическая любовь означала определенную дозу грубости и боли.

5

Трое чужаков, похоже, бежали из самых глубин храма Олиммамла, всего на несколько минут опередив фон Турбата. Они тоже были светлокожими. Одна из них – черноволосая женщина, которую Калатол, очень ревнивая и не склонная кого-то хвалить, тем не менее назвала самой прекрасной из всех, кого она когда-либо видела. Спутниками ее были огромный, очень толстый мужчина и другой – низкорослый и тощий. Все

трое носили странную одежду, и никто из них не говорил поташкетмоакски. Они разговаривали на вишпавами – литургическом языке жрецов. К несчастью, спрятавшие эту троицу воры *знали только несколько слов вишпавама*, да и те из ответов мирян во время служб.

Тут Кикаха понял, что эти трое – Господы. Повсюду в этом мире литургический язык был языком Господов.

Их бегство от фон Турбата указывало, что они лишились *собственных вселенных* и укрылись в этой.

Но какое имел отношение мелкий король фон Турбат к делам, связанным с Господами?

– За эту троицу предложена награда? – поинтересовался Кикаха.

– Да, десять тысяч кватлумлов за каждого, а за тебя – тридцать тысяч и высокий официальный пост во дворце императора. И даже возможен, хотя на это только намекалось, брак с членом царской семьи.

Калатол замолкла. Ее желудок глухо заурчал, словно переваривая предложенные награды. Сквозь вентиляционные шахты в потолке донесся слабый шум. В комнате, где царила прохлада, стало жарко.

Из подмышек у Кикахи сочился пот, темно-бронзовая кожа женщины тоже казалась влажной. Из средней комнаты, кухни-ванны-туалета, доносилось журчание воды.

– Ты, должно быть, упала в обморок при мысли обо всех этих деньгах, – проговорил Кикаха. – Что помешало тебе и твоей шайке заполучить их?

– Мы воры и контрабандисты, даже убийцы, но не предатели! Розоволикие предложили эти...

Она оборвала фразу, увидев, что Кикаха усмехается, и улыбнулась в ответ:

– То, что я сказала, правда. Сумма, однако же, огромная. А заколебаться нас заставила, если тебе требуется знать, хитрый ты койот, мысль о том, что произойдет после того, как уйдут розоволикие, или если случится бунт. Мы не хотим, чтобы толпа разорвала нас на куски или подвергла пыткам из-за того, что некоторые люди могут счесть нас предателями.

– А также? – спросил Кикаха.

Она улыбнулась и продолжила:

– А также трое беглецов предложили заплатить нам во много раз больше того, что предлагали розоволикие, если мы выведем их из города.

– А как они это сделают? – подумал вслух Кикаха. – У них на счету нет ни одной вселенной.

– Что?

– Они способны предложить вам что-нибудь осязаемое прямо сейчас?

– На всех были драгоценности, стоившие больших денег, – ответила она. – Некоторые из них таковы, что я не видела ничего похожего. Они не от мира сего!

Кикаха не сказал ей, что это выражение было правдой в буквальном смысле слова.

Он собирался спросить Калатол, не было ли при них оружия, но сообразил, что даже если у троицы таковое имелось, Калатол не сообразит, что это оружие, а троица, разумеется, не станет сообщать об этом своим провожатым.

– А как насчет меня? – осведомился Кикаха.

– Ты, Кикаха, любимчик Господа, или так, во всяком случае, говорят. Ты знаешь, где спрятаны сокровища земли. Разве бедный человек вернул бы большой изумруд Ошкаацму?

– Розоволикие достаточно скоро забарабанят в твои двери, – предупредил Кикаха. – Они перевернут весь этот район вверх дном. Куда мы отправимся отсюда?– другого ответа женщина не дождалась.

Калатол настояла на том, чтобы он позволил завязать себе глаза, а потом надеть на голову капюшон. Находясь не в таком положении, чтобы спорить, он согласился. Она удостоверилась, что он в капюшоне не мог ничего увидеть, а затем быстро повернула его дюжину раз вокруг своей оси.

После этого он по ее приказу опустился на четвереньки.

Послышался скрежет камня, поворачивающегося на оси, и она повела его по проходу настолько узкому, что он скреб стенки обоими боками. Затем он поднялся, спотыкаясь, на сто пятьдесят ступенек, прошел двести пятьдесят шагов по слегка наклонной поверхности, спустился на триста шагов по скату и сделал еще сорок шагов по прямой линии. Калатол остановила его и сняла с него капюшон и повязку.

Он зажмурился. Его привели в округлую зелено-черную камеру, имевшую сорок футов в диаметре и три широких вентиляционных шахты наверху. На концах укрепленных по стенам факелов корчилось пламя. В помещении стояли кресла из нефрита и дерева, несколько сундуков, валялась куча рулонов тканей и мехов, бочонки пряностей, бочонок воды. Кикаха увидел стол с тарелками, сухарями, заплесневелым сыром и кое-какую мебель, выполнявшую функции санузла.

Вдоль стены сидели на корточках шестеро ташкетмоаков. Блестящие черные пряди спадали им на глаза. Некоторые курили сигарки. Они были вооружены мечами, кинжалами и секачами.

В креслах расположились трое светлокожих.

Один был низкорослым, тощим как скелет, с наждачной кожей, большеносым, с акульим ртом. Второй был человеком-ламантином, перевалившимся через подлокотники кресла водопадами жира.

При виде третьей Кикаха ахнул:

– Подарга!

Женщина была самой прекрасной из всех когда-либо виденных им. Но он видел ее прежде. То есть это лицо существовало на другом уровне.

Но тело женщины не принадлежало этому лицу.

– Подарга! – снова воскликнул Кикаха.

Он заговорил на испорченном ликонском, употреблявшемся ею и ее орлицами.

– А я и не знал, что Вольф вынул тебя из твоего тела гарпии и вложил тебя – твой мозг – в тело женщины. Я...

Он остановился. Она смотрела на него с непроницаемым видом. Наверное, она не хотела, чтобы он позволил другим узнать, что произошло, а он, обычно такой молчаливый, когда того требовала ситуация, настолько потерял самообладание, что...

Но ведь Подарга открыла, что Вольф являлся в действительности Джадавином, похитившим ее с Пелопоннеса три тысячи двести лет назад и вложившим ее мозг в тело гарпии, созданное в биолаборатории. Она отказалась позволить ему исправить содеянное. Она так сильно ненавидела его, что осталась в своем птиценогом теле и поклялась отомстить Вольфу.

Что заставило ее изменить свое решение?

Но ее голос, однако, не был голосом прежней Подарги. Это, конечно, могло быть результатом смены телесной оболочки.

– Что ты там бормочешь, леблаббий? – спросила она на языке Господов.

Кикаха почувствовал желание дать ей по физиономии. Слово "леблаббий" являлось уничижительным выражением Господов, обозначавшим человеческие существа, обитавшие в их вселенных, перед которыми они строили из себя богов. Леблаббий были маленькими ручными зверьками в этой вселенной, откуда пришли Господы. Они ели лакомства, предлагаемые их хозяевами, но съели бы также при первом удобном случае и экскременты. И они часто сходили с ума.

– Ладно, Подарга, притворяйся, что не понимаешь по-микенски, – сказал он. – Но поосторожнее в выражениях. Я к тебе особой любви не испытываю.

Она, казалось, удивилась.

– А ты жрец?

Кикаха был вынужден признать, что Вольф, бесспорно, превосходно сработал ее. Великолепное тело; кожа белая и без

единого изъяна; длинные черные волосы, прямые и сверкающие. Черты лица не были, конечно, совершенно правильными, была заметна легка асимметрия, в результате которой получилась такая красота, которая при иных обстоятельствах заставила бы его страстно желать ее.

Она была одета в светло-зеленый халат, по виду шелковый, и сандалии, почти так, словно приготовилась лечь в постель, но ей помешали. Подарга спуталась с этими Господами?

И тут наконец Кикаха догадался. Конечно же, она находилась во дворце Вольфа, когда туда вторглись. Но что случилось потом?

– Где Вольф? – спросил Кикаха.

– Кто, леблаббий? – отозвалась Подарга.

– Его, бывало, звали Джадавином, – процедил он сквозь зубы.

Она пожала плечами.

– Его там не было, или, если был, то его убили Черные Колокольники.

Кикаха пришел в еще большее замешательство.

Вольф однажды рассказывал о них, но коротко, потому что их разговор прервала Хрисенда. Позже, когда Кикаха помог Вольфу отбить свой дворец у Ваннакса, он собирался спросить Вольфа о Черных Колокольниках, да так никогда и не собрался.

Один из ташкетмоаков резко обратился к Калатол. Кикаха понял его. Ташкетмоак требовал, чтобы Кикаха поговорил с этими людьми. Ташкетмоаки этой речи не понимали.

Отвечая на его вопросы, светлокожая женщина пояснила:

– Я – Анана, сестра Джадавина. Этот худощавый – Нистоул, прозванный Господами Петельником, а этот другой – толстый Джудубра.

Теперь Кикаха понял. Анана, прозванная Ослепительной, являлась одной из сестер Вольфа. И он использовал ее лицо в качестве образца, когда создавал в биолаборатории лицо Подарги. Скорее всего, черты ее лица он лепил по памяти, поскольку он не видел свою сестру Анану свыше тысячи лет. А это означало, что к настоящему времени Вольф не видел ее свыше четырех тысяч лет.

Теперь Кикаха вспомнил, что Вольф говорил, будто Черные Колокольники использовались когда-то в качестве хранилищ памяти. Господы, зная, что даже сложный человеческий мозг не мог вместить знаний, накопленных за тысячи лет, экспериментировали с переводом памяти.

Теоретически ее можно было, когда надо, переправить обратно в человеческий мозг или использовать иным способом.

Послышался стук. Распахнулась круглая дверь в стене в другом конце камеры, и вошел еще один человек. Он жестом

подозвал других, и те собрались вокруг него и зашептались. Наконец Калатол покинула группу и обратилась к Кикахе.

– Награду утроили, – прошептала она. – Кроме того, этот розоволикий король фон Турбат провозгласил, что как только тебя поймают, он уберется из города, и все станет как и прежде.

– Если бы ты собиралась выдать нас, то не стала бы мне этого рассказывать, – отозвался он.

Но вполне возможно, что она применяла сверххитрость, пытаясь заставить его расслабиться, перед тем как они нанесут удар. Восемь против одного. Он не знал, что могут сделать Господы, так что не следует рассчитывать на них. При нем все еще оставались два его ножа, но в такой маленькой комнате... а, ладно, когда придет время – увидим.

– Фон Турбат также объявил, – добавила она, – что если тебя в двадцать четыре часа не доставят к нему, он убьет императора и его семью, а потом всех жителей этого города. Он сказал это, находясь наедине со своими офицерами, но один раб подслушал его. И теперь весь город знает об этом.

– Если фон Турбат говорил по-немецки, как же мог понять его раб? – недоуменно спросил Кикаха.

– Фот Турбат говорил с фон Свиндебарном и несколькими другими на священной речи Господа, – пояснила Калатол. – Раб прислуживал в храме и знал священную речь.

Должно быть, Черные Колокольники являлись нерасчехленными пока прожекторами, способными пролить свет на эту тайну. Кикаха догадывался, что двое тевтонских королей могли кое-как понять священника во время службы, но они не знали священного языка настолько хорошо, чтобы разговаривать на нем. Следовательно, эти двое не были тем, кем хотели предстать.

Ему не дали времени на размышления.

– Розоволикие нашли комнату за стеной моей спальни, – сообщила Калатол, – и скоро вломятся сюда. Мы не можем оставаться здесь.

Двое мужчин покинули камеру, но быстро вернулись с раздвижными лестницами. Их на всю длину вытянули в вентиляционную шахту. При виде этого Кикаха почувствовал, что плохо понимает ситуацию.

– Теперь ваш патриотизм требует, чтобы вы вручили нас фон Турбату. Так?

Двое мужчин полезли по лестнице в шахту, а другие побудили Господов и Кикаху отправиться следом.

– Мы слышали, что император одержим демоном, – ответила наконец Калатол. – Его душу загнали в залунный холод. В его теле обосновался, хотя и не со всеми удобствами, демон. Жрецы

тайно распространили эту историю по всему городу. Они призывают нас бороться с этим самым страшным из всех зол, и мы не выдадим тебя, Кикаха, любимец Господа, Олиммамлы, и не заложим также других.

– Одержим? – переспросил Кикаха. – Откуда вам известно?

Калатол не отвечала, пока они не поднялись по шахте и не оказались в горизонтальном туннеле.

Один из контрабандистов зажег потайной фонарь, а другой втащил лестницу, сложил ее и понес дальше.

– Император вдруг стал говорить только на священном языке, так что стало очевидным, что он не понимает по-ташкетмоакски, а жрецы сообщали, что фон Турбат и фон Свиндебарн тоже говорят только на священном языке и что у них есть свои жрецы, переводящие для них приказы.

Кикаха не понимал, почему сочли, что император одержим демоном.

Предполагалось, что литургический язык опалял уста демонов, когда те пытались говорить на нем. Но Кикаха не собирался указывать на нелогичность чужих размышлений, когда это благоприятствовало ему.

Группа спешила вперед по туннелю, и толстый Джудубра громко сопел и жаловался. Сквозь шахту его пришлось проталкивать, так что он порвал одежду и поободрал кожу.

Кикаха спросил Калатол, хорошо ли сохранился храм Олиммамла. Он надеялся, что тайные врата, те, которые поменьше, не обнаружили.

Она ответила, что не знает.

Кикаха поинтересовался, как они собираются выбраться из города. Она пояснила, что будет лучше, если он этого не узнает. И тогда он, попав в плен, не сможет предать других. Кикаха не стал с ней спорить. Хотя он понятия не имел, как они уйдут из города, он мог себе представить, что произойдет после этого. Во время своего прошлого визита он выяснил, как именно она и ее друзья провозили контрабанду мимо таможни. Она и не подозревала, что он об этом знал. Кикаха заговорил с Ананой:

– Эта женщина – Калатол, утверждает, что ее император и по меньшей мере двое захватчиков одержимы демонами. Она имеет в виду, что они вдруг, кажется, потеряли способность или желание говорить на каком-либо языке, кроме Господнего.

– Черные Колокольники, – ответила, помолчав, Анана.

В этот момент впереди по туннелю грянули крики. Отряд остановился. В обоих концах туннеля появились огни. Голоса доносились из верхних и нижних шахт.

– Если у вас есть оружие, – обратился к Господам Кикаха, – то приготовьтесь им воспользоваться.

Они не ответили. Отряд беглецов выстроился в единую цепь, взявшись за руки, и контрабандист увел их в перекрестный туннель. Они прошли утиным шагом около пятидесяти ярдов, слыша, как голоса охотников становятся все громче. Потом они услышали отдаленный рев воды. Фонарь зажгли снова. Вскоре они оказались в небольшой камере, не имевшей выхода, если не считать отверстия в полу шириной в четыре фута. Из него проникали рев, влага и вонь.

– Шахта идет под острым углом, а туннель для сточных вод, с которым она соединяется, находится пятьюдесятью футами ниже. Съезжать, однако, будет не больно, – пояснила Калатол. – Мы воспользуемся этим путем, если ничего другого не получится. Если пройдешь по этой шахте до конца, то упадешь в туннель, полный сточных вод, почти вертикально обрушивающийся. И если выживешь и всплывешь в реке, в которую впадают эти воды, то тебя поймают находящиеся там патрульные лодки розоволиких.

Калатол объяснила им, что надо делать.

Они уселись и поехали вниз по трубе, тормозя руками и ногами. Проехав две трети пути вниз – или это так показалось, – они остановились. Здесь они залезли через отверстие в неизвестную властям шахту, выдолбленную несколькими поколениями преступников. Она вела наверх, в сеть туннелей, находившихся над тем уровнем, с которого они только что бежали.

Калатол объяснила, что требовалось добраться до мест, где они могли вползти в другую большую трубу для сточных вод. Та, однако, была сухой, потому что ее замуровала с превеликим трудом и потерей нескольких жизней тридцать лет назад большая шайка уголовников.

Поток наверху разделялся на два других сточных туннеля. Сухой туннель шел прямо вниз под уровнем воды. Неподалеку от его истока находилась шахта, шедшая горизонтально подводному выходу и отдаленная от стоков, охраняемых розоволикими. Она выходила на поверхность неподалеку от причалов, где стояли речные торговые суда. Чтобы добраться до судов, им придется проплыть милю по широкой реке.

Тремя улицами выше, по-прежнему внутри горы, отряд вышел к горизонтальной шахте, открывшей им путь к бегству, а сухой туннель продолжался под углом в пятьдесят пять градусов к горизонтальному.

Кикаха так никогда и не выяснил, что там вышло не так. Он не думал, что тевтонцы не способны узнать, где беглецы. Должно быть, несколько поисковых партий отправились наобум в разные места, и одна оказалась в нужном месте и увидела свою добычу прежде, чем добыча увидела ее.

Внезапно вспыхнули огни, послышались крики, вопли, что-то с глухим стуком ударялось в тела. Несколько ташкетмоаков рухнули, а затем Калатол упала навзничь впереди Кикахи. В тусклом свете валявшегося перед ним фонаря, он увидел ее синевато-черную кожу, отвисшую челюсть, скошенные в вечность глаза и торчавшую из ее черепа в дюйме над правым ухом арбалетную стрелу. Кровь обильно залила иссиня-черные волосы, ухо и шею.

Он переполз через тело Калатол, онемев от потрясения, вызванного внезапным нападением и ожиданием грядущей стрелы. Кикаха юркнул в туннель, казавшийся свободным от врагов. Позади него в темноте послышалось тяжелое дыхание. Анана подала голос, назвавшись. Она не знала, что случилось с другими.

Они ползли и шли утиным шагом, пока не заболели ноги и спины, произвольно сворачивали направо и налево без всякой системы и дважды поднимались по вертикальным шахтам. Настало время, когда они очутились в полной темноте и тишине, за исключением стучавшей в ушах крови.

Кажется, они обогнали гончих.

Отдохнув, они направились вверх. Было крайне важно выждать, пока ночь не скроет их на поверхности. И сделать это оказалось трудно. Хотя они устали и пытались уснуть, но без конца пробуждались. Им все время снились кошмары. В отверстии на конце шахты, выходившей на поверхность горы, чернела ночь.

Они полезли вверх, наружу, хотя и слышали, что там есть патрули. Подождав, пока не стихнет шум наверху, они потащились через валы и поднялись вверх по следующей стене. И так до следующего уровня улицы. Когда они не могли передвигаться по верху, они ползли по вентиляционной шахте.

Нижние районы города ярко освещались факелами.

Солдаты и полиция основательно прощупывали нижние уровни. Потом, когда они поднялись выше, кольцо солдат стало плотнее.

Повсюду были поисковые партии, осуществляющие проверку всех, кто им попадался на пути.

– Если тебя полагалось взять живым, то почему они стреляли в нас? – спросила Анана. – Они не могли достаточно хорошо видеть нас, чтобы различить цель.

– Они были возбуждены, – пояснил Кикаха.

Он устал, проголодался, мучился от жажды и испытывал бешеную ненависть к убийцам Калатол. Печаль к нему придет позже, но чувство вины – никогда. Он никогда не страдал от такого чувства, если не имел на то реальных причин. У Кикахи

были некоторые невротические недостатки и невротические достоинства – будучи человеком, их никак не избежать. Но неоправданного ощущения вины среди них не числилось. Он ни в коем случае не был виновен в ее смерти. Она впуталась в это дело по своей собственной воле и знала, что может умереть.

Ее смерь в некотором роде даже спасла его: вместо нее могли убить его.

Кикаха отправился за едой и питьем. Анана не хотела оставаться, поскольку боялась, что он, возможно, не сумеет опять найти ее. Она дошла с ним до трубы одного дома, спящие хозяева которого громко храпели. Кикаха вернулся с веревкой, хлебом и сыром, фруктами, мясом и двумя бутылками воды.

Они снова ждали, пока ночь не выплыла из-за монолита и не вцепилась мертвой хваткой в город. Тогда они опять направились вверх, когда можно – снаружи, когда нельзя – внутри туннеля. Анана спросила его, почему они поднимаются, и он ответил, что поневоле, так как внизу город кишмя кишел врагами.

6

В полночь они выбрались из вентиляционной шахты в какой-то дом и прошли мимо спящих. Этот дом стоял на улице как раз ниже императорского дворца.

Их ожидал опасный путь. Поскольку все лестницы и спуски охранялись, они могли добраться до своей цели, только поднимаясь снаружи туннеля. Это будет нелегко. На протяжении сорока футов поверхность горы была преднамеренно оставлена гладкой.

Затем, когда они уже крались в тени, отбрасываемой стеной, они наткнулись на обутые в сапоги ноги, торчавшие из темной ниши.

Ноги принадлежали мертвому часовому, рядом с ним лежал еще один мертвец. Один был заколот, а другой удавлен проволокой.

– Здесь побывал Нимстоул! – прошептала Анана. – Его не зря, знаешь, прозвали Петельником.

В трехстах ярдах впереди по улице вспыхнули факелы приближавшегося патруля. Кикаха выругал Нимстоула за то, что тот оставил тут тела. На самом-то деле для патрулей не составляло большой разницы: убиты ли часовые, или просто отсутствуют на своих постах. Тревогу поднимут в любом случае.

Небольшие ворота в стене оказались незапертыми. Их можно было запереть только снаружи. Кикаха и Анана, забрав оружие часовых, прошли в ворота и взбежали по крутой лестнице меж

высоченных гладких стен. К тому времени, когда они добрались до верха, они пыхтели, жадно глотая воздух открытыми ртами.

Снизу послышались крики. В крошечных воротах появились факелы, и солдаты начали взбираться по лестнице. Забили барабаны, затрубили трубы.

Кикаха и Анана побежали, но не ко дворцу справа от них, а к крутому лестничному маршу слева. У вершины лестницы поблескивали серебряные крыши и железные решетки, и до них донесся запах животных, соломы, старого мяса и свежего навоза.

– Царский зоопарк, – пояснил Кикаха. – Я здесь бывал.

На противоположном конце длинной дорожки, вымощенной каменной плиткой, что-то блеснуло, словно золотая нить в шлейфе ночи.

Нечто пронеслось в лунном свете и оказалось в тени, а затем растаяло в огромных дверях колоссального белого здания.

– Нимстоул! – воскликнула Анана.

Она бросилась было за ним, но Кикаха грубо оттащил ее назад. С искаженным лицом, белым, словно отлитым из лунного серебра, и широко раскрытыми, как у разъяренной совы, глазами, она резко вырвалась из его рук.

– Ты смеешь прикасаться ко мне, лаблаббий?

– В любое время, – отрезал он. – Перво-наперво, не называй меня больше лаблаббием. Я тебя не просто ударю, я убью тебя. Я не обязан сносить это высокомерие, это презрение. Оно целиком основано на пустом, ядовитом и болезненном эгоцентризме. Назови меня так еще раз, и я убью тебя. Ты меня, знаешь ли, ни в чем не превосходишь. Именно ты и зависишь от меня.

– Я завишу от тебя?

– Разумеется, – подтвердил он. – У тебя есть план бегства, такой, который может сработать, даже если он кажется нелепым?

Усилием воли она взяла себя в руки и принужденно улыбнулась. Если бы он не знал о ее скрытой ярости, то счел бы эту улыбку самой прекрасной, очаровательной и соблазнительной из всех виденных им в двух вселенных.

– Нет, у меня нет плана. Ты прав. Я завишу от тебя.

– Ты, во всяком случае, реалистка, – заметил Кикаха. – Большинство Господов, как я слышал, настолько высокомерны, что скорее умрут, чем признаются в какой угодно зависимости от другого.

Эти же ее качества, однако, делали ее и более опасной. Он не должен забывать, что она – сестра Вольфа.

Вольф говорил ему, что его сестры Вала и Анана являлись, вероятно, самыми опасными из всех живых людей женского пола. Даже делая скидку на вполне простительную семейную

гордость и определенное преувеличение, их, вероятно, следовало опасаться.

– Оставайся здесь! – скомандовал он, а сам бесшумно и быстро бросился вслед за Нимстоулом. Он не мог понять, как двое Господов сумели пройти прямо сюда.

Как они узнали о малых тайных воротах в храме? Способ мог быть только один: во время своего краткого пребывания во дворце Вольфа они увидели карту, где было обозначено их местонахождение. Анана не была с ними, когда это случилось, или, если была, то по какой-то своей личной причине хранила молчание.

Но если про них могли узнать двое Господов, то почему Черные Колокольники не нашли их тоже, ведь времени у них было больше? Через минуту Кикаха нашел ответ. Колокольники знали о вратах и поставили перед ними двух часовых. Но этих двоих убили, одного закололи, а другого удавили.

Дверь в углу здания была открыта нараспашку, из нее лился свет. Кикаха осторожно проскользнул через узкое отверстие в небольшое помещение. В камень пола были вделаны четыре серебряных полумесяца, а четыре, висевшие на настенных колышках, исчезли. Двое Господов использовали врата для побега и прихватили с собой остальные полумесяцы, чтобы никто больше не смог воспользоваться ими.

Разъяренный Кикаха вернулся к Анане и сообщил ей эту новость.

– Этот путь отпадает, но мы еще не повержены, – закончил он.

Кикаха двинулся дальше по изогнутой дорожке из диоритовых камней, инкрустированных по краям небольшими алмазами. Он остановился перед огромной клеткой. В ней стояли бок о бок две птицы и прожигали Кикаху взглядами. Ростом они достигали двух с половиной метров. Головы их были бледно-красными, клювы – бледно-желтыми, крылья и тела зелеными, как полуденное небо, ноги – желтыми, а глаза представляли собой алые щиты с черными шишками.

Одна птица заговорила голосом гигантского попугая:

– Кикаха, что ты здесь делаешь, подлый Обманщик?

В этой огромной голове находился мозг женщины, похищенной Джадавином три тысячи двести лет назад с берегов Эгейского моря. Мозг этот был трансплантирован для развлечения Джадавина в созданное в его биолаборатории тело. Эта орлица оставалась одной из немногих, имевших человеческий мозг. Громадные зеленые орлицы, сплошь самки, воспроизводились путем партеногенеза. В живых оставалось еще около сорока из созданных первоначально пяти тысяч.

Все остальные орлицы, из миллионов ныне живущих, являлись их потомками.

Кикаха ответил на микенском наречии:

– Девиванира! А что ты делаешь в этой клетке? Я думал, ты пташка Подарги, а не императора.

Девиванира завизжала и вцепилась клювом в прутья решетки. Стоявший слишком близко Кикаха отпрыгнул, но рассмеялся:

– Вот так, правильно, глупая птица! Привлеки их, чтобы они примчались сюда и могли помешать нам сбежать!

– Сбежать? – вскинулась другая орлица.

– Да, – быстро ответил Кикаха, – сбежать. Согласитесь помочь нам выбраться из Таланака, и мы выпустим вас из клетки. Но говорите "да" или "нет" сейчас! У нас мало времени!

– Подарга приказала нам убить тебя и Джадавина-Вольфа! – заупрямилась орлица.

– Вы можете попробовать совершить это позже, – предложил он. – Но если вы не дадите мне слово помочь нам, то умрете в клетке. Вы хотите снова взлететь, снова увидеть своих подруг?

На лестнице, ведущей ко дворцу и зоопарку, появились факелы, и Кикаха повторил:

– Да? Нет?

– Да! – бросила Девиванира. – Клянусь грудями Подарги, да!

Анана вышла из тени помочь ему. До сих пор орлицы не видели отчетливо ее лица.

Они подпрыгнули, захлопали крыльями и каркнули:

– Подарга!

Кикаха не сообщил им, что она приходится сестрой Больфу, а лишь объяснил:

– Лицо Подарги сделали по ее образцу.

Он побежал к складу, радуясь, что взял на себя труд осмотреть его во время своей экскурсии с императором, и вернулся с несколькими мотками веревки. Затем он спрыгнул в сделанную в камне яму и всем телом навалился на железный рычаг.

Дверь заскрипела и распахнулась.

Анана стояла в карауле с луком и стрелой наготове. Девиванира, сгорбившись, прошла через дверь и стояла смирно, пока Кикаха привязывал каждый конец веревки к ноге. Антиона, другая орлица, покинула клетку и тоже позволила Кикахе привязать веревки к ее ногам.

Кикаха растолковал им, что они, как он надеялся, могли сделать. Когда солдаты вбежали в сад, две огромные птицы прыгнули на край низкого вала, окружавшего зоопарк. Когда

птицы находились на земле, то предпочитали широкий шаг. Теперь же, только расправляя крылья, чтобы облегчить движение, они могли избежать риска покалечить ноги.

Кикаха очутился между ног Девиваниры, уселся на веревку и ухватился за обе ее ноги. Он крикнул:

– Готово, Анана? Отлично! Девиванира! Взлет!

Обе орлицы, даже обремененные тяжестью людей, взлетели в воздух на несколько футов и тяжело забили крыльями. Кикаха почувствовал, как врезалась в его тело веревка. Его рвануло вперед и вверх, вал вылетел из-под его ног. Серебристо-зеленые, отражавшие пламя факелов угловатые стены и улицы города оказались под ним.

Немного ниже, по меньшей мере в трех тысячах футов, текла у подножия горы черная, с отблеском серебра река.

Затем в опасной близости появилась гора. Орлицы могли нести относительно большой груз, так как их мускулы были намного сильнее, чем у земных орлов, но им не удавалось достаточно быстро махать крыльями, чтобы поднять взрослого человека.

Самое большое, что они могли сделать, это замедлить скорость снижения.

Так вот они и снижались, параллельно стенам, лихорадочно хлопая крыльями, когда подлетали к какой-нибудь улице. Птицы, мучительно медленно, или это так казалось Кикахе, двигаясь вперед, проносились над улицей, и казалось, вновь обрушивались вниз, слишком близко к белой, или коричневой, или красной, или серой нефритовой поверхности, а затем снова яростно били крыльями и летели вперед.

Людям приходилось подтягивать ноги, чтобы не задеть за стены.

Дважды их царапало, скребло и стукало о ветки деревьев, когда они пролетали сквозь вершины крон.

Один раз орлицам пришлось резко снизиться, чтобы не врезаться в высокую деревянную раму, построенную по какой-то причине на крыше. Затем орлицы потеряли высоту, и двух пассажиров стукнуло о коричнево-черный нефрит, бывший, по счастью, гладким. Орнаментальные выступы сломали бы им кости или нанесли глубокие порезы.

Затем самый нижний уровень, улица Отвергнутых Жертв, названная так по какой-то так и не выясненной Кикахой причине, остался позади. Они пролетели чуть ли не в дюйме над нефритовой оградой наружного края улицы. Кикаха был настолько уверен, что налетит на нее и будет разорван в клочья, что и в самом деле ощутил боль.

Они падали к реке под крутым углом.

В этом месте река была шириной в милю. На противоположном берегу находились доки и корабли, а подальше от них – другие корабли на якоре. Большинство из них были длинные двухпалубные галеры с высокими кормовыми палубами и одной-двумя мачтами с прямым парусным оснащением.

Кикаха быстро оценил все это, а затем, когда орлицы снизились к пятнистой серо-черной поверхности, сделал то, о чем заранее договорился с Ананой.

Кикаха был уверен, что орлицы попытаются убить их, как только окажутся вне опасности, и он велел Анане при первом же случае прыгать в воду.

До реки оставалось еще пятьдесят футов, когда Девиванира сделала первую попытку достать его клювом. К счастью для ее намеченной жертвы, она не смогла достаточно нагнуться, чтобы схватить его.

Огромный желтый клюв рассек воздух в восьми дюймах над головой Кикахи.

– Отпускай! – завизжала тогда орлица. – Ты утянешь меня в воду! Я утону!

У Кикахи возникло искушение именно так и поступить. Однако он опасался, что ей придет в голову подлететь к Антионе и та смогла бы достать Кикаху своим клювом. А потом они добрались бы и до Ананы.

Он бросился назад, дважды перевернулся, выпрямился и без всплеска вошел в воду головой вниз. Он нырнул как раз во время, чтобы увидеть прыжок Ананы. Они находились в двухстах пятидесяти ярдах от ближайшей из пяти стоявших на якоре галер. В полутора милях ниже по реке он разглядел факелы, а под ними шлемы воинов и поднимающиеся весла.

Орлицы теперь перелетали через реку и поднимались ввысь, черные на фоне лунного света.

Кикаха окликнул Анану, и они поплыли к ближайшему судну. Одежда и ножи тянули его ко дну, поэтому он скинул одежду и бросил в глубину большой нож.

Анана сделала то же самое. Кикахе не хотелось терять ни одежду, ни нож, но испытания последних сорока восьми часов и нехватка пищи высосали из него всю энергию.

Они добрались наконец-то до галеры и вцепились в якорную цепь, втягивая в себя воздух и не в состоянии сдержать громкие всхлипывания. Никто не появлялся на палубе корабля установить причину шума. И если там и был сторож, то он спал.

Дозорная лодка быстро двигалась к ним. Кикаха, однако, не думал, что его и Анану увидели. Он сказал ей, что они должны сделать. Набрав побольше воздуха в легкие, он нырнул под корпус корабля, перевернулся, когда счел, что одолел половину

пути, и поплыл к корме. Через каждые несколько гребков он ощупывал дно судна. Наконец он всплыл под нависавшей кормой, так и не достигнув успеха. Анана, исследовавшая дно передней половины корабля, встретилась с ним у якорной цепи. Она тоже доложила о неудаче.

Кикаха проговорил, тяжело дыша:

– Может случиться, что ни на одном из пяти судов не существует потайных камер для контрабандистов. Мы, конечно, можем проверить это, и ничего не найти. В то же время приближается этот патруль.

– Наверное, нам следует испробовать путь по суше, – высказала свое мнение Анана.

– Только если не сумеем найти скрытых камер, – ответил Кикаха. – На суше у нас мало шансов.

Он поплыл вокруг галеры к следующей и там повторил свой поиск. Это судно, как и третье, оказались без потайных камер. К тому времени патрульная лодка подплыла еще ближе к ним.

Вдруг с другой стороны лодки что-то грохнуло, потом второй раз, а затем послышались пронзительные крики орлиц и людей.

Хотя Кикаха и не мог ничего видеть, он знал, что случилось: зеленые орлицы вернулись, чтобы убить его, но не найдя, они решили отомстить за свое пленение людям. Поэтому они рухнули с ночного неба на солдат в лодке. Гром произвели их крылья, внезапно расправленные. Теперь они, должно быть, находились в лодке и рвали солдат клювами и когтями.

Послышался всплеск и новые вопли, а затем наступила тишина.

Снова раздалось хлопанье гигантских крыльев. Кикаха с Ананой нырнули под четвертое судно. Они спасались от орлиц и в то же время продолжали свои поиски.

Кикаха, вынырнув под кормой, услышал шум крыльев, но он не видел птиц. Он ждал в тени кормы, пока не разглядел их, поднимавшихся ввысь от соседней галеры. Они могли перестать охотиться на него или же намеревались снова рухнуть с небес. Ананы в поле зрения не было.

Она так долго не показывалась, что Кикаха решил: она либо нашла то, что они искали, либо утонула или скрылась от него.

Кикаха проплыл под носом галеры, и вскоре его рука прошла над краем вырезанного в киле колодца. Он стал всплывать, открыл глаза и увидел наверху отблеск серого цвета. Затем он вынырнул на поверхность и оказался в квадратной камере, освещенной небольшой лампой. Он сплюнул в воду и рассмотрел стоявшую на четвереньках Анану с ножом в руке. А Анана лежала на полке.

Полка находилась в двух футах под водой и тянулась по периметру всей камеры.

Рядом с рукой, в которой она держала нож, виднелись черные волосы мужчины.

Это был ташкетмоак, и он крепко спал.

Анана улыбнулась и пояснила:

– Он спал, когда я появилась из воды. Мне повезло, между прочим, потому что он мог бы проткнуть меня ножом, прежде чем я бы поняла, что произошло. Поэтому я треснула его по шее, чтобы гарантировать его дальнейший сон.

Полка достигала четырех футов ширины и была голой, если не считать нескольких шкур и одеял. Еще там находились бочонок с нарисованными на нем пиктограммами, означавшими джин, да несколько деревянных контейнеров с металлическими обручами, содержавших, как надеялся Кикаха, еду. Голые полки указывали, что контрабандные товары уже удалили отсюда, так что никакого наплыва явившихся за добром пловцов не будет.

Из лампы поднимался дым ко множеству мелких дырочек в потолке и в верхней части стены. Кикаха, приложившись щекой к некоторым из них, ощутил легкое движение воздуха. Он был уверен, что никто из находившихся непосредственно над ними на палубе не смог бы заметить свет, но ему придется удостовериться в этом.

– Существует неизвестное количество судов, оборудованных такими камерами, – объяснил он Анане. – Иногда капитаны знают о них, иногда – нет.

Он показал на ташкетмоака.

– Мы допросим его позже.

Кикаха связал ему лодыжки, а потом, перевернув, скрутил руки за спиной. Затем, хотя ему хотелось лечь и уснуть, он опять нырнул в воду. Вынырнул он неподалеку от якорной цепи, по которой и влез на корабль. Рыская по галере, он не обнаружил никаких сторожей и получил хорошее представление о конструкции судна.

Более того, он нашел несколько ломтей сушеного мяса и сухарей, завернутых в водонепроницаемые кишки. Орлиц в поле зрения не было, а патрульную лодку унесло так далеко, что он не мог разглядеть в ней никаких тел, если они там остались.

Когда он вернулся в потайную камеру, то обнаружил, что туземец проснулся.

Кикаха допросил его, и тот рассказал, что прячется тут от полиции, по какому обвинению, он не уточнил. О вторжении он не знал, а в рассказ Кикахи явно не поверил.

Кикаха обратился к Анане:

– Нас должно было увидеть достаточно народу, так что с поисками в городе покончат. Нас будут искать в старом городе, на фермах, в сельской местности, и обыщут также все суда. Затем, когда они не найдут нас, то могут позволить возобновить нормальную жизнь. И это судно может отправиться, куда там оно собиралось.

Кикаха спросил у Петорока, так звали туземца, где он может добыть достаточно еды, чтобы им троим хватило на месяц.

Глаза Ананы расширились, и она недоверчиво переспросила:

– Жить месяц в этой влажной вонючей дыре?

– Если ты вообще хочешь жить, – ответил Кикаха. – Я искренне надеюсь, что мы здесь так долго не пробудем, но я хотел бы иметь резервы на случай чрезвычайных обстоятельств.

– Я сойду с ума, – возразила Анана.

– Сколько тебе лет? – осведомился Кикаха. – По меньшей мере около десяти тысяч, верно? И за все это время ты не научилась надлежащей психологической настройке для преодоления подобных ситуаций?

– Я никогда не ожидала, что окажусь в такой ситуации, – зарычала она.

Кикаха улыбнулся.

– Это что-то новенькое после десяти тысячелетий, да? Тебе бы следовало радоваться избавлению от скуки.

Неожиданно Анана рассмеялась.

– Я устала и сделалась раздражительной. Но ты прав. Лучше умирать от страха, чем от скуки. А то, что случилось...

Она развела руками, показывая, что у нее нет слов.

Получив от Петерока сведения, Кикаха снова отправился на палубу. Он спустил на воду лодку, подгреб к берегу и взломал шлюз. Наполнив лодку продовольствием, он погреб обратно к судну. Здесь он привязал судно к якорю, а затем нырнул за Ананой. Ныряние и плавание, тормозившееся таскáнием продуктов, еще больше утомили их. И к концу своих трудов они так устали, что едва смогли подтянуться на полку в камере. Кикаха спустил лодку вниз по течению, а затем нырнул в последний раз.

Он трясся от холода и истощения сил, ему отчаянно хотелось спать, но он не смел оставить туземца без охраны. Анана предложила разрешить эту проблему, убив Петорока. Однако он увидел, как она провела пальцем по горлу, и сообразил, что они обсуждают. Он побледнел.

– Я не стану этого делать без надобности, – отверг предложение Ананы Кикаха. – Кроме того, если он даже умрет, нам все равно придется сторожить. Что, если явятся другие контрабандисты? Нельзя, чтобы нас застали спящими. Калатол и ее

компания оказались способными устоять перед наградой, хотя я не уверен, что они могли бы и дальше удержаться и не выдать нас, но другие могут быть не такими благородными.

Он взялся сторожить первым и не заснул только потому, что черпал воду и плескал ее себе в лицо, разговаривая с Петороком. Когда Кикаха счел, что прошло два часа, он разбудил Анану, похлопывая ее по щекам. Взяв с нее обещание, что она не поддастся сну, он закрыл глаза. Вскоре его разбудили и теперь он должен был вставать в караул.

Анана закрыла ему рот ладонью и прошептала на ухо:

– Тихо! Ты храпел! На борту люди.

Долгое время он лежал, прислушиваясь к топоту ног, крикам и разговорам, грохоту, который раздавался, когда передвигали туда-сюда груз и простукивали переборки и палубы, чтобы обнаружить скрытые отсеки.

После тысячи двухсот секунд, каждую из которых Кикаха мысленно отсчитывал, поисковая партия двинулась дальше. Он и Анана снова попытались поочередно заснуть.

7

Когда они почувствовали себя достаточно отдохнувшими, чтобы бодрствовать вместе с Ананой, Кикаха спросил у нее, как она попала в эту ситуацию.

– Черные Колокольники, – объяснила она.

Она подняла правую руку. Средний палец украшало кольцо из совершенно черного металла с большим темно-зеленым камнем.

– Я отдала контрабандистам все свои драгоценности, кроме этого кольца, – сказала Анана. – С ним я отказалась расстаться, заявив, что сперва им придется убить меня. Каждую минуту я думала, что они все-таки убьют меня ради него. Давай посмотрим, как это началось. Сначала Черные Колокольники были искусственной формой жизни, созданной учеными Господов около десяти тысяч лет назад. Ученые создали Колокольников в ходе поисков истинного бессмертия. Теперь слушай дальше. Колокольник первоначально имел вид колокола черного цвета из материала, не поддающегося разрушению. Даже если присоединить его к водородной бомбе, Колокольник переживет ядерный синтез. Равно Колокольника можно запустить в сердце звезды, и он выйдет без единой царапины, хоть через миллиард лет. Итак, ученые сперва сконструировали Колокольника таким образом, чтобы тот был просто автоматом. Он не обладал собственным разумом, а был всего лишь прибором. Помещенный на

голову человека, он засекал электрический потенциал человеческой кожи и автоматически выпускал две очень тонкие, но жесткие иглы. Они проникали через череп в мозг. Через иглы Колокольник мог разрядить содержимое человеческого мозга, то есть мог размотать цепочки гигантских белковых молекул, составляющих память, и разложить на составные сложные невротические узоры подсознания и сознания.

– Какой в этом был смысл? – не понял Кикаха. – Зачем бы Господу захотелось выскребать, то есть разряжать себе мозг? И разве он не стал бы тогда пустым?

– Да, но ты не понимаешь главного. Разряженный и размотанный мозг принадлежал человеческому подданному Господов, рабу.

Шокировать Кикаху было нелегко, но теперь он был поражен и почувствовал дурноту...

– Что? Но...

– Это было необходимо, – серьезно произнесла Анана. – Раб все равно бы умер, так какая разница? Но Господь мог бы жить, даже если бы его тело смертельно ранили.

Она не уточнила, что научные средства Господов позволяли им жить тысячи, наверное, даже миллионы лет, если не произойдет никаких несчастных случаев, убийства или самоубийства. Кикаха, конечно, это знал. Нестарение, правда, в меньшей степени, чем у Господов, было распространено и у простых человеческих существ этой Вольфовской вселенной. Воды этого мира содержали в себе обеспечиваемые Вольфом вещества, не дававшие человеческим существам стареть приблизительно тысячу лет.

Они таже сокращали плодовитость, поэтому тут не повышалась рождаемость.

Колокольники являлись носителями средства, благодаря которому можно было привести мысли кого-либо в мозг носителя. Таким образом, Господь мог продолжать жить в новом теле, покуда старое умирало от ран. Колокольника сконструировали так, чтобы мысли и разум Господа могли храниться очень долгое время, если того потребуют чрезвычайные обстоятельства. Колокольник имел и энергоблок для функционирования хранимого ума, если возникнет такое желание. Более того, Колокольник автоматически черпал нервную энергию носителя для подзарядки энергоблока. Разматывание и выхолащивание разума служило на самом деле сканированию мозга Колокольником, а потом он записывал его в структуру колокола – фактический дубликат мозга. Результатом этого являлось опустошение первоначального мозга, он оставался чистым, не обремененным знаниями.

– Я повторяюсь, – сказала она, – но только для того, чтобы ты меня понял.

– Я поспеваю за твоей мыслью, – объяснил Кикаха. – Но это опустошение и сканирование не кажутся мне истинным бессмертием. Это все равно что перелить мысленное содержимое из одной головы в другую. Это не настоящая пересадка мозга. Все на самом деле сводится к записи церебральных комплексов, лобных долей мозга и, как я полагаю, затылочной его части тоже, чтобы охватить весь разум. Ведь у Колокольников нет подсознания. А потом записи-диски прокручивают, если угодно, в другом контейнере. Однако мозг другого индивидуума не тождествен первому. В действительности первое существо мертво. И хотя другой человек думает, что он – главный, потому что у него мозговой комплекс в целости и сохранности, он всего лишь дубликат.

– Устами младенца глаголет истина, – усмехнулась Анана. – Это было бы верно, если бы не существовало такой штуки, как дух или душа, как называете ее вы, люди. Но у Господов имелись неоспоримые доказательства, что внепространственное, вневременное существование, возникающее одновременно с каждым разумным существом, существует в действительности. Оно есть даже у вас, людей, и оно дублирует психическое состояние. Так или иначе, душа – это вторая половина "настоящей личности". Когда в Колокольнике строится дубликат мозга, душа или дух жертвы переходит в Колокольника. И наоборот.

– У вас есть доказательства существования этой души? – поинтересовался Кикаха. – Фотографии и так далее?

– Я таких никогда не видела, – ответила Анана, – и, равным образом, не знала никого, видевшего эти доказательства. Но нас заверяли, что одно время доказательства существовали.

– Прекрасно, – заметил Кикаха с сарказмом, который Анана, может быть, уловила, а может, и нет. – Так что дальше?

– Эксперимент, как я считаю, занял свыше пятидесяти лет, прежде чем Колокольники стали стопроцентно безопасными и идеально действенными. Большинство исследований проводилось на рабах-людях, которые часто умирали или становились идиотами.

– Во имя науки!

– Во имя Господов, – отрезала она. – Во имя бессмертия Господов. Но подопытные люди, а позже и подвергшиеся опыту Господы сообщали о почти невыносимом чувстве отрыва от действительности, муках разлуки, испытываемых, покуда их разум обитал в Колокольниках. Видишь ли, мозг может воспринимать окружающий мир, если выдвинуты иглы-антенны. Но восприятие это очень ограниченно. Чтобы преодолеть изоля-

цию и страх, способности восприятия антенн улучшили. Через антенны сделались доступными звуки, запахи и ограниченное зрительное чувство.

– Эти Черные Колокольники – бывшие Господы? – спросил напрямик Кикаха.

– Нет. Ученые случайно открыли, что Колокол обладает потенциальными возможностями развития в существо. То есть неиспользуемый колокол является как бы младенцем-Колокольником. Если с ним беседовать, играть, научить говорить, узнавать, развивать свою эмоциональность – тогда он становился не вещью, не механическим устройством, а личностью, довольно чуждой и странной, но все-таки личностью.

– Иными словами, – констатировал Кикаха, – конструкция для обитания человеческого сознания могла сама по себе стать сознанием?

– Да. Ученые были заворожены. Они организовали отдельный проект по выращиванию Колокольников и обнаружили, что Колокольник мог стать столь же сложным и столь же умным, как и взрослый Господь. В то же время первоначальный проект забросили, хотя недоразвитые Колокольники использовались как тара для хранения лишней памяти Господов.

– Думается, я знаю, что случилось, – произнес Кикаха.

– Никто не знает, что там на самом деле случилось, – продолжила она. – В проекте участвовали десять тысяч вполне взрослых Колокольников и множество младенцев. Каким-то образом какой-то Колокольник сумел вонзить свои иглы-антенны в череп Господа. Он размотал и демонтировал мозг Господа, а потом перевел себя в мозг носителя. Впоследствии обнаружили и прочих занимавшихся этим.

Кикаха угадал правильно. Господы сами создали своих чудовищ Франкенштейна.

– В то время мои предки создавали свои личные, сделанные на заказ вселенные, – рассказывала Анана дальше. – Они и впрямь были Господами – Богами, если таковые когда-либо существовали. Родная вселенная, конечно, продолжала оставаться основной для подавляющей массы населения. Многие из Колокольников в телах носителей сумели выбраться из родной вселенной в личные вселенные. К тому времени, когда открылась истина, было невозможно узнать, кто захвачен, а кто нет, столько уже сделали переводов. Почти десять тысяч Господов были, так сказать, "колоколизированы". Война Черных Колокольников продолжалась двести лет. Я родилась именно в это время. К этому сроку большинство ученых и техников Господов погибли. Половина населения тоже умерла. Родную вселенную опустошили. Это было концом науки и прогресса и началом

конца Господов. Уцелевшие же имели в своем распоряжении много энергии, устройств и машин, но не понимали принципов, служивших основой этой энергии и этих машин. Со всеми Колокольниками, кроме пятидесяти, было покончено. Уничтожили девять тысяч девятьсот пятьдесят. Колокольников поместили в специальную созданную для них вселенную. Эта вселенная – с тройными стенками, чтобы никто не мог забраться туда и выбраться оттуда.

– А недостающие пятьдесят?

– Их так и не нашли. С того времени Господы жили в атмосфере постоянной подозрительности, на грани паники. И все же не было никаких доказательств, что каких-то Господов колонизировали Колокольники. Со временем паника утихла, но недостающих пятидесяти не забыли.

Она подняла правую руку.

– Видишь это кольцо? Оно может засечь Колокольника, когда тот окажется на расстоянии двадцати футов. Оно, конечно, не может определить Колокольника, обитающего в теле носителя, но Колокольники не любят находиться слишком далеко от колоколов. Если что-нибудь случится с телом носителя, Колокольник хочет иметь возможность переправить свой разум обратно в колокол, прежде чем умрет тело. Кольцо, засекая колокол, включает имплантированную в мозг Господов сигнализацию. Эта сигнализация стимулирует определенные районы нервной системы, так что Господь слышит звон колокола. Насколько я знаю, звон колокола тревоги не раздавался около десяти тысяч лет. Но он раздался для нас троих меньше двух недель назад, и мы поняли, что древний ужас вырвался на волю.

– Те пятьдесят теперь нашлись? – поинтересовался Кикаха.

– Не все пятьдесят. По крайней мере, я видела лишь нескольких, – ответила она. – По-моему, случилось вот что: все пятьдесят Колокольников были спрятаны в какой-то вселенной. Они пролежали около десяти тысячелетий в состоянии анабиоза. Потом какой-то человек, какой-то леб...

Она запнулась, увидев выражение его лица, а затем продолжила:

– Какой-то человек наткнулся на тайник. Ему стало любопытно и он надел один из колоколов на голову. Колокольник автоматически выпустил антенны. Одновременно Колокольник пробудился ото сна. Он анестизировал человека через кожу, чтобы тот не мог бороться, вонзил иглы в череп и мозг, разрядил невральную конфигурацию и память человека и перевел себя в его мозг. А затем эти пятьдесят начали свою быструю и бесшумную кампанию. Нельзя сказать, сколько вселенных они

захватили, сколько Господов пленили или вселились в них, но им не повезло с нами, Нимстоулом, Джудуброй и Ананой. Я и Нимстоул сумели уведомить о ситуации Джудубру, и тот разрешил им укрыться в своей вселенной. Только Черные Колокольники могли заставить Господа забыть о своей вечной войне со всеми другими Господами. Джудубра как раз восстанавливал свою оборону, когда ворвался враг. Все трое Господов были вынуждены бежать через врата во дворец Вольфа в этой вселенной. Они выбрали его мир, так как прослышали, что он теперь стал слабым и мягкотелым и не будет пытаться убить их, если они проявят дружелюбие. Но дворец оказался пустым, если не считать талосов, полуметаллических, полубелковых машин, бывших слугами и стражами Вольфа и Хрисенды.

– Вольф исчез? – переспросил Кикаха. – И Хрисенда тоже, но куда?

– Я не знаю, – ответила Анана. – У нас было мало времени для расследований. Мы вынуждены были бежать через врата из центра Управления, не зная, куда попадем. Мы вышли в храме Олиммамла, из которого спустились в город Таланак. Нам посчастливилось наткнуться на Калатол и ее шайку. Не прошло и четырех дней, как в Таланак вторглись дракландцы. Я не знаю, как Черные Колокольники захватили фон Турбата и других.

– Они прошли через врата в Дракландию, – ответил Кикаха, – и захватили двух королей, без ведома подданных, конечно. Они, вероятно, не знали, что я в Таланаке, но, должно быть, проведали обо мне, как я полагаю, из фильмов и записей во дворце. Они сюда явились за вами, Господами, но прослышали, что и я здесь, и явились также и за мной.

– Зачем ты им нужен?

– Затем, что я многое знаю о тайных вратах и ловушках во дворце. В первую очередь, хотя бы то, что они не смогут проникнуть в арсенал, если не узнают схему дешифровки кода. Вот почему они хотят взять меня живым: ради имеющихся у меня сведений.

– Во дворце есть какой-нибудь летательный аппарат? – спросила она.

– У Вольфа таких никогда не было.

– Я думаю, Колокольники доставят несколько штук из моего мира, но им придется разобрать их, чтобы пропустить через узкие врата во дворце, а потом они снова соберут их. Но когда люди увидят аэролет, Колокольникам придется дать некоторые объяснения.

– Они могут заявить народу, что это волшебные суда, – возразил Кикаха.

Кикаха пожелал, чтобы у него оказался рог Шамборимена, или, как его иногда называли, Ильмарволкина. Когда в резонансной точке любой вселенной на нем воспроизводили нужную последовательность нот, эта точка становилась вратами между двумя вселенными.

Рог можно было также использовать и для прохождения через врата между разными точками на этой планете. Можно обойтись и без соответствующих полумесяцев. Но Анана не видела рога. Вероятно, Вольф взял его с собой, куда бы они там ни отправились.

Последовавшие дни и ночи не отличались комфортом. Они расхаживали по полкам взад-вперед, благо высота полок над уровнем воды это позволяла, и разрешали также и Петороку поразмять мускулы, покуда Кикаха держал завязанную на его шее веревку.

Спали Кикаха и Анана беспокойно. Хотя они и решили поменьше жечь лампу, так как хотели поберечь масло, большую часть времени они держали ее зажженной.

На третий день на борт поднялось много народу.

Подняли якорь, и судно явно направилось к причалу. Сквозь деревянные переборки палубы просочились звуки погрузки. Она продолжалась сорок восемь часов без передышки. Затем судно покинуло причал, и гребцы взялись за работу. Колотушка задававшего ритм барабанщика, скрип уключин, плеск и свист весел продолжались долгое время.

8

Путешествие заняло около шести дней, а затем судно остановилось, бросило якорь, и затворники поняли, что началась разгрузка. Кикаха был уверен, что они двигались на запад, к краю Великих Прерий.

Когда все, казалось, стихло, он выплыл. Вынырнув ближе к суше, он увидел причалы, другие галеры, костер перед большим бревенчатым зданием и невысокий, густо заросший лесом холм на востоке.

Это был пограничный городок. Дальше речные суда не ходили. Товары здесь перегружались в большие фургоны, которые затем отправятся к Большой Торговой Тропе.

Кикаха не собирался отпускать Петорока, но спросил его, желает ли он остаться с ними или предпочел бы рискнуть присоединиться к ташкетмоакам.

Петорок ответил, что его разыскивают за убийство полицейского, и он отправится с ними.

Они прокрались на ферму неподалеку от городка и похитили одежду, трех лошадей и оружие. Чтобы сделать это, понадобилось убить фермера, его жену и двух сыновей, пока те спали. Затем они проехали мимо обнесенного частоколом городка и форта.

За час до рассвета они выехали к краю Великих Прерий и решили некоторое время следовать по Торговой Тропе. Целью Кикахи была деревня Хровака в горах за тысячу миль отсюда. Там они могут составить план кампании, связанной с применением некоторых тайных врат на этом уровне.

Во время их заточения в потайной камере на галере Кикаха пытался поддерживать боевой дух Ананы, постоянно шутя и смеясь, хотя и тихо, чтобы их не услышали. Но теперь он, казалось, взорвался, так много он болтал и смеялся. Анана сделала замечание по этому поводу и уточнила, что он теперь, вероятно, самый счастливый человек, какого она когда-либо видела, ведь он так и сияет от радости.

– Почему бы и нет? – ответил он.

Он махнул рукой, показывая на Великие Прерии.

– Воздух напоен солнцем, зеленью и жизнью. Перед нами огромные холмистые прерии, во многом похожие на равнины Северной Америки до прихода белого человека, но куда более экзотические или романтические, или колоритные, или еще какие-нибудь, как понравится. Тут пасутся миллионы бизонов, диких лошадей, антилоп, оленей, за которыми охотятся крупные хищники: полосатый лев прерий, или феликс атрокс, бегающий лев, являющийся гепардообразной эволюцией пумы, страшный волк и прерийный волк, койот и прерийная собака! Прерии кишат жизнью! Здесь водятся не только доколумбовские животные, но и приведенные Вольфом через врата с Земли и вымершие уже давно там, такие, как мастодонт, мамонт, прерийный верблюд и многие другие. И есть тут кочевые индейские племена – сплав американских индейцев и скифско-сарматских белых кочевников из древней России и Сибири; и полукони, созданные Джадавином, – кентавры, чья речь и обычаи такие же, как и у племен прерий. О, здесь можно много о чем порассказать, и много, чего я еще не знаю, но когда-нибудь узнаю! Понимаешь ли ты, что площадь суши этого уровня больше, чем у Северной и Южной Америк моей родной Земли, вместе взятых? Это сказочный мир! Мой мир! Я верю, что родился для него и что было больше, чем случайностью, что мне повезло попасть сюда! Это опасный мир, но какой мир, включая и Землю, не опасен? Я оказался самым везучим из людей, сумев проникнуть сюда, и не вернулся бы на землю ни за какие коврижки. Это мой мир!

Анана слегла улыбнулась и произнесла:

– Ты преисполнен энтузиазма, потому что ты молод: подожди, пока тебе не исполнится десять тысяч лет. Тогда ты найдешь мало удовольствий.

– Я подожду, – ответил он. – Мне пятьдесят лет, но я выгляжу и чувствую себя двадцатипятилетним, если ты меня, конечно, извинишь за такое уточнение.

Анана не поняла, почему она должна прощать его. И Кикаха, как умел, объяснил ей. Одновременно он выяснил, что Анана кое-что знала о Земле, так как бывала там несколько раз. Самый последний ее визит приходился на тысяча восемьсот восемьдесят шестой год нашей эры. Она отправилась туда, как выразилась, "на каникулы".

Они подъехали к лесу, и Кикаха сказал, что им следует разбить лагерь на ночь. Он отправился поохотиться и вернулся с оленем-пигмеем. Кикаха освежевал его, а потом зажарил над костром. Потом все трое нарубили веток и сделали помост на развилке двух больших ветвей дерева. Они согласились стоять по часу на страже.

Анана сомневалась, можно ли спать, пока бодрствует Петорок, но Кикаха заверил, что им незачем беспокоиться. Парень был слишком напуган мыслью об одиночестве в этом диком краю, чтобы подумывать убить их или просто сбежать.

Именно тогда-то Анана и призналась, что она рада, что с ней Кикаха.

Он был приятно удивлен и заметил:

– Ты, в конце концов, все-таки человек. Может, есть какая-то надежда, что ты станешь еще лучше.

Анана рассердилась и, повернувшись к нему спиной, притворилась спящей. Кикаха усмехнулся и заступил в караул.

Луна в небе набухала зеленью. Вокруг слышалось много звуков, но все очень далеко. Иногда трубил мамонт или мастодонт: ревел, как гром, лев, один раз заржал дикий конь, а один раз донесся свист гигантской ласки. Этот свист заставил Кикаху замереть, а их лошади тонко заржали. После человека и полуконя он больше всего боялся в прериях гигантской ласки. Прошел час. Ласка больше не шумела и не показывалась, и лошади, казалось, расслабились. Кикаха рассказал Петороку об этом животном, предупредил, что тот должен вглядываться во все тени, ища огромное длинное скользящее тело ласки и без колебаний стрелять из лука, если подумает, что увидел ее. Кикаха хотел быть уверенным, что Петорок не заснет на посту.

На рассвете в карауле стоял Кикаха.

Он увидел отблеск света на чем-то белом в небе. Затем он ничего не мог разглядеть, но спустя минуту солнце снова сверк-

пуло на предмете в небе. Он находился далеко, но быстро рос и падал вниз, и предмет имел форму длинной иглы. Когда он приблизился, Кикаха разглядел выпуклость на его поверхности, что-то вроде закрытой рубки, и мельком силуэты четырех человек.

Затем аэролет пропал среди прерий.

Кикаха разбудил Анану и рассказал ей об увиденном.

– Должно быть, Колокольники привезли аэролет из моего дворца, – решила она. – Это плохо. Аэролет может не только быстро покрыть большое расстояние, он вооружен двумя дальнобойными лучеметами. И у Колокольников, должно быть, есть также и ручные лучеметы.

– Мы можем путешествовать ночью, – размышлял вслух Кикаха, – но даже так нам иногда придется спать днем на открытых местах. В Великих Прериях есть множество небольших лесистых участков, но они не всегда могут оказаться на нашем пути.

– Вероятно, у них теперь не один аэролет, – заметила Анана. – Но и один может летать по ночам. У них есть возможность видеть ночью, а также обнаруживать на некотором расстоянии тела по излучаемому теплу.

Ничего не оставалось делать, кроме как выезжать в открытые прерии и надеяться, что случай не натолкнет Колокольников на них. На следующий день, когда Кикаха выехал на гребень невысокого холма, он увидел вдали всадников. Но это были не кочевники прерий, как он ожидал, и не ташкетмоаки. Их доспехи сверкали на солнце: шлемы и кирасы.

Кикаха обернулся, чтобы предупредить остальных.

– Это, должно быть, тевтоны из Дракландии, – сказал он. – Я не знаю, как они так быстро попали сюда. Минуточку! Да! Они, вероятно, прошли через врата примерно в десяти милях отсюда. Их полумесяцы вделаны в вершины дух зарытых рядом с колодцем валунов. Я подумывал сделать крюк и обследовать их, хотя в этом мало смысла. Эти врата односторонние.

– Тевтонов, должно быть, отправили искать Кикаху и отрезать ему дорогу, если он попытается пробраться к горам Хровака.

– Им понадобится миллион воинов, чтобы разыскать меня в Великих Прериях. И даже тогда я мог бы ускользнуть от них, – засмеялся Кикаха. – Но этот аэролет – это нечто новое.

Три дня прошло без происшествий, если не считать одного случая, когда они наткнулись в небольшой ложбине на семейство львов. Взрослые самец и самка вскочили на ноги и предупреждающе зарычали. Самец весил по меньшей мере четыреста килограммов, и его рыжевато-коричневое тело покрывали бледные полосы.

Грива у него была очень маленькая, мех густой, но не более дюйма диной. Самка оказалась поменьше, не более трехсот килограммов. Два детеныша были размером со взрослых оцелотов.

Кикаха тихо велел остальным натянуть поводья, а затем медленно повернул своего дрожавшего жеребца прочь от львов и заставил его идти шагом.

Львы рванулись на несколько шагов вперед, но остановились, сверкая глазами и рыча. Они, однако, не сделали никакой попытки напасть. Лежавшее за ними полусъеденное тело дикого полосатого осла объясняло, почему они не так уж и рвались прыгнуть на непрошеных гостей.

На четвертый день беглецы увидели караван фургонов ташкетмоакских торговцев. Кикаха скакал в полумиле от него.

На таком расстоянии его не могли опознать, а он хотел узнать как можно больше об этом караване. Кикаха не мог ответить на вопросы Ананы о причине своего любопытства, он просто любил знать все, чтобы не пребывать в неведении, если изменится ситуация. Вот и все.

Анана боялась, что Петорок воспользуется случаем и сбежит к каравану, но Кикаха держал наготове лук, а Петорок достаточно насмотрелся на его способность орудовать луком, чтобы не предпринимать даже попыток к бегству.

Караван насчитывал около сорока фургонов. Они были двухэтажные, десятиколесные. Их предпочитали ташкетмоаки для транспортировки тяжелых грузов. Каждый фургон тянула упряжка из десяти мулов, более крупных, чем першероны. Имелось также множество фургонов поменьше, оборудованных спальнями и кухнями. Охрана каравана насчитывала около пятидесяти человек, да еще были косяки запасных лошадей для кавалерии и мулов для фургонов. Всего там ехали около трехсот пятидесяти мужчин, женщин и детей.

Кикаха двигался параллельным курсом и изучал караван. Наконец Анана осведомилась:

– Что ты думаешь?

Он усмехнулся:

– Этот караван пройдет в двухстах милях от гор Хровака. Добираться туда чертовски долго, так что пришедшее мне на ум кажется не очень удачным. Это слишком дерзко и, кроме того, надо помнить о Петороке.

Послушав некоторое время ее мольбы, он рассказал ей все, что думал. Она сочла его сумасшедшим.

Все же после некоторого размышления она признала, что сама нестандартность и рискованность этой идеи, ее неожиданность могли при определенных условиях сработать, если им

повезет. Но, как говорил Кикаха, приходилось помнить и о Петороке. Теперь Анана всякий раз, когда тот находился довольно далеко, чтобы слышать их, настойчиво предлагала убить Петорока. Она утверждала, что он заколол бы их в спину, если бы знал, что будет после этого в безопасности. Кикаха согласился с ней, но все еще колебался.

Кикаха подумывал бросить его в прерии, но опасался, что его поймают те, кто ищет их всех.

Они отклонились от каравана, но ехали несколько дней параллельно с ним на расстоянии нескольких миль. По ночам они отступали даже дальше, поскольку Кикаха не хотел, чтобы караванщики застали его врасплох. На третий день он думал вообще удалиться от каравана и направиться к югу. Затем он увидел, как сверкнуло белым в небе, и поскакал к группе редко росших деревьев, обеспечивающих некоторое укрытие. Привязав лошадей к кустам, трое путников вползли по высокой траве на холм и следили за караваном.

Они находились достаточно далеко, так что могли только-только различать фигуры людей. Аэролет снизился перед ведущим фургоном и парил примерно в футе над землей. Караван остановился.

Долгое время у аэролета стояла группа людей.

Даже на таком расстоянии Кикаха видел, как они сильно размахивали руками.

Торговцы протестовали, но через некоторое время повернулись и пошли к ведущему фургону. Тут началась работа, занявшая весь день, хотя ташкетмоаки трудились, как бешеные. Все фургоны разгрузили, а потом обыскали люди из аэролета.

– Хорошо, что мы не привели свой план в действие, – заметил Кикаха. – Нас наверняка бы нашли. Эти парни – я имею в виду Колокольников – работают основательно.

Той ночью они ушли поглубже в лес и не разводили костра. Утром Кикаха, подкравшись поближе, увидел, что аэролет исчез. А ташкетмоаки, вставшие, должно быть, очень рано, почти закончили грузить товары обратно в фургоны. Кикаха вернулся к стоянке и поговорил с Ананой.

– Теперь, когда Колокольники проверили этот караван, маловероятно, чтобы они стали обыскивать его вновь. Теперь мы могли бы сделать то, что я предлагал, если бы не Петорок.

Кикаха, однако, пересмотрел свой план отправиться на юг. Вместо этого он решил держаться поближе к каравану. Ему казалось, что Колокольники какое-то время не вернутся в этот район.

На пятый день Кикаха отправился поохотиться один.

Возвратился он с небольшим оленем, притороченным к седлу. Отправляясь на охоту, он оставил Анану и Петорока на южном склоне холма. Они все еще находились там, но Петорок лежал, распростершись, на спине с застывшим взглядом. Из его солнечного сплетения торчал нож.

– Он пытался напасть на меня, этот лаблаббий! – заявила Анана. – Он хотел, чтобы я переспала с ним. Я отказалась, и он пытался силой заставить меня.

Это была правда, Петорок часто посматривал на Анану с явным вожделением, но так бы поступил любой мужчина. Он никогда не пытался дотронуться до нее или сделать какие-то неприличные замечания.

Это не означало, что он не собирался поступить так, как считал нужным, при первом же удобном случае, но Кикаха не верил, что Петорок осмелился бы приставать к Анане. Он фактически испытывал ужас перед Ананой и очень боялся оставаться с ней наедине.

С другой стороны, не было никаких доказательств, что Анана лжет. Дело было сделано, и его нельзя было переделать, поэтому он лишь сказал:

– Вытащи свой нож и вытри его. Я все гадал, что ты сделаешь, если я скажу, что хочу переспать с тобой. Теперь я знаю.

Она удивила его, объявив:

– Ты не он. Но ты никогда не узнаешь, если не попробуешь, не так ли?

– Так, – резко ответил он.

Он с любопытством посмотрел на нее.

Господы, по словам Вольфа, были очень аморальными людьми. То есть большинство из них. Анана же – чрезвычайно привлекательная женщина – могла оказаться, а могла не оказаться фригидной. Но десять тысяч лет казались долгим сроком для сохранения у женщины фригидности.

Наверняка в великой науке Господов существовала техника или средства для преодоления фригидности.

С другой стороны, способна ли страстная женщина оставаться страстной после десяти тысяч лет?

Но Вольф говорил, что даже долгоживущие Господа жили одним днем. Подобно смертным, они были захвачены потоком времени. Память их была далека от совершенства, к счастью для них. Так что хотя они и были подвержены намного большей тоске и скуке, чем так называемые смертные, эти чувства все же не захлестывали их. Процент самоубийств среди Господов был на самом деле ниже, чем у любой группы людей, но это могло быть объяснено тем, что те, кто имел склонность к самоубийству, давным-давно разделались с собой.

Каковы бы там ни были ее чувства, она их ему не открывала. Если она страдала от сексуальной неудовлетворенности, как в давнее время страдал и он, то она ничем не выдавала себя. Наверное, идея переспать с ним, низким, даже отталкивающим смертным, была для нее немыслима. И все же он слышал рассказы о проявляемых Господами сексуальных интересах к своим более привлекательным человеческим подданным. Вольф сам говорил, что когда он был Джадавином, он предавался разгулу с прекрасными женщинами этого мира, используя свою неотразимую мощь, чтобы получить то, что он хотел.

Кикаха пожал плечами. В данный момент требовалось поразмыслить о более важных вещах. Жизнь перевешивала все прочее.

9

В последующие два дня им пришлось ехать далеко от каравана, так как его охотничьи группы широко разошлись в поисках бизоньего, оленьего и антилопьего мяса. И тогда, уклоняясь от охотников, путники чуть не наткнулись на небольшой отряд охотников-саткивлканов.

Эти индейцы, разрисованные с головы до ног в черно-белую полоску, с закрученными в спираль на макушках длинными черными волосами, с продетыми сквозь нос костями, с ожерельями из львиных зубов на шее, одетые в шаровары из львиных шкур и мокасины из оленьей кожи, проскакали в ста ярдах от Ананы и Кикахи. Но они все время стреляли по бизонам и не увидели их.

Кроме того, ташкетмоакские охотники гнались за теми же бизонами, и они находились на другой стороне стада, отделенные от индейцев телами бизонов.

Кикаха вдруг принял решение. Он сообщил Анане, что сегодня ночью настало их время. Она поколебалась, а затем сказала, что они вполне могут попробовать, что, разумеется, следует испробовать все, что выведет их из поля зрения Колокольников.

Они ждали, пока люди из каравана не кончат есть жареное мясо и пить джин и водку и не отправятся, пошатываясь, спать. По обеим сторонам каравана были расставлены часовые, но фургоны находились в пределах границ Большой Торговой Тропы, отмеченной резными деревянными изображениями бога торговли, и ташкетмоаки поэтому по-настоящему не опасались нападения людей или полуконей. Какое-нибудь животное могло забрести в лагерь, гигантская ласка или лев могли попытаться

задрать коня или даже человека, но и это казалось маловероятным, поэтому люди расслабились.

Кикаха снял с лошадей всю сбрую и хлопнул по крупу, чтобы они ускакали.

Он испытывал легкую грусть, поскольку эти лошади были одомашнены и вряд ли могли бы процветать в диких Великих Прериях. Но им придется рискнуть, так же, как и ему.

Затем они с Ананой, привязав к спинам бутылки с водой и тюки с засушеным мясом и овощами, с ножами в зубах поползли в залитой брызгами лунного света темноте к каравану. Мимо двух часовых, расположенных на расстоянии сорока ярдов друг от друга, они пробрались незамеченными. Они направились к огромному десятиколесному фургону, двадцатому по счету в колонне.

Они проползли мимо небольших фургонов, в которых храпели спящие мужчины, женщины и дети. К счастью, караван не сопровождали собаки, и по веской причине: гепардоподобная пума и ласка особенно любили собачье мясо, до такой степени, что люди давным-давно перестали брать собак с собой в путешествия по прерии.

Устроить приемлемое помещение внутри плотно упакованного груза на нижнем этаже фургона оказалось нелегко. Им пришлось вытащить множество деревянных ящиков и рулонов тканей и ковров, а потом опять разложить их над норой, где они станут проводить свои дневные часы. Снятый прежде груз с некоторым трудом загнали обратно. Кикаха надеялся, что никто не заметит, что теперь все лежит не так, как раньше.

У них имелись две пустые бутылки для гигиенических целей, а одеяла обеспечили им довольно удобную постель – пока фургон не покатился утром в путь. Рессор у фургона не было, и хотя прерия казалась довольно гладкой идущему пешком, в фургоне неровность почвы становилась ощутимой.

Анана жаловалась когда-то, что она чувствовала себя заточенной в камере галеры, но теперь она ощущала себя погребенной под обвалом. Снаружи температура к полудню резко поднималась. Поэтому им пришлось сесть и уткнуться носами в отверстия, чтобы получить достаточно кислорода.

Кикаха расширил эти отверстия. Он очень не хотел этого делать, так как это увеличивало опасность, что их обнаружат. Однако пока фургон двигался, никто не собирался заглядывать на нижний этаж.

В первый день им не удалось вдоволь поспать.

Ночью, пока спали караванщики, они вылезли наружу и проползли мимо часовых в открытую прерию. Здесь они вымылись в ручье, снова наполнили бутылки водой и справили

естественные надобности. Они проделали гимнастические упражнения, чтобы размять мускулы. Самим беглецам казалось наглой выходкой – прятаться прямо под носом ташкетмоаков. Один Кикаха мог чувствовать себя более удобно, более непринужденно. Но, хотя Анана и в самом деле не особенно жаловалась, ее сдавленные стоны и брань порядком надоели ему. В этих тесных замкнутых норах было невозможно не прикасаться друг к другу, и она каждый раз реагировала чересчур эмоционально.

Она велела ему оставаться в своей собственной половине "гроба".

Кикаха начал всерьез подумывать о том, чтобы предложить ей скрываться от Колокольников самостоятельно или, если она откажется, нокаутировать ее, где-нибудь вытащить из фургона и оставить там. Временами он мечтал о том, чтобы перерезать ей горло или привязать к дереву, так чтобы до нее могли добраться волки или львы.

Он сказал себе, что это дьявольский способ начать любовный роман.

Тут он спохватился. Да, он так подумал: любовный роман. Так! Как же это он мог влюбиться в такую злобную, высокомерную и смертоносную дрянь!

Мог. Как ни сильно он бесился, ненавидел и презирал ее, он начинал ее любить.

В любви для Кикахи не было ничего нового ни в этом, ни в том, другом мире. Но никогда еще его любовь не развивалась при таких обстоятельствах.

Несомненно, если не считать Подарги и странной, действительно неземной Хрисенды, Анана была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо видел.

Но для Кикахи это еще ничего не означало. Он, конечно, ценил в женщинах красоту, но обычно влюблялся в женщину с приятным характером, сообразительную, с чувством юмора. Если женщина была всего лишь привлекательной или обладала даже заурядной внешностью, он мог бы влюбиться в нее, если находил в ней определенные свойства, а Анана была определенно неприятной особой.

Так почему же он испытывал к ней это чувство любви, так тесно соседствующее с враждебностью?

"Кто знает? – подумал Кикаха. – Очевидно, не я. И это само по себе приятно, поскольку я не хотел бы стать для самого себя скучным и непредсказуемым".

Плохо в этом романе было то, что он, по всей вероятности, будет односторонним. Она могла бы проявить чувственный интерес к нему, но он сопровождался бы презрением. Она,

разумеется, никогда не сможет полюбить леблаббия. Если уж на то пошло, Кикаха сомневался, что она вообще сможет полюбить кого бы то ни было. Господы находились по ту сторону любви. По крайней мере, так говорил Вольф.

Второй день прошел быстрее, чем первый. Оба оказались способными проспать подольше. Той ночью их загнал на дерево львиный прайд, пришедший к ручью на водопой. Время шло, а львы не проявляли ни малейшего желания отправляться восвояси, Кикаха впал в отчаяние, ведь скоро станет невозможным прошмыгнуть обратно в фургон.

Он сказал Анане, что им придется слезть и попытаться припугнуть больших кошек.

Как обычно, у Кикахи имелся иной мотив поступков, кроме очевидного. Он надеялся, что если Анана имеет какое-то припрятанное или имплантированное в тело оружие, то теперь откроет его. Но у нее ничего не оказалось, либо она считала ситуацию недостаточно отчаянной, чтобы воспользоваться им. Анана объявила, что он может, если пожелает, попытаться отпугнуть этих чудовищ, но она намерена оставаться на дереве, пока они не уйдут.

– При обыкновенных обстоятельствах я бы с тобой согласился, – признался Кикаха, – но мы должны в течение ближайшего получаса вернуться в фургон.

– Я не должна, – огрызнулась она. – Кроме того, ты не подстрелил нам ничего на обед, прежде чем мы вернемся. Я не хочу провести еще один голодный день в этом гробу.

– У тебя была на обед масса сушеного мяса и овощей, – возразил Кикаха.

– Я весь день голодала, – отрезала Анана.

Кикаха принялся спускаться с дерева. Львы, казалось, не обращали на него ни малейшего внимания, но один самец взметнулся в воздух, и его лапа с длинными когтями прошла в шести дюймах от ноги Кикахи.

– Они, кажется, не намерены пугаться, – заметил он.

С высоты дерева даже в лунном свете он смог разглядеть часть каравана. Вскоре луна ушла за монолит, а за ней с востока появилось солнце. Караванщики начали просыпаться и развели костры. Возникла суета, приготовили завтрак, а затем лагерь начали сворачивать. Вскоре множество колоритных солдат в деревянных шлемах с длинными перьями, в алых стеганых кирасах, кельты в юбках из зеленых перьев и окрашенных в желтый цвет штанах вскочили на коней. Они образовали полумесяц, внутри которого шествовали мужчины и женщины, несшие котелки, чайники, кувшины и другие столовые принадлежности. Все направлялись к водопою.

Кикаха застонал. Ему случалось иногда перехитрить самого себя, а это мог быть один из таких случаев.

Итак, он сделал выбор. Будет намного лучше столкнуться лицом к лицу со львами, чем оказаться захваченными в плен ташкетмоаками. Хотя он, возможно, и сумел бы уговорить их не выдавать его тевтонам, но он очень сильно сомневался в этом. В любом случае Кикаха не мог позволить себе положиться на их милость.

– Анана, – проговорил он, – я двигаю на север и двигаю быстро. Ты идешь со мной?

Она посмотрела вниз, на большого льва, выгнувшего спину у подножия дерева и уставившегося вверх огромными зелеными глазами. Пасть его открылась. Четыре клыка – два верхних и два нижних – казались длинными, как кинжалы.

– Ты, должно быть, рехнулся, – констатировала она.

– Ну и оставайся, если хочешь. До скорого, если вообще когда-нибудь встретимся.

Он начал спускаться, но с другой стороны дерева, подальше от льва. Огромный зверь поднялся и зарычал, а потом поднялись и другие и направились к приближавшимся ташкетмоакам. Ветер донес до львов их запах.

С минуту львы, казалось, не знали, что делать.

Затем самец под деревом зарычал и улизнул, а другие последовали за ним.

Кикаха отпрыгнул далеко от дерева, а затем побежал в том же направлении, что и львы. Он не оглядывался, но надеялся, что у Ананы хватит присутствия духа последовать за ним. Если солдаты поймают ее или даже увидят, они обыщут весь район, логично заключив, что поблизости могут оказаться и другие беглецы.

Он услышал, как топочут по земле ее ноги, а потом Анана оказалась позади него. Тут Кикаха оглянулся, но не на нее, а опасаясь увидеть кавалерию. Он разглядел, как над небольшим бугром показалась голова солдата, и, схватив Анану, Кикаха увлек ее в высокую траву.

Послышался крик – всадник увидел их.

Этого и следовало ожидать. А теперь что?

Кикаха встал и огляделся. Первый всадник уже был виден полностью. Он привстал в стременах и показывал на них. К нему подъезжали другие. Затем первый, взяв пику наперевес, поскакал к беглецам.

Кикаха оглянулся. Кругом прерии, высокая трава, несколько деревьев. Вдалеке виднелась серая многогорбая масса: стадо мамонтов.

Львы скрывались где-то в траве.

– Следуй за мной! – скомандовал он Анане.

Он бросился бежать быстрее, чем когда-либо бегал в жизни. Позади него орали солдаты и цокали копыта коней.

Большие кошки должны стать его козырем. Если он сумеет спугнуть их и не попасть в когти к ним сам, то, может, они и сбегут от солдат.

Но львы его подвели. Они разбежались, вовсе не паникуя, а просто не желая в данный момент драться. Они не предоставили ему искомой им возможности бежать, пока встревоженные львы станут рвать лошадей и всадников.

Совершив маневр, всадники вскоре взяли беглецов в кольцо из ощерившихся пик. Кикахе и Анане оставалось только броситься на их острие.

– Вот что я получил за то, что был слишком умным, – сказал он Анане.

Она не засмеялась. Она не испытывала желания смеяться.

Кикаха казался очень грустным, когда их привели обратно к каравану, связанных и беспомощных. Начальник каравана Клискат уведомил их, что вознаграждение утроили.

Хотя он слышал о Кикахе и, конечно, восхищался им и уважал его как любимчика Господа, ну, дела изменились, не так ли?

Кикаха был вынужден признать, что так. Он спросил у Клиската, жив ли еще император. Вопрос удивил Клиската. Конечно же, император жив. Именно он-то и предлагал вознаграждение и провозгласил союз с розоволикими чародеями, летавшими в бесколесном фургоне.

И так далее.

Намерение Кикахи отговорить караванщиков держать его в плену, разъяснив им истинное положение в Таланаке, не сработало. Имперская система сигнальных барабанов познакомила пограничные городки с положением в столице.

Верно, что некоторые из этих новостей оказались ложными, но Кикахе не удалось убедить в этом Клиската.

Двоих пленников накормили завтраком, женщины вымыли их, умастили маслом тела и волосы, причесали, надели на них свежую одежду. Все это время начальник каравана, офицеры и взявшие их в плен солдаты спорили. Начальник думал, что солдатам следует поделиться с ним наградой. Офицеры считали, что следует выделить долю и им, а затем притопали и другие караванщики и потребовали, чтобы вознаграждение было разделено поровну на весь караван.

При этих словах начальник и солдаты начали орать на новоприбывших. Наконец начальник успокоил их. Он сказал, что есть только один способ решить вопрос: передать дело на рас-

смотрение императору. По существу это означало передачу дела верховному суду Таланака.

Солдаты возразили: дело будет тянуться годами, прежде чем его решат. К тому времени судебные издержки пожрут много наградных денег.

Припугнув всех этим, Клискат предложил компромисс, который, как он надеялся, удовлетворит всех: одна треть пойдет солдатам, одна треть – начальнику и офицерам, а одна треть будет разделена поровну между оставшимися.

Снова возник спор, продолжавшийся весь обед и ужин. Караван все это время не двигался.

Затем, когда все согласились более или менее охотно на дележ награды, начался новый спор. Следует ли каравану двигаться дальше, взяв с собой пленников, в надежде, что магический воздушный корабль появится снова, как обещали розоволикие чародеи? – дискутировали ташкетмоаки.

Тогда можно будет передать пленников чародеям. Или большому отряду солдат следует отвести пленных обратно в Таланак, в то время как караван двинется дальше по своим делам?

Некоторые говорили, что чародеи могут и не вернуться, а даже если и вернутся, у них не найдется в воздушном фургоне места для беглецов.

Другие говорили, что выбранные проводить пленников домой могут потребовать всю награду себе. К тому времени когда караван вернется, они обнаружат, что конвоиры уже потратили денежки, и подавать в суд будет бесполезно.

И так далее, и тому подобное.

Кикаха спросил у одной женщины, как розоволикие обращались с главой каравана.

– Розоволиких было четверо, и каждый занимал кресло в волшебном судне, – ответила она, – но за них говорил жрец. Он сидел у ног того, что в переднем кресле справа. Розоволикие общались между собой на языке Господов – я узнаю его, по крайней мере, когда слышу, хотя и не разговариваю на нем, как жрецы. Все это время жрец слушал их, а потом говорил с начальником каравана на нашем языке.

Поздно ночью, когда луна одолела полпути через небесный мост, спор все еще продолжался. Кикаха с Ананой отправились спать в постели из мехов и одеял на верхнем этаже фургона. Они проснулись утром и обнаружили, что лагерь свернут.

Было решено взять пленников с собой в надежде, что волшебная летающая лодка вернется, как обещали ее пассажиры.

Двоим пленникам разрешили идти днем позади фургона. Весь день их караулили шестеро солдат, и еще шестеро стояли на страже у фургона ночью.

10

На третью ночь события стали развиваться именно так, как и надеялся Кикаха.

Шестеро караульных отнеслись к решению поделить награду на весь караван очень критически. Они провели добрую часть ночи, перешептываясь между собой, и Кикаха, бодрствовавший все это время, подслушал многое из сказанного ими.

Он предупредил Анану, чтобы та не кричала и не боролась, если ее разбудят часовые. Их растолкали и предупредили о молчании. Иначе им перережут глотки. Их провели между двух спящих часовых к небольшой группе деревьев. Здесь их ждали лошади, оседланные, навьюченные и готовые принять на спины шестерых солдат и двух пленных. Были тут и запасные вьючные лошади. Отряд медленно отъехал на несколько миль, а затем пустился легким галопом. Их бегство продолжалось всю ночь и половину следующего дня. Они не остановились на привал, пока не уверились, что их не преследуют. Поскольку они покинули Торговую Тропу и повернули далеко на север, то и не ожидали погони.

На следующий день они продолжали ехать параллельно Торговой Тропе. На третий день они направились в обратную сторону. Такое долгое пребывание за пределами безопасности Торгового Пути заставляло их нервничать.

Кикаха с Ананой ехали в центре отряда. Руки им связали, но не туго, так, что они могли держать поводья. Остановился отряд в полдень. Они только-только прикончили сваренного в котелках кролика с зеленью, когда раздался крик караульного с ближайшего холма. Он галопом прискакал к ним и крикнул, когда его можно было расслышать:

– Полукони!

Котелки опрокинули на костер, а влажный пепел закидали землей. Солдаты в панике упаковали большую часть своих столовых приборов. Пленников снова заставили сесть на лошадей, и отряд рванул на юг, к Торговой Тропе, лежавшей во многих милях от них.

Вот тут-то солдаты и увидели двигающихся по прерии бизонов. Это было громадное стадо, растянувшееся на несколько миль.

Правый фланг стада находился в трех милях от беглецов, но земля дрожала от топота четверти миллиона копыт.

По какой-то причине, известной только бизонам, те понеслись бегом. Стадо мчалось на запад, и притом столь быстро, что их отряд мог и не успеть вовремя доскакать до Торговой Тропы.

Полукони увидели людей и пустились галопом. Их было около тридцати: вождь в длиннохвостой шляпе с полным оперением, множество закаленных воинов в повязках с перьями и трое-четверо юнцов.

Кикаха застонал: ему показалось, что они из племени шойштотелей. Они находились настолько далеко, что раскраска была не совсем видна. Но ему почудилось, что осанка у вождя такая же, как и у полуконя, выкрикивающего в его адрес угрозы, когда он укрылся в форте.

Затем он рассмеялся, потому что не имело значения, какое это племя. Все племена полуконей ненавидели Кикаху, и все обошлись бы с ним по возможности наиболее жестоко, если бы поймали.

Он крикнул предводителю солдат Таквоку:

– Срежь веревки с наших запястий! Они нам мешают! Не беспокойся, мы не сможем скрыться от вас!

С минуту было похоже, что Таквок действительно сейчас срежет веревки, но, опасаясь, что Кикаха вышибет его из седла, он ответил отказом.

Кикаха выругался, а затем пригнулся к шее жеребца и попытался ускорить его бег. Жеребец не откликался, потому что он и так уже бежал с наивозможнейшей скоростью.

Конь Кикахи хоть и летел стрелой, но на полкорпуса отставал от жеребца, на котором скакала Анана.

Наверное, оба скакуна обладали примерно равной беговой способностью, но более легкий вес Ананы помогал ее жеребцу развить большую скорость. Другие не слишком отстали от них и разворачивались, чтобы встретить врагов. Полукони как раз переваливали через пригород. Они на мгновение замедлили бег, вероятно, изумившись при виде громадного стада бизонов, а затем, размахивая оружием, устремились вниз с холма.

Стадо с грохотом неслось на запад.

Солдаты и пленники находились правее бизонов. Прежде чем перевалить через холм, полукони немного отклонились на запад, но их большая скорость давала им возможность сократить расстояние до намеченных жертв.

Кикаха, наблюдая за всем этим, увидел, что отряд мог проскочить и оказаться перед стадом. Дальше же скорость и удача означали безопасность или же перспективу быть смятыми мчавшимися бизонами. Отряд не смог бы проскакать прямо перед надвигающимся стадом. Придется скакать, срезая угол перед стадом бизонов.

Могли ли лошади сохранить свою нынешнюю скорость, не споткнется ли какой-нибудь конь или все кони, станет известно в самом скором времени.

Он крикнул Анане, подбадривая ее, когда та ненадолго оглянулась, но грохот копыт, сотрясавший землю и звучавший, словно вулкан, готовый взорваться, порвал его голос в клочки.

Рев, запах животных и пыль напугали Кикаху. В то же время он испытывал возбуждение. События совершенно неожиданно оказались такими непредвиденными, а скачка была такой прекрасной, и призом здесь могла быть сама смерть или безопасность, что он почувствовал себя так, словно был сродни богам, если и не самим богом. Именно в этот миг, когда смерть стала такой близкой и такой вероятной, он почувствовал себя бессмертным.

Миг быстро прошел, но пока он продолжался, Кикаха знал, что переживает мистическое состояние.

Теперь он мог разглядеть лохматые коричневые бока гигантских бизонов, горбы, вздымавшиеся, словно скачущие с волны на волну дельфины, темно-коричневые лбы, массивные, опущенные, истекающие слюной черные морды, ноги, работавшие столь быстро, что почти сталкивались друг с другом, пену, срывавшуюся с открытых зубастых ртов на густую лохматую шерсть на груди и верхней части ног.

Сперва Кикаха не мог расслышать ничего, кроме этого грохота, настолько мощного, что он ожидал, что прерия расколется под копытами зверей и вырвутся огонь и дым.

Он почувствовал запах тысяч и тысяч бизонов, зверей, вымерших на земле десять тысяч лет назад, чудовищ с огромными рогами.

– Хойя! – заорал Кикаха.

Он обернулся к полуконям, желая, чтобы руки у него не были связаны и он имел бы оружие, чтобы пригрозить им. Он не услышал собственного крика, но надеялся, что полукони увидят его открытый рот и ухмылку и поймут, что он насмехается над ними.

К тому времени полукони оказались в ста пятидесяти ярдах от своей добычи.

Они прилагали лихорадочные усилия, чтобы догнать врагов, их огромные широкоскулые лица искажались от мучительной боли.

Они не могли приблизиться достаточно быстро и знали это. К тому времени, когда их дичь пронесется под углом перед правым флангом стада, они будут еще в пятидесяти ярдах позади. А к тому времени, когда они все же догонят стадо, их дичь ускачет слишком далеко вперед, а после этого их будут постепенно настигать бизоны.

Несмотря на это, полукони продолжали нестись галопом вперед. Один необстрелянный юнец в налобной повязке, не

снявший скальпа или пера, сумел опередить других. Он оставил всех позади с такой быстротой, что у Кикахи расширились глаза. Он никогда раньше не видывал такого скоростного полуконя, а он повидал многих. Необстрелянный все скакал и скакал с лицом, искаженным от столь интенсивных усилий, что Кикаха не удивился бы, обнаружив, что порвались, лопнули мускулы его лица.

Рука полуконя ушла назад, а затем вперед, и пролетела пика, снижаясь по дуге. И Кикаха вдруг понял, что то, что он считал невозможным, вот-вот произойдет.

Пика должна была угодить в круп или в ноги его жеребца. И она снижалась по кривой, перелетая через скакавших позади него солдат.

Кикаха дернул поводья, направляя жеребца влево, но тот рванул голову вбок и только чуть замедлил бег. Затем Кикаха почувствовал легкий толчок и понял, что пика воткнулась в тело. Затем его конь перекувырнулся, его передние ноги подкосились. А задние все еще мчались и посылали круп в воздух. Шея жеребца вылетела из-под Кикахи, и он воспарил в воздух.

Кикаха не знал, как он это сделал.

Но Кикаха сумел скоординировать свои движения. Он приземлился и побежал во весь дух. Позади него раздавался гром лошадиных копыт. Затем этот звук оказался повсюду вокруг него, а он не смог больше оставаться на ногах, но по инерции заскользил и рухнул лицом в траву.

Тень пролетела над ним. Это была тень его коня, когда тот перепрыгнул через него. Потом он увидел, как Анана оглянулась через плечо, но в этот момент надвигающееся стадо отрезало ее и также всех солдат от взора Кикахи.

Они ничего не могли для него сделать.

Задержка даже на секунду означала для них смерь под копытами бизонов или копьями полуконей. Он поступил бы точно также, если бы сам был на коне, а упала бы она.

Полукони наверняка должны были победоносно кричать. Жеребец Кикахи убит, из его крупа торчало копье, а шея была сломана. Их величайший враг, Обманщик, столь часто ускользавший от них, когда они уже верили, что он у них в руках, он, Кикаха, не мог теперь скрыться, если, конечно, не бросился бы под копыта бизонов, несшихся с грохотом меньше чем в трех метрах от него.

Полукони развернулись и направились к Кикахе, а бросивший копье попытался отрезать его от стада. Другие отбросили прочь свои копья, дубинки, томагавки и ножи. Они хотели взять его живым.

Кикаха не стал колебаться. Он как можно скорее вскочил на ноги и побежал к стаду. Бока животных вырастали перед ним, животные достигали шести футов в холке и бежали так, словно само время гналось за ними и пыталось заставить их вымереть, подобно их собратьям на Земле.

Кикаха несся к ним, видя уголком глаза мчавшегося к нему галопом юнца. Он издал дикий крик и прыгнул вперед, вытянув перед собой руки.

Его стопа ударилась о массивное плечо, и он вцепился в лохмы меха. Оттолкнувшись, он скользнул вверх, плюхнулся на что-то и оказался на спине бизона. Он смотрел вниз, на долину, образованную правым и левым боками двух бизонов.

Кикаха быстро поднимался и опускался, чувствуя подступавшую дурноту.

Отпустив стиснутый им клочок волос, он вцепился в другой, справа от него, и сумел так извернуться, что его ноги оседлали спину бизона. Перед ним очутился горб, и он повис, ухватившись за его волосы.

Если Кикаха и не до конца понял, что произошло, то юнец-полуконь, думавший, что Кикаха у него в руках, и вовсе не поверил своим глазам.

Он несся рядом с бизоном, на котором сидел Кикаха, и его глаза были широко раскрыты, а рот кривился. Он вытянул перед собой руки, словно все еще думал, что сгребет ими Кикаху. Хотя Кикаха ненадежно держался за лохмы горба, он не хотел их отпускать и знал, что полуконь через мгновение оправится от потрясения и тогда выхватит нож или томагавк из-за пояса и метнет его в Кикаху. А если и промахнется, то у него есть запасное оружие.

Кикаха поднял ноги так, что оказался сидящим на корточках на хребте огромного бизона, и вцепился одной рукой в мех. Он медленно повернулся. Затем бросился на спину следующего бизона, несшегося плечом к плечу с только что покинутым им животным.

Что-то темное пролетело, вращаясь, над его правым плечом. Оно попало в горб ближайшего бизона и, отскочив, упало между бизонами. Это был томагавк.

Кикаха снова подтянулся, на этот раз быстрее, подобрал под себя ноги и прыгнул. Одна его нога соскользнула, но он был так близко к другому бизону, что ухватился за мех обеими руками. Он повисел так некоторое время, покуда пальцы его ног чуть касались земли всякий раз, когда бизон опускался в своем галопирующем беге. Затем он позволил себе немного соскользнуть вниз, оттолкнуться от земли и перебросил свое тело наверх. Он

закинул одну ногу через спину бизона и, подтянувшись, уселся на нем верхом.

Юнец-полуконь все еще держался вровень с ним, а другие немного поотстали. Наверное, они подумали, что он упал между бизонами и был растоптан в пыль.

Если так, то они, должно быть, испытывали потрясение, увидев его восставшим из мертвых. Обманщика, хитрого, скользкого, увертливого врага, насмехавшегося над ними из пасти смерти.

Юнец, вероятно, увидев Кикаху, малость сошел с ума. Неожиданно его громадное тело и четыре летящих копыта воспарили, и он какое-то время стоял на спине крайнего бизона. Потом он прыгнул на следующего бизона, словно скачущий по движущимся горам архар.

Теперь настала очередь Кикахи испытывать изумление и тревогу. Полуконь держал в руке нож и усмехался, словно говоря: "Наконец-то тебе предстоит умереть, Кикаха! И меня будут воспевать в вигвамах и типи народов прерий и гор, живущие повсюду люди и полукони".

Именно такие мысли, должно быть, проносились в этой огромной голове. Он стал бы самым знаменитым обитателем прерий и их окрестностей, если бы преуспел в своих намерениях. Его бы называли Убийцей Обманщика, Тот, Кто Проскакал По Бешеным Бизонам, Чтобы Перерезать Горло Кикахе.

Но на третьем горбе его копыто соскользнуло, и он бухнулся вниз и упал меж двух бизонов, взметнув вверх задние ноги и задрав к небу хвост.

И тут ему настал конец, хотя Кикаха не видел, что делали копыта бизонов.

И все же попытка была великолепной и почти успешной, и Кикаха отдал ему честь, хотя он и был полуконем. А затем снова начал думать о том, как выжить.

11

Некоторые полукони подтянулись к нему и начали пускать в него стрелы.

Прежде чем выпустили первую стрелу, Кикаха соскользнул с бока бизона, на котором скакал, вцепившись обеими руками в мех и зацепившись согнутой ногой за спину. Положение его было ненадежным, так как на каждом подскоке Кикаха выпускал шерсть из своего кулака, а соседний бизон находился так близко, что Кикаху легко можно было раздавить.

Стрелы пролетели над Кикахой, что-то коснулось его торчавшей в воздухе ноги.

Один томагавк отскочил от макушки бизона. Неожиданно бизон начал кашлять, и Кикаха гадал, не попала ли в него стрела.

Кикаха протянул руку к следующему бизону, захватил пригоршню шерсти, отпустил другую руку, вцепился ею в мех, разогнул правую ногу, и его тело качнулось вниз. Словно на джигитовке, он ударился оземь обеими ногами, его тело взметнулось вверх и, перебросив левую ногу через спину, Кикаха зацепился как раз за горбом бизона.

За его спиной упал только что покинутый им бизон, пронзенный двумя стрелами.

Затем бизоны позади него почему-то прыгнули, но один из них споткнулся, и возникла куча мала по крайней мере из десяти огромных тел, лягавшихся, боровшихся, истекавших кровью, а затем умиравших, когда все новые бизоны врезались в них.

Впереди что-то происходило. Кикаха не видел, что именно, так как висел на боку у бизона и ему загораживали обзор хвосты, крупы и ноги. Но животные замедляли бег и поворачивали влево.

Бизон справа от него заревел, словно его смертельно ранили. Так оно и было.

Бизон упал, к счастью, в другую от Кикахи сторону, а иначе он раздавил бы его в лепешку. Бизон рухнул, из огромной дыры в горбу хлестала кровь.

Кикаха осознал два обстоятельства. Первое – грохот бежавшего стада уменьшился настолько, что он мог расслышать отдельных животных поблизости от себя, когда те мычали или ревели. Второе – вдобавок к другим запахам теперь добавился запах паленого мяса и шерсти.

Бизоны падали вокруг Кикахи, а затем тот, что нес его, остался один. Он мчался дальше, мимо туш только что убитых собратьев, перескочил через самку со срезанной головой. Когда и этот бизон свалился, удар вырвал шерсть из цепких рук Кикахи. Кикаха упал, перекатившись несколько раз через себя и вскочил на ноги, готовый сам не ведая к чему.

Окружавший его мир покачнулся, а затем выправился.

Кикаха стоял, хватая воздух открытым ртом, трясущийся, потный, окровавленный, испачканный бизоньим навозом, пеной и грязью, но он был готов прыгнуть в ту или иную сторону, в зависимости от ситуации.

Повсюду валялись мертвые бизоны. Попадались то тут, то там мертвые полукони. Уцелевшие звери мчались теперь

налево. Поток из миллионов тонн мяса и копыт с ревом уносился прочь мимо Кикахи.

Раздался треск, настолько неожиданный и громкий, что Кикаха подпрыгнул. Впечатление складывалось такое, словно тысяча больших кораблей одновременно напоролись на риф. Нечто, убивавшее всех бизонов подряд за шесть-семь секунд, пока оставалось неясным для Кикахи.

Внезапно бежавшее стадо остановилось.

Бизоны, оказавшиеся достаточно удачливыми, чтобы вовремя остановиться, с глупым видом топтались на месте, посапывая. Вдруг все они заревели, хотя и с трудом переводили дух.

Кикаха увидел причину смерти большинства бизонов. Слева в четверти мили от него, примерно в двадцати футах над землей парил аэролет. Он был иглообразным, бескрылым. Белую нижнюю часть его украшали арабески, а его верхняя часть являлась прозрачным обтекателем.

Под колпаком виднелось пять силуэтов.

Аэролет гнался за солдатом, пытавшимся спастись на коне. Гнался – не то слово.

Аэролет двигался достаточно быстро, но лениво, не делая никаких усилий, чтобы немедленно оказаться над хвостом коня. Из установленного на носу аэролета цилиндра вырвался яркий белый луч. Его конец коснулся крупа коня, и тот упал. Всадник выбросился из седла, покатился, но быстро вскочил на ноги.

Кикаха огляделся по сторонам. Анана находилась в четверти мили отсюда. Поблизости от нее стояло несколько солдат и еще пара их лежали на земле, словно мертвые. Один был задавлен собственным конем. Все они были перебиты явно лучом с аэролета.

Перебиты также были все полукони.

Колокольники перерезали всех лошадей, чтобы не дать отряду скрыться. Они могли даже не знать, что разыскиваемые ими мужчина и женщина находились в этой группе. Они заметили погоню и свернули посмотреть, а потом решили спасти преследуемых, потому что у них могли быть какие-то сведения. С другой стороны, Анана и Кикаха были более светлокожими, чем солдаты в их отряде. Однако цвет кожи ташкетмоаков несколько варьировался, существовало небольшое количество не столь сильно пигментированных людей, поэтому Колокольники, должно быть, решили проверить их. Или...

Имелось много возможностей. Но ни одна сейчас не казалась реальной. Важно было, что он и Анана очутились, видимо, в беспомощном положении. Они не могли скрыться. И оружие Колокольников считалось неодолимым.

Кикаха не думал попросту сдаваться, хотя он так устал, что

почти испытывал подобное желание. Он раздумывал, и пока он это делал, услышал стук копыт и звук вырывавшегося с хрипом дыхания. Он бросился вперед, надеясь уклониться от возможного нападения.

Копье пролетело мимо него, а затем скользнуло по земле. Позади Кикахи раздался рев. Кикаха круто обернулся и увидел несущегося к нему полуконя, который был тяжело ранен. Его задняя часть обгорела, хвост наполовину обуглился, а задние ноги могли едва двигаться, но он твердо решил, что, прежде чем умрет, достанет Кикаху. В левой руке полуконь держал тяжелый длинный нож.

Кикаха подбежал к упавшему ранее копью, схватил его и метнул. Полуконь заорал в отчаянии и попытался уклониться. Скованный своими покалеченными ногами, он двигался недостаточно быстро. Копье вонзилось в его человеческую грудь. Кикаха целился ниже груди и попал. Полуконь упал, потом с трудом поднялся на передние ноги, в то время как задние отказывались двигаться. Он вырвал правой рукой из груди копье, развернул его и, игнорируя хлынувшую из раны фонтаном кровь, снова метнул его. Это оказалось сюрпризом для Кикахи.

Но рука умирающего ослабла, и копье пролетело всего несколько футов, а потом вонзилось в землю у ног Кикахи. Полуконь издал крик глубокого отчаяния. Наверное, он надеялся на прославление в песнях здесь и высокое положение в советах умерших. Но теперь он знал, что если какой-нибудь полуконь и убьет когда-нибудь Кикаху, то им будет не он.

Полуконь упал на бок, выронив при падении нож. Его передние ноги несколько раз дернулись, огромное свирепое лицо обмякло, а черные глаза уставились на врага.

Кикаха быстро огляделся вокруг, увидел, что аэролет направляется к нему, хотя и находится пока в четверти мили от него. Он явно догонял нескольких солдат, бросившихся бежать на своих двоих. Анана лежала на земле. Он не знал, что с ней случилось. Наверное, она прикидывалась убитой, что, собственно, и он собирался сделать.

Он вымазал себя кровью кентавра, лег перед ним и устроил нож и копье так, чтобы они казались вошедшими в его тело. Древко копья торчало вертикально вверх, и выглядело все так, словно копье попало ему в грудь.

Это был трюк, порожденный отчаянием. Кикаха особо не надеялся на успех, но этот трюк единственное, что ему оставалось. Колокольники, будучи нелюдьми, могли попасться на определенные человеческие хитрости. В любом случае он использует этот фокус, и если это не сработает, ну, он ведь и в самом деле не ожидал, что будет жить бесконечно.

Он сказал себе, что это вранье, потому что он, как в общем и большинство людей, ожидал, что будет жить вечно. И Кикаха сумел пока что выжить только потому, что дрался более энергично и хитро, чем большинство.

Довольно долгое время, как ему показалось, ничего не происходило. Ветер овевал его прохладой, пот высох, а кровь запеклась. Солнце опустилось в последнюю четверть зеленого неба. Кикаха желал, чтобы наступили сумерки. Это увеличило бы его шансы, но еще больше он желал быть конем, тогда бы он ускакал отсюда.

Над его глазами промелькнула тень. Он напрягся, думая, что, может быть, она от аэролета. Но резкий крик объяснил ему, что это прилетела обедать ворона.

Вскоре пожиратели падали слетятся со всех сторон: вороны, канюки, гигантские грифы, кондоры, ястребы, орлы, среди которых будут и огромные зеленые орлицы, пташки Подарги.

Койоты, прерийные лисицы, обыкновенные волки и страшные волки будут держать нос по ветру и сбегутся на обильный пир.

Более крупные хищники, не слишком голодные, чтобы есть мясо, добытое не ими, подберутся на мягких лапах в высокой траве, а потом зарычат, отпугивая зверей поменьше. С ревом и рычанием посетят пиршество полосатые прерийные львы и расшвыряют ударами когтистых лап мелких зверей и птиц.

Кикаха подумал об этом и снова вспотел. Он шуганул ворону, шипя и ругаясь уголком рта. Вдали завыл волк. Проплыл над головой кондор и медленно накренился, собираясь спланировать, вероятно, на какую-то тушу павшего бизона.

Затем промелькнула еще одна тень. Сквозь полузакрытые веки Кикаха увидел, как аэролет бесшумно проскользнул над ним и начал снижаться. Но Кикаха не смог следить за ним дальше, не поворачивая головы. Аэролет летел примерно в сорока футах над землей, и Кикаха надеялся, что на этом расстоянии еще можно поверить, будто копье вошло ему в грудь.

Кто-то крикнул на языке Господов. Голос раздался с наветренной стороны и поэтому он не смог разобрать многих слов.

После некоторого молчания до него донеслось еще несколько голосов, на этот раз с подветренной стороны. Если Колокольники все еще находились в аэролете, значит, он переместился куда-то между ним и Ананой. Кикаха надеялся, что какой-нибудь Колокольник выйдет и пойдет осмотреть его. Он мечтал, чтобы аэролет не завис непосредственно над ним, ведь тогда летевшие могли высунуться и разглядеть его. Он знал, что у Колокольников, вероятно, будут ручные лучеметы и что они будут держать

их наготове. Вдобавок оставшиеся в аэролете Колокольники воспользуются большими лучеметами для прикрытия вышедших наружу.

Он не услышал шагов приближавшегося Колокольника. Этот парень, несомненно, навел на Кикаху свой лучемет, готовый выстрелить, если ему подумается, что Кикаха притворился мертвым или потерявшим сознание. И у Кикахи не останется никаких шансов.

Но удача еще не покинула Кикаху. На этот раз она явилась в виде бизона. Тот поднялся позади Колокольника и, заревев, попытался атаковать его. Колокольник резко обернулся. Кикаха перекатился, используя мертвого полуконя в качеств щита, и выглянул из-за него. Бизон был тяжело ранен, он снова упал на бок, прежде чем успел сделать три шага. Колокольник даже не воспользовался лучеметом. Но его спина оказалась на минуту повернутой к Кикахе, а внимание находившихся в аэролете, казалось, занимал другой вышедший Колокольник. Он шел к куче бизонов рядом с Ананой.

Один из сидевших на корме аэролета повернулся. Он развернул лучемет на турели. Вышедший Колокольник помахал ему рукой и показал на тушу. Колокольник в аэролете смотрел в другую сторону. Кикаха поднялся и бросился на Колокольника с ножом в руке. Тот медленно обернулся и оказался захваченным врасплох.

Он вскинул лучемет, а Кикаха швырнул нож, хотя тот был, вероятно, непригодным для такой работы.

Кикаха потратил буквально тысячи часов, практикуясь в метании ножей. Он бросал ножи многих разновидностей на разные расстояния, под разными углами, даже стоя на голове. Он заставлял себя заниматься, даже если ему этого не хотелось. Он метал ножи до тех пор, пока не начинал думать, что дышит ножами, а вид ножа заставлял его терять аппетит.

Бесконечные часы тренировок, пот, разочарование, дисциплина окупились. Нож вошел в горло Колокольника, и тот спиной упал на землю. Лучемет упал рядом с ним.

Кикаха бросился к оружию, подхватил его, увидел, что хотя оно было и незнакомой модели, но действовало так же, как и другие. Для приведения его в боевую готовность вдавливался маленький предохранитель на плоскости рукоятки. Потом можно было нажимать на курок. Он слегка выступал из пластины на внутренней стороне рукоятки.

Колокольник на корме аэролета разворачивал в сторону Кикахи большой проектор. Его луч полоснул белым и пропахал в земле дымящуюся полосу. Он попал в тушу бизона, и ее охватило пламя. Проектор еще работал не на полную мощь.

Кикахе не пришлось стрелять в Колокольника. Другой луч ударил по тому боку, и он рухнул за борт.

Затем луч поднялся и упал, а аэролет оказался разрезанным пополам.

Кикаха осторожно поднялся и завопил:

– Анана! Это я, Кикаха! Не стреляй!

Вскоре из-за холма рогатых и лохматых туш появилось белое лицо Ананы. Она улыбнулась ему в ответ и крикнула:

– Все в порядке! Я прикончила их всех!

Он мог разглядеть ее выброшенную вперед руку и направился к ней не без опасения.

Теперь, когда у нее появились лучемет и аэролет – во всяком случае, часть аэролета, – будет ли он нужен ей?

Не успев сделать и четырех шагов, Кикаха понял, что она все еще нуждается в нем.

Он ускорил шаги и улыбнулся. Анана не знала этого мира так, как знал он, а сражавшиеся против нее силы были крайне мощными.

Она не собиралась отвергать такого ценного союзника.

– Как, во имя Шамборимена, ты сумел пережить все это? – спросила Анана. – Я могла бы поклясться, что тебя растоптало стадо и что до тебя добрались полукони.

– Полукони испытывали еще большую уверенность, – ответил он. Кикаха усмехнулся и рассказал ей, что произошло. Она с минуту помолчала, а потом спросила:

– Ты уверен, что ты Господь?

– Нет, я человек и всего лишь американец.

– Ты весь дрожишь, – заметила она.

– Я от природы легко возбудим, – парировал он.

Он все еще усмехался.

– Ты и сама дрожишь словно осиновый лист.

Она взглянула на дрожавший в ее руке лучемет и улыбнулась:

– Мы оба многое пережили.

– Христа ради, тут незачем оправдываться, – сказал Кикаха. – Ладно, давай-ка посмотрим, что у нас здесь творится.

Солдаты стали маленькими фигурками вдали.

Они бросились бежать, когда Анана принялась орудовать лучеметом, и явно не собирались возвращаться. Кикаха от души порадовался. У него не было никаких планов относительно них, и он не хотел, чтобы к нему взывали о помощи.

– Я прикинулась мертвой, – рассказала Анана, – бросила в Колокольника копье и убила его. Колокольники в аэролете были настолько захвачены врасплох, что замерли. Я подобрала лучемет и разрезала их.

Это был милый, чистый, простой рассказ. Кикаха ему не поверили. Ей помогло вовсе не то, о чем она поведала. Того Колокольника якобы пронзили копьем в горло, но из его раны вытекло мало крови. Кикаха был уверен, что при ближайшем рассмотрении на трупе нашлась бы маленькая прожженная дырочка. Вероятно, на доспехе тоже, потому что Колокольник носил кольчугу, рубаху и конический шлем.

Однако не годилось шарить по телу мертвого и дать ей догадаться о своих подозрениях. Он последовал за ней к аэролету, две половинки которого все еще висели в полуметре над землей. В обеих его частях распростерлись мертвые Колокольники, а в передней половине лежал еще и труп жреца-ташкетмоака, переводчика Колокольников.

Кикаха вытащил тела и изучил аэролет.

Тут помещалось четыре ряда сидений по два в каждом ряду. Между ними тянулся узкий проход.

Первый ряд находился там, где сидел пилот, второй нилот или штурман. На панели было множество приборов и индикаторов разного вида. На всех них были нарисованы иероглифы, которые, как сказала ему Анана, происходили из классической письменности Господов и редко употреблялись.

– Этот аэролет – из моего дворца, – определила она. – Их у меня было четыре. Я полагаю, Колокольники разобрали все четыре и пронесли их через врата.

Она сообщила ему также, что две части аэролета не падали потому, что, когда аэролет остановился, плита-киль была заряжена гравитонами в состоянии стасиса. Оборудование для управления находилось в передней части, которая все еще могла летать, как целый аэролет.

Кормовая часть будет некоторое время продолжать парить над землей. Затем, когда гравитационное поле распадется, она медленно опустится.

Кикаха решил, что будет позором потерять кормовой проектор или позволить ему попасть в руки кого-нибудь другого.

– У нас только два ручных лучемета. Другие погибли, когда ты прошлась лучом по аэролету. Давай возьмем его с собой.

– И куда мы направимся? – просила она.

– К Подарге, гарпии – царице зеленых орлиц, – ответил он. – Она в данный момент единственный полезный союзник, о котором я могу вспомнить. Если мне достаточно долгое время удастся удержать ее от попытки убить нас, она, может быть, согласится нам помочь.

Кикаха перелез в кормовую часть и достал из багажника кое-какие инструменты. Он начал было отсоединять большой проектор от турели, но внезапно остановился и сказал Анане:

- Я не могу дождаться минуты, когда увижу выражение твоего лица и лица Подарги! Вы будете смотреть сами на себя!

Она не ответила. Используя лучемет и нож, она нарезала мясо с тела детеныша-бизона. Они оба так проголодались, что у них возникло ощущение, словно их животы стали прожорливыми животными, питавшимися их собственными телами. Их требовалось быстро насытить или скормить им свои тела.

Хотя они настолько устали, что с трудом шевелили руками и ногами, Кикаха настоял на том, чтобы они улетели после еды. Он хотел добраться до ближайшего горного хребта. Там они могли бы спрятаться в пещере или под карнизом и выспаться. Остаться в прерии было слишком опасно. Если поблизости крутится другой аэролет Колокольников, они могут заметить их. И тогда дело плохо.

Анана признала, что он прав, и уснула. Кикаха выяснил у нее, как управлять аэролетом, и повел его к горам со всей быстротой, на какую тот был способен. Ветер не бил Кикаху в лицо, поскольку того защищал обтекатель, но порывы ветра заползали в открытую кормовую часть, выли и барабанили по нему, по крайней мере, они не давали заснуть Кикахе.

12

Они добрались до гор, как раз когда солнце ушло за монолит, и Кикаха летал кругами пятнадцать минут, прежде чем нашел то, что ему требовалось. Это была неглубокая пещера. Она располагалась в шестистах метрах вверх по поверхности крутой скалы. Кикаха загнал задним ходом аэролет в пещеру, отключил управление, лег на пол прохода и мгновенно заснул.

Даже при таком истощении сил и находясь в безопасности пещеры, он спал неглубоким сном. Кикаха видел много снов и по меньшей мере дюжину раз просыпался. Тем не менее он спал лучше, чем ему думалось, потому что солнце прочертило четверть неба, прежде чем он полностью проснулся.

Он позавтракал жареным мясом бизона и несколькими круглыми печеньями, найденными им в отделении под одним из сидений. Поскольку другой пищи в аэролете не нашлось, он сделал вывод, что аэролеты вылетали из лагеря, находившегося не слишком далеко от места резни бизонов. Или же аэролет долго находился в полете, и пайки иссякли, или могло быть другое объяснение.

Если что и было наверняка в обоих его мнениях, так это неуверенность в их истинности.

Когда проснулась Анана, она обнаружила, что ее спутник поел, проделал энергичные гимнастические упражнения и плеснул водой себе на лицо и руки. Предыдущим вечером он вымылся в источнике, поэтому был достаточно презентабельным. Насчет бритья он не беспокоился, так как перед тем, как покинуть деревню Хровака, он принял снадобье, задерживающее рост бороды на несколько месяцев. Это был подарок Вольфа.

Его можно было в любое время нейтрализовать другим снадобьем, если бы он пожелал отпустить бороду, но это лекарство теперь ему недоступно. Оно осталось в хижине в деревне Хровака.

Анана обладала способностью, просыпаясь, выглядеть так, словно готова была тут же отправиться на званый ужин. Она, однако, жаловалась на дурной привкус во рту.

Кикаха пожал плечами и заметил, что десятитысячелетняя женщина может испытывать и не такие неудобства. Анана не огрызнулась в гневе, а лишь спросила:

– Летим теперь? Или, может, сегодня отдохнем?

Его удивило, что она, казалось, передавала власть ему. Это было не то, чего он ожидал бы от Господа. Но она явно обладала определенной эластичностью и гибкостью характера, реалистической позицией. Она признавала, что это его мир и что он знал его намного лучше, чем она. Стало очевидным и то, что он владел огромной способностью к выживанию. Ее же истинные чувства к нему оставались для него тайной.

Анана, вероятно, собиралась поладить с ним ради своего же блага и отвязаться от него, если он станет помехой. Такую ее позицию он в некотором смысле одобрял. По крайней мере, они достаточно гладко действовали вместе, но не слишком гладко, поскольку она ясно дала ему понять, что никогда не позволит ему заниматься с ней любовью.

– Я целиком за отдых, – сказал он. – Но я думаю, что нам лучше будет отдохнуть среди хровака. Мы можем поговорить с моим народом. Я планирую использовать своих соплеменников против Колокольников, если они захотят. А они захотят, они любят подраться.

Вскоре после этого Анана заметила мигающий на приборном щитке огонек.

– Другой аэролет пытается вызвать этот, – объяснила она, – или, возможно, это штаб-квартира во дворце Джадавина. Они встревожены, что от аэролета нет сообщений.

– Я бы прибег к обману, поговорил с ними, но я недостаточно бегло говорю на языке Господов, чтобы одурачить их, – размышлял вслух Кикаха. – Могла бы попробовать и ты, но женский голос их тоже не убедит. Пусть себе мигает. Но меня бес-

покоит одно обстоятельство. У Колокольников есть какое-нибудь средство выследить этот аэролет?

– Только если мы будем несколько минут передавать сообщение, – уверенно сказала Анана, – или аэролет окажется в поле их зрения. Это моя машина, и я оборудовала ее некоторыми защитными устройствами, но не многочисленными.

– Да, но они могут черпать эти устройства из четырех дворцов, – возразил Кикаха, – Вольфа, твоего, Нимстоула и Джудубры. Они могут привезти из них устройства и снарядить свои аэролеты.

Анана указала, что если бы они это уже сделали, то снарядили бы ими этот аэролет. Она зевнула и приготовилась вздремнуть. Кикаха заорал, что она проспала уже двенадцать часов, и ей следует пошевеливать своей прекрасной задницей. Если они хотят выжить, им лучше включиться в работу, поторопиться и так далее, со множеством более грубых выражений и переходов на личность.

Она признала, что он прав. Это удивило его, но не сняло настороженности. Она села в кресло пилота, надела ремни безопасности и сообщила, что готова.

Машина заскользила параллельно поверхности горы, а затем направилась к краю уровня, держась в нескольких футах над неровной поверхностью местности. Анане потребовалось два часа, чтобы выбраться с хребта, и к тому времени они оказались на кромке монолита, на котором покоился индейский уровень.

Каменный утес почти вертикально уходил на высоту более тридцати километров.

У его подножия находился Океанос, который вовсе не был океаном, а являлся морем в форме кольца, опоясывающим монолит и нигде не достигавшим больше трехсот миль в ширину.

По другую сторону Океаноса находилась полностью видимая с этой высоты полоса суши, тянувшаяся вокруг этой планеты.

Полоса на самом деле достигала пятидесяти миль в поперечнике, но отсюда, с края монолита, она выглядела тонкой, как нить. На ее сравнительно гладкой, заросшей лесом поверхности жили человеческие существа, получеловеческие создания и сказочные звери. Многие из них были продуктами биолаборатории Джадавина, обязанные ему своим долголетием и своей немеркнувшей юностью. Там обитали водяные и русалки, козлоногие и козлорогие сатиры, фавны, маленькие кентавры и другие создания, сделанные Джадавином похожими на существа из древнегреческой мифологии. Полоса являлась своего рода Раем, Садом Эдема с добавлением множества инопланетных и иновселенных черт.

По другую сторону полосы располагался край дна этого мира. Кикаха несколько раз бывал там, как он выражался, "на каникулах", а однажды был загнан туда ужасными гворлами, желавшими убить его из-за рога Шамборимена. Он заглянул через край и почувствовал волнение и страх.

Зеленая бездна внизу, под планетой, ничего кроме зеленого неба и ощущения, что он будет падать вечно, если потеряет опору.

Кикаха рассказал об этом Анане и заметил:

– Мы могли бы спрятаться там надолго. Это великолепное место – никаких войн, никаких кровопролитий, помимо расквашенного иногда носа. Это место предназначено для чувственных удовольствий, и здесь не требуется никакого интеллекта. Правда, оно становится утомительным через несколько недель, если ты не хочешь стать алкоголиком или наркоманом. Но Колокольники в конечном итоге доберутся и туда, а к тому времени они могут стать намного сильнее.

– Можешь быть в этом уверен, – подтвердила Анана. – Они начали изготавливать новых Колокольников. Я полагаю, что в одном из дворцов есть пригодное для этого оборудование. В моем-то нет, но...

– У Вольфа есть, – согласился Кикаха. – Но даже и так Колокольнику потребуется десять лет, чтобы стать достаточно зрелым и образованным для занятия подобающего места в обществе Колокольников, верно? Между тем их численность ограничивается первоначальным числом – их пятьдесят. Я хочу сказать, сорок шесть.

– Сорок шесть или пятьдесят, но они не остановятся, пока не захватят в плен или не убьют нас, троих Господов, и тебя. Я сомневаюсь, что они до тех пор вторгнутся в какие-то новые вселенные. Они загнали всех нас в угол в этом мире и будут продолжать охоту, пока не доберутся до нас.

– Если мы не доберемся до них, – добавил Кикаха.

Она улыбнулась:

– Вот что мне в тебе нравится. Желала бы я, чтобы ты был Господом. Тогда...

Он не потребовал от нее уточнений и велел ей направить машину вниз. Когда они снизились, то увидели, что казавшаяся гладкой поверхность оказалась во многих местах разломанной. Там были карнизы и выступы, с помощью которых передвигались многие знакомые и незнакомые создания. Имелись и трещины, которые иногда расширялись и становились сравнительно большими долинами. В долинах текли ручьи и вырывались из отверстий в крутых стенах водопады. Была даже река шириной с полмили, с ревом выплескивающаяся из большой

пещеры в конце долины, а затем падавшая в плескавшееся в двадцати двух километрах от нее море.

Кикаха объяснил, что площадь поверхности всех уровней этой планеты, то есть горизонтальных районов на вершинах монолитов, равнялась площади поверхности всех вод Земли. Это означало, что суша здесь больше земной. Вдобавок существовали годные для обитания районы и на вертикальных поверхностях монолитов. Одни они, вероятно, равнялись по площади земной Африке. Более того, имелись огромные подземные территории, большие пещеры, тянувшиеся повсюду под сушей. В них жили разные народы и звери, приспособившиеся к подземной жизни.

– Когда примешь во внимание все это, да еще вспомнишь, что тут нет никаких пустынь или районов, покрытых снегом и льдом, то поймешь, что пригодная для обитания суша этой планеты примерно в четыре раза больше земной.

Анана заметила, что она была на Земле лишь недолго и не помнит ее точных размеров. Однако планета в ее собственной вселенной была, если она правильно помнит, размером примерно с Землю.

– Положись на мое слово, – заверил ее Кикаха, – это чертовски большое местечко. За двадцать три года, что я пробыл здесь, я много путешествовал, но повидал только малую часть. Мне предстоит еще многое увидеть, если я, конечно, доживу до этого.

Машина быстро снижалась и теперь парила примерно в трех метрах над валами Океаноса. Прибой с ревом разбивался о рифы или прямо о подножие монолита. Кикаха хотел удостовериться, что вода здесь достаточно глубока.

Он велел Анане пролететь еще две мили. Здесь он выбросил в море четыре шкатулки и их колоколообразное содержимое.

Вода оказалась чистой, и угол падения солнечного луча был как раз тем, что надо. Кикаха мог долго видеть шкатулки, прежде чем их поглотила тьма. Они падали сквозь стаю рыб, светившихся оттенками всех цветов. Вот они проплыли мимо гигантского спрута в пурпурно-белую полосу, протянувшего щупальце и коснувшегося одной шкатулки, пока она погружалась.

Выбрасывать здесь колокола по настоящему-то и не требовалось, поскольку они были пустыми, но Анана не почувствовала бы себя спокойно, пока не убедилась бы, что они погрузились за пределы досягаемости любых разумных существ.

– Шесть долой. Осталось сорок четыре, – заключил Кикаха. – А теперь – в деревню Хровака, медвежьего народа, моего народа.

Аэролет примерно семьсот миль следовал вдоль изгиба подножия монолита. Затем Кикаха взял управление на себя. Он

направил аэролет вверх и через десять минут поднялся намного выше, к краю Индейского уровня.

Еще час осторожного петляния по долинам и перевалам горных хребтов и полчаса рекогносцировки привели их к небольшому холму, на вершине которого находилась деревня Хровака.

Кикаха почувствовал себя так, словно ему всадили в череп боевое копье. Высокие заостренные бревна, образовывавшие стены деревни, исчезли. То тут, то там торчали из пепла почерневшие пни.

Большой зал совета с причудливой крышей, вигвам для холостых воинов, медвежьи загоны, лошадиные стойла, амбар, коптильни и семейные бревенчатые избы – все исчезло, все было сожжено.

Предыдущей ночью прошел дождь, но несколько куч еще дымили.

На склоне холма лежало с дюжину широко разбросанных обугленных трупов женщин и детей и обгоревшие трупы нескольких медведей и собак. Они бросились бежать, когда по деревне ударили из лучеметов.

Он не сомневался, что это сделали Колокольники. Но как они связали его с Хровакой?

Мозги Кикахи работали медленно.

Наконец он вспомнил, что ташкетмоаки знали, что он происходил из Хровака. Однако они не ведали ничего о местонахождении деревни. Мужчины-хровака всегда проделывали путь по меньшей мере в двести миль, прежде чем останавливались у Большой Торговой Тропы.

Здесь-то они и дожидались каравана. Хотя сыны медвежьего народа любили поговорить, они бы не открыли местонахождения своей деревни.

Конечно, у хровака были старые враги и, наверное, они-то и уведомили Колокольников.

Существовали также фильмы о деревне и Кикахе, снятые Вольфом и хранившиеся во дворце. Колокольники могли прокрутить их и найти Хровака, поскольку ее расположение указывалось в фильме на карте.

Почему они сожгли деревню и всех ее жителей? Как это могло послужить Колокольникам?

Тяжелым прерывающимся голосом он задал тот же вопрос Анане. Она ответила сочувственным тоном, и если бы он не был ошеломлен случившимся, то ее реакция приятно бы удивила его.

– Колокольники сделали это не из мести, – объяснила она. – Они холодны и чужды нашему образу мышления. Ты должен

помнить, что, хотя они продукты человеческих существ и были выращены и воспитаны человеческими существами, они являются, в сущности, механической жизнью.

Кикаха был не настолько ошеломлен случившимся, чтобы не заметить, что на сей раз она отождествляет Господов с человеческими существами.

– Разумеется, – продолжала Анана. – Они обладают сознанием, что делает их не только лишь машинами. Но они рождены из металла и выполнены в металле. Они столь же жестоки, как и любой человек, но их жестокость холодная и механическая. Жестокость применяется только тогда, когда они могут благодаря ей достичь чего-то желанного. Они могут познать старость, когда находятся в мозгу мужчины или женщины, точно так же, как они не мстят, как это сделал бы человек. То есть они не уничтожили бы племя потому, что тебе случилось полюбить его. Нет, у них должна была быть веская причина сделать это.

– Наверное, они хотели убедиться, что я не укрылся здесь, – сказал Кикаха. – Они поступили бы умнее, подождав с нападением, пока я действительно это сделаю. Они могли спрятаться где-нибудь в горах, откуда можно все увидеть.

Если Колокольники следили за ними, то они и впрямь хорошо спрятались, поскольку детектор тепла и массы на аэролете не указывал ничего, кроме нескольких мелких зверей и птиц. Колокольники могли, конечно, скрыться за чем-то очень громадным, но в таком случае они тоже не могли бы видеть свою дичь.

Было более вероятно, что машина Колокольников после уничтожения деревни обыскала весь этот район. И не сумев найти Кикаху, улетела куда-то дальше.

– Я сяду за управление, – мягко предложила Анана. – Объясни мне, как добраться до Подарги.

Он был все еще слишком скован, чтобы прореагировать на ее необычную заботливость. Позже он задумался над этим.

Теперь же он велел ей снова лететь к краю уровня и снизиться примерно на двенадцать метров. Затем он должна направить аэролет на запад, пока он не скажет ей, чтобы она остановилась.

Путешествие протекало бесшумно, если не считать воя ветра в открытом заднем конце машины. Кикаха не разговаривал, пока машина не остановилась под огромным навесом сверкающей черной скалы.

– Я мог бы похоронить тела, – произнес он. – Но это заняло бы слишком много времени. Колокольники могут вернуться для проверки.

– Ты все еще думаешь о них, – заметила Анана.

В ее голосе чувствовалось недоверие.

– Я хочу сказать, что тебя беспокоит, что ты не можешь их спасти от пожирателей падали? Не нужно. Они мертвы. Ты ничего не можешь сделать для них.

– Ты не понимаешь, – ответил Кикаха. – Когда я называл их своим народом, я говорил это серьезно. Я любил их, и они любили меня. Они были чуждым народом, когда я впервые встретился с ними, чуждым для меня. Я был юным среднезападным американцем середины двадцатого века, фактически из другой вселенной, а они являлись потомками индейцев, приведенных в эту вселенную примерно двадцать тысяч лет назад. Даже обычаи индейцев Америки чужды и почти непостижимы для белого человека. Я усвоил их обычаи и стал мыслить почти также, как они. Мне было легко и непринужденно с ними, а им – со мной. Я был Кикаха, Обманщик, человек многих способностей. Кикаха, бич врагов медвежьего народа. Эта деревня была моим домом, а они – моими друзьями, самыми лучшими из всех, какие у меня когда-либо были. И у меня были также две прекрасные и любящие жены. Никаких детей, хотя Авивша думала, что она, возможно, беременна. Верно, что это я образовал другие личности, то есть другие собственные облики на двух других уровнях, особенно мне удался барон-разбойник Хорст фон Хорстман. Но это все испарилось и слишком давно исчезло из Дракландии. Хроваки были моим народом, черт возьми! Я любил их, и они любили меня!

Тут он громко зарыдал. Рыдания сотрясали его тело, стремительно подступая к горлу. Даже после того, как он перестал плакать, где-то в глубине его оставалась боль. Он не хотел двигаться из-за страха, что боль еще больше усилится. Анана наконец прочистила горло и беспокойно зашевелилась.

– Все в порядке, – наконец произнес он. – Сажай его вон на тот карниз. Вход в пещеру Подарги примерно в десяти милях к западу. К нему опасно приближаться в любое время, но ночью особенно. Единственный раз я там побывал два-три года назад, когда мы с Вольфом уговорили Подаргу выпустить нас из клетки.

Он усмехнулся и добавил:

– Цена заключалась в том, что я должен был заняться с ней любовью. От других пленников тоже требовали этого, но многие из них не могли, потому что испытывали слишком сильный страх или слишком сильное отвращение, или и то, и другое. Сразу, когда это случалось, она разрывала их своими большими острыми когтями. Потому, Анана, – продолжал он, – я в некотором смысле занимался с тобой любовью, по крайней мере, с существом с женским лицом – твоим лицом.

– Должно быть, ты чувствуешь себя лучше, – заметила она, – если можешь говорить в таком духе.

– Я должен немного пошутить, поговорить о вещах, крайне далеких от смерти, – бросил он. – Неужели ты не можешь этого понять?

Она кивнула, но ничего не сказала. Он тоже долгое время хранил молчание. Они поели холодного мяса и сухарей. Разводить костер было бы нелогично, свет мог привлечь Колокольников или зеленых орлиц, или других созданий, ползающих по скалам.

13

Ночь прошла без происшествий, хотя время от времени их будил рев, вопли, уханье, рычание, трубные звуки и посвисты.

После завтрака они медленно двинулись на аэролете вдоль скальной поверхности.

Кикаха увидел над морем орлицу. Он направил аэролет к ней, надеясь, что она не попытается скрыться или напасть на них.

Любопытство победило у нее другие эмоции. Она покружила над машиной, которая оставалась неподвижной. Вдруг она пронеслась мимо, закричав:

– Кикаха! – и спикировала вниз. Он ожидал, что она полетит на полной скорости к пещере Подарги. Вместо этого орлица повела себя неожиданно: она снова взлетела. Кикаха указал, что он собирается приземлиться на карнизе, где и хотел бы с ней поговорить.

Наверное, орлица подумала, что это даст ей шанс напасть на него. Она опустилась неподалеку от машины и стояла, возвышаясь над ними. Желтый кривой клюв и пылающие черным и красным светом глаза. Обтекатель был открыт, но Кикаха держал лучемет, и при виде него птица шагнула назад.

– Подарга! – пронзительно вскрикнула она, но больше ничего не сказала о лице Ананы.

Орлица, на взгляд Кикахи, ничем не отличалась от других. Она, однако, помнила, как он сидел в клетке с Вольфом и как потом орлицы штурмовали дворец на макушке самого высокого монолита, пике планеты.

– Я – Фивеста, – представилась она.

У нее был голос огромного попугая, как у всех зеленых орлиц.

– Что ты здесь делаешь, Обманщик? Разве ты не знаешь, что Подарга приговорила тебя к смерти или, если возможно, пыткам перед смертью?

– Если это так, то почему ты не попытаешься убить меня?

– Потому что Подарга выведала у Девиваниры, что ты освободил ее из клетки, и она знает, что в Таланаке случилось нечто серьезное, но она пока не могла выяснить, что именно. Она временно считает приговор отмененным не только для тебя, пока не докопается до истины. Дан приказ препроводить тебя к ней, если ты появишься, прося об аудиенции. Хотя я буду честна, Кикаха, и предупреждаю тебя, что ты, возможно, никогда не покинешь пещеру, коль скоро вступишь в нее.

– Я не п р о ш у об аудиенции, – поправил он. – И если я появлюсь в пещере, то только на этом судне и полностью вооруженный. Ты передашь это Подарге? И передай ей заодно, что если она хочет отомстить ташкетмоакам за убийства и пленение многих ее орлиц, то я смогу помочь ей. Передай ей также, что по земле бродит великое зло. Оно сомкнет свои холодные пальцы на ней, ее орлицах и их птенцах. Я расскажу ей об этом, если увижусь с ней.

Фивеста пообещала повторить то, что он ей сообщил, и улетела, хлопая крыльями. Прошло несколько часов. Кикаха все больше нервничал. Он сказал Анане, что Подарга настолько безумна, что вполне способна действовать вопреки собственным интересам.

Он не удивился бы, увидев пикирующую с маскирующе-зеленого неба орду гигантских орлиц.

Но появилась всего одна орлица. Фивеста известила, что он может прибыть на летающей машине и привезти с собой человеческую самку. Он может прихватить все оружие, какое только желает. Много ему будет толку от него, если он попытается лгать или обмануть Подаргу. Кикаха перевел все это Анане, поскольку они говорили на выродившемся диалекте микенского греческого языка, наречии, употреблявшемся Одиссеем, Агамемноном и Еленой Троянской.

Анана поразилась, а затем преисполнилась презрения.

– Ч е л о в е ч е с к у ю самку! Неужели эта вонючая птица не узнает Господа, увидев его перед собой?

– Очевидно, нет, – отозвался Кикаха. – В конце концов, ты выглядишь точь-в-точь, как человек. Фактически ты можешь скрещиваться с людьми, так что я бы сказал, что ты – человек, даже если ты иного происхождения. Или не иного? У Вольфа есть на этот счет кое-какие интересные теории.

Она пробурчала что-то бранное или уничижительное на языке Господов. Кикаха направил аэролет вверх и последовал за орлицей ко входу в пещеру, где Подарга пятьсот лет держала дом и двор. Место она выбрала хорошее. Скала над входом шла несколько тысяч футов вверх и была почти такой же гладкой, как зеркало. Перед пещерой проходил широкий карниз, и при-

близиться к ней по карнизу можно было только с одной стороны. Но эту тропу всегда охраняли сорок орлиц. Ниже карниза скала скашивалась внутрь.

Вход в пещеру представлял собой круглое отверстие диаметром около десяти футов. Отверстие вело в длинный коридор из отполированного за пять веков пернатыми телами камня.

Аэролет продвигался по туннелю с большим скрежетом и скрипом. После пятидесяти ярдов такого передвижения он влетел в огромную пещеру. Она освещалась факелами, напоминавшими листья огромного растения. Тысячи их свисали с потолка и торчали из стен.

Долетавший откуда-то воздух мягко овевал щеки Кикахи.

Огромная пещера оставалась во многом такой же, какой он ее помнил, за исключением того, что порядка в ней стало больше. Подарга явно проделала какую-то уборку. Мусор с пола удалили, а сотни больших сундуков и шкатулок, содержащих драгоценные камни, произведения искусства, золото, серебро и другие сокровища, расставили вдоль стен или куда-то унесли.

Две колонны орлиц образовали проход для аэролета. Старое высеченное из камня кресло исчезло. На его месте стояло огромное кресло из усеянного алмазами золота, сработанного в виде феникса с распростертыми крыльями. Кресло это раньше принадлежало радаманту Атлантиды, правителю второго по высоте уровня этой планеты.

Подарга захватила это кресло при налете на столицу примерно четыреста лет назад.

Теперь не существовало никакого радаманта, не осталось в живых почти никаких атлантов, а великий город лежал в руинах. А планы Вольфа вновь колонизировать эту страну прервало появление Черных Колокольников. И сам Вольф исчез.

Подарга сидела на краешке трона. Ее тело было телом гарпии, сотворенным Вольфом – тогда Джадавином – три тысячи двести лет назад. Ноги у нее были длинные и птичьи, толще, чем страусиные, чтобы они могли поддерживать вес своего тела. Нижняя часть тела тоже была птичьей, с зелеными перьями и длинным хвостом, а верхняя часть демонстрировала тело женщины с великолепными белыми грудями, длинной белой шеей и лукаво-прекрасным лицом с длинными черными волосами и безумными глазами. Рук у нее не было – у нее имелись крылья, очень длинные и широкие, с ало-зелеными перьями.

Подарга окликнула Кикаху низким хрипловатым голосом:

– Останови свою воздушную машину тут! Больше ей приближаться нельзя!

Кикаха попросил разрешения вылезти из машины и подойти к подножию лестницы.

Она сказала, что это разрешено. Кикаха велел Анане следовать за ним, а затем приблизился к лестнице. Глаза Подарги широко раскрылись при виде Ананы.

– Двуногая самка! – воскликнула она. – Ты – создание Джадавина? Он придал тебе лицо, сработанное по образцу моего!

Анана знала, что ситуация была прямо противоположной, и ее гордость была глубоко уязвлена. Но при всей своей надменности она была далеко не глупа и ответила:

– Я считаю именно так. Я не знаю своего происхождения. Я просто была, вот и все. Лет пятьдесят назад, я думаю, мне удалось появиться на свет.

– Бедное дитя! Значит, ты была игрушкой этого чудовища Джадавина! Как ты спаслась от него? Он устал от тебя и выпустил в этот злой мир жить или умереть, как определят события?

– Я не знаю, – проговорила Анана. – Может, Кикаха думает, что Джадавин проявил милосердие, удалив часть моей памяти, так что я не помню ни его, ни своей жизни во дворце, если я и впрямь там жила.

Кикаха одобрил ее рассказ. Она умела лгать ничуть не хуже его. Затем он подумал: "Ой! Она немного не подумала! Пятьдесят лет назад Джадавина даже не было во дворце и в этой вселенной. Он жил в Америке как подвергшийся амнезии человек, усыновленный человеком по имени Вольф. Господом во дворце тогда был Арвур".

Он успокоил себя, что это не имеет значения. Если Анана утверждает, что она ничего не помнит ни о своем происхождении, ни о дворце, то ей не полагается знать, кто был тогда Господом.

Подарга явно об этом не подумала. Она обратилась к Кикахе.

– Девиванира рассказала мне о том, что ты освободил ее из клетки в Таланаке.

– А она рассказывала тебе также, что попыталась убить нас в уплату за данную ей свободу?

Подарга чуть приподняла крылья и прожгла его взглядом:

– Она выполняла приказ! Благодарность не имела к этому никакого отношения! Ты был правой рукой Джадавина, который теперь называет себя Вольфом!

Она сложила крылья и, казалось, расслабилась, но Кикаху это не обмануло.

– Кстати, где Джадавин? Что происходит в Таланаке? Кто такие эти дракландцы? – спросила она.

Кикаха рассказал ей почти все. Он не поведал о двух Господах, Нимстоуле и Джудубре и представил дело так, будто Анана давным-давно прошла через врата на индейский уровень и была

в Таланаке рабыней. Подарга испытывала безумную враждебность к Господам.

Если бы она обнаружила, что Анана принадлежит к их числу, и особенно если бы заподозрила, что Анана может быть сестрой Вольфа, она приказала бы ее убить.

Это поставило бы Кикаху в затруднительное положение, которое ему пришлось бы разрешить в одну-две секунды. Он либо выбрал бы жизнь и таким образом был бы в состоянии драться с Колокольниками, но позволил бы Анане умереть, либо поддержал бы Анану и таким образом умер бы сам. То, что они вдвоем перебили бы, прежде чем их одолеют, множество орлиц, нисколько его не утешало.

"Или, наверное, – подумал он, – всего лишь наверное, мы, может, сумели бы спастись. Если бы я достаточно быстро застрелил Подаргу и таким образом вызвал среди орлиц сумятицу, а потом также быстро забрался бы в аэролет и привел в действие большие проекторы, то мы, возможно, сумели бы прорваться".

В этот момент Кикаха понял, что решил защищать Анану.

– Значит, Джадавин мог умереть, – произнесла Подарга. – Но мне бы этого не хотелось, так как я давно планировала захватить его в плен. Я хочу, чтобы он жил долго-предолго, но страдая и расплачиваясь.

Подарга стояла на своих птичьих ногах, вытянув когти, и визжала в лицо Кикахе. Тот прошептал уголком рта Анане:

– Ой! По-моему, она чокнулась. Приготовься стрелять!

Подарга прекратила орать и принялась расхаживать взад-вперед, словно кошмарная птица в клетке. Наконец она остановилась и сказала:

– Обманщик, с какой стати мне помогать тебе в войне против врагов Джадавина?

– Потому что тебе они тоже враги, – ответил Кикаха. – Верно, что покамест они пользуются только человеческими телами. Но, по-твоему, Колокольники не подумывали об орлицах в качестве носителей? Люди – существа, прикованные к земле. Что может сравниться с пребыванием в теле земной орлицы, летающей высоко над планетой, парящей, словно божество, над всеми земными зверями, домами и городами. Ты думаешь, что Черные Колокольники не поймут этого? А когда поймут, то не наловят твоих орлиц, а возможно, и тебя? Не поместят над вашими головами колокола, не лишат ваши мозги мыслей и памяти, не размотают их насмерть, а потом не овладеют вашими мозгами и телами для своих надобностей? Колокольники используют тела из плоти и крови точно так же, как мы, люди, носим одежду. Когда одежда изнашивается, ее выбрасывают. Точно так же выбросят и вас, выкинут в кучу мусора, хотя для вас это, конечно,

не будет иметь значения, поскольку вы умрете задолго до того, как умрут ваши тела.

Он на мгновение перестал говорить.

Орлицы, зеленые башни высотой в три метра, беспокойно переминались и издавали горловые звуки. Выражение лица Подарги оставалось непроницаемым, но Кикаха был уверен, что она крепко задумалась.

– Сейчас существует только сорок шесть Колокольников, – объявил он. – Да, они обладают большой мощью, но их мало. Теперь самое удобное время. Они не в состоянии изготовлять новых детей-колокольников в лабораториях дворцов Господов. Можешь быть в этом уверена. Но придет время, когда Черные Колокольники будут исчисляться тысячами, может быть, миллионами, потому что они захотят гарантировать выживание своего вида. Придет время, когда Колокольники станут настолько многочисленными и могущественными, что им будет невозможно сопротивляться. Теперь они смогут сделать все, что пожелают. Если они захотят насладиться телами зеленых орлиц, то сделают это без всяких "с вашего позволения".

После долгого молчания Подарга проговорила:

– Ты хорошо говоришь, Обманщик. Я немного знаю о том, что происходит в Таланаке, потому что некоторые из моих птичек захватили ташкетмоаков и заставили их говорить. Они мало что открыли. Они, например, никогда не слышали о Черных Колокольниках, но они утверждают, что их правитель одержим демоном. Присутствие этой летающей машины и других, замеченных моими орлицами, подтверждает твой рассказ. Очень жаль, что ты не привез трофейные колокола, чтобы мы могли посмотреть на них. Тебе не следовало выбрасывать их в море.

– Я не всегда такой умный, каким себя считаю, – отозвался Кикаха.

– Нужно принять во внимание еще один момент, – продолжала Подарга. – Даже если твой рассказ только полуправда или чистая ложь, я давно планировала отомстить ташкетмоакам за то, что они убили несколько моих птиц и посадили других в клетки, словно они обыкновенные звери. Они начали это делать, когда трон унаследовал нынешний правитель, Коцхамл. Это произошло всего три года назад, и с тех пор он пренебрегал древним взаимопониманием между своим народом и мной. В своем безумном решении добавить образчики в этот свой зверинец и поставить набитые чучела в музее он повел против нас настоящую войну. Я послала передать ему, чтобы он немедленно прекратил ее, а он заточил моих посланниц. Он сумасшедший, и он обречен!

Подарга продолжала говорить. Она явно устала от разговоров с орлицами и стосковалась по чужакам. Теперь, когда Кикаха принес, вероятно, самую волнующую новость из всех когда-либо услышанных ею, она хотела говорить и говорить, не переставая. Так она и поступала, с таким пренебрежением к чувствам своих гостей, какое мог продемонстрировать только абсолютный монарх. Она велела принести им поесть и выпить и присоединилась к гостям за большим столом. Они были рады подкрепиться, но через некоторое время Анану стало клонить в сон, а Кикаха лишь еще больше оживился.

Он намекнул Анане, что она поступила бы мудро, если бы легла спать. Она догадалась, что он имел в виду, но никак это не прокомментировала. Анана поднялась и, пройдя к аэролету, вытянулась на полу на предложенном Подаргой ковре.

14

Когда она проснулась, то увидела спавшего рядом с ней Кикаху. Его курносое длинногубое лицо походило на младенческое, но изо рта воняло вином, и от самого пахло какими-то экзотическими духами.

Он вдруг перестал храпеть и открыл один глаз.

Его радужную оболочку пронизывали тонкие красные молнии. Он ухмыльнулся и проговорил:

– Доброе утро! Хотя, по-моему, сейчас ближе к полудню.

Затем он сел и похлопал ее по плечу.

Анана дернулась от его прикосновения. Он улыбнулся еще шире.

– Неужели возможно, что высокомерная супербаба-Господь, Анана Ослепительная, может быть, чуточку ревнует? Немыслимо!

– Правильно, немыслимо, – подтвердила она. – Какое мне может быть дело? Как? Почему?

Он потянулся и зевнул.

– Это ты уж вычисляй сама. В конце концов, ты женщина, если ты даже отрицаешь, что ты человек, и мы находились в телесном, почти интимном контакте, если мне позволительно так выражаться. А мне позволительно, хотя я всего лишь повторяю сказанное тысячами других. Я не могу не привлекать тебя, даже если ты испытываешь при этом некоторое презрение к себе за то, что находишь леблаббия в каком-то смысле привлекательным.

– Тебя какие-нибудь женщины пытались убить когда-нибудь? – зарычала она.

– По меньшей мере дюжина. Фактически, я скорее должен был умереть от ран, нанесенных женщинами, чем от ран, полученных великими воинами в битвах.

Он нащупал два шрама под ребрами.

– Дважды женщины почти достигли цели, и обе утверждали, что любят меня. Меняю такую любовь на открытую честную ненависть.

– Я тебя, конечно, не люблю, но и не ненавижу, – высокомерно заявила она. – Я – Господь, а ты...

Ее прервала орлица, сообщившая, что Подарга хотела бы поговорить с ними, пока они завтракают. Орлица расстроилась, когда Анана ответила, что она сперва хотела бы принять ванну, и поинтересовалась, нет ли среди всех этих сокровищ какой-нибудь косметики, духов и тому подобного. Кикаха слегка улыбнулся и объяснил, что он отправится к Подарге и примет всю ответственность на себя. Орлица зашагала на негнувшихся ногах впереди Ананы в тот угол пещеры, где разукрашенный филигранью комод содержал все, что ей требовалось.

Подарга не проявила недовольства опозданием Ананы, поскольку думала о других вещах. Она поздоровалась с Кикахой так, словно испытывала к нему большое уважение, а затем объявила, что у нее есть кое-какие новости. На рассвете прилетела орлица с рассказом об огромном флоте, обнаруженном ею на реке, называемой Петчоттакл. Это был широкий и извилистый поток, тянувшийся вдоль опушки Леса Деревьев со Многими Тенями.

Плыло свыше ста длинных лодок. В каждой находилось примерно пятьдесят воинов. Так что флот насчитывал около пяти тысяч краснобородых, называвших себя Тиуда, то есть Народ. Кикаха сказал, что он слышал о них от ташкетмоаков, те жаловались на них, на участившиеся набеги краснобородых на пограничные посты и городки. Но что собирался предпринять флот таких размеров?

Наверняка это был набег на сам Таланак.

Подарга объяснила, что Тиуда пришли с огромного моря на западе, за Сверкающими Горами. Кикаха пояснил, что он еще ни разу не оказывался за Сверкающими Горами, хотя давно собирался. Но он знал, что есть такое море примерно в тысячу миль длиной и триста шириной. Он всегда думал, что на его берегах жили индейцы, люди вроде тех, что обитали в прериях.

Подарга, довольная широтой своих знаний и силами, разочаровала Кикаху. Ее орлицы докладывали, что давным-давно там жили оперенные шапки – индейцы, но потом Джадавин впустил туда с Земли племя высоких светлокожих людей с длинными бородами.

Они поселились на восточном берегу, построили городки-крепости и корабли. Со временем они покорили и поглотили темнокожее население. Сперва темнокожие были рабами, но в конце концов стали равными и слились с Тиуда, хотя и сохранили часть своих традиций.

Восточный конец моря являлся федерацией под совместным правлением королей Браки (означавшим Борьба) и Саурги (означавшим Печаль). Но произошла долгая и тяжелая гражданская война, и Браки пришлось бежать с кучкой верных воинов и преданных женщин.

Они перевалили через Сверкающие Горы и поселились вдоль верхнего течения реки. С годами численность и сила их увеличилась, и начались их налеты на ташкетмоакские посты, речные суда, а иногда и на караваны. Они часто сталкивались с полуконями, и не всегда побеждали их, как побеждали всех других врагов, но по большей части они преуспевали и здесь.

Ташкетмоаки выслали несколько карательных экспедиций, одна из которых уничтожила приречный городок. Другие же экспедиции погибли, а теперь все выглядело так, словно краснобородые предприняли ответный поход против народа Таланака. Это были дисциплинированные, высокие, свирепые воины, но явно не представлявшие себе ни размеров страны, против которой двинулись в поход, ни ее обороны.

– Возможно, – согласился Кикаха. – Но когда они доберутся до Таланака, то обнаружат, что его оборона сильно ослаблена. К тому времени мы атакуем, и, наверное, завоюем нефритовый город.

У Подарги мигом пропало хорошее настроение.

– Сперва мы нападем на краснобородых и рассеем их, как воробьев перед ястребом! Я не буду мостить им дорогу!

– А почему бы не сделать их своими союзниками? – предложил Кикаха. – Битва против Колокольников, ташкетмоаков и дракландцев будет нелегкой, особенно если учесть имеющиеся у них аэролеты и лучеметы. Нам понадобится вся помощь, какую мы только сможем заполучить. Я предлагаю привлечь их на нашу сторону. Добычи и убийств хватит на всех. Там всего этого более чем достаточно.

Подарга поднялась с места и одним взмахом крыла смахнула на стол столовую утварь. Ее великолепные груди вздымались и опускались от ярости.

Она прожгла его взглядом бешеных глаз, из которых начисто испарился разум. Кикаха не мог внутренне не съежиться, хотя встретил этот взгляд достаточно храбро. Он пояснил:

– Пусть краснобородые убивают наших врагов и умирают за нас. Ты утверждаешь, что любишь своих орлиц, ты

называешь их своими птичками. Почему бы не спасти их жизни, привлекая на свою сторону краснобородых?

Подарга завизжала на него, а потом начала бесноваться и понесла уже сущий бред. Кикаха понял, что допустил серьезную ошибку, не соглашаясь с ней по всем пунктам, но было слишком поздно исправлять причиненный вред. Более того, он почувствовал, что в нем самом внезапно проснулась давнишняя ненависть к ней и ее надменным, нечеловеческим, жестоким повадкам.

Но он сумел успокоить свой гнев, прежде чем тот довел его до беды, и сказал:

– Я склоняюсь перед твоей высшей мудростью, не говоря уже о силе и могуществе, о, Подарга! Будь по-твоему, как и... должно быть!

Но после этого он принялся размышлять и решил снова поговорить с Подаргой, когда она покажется более разумной.

Первое, что он сделал после завтрака, это вывел аэролет из пещеры и поднялся на тысячу семьсот метров к вершине монолита. Затем он пролетел над вершиной горного пика, неподалеку от края монолита. Здесь они с Ананой сидели в аэролете и громко говорили о том, что недавно произошло, а так же, как бы вспоминая, описывали вход в пещеру Подарги. Кикаха включил радио, чтобы их разговор услышали многие. Когда прошло несколько часов, Анана притворилась, будто только что заметила, что включено радио.

Она жестоко обругала Кикаху за такую неуклюжесть и глупость и выключила приемник.

Индикатор показывал наличие двух аэролетов, приближавшихся с края монолита, поднимавшегося из центра Индейского уровня. Оба они прилетели из дворца Господа на вершине пикового монолита планеты.

Поскольку оба аэролета несомненно обнаружили их своими приборами, они определят и район, где исчезла их дичь. Кикаха повел аэролет на высшей скорости обратно к краю уровня и дальше вниз. Он парил перед входом в пещеру, пока из-за края не выскочил первый из двух преследователей. Тогда Кикаха резко кинул машину в пещеру, не обращая внимания на скрежет.

После этого они могли только ждать.

Большие проекторы и ручные лучеметы находились в когтях орлиц, курсировавших взад и вперед на некотором расстоянии над пещерой. Когда они увидели два аэролета, то так и рухнули с зеленого неба.

Колокольники, несомненно, заметили над собой орлиц, но не обратили на них внимания. Узнав о местонахождении

беглецов, они сосредоточились на посылке лучей внутрь пещеры.

Тем, кто был в пещере, не пришлось долго ждать.

Одна орлица, держа в клюве лучемет, прилетела с докладом. Колокольники, расположившиеся по трое на каждом аэролете, были захвачены врасплох. Их самих зажарили, а машины плавали там, где их остановили, совершенно невредимые, за исключением нескольких обгоревших сидений.

Кикаха предложил Подарге привести эти два аэролета в пещеру. Он пояснил, что у Колокольников есть еще одна машина, и они могли отправить ее вниз, дабы выяснить причины исчезновения этих.

У Колокольников могло быть и больше таких машин, поскольку такие суда, возможно, имелись и у других Господов.

– Двенадцать Колокольников долой. Осталось тридцать восемь, – подсчитал Кикаха. – У нас теперь есть кое-какая огневая мощь и транспорт.

Они с Ананой вылетели на своем половинном аэролете. Кикаха перебрался в один из аэролетов, пригнал его в пещеру, затем снова вылетел, чтобы пригнать второй. Когда все три аэролета встали бок о бок в огромной пещере, Подарга настояла на том, чтобы они обучили несколько избранных орлиц управлять ими. Кикаха попросил сначала вернуть их ручное оружие и проекторы, положенные их половине аэролета. Подарга колебалась так долго, что Кикаха подумал, что она собирается сейчас же прикончить их с Ананой. Кикаха и Анана были совершенно беспомощны, так как одолжили свое оружие Подарге. У Кикахи еще, правда, был нож, который он твердо решил метнуть в солнечное сплетение Подарги, если только она попробует схватить их. Это не спасет его с Ананой, но он, по крайней мере, прихватит с собой на тот свет Подаргу.

Гарпия, однако, отдала своим орлицам желанный приказ. Лучеметы вернули, проекторы поставили на место. И все же Кикаха испытывал беспокойство. Подарга не собиралась прощать ему дружбу с Вольфом, какие бы услуги он ей ни оказал. Как только исчезнет необходимость в нем, кончится и его жизнь. Это может случиться через тридцать минут или через тридцать дней.

Когда у Кикахи появилась возможность поговорить с Ананой наедине, он сообщил ей, чего следует ожидать.

– Я так и думала, что это случится, – сказала Анана, – Даже если бы ты и не был другом Джадавина, ты подвергался бы опасности, потому что был ее любовником. Она должна знать, что, несмотря на ее прекрасное лицо и груди, она – чудовищный гибрид и, следовательно, отвратительна для мужчин, которых

она заставляла заниматься с ней любовью. Она не может этого простить, она должна ликвидировать мужчину, который втайне презирает ее. А я в опасности: во-первых, потому что у меня тело женщины, а она должна ненавидеть всех женщин, так как она приговорена к своему полуптичьему телу, а во-вторых, у меня ее лицо, и она не собирается позволить женщине с моим телом и ее лицом прожить долго, наслаждаясь этим. В-третьих, она безумна! Она пугает меня!

– Ты, Господь, признаешь, что боишься?

Анана покачала головой.

– Даже после десяти тысяч лет я боюсь некоторых вещей. Одна из них – пытки, а я уверена, что она будет страшно пытать меня – если получит возможность. Более того, я беспокоюсь о тебе.

– Обо мне? – поразился он. – Леблаббии?

– Ты – необыкновенный человек, – объяснила Анана. – Ты уверен, что ты, по крайней мере, не полугосподь? Наверное, сын Вольфа?

– Уверен, что нет. – Кикаха усмехнулся. – Ты не снизойдешь до того, чтобы испытать эмоции человеческой женщины, не так ли? Наверное, ты просто немного неравнодушна ко мне? Может, я чуточку тебе нравлюсь? Возможно, да сгинет такая мысль, что ты даже желаешь меня? То есть, если Господь способен на любовь.

– Ты такой же сумасшедший, как и гарпия! – воскликнула Анана.

Она прожгла его взглядом.

– То, что я восхищаюсь твоими способностями и смелостью, не означает, что я могу под каким-либо видом рассматривать тебя как сожителя, равного мне!

– Конечно же нет, – согласился Кикаха. – Если бы не я, ты погибла бы дюжину раз или визжала бы сейчас в камере пыток. Вот что я тебе скажу. Когда ты будешь готова признаться, что ты не права, я спасу тебя от смущения. Просто назови меня любимым, вот и все. Не нужно никаких оправданий или слез раскаяния, просто назови меня любимым. Я не могу пообещать, что влюблюсь в тебя, но я подумаю о перспективе стать твоим любовником. Ты чертовски привлекательна, во всяком случае, физически. И я не хотел бы обидеть Вольфа, отвергая его сестру, хотя, если поразмыслить об этом, он тоже отзывался о тебе не очень-то нежно.

Кикаха ожидал взрыва ярости. Но вместо этого она рассмеялась. Но он был уверен, что смех не служил прикрытием гнева.

Вскоре у них не осталось много времени на разговоры. Подарга заставляла их обучать орлиц водить аэролеты и владеть

оружием. Она также расспрашивала обоих о расположении Таланака, о том, где она могла бы ожидать наибольшего сопротивления, о слабых местах города и так далее.

Были отправлены сотни гонцов собирать на войну ее подданных орлиц. Однако рано прибывшие рекруты должны были собираться у слияния реки Петчоттакл с маленькой речкой Квакоймол. Здесь орлицы должны были ожидать флот краснобородых.

Кормление собравшейся армии потребовало реорганизации системы снабжения. Одно время орлицы были армией со столь же основательной дисциплиной и иерархией, как и в любой человеческой цивилизации.

Но яростный штурм дворца несколько лет назад погубил столько офицеров, что Подарга так никогда и не потрудилась вновь организовать свою армию. Теперь же она столкнулась с этой неотложной, почти неодолимо трудной проблемой.

Подарга назначила определенное число охотниц. Поскольку речные районы Великих Прерий изобиловали крупной дичью, они давали все необходимое армии продовольствие. В результате, однако, две орлицы из десяти постоянно отсутствовали, занимаясь почти все время охотой.

На четвертое утро Кикаха снова осмелился спорить с Подаргой. Он сказал ей, что неумно тратить оружие на краснобородых, что она могла бы приберечь его для того времени, когда оно станет абсолютно необходимым, то есть в Таланаке, где Колокольники владели оружием, которое можно вывести из строя только таким же.

Более того, теперь в ее распоряжении имелось достаточно орлиц, чтобы начать нападение на ташкетмоаков. Их прокорм оказался довольно...

Дальше Кикаха не продвинулся. Гарпия закричала, чтобы он помалкивал, если не хочет, чтобы ему вырвали глаза. Она устала от его самонадеянности и нахальства. Он слишком долго жил и слишком много бахвалился своими хитростями.

Более того, она терпеть не может Анану, безусловно, самое отталкивающее создание в этом и других мирах. Пусть он теперь найдет выход из пещеры, если сможет, и пусть женщина спрыгнет в море, пусть они оба попробуют.

Кикаха помалкивал, но Подарга не утихомирилась.

Она продолжала визжать на него по меньшей мере полчаса. Внезапно она остановилась и улыбнулась. У Кикахи по телу пробежал холодок.

Время ждать развития событий и время предвидеть их. Он вскочил со стула, задрав свой конец стола, хотя он и был тяжелым, так что тот опрокинулся на Подаргу. Гарпия завизжала,

когда ее зажало между столом и стулом. Ее голова торчала над краем стола, а крылья хлопали.

Он бы тут же спалил ей голову, но опасность исходила не от нее, а от двух служанок-орлиц, держащих в клювах лучеметы. Но им пришлось бросить их, чтобы поймать Подаргу. А тем временем Кикаха подстрелил одну из них. Его лучемет на половинной мощности заставил вспыхнуть ее зеленые перья.

Анана выхватила свой лучемет, и ее луч рассек вторую орлицу. Кикаха крикнул ей, чтобы она бежала к ближайшему аэролету.

Анана дышала в затылок Кикахе, когда он нырнул в машину, и без единого слова схватила большой проектор. Кикаха уселся перед пультом управления и включил моторы. Аэролет поднялся на фут и устремился ко входу в туннель. Три орлицы пытались остановить его своими телами. Судно прошло... тум... тум... тум... каждый раз подбрасывая Кикаху.

Затем его бросило вперед, и он стукнулся грудью о пульт, у него не было времени пристегнуться, когда судно застряло в узком каменном отверстии. Он увеличил мощность. Металл заскрежетал о гранит, судно практически протаранило туннель, словно шомпол, прочищающий пушку.

На секунду яркий круг выхода из туннеля им перегородила огромная птица.

Послышался глухой удар, затем стук, и аэролет выскочил на яркое желтое солнце в яркое зеленое небо с виднеющимся вдали бело-голубым прибоем. То было море в пятнадцати километрах ниже пещеры.

Кикаха обуздал свое желание бежать поскорее. Он поднял аэролет вверх, подал назад и снизился, паря над входом. Как он и ожидал, выскочил еще один аэролет.

За ним последовал полуаэролет. Кикаха разрезал оба по продольной оси. На нем разместились орлицы.

Обе части аэролетов отломились и упали, а с ними и разрезанные орлицы, и половинки их зеленых тел еще долго виднелись, прежде чем их поглотила глубина.

Кикаха опустил аэролет и выстрелил из носового проектора в туннель. Раздавшиеся внутри вопли оповестили его, что он, вероятно, убил несколько орлиц или, по меньшей мере, на долгое время нагнал на них страху. Тут он подумал, что хорошо бы разрезать камни над входом в пещеру и заблокировать его, но решил, что потребуется слишком много энергии. К тому времени в воздухе кишмя кишели патрули орлиц с поверхности монолита и новобранцы. Он врезался аэролетом в самую середину их, отбросив многих в сторону, в то время как Анана сжи-

гала нападавших. Вскоре они прорвались сквозь стаю птиц и понеслись на полной скорости над горным хребтом, отгораживающим край уровня от Великих Прерий.

15

Затем он резко снизился над прерией, летя на бреющем полете, потому что чем ближе он держался к поверхности, тем меньше оставалось шансов, что он засечет аэролет Колокольников. Кикаха летел над самой травой и вспучивающимися холмами, деревьями, огромными седыми мамонтами и мастодонтами, гигантскими ломхатыми бизонами и дикими лошадьми, тощими прерийными верблюдами с испуганными мордами, девятифутовыми рыжевато-коричневыми фелис атроксами, жестокими львами, длинноногими собакомордыми гепардольвами, саблезубыми смилодонами и лохматыми, тупыми на вид мегатериями – над многими тысячами видов зверей и птиц и миллионами других проявлений жизни. Кикаха проносился над всеми ними и летел дальше, увидев за три часа то, чего не смог бы увидеть и за пять лет путешествия по поверхности.

Он пронесся поблизости от нескольких стойбищ Народов Прерий, мимо типи и круглых вигвамов вакангишушей, хайхова, такотита и над кавалькадой полуконей, над свирепыми воинами, охранявшими со всех сторон племя, и самками, тащившими на волокушах племенное имущество, и над резвившимся и скакавшим молодняком.

Эти зрелища вызывали у Кикахи дрожь восторга.

Одному ему из всех землян выпало счастье жить в этом мире. И ему покамест что везло, и если он должен будет умереть в этом мире, то не сможет сказать, что прожил жизнь зря. Напротив, ему даровалось то, что выпадало на долю очень немногим людям, и он был благодарен. Несмотря на это, он намеревался продолжать жить. Было еще, что повидать, исследовать, предстояло еще много интересных бесед и его ждали и прекрасные женщины, и враги, с которыми требовалось драться насмерть.

Не успела последняя мысль прийти ему в голову, как он увидел в прерии странный отряд. Он притормозил и поднялся футов на пятьдесят. Это оказались конные дракландцы с небольшим отрядом ташкетмоакской кавалерии и тремя Колокольниками. Он разглядел серебряные шкатулки, приторочененные к седлам их коней.

Всадники натянули поводья, несомненно, думая, что в аэролете находятся другие Колокольники. Кикаха не позволил им заблуждаться.

Он резко снизился, а Анана разрезала всех троих Колокольников пополам, а остальные в панике убежали. Кикаха подобрал шкатулки и позже сбросил в широкую реку Петчоттакл.

Кикаха не мог понять, как этот отряд забрался так далеко от Таланака. Кроме того, они вообще ехали с другой стороны.

Тут его осенило, что они, должно быть, прошли через врата в этом районе.

Он помнил врата, спрятанные в пещере, в группе невысоких, но с крутыми склонами каменистых холмов примерно в пятидесяти милях от края. Он направил аэролет туда и нашел именно то, что и ожидал. Колокольники оставили здесь сильную охрану, чтобы быть уверенными, что Кикаха ими не воспользуется. Кикаха захватил их врасплох, сжег всех и загнал аэролет в пещеру.

Один Колокольник находился в нескольких футах от больших единых врат в виде кольца, к которым он и бежал. Прежде чем он добрался до них, Кикаха прожег в нем дырку.

– Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре, – заметил Кикаха. – А может быть, появится еще множество их в следующие несколько минут.

– Не думаешь ли ты пройти через врата? – недоверчиво произнесла Анана.

– Они должны быть связаны с храмовыми вратами в Таланаке, – объяснил Кикаха. – Но, может, нам следует приберечь их до другого времени, когда у нас будут кое-какие резервные силы.

Он не стал дальше рассуждать, а велел Анане помочь ему избавиться от тел.

– Нам предстоит на время исчезнуть. Если здесь пройдут через врата еще какие-нибудь Колокольники, то они не узнают, что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь.

План Кикахи имел шансы на успех: но если только он сумеет убедительно говорить при необходимости. Они летели над рекой, пока не увидели флот, состоящий из множества лодок. По две в ряд, они продвигались на веслах вниз по реке. Лодки напоминали ему корабли викингов с вырезанными на носах драконьими головами. И матросы тоже издали выглядели похожими на викингов. Они были рослыми, широкоплечими, носили рогатые шлемы и пушистые штаны и держали в руках секиры, мечи, тяжелые копья и круглые щиты. Большинство щеголяли длинными, выкрашенными в красный цвет бородами, но попадалось немало и чисто выбритых.

Когда Кикаха снизился, их приветствовали тучей стрел. Он настойчиво приближался к передовой лодке, где стоял человек в длинной белой жреческой мантии с красным воротником. Эта

Он резко снизился, а Анана разрезала всех троих Колокольников пополам, а остальные в панике убежали. Кикаха подобрал шкатулки и позже сбросил в широкую реку Петчоттакл.

Кикаха не мог понять, как этот отряд забрался так далеко от Таланака. Кроме того, они вообще ехали с другой стороны.

Тут его осенило, что они, должно быть, прошли через врата в этом районе.

Он помнил врата, спрятанные в пещере, в группе невысоких, но с крутыми склонами каменистых холмов примерно в пятидесяти милях от края. Он направил аэролет туда и нашел именно то, что и ожидал. Колокольники оставили здесь сильную охрану, чтобы быть уверенными, что Кикаха ими не воспользуется. Кикаха захватил их врасплох, сжег всех и загнал аэролет в пещеру.

Один Колокольник находился в нескольких футах от больших единых врат в виде кольца, к которым он и бежал. Прежде чем он добрался до них, Кикаха прожег в нем дырку.

– Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре, – заметил Кикаха. – А может быть, появится еще множество их в следующие несколько минут.

– Не думаешь ли ты пройти через врата? – недоверчиво произнесла Анана.

– Они должны быть связаны с храмовыми вратами в Таланаке, – объяснил Кикаха. – Но, может, нам следует приберечь их до другого времени, когда у нас будут кое-какие резервные силы.

Он не стал дальше рассуждать, а велел Анане помочь ему избавиться от тел.

– Нам предстоит на время исчезнуть. Если здесь пройдут через врата еще какие-нибудь Колокольники, то они не узнают, что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь.

План Кикахи имел шансы на успех: но если только он сумеет убедительно говорить при необходимости. Они летели над рекой, пока не увидели флот, состоящий из множества лодок. По две в ряд, они продвигались на веслах вниз по реке. Лодки напоминали ему корабли викингов с вырезанными на носах драконьими головами. И матросы тоже издали выглядели похожими на викингов. Они были рослыми, широкоплечими, носили рогатые шлемы и пушистые штаны и держали в руках секиры, мечи, тяжелые копья и круглые щиты. Большинство щеголяли длинными, выкрашенными в красный цвет бородами, но попадалось немало и чисто выбритых.

Когда Кикаха снизился, их приветствовали тучей стрел. Он настойчиво приближался к передовой лодке, где стоял человек в длинной белой жреческой мантии с красным воротником. Эта

лодка выпустила все свои стрелы, а аэролет оставался за пределами досягаемости секиры. Кикаха сманеврировал так, чтобы его не смогли достать через открытую рубку. Он окликнул жреца на языке Господов, и вскоре король Браки согласился через жреца поговорить с Кикахой. Они встретились на берегу реки.

У краснобородых имелась веская причина для враждебного отношения. Всего неделю назад один аэролет поджег несколько их городков и убил множество юношей. Все налетчики обладали некоторым поверхностным сходством с Кикахой. Тот объяснил, что происходит, хотя, чтобы все втолковать краснобородым, ему потребовалось два дня. Тормозила необходимость говорить через жреца. Кикаха приобрел уважение Браки, когда Витрус, жрец, объяснил, что Кикаха является правой рукой Аллвалланса Всемогущего.

Продвижение флота вниз по реке пришлось задержать еще на день, пока вождей и жреца отвозили на аэролете к пещере с вратами. Здесь Кикаха снова растолковал свой план. Браки хотел видеть практическое применение врат, но Кикаха возразил, что это предупредит Колокольников в Таланаке, и они узнают, что врата открыты для нападения.

Еще несколько дней прошло, пока Кикаха обрисовал вчерне, а затем детально, как могут пять тысяч воинов промаршировать через врата. Пропуск стольких воинов за раз через врата потребует строгой синхронности, потому что в результате неверного расчета времени воины арьергарда будут разрезаны пополам при закрывании врат. Но он указал, что Колокольники и дракландцы прошли большим отрядом, значит, тиуды смогут таким же образом войти во врата. В то же время Кикаха был очень раздражен, нетерпелив и обеспокоен, но не смел этого показать. Подарга, должно быть, уже подняла свою огромную крылатую армаду в атаку на Таланак. Если она собиралась сначала уничтожить краснобородых, то обрушится и на этот флот.

К этому времени Браки и вождям не терпелось отправиться в поход. Колоритные и восторженные описания Кикахой таланакских сокровищ обратили их в пылких энтузиастов штурма.

Кикаха построил снаружи пещеры модель больших врат и проводил с вождями тренировки, потребовавшие три дня и добрую часть ночи. К тому времени, когда воины показались ему подготовленными, все измотались.

Браки решил, что им нужен день отдыха. Отдых означал опустошение больших бочек с пивом и огненным спиртным напитком, покуда жарилась дичь. Было много пения, криков, смеха и похвальбы, немало драк, кончавшихся тяжелыми ранами или смертью.

зеленых орлиц и Подаргу на пути к Таланаку. Они отбрасывали огромную тень, чернившую землю, а их крылья били, словно барабаны в день страшного суда. Расспросив ворона, Кикаха рассудил, что армада обрушилась на Таланак предыдущим днем.

Он прошел к Браки и сообщил эту новость. А лагерь пьяно орал и смеялся.

Браки отдал приказ. Затрубили большие рога, забили боевые барабаны. Простые воины должны были пойти вместе с Кикахой и Ананой, несшими большой проектор с аэролета. Потом шла группа великих воинов, двое из которых несли второй проектор. После них – чисто выбритые юноши, которые не могли отращивать бороды и красить их в красный цвет, пока не убьют человека в бою. За ними шла вся остальная армия.

Кикаха, Анана, Браки и шестеро вождей быстро шагнули в круг серого металла. Вождь отряда, шедшего за ними, начал считать, проверяя точность времени. Внезапно группа очутилась в помещении. Но это была вовсе не ожидаемая Кикахой огромная палата храма. Это оказалось поменьше. Он мгновенно узнал в нем камеру врат неподалеку от середины города, ту, куда он не мог добраться, когда его преследовали Колокольники. Он вытолкнул тиуда из круга.

Те застыли от этого казавшегося магическим перехода.

Потом события происходили быстро, хотя они и поглотили много часов, много энергии и много жизней.

Старый город казался объятым пламенем, повсюду бушевали пожары. Возникали они от факелов, брошенных орлицами. В нефритовом городе было мало горючего материала, но шипели и дымились тысячи орлиц, попавших под лучи проекторов Колокольников. На улицах и крышах домов валялись тела больших птиц, ташкетмоакских воинов и дракландцев. Большая часть боев шла теперь поблизости от вершины города, вокруг храма и дворца.

Защитники и орлицы были так заняты друг другом, что не заметили краснобородых, пока три тысячи воинов не прошли через врата в город. К тому времени было уже слишком поздно препятствовать вступлению в город оставшихся двух тысяч. Сотни орлиц повернули с вершины города, чтобы атаковать тиудов, и в дальнейшем Кикаха помнил только, что он стрелял из проектора и поднимался на каждый кровавый, дымящийся, горящий уровень. Пришло время, когда заряды проектора иссякли и стали использоваться ручные лучеметы. Прежде чем нападающие добрались до вершины, и они вышли из строя, и тогда в ход пошли мечи.

В храме Кикаха наткнулся на груду обугленных тел, в ко-

торых только из-за пристегнутых к спинам серебряных шкатулок можно было узнать Колокольников. Их было шестеро, и они попали под перекрестный огонь орлиц с ручными лучеметами.

Это, должно быть, произошло в самом начале битвы, в первые мгновения внезапной атаки. Орлиц с лучеметами убили из проекторов, но они нанесли ощутимые потери Колокольникам.

Кикаха насчитал еще четырех Колокольников, прежде чем с Ананой, Браки и другими ворвались в огромное помещение, где Колокольники строили большие постоянные врата. Подарга и ее оставшиеся боеспособными орлицы загнали в угол множество дракландцев, ташкетмоаков и двух, нет, трех Колокольников. Это были фон Турбат, фон Свиндебарн и император Коцхамл. Их окружали воины, численность которых стремительно таяла под яростными атаками гарпии и ее больших птиц.

Кикаха с Ананой позади него и с краснобородыми сбоку от себя атаковали орлиц. Он врубился в гущу орлиц с тыла: полилась кровь, полетели перья и мясо. Он заорал в упоении – конец врагов был близок.

Затем, в последовавшей свалке, он увидел, что трое Колокольников бросили своих товарищей на произвол судьбы и побежали к большому кругу из металла – вратам в углу. За ними помчалась Подарга и несколько орлиц. Кикаха бросился следом за ними. Колокольники исчезли, за ними последовала Подарга и не отставшие от нее орлицы молниеносно пропали, словно их и не бывало.

Кикаха был настолько разочарован, что хотел заплакать, но не собирался кидаться за ними следом. Колокольники, несомненно, устроили ловушку для любых преследователей, и гарпия с орлицами обязательно угодят в нее. Он не собирался попадаться, как бы сильно ни желал заполучить в свои руки этих Колокольников.

Кикаха начал было отворачиваться от врат, но ему пришлось защищаться от двух огромных птиц. Он сумел достаточно поранить их, чтобы охладить пыл, но они не отставали и постепенно теснили его к большим вратам в углу помещения. Одна из птиц ударила его клювом. Кикаха рубанул ножом, заставив клюв быстро убраться. Затем выступила немного вперед другая орлица и тоже протянула к нему клюв. Кикахе пришлось ударить и по нему. Он не мог позвать на помощь, поскольку остальные были заняты своим делом.

Внезапно он понял, что его вынудят-таки воспользоваться вратами. Если он не воспользуется ими, то будет поражен одним из этих острых, огромных, кривых клювов.

Две птицы теперь разделились. Одна заходила кружным

путем ему в тыл, а вторая собиралась атаковать его с фланга, так что даже если он и прикончит одну, то его убьет другая.

Кикаха отчаянно оглядел помещение и увидел, что Анана и краснобородые по-прежнему заняты, и поэтому сделал то, что должен был сделать. Он резко повернулся, прыгнул на диск, опять обернулся, чтобы защищаться нужные несколько секунд, прежде чем активируются врата, а затем что-то, наверное, крыло, ударило его по голове и ввергло в полубессознательное состояние.

16

Кикаха открыл глаза, глядя на странный и фантастический ландшафт.

Он находился в широкой и неглубокой долине. Землю, на которой он сидел, и окружающие холмы покрывала желтая, похожая на мох растительность.

Небо отливало зеленью только что покинутого им мира, хотя и было настолько темно-синим, что казалось черным. Он бы подумал, что сейчас поздние сумерки, если бы солнце только что не миновало зенит. Налево от него в небе висела колоссальная фигура, похожая на башню. Она была цвета зеленого с синим и с голубыми пятнами здесь и там. Нечетко белели какие-то массы на больших пространствах. Кикаха очутился на луне, круглом спутнике ступенчатой планеты этой вселенной.

Забыв испытанное им раньше, он вскочил на ноги и, воспарив в воздухе, растянулся, приземлившись лицом, а потом и на локти и колени. Удар смягчила растительность, но его все же здорово грохнуло.

Кикаха осторожно встал на четвереньки и помотал головой. Вот тогда-то он и увидел бежавших фон Турбата, фон Свиндебарна и Коцхамла. За ними гнались Подарга и четыре орлицы. Но слово "бежавших", однако, определяло намерение, а не исполнение.

Трое людей мчались невероятно длинными прыжками, часто кончавшимися тем, что они подскальзывались, когда их ноги приземлялись на растительность, или теряли равновесие.

Отчаяние усиливало их неуклюжесть, и при других обстоятельствах ситуация показалась бы комичной.

Она и показалась комичной Кикахе, не подвергавшемуся никакой непосредственной опасности. Несколько секунд он смеялся, а потом отрезвел, так как вообразил, что его собственное положение окажется, вероятно, ничуть не менее опасным, потому что троица стремилась, казалось, укрыться где-нибудь от преследователей.

Кикаха еле-еле мог разглядеть край установленного во мху тонкого круглого камня. Он понял, что это должны быть какие-то врата. Троица знала об этих вратах на Луне. Они, вероятно, преднамеренно установили их, чтобы суметь задержать любых преследователей, застрявших на Луне, пока они будут возвращаться через врата в Таланак или, что более вероятно, во дворец Господа.

Врата, в которые они мчались, несомненно, были одноразовыми. Они примут и передадут первых шагнувших в них. После этого они закроются до тех пор, пока их не активируют вновь, а средства для того, чтобы привести их в действие, находились конечно же не здесь.

Ловушка относилась к типу, высоко ценимому Кикахой, поскольку он и сам любил устанавливать такие капканы и довольно часто делал это. Но они могли словить самого ловца. А вот Подарга и ее орлицы сумели бы избежать этой ловушки. Хотя они тоже не знали о низкой гравитации и помогали себе крыльями, чтобы удержать равновесие. Более того, они проходили дистанцию намного быстрее, чем люди, потому что они планировали время от времени.

Фон Турбат и фон Свиндебарн, прыгнув одновременно и держась за руки, приземлились точно на камень и исчезли. Коцхамл отстал от них на пять секунд, и когда он опустился на камень, то остался на месте. В спокойном и безжизненном воздухе прозвучал его отчаянный крик.

Подарга, развернув крылья, чтобы остановиться, упала ему на спину, и он свалился под ее тяжестью. Подарга испустила долгий и громкий пронзительный крик, вырывая клочья мяса из спины павшего императора. Затем приземлившиеся орлицы подошли и окружили Подаргу и извивавшуюся жертву и, нагнувшись, драли тело Коцхамла клювами, как только получали возможность.

Шкатулка, которую носил на спине Коцхамл, была оторвана и лежала теперь в стороне, неподалеку от камня.

Двадцать три Колокольника долой.

Кикаха медленно поднялся на ноги. Как только Подарга и ее пташки закончат свою работу, они поглядят вокруг и увидят его, если он быстренько не скроется из виду. Но куда? Развалины города Корада находились в миле отсюда. Огромные белые здания сверкали на солнце, словно отдаленная надежда. Но даже если Кикаха вовремя доберется туда, то найдет там не надежду, а тюрьму. Единственные ближайшие врата, какими он мог воспользоваться, находились не в городе, а были спрятаны в пещере среди холмов. А между ним и пещерой – Подарга и орлицы.

Кикаха воспользовался их сосредоточенностью над телом Коцхамла для того, чтобы вновь научиться бегать. Он бывал здесь уже много раз, поэтому долго ориентироваться ему не пришлось.

Кикахе потребовалось несколько минут, чтобы понять, куда ему следует мчаться.

За это время он покрыл расстояние в четверть мили. Затем он услышал пронзительные вопли. Он оглянулся. Подарга и ее птицы увидели его и мчались за ним. Они высоко подпрыгивали и покрывали большие отрезки пути, планируя, словно летучие рыбы. Они еще явно боялись попробовать лететь.

Словно прочтя его мысли, они перестали прыгать и полностью поднялись в воздух. Они взлетели намного быстрее, чем взмыли бы на ракете, и издали пронзительный крик, на этот раз крик разочарования. Полет в действительности принес им резкую потерю скорости.

Кикаха узнал об этом только потому, что часто оглядывался, когда воспарял в воздух. Затем он потерял скорость, поскользнулся при приземлении и пулей полетел вперед и снова вверх и еще дважды перекувырнулся. Он попытался приземлиться на ноги или на четвереньки, но с силой врезался в землю. Из него вышибло дух. Он со свистом втянул воздух в легкие и заставил себя подняться, прежде чем полностью оправился.

Во время следующего прыжка он вытащил из ножен меч. Теперь Кикаха решил, что оружие ему понадобится раньше, чем он доберется до города.

Подарга и еще одна орлица оказались впереди него, хотя все еще высоко.

Они сделали вираж, а затем стали планировать на него. Другие орлицы находились над ним и теперь пикировали на Кикаху, почти полностью сложив крылья.

Кикаха продолжал бежать. Один взгляд вверх, и он увидел орлиц, когда те обрушивались на него. Они растопырили желтые когти и напрягли ноги, словно огромные амортизаторы, рассчитанные на столкновение с его телом. Подарга летела почти параллельно земле. Они несколько раз похлопали крыльями, чтобы выйти из пике.

Орлицы находились примерно в шести футах от земли и намеревались вцепиться в Кикаху.

В предвкушении этого Подарга оскалила зубы, с ее когтей падала кровь.

– Кикаха! – завизжала она. – Наконец-то!

Кикаха гадал, увидела ли она меч в его руке или обезумела настолько, что ей стало все равно.

Это не имело значения. Он приземлился и снова взвился в прыжке, чтобы достичь когтей Подарги. А та завыла от ярости.

Затем послышались вопли, глухие удары и гром хлопающих крыльев, когда падающие орлицы пытались остановить свое движение.

Кикаха приземлился и продолжал двигаться вперед.

На втором скачке он рискнул оглянуться через плечо. Подарга и орлицы валялись на земле. То тут, то там летали зеленые перья, выпавшие при столкновении гарпии и четырех орлиц с землей. Подарга лежала на земле с торчащими вверх ногами. Одна орлица валялась без сознания, две поднялись и ошеломленно брели неведомо куда. Четвертая пыталась встать на когтистые лапы, но вновь и вновь падала, била крыльями и пронзительно кричала.

Несмотря на это происшествие, Кикаха все-таки поспел к спасительному входу, опередив Подаргу всего на несколько футов.

Затем Кикаха обернулся и ударил ее мечом, но она отскочила назад, хлопая крыльями и визжа на него.

Рот ее был окровавлен, а глаза расширены от безумного гнева. Кровь текла из большого пореза на боку, как раз под правой грудью. Во время столкновения или последней свалки ее ранило.

Кикаха, видя, что за Подаргой следуют только три орлицы, да и те еще на значительном расстоянии от них, выбежал вперед и поднял меч. Подарга была настолько поражена этим, что к ней в какой-то мере вернулся рассудок. Она резко повернулась, подпрыгнула и забила крыльями. Кикаха оказался поблизости от нее, и его меч свистнул, отрубив несколько длинных хвостовых перьев орлицы. Затем Кикаха упал наземь и вынужден был снова укрыться.

Теперь уже и орлицы пытались добраться до него.

Он легко ранил двух, и те отступили.

Подарга остановилась и подлетела к ним. Кикаха вбежал в пещеру и понесся по большому коридору и через громадное помещение со множеством покрытых искусной резьбой столов и стульев. Он пересек зал, помчался по другому коридору, через большой двор в другое здание. В дверях только что покинутого им дома появилась орлица, а из-за угла выскочила гарпия с другой орлицей. Как и ожидал Кикаха, на него набросились бы с тыла, если бы он оставался стоять в первом дверном проеме.

Он подбежал к комнате, имевшей, как он знал, только один вход, и заколебался. Следует ли ему занять позицию здесь или испробовать подземные шахты? Он мог скрыться в темных лабиринтах. С другой стороны, орлицы могут учуять его, где бы

он ни спрятался. А в шахтах водились существа не менее опасные, чем орлицы, и куда более неприятные. Создать их – ведь это его идея, а Вольф оживил их и поселил там.

Раздался вопль. Кикаха прыгнул через дверь и повернулся, чтобы осмотреться. Решение приняли за него. У него не осталось иного выбора, кроме как добраться до шахт.

Он больше не останавливался. Покуда он был свободен, он чувствовал, что сумеет перехитрить своих преследователей и победить. Но теперь он оказался в ловушке и не видел возможности победить. Это, разумеется, не означало, что он сдался. Подарга оказалась бы в той же ловушке, что и он. Она понятия не имела, как выбраться с Луны обратно на планету, а он это знал. Можно будет поторговаться, если ему придется заключить с ней сделку. В то же время он посмотрит, как будут развиваться события.

Помещение было большое и сделано из мрамора.

В нем покачивалась на большой золотой цепи свисавшая с центра потолка хитро сработанная кровать из золота и серебра.

Стены украшали рисунки ярких цветов, изображавшие светлокожих, хорошо сложенных людей с красивыми лицами, в громоздких плащах и со множеством украшений из металла и драгоценных камней. Мужчины были безбородыми, но и у мужчин и у женщин были прекрасные длинные желтые или бронзовые волосы. Они играли в разные игры.

Сквозь окна некоторых нарисованных зданий виднелось нарисованное голубое море.

Фрески писал сам Вольф, обладавший талантом художника. Но вдохновил его, однако, Кикаха, который фактически вдохновлял его на все, что сделал Вольф на Луне, за исключением самого лунного шара.

Вскоре после того как они тогда отбили дворец и Вольф утвердился в качестве Господа, он сообщил Кикахе, что давным-давно не бывал на Луне. Кикаху это заинтриговало, и он настоял на том, чтобы они посетили ее вместе. Вольф объявил, что там не на что смотреть, кроме травянистых равнин, немногочисленных холмов и небольших гор. Тем не менее они отправились туда на пикник, пройдя через одни из врат.

Хрисенда, большеглазая, тигроволосая дриада – жена Вольфа, приготовила полную корзину закусок и выпивки, словно она была земной американской домохозяйкой, готовящейся к прогулке в парк на краю города. Однако они прихватили с собой оружие и несколько талосов, полубелковых роботов, выглядевших словно рыцари в доспехах. Даже там Господь не мог абсолютно расслабиться. Он обязан был всегда быть настороже на случай нападения другого Господа.

Они неплохо провели там время. Кикаха обратил внимание Вольфа, что тут есть на что посмотреть, и Вольф был не прав. Отсюда виднелась висевшая в небе планета. Ради одного этого следовало предпринять путешествие. И потом, здесь можно было позабавиться, прыгая, как кузнечики.

К концу дня, когда Кикаха сделался полупьян от вина, с которым на земле ему так и не выпало счастья познакомиться, у него возникла небольшая идея, названная им "Проект Барсум". Они с Вольфом болтали о Земле и о некоторых книгах, которые любили читать.

Кикаха признался, что когда он был Полом Янусом Финнеганом и жил на ферме возле городка Терре-Хот, штат Индиана, то он любил произведения Эдгара Райса Берроуза.

Особенно он любил Тарзана, Дэвида Иннеса и Джона Картера и все-таки не сумел бы сказать, что предпочитает одного другим. Но, наверное, он все-таки чуточку больше всех любил Джона Картера.

И вот тут он сел так внезапно, что пролил бокал вина и воскликнул:

– Есть! Барсум! Ты говорил, что эта Луна размером с Марс, верно? И в твоих лабораториях все еще сохранился большой потенциал для биологических чудес, не так ли? Как насчет создания Барсума?

Кикаха так развеселился, что подпрыгнул высоко в воздух, но не сумел рассчитать полета и поэтому приземлился прямо на закуску. К счастью, они уже почти все съели. Кикаха вымазался в еде и вине, но был настолько счастлив, что не заметил этого.

Вольф терпеливо выслушал товарища, улыбаясь, но его ответ отрезвил Кикаху:

– Я мог бы сделать разумную копию Барсума, – признался он, – и нахожу твое желание быть Джоном Картером довольно забавным. Но я отказываюсь теперь играть роль Бога среди разумных существ.

Кикаха уговаривал его, хотя и не очень долго.

Вольф был человеком таких твердых убеждений, каких Кикаха никогда не встречал. Кикаха тоже был упрям, но спорить с Вольфом, когда тот уже принял решение, было все равно что пытаться точить гранит, стряхивая воду на камень с концов пальцев.

Вольф, однако, объявил, что посадил на Луне быстрорастущую растительность, похожую на мох. Она скоро вытеснит зеленую траву и покроет всю Луну от ледяной шапки на северном полюсе до ледяной шапки на южном.

Вольф говорил, что сделает и больше, поскольку не хочет разочаровывать Кикаху. Проект заинтересовал его. Он сработает в своих лабораториях тотов, бантов и других барсумских животных. Кикаха, однако, должен понимать, что это займет немало времени и результаты могут отличаться от его образцов.

Он даже попробует создать Древо Жизни, построит несколько разрушенных городов и проложит каналы.

Но он не станет создавать зеленых тарков или красных, желтых, черных и белых барсумцев. Как Джадавин, он бы не сомневался, но как Вольф не может.

И кроме того, технические проблемы и труды, связанные с созданием на пустом месте целых народов и культур, потребовали бы свыше ста земных лет.

Понимает ли, например, Кикаха сложности марсианских яиц? Конечно, когда их откладывали, они были невелики, вероятно, не крупнее футбольного мяча, а возможно, и меньше, поскольку Берроуз никогда не описывал их размеров. Их полагалось помещать в инкубаторы под лучи солнца. Через пять лет проклевывался детеныш. Но за это время яйца вырастали до двух с половиной футов в длину, по крайней мере, яйца зеленых марсиан, хотя можно предположить, что они становились и еще крупнее.

Где яйца брали энергию для роста? Если энергия доставлялась от желтка, то эмбрион вообще не развивался бы. Яйцо являлось замкнутой на себя системой, оно долгий период не получало пищу от матери, как эмбрион через пуповину. Подразумевалось, что яйца получали энергию, поглощая солнечные лучи. Теоретически они могли это сделать, но приобретенная этим способом энергия будет очень невелика, учитывая малую площадь яйца.

Вольф не мог в данный момент представить себе, какие биологические механизмы могут вызвать такую феноменальную скорость роста. Должен существовать какой-то источник энергии, и поскольку Берроуз не сказал, откуда именно яйца черпали ее, выяснять придется Вольфу и гигантским белковым компьютерам у него во дворце.

– К счастью, мне не придется решать эту проблему, поскольку не будет никаких разумных марсиан, зеленых или иных. – Вольф улыбнулся. – Но я могу повозиться с ней, просто чтобы посмотреть, можно ли ее решить.

Были и другие вопросы, потребовавшие компромиссов между друзьями при переделке Луны. Воздух здесь был таким же густым, как и на планете, хотя Вольф мог разрядить его. Но он не думал, что Кикахе понравится дышать этим воздухом.

Густота атмосферы Барсума предположительно соответствовала земной атмосфере, той, что находится примерно в трех километрах над ее поверхностью. Более того, ведь у Марса две Луны: Фобос и Деймос. Если установить на орбитах два спутника схожих размеров, они сгорят в самое короткое время. Атмосфера Луны простиралась вплоть до гравитационной складки, существовавшей между Луной и планетой. Вольф, однако, запустил на орбиту две энергетические конфигурации, светившие столь же ярко, как Фобос и Деймос, и вращавшиеся вокруг Луны с такой же скоростью и в тех же направлениях.

Позже, при трезвом размышлении, Кикаха понял, что Вольф был прав. Даже если бы появилась возможность запустить сюда создания из биолабораторий и воспитать их в духе романов Берроуза, это не пошло бы во благо.

Не следует пытаться играть роль Бога. Вольф делал это будучи Джадавином и вызвал много несчастий и страданий.

Или это все-таки можно было сделать? В конце концов, как подумал Кикаха, марсианам будет дана жизнь, и они получат столько же шансов любить, надеяться и так далее, как любые разумные существа в этом мире. Верно, что они будут страдать, узнают боль, безумие и душевные муки, но разве не лучше получить возможность жить по-настоящему, чем быть навеки замурованными в нереальности просто потому, что кто-то подумал, что так лучше? Разве сам Вольф не говорил, что лучше жить, невзирая на то, что он вынес и мог вынести, чем никогда не существовать?

Вольф признал, что это верно, но предупредил, что Кикаха слишком рационален. Вольфу хотелось поиграть в Джона Картера, точь-в-точь как он играл мальчиком на ферме. Но Вольф не собирается терять время и силы, требовавшиеся для создания живых, дышащих, мыслящих зеленых марсиан или красных гелиумцев только для того, чтобы Кикаха мог проткнуть их мечом.

Кикаха вздохнул, затем усмехнулся и, поблагодарив Вольфа за то, что тот сделал, отправился через врата на Луну и прекрасно провел там целую неделю.

Он поохотился на банта, поймал арканом небольшого тота и объездил его, порыскал по развалинам Корада и Тарка, как он назвал города, построенные талосами Вольфа. Затем ему стало одиноко и он вернулся на планету. Он несколько раз возвращался сюда на "каникулы", один раз со своей женой-дракландкой и несколькими тевтонскими рыцарями, а однажды с отрядом хроваков. Все, кроме него, становились на Луне обеспокоенными, паниковали и каникулы явно не удались.

17

Он уже три года не проходил через врата на Луну, а теперь опять оказался тут, да еще при таких обстоятельствах, какие он и представить не мог.

Гарпия и орлицы остались снаружи, а он попал в западню внутри. Ничья. Он не мог выбраться, но и они не могли напасть на него без серьезных, может быть, всеобщих потерь.

У них, однако, имелось преимущество.

Они могли достать пищу и воду. Если они располагали временем, то могли подождать, пока Кикаха не станет слишком слабым от голода и жажды, чтобы сопротивляться, или не сможет больше бороться со сном. Не существовало такой причины, по которой им стоило бы торопиться. На них никто не давил.

Конечно, в скором времени кто-то мог заинтересоваться орлицами. Казалось это правдоподобным или нет, но Колокольники могли вернуться через другие врата. На этот раз они явились бы со значительными силами.

Если Подарга подумала, что Кикаха будет оставаться в помещении, пока не отключится, то она ошибалась. Он испробует несколько фокусов, а если они не сработают, прорвется с боем. Существовал небольшой шанс, что он сможет разбить их или проскочить мимо них в подземелье. Это было маловероятно: клювы и когти действовали стремительно и ужасно. Но, впрочем, он тоже не подарок.

Кикаха решил поставить перед ними еще более сложную задачу. Он подкатил дверь на колесиках в промежуток между стенами, пока не осталось только узкое отверстие и крикнул Подарге:

– Ты, может, думаешь, что теперь я у тебя в руках? Но даже если это и так, то что из этого? Здесь для твоих птах нет никаких гор, заслуживающих внимания! И топография угнетающе плоская! И еду вам будет добыть нелегко! Все живущие на открытой поверхности животные чудовищно крупные и жестокие бойцы! Что же касается тебя, Подарга, то ты не сможешь тут царствовать. Если твои девственные орлицы отложат яйца для увеличения числа твоих подданных, то им будет трудно сохранить их при изобилии здесь животных-яйцеедов, не говоря уже об огромных белых обезьянах, которые тоже любят яйца и мясо, включая, я уверен, и орлиное! Ах да, огромные белые обезьяны! Вы еще не встречали их, не правда ли?

Он подождал, пока они обдумают его слова, а затем добавил:

– Вы здесь застряли до самой смерти! Если вы не заключите со мной перемирия! Я могу показать вам, как вернуться на планету! Я знаю, где спрятаны врата!

Снова наступило молчание, затем произошел приглушенный разговор между орлицами и гарпией. Наконец Подарга отозвалась:

– Слова твои очень искушают, Обманщик, но меня они не одурачат. Все, что нам требуется сделать, это подождать, пока ты заснешь или ослабнешь от жажды. Тогда мы возьмем тебя живым и будем пытать, пока ты не скажешь все, что нам нужно знать. И тогда мы убьем тебя. Какого ты мнения об этом?

– Невысокого, – буркнул Кикаха. Затем он крикнул: – Я сперва убью себя сам! Подарга, дурочка-царица с куриными мозгами, какого ты мнения об этом?

Ее визг и хлопанье крыльев объяснили ему, что она придерживается о его словах такого же мнения, как и он об ее.

– Я знаю, где врата, но вы никогда не сумеете найти их без меня! Принимай свое так называемое решение побыстрей! Я даю тебе полчаса, а потом начну действовать!

Он выкатил дверь, целиком закрыв просвет, и сел, прислонившись спиной к красно-коричневому, гладко отполированному твердому дереву. Они не смогут ворваться, не дав ему уйму времени для того, чтобы вскочить и приготовиться встретить их.

Кикаха мог немного отдохнуть. Долгая тяжелая битва в Таланаке, шок, вызванный переброской на Луну, и последовавшая погоня истощили его силы. И он страстно желал хлебнуть воды.

Должно быть, он задремал. Он выбрался из черных маслянистых вод. Во рту у него пересохло и першило, а в глаза словно только что вставили горячие и сваренные вкрутую яйца.

Поскольку дверь не двигалась, Кикаха не понял, что его разбудило. Наверное, запоздало в нем зашевелилась бдительность.

Он снова откинул голову к двери.

Сквозь нее слабо доносились вопли и рев, и Кикаха понял, что выбросило его из сна. Он вскочил на ноги и наполовину откатил дверь. И сразу звуки боя в коридоре послышались в полную мощь.

Гарпия и три орлицы столкнулись с тремя огромными рыжевато-коричневыми десятиногими зверями, похожими на кошек, двумя гривастыми самцами и гладкошеей самкой. Это были бенсы, марсианские львы, описанные Берроузом, созданные Вольфом в его лаборатории и поселенные им на этой Луне. Они кормились тотами, детенышами цитидаров, большими белыми обезьянами и всем прочим, что могли поймать.

Обычно они охотились по ночам, но, должно быть, голод заставил их рыскать по городу днем. Или их разбудил весь этот шум и привлек запах крови.

Какими бы ни были причины, они загнали в угол самих

загонщиц. Бенсы убили одну орлицу, вероятно, в первой же внезапной атаке, как предположил Кикаха. Зеленая орлица являлась достаточно грозным противником, чтобы заставить сбежать одного-другого тигра, не потеряв ни одного собственного пера. Однако бенсы пока что убили одну и нанесли другим орлицам достаточно ран, чтобы их кровь сочилась повсюду из глубоких и мелких порезов.

Теперь они, рыча, отдалились от своей намеченной добычи. Они шагали взад-вперед по коридору, а затем один из них бросался на орлицу. Иногда атаки были ложными, и бенс оказывался как раз вне пределов досягаемости смертельных, как боевые секиры, клювов, а в другой раз он ударил одну из двух оставшихся орлиц огромной лапой с серповидными когтями, и сразу образовался комок сабельных клыков, желтых клювов, желтых и алых когтей. Летели клочья рыжеватой шкуры или вырванные волосы гривы, крутились в воздухе зеленые перья, выпучивались зеленые, или желтые, или красные глаза, хлестала кровь, раздавался рык и пронзительные крики, а потом бенс высвобождался и бежал обратно к своим товарищам.

Подарга держалась позади своих защитниц.

Кикаха смотрел и ждал. Вскоре все три бенса напали одновременно. Один самец и орлица покатились клубком и с треском врезались в дверь. Кикаха отпрыгнул назад, а затем шагнул вперед и вогнал меч в барахтавшуюся массу. Его не волновало, кого он заколет, бенса или орлицу, хотя он все-таки надеялся, что жертвой окажется орлица.

Они были умнее и способны принести ему больше вреда.

Но они вовремя откатились, и в тело вошло только самое острие меча. Оба издавали столько шума, что Кикаха не мог сказать, кого ранил его меч.

Всего лишь на мгновение для него открылся путь к бегству по центру коридора. Обе орлицы схватились со львами, Подарга прижалась спиной к стене, сдерживая когтями разъяренную самку. У львицы текла кровь из обоих глаз и полуоторванного носа. Ослепленная кровью, она медлила нападать на гарпию.

Кикаха стрелой пронесся по коридору, потом перепрыгнул через два тела. Его нога твердо опустилась на рыжеватую мускулистую спину, и он воспарил в воздух. К несчастью, он вложил в свой прыжок столько усилий, что стукнулся головой о мраморный потолок, разрезав кожу на макушке о большой вделанный в мрамор алмаз.

Полуоглушенный, он, шатаясь, побрел вперед. В этот момент он был уязвим. Если бы на него обрушилась орлица или лев, они могли бы убить его без труда, но они слишком были заняты друг другом, и вскоре Кикаха выбрался из здания. Через несколько

минут он вышел и из города и, делая огромные скачки, понесся к холмам.

Он проскакал мимо ободранного тела искалеченной при столкновении орлицы.

Рядом с ней лежало другое растерзанное тело. Оно принадлежало бенсу, который, должно быть, напал на орлицу, ожидая легкой добычи, но ошибся и поплатился за это.

Затем Кикаха увидел тело Коцхамла – скорее, части его тела, так как они валялись отдельно: голова, руки, ноги и прочие разные куски.

Кикаха запрыгал вверх по холму, бывшему таким высоким, что его можно было назвать горой.

В двух третях пути к вершине находился спрятанный за изогнутым куском гранита вход в пещеру. Казалось, не существовало причины, мешавшей ему воспользоваться им. Всего лишь несколько минут назад Кикаху покинуло всякое везение, а теперь оно возвращалось к нему. Пронзительный крик подсказал ему, что удача, возможно, только кажется вернувшейся. Он посмотрел через плечо. Подарга и две орлицы мчались к нему, хлопая крыльями.

Никаких бенсов в поле зрения не наблюдалось. Очевидно, они оказались не способны удержать Подаргу и орлиц в углу. Наверное, огромные кошки были рады дать им сбежать. При таком раскладе бенсы наверняка сохранили свои жизни и теперь наслаждались одной убитой ими орлицей.

Что бы там ни произошло, Кикаха снова подвергался опасности, причем на открытой местности.

Его преследовательницы научились теперь эффективно летать. В результате они продвигались на треть быстрее, чем на планете, или так, во всяком случае, казалось Кикахе.

На самом же деле перенесенные ими схватки и потеря крови должны были замедлить их скорость.

Подарга и одна орлица при более внимательном взгляде оказались покалеченными. Крылья их двигались медленнее, чем в первый раз, и они отставали от другой орлицы. Та, хоть и покрытая кровью, выглядела пораненной не так глубоко. Она обогнала Кикаху и рухнула вниз, словно ястреб на суслика.

Суслик этот, однако, был вооружен мечом и уже рассчитал, какие он предпримет меры. Заранее выяснив, когда ее атака совпадет с его прыжком, он круто обернулся в воздухе. И приземлился лицом к орлице, и вытянутые когтистые ее лапы оказались в пределах досягаемости меча. Она пронзительно закричала и растопырила крылья, тормозя свой полет. Но он уже рубанул. Его меч не обладал той силой, какую придала бы ему надлежащая опора на земле. Тем не менее меч перерубил

одну лапу и наполовину перерубил другую. Затем Кикаха ударился оземь, упал на бок и потерял сознание.

Он снова поднялся, сопя и чихая, словно поврежденная волынка. Кикаха сумел подобрать меч там, где его выронил. Орлица била крыльями по земле, словно раненная курица, и даже не видела Кикаху, когда он обрушил меч ей на шею. Голова у нее отвалилась, и один черный с алой каймой глаз злобно глянул на него, а потом стал тусклым и холодным.

Кикаха еще втягивал в себя воздух, когда проскочил вход в пещеру, опередив на двадцать ярдов Подаргу и последнюю орлицу. Он просунулся в отверстие на склоне холма, а потом прыгнул в пещеру, к гранитной стене в двенадцати метрах от входа.

Кикаха прервал домашнюю сценку семейства больших белых обезьян: папа ростом в три метра, четырехрукий, белый и безволосый, если не считать огромного ежика белых волос на макушке буханообразного черепа, гориломордый, розовоглазый, сидел на корточках у стены справа. Он раздирал выступавшими клыками и острыми зубами оторванную ногу маленького тота, а его в то же время сосали детеныши-близнецы.

С проектированием больших белых обезьян Вольф и Кикаха дали маху. Они позабыли, что единственными млекопитающими на Марсе были человек и одно маленькое животное. К тому времени, когда они поняли свою ошибку, то согласились, что теперь уже слишком поздно что-либо переделывать. Несколько тысяч обезьян они уже поместили на Луне и им показалось, что не стоило уничтожать первые результаты работы биолабораторий и создавать новый, не млекопитающий вид.

Колоссальные приматы были удивлены не меньше Кикахи, но он имел преимущество, так как двигался. Однако его задерживала необходимость выкатить маленький валун-ключ из каменного гнезда, а затем оттолкнуть тяжелую секцию задней стены.

В результате этого часть стены распахнулась, а часть ушла внутрь, открыв квадратную камеру примерно шести метров в поперечнике. Неподалеку от задней стены в гранитный пол были вделаны семь полумесяцев. Справа на уровне глаз Кикахи были прибиты колышки, на которых тоже размещалось семь серебристых металлических полумесяцев. Каждый из них требовалось соединить с соответствующим полумесяцем на полу, сравнивая сходство иероглифов на них.

Когда два полумесяца соединялись, образуя круг, они становились вратами к заранее определенному месту на планете.

Двое врат являлись ловушками.

Воспользовавшись ими, неосторожный субъект оказался бы переброшенным в тюрьму, из которой невозможно убежать.

Кикаха изучал иероглифы с поспешностью, которая не понравилась ему, но с которой ничего нельзя было поделать.

Свет в задней камере был сумрачный, и он едва разбирал надписи. Теперь он понял, что ему следовало бы запастись осветительным прибором, когда делали эту пещеру. Но было слишком поздно даже сожалеть. У него не было времени ни для чего, кроме мгновенной реакции.

В пещере стало шумно, как внутри барабана.

Две взрослые обезьяны поднялись на своих кривых и сравнительно коротких ногах и рычали на него, в то время как их две верхние руки молотили по груди, а две другие руки хлопали по животам.

Прежде чем они смогли двинуться на него, их чуть не сшибли Подарга и орлица, ворвавшиеся в пещеру словно заряд из дробовика.

Они надеялись поймать загнанного в угол и относительно беспомощного Кикаху, хотя их опыт должен был бы научить их осторожности. Вместо этого они променяли трех раненных, усталых и не желавших больше драться бенсов на двух чудовищно больших, отдохнувших, подкрепившихся и разъяренных белых обезьян.

Кикахе хотелось бы посмотреть на битву и поддержать подбадривающими криками обезьян, но он не желал злоупотреблять своим везением, поскольку оно уже истончилось в нить. Поэтому он бросил два ловушечных полумесяца на пол и снял другие пять. Четыре он сунул под мышку, собираясь прихватить их с собой. Если гарпия спасется от обезьян и попытается воспользоваться полумесяцами, то кончит жизнь в дворцовой тюрьме.

Кикаха помедлил, хотя и знал, что лучше не задерживать свое исчезновение.

Подарга вдруг вырвалась и понеслась через пещеру, словно бейсбольный мяч.

Она так быстро влетела в камеру, что ему пришлось бросить полумесяцы и поднять для защиты меч. Она ударила его сперва лапами, и он врезался в стену, отбив печень и почки.

Кикаха не мог рубануть мечом, потому что, во-первых, птица оказалась уже слишком близко, а во-вторых, он в данный момент очень страдал от боли.

Затем они вновь и вновь перекатывались по полу, и ее когти вцепились ему в бедра. Боль была мучительной. Подарга колотила его крыльями по лицу, голове и шее.

Несмотря на боль и шок от ударов, Кикаха сумел стукнуть ее кулаком по подбородку, а затем рукоятью меча по голове.

Глаза Подарги остекленели, из носа хлынула кровь. Она упала на спину, раскинув крылья, словно разметанные руки. Когти ее, однако, вцепились ему в бедра, и Кикахе пришлось отковыривать их один за другим. Кровь стекала по его ногам и образовывала лужи. Как раз когда он оторвал последний коготь, в камеру ворвался самец обезьяны. Кикаха подобрал меч и обрушил его на вытянутую лапу. Удар оказался сильным, и он чуть не выпустил оружие. Но лапа, перерубленная, упала на пол.

Кикаху окатило хлынувшей из обрубка кровью, на мгновение ослепив его. Он вовремя вытер кровь, чтобы увидеть, как обезьяна, визжа, удирает на двух ногах и трех оставшихся лапах. Она врезалась головой в последнюю орлицу, только что кончившую выпускать кишки самке обезьяны.

Они сцепились и покатились по полу.

В этот момент Подарга пришла в себя. Она с визгом и лихорадочным биением крыльев взмыла с пола. Кикаха подобрал полумесяц, увидел, что иероглиф в его центре совпал с ближайшим в полу и сложил их. Затем он резко обернулся и рубанул Подаргу, пытавшуюся напасть на него. Она отпрянула назад, и он шагнул в образованное двумя полумесяцами кольцо.

– Прощай, Подарга! – крикнул он. – Счастливо оставаться и гнить тут!

18

Он не успел договорить до конца, как врата сработали. Кикаха, как всегда, без всякого перехода очутился в другом месте, стоя внутри другого кольца из двух полумесяцев.

Контакт двух полумесяцев произошел после трехсекундной задержки. Кикаху и незакрепленный полумесяц переправило к полумесяцу, совпадавшему с полумесяцем в пещере на другом конце субконтиниума.

Он сбежал, хотя мог истечь кровью, если не найдет чего-нибудь останавливающего кровотечение.

Тут Кикаха увидел, какую он допустил ошибку, дейст- вуя так быстро. Он поднял не тот полумесяц, когда на него напала гарпия. В ходе борьбы один из ловушечных полумесяцев, должно быть, вышибло из его угла и тот попал к нужным полумесяцам. Именно его-то поднял и применил для ухода через врата Кикаха.

Он оказался в тюрьме дворца Господа.

Однажды он похвастался Вольфу, что сможет сбежать из так называемой гарантированной от побегов камеры, если когда-

нибудь попадет в нее. Он не думал, что любая тюрьма, где бы то ни было, сможет удержать умного и решительного человека. Побег может потребовать много времени, но совершить его можно.

Теперь он застонал, проклиная свой длинный язык.

Вольф-то устроил тюрьму на совесть.

Она располагалась под двадцатью метрами твердого камня и не имела никакой прямой физической связи с внешним миром. Она была целиком замкнутой на себя, самообеспечивающей системой, за исключением одного: еда и вода для заключенного передавалась из дворцовой кухни через врата, слишком маленькие, чтобы пропустить что-либо больше подноса.

В тюрьме имелись врата, через которые заключенного могли поднять в тюремную камеру во дворце, но их мог привести в действие лишь кто-то осведомленный во дворце наверху.

Комната оказалась цилиндрической, длиной около двенадцати метров. Свет исходил из неизвестного источника, и не существовало никаких теней. Стены Вольф разрисовал сценами жизни на древней планете предков Господов. Вольф не ожидал никаких заключенных, кроме Господов, и поэтому нарисовал эти картины. И в пейзажах фресок было что-то жестокое. Все они изображали широкие и прекрасные просторы и не могли не напоминать заключенному о его тесном замкнутом пространстве.

Меблировка отличалась великолепием и принадлежала к стилю, известному среди Господов как Средне-Тиамарзанский до Исхода. За дверцами больших бюро и шкафчиков находилось множество приборов для развлечения и просвещения заключенного.

Первоначально их в камерах не было, но когда Вольф отбил свой дворец, он поместил их сюда. Он больше не верил в пытку даже скукой. Он обеспечил заключенных сразу многим, так как сам иногда исчезал надолго и не был бы в состоянии выпустить их.

До настоящего времени в этой комнате никогда не содержалось никаких заключенных. По иронии судьбы, к кислому веселью Кикахи, ее первым затворником станет лучший друг тюремщика, а он об этом так и не узнает.

Кикаха надеялся, что Колокольники во дворце тоже не проведают о нем. В трех местах будут мигать лампочки, указывая, что в камере кто-то обитает. Один огонек станет пульсировать в спальне Вольфа, второй – на пульте в центре управления, а третий – на кухне.

Если Черные Колокольники наблюдают за каким-нибудь из них, то они должны встревожиться. Они никак не смогут понять, что означают эти огоньки. Кухонные талосы будут в курсе, но даже если их спросят, они не смогут ответить. Они слышали приказы, но у них рты существовали только для еды, а не для болтовни.

Думая об этом, Кикаха поискал по шкафчикам средства для оказания первой помощи. Вскоре он наткнулся на антисептику, местную анестезию, лекарства, бинты, все то, что ему требовалось. Он очистил раны, приготовил пленки псевдокожи и наложил их, дабы остановить кровотечение. Они сразу же начали оказывать свое целительное действие.

Затем он напился воды, а также открыл бутылку холодного пива. Он принял душ, вытерся и, поискав, нашел пилюлю, способную так притупить его сверхвзвинченные нервы, что он сможет уснуть и спокойно отдохнуть. С пилюлей, однако, придется подождать, пока он не поест и не закончит обследовать эту тюрьму.

Верно, ему не следует думать об отдыхе. Время не терпит. Кто знает, что происходит в Таланаке с Ананой и краснобородыми? В этот момент их может атаковать аэролет Колокольников с мощными лучеметами. И что сейчас делает фон Турбат?

Когда Кикаха сбежал от Подарги, фон Турбат и Свиндебарн, должно быть, вернулись во дворец. Удовольствуются ли они тем, что окопаются в нем, или же они, что казалось Кикахе более вероятным, вернутся на Луну через другие врата? Они предположат, что он застрял там, и таким образом вышел из игры. Но у них должны возникнуть некоторые сомнения. Вполне вероятно, что они возьмут для охоты на него по меньшей мере один аэролет и много солдат.

Кикаха засмеялся. Они попытаются там обнаружить его, а он в это время будет, так сказать, прямо под их ногами. Существовала, конечно, возможность, что они найдут пещеру недалеко от Корада. В таком случае они используют ее оставшиеся полумесяцы, и по крайней мере один Колокольник вскоре окажется в этой камере. Наверное, он допустил ошибку, ложась спать. Ему нужно действовать, выбраться из этой камеры как можно скорее!

Кикаха решил, что он о б я з а н выспаться.

Если он не поспит, то рухнет без сил или станет таким медлительным, что будет слишком уязвим. Испытывая головокружение от бутылки вина и трех стаканов пива, он подошел к маленькой двери в стене, над которой мигал желтым светом

топаз. Он открыл дверь и вынул из ниши серебряный поднос. На подносе стояло десять покрытых серебром и инкрустированных самоцветами блюд, содержащих изысканные яства.

Кикаха опустошил все блюда, а потом вернул поднос в нишу. Ничего не произошло, пока он не закрыл дверцу. Секунду спустя он снова поднял ее. Ниша была пуста. Поднос переправился через врата в кухню, где талос вымоет и вытрет его. Через шесть часов талос поместит на кухонные врата другой поднос с едой и таким образом отправит его в погребенную в камне камеру.

Кикаха хотел быть на ногах и готовым, когда поднос прибудет в следующий раз. К несчастью, в этой тюрьме не было никаких часов, так что ему придется полагаться на свои биологические часы, а они в нынешнем состоянии казались ненадежными.

Он пожал плечами и сказал себе: "Какого черта!"

Он может только попробовать. Если он не добьется успеха в этот раз, то попробует в другой. Он должен выспаться, потому что не знает, что от него потребуется, если он когда-нибудь выберется из тюрьмы.

На самом деле для него это лучшее место во вселенной, если Колокольники не найдут на Луне пещеру с вратами.

Сперва он должен обследовать тюрьму, чтобы убедиться, что тут все в порядке, а также использовать все, что он найдет полезным. Он подошел к двери в одном конце камеры и открыл ее.

Он шагнул в маленькую голубую приемную, отворил дверь в противоположной стене и вошел в еще одну цилиндрическую камеру примерно сорока футов длиной. Эта была роскошно изукрашена и меблирована в другом стиле. Мебель, однако, постоянно меняла форму, и всякий раз, когда он продвигался поближе к дивану, креслу или столу, тот ускользал от него. Когда он ускорял шаг, предмет увеличивал свою скорость так, чтобы оставаться вне его досягаемости. И другая мебель ускользала с его пути, если ему случалось направиться к ней.

Комната была спроектирована, чтобы позабавиться и, в конечном итоге, разъярить заключенного. Предполагалось, что это поможет ему отвлечься от мысли о своем незавидном положении.

Кикаха оставил попытки поймать диван и покинул комнату через дверь. Она закрылась за ним точно так же, как и другие. Он знал, что двери нельзя открыть с этой стороны, но продолжал пытаться просто на тот случай, если Вольф допустил ошибку. Дверь же отказалась двигаться. Двери впереди распахнулись в

еще одну маленькую комнату, а следующая оказалась студией художника.

Еще одна комната была в четыре раза больше предыдущей. Это был плавательный бассейн. В комнате имелся постоянный запас прохладной пресной воды, проходившей через врата из водохранилища наверху во дворце и утекавшей тоже через врата. Приток осуществлялся через зарешеченное отверстие в конце бассейна, а отток через отверстие в центре дна. Кикаха изучил устройство бассейна, а затем пошел в следующую комнату.

Комната не отличалась по размерам от первой. В ней находились гимнастические снаряды и царило гравитационное поле в полтора раза больше планетного. Поле же планеты было эквивалентно земному. И многие снаряды казались экзотическими даже для такого много путешествовавшего человека, как Кикаха.

Единственное, что заинтересовало его тут, это кое-какие веревки и канаты, натянутые с крючьев и брусьев в потолке для упражнений и лазаний.

Он смастерил из одной веревки лассо и, смотав, повесил на плечо. Еще несколько веревок он прихватил с собой.

В общем, Кикаха прошел через двадцать четыре помещения, и все они отличались друг от друга. В конечном итоге он вернулся в первоначальную камеру.

Любой другой заключенный предположил бы, что комнаты соединялись между собой, образуя круглую цепь, но он-то знал, что между комнатами нет никакой физической связи. Каждая отделялась от следующей двенадцатью метрами гранита.

Переход из одной комнаты в другую осуществлялся с помощью врат, установленных в дверных проемах. Когда дверь распахивалась, врата открывались, и заключенного мгновенно переправляло в другую приемную, выглядевшую точь в точь как та, в которую он, по его мнению, входил.

Кикаха осторожно вошел в первоначальную камеру. Он хотел удостовериться, что никакой Колокольник не попал сюда через врата на Луне, пока он обследовал тюрьму. Комната была пуста, но он не мог быть уверен, что Колокольник не прошел сюда, а потом не отправился так же, как и он, обследовать тюрьму. Кикаха поставил друг на друга три стула и, неся их, проследовал в соседнее помещение, в комнату с ускользающей мебелью. Он выбрал диван и заарканил гротескно изукрашенный выступ на его спине. Выступ изменил форму, но он мог подвергаться метаморфозам только в определенных правилах и пределах, а лассо держалось крепко. Диван двинулся было

прочь, когда Кикаха приблизился к нему, но Кикаха лег на пол, а потом подтянулся с помощью лассо, пока диван метался туда-сюда. Толстые ковры не давали ему ободраться, хотя дело не обошлось без ожогов. Наконец он вцепился в диван и забрался на него. Тогда тот остановился, задрожал, отвердел и стал таким же спокойным и постоянным, как обыкновенная мебель. Однако, если бы Кикаха спрыгнул с него, к дивану мигом бы вернулись его особые свойства.

Кикаха привязал один конец лассо к выступу на спинке дивана, а затем заарканил спинку невинно стоявшего поблизости стула. Стул не двигался, пока Кикаха не пытался подойти к нему.

Кикаха спрыгнул с дивана и проделал серию маневров, подогнав все еще соединенные веревкой диван и стул поближе к выходу. С помощью других веревок и разных предметов, используемых в качестве гирь, он соорудил устройство Руби Голдберга.

Идея заключалась в том, что любой прошедший через вход шагнет в лежавшую на полу веревку с петлей. Затем близость массы вошедшего обратит в бегство диван и стул, и они плотно затянут петлю вокруг голени вошедшего. Один конец петли был привязан к веревке, натянутой между диваном и стулом. Другая веревка соединяла выступ на диване с золотой люстрой, усыпанной бирюзой и изумрудами. Кикаха, стоя на верхнем из трех принесенных им стульев, вытаскивал стержень, державший люстру на потолке. Он не полностью вытащил стержень, а сделал так, чтобы люстра не упала. Когда диван вместе со стулом рванут ноги вошедшего, натяжение привязанной к стержню веревки выдернет люстру до конца и она с грохотом упадет на пол.

Если его расчеты верны, люстра упадет на того, кого потащит петлей за ноги.

На самом деле Кикаха не ожидал, что ловушка сработает. Он не думал, что найдется рассеянный, который не заметит петлю, но все же шанс оставался.

И в этом, и в соседнем мире полно дураков и неуклюжих идиотов.

Кикаха прошел в соседнюю комнату, студию художника.

Здесь он взял большой шар из пластика.

Пластик отличался крайней податливостью и его можно было зафиксировать в нужной форме путем гиподермического впрыскивания в материал соответствующего реагента. Кикаха унес шар и шприц в комнату с плавательным бассейном. Там он нырнул на дно бассейна и забил пластиком сливное отверс-

тие. Он превратил пластиковый шар в диск, закрывший слив, а затем сделал диск твердым с помощью шприца. После этого Кикаха выбрался из бассейна.

Уровень воды начал сразу же подниматься. Дело обстояло именно так, как он надеялся. Вода продолжала наливатья, даже когда заблокировали слив. Вольф это проглядел. Конечно, у негоне было никаких причин заботиться об этом. Если заключенный хотел утопиться, он был волен так и поступить.

Кикаха ушел в следующую комнату.

Здесь он навалил к двери кое-какую мебель и статуи, вытерся и лег спать.

Он был уверен, что никто никогда не войдет в эту комнату, не столкнувшись со множеством трудностей, и никто не сможет войти, не подняв большой шум.

Кикаха проснулся, чувствуя, как бренчат присоединенные к его нервам Колокольчики. Сердце его молотило, словно крылья куропатки на взлете. Что-то с треском вломилось в его сны, нет, в комнату. Он выскочил из-за дивана с мечом в руке. И как раз вовремя, чтобы увидеть человека, ударившегося об пол. Затем дверь автоматически закрылась. Человек хватал воздух открытым ртом, словно он долгое время задерживал дыхание.

Это был длинноногий парень мощного сложения, с бледной кожей, большими веснушками и темными от воды волосами. У него не было никаких ручных лучеметов.

Его единственным оружием был короткий кинжал и меч. Доспехов оп не носил. На нем была красная рубашка с короткими рукавами, большой кожаный пояс и желтые в полоску шаровары с лампасами.

Кикаха выпрыгнул из-за дивана и подбежал к нему, подняв меч. Человек, потрясенный тем, что не может встать и защититься, выбрал единственный вариант спасения, который мог выбрать только умный человек.

Кикаха заговорил с ним на речи Господов. Человек озадаченно посмотрел на него и ответил по-немецки.

Кикаха повторил приказ по-немецки, а затем позволил человеку подняться, чтобы тот мог сесть в кресло. Тот дрожал от холодной воды и, возможно, от мысли о том, что Кикаха мог сделать с ним.

Человек бегло заговорил по-немецки, и стало быть, он не мог быть Колокольником. Речь выдавала в нем уроженца гор Айхорнер. Очевидно, Колокольники не хотели подвергаться неизвестным опасностям врат и поэтому послали на разведку пушечное мясо.

Пал До Шуптарт рассказал Кикахе все, что знал.

Он был баронетом, командовавшим гарнизоном замка короля Эгесхема фон Турбата. Он оставался дома, пока происходило вторжение в Таланак. Внезапно фон Турбат и фон Свиндебарн появились в замке у себя дома.

Они вышли откуда-то изнутри замка и приказали гарнизону и множеству других отрядов следовать за ними в "волшебную комнату замка". Фон Турбат объяснил, что их лютый враг Кикаха находился теперь на Луне и что необходимо отправиться туда с помощью магии, – разумеется, белой магии — и отыскать его. Фон Турбат ничего не сообщил о том, что случилось с солдатами в Таланаке.

– Они все погибли, – сказал Кикаха. – Но как же фон Турбат разговаривал с вами?

– Через священника, как он и делал уже некоторое время, – ответил До Шуптарт.

– Тебе не кажется это странным?

До Шуптарт пожал плечами и объяснил:

– Произошло внезапно столько странных вещей, что это всего лишь еще одна. Кроме того, фон Турбат утверждал, что он получил божественное откровение от Господов. Он сказал, что ему дан был дар говорить на святом языке и ему запретили говорить на любом другом, потому что Господь хочет, чтобы все знали, что он благоволит к фон Вольфу.

– Весьма хорошее оправдание, – заметил Кикаха.

– Над замком появилась магическая летающая машина, – продолжал До Шуптарт. – Она приземлилась, и мы помогли разобрать ее и отнести части в комнату, откуда нас магически переправили на Луну. Оказаться мигом переправленными на Луну и видеть, что планета, на которой они находились только что мгновением раньше, теперь висит в воздухе, угрожая упасть и раздавить всех, было ужасным испытанием, как признался баронет.

Но человек может привыкнуть ко всему.

Искавшие обнаружили пещеру на склоне холма, наткнулись на тело орлицы без ног и головы. В пещере оказались две мертвые взрослые обезьяны и еще одна мертвая орлица. На полу лежало пять незакрепленных полумесяцев. Услышав это, Кикаха понял, что Подарга сбежала через врата.

Фон Турбат отобрал десять лучших рыцарей для испытания врат. Он надеялся, что кто-нибудь из них найдет и убьет Кикаху.

– Вас двое?

– Со мной отправился фон Карл Ротадлер, – пояснил До Шуптарт. – Он убит. Он наступил на петлю, ведь он так стремительно ворвался в комнату. Он всегда бросался в атаку, раз-

махивая мечом, не выясняя сперва, что происходит. Он вбежал, и поэтому диван и стул быстро рванулись прочь. Не знаю, как ты их заколдовал, но ты, должно быть, всемогущий маг. Мебель вытащила стержень, и люстра упала ему на голову.

– Значит, ловушка сработала, хотя и не совсем так, как было запланировано, – заметил Кикаха. – А как ты пробрался через комнату, заполненную водой?

– Когда убило Карла, я попытался вернуться тем же путем, которым пришел. Но дверь не открывалась. Поэтому я пошел дальше. Когда я подошел к двери заполненной водой комнаты, мне пришлось толкнуть ее изо всех сил, чтобы открыть. Из отверстия хлынула вода. Я перестал толкать дверь. Но я не мог вернуться, мне приходилось идти вперед. Я снова толкнул дверь. Давление воды было очень сильным. Я не мог открыть дверь до конца, а хлынувшая вода тут же сшибла меня с ног. Но я сумел пройти – я очень сильный. К тому времени, как я пробрался, комната почти заполнилась водой. А дверь закрылась, как только я оказался в большой комнате. Вода была прозрачная, а свет яркий, иначе я бы утонул, прежде чем нашел другую дверь. Я всплыл к потолку, надеясь, что там существует пространство, не заполненное водой, но его не оказалось. Поэтому я поплыл в другой конец комнаты. Давление воды открыло там дверь и пропустило часть воды в следующее помещение. Но дверь опять закрылась сама по себе. На самом-то деле она, должно быть, не раз уже делала это. Приемная наполнилась водой не больше чем наполовину. К тому времени давление открыло также дверь и в эту комнату. Я подождал, пока она закроется. Затем, когда она начала снова чуть-чуть приоткрываться, я резко оттолкнулся ногами от пола и ввалился, как ты видел, словно незадачливый матрос, выброшенный бурей на пустынный остров.

С минуту Кикаха воздерживался от каких-либо комментариев. Он думал о затруднительном положении, в которое поставил себя и этого парня, вызвав наводнение в бассейне. В конечном итоге все двадцать четыре комнаты будут затоплены.

– О'кей, – проговорил наконец он. – Если я не смогу найти способ быстренько выбраться, то нам каюк.

До Шуптарт спросил, что он сказал.

Кикаха объяснил, До Шуптарт стал еще бледнее. Затем Кикаха обрисовал многое из того, что проясняло недавние события. Он пустился в некоторые подробности относительно Черных Колокольников.

– Теперь я понимаю многое из того, что в то время было для нас непостижимым, – сказал Шуптарт. – Жизнь шла, как обы-

чно. Я готовился возглавить экспедицию для охоты на драконов. Затем фон Турбат и фон Свиндебарн провозгласили священную войну. Они сказали, что Господь, Герр Готт, приказывает нам напасть на город на уровне ниже нас, и мы должны найти и убить трех прячущихся там еретиков. Большинство из нас никогда не слышали ни о Таланаке, ни о ташкетмоаках, ни о Кикахе. Мы, разумеется, слышали о бароне-разбойнике Хорсте фон Хорстмане. Потом фон Турбат сказал, что Господь дал нам магические средства для перехода с одного уровня на другой, и объяснил, почему он пользовался только речью Господа. А теперь ты говоришь мне, что души моего короля и фон Свиндебарна и нескольких других были съедены, а тела захватили демоны.

Кикаха видел, что солдат не вполне еще понял суть дела, но не пытался вывести его из заблуждения. Если он хочет мыслить суеверными шаблонами, пусть себе. Важно, что он знает, что два короля представляют замаскированную опасность.

– Могу ли я доверять тебе? – спросил он Шуптарта. – Поможешь ли ты мне теперь, когда знаешь истину? Убежден ли ты, что это правда? Конечно, все это не имеет значения, если я не смогу придумать способ выбраться во дворец, прежде чем мы утонем.

– Я клянусь тебе в вечной вассальной верности!

Кикаху это не убедило, но он не хотел убивать его: Шуптарт мог быть полезен.

Кикаха велел ему забрать свое оружие и идти обратно к камере, в которую они прибыли. По возвращении туда Кикаха поискал записывающее устройство и нашел его. Это была одна из многих машинок, какими мог развлекаться заключенный. Но у Кикахи была другая цель. Он взял черный кубик трех дюймов в поперечнике, нажал на красное пятнышко на нижнем квадрате и наговорил в него несколько слов на речи Господов. Затем он нажал на белое пятнышко сбоку, и его слова вернулись к нему, выданные кубиком.

Казалось, прошло несколько часов, пока не начал мигать топаз над дверцей в стене. Кикаха вынул поднос. Еды оказалось достаточно для двоих. В кухне теперь мигали два огонька, и талосы, заметив это, обеспечили надлежащее снабжение.

– Ешь, – предложил Кикаха. – Следующего обеда тебе, возможно, придется ждать долго, если ты его вообще дождешься.

Шуптарт вздрогнул. Кикаха попытался есть медленно, но внезапно приоткрылась дверь и струя воды проникла в комнату, заставив его жадно глотать пищу.

Дверь закрылась, но почти сразу же вновь приоткрылась на несколько дюймов и впустила еще больше воды.

Кикаха поставил блюдо на поднос и отнес его в стенную нишу. Он надеялся, что у талоса не окажется каких-то более срочных дел. Если они задержат возвращение подноса, то спасение для заключенных может прийти слишком поздно.

Кубик, положенный на поднос, начал вновь и вновь проигрывать записанные инструкции. Он был установлен на шестидесятикратное повторение, но талос мог не изъять поднос прежде, чем кончится запись.

Топаз перестал мигать. Кикаха поднял дверцу. Поднос исчез.

– Если талос сделает то, что я ему велел, то у нас полный порядок, – уведомил тевтона Кикаха. – По крайней мере, мы выберемся отсюда. Если же талос не подчинится мне, тогда буль-буль, и конец всем нашим заботам.

Кикаха велел Шуптарту следовать за ним в приемную. Там они простояли около минуты.

– Если вскоре ничего не случится, – сказал Кикаха, – мы вполне можем поцеловать себе...

19

Они стояли в большой комнате на круглой пластинке из серебряного металла. Мебель в комнате была экзотическая, ранне-радамантского периода, а стены и пол выложены розово-красным камнем с черными прожилками.

Они не увидели ни дверей, ни окон, хотя одна стена, кажется, являлась окном, ибо через нее просматривался какой-то пейзаж.

– Зажгутся лампочки, указывающие, что мы теперь находимся в этой камере, – сказал Кикаха. – Будем надеяться, что Колокольники не сообразят, что это значит.

Все эти неожиданно вспыхивающие сигналы должны были вызвать тревогу у Колокольников. Они, несомненно, рыскали по дворцу, пытаясь выяснить, что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь.

Вскоре часть казавшейся сплошной стены отодвинулась и исчезла. Кикаха пошел первым. Их ждал талос шести с половиной футов ростом и в доспехах, словно рыцарь. Он вручил ему черный кубик-магнитофон.

– Спасибо, – поблагодарил его Кикаха. Затем он приказал: – Посмотри на нас внимательно. Я – твой хозяин. Этот человек – мой слуга. Ты должен служить нам обоим, если этот человек, мой слуга, не будет делать чего-то, что может повредить мне. Тогда ты воспрепятствуешь его попыткам. Другие существа во дворце – мои враги, и ты должен нападать и убивать всех, как

только увидишь хоть одного. Сперва, однако, ты возьмешь этот кубик, после того как я наговорю в него сообщение, и дашь прослушать его другим талосам. Я и им прикажу атаковывать и убивать всех моих врагов. Ты понял?

Талос отдал честь, демонстрируя, что до него дошел смысл слов Кикахи. Кикаха наговорил сообщение в кубик, установил его на повтор записи тысячу раз и вернул талосу. Талос снова отдал честь, повернулся и замаршировал прочь.

– Они превосходно выполняют приказы, – заметил Кикаха, – но последний достигший их ушей является главным для них. Вольф знал это, но не хотел менять их конструкцию. Он объяснил, что это может однажды обернуться для него выгодой, и маловероятно, что об этом узнают захватчики.

Потом Кикаха растолковал Шуптарту, как обращаться с лучеметом, если тот когда-нибудь попадет ему в руки, а затем они отправились в дворцовый арсенал. Чтобы добраться до него, им потребовалось пройти через весь этаж в этом крыле, а потом спуститься на шесть этажей.

Кикаха решил воспользоваться лестницей, поскольку лифтами могли пользоваться Колокольники.

Величие дворца вызвало у тевтона благоговейный трепет: огромные комнаты, их меблировка. В каждой имелось достаточно сокровищ, чтобы купить все дракландские королевства. Тевтон ахал и охал. Он хотел остановиться, посмотреть, пощупать и, наверное, набить карманы. Затем он испугался, потому что абсолютная тишина и богатство заставили его почувствовать себя так, словно он находился в крайне священном месте.

– Мы можем бродить много дней и не встретить ни одной живой души, – высказал он свое мнение.

– Могли бы, – согласился Кикаха, – если бы я не знал, куда иду.

Он гадал, насколько полезным окажется этот парень. При обычных обстоятельствах он, вероятно, был первоклассным воином. Его владение собой в залитой водой комнате показывало, что он человек смелый и решительный. Но пребывание во дворце Господа было для него таким же пугающим, таким же мощным переживанием, как если бы земной христианин оказался в граде божьем и открыл, что его захватили черти.

Неподалеку от подножия лестницы Кикаха уловил запах расплавленного металла, пластика и горелой протоплазмы. Он осторожно высунул голову из-за угла. В тридцати метрах от них в коридоре лежал, растянувшись на животе, талос. Поблизости валялась отрезанная от его плеча лучеметом бронированная рука.

Двое Колокольников, или, во всяком случае, таковыми счел их Кикаха из-за пристегнутых к спинам шкатулок, тоже лежали убитые. Двое других, оба с лучеметами в руках, взволнованно переговаривались.

Один держал в руке то, что осталось от черного кубика. Увидев его, Кикаха усмехнулся. Его повредили лучеметом, поэтому он должен был прекратить повторение записи. Следовательно, Колокольники не узнают, почему талос напал на них и что за сообщение содержалось в кубике.

"Двадцать девять долой. Осталось двадцать один", – заключил Кикаха и спрятался за угол.

– Теперь они будут настороже, – произнес он себе под нос. — Арсенал, вероятно, остался бы без охраны, если бы этого не случилось. Но теперь они знают, что кто-то подкрадывается с подветренной стороны, и наверняка будут остерегаться его. Ну, мы испробуем другой путь. Возможно, он опасен, впрочем, какой не опасен? Будем подниматься по лестнице.

Он провел Шуптарта в комнату на шестом этаже. Она имела примерно шестьсот футов в длину и триста в ширину. В ней находились чучела животных и некоторых разумных существ из множества вселенных. Они прошли мимо прозрачного куба, в котором запеклось, словно стрекоза в янтаре, животное, казавшееся полунасекомым, получеловеком. У него были антенны и огромные, но совершенно человеческие глаза, узкая талия, тощие ноги, покрытые розоватым пушком, четыре тощих руки, большая горбатая спина и четыре, как у бабочки, крыла, выступавшие из горба.

Несмотря на неотложность их дела, Шуптарт остановился посмотреть на незнакомое чудище.

– Этому экспонату десять тысяч лет, – объяснил Кикаха. – Это квисвас, человек-жук, продукт биолаборатории Ананы, или, во всяком случае, так мне сказали. Господь этого мира совершил набег на мир своей сестры и приобрел несколько образчиков для своего музея. Этот квисвас, как я понял, был в то время любовником Ананы, но нельзя верить всему, что говорят, особенно когда один Господь рассказывает о другом. Все это, конечно, случилось давным-давно.

Чудовищно большие глаза пялились сквозь толстый пластик уже десять тысячелетий, на пять тысяч лет больше, чем на Земле существовала цивилизация.

Хоть Кикаха и видел его раньше, но все равно почувствовал трепет, беспокойство и свою незначительность. Как сильно и умно сражалось это существо за сохранение своей жизни? Наверное, так же энергично и бешено, как сражался теперь Кикаха.

Потом оно погибло, как должен погибнуть и он тоже, и было превращено в чучело, поставленное взирать невидящими глазами на борьбу других. Все прошло...

Кикаха мотнул головой и поморгал глазами. Философствовать – дело хорошее, если ты занимаешься этим при надлежащих обстоятельствах, а теперешние к таковым не относились. Кроме того, смерть приходит ко всем, даже к тем, кто избегал ее столь же изобретательно, как и Кикаха.

Ну и что из этого? Стоило грызться и за одну лишнюю минуту жизни, при условии, что минуты, прошедшие прежде, были стоящими.

– Хотел бы я знать, какой была история этого существа, – тихо произнес Шуптарт.

– Наша история придет к схожему концу, если мы не двинемся дальше, – отозвался Кикаха.

В конце стены он покрутил выступ, выглядевший таким же неподвижным, как и другие украшения. Кикаха повернул выступ на сто шестьдесят градусов вправо, потом на сто шестьдесят градусов влево, а затем дважды полностью повернул его вокруг оси направо. Часть стены ушла в сторону. Кикаха испустил вздох, ведь он не был уверен в успехе. Он не был убежден, что правильно помнит код. Существовала возможность, что неправильная манипуляция приведет к чему угодно: от облака ядовитого газа до луча, разрезающего его пополам.

Кикаха втащил за собой Шуптарта. Тот начал было возражать, а потом поднял крик, когда они упали в неосвещенную шахту. Кикаха заткнул ему ладонью рот и скомандовал:

– Тихо! С нами ничего не случится!

Вихрь, вызванный их падением в шахту, унес его слова, Шуптарт продолжал дергаться, но затих, когда их спуск стал замедляться. Вскоре они, казалось, прекратили проваливаться.

Внезапно стены вспыхнули, и они увидели, что все-таки продолжают медленно падать. Шахта в нескольких футах над ними и в нескольких футах под ними оставалась темной. Свет сопровождал их по мере спуска.

Затем они очутились на дне шахты. Там не было ни пылинки, хотя из-за темноты и безмолвия наверху возникало такое ощущение, словно это место сотни лет не видело ни одного живого существа.

– У меня все-таки могло отказать сердце, – сердито буркнул тевтон.

– Мне пришлось так поступить, – возразил Кикаха. – Если бы ты знал, что тебе предстоит упасть, ты ни за что бы не вошел в отверстие.

– Ты-то прыгнул, – не согласился Шуптарт.

– Разумеется. Я много практиковался в этом. У меня тоже не хватало духу, пока я не увидел, как Вольф – Господь – несколько раз проделал это. – Он улыбнулся. – И даже на этот раз я не был уверен, что поле включено. Колокольники могли вырубить его. Разве это не сыграло бы с нами плохую шутку?

Шуптарт, казалось, не считал это забавным.

Кикаха начал размышлять. Для того чтобы выбраться из шахты, требовалось отстучать код костяшками пальцев. Кикаха проделал и это.

Часть стенки отодвинулась, и они вошли в хорошо освещенную выбеленную комнату площадью примерно в тридцать квадратных футов. Она была пустой, за исключением дюжины полумесяцев, вделанных в пол, и дюжины таких же, висевших на стене. Полумесяцы не имели меток.

Кикаха поднял руку, сдерживая Шуптарта.

– Больше ни шагу! Эта комната опасна, если не совершить ритуал без малейших отклонений. Я же не уверен, что помню его весь.

Тевтона прошиб пот, хотя воздух был прохладным.

– Я собирался спросить, почему мы сразу не пришли сюда, – произнес он, – вместо того, чтобы тащиться по шахте. Теперь я понимаю.

– Будем надеяться, что ты станешь понимать все и в дальнейшем, – двусмысленно проговорил Кикаха.

Он сделал три шага вперед, затем пошел боком, пока не поравнялся с крайним правым полумесяцем на стене. Он раз повернулся кругом и двинулся к полумесяцу, вытянув правую руку под правым углом к полу. Как только кончики его пальцев коснулись полумесяца, Кикаха объявил:

– Порядок, солдат. Можешь теперь гулять, как тебе нравится, – так мне представляется.

Но, изучая полумесяцы, он перестал улыбаться и проговорил:

– Один из них доставит нас через врата в арсенал. Но я не помню, какой. Второй справа или третий?

Шуптарт спросил, что случится, если выбрать не тот полумесяц.

– Один из них – не помню, какой – отправит нас в центр управления, – ответил Кикаха. – Его бы я и выбрал, если бы имел при себе лучемет или думал, что Колокольники не оборудовали в центре управления сигнализацию, поднимающую тревогу в случае появления добавочной массы, и если бы знал, какой именно этот полумесяц. Другой отправит нас прямиком обратно

в подземную тюрьму, откуда мы только что выбрались. Третий отправит нас на Луну, четвертый – на уровень Атлантиды. Я не помню точно, что сделают другие, за исключением того, что один выкинет тебя во вселенную, являющуюся, мягко говоря, нежелательной.

Шуптарт вздрогнул и промолвил:

– Я храбрый человек. Я доказал это на поле брани. Но здесь я чувствую себя, словно ребенок, заблудившийся в кишащем волками лесу.

Кикаха не ответил, хотя и одобрил про себя искренность Шуптарта. Он не мог решить: второй или третий полумесяц выбрать. Он должен выбрать один из них, потому что обратно по шахте не подняться. Она, подобно многим маршрутам во дворце, была односторонней.

Наконец Кикаха заявил:

– Я почти уверен, что это третий. Вольф любит тройку или числа, кратные трем, но... – Он пожал плечами. – Какого черта? Не можем же мы вечно здесь стоять.

Он приложил третий полумесяц справа на стене к третьему слева на полу.

– Я помню, что незакрепленные полумесяцы сходятся с противоположными закрепленными – объяснил он.

Затем они оба шагнули в образованный двумя полумесяцами круг и подождали примерно три секунды. Не возникло ни малейшего движения, ни молниеносного мерцания перед глазами, но они очутились в комнате площадью около трехсот квадратных футов. На полках вдоль стен, на козлах или подставках на полу находились знакомые экзотические доспехи и оружие.

– Мы выиграли, – заключил Кикаха.

Он вышел из круга и объяснил:

– Мы возьмем несколько ручных лучеметов и зарядов, наводящиеся ракеты-шпионы и очки. Ах да, еще несколько нейтронных ручных гранат малого радиуса действия.

Он прихватил также два хорошо сбалансированных ножа для метания. Шуптарт попробовал свой лучемет на небольшой мишени в глубине арсенала.

Металлический диск толщиной в шесть дюймов расплавился за пять секунд. Кикаха пристегнул себе к спине ремнями металлическую коробку. В ней хранилось несколько ракет-шпионов, мощный приемник-передатчик для ракет и аудиовизуальные очки.

Кикаха надеялся, что Колокольники еще не сталкивались с подобными штуками. Если они расставили часовых, выглядывавших из-за угла или рыскающих по коридорам, то их дело труба.

Дверь оказалась запертой Вольфом и, насколько мог определить Кикаха, никто ее не открывал. У нее было много предохранительных устройств, мешавших входу посторонних, но не имелось ничего, мешавшего лицу, находившемуся внутри, беспрепятственно выйти. Кикаха испытал чувство облегчения.

Колокольники не могли проникнуть сюда, а это означало, что у них нет ракет-шпионов, то есть если они не доставили их из других вселенных.

Он надел очки на глаза, держа в руках пульт управления, и направил ракету в открытые двери. Ракета достигала в длину примерно трех дюймов и походила на сложенный из бумаги самолетик школьника. Она была прозрачной, и при сильном свете можно было под определенным углом разглядеть крошечные цветные детали. На носу у нее имелся "глаз", через который Кикаха получал странный и ограниченный обзор, и "ухо", через которое он мог услышать по желанию приглушенные или усиленные звуки.

Он повернул ракету в одну, потом в другую сторону, увидел, что в коридоре никого нет, и сдвинул очки на лоб. Покинув арсенал, он закрыл дверь, зная, что та автоматически замкнется и сумеет сама себя охранить.

Кикаха полагался на собственные глаза для направления ракеты по прямой, а когда ему хотелось заглянуть за угол, то сдвигал на глаза очки.

Они оглядели примерно шесть миль горизонтального и вертикального пути, потом они покинули одно крыло дворца и прошли в другое, чтобы попасть в здание, где находился центр управления.

Из-за их осторожности путешествие потребовало много времени.

Один раз они миновали колоссальное окно неподалеку от края монолита, на котором располагался дворец. Шуптарт чуть не упал в обморок, когда увидел солнце. Оно было п о д ним. И ему приходилось смотреть вниз, чтобы увидеть его.

Разглядывание плоскости уровня Атлантиды, раскинувшегося на пятисотмильном радиусе, а потом части следующего уровня и кусочка последующего, заставило его побледнеть.

Кикаха оттащил его от окна и попытался объяснить башенную структуру планеты.

Он действительно находился над солнцем, которое вращалось на уровне среднего монолита.

Тевтон сказал, что он это понимает, но он никогда не видел солнца иначе, чем со своего родного уровня и, конечно, с Луны. Но оба раза солнце казалось стоящим высоко.

– Если ты думаешь, что это очень страшно, – утешил его Кикаха, – то тебе следует как-нибудь поглядеть на грань мира с нижнего уровня, уровня Сада.

Они вошли в центральную часть здания, где располагался центр управления.

Здесь они двигались еще медленнее. Они прошли гигантский зал, облицованный зеркалами, дававшими не внешнее, физическое отражение, а внутреннее, психическое. Каждое зеркало засекало волны различных участков мозга, а потом синтезировало их в музыку, цвета и ультраинфразвук и выдавало их обратно как визуальные образы. Некоторые из них были ужасными, некоторые прекрасными, некоторые просто непристойными, а некоторые почти божественно угрожающими.

– Они ничего не означают, – заверил Кикаха тевтона, – если смотрящий не хочет понять, что они ему демонстрируют.

Шуптарт был рад отправиться дальше.

Затем Кикаха выбрал достаточно широкую лестницу, чтобы по ней могли промаршировать десять взводов солдат, выстроившихся в ряд. Она все закручивалась и закручивалась и, казалось, никогда не кончится, словно лестница шла в само царствие небесное.

20

Тевтон наконец взмолился об отдыхе, Кикаха снизошел. Он послал ракету-шпиона посмотреть еще разок, что творится впереди. На этаже, там, где располагался центр управления, никаких Колокольников не оказалось.

Кикаха и тевтон увидели обгоревшие и расплавленные тела десяти талосов на первых десяти ступенях лестницы. Очевидно, они шли, чтобы напасть на Колокольников в центре управления, и их сразили из лучемета. Устройство, которое могло это сделать, притаилось на лестничной площадке. Оно представляло собой небольшой черный ящик на колесах, с длинной тонкой шейкой из серого металла. На конце шейки виднелась крошечная лампочка. Эта лампочка могла засекать и поражать лучом движущуюся массу максимум на расстоянии в сорок футов.

Устройство двигало длинной шеей направо и налево, охватывая детектором всю лестницу. Оно не заметило пронесшейся над ней ракеты, а это означало, что змеиная шея, как окрестил ее Кикаха, была запрограммирована засекать только большую массу.

Кикаха повернул ракету и направил ее вперед по коридору к двойным дверям центра управления. Они оказались закрыты.

Кикаха увидел через глаз ракеты, что из стен всего коридора торчало много маленьких дисков – детекторов массы. Диапазон у них был, однако, ограниченным. В центре коридора должен был остаться узкий проход, чтобы предупрежденный мог пройти по нему, не подняв тревоги.

Здесь, вероятно, были и какие-то визуальные приборы, поскольку Колокольники этим не пренебрегли бы. Кикаха очень медленно повернул ракету, потому что не хотел, чтобы ее увидели. Тут он заметил эти приборы. Они оказались спрятанными в пустотелых головах двух бюстов на высоких пьедесталах. Пустотелыми их сделали Колокольники.

Кикаха осторожно развернул ракету назад, а затем снял очки и повел Шуптарта вверх по лестнице.

Они недалеко ушли и почувствовали запах горелой протоплазмы и пластика. Когда они поднялись на этаж, где произошла бойня, Кикаха остановил тевтона.

– Насколько я могу судить, – сказал он, – Колокольники окопались теперь в центре управления. Нам предстоит выкурить их оттуда или наброситься на них, прежде чем они свалят нас. Я хочу, чтобы ты все время следил за нашим тылом. Не спускай глаз! В центре управления есть множество врат, способных переправить их в любое место во дворце. Если Колокольники открыли их, они воспользуются ими. Поэтому будь начеку!

Кикаха находился сейчас вне пределов обзора змеиной шеи, на лестничной площадке. Он сел, растрепал волокна на своей самой тонкой веревке и завязал их вокруг ракеты. Затем он надел очки и направил ракету вверх по лестнице. Из-за тяжести веревки она двигалась медленно. Змеиная шея продолжала обшаривать детектором поле перед собой, но не обнаружила ни ракеты, ни веревки.

Следовательно, она реагирует только на большую массу, но это не означает, что она не передает любое изображение Колокольникам в центр управления. Если те увидят ракету и веревку, то могут пойти в атаку и стрелять через перила. Кикаха велел Шуптарту следить за ситуацией наверху и стрелять во все движущееся.

Ракета проскользнула рядом со змеиной шеей, а затем и вокруг нее, таща за собой веревку. Затем она полетела обратно, вниз по лестнице. Кикаха снял очки, отвязал веревку, ухватился за ее концы, потянул, удостоверяясь, что она не соскользнула, и рванул на себя.

Змеиная шея покатилась вперед и прокувыркалась половину лестницы. Она валялась на боку, ее шея-глаз двигалась взад-

вперед, но не поворачивалась к правой стороне лестницы. Кикаха приблизился к ней сзади и отключил, повернув диск на ее "спине".

Взяв машину под мышку, он отнес ее обратно наверх, держа в правой руке наготове лучемет. Неподалеку от лестничной площадки он опустился на ступени и столкнул машину на пол. Здесь он повернул ее так, чтобы она располагалась лицом к бюсту в конце коридора за дверями в центр управления. Он покрутил, устанавливая, диски, а затем проследил, как она укатывает из поля его зрения. Вскоре послышался оглушительный грохот. Кикаха опустил на глаза очки и послал ракету посмотреть, чем все это кончилось. Как он и надеялся, змеиная шея покатилась прямиком по коридору, пока масса пьедестала и бюста не активировала ее. Ее лучемет прожег пустотелые головы бюстов и замкнул цепь на визуальных приборах.

Змеиная шея обратила свой луч к упавшему бюсту.

Кикаха спустился обратно по лестнице и удалился в глубь коридора, пока не оказался вне поля зрения всякого, кто мог выйти на лестничную площадку или посмотреть в лестничный проем.

Он вновь надел очки и поместил ракету так, чтобы рассмотреть, что происходит над дверями дворца. Ракета, прильнув к стене, стояла на носу и смотрела прямо вниз.

Кикаха ждал. Проходила минута за минутой.

Он хотел снять очки и удостовериться, что Шуптарт следит за тылом. Кикаха поборол это желание – он должен быть готовым, если откроются двери.

В скором времени они открылись. Высунулась трубка перископа и повернулась в обоих направлениях.

Затем она убралась, и медленно вылезла белобрысая голова. Колокольник подбежал к змеиной шее и отключил ее. Кикаха был разочарован, так как он надеялся, что машина свалит-таки Колокольника. Однако она поражала объекты, находящиеся только перед ней.

Бюст был полностью расплавлен. Колокольник некоторое время смотрел на него, а затем подобрал змеиную шею и унес ее в центр управления. Кикаха послал ракету через верхнюю часть дверного проема и вверх, под самый потолок центра, бывшего достаточно просторным, чтобы вместить авианосец выпуска 1945 года. Он запустил ракету вдоль потолка и потом вниз, к противоположной стене, почти до пола, там, где располагался пульт управления. Тут аудиовизуальное изображение стало нечетким и ограниченным, и это заставило Кикаху подумать, что двери закрыты. Хотя ракета могла передавать кар-

тинку и в ограниченном диапазоне и через материальные объекты, она при этом теряла свою действенность.

Зиматол рассказал Аровурду о странном поведении змеиной шеи. Он заменил ее другой, которая, как он надеялся, не разладится. Камеру он не заменил.

Все, что нужно, могла сделать и другая камера на противоположном конце коридора. Зиматол сожалел, что они очень заняты попытками установить контакт с фон Турбатом на Луне. Иначе они могли бы следить за мониторами и узнать, почему сломалась змеиная шея.

Кикахе хотелось и дальше подслушивать, но он обязан был делать свое дело. Он отключил ракету, которую послал в центр управления, и привязал конец веревки к другой ракете. Этой ракетой он вновь обмотал змеиную шею и послал ракету вниз.

Она прокувыркалась намного дольше, резко остановившись, налетев на кучу тел талосов у подножия лестницы. Шея уже торчала в воздухе. Кикаха подпоз к ней, протянул руку к ящику и отключил прибор.

Он отнес его наверх и пустил к пьедесталу с бюстом в другом конце коридора. Кикаха быстро спустился вниз по лестнице, надел очки и запустил новую ракету, прежде чем раздался грохот. Этот грохот дошел до его ушей, а глаза ракеты показали ему, что случилось опять то же самое. Кикаха повернул ракету следить за дверью, но долгое время ничего не происходило. Наконец он переключился на ракету в центре управления. Зиматол утверждал, что разладка второй машины – не случайное совпадение. Происходило что-то подозрительное и, следовательно, что-то опасное. Зиматол не хотел снова выходить и расследовать.

Аровурд ответил, что, нравится им это или нет, но они не могут оставаться здесь. У них приказ – убить врага, и этим врагом, вероятно, является Кикаха. Кто еще мог пробраться во дворец, когда были активированы все защитные средства, делавшие его неприступным?

Зиматол возразил, что это не мог быть Кикаха.

Разве фон Турбат и фон Свиндебарн отправились бы искать его на Луну, если бы его там не было?

Эти слова обеспокоили Кикаху. Что там делал фон Турбат, когда он должен знать, что его враг бежал через врата в камере пещеры? Или фон Турбат настолько подозрительно относился к хитрости своего архиврага, что думает, будто Кикаха что-то отправил через врата, чтобы придать делу такой вид, словно его больше нет на Луне? Если это так, то что могло заставить его подумать, будто на Луне есть что-то, способное удержать там Кикаху?

Тут Кикаха очень расстроился и слегка испугался. Не могла ли Анана отправиться туда за ним через врата? Не на нее ли охотились Колокольники? Такое тоже возможно, и Кикаха встревожился.

Зиматол согласился, что только Кикаха мог натравить талосов на них. Аровурд ответил, что тогда еще больше причин избавиться от такой опасности.

Зиматол осведомился, каким образом.

– Да уж не прячась здесь, – заметил Аровурд.

– Тогда сам выйди и поищи его, – посоветовал Зиматол.

– И выйду, – ответил Аровурд.

Кикаху забавляло, что разговор был таким человеческим. Колокольники могли быть порождением металлических комплексов, но они походили на машины со сборочного конвейера. У них появились чисто человеческие черты.

Аровурд пошел было к двери, но Зиматол окликнул его. Он заявил, что их долг требует, чтобы они не рисковали напрасно. Их теперь осталось так мало, что смерть даже одного очень уменьшит шансы на победу. Но сейчас им не до победы, им надо выжить. Кто бы мог подумать, что всего лишь леблаббий смеет так изобретательно и безжалостно убивать их товарищей? Да ведь Кикаха даже не был Господом, он всего-навсего человек.

Зиматол заметил, что они должны подождать, пока не вернутся двое их начальников. Ведь с ними нельзя вступить в контакт, что-то препятствует попыткам наладить союз.

Кикаха мог бы рассказать им, почему их усилия бесполезны. Структура пространственно-временной связи этой вселенной создавала особую деформацию, предотвращавшую неискаженную передачу по радио или лазеру. Если бы, к примеру, аэролет попытался пролететь между планетой и Луной, то развалился бы в узкой зоне на полпути между двумя телами. Единственный способ путешествовать здесь – только через врата.

Двое Колокольников нервно говорили о чем-то.

Погибло двадцать девять Колокольников. Двое находились здесь, двое – во вселенной Нимстоула, двое – у Ананы, двое – у Джудубры. Зиматол считал, что их следует призвать на помощь, или лучше, чтобы Колокольники покинули эту вселенную и замуровали все врата. Есть ведь множество других вселенных. Почему бы им не отрезать эту навек? Если Кикаха хочет ее, пусть себе забирает. В то же время в безопасном месте они смогут сделать миллионы новых Колокольников. Через десять лет они выметут Господов отовсюду.

Но фон Турбат, которого они называли Траумграссом, отличался необыкновенным упрямством. Он откажется сдаться. С этим соглашались оба.

Для Кикахи стало очевидным, что Аровурд, несмотря на свои требования покинуть центр и найти врага, на самом деле не хотел и не собирался этого делать. Ему, однако, хотелось казаться храбрым.

Эти двое не выглядели холодными, строго логичными, предельно неэмоциональными существами, описанными ему Ананой. Если выбросить из их разговора некоторые слова, то они могли показаться просто двумя болтающими солдатами любой страны или вселенной.

Какой-то миг Кикаха гадал, нельзя ли убедить их образумиться, не смогут ли они удовольствоваться положением обычных разумных существ в этом мире.

Чувство это быстро прошло. Колокольники предпочитали захватывать человеческие существа, они не останутся замкнутыми в своих металлических колоколах: слишком искушающими были преимущества плоти. Нет, они не удовлетворятся пребыванием в колоколе, они будут продолжать чистить человеческие мозги и вселяться в обездоленные головы.

Войну надо будет продолжать до конца, пока не погибнут все Колокольники. Или Кикаха.

В данный момент он чувствовал себя так, словно весь мир являлся бременем, возложенным на него одного.

Если они убьют его, то смогут продвинуться вперед, потому что лишь немногие знают, кто они и каковы их цели, а эти немногие тоже погибнут. Это был, как хвалился Кикаха, его мир, и он был самым везучим человеком в двух мирах. Ведь он единственный из землян, сумевший перебраться через стену между двумя мирами. Этот мир значил для него много больше, чем Земля, и он сделал его своим, если подходить к этому с человеческих позиций, а не с позиций Вольфа.

Теперь восторги Кикахи улетучились, отодвинулись на задний план из-за громадной ответственности.

Для человека, обремененного такой ответственностью, он действовал безрассудно.

Именно потому-то, однако, он и прожил так долго.

Если бы он поступал с великими предосторожностями, сознавая свою важную роль, то его, вероятно, давно бы поймали и убили, или же он сбежал бы, но стал бы совершенно безопасным, потому что боялся бы предпринимать что-нибудь. Опрометчив он или нет, Кикаха станет поступать теперь так же, как поступал в прошлом. Если он рассуждал неверно, то станет частью прошлого, а Колокольники будут господствовать в настоящем и будущем.

Да будет так!

Он переключился на третью ракету и поместил ее как раз над дверьми.

Затем он положил пенал управления и очки рядом с собой и рассказал Шуптарту, что собирался делать дальше. Тевтон счел эту идею безумной, но потом согласился с Кикахой. Они подняли талоса и поволокли его тело, весившее, возможно, пятьсот фунтов, вверх по лестнице. Они подтащили его по коридору в проход между полями детекторов и прислонил к дверям, а затем поспешно, но осторожно отступили на этаж ниже.

Быстро оглядевшись, Кикаха вновь надел очки. Он пустил ракету под дверями, расположил ее сбоку от сидевшего талоса и поэтому не мог наблюдать за ее действиями. Но Кикаха быстро послал наверх еще одну ракету и установил ее над дверями. Талос упал именно так, как хотел Кикаха. Голова и плечи талоса оказались в поле детектора. В центре управления скоро должна была зазвенеть сигнализация.

Ничего не произошло. Двери не открылись. Кикаха ждал до тех пор, пока позволяли его нервы. Хотя для него было существенно важно держать ракету над дверями, он отправил ее на пол, а затем снова переключился на ракету в центре управления. Кикаха не видел ничего, кроме задней стенки пульта, и ничего не слышал. Не завыла никакая сигнализация, так что ее, должно быть, отключили. Колокольники не разговаривали и не издавали ни звука, хотя Кикаха включил усиление звука.

Кикаха снова переключился на ракету перед дверью. Двери были закрыты, так что он вернулся к ракете в центре. По-прежнему не было слышно ни звука.

Что происходит?

Не хотят ли они, чтобы он бросился в атаку?

Он снова обратился к ракете в центре и послал ее по полу к стене. Она медленно поднялась по стене. Участок на фут перед ней стал ясно виден, а дальше все осталось нечетким. Кикаха собирался завести ракету под потолок, а потом опустить, надеясь, что увидит Колокольников раньше, чем те увидят ракету. Ракета могла убивать, как убивает пуля, но диапазон обзора у Кикахи был ограничен. Если Колокольник закричит, он выдаст свое местонахождение, и Кикаха сумеет послать на него ракету, прежде чем Колокольник успеет сжечь ее.

Это был слабый шанс, за который Кикаха теперь был готов ухватиться.

Кикаха привел ракету приблизительно туда, где должен был находиться пульт управления. Ракета опустилась до пола, Ки-

каха ничего не видел и не слышал. Затем ракета поднялась и покружила в том районе, не засекая Колокольников. Он расширил территорию поисков. Конечно, Колокольники могли заметить ракету и отступить за пределы видимости и слышимости, обеспечиваемые ракетой. Правда, это не имело смысла, если Колокольники хотели занять оператора ракеты чем-нибудь, пока один из них или оба не отправятся из центра на его поиски.

Они, вероятно, не знали, как действует ракета, но должны были понимать, что диапазон ее передачи ограничен и что оператор должен находиться сравнительно недалеко.

Кикаха велел Шуптарту быть особенно бдительным и ждать появления Колокольников на лестничной площадке и не забыть переменить нейтронные гранаты, если у него появится в этом надобность.

Не успел он закончить эти инструкции, как Шуптарт заорал. Кикаха был так поражен, что вскинул руку кверху.

Пенал управления полетел прочь, так же, как и Кикаха. Срывая очки, он в то же время все катился и катился по полу, чтобы не стать неподвижной мишенью. Он понятия не имел, что заставило тевтона закричать, и не собирался сидеть смирно, ожидая врага.

Выстреливший по нему луч опалил ковер. Он ударил из неожиданного места, с противоположного конца коридора. Из-за угла высовывались голова и рука, державшая лучемет. К счастью, Шуптарт выстрелил, как только увидел Колокольника, и поэтому тот не смог дать прицельный луч. Затем он шмыгнул обратно. На таком расстоянии эффективность лучемета значительно снижалась. На коротком расстоянии он мог прожечь тридцатисантиметровую сталь и за секунду изжарить человека. Здесь же он только сумел бы вызвать ожог третьей степени на коже или ослепить, если бы луч попал в глаза.

Шуптарт отступил к нижним ступенькам лестницы, где и укрылся за кучей талосов. Кикаха побежал прочь по коридору, остерегаясь того, кто мог бы выскочить из-за угла. Кикаха понял, что один или оба Колокольника из центра прошли через врата в другую часть дворца и устроили атаку с фланга.

Либо один, либо оба отправились вратами, чтобы попросить помощи у других Колокольников.

Выругавшись, Кикаха круто повернулся и побежал обратно к брошенным очкам и пеналу управления.

Колокольник на противоположном конце коридора высунул голову и выстрелил. Шуптарт, находящийся на лестнице, ответил лучом из своего лучемета. Кикаха тоже выстрелил.

Колокольник убрался, прежде чем лучи из лучеметов Кикахи и тевтона смогли пересечься на углу. Там, где ударили лучи, несгораемый ковер расплавился.

Три гранаты находились далеко, и не было времени сбегать за ними. Кикаха подхватил коробку, очки, круто повернулся и стремглав бросился назад по коридору. Он ожидал, что в ближайшем его конце кто-то появится, и поэтому был готов шмыгнуть в любую дверь. Вскоре он увидел высовывающуюся из-за угла голову. Кикаха нажал на спуск лучемета, водя лучом сначала по плинтусу, а затем он повернул его вверх. Голова, однако, спряталась прежде, чем луч смог попасть в нее. Кикаха пригнулся у стены и выстрелил мимо угла, надеясь, что какая-то часть энергии рикошетом ранит спрятавшегося Колокольника.

Крик доказал ему, что он кого-то напугал или подпалил.

Кикаха усмехнулся и вернулся в дверной проем, прежде чем Колокольники попытались бы проделать то же самое.

Усмехаться тут было нечему, но Кикаха не мог не испытывать чувства дикарского веселья, когда ему удавалось лишний раз одурачить врага.

21

Комната, в которую отступил Кикаха, была сравнительно небольшой. Во дворце имелись сотни подобных. Они предназначались для хранения сокровищ и предметов искусства.

Убраны они были со вкусом, так, словно в комнате жили или часто ее посещали.

Кикаха быстро огляделся, ища врата, поскольку во дворце их было столько, что он смог запомнить лишь малую часть их. Он не увидел ничего. Само по себе это ничего не означало, но на этот раз ему придется судить о вещах по их внешнему виду, иначе он не сможет действовать.

Кикаха натянул очки, делая это с огромной неохотой, так как они делали его слепым и глухим к событиям в коридоре. Он переключился на ракету в центре управления. Та все еще находилась в воздухе, описывая круги в соответствии с его последним приказом. В поле ее зрения не появлялся ни один Колокольник. Затем Кикаха переключился на ракету перед дверьми и повел ее вниз по лестнице и коридору.

Чем ближе она подлетала к Кикахе, тем лучше становилась передача звука и изображения и тем лучше он управлял ею.

Шуптарт не позволял вылезти Колокольникам в противоположном конце коридора. Кто бы там ни находился, в этом,

ближнем конце, именно он являлся непосредственной опасностью. Кикаха послал ракету под потолок и за угол. Там притаились три Колокольника, все с ручными лучеметами. У одного слегка побагровело лицо, словно от солнечного ожога. В отдалении виднелись еще двое, толкая перед собой грависани. На них стоял огромный лучемет, по мощности равный пушке. Его луч можно было послать за угол, срикошетить от стены и держать Кикаху на приличном расстоянии, в то время как другие станут стрелять из лучеметов. Потом, под прикрытием их огня, большой проектор вытолкнут из-за угла и он будет контролировать весь коридор.

Он сожжет или расплавит все на своем пути.

Кикаха не колебался. Он отправил ракету на полной скорости к человеку, толкавшему грависани с правой стороны. Обзор его ракеты померк от внезапного увеличения скорости, а затем сцена и совсем потемнела. Ракета вонзилась в тело Колокольника или ударилась во что-то другое, столь твердое, что поломалась. Кикаха вынул другую ракету из коробки, снятой им со спины и положенной рядом, и послал ее под потолок. Внезапно один Колокольник, заорав, чтобы сбить с толку всякого, кто мог быть в коридоре, выпрыгнул из-за угла. Он увидел ракету и поднял лучемет. Кикаха послал ее к нему на полной скорости. Картинка затемнилась. Ракета либо глубоко проникла в тело Колокольника, либо разбилась о твердый пол или стену, либо ее расплавили лучеметом.

Кикаха не осмелился тратить время на посылку другой ракеты. Если Колокольник избежал удара, он теперь заглядывает в дверь, ища оператора, и, вероятно, позвал на помощь других.

Кикаха сорвал очки и с лучеметом в одной руке и с очками в другой двинулся к двери. Он оставил дверь открытой для лучшего управления и приема изображения ракеты. В некотором смысле это оказалось весьма предусмотрительно, потому что Колокольник будет сперва заглядывать в комнаты с закрытыми дверями. Но когда Кикаха приблизился к дверному проему, то столкнулся с Колокольником. Кикаха держал лучемет перед грудью. Он нажал на спуск, как только в поле зрения появилось плечо врага. Колокольник почернел, от него повалил дым, белки глаз его стали темно-карими, волосы сгорели, белые зубы стали черными, губы распухли, а затем исчезли слой за слоем. Огнеупорная одежда расплавилась.

Все это произошло за четыре секунды.

Кикаха пинком закрыл дверь и нажал пластинку, заперев ее. Затем он пересек комнату и ткнул пластинку, отключавшую энергию поля на окне. Он выбросил коробку с ракетами, чтобы

ею не воспользовались Колокольники и, привязав один конец веревки к ножке бюро, выполз из окна. Внизу было тридцать километров воздуха. Эта часть дворца выступала над краем монолита. Если бы он захотел, то мог бы, повернув голову, охватить взглядом половину всего здания. Однако в данный момент Кикаха не желал думать об этом. Он не спускал глаз с небольшого карниза примерно двумя метрами ниже конца веревки. Кикаха скользил по веревке, пока не добрался до его конца, а затем чуть качнулся обратно. Он упал обеими ногами на карниз, а обеими руками уперся в край окна. Его колени, слегка согнутые, оказались в опасной близости от невидимого силового поля. Держась одной рукой за край окна, Кикаха снял рубашку, обмотал ею руку, а затем вынул нож и медленно просунул нож вперед в обернутой рубахой руке. Кикаха отвернул голову и закрыл глаза – силовое поле, активированное его ножом, сожжет, вероятно, его самого, а энергия выплеснется наружу и прожжет ткань и руку под ней. Энергия даже может отшвырнуть его нож с такой силой, что тот выдернет из окна его руку и его самого вместе с ней.

Кикаха, однако, надеялся, что поле не включено. Это казалось маловероятным, поскольку Вольф наверняка, прежде чем уйти, включил все системы охраны и ловушки, если у него нашлось время, а если и не нашлось, то это обязательно сделали Колокольники.

Свет ослепил его даже сквозь закрытые веки, пламя лизнуло Кикаху по лицу, голым плечам, ребрам и ногам. Нож в его руке дернулся, но Кикаха продолжал держать его в радиусе действия поля даже тогда, когда ткань затлела и вспыхнула пламенем, а рука ощутила сильный жар.

Затем Кикаха нырнул через окно и на пол.

Существовала двухсекундная пауза между перезарядкой поля после его активного действия, и Кикаха прыгнул, как он надеялся, именно в эту временную паузу. То, что он все еще был жив, хотя и пострадал, доказывало, что он рассчитал время правильно. Нож перекрутился и докрасна раскалился. Рубашка у него обуглилась, а его рука почернела и начала покрываться волдырями. В другое время это вызвало бы у него озабоченность. Теперь же его не волновало ничего, кроме тяжелых, калечащих ранений или смерти.

В этот момент мимо окна упала веревка с дымящимся концом. Проектор прожег насквозь дверь и пережег веревку. Через минуту Колокольники кинутся вниз по лестнице за ним. Что же касается бедняги тевтона, то ему лучше позаботиться о себе самому, и побыстрее. Большой проектор, несомненно, сперва

используют против тевтона, чтобы смести его с пути. Если бы только у него хватило здравого смысла дунуть вверх по лестнице, то он мог бы заставить Колокольников разделить силы.

Кикаха выглянул из дверей, не увидел никого и полетел по коридору вперед. При выходе к началу лестницы он посмотрел наверх, прежде чем пересечь площадку перед ней. Покамест в поле зрения не появлялось никаких Колокольников. Кикаха побежал дальше по коридору, а потом вниз по необычно длинной лестнице и через коридор, мимо зала ретропсихических зеркал. Он пробежал мимо нескольких лифтов, но не воспользовался ими, поскольку они могли быть заминированы или, по меньшей мере, иметь передающие устройства. Его целью была комната, содержавшая тайные врата, которыми он до этого не желал воспользоваться. Не воспользуется он ими и теперь, если его к этому не вынудят. Но Кикаха хотел быть рядом с ними в случае, если его загонят в угол.

В комнате он разобрал кресло, словно вырезанное из бумаги, вытащил из выемки под сиденьем полумесяц.

Другой полумесяц выполз из толстого основания пьедестала для статуи. Оба полумесяца хотя и выглядели весившими по полтонны, были нетяжелыми и их легко было перенести. Кикаха заткнул полумесяцы за пояс и затянул тот, чтобы удержать их. Они причиняли ему неудобства, но страховали его, и поэтому стоило потерпеть.

По всему дворцу имелись тысячи таких спрятанных половинок врат и были еще другие, непомеченные, в открытых местах. Последним и мог воспользоваться всякий, но никто не знал, что его ждет на другом конце перехода. Даже Вольф не помнил, где находятся все спрятанные полумесяцы и куда они ведут. Вольф занес их все в кодозаписыватель, но и сам кодозаписыватель был замаскирован и находился в центре управления.

Кикаха бежал прытко и умчался далеко, но не настолько, чтобы очутиться в безопасности. Когда он шагнул из комнаты, в дальнем конце коридора появился Колокольник. Другой выглянул из-за угла в противоположном конце коридора. Они, должно быть, заметили его, когда он бежал, и отправились этим путем, надеясь его поймать. По крайней мере, у одного хватило ума пробежать мимо места, где только что находился Кикаха, и спуститься по лестнице, чтобы перехватить его. Кикаха отступил, ослабил силовое поле и выглянул из окна. Примерно шестнадцатью метрами ниже шел карниз, но Кикахе не на чем было спуститься, и он не хотел испытывать еще одно поле, если в этом

не возникнет необходимость. Он вернулся к двери, выдвинул лучемет и выстрелил в обоих направлениях. Послышались крики, но они были такими отдаленными, что Кикаха был уверен, что ни в кого не попал.

Дверь комнаты напротив него оказалась закрыта. Он мог бы спрятаться за ней. Но если дверь заперта на замок, а это вполне могло случиться, то он будет доступен для огня с обеих сторон коридора.

Сожалеть теперь было слишком поздно.

Если бы он не остановился, чтобы достать полумесяцы, он мог бы опередить их.

Кикаха снова оказался загнанным в угол, и хотя у него был выход, он не собирался им воспользоваться. Во второй раз вернуться во дворец намного труднее, и тевтон будет предоставлен самому себе. Кикаха чувствовал себя так, словно бросает его на произвол судьбы, но ничего не мог с этим поделать.

Он сложил два полумесяца, образуя круг. И выпрямился как раз тогда, когда в дверной проем влетела граната.

Она прокатилась около полутора метров и остановилась, вращаясь вокруг оси. Граната находилась примерно в десяти метрах от Кикахи, а это означало, что он был за пределами досягаемости нейтронов.

Но сейчас сюда швырнут и две другие, оставленные им в комнате, и, наверное, у Колокольников есть еще. В любом случае они привезут сюда большой проектор. Бесполезно откладывать неизбежное. Так решил Кикаха.

22

Он шагнул во врата и очутился в камере храма Таланака. Там были Анана, краснобородые и множество ташкетмоаков. Они разговаривали.

При виде его они подпрыгнули, закричали. Вид у них был удивленный. Он шагнул было вперед, и тут все пропали. Небо осталось без звезд, но с запада на восток по нему несся небольшой пылающий объект, а другой медленно тащился на запад. Наклоненная, словно Пизанская башня, планета висела, ярко пылая в небесах.

Вдали отливали белым мраморные здания Корада. В сотне ярдов от него взвод дракландских солдат начал осознавать, что во вратах кто-то появился. Из-за холмов поднимался твердый предмет. Это был аэролет Колокольников.

Затем все пропало. Кикаха очутился в пещере примерно трех метров в поперечнике и двух с половиной метров в высоту. Там ярко сияло солнце.

В отдалении виднелось гигантское дерево с огромными лазурными листьями семиугольной формы. За ним выглядывало несколько алых кустов и зеленых лоз, поднимавшихся, казалось, без всякой опоры, как поднимается в воздух веревка под музыку факира-индуса. Дальше просматривалась тонкая голубая линия, белая нить и тонкая черная линия – море, прибой и черный песок пляжа.

Кикаха бывал здесь прежде несколько раз.

Это были одни из врат, какими он пользовался, чтобы попасть на самый нижний уровень, уровень Сада, во время своих "каникул".

Хотя и удивившись, Кикаха понял, что попал в резонансную цепь. Где-то кто-то установил аппарат, ловивший шагнувшего в любые из врат цепи. Пойманный не мог выйти, потому что время его действия было слишком кратким. То есть он мог бы попытаться выйти, но был бы разрезан пополам. Одна часть останется там же, а другая пойдет по вратам на следующий круг.

Пещера исчезла, и Кикаха очутился на макушке одного из множества высоких и узких пиков. Сбоку, вдали виднелось нечто, что походило на Великие Прерии. Конечно же это, должно быть, огромное стадо бизонов покрывало коричнево-зеленую прерию, словно черная вода. Проплыл, заклекотав, ястреб. У него была изумрудно-зеленая голова и закручивающиеся спиралями по ногам перья. Насколько Кикаха знал, этот ястреб обитал только на Индейском уровне.

Затем все пропало, и он снова оказался в пещере.

Она была больше, чем пещера Сада, и темнее. К полумесяцам врат тянулись провода. Они извивались по зеленому полу и прятались за огромным валуном. Где-то звенела сигнализация. У противоположной стороны стоял шкафчик с открытыми дверцами. На полках лежало оружие и разного рода приборы. Кикаха узнал эту пещеру и также понял, что именно отсюда-то и происходит резонанс. Но ловца еще не было видно, хотя скоро он появится, если находился в пределах слышимости сигнализации.

Затем все пропало, и Кикаха очутился в камере из каменных плит, склоненных в одном направлении, словно их толкнула огромная рука, а часть потолка обвалилась внутрь. Небо было зеленое, а монолит, кусок которого он видел, тонким и парящим, и поэтому Кикаха понял, что находится в атлантской камере и что каменный столп – это тот, который поддерживает дворец Господа в тридцати километрах выше.

Потом пропало и это, и Кикаха очутился там, где начал свое невольное путешествие с прыжками, как в игре в "классики".

Он стоял в полумесяце в комнате дворца. На него пялились двое Колокольников, а затем они подняли свои лучеметы. Кикаха выстрелил первым, так как ожидал, что ему придется воспользоваться оружием.

Тридцать четыре долой. Осталось шестнадцать.

И это пропало. Анана и тиуд стояли теперь у врат. Кикаха ей крикнул:

– Резонансная цепь! Я попался!

Он снова очутился на Луне. Аэролет был теперь немного ближе, спускаясь вдоль склона холма. Сидевшие в нем, вероятно, еще не увидели его, но увидят на следующем обороте или после него. Все, что им требуется сделать, так это держать луч поперек врат, и Кикаху разрежет, как только он появится.

Дракландские солдаты бежали теперь к нему. Некоторые стояли смирно, но поднимали свои арбалеты.

Кикаха, не желая привлекать внимания Колокольников в аэролете, воздержался от стрельбы в солдат.

Последовала пещера Сада. Затем он очутился на вершине пика на Индейском уровне и очень поразился, так как ястреб влетел в район врат как раз тогда, когда появился Кикаха. Ястреб поразился не меньше. Он заклекотал и, приземлившись ему на грудь, вонзил в нее когти. Кикаха выставил одну руку, чтобы защититься и почувствовал страшную боль, когда клюв ястреба вонзился в обгоревшую руку. Ястреб вырвал кусок мяса из руки и груди. Ястреб вылетел из круга, но не был разрезан пополам. Ему отсекло перья на кончике крыла, вот и все.

Кикаха начал двигаться одновременно с началом действия врат. Он прошел через границу в пещеру на дракландском уровне и в саму камеру.

Кикаха случайно рассчитал время до доли секунды.

Только что появившийся в пещере чрезвычайно толстый человек держал в одной руке мертвого полуобугленного кролика, а в другой – лучемет. Толстяк ожидал, что появится мужчина или женщина, хотя, конечно, не мог знать, когда именно. И он не мог предположить, что окажется во власти ястреба.

Кикаха получил возможность увидеть, как Джудубра выронил кролика и лучемет и вскинул руки. Затем Кикаха очутился в камере атлантов. Он присел и подпрыгнул, насколько мог высоко, но так, чтобы не покинуть круга. Он был в пике своего прыжка с подтянутыми ногами, когда появился в дворцовой камере. Но его прыжок, предназначенный для того, чтобы вознести его над лучом, который могли направить в круг, оказался ненужным. Двое Колокольников валялись на полу, почерневшие, в сгоревшей одежде. В комнате было не продохнуть от

запаха сильно обгоревших тел. Кикаха не знал, что случилось, но на следующем круге в этой комнате должны оказаться Колокольники.

Они, как надеялся Кикаха, будут знать о происходящем не больше чем он. Колокольники будут озадачены, но они не настолько глупы, чтобы не понять, что убийца выскакивал из врат, а потом ускакивал обратно. Анана тоже исчезла.

Кикаха очутился во вратах храма в Таланаке. Жрец, Вирус, крикнул ему:

– Она прыгнула во врата! Она тоже поймана, и она...

Кикаха очутился на Луне. Аэролет был ближе, но не прибавил скорости. Затем из него выплеснулся луч света и сосредоточился на Кикахе. Колокольники в аэролете вдруг заметили волнение солдат, бежавших к вратам и целившихся из арбалетов, и включили свет, чтобы выяснить причину волнения.

Послышался звон, когда арбалетчики выпустили свои стрелы. Кикаха очутился в пещере на уровне Сада. Следующая остановка – маленькая плоская площадка на вершине пика. Он посмотрел себе на грудь, с которой капала кровь, и на руку, тоже окровавленную. Кикаха чувствовал боль, но не такую сильную, какую почувствует позже.

Он был нечувствителен к малой боли. Большая боль для него – это неизбежный конец. До него доберутся либо толстяк в пещере, либо Колокольники. Толстяк, избавившись от ястреба, мог спрятаться за валуном и испепелить его. Существовала, конечно, надежда, что толстяк хотел захватить его в плен.

Кикаха очутился в пещере. Ястреб и толстяк лежали мертвые, почерневшие, и ноздри Кикахи забил запах поджаренных перьев и мяса. Имелось только одно объяснение: Анана, ехавшая по цепи впереди него, сразила лучом их обоих. Толстяк, должно быть, все еще боролся с ястребом, и поэтому Анана застала его врасплох.

Если Кикаха и сомневался, что Анана его любит, то теперь он имел доказательство этого – она была готова пожертвовать жизнью, пытаясь спасти его. Она сделала это, почти не думая. У нее было мало времени, чтобы понять, что происходит. Но она проделала это быстро и еще быстрее бросилась во врата. Анана, должно быть, знала, что пройдет неперерезанной, только если кинется точно после включения врат. Она никак не могла определить точного момента прыжка Кикахи. Анана увидела, как он появился и исчез, а затем рискнула.

Кикаха подумал, что она наверняка любит его.

Если она могла заскочить, не пострадав, то он тоже мог выскочить.

Материализовались, словно гигантский волшебный замок, атлантические развалины, и Кикаха прыгнул вперед. Он приземлился на полу комнаты во дворце, но его не задело.

Его пятка болела так, словно в нее вцепилась крыса. Кусочек кожи на краю пятки отхватило дезактивировавшимся полем.

Затем что-то появилось. Это была Анана. Она кринула:

– Предметы! Бросай их во...

Она пропала.

Ему не требовалось ломать голову над тем, что она хотела сказать, потому что он уже раньше надеялся, что она выберет эти средства, чтобы остановить резонансную цепь. Помимо отключения активирующего прибора единственный способ остановить цепь – это класть в пустые врата предметы с достаточной массой. В конечном итоге, когда все врата будут заняты, цепь остановится.

Обычный способ разделения полумесяцев тут не сработал бы. Резонансная цепь выключала магнитное притяжение между полумесяцами, а притяжение это могли разорвать только некоторые приборы во дворце, но они были заперты в арсенале.

Не спуская глаз с двери, с лучеметом наготове Кикаха подтащил тело Колокольника к полумесяцам. Он подсчитывал секунды, пытаясь выяснить приблизительное время появления здесь Ананы. Пока считал, Кикаха увидел уголком глаза появление и испарение во вратах пяти предметов. Появилась бочка, перерезанный по животу торс дракландского солдата, половина большого серебряного сундука с сыпавшимися из него самоцветами, большая нефритовая статуя и безголовое, безногое, почти бескрылое тело зеленой орлицы.

Его охватила лихорадка беспокойства.

Тиуды в Таланаке, должно быть, выполняли ее приказ, отданный как раз перед тем, как она прыгнула во врата. Они бросали во врата предметы как можно быстрее, но цепь могла остановиться не сейчас, а тогда, когда Анана очутится на Луне. И если это так, то она наверняка будет схвачена и убита.

Затем, когда Кикаха вот-вот готов был опрокинуть во врата тело Колокольника, появилась Анана и не исчезла.

Кикаха пришел в такой восторг, что чуть не забыл следить за дверью.

– Удача не покидает нас! – воскликнул он.

Потом он сообразил, что его могут услышать за пределами комнаты, и тихо добавил:

– Шансы, что цепь остановится, пока ты здесь, были почти нулевыми.

– Шанс тут ни при чем, – ответила Анана.

Она шагнула из врат, обняла и поцеловала его. В любое другое время он бы пришел в восторг, теперь же он сказал:

– Позже, Анана. Колокольники.

Она отступила и предупредила:

– Через секунду здесь появится Нимстоул. Не стреляй.

Тощий человек появился внезапно. Он имел два лучемета в руке и за поясом. И имел также нож, а вокруг плеча была намотана веревка. Кикаха отвел свой лучемет от двери и направил его на Нимстоула.

– В этом нет необходимости, – сказал Нимстоул. – Я ваш союзник.

– Пока?.. – уточнил Кикаха.

– Все, что я хочу, – это вернуться в свой собственный мир, – заверил их Нимстоул. – С меня больше чем достаточно этих убийств и пребывания на грани смерти. Во имя Шамборимена, разве одного мира недостаточно для одного человека?

Кикаха ему не поверил, но решил, что Нимстоулу можно будет доверять, пока не умрет последний Колокольник. Он проговорил:

– Я не знаю, что происходило там, за дверью. Я ожидал атаки, но ей уже давно полагалось бы начаться. У них там большой лучемет. Колокольники могли бы выстрелить из него и зажарить нас всех.

Кикаха спросил у Ананы, что случилось, хотя обо всем догадывался. Она рассказала, что Нимстоул зашел в пещеру и нашел своего партнера мертвым, пойманным тем, на кого он устроил ловушку. Нимстоул решил, что ему надоело прятаться в этой пещере. Он хотел вернуться в собственный мир и, конечно, как положено Господу, стереть в порошок Колокольников. Он отключил резонансный прибор, когда снова появилась Анана. После этого потребовалось всего несколько секунд для установки резонатора так, чтобы он доставил двух человек с безопасными интервалами во Дворец, где Анана видела Кикаху.

– Что ты хочешь сказать? – переспросил Кикаха. – Мне пришлось выпрыгивать! Я выскочил, но потерял кожу с пятки.

– Конечно, ты никак не мог знать, – согласилась Анана. – Но если бы ты не прыгнул, то мог бы минуту спустя выйти совершенно безопасно.

– В любом случае, ты бросилась за мной, – решил Кикаха, – а это все, что важно.

Анана озабоченно разглядывала его. Он обгорел и кровь все еще капала на пол. Но Анана ничего не сказала.

Для него нельзя будет ничего сделать, пока они не найдут какую-нибудь помощь. А она могла находиться достаточно близко, если они смогут выбраться из этой комнаты.

Кому-то необходимо было высунуть голову в коридор.

Нимстоул не собирался записываться в добровольцы, а Кикаха не хотел, чтобы это делала Анана, и поэтому выглянул сам.

Вместо ожидаемого им луча он увидел пустой коридор. Кикаха велел всем выходить за ним и повел их в комнату, расположенную примерно на четверть мили дальше по коридору.

Здесь он промыл свои раны и ожоги, наложил на них псевдокожу и выпил снадобье для снятие шока. Все поели и напились, пока обсуждали, что им делать дальше.

Говорить было особенно не о чем. Единственное, что им оставалось, это ждать, пока они не выяснят, что происходит во дворце.

23

Они ничего не выяснили, пока не вышли к огромной лестнице, ведшей на этаж, где располагался центр управления.

Там валялся мертвый Колокольник с почти целиком сожженными ногами, а за обуглившимся диваном лежал другой Колокольник. У этого обгорел бок, но степень ожога указывала, что энергия луча, прежде чем ударить его, была частично поглощена. Он был еще жив.

Кикаха осторожно приблизился к нему и, удостоверившись, что он не прикидывается потерявшим сознание, опустился рядом с ним на колени. Он собирался применить грубые методы для приведения его в сознание, чтобы потом допросить. Но когда ему приподняли голову, Колокольник открыл глаза.

– Лувах! – воскликнула Анана. – Мой брат! Один из моих братьев! Но что он здесь делает? Как...

Анана держала в руках предмет, который, должно быть, подобрала под диваном. Он был примерно двух с половиной футов длиной, из какого-то серебристого материала, а формой напоминал рог африканского буйвола. Однако на выходном отверстии у него был широкий раструб, а на другой конец был насажен мундштук из мягкого золотистого материала. На верху рога вытянулись в ряд семь маленьких кнопок.

Кикаха сразу узнал рог Шамборимена.

Надежда одним рывком подняла его на ноги.

– Вольф вернулся! – воскликнул Кикаха.

– Вольф? – переспросила Анана. – А, Джадавин... Наверное. Но что здесь делает Лувах?

У Луваха было лицо, которое при обычных обстоятельствах казалось бы привлекательным. Он был Господом, но со своим

курносым носом, толстой губой, веснушками и светло-голубыми глазами легко мог сойти за ирландца, простолюдина.

– Поговори с ним, – предложил Анане Кикаха. – Может, он...

Анана опустилась на колени рядом с Лувахом и заговорила с ним. Он, кажется узнал ее, но выражение его лица могло означать все что угодно.

– Он может не вспомнить меня в таком состоянии, – пояснила Анана, – или он боится. Возможно, он думает, что я собираюсь убить его. Помнишь, я же Господь.

Кикаха сбегал в комнату, где можно было взять воды. Он принес целый кувшин, и Лувах жадно напился. Затем он шепотом рассказал Анане свою историю.

Спустя несколько минут она поднялась и рассказала все им:

– Он попал в ловушку, устроенную Уризеном, нашим отцом. Так, во всяком случае, он думал в то время, хотя на самом деле ее устроила Вала, наша сестра. Они с Джадавином-Вольфом стали друзьями. Вольф и его женщина, Хрисенда, попали в ловушку вместе с другими: еще одним моим братом и несколькими кузенами. Лувах говорит, что история эта слишком длинная, чтобы рассказывать сейчас ее*. Уцелели только Лувах, Вольф и Хрисенда. Они вернулись, воспользовавшись рогом. Рог, как ты знаешь, может сдублировать резонанс любых врат, если эти врата не установлены на перемещение без всякой системы. Они вернулись через врата в тайное отделение центра управления. Затем Вольф заглянул в центр управления через монитор. Там никого не было. Вольф переключился на другие экраны и увидел множество убитых людей и талосов. Он, конечно, сперва не знал, что эти люди – Черные Колокольники, а потом увидел шкатулки. Вольф все еще не улавливал связи, в конце концов прошло-то ведь только десять тысяч лет! Но Вольф проскочил через врата в центр управления вместе с Хрисендой. Для страховки он отправил Луваха через врата в комнату этажом ниже. Если бы кто-то напал на них в центре управления, то Лувах мог бы проскользнуть к ним.

– Вольф – не дуролом, – согласился Кикаха.

Он гадал, почему Вольф не увидел живых Колокольников, но вспомнил, что дворец был таким огромным, что Вольф мог потратить не один день на осматривание всех комнат. Ему, вероятно, не терпелось отдохнуть после своих несомненно мучительных приключений и так радостно было снова оказаться дома, что он несколько поторопил события. Кроме того, центр управления и окружающие помещения никто не занимал.

* См. "Врата мироздания".

– Лувах сказал, что он поднялся по лестнице и собирался войти в центр управления и сообщить Вольфу, что все чисто. В этот самый момент в особенно больших вратах появились два человека, Колокольники, конечно. С ними были части разобранного аэролета и большой проектор.

– Фон Турбат и фон Свиндебарн! – догадался Кикаха.

– Должно быть, они, – согласилась Анана. – Колокольники поняли, что случилось что-то не то после твоего появления и исчезновения во вратах на Луне. А потом то же произошло и со мной. Колокольники бросили свои поиски и...

– Расскажешь мне все остальное, пока я донесу Лувaха, – перебил ее Кикаха. – Мы доставим его в комнату, где можем подлечить его ожоги.

Кикаха отнес потерявшего сознание Луваха в комнату, где он не так давно лечился сам. Нимстоул и Анана прикрывали его во время этого перехода. Здесь он применил противошоковые медикаменты и псевдокожу.

Тем временем Анана закончила рассказ.

Двое главных Колокольников, кажется, ожидали неприятностей и держались наготове. Они выстрелили из большого проектора и вынудили Вольфа с Хрисендой укрыться среди титанических пультов и машин.

Лувах спрятался за пультом неподалеку от дверей. Двое Колокольников вели огонь, пока через врата проходило множество солдат, и с ними было существо, показавшееся Таланаку странным, но Анана узнала по описанию Подаргу. Судя по мимолетному взгляду, брошенному на нее Лувахом, она была без сознания.

Ее несли несколько солдат.

– Подарга! Я думал, что она воспользовалась вратами в пещере, чтобы удрать с Луны. – Кикаха недоумевал. – Интересно. Как ты полагаешь?

Несмотря на серьезность ситуации, он не мог удержаться от смеха. Одни из врат отправили бы ее в пещеру на уровне Атлантиды. Там было шесть или семь врат, и все они имели указания, на какой уровень они доставят воспользовавшегося вратами. Но все знаки лгали, а код знали только Кикаха, Вольф и Хрисенда. Поэтому Подарга наобум воспользовалась полумесяцем, отправившим ее на атлантический уровень, где она оказалась сравнительно недалеко от своего дома. Вот так бывает!

Но она очутилась снова на Луне, в той же самой пещере.

Почему же тогда сохранилось только четыре полумесяца, когда возвращение Подарги должно было довести их число до пяти?

Подарга тоже была хитра. Должно быть, она пропустила что-то через врата, оставив только четыре полумесяца. Поскольку Шуптарт не упомянул о детенышах больших белых обезьян, то Подарга, должно быть, пропустила их через врата. Наверное, потому, что она страдала подозрительностью и думала, что Кикаха воспользовался единственными нужными. Кто знает, какие мысли роились в голове полубезумной полуженщины-полуптицы? В любом случае она осталась на Луне. Колокольники, возможно, именно на нее и охотились в развалинах Корада, когда Кикаха увидел их, находясь в резонансной цепи.

Солдаты вынудили Луваха отступить из центра управления. Некоторые из них держали лучеметы. Это удивило Кикаху. Должно быть, Колокольники дошли до крайнего отчаяния, если выдали дракландцам такое оружие.

Поэтому Луваху пришлось отойти, но, делая это, он убил множество своих преследователей. Затем он получил тяжелый ожог, но даже так сумел спалить оставшихся. Шестеро убитых носили на спине шкатулки.

– Вольф! Хрисенда! – воскликнул Кикаха. – Мы должны сейчас же отправиться туда! Возможно, они нуждаются в нас!

Несмотря на свое неистовство, Кикаха сумел сдержаться и вести себя осторожно, когда они приблизились к центру управления. По пути они прошли мимо обугленных тел, свидетельство того, что Лувах дрался хорошо.

Кикаха вел союзников довольно быстро. Это ему самому казалось неосторожным, но он чувствовал, что Вольф, может быть, в этот самый миг остро нуждался в нем.

Путь к центру управления отмечали обугленные трупы и поврежденная мебель и стены. Вонь от пережаренного мяса становилась тем сильнее, чем ближе они подходили к своей цели. Кикаха страшился входить в центр. Было бы в самом деле трагично, если бы Вольф и Хрисенда пережили столь многое только для того, чтобы быть убитыми по возвращении домой.

Кикаха мысленно подбодрил себя, но когда он, пригнувшись, вбежал в центр, огромное помещение казалось безмолвным, как червь в трупе. Повсюду валялись убитые, включая еще четырех Колокольников, но ни Вольфа, ни Хрисенды среди убитых не оказалось.

Кикаха испытал облегчение от того, что они сбежали. Но куда? Поиск выявил, где они дали свой последний бой. Они окопались в углу у задней стены за огромным щитом видеомониторов. Экраны вдребезги разлетелись от лучей нескольких лучеметов, а металл шкафа был расплавлен и разрезан. То тут,

то там за пультами валялись тела дракландских солдат, попавших под лучи Вольфа или Хрисенды.

Фон Турбат (Траумгасс) и фон Свиндебарн тоже погибли. Они лежали у большого проектора, который продолжал излучать энергию, пока она не иссякла. Фон Турбата разрезало почти пополам, фон Свиндебарна зажарило от бедер до макушки. К их спинам все еще были пристегнуты шкатулки.

– Мы не досчитываемся только одного Колокольника, – прикинул Кикаха.

Он вернулся в угол, где сражались Вольф и Хрисенда. Здесь к металлическому полу был прикреплен большой серый металлический диск. Должно быть, это были новые врата, помещенные здесь Вольфом после того, как Кикаха последний раз побывал во дворце.

– Анана, – проговорил он, – возможно, мы сумеем выяснить, куда ведут эти врата, если Вольф занес их в свою кодовую книгу. Он, должно быть, оставил мне записку, если у него нашлось время. Но ее могли уничтожить Колокольники. А может, и нет. Но сперва должны отыскать того последнего и единственного Колокольника. Если он убрался отсюда, вернувшись через врата в твою вселенную или же к Нимстоулу с Джудуброй, то перед нами встает неразрешимая проблема.

– Это вызывает такой страх! – Анана содрогнулась. – Почему Господы не бросят драться между собой и не объединятся, чтобы избавиться от Колокольников?

Она пошла прочь. Ее беспокойство и почти паника, вызванные звоном в мозгу от близости шкатулок Колокольников, было очевидным.

– Я должна выбраться отсюда, – сказала она, – или, по крайней мере, отойти на некоторое расстояние.

– Я еще раз осмотрю трупы, – объяснил Кикаха. – Погоди! Где Нимстоул?

– Он был здесь, – ответила Анана. – Я думала, что... Нет, я не знаю, куда он исчез!

Кикаха почувствовал раздражение оттого, что она не держала под наблюдением маленького Господа, но он воздержался от замечаний, поскольку гневом ничего не добьешься. Кроме того, недавних событий было достаточно, чтобы отвлечь любого, и потом ее сводил с ума звон в голове.

Анана поспешно покинула центр. Кикаха прошел через помещение, проверяя каждое тело, заглядывал повсюду.

– Вольф и Хрисенда, безусловно, хорошо постояли за себя, – проговорил он, – они действительно искривляли лучи, чтобы

достать Колокольников за пультами. Короче, они постояли за себя слишком хорошо. Я этому не верю.

А Подарга?

Кикаха подошел к дверям, где стояла на своем сторожевом посту Анана.

– Я не могу взять этого в толк, – объявил он. – Если Вольф убил всех нападавших, что маловероятно, то зачем ему с Хрисеидой понадобилось уходить через врата? И как, черт побери, Вольф сумел сразить лучом двух Колокольников, когда тем полагалось изжарить его первым же выстрелом из проектора? И где Подарга и недостающий Колокольник?

– Наверное, они тоже ушли через врата в разгаре боя, – предположила Анана, – или улетели из центра управления.

– Да, а где Нимстоул? Пошли. Начнем искать.

Анана застонала. Он не винил ее. Из них обоих повыкачало энергию, но они не могли сейчас останавливаться. Он заставил ее подняться, и вскоре они изучали тела в коридорах за пределами центра управления и на лестнице. Кикаха удостоверился, что убил двух Колокольников ракетами-шпионами. Пока они рассматривали солдата, сгоревшего во время боя с Лувахом, до них донесся стон.

С лучеметом наготове они приблизились с двух сторон к перевернутому бюро.

За мебелью они обнаружили Нимстоула, сидевшего, привалившись спиной к стене. Он держался за правый бок, и сквозь его пальцы сочилась кровь. Поблизости от него лежал человек с пристегнутой к спине шкатулкой.

Это был недостающий Колокольник. В живот ему загнали по рукоятку нож.

– У него был лучемет, – пояснил Нимстоул, – но заряд, должно быть, истощился. Он попытался подкрасться и убить меня ножом.

Кикаха изучил рану Нимстоула. Хотя кровь текла обильно, рана оказалась неглубокой. Кикаха помог Господу подняться, а затем удостоверился, что у того нет припрятанного оружия. Он помог ему войти в комнату, где спал Лувах, наложил на его рану псевдокожу и дал ему немного кровевосстанавливающего.

– И он мог добраться до меня, – жаловался Нимстоул. – Так быстро он прыгнул. Но это вовремя предупредило меня.

И он поднял руку с таким же, как у Ананы, кольцом.

– Все Колокольники мертвы, – облегченно вздохнула Анана.

– В это трудно поверить, – отозвался Нимстоул. – Наконец-то! И последнего убил я!

Кикаха улыбнулся, но воздержался от комментариев, а просто предложил:

– Ладно, Нимстоул, поднимайся-ка на ноги и не пытайся что-нибудь выкинуть. Я на время запру тебя.

Он снова обыскал Нимстоула. Тот оскорбился и заорал:

– Почему ты так поступаешь со мной?

– Я не верю в ненужный риск. Я хочу проверить тебя. Пошли. Дальше по коридору есть комната, в которой я тебя запру, пока не удостоверюсь, что ты честно играешь.

Нимстоул всю дорогу протестовал, и Кикаха, прежде чем закрыть его, поинтересовался:

– Что ты делал в такой дали от центра управления? Тебе полагалось быть с нами. Ты ведь не убегал от нас, верно?

– Ну и что с того, что убегал? – огрызнулся Нимстоул. – Битва закончилась, или я так, по крайней мере, думал. Я собирался вернуться в свою вселенную, прежде чем эта Анана попытается убить меня, так как теперь она во мне не нуждается. Я не мог уповать на то, что ты удержишь ее. В любом случае не так уж плохо, что я покинул вас. Если бы я этого не сделал, тот Колокольник мог бы уйти или устроить вам засаду.

– Может, ты и прав, – согласился Кикаха. – Но так или иначе, ты останешься здесь. – Он закрыл дверь и запер ее, нажав кнопку на стене.

24

После этого они с Ананой продолжили поиск. Они могли бы сократить эту работу, если бы воспользовались видеомониторами в центре управления, поскольку с их помощью можно было увидеть много комнат и коридоров. Но покидая дворец, Вольф отключил их, зная, что Кикаха сможет их снова привести в действие, если вновь наведается во дворец. Колокольники не сумели найти источник управления и не располагали ни временем, ни возможностью, чтобы разобрать пульт управления и перемонтировать его. Теперь же Кикаха не мог воспользоваться мониторами, так как бой вывел их из строя.

Они осмотрели сотни комнат, дюжины коридоров, десятки лестниц и все же проверили лишь малую часть здания, а им пришлось пройти еще много подсобных строений.

Кикаха и Анана решили, что им надо подкрепиться и выспаться. Они проверили состояние Луваха, который крепко

спал, и заказали из кухни обед. Поев, Кикаха решил подняться в центр управления и удостовериться, что там не произошло ничего важного. Он питал некоторые надежды, что может вернуться Вольф, хотя это казалось маловероятным. Существовала вероятность, что врата действовали односторонне, если не воспользоваться рогом Шамборимена, а тот был у Луваха.

Они потащились обратно вверх по лестнице. Кикаха не хотел пользоваться лифтами, пока не обретет уверенности, что они не заминированы. Как раз перед тем, как войти в центр управления, Кикаха остановился.

– Ты что-нибудь слышала?

Анана покачала головой. Он жестом велел ей прикрыть его и, прыгнув к двери, покатился по полу за пульт управления. Некоторое время он лежал так, прислушиваясь. Вскоре он услышал тихий стон. Затем – тишина и еще один стон. Кикаха пополз по полу от пульта к пульту, ориентируясь по звукам.

Он был удивлен, хотя и не потрясен, когда обнаружил привалившуюся к пульту Подаргу. Ее перья почернели и испускали зловоние, ноги обуглились, некоторые пальцы отвалились. Груди превратились в коричнево-красное мясо.

Рядом с ней лежал лучемет. Когтистая лапа стискивала его рукоять.

Она вошла в центр, пока они с Ананой отсутствовали, и кто-то подстрелил ее.

По-прежнему по-пластунски Кикаха провел поиск и через минуту нашел кое-кого. Это был солдат Шуптарт, которого он считал убитым. Но теперь Кикаха вспомнил, что не видел его трупа. Это, правда, ничего, не объясняло, поскольку многие тела обуглились до неузнаваемости.

Значит, тевтон смылся от Колокольников, и, вероятно, он сбежал на нижние этажи. Теперь он вернулся выяснить, что происходит. Подарга тоже вернулась вскоре после своего отлета из центра в самый разгар боя между Колокольниками и Вольфом. Эти двое, не имевшие на самом деле никаких причин для конфликта, смертельно обожгли друг друга.

Кикаха заговорил с тевтоном, и тот что-то пробормотал. Кикаха нагнулся к нему поближе. Слов было почти не разобрать, но некоторые из них он уловил. Речь не походила на немецкую. Тевтон говорил на языке Господов!

Кикаха вернулся к Подарге. Глаза ее потускнели, словно на них медленно, слой за слоем накладывали паутину.

– Подарга! – позвал Кикаха. – Что случилось?

Гарпия застонала, а потом что-то произнесла. И Кикаха снова поразился. И она говорила на языке Господов!

После этого она умерла.

Кикаха позвал Анану. Пока она стояла на страже, он попытался допросить Шуптарта. Тевтон находился в глубоком шоке и быстро умирал. Но, казалось, он узнал Кикаху, хотя только на миг. Наверное, жажда жизни придала ему столько сил, что он сумел высказать просьбу, способную спасти его, если бы Кикаха проявил милосердие.

– Мой колокол... там... надень его... мне на голову... Я буду...

Губы его дернулись, в горле что-то забулькало.

– Ты вселился в Шуптарта? – спросил Кикаха, – не так ли? Вместо того чтобы убивать его? Кем ты был?

– Десять тысяч лет, – прошептал Колокольник. – А потом... ты...

Глаза его затуманились, челюсть отвисла, словно подъемный мост, для того чтобы выпустить наружу его душу, если у Колокольников вообще была душа. А почему бы и нет, если они вообще у кого-либо имелись?

Колокольники были смертельными врагами для всех людей. Особенно ужасал их способ захвата человека. Но в действительности они являлись не более злобными, чем любой другой человек. Ведь в человеке умирал только разум, а тело продолжало жить.

– Колокольники захватили мозг Шуптарта, – объяснил Анане Кикаха. – Затем он, должно быть, сбежал на верхние этажи, рассчитывая, что если до меня не доберутся его дружки, то он-то позже обязательно достанет меня. Он думал, что я приму его за Шуптарта. Теперь – Подарга. Я бы сказал, что Колокольник переправился в нее на Луне, но этого не может быть. На Луне были только два Колокольника, фон Турбат и фон Свиндебарн. А Лувах объяснил, что видел, как они прошли через врата в центр управления. Поэтому захват, скорее всего, произошел после того, как скрылись Вольф и Хрисенда. Один из этих двух Колокольников вселился в Подаргу, но не раньше, чем они перебили бывших с ними дракландских солдат, чтобы придать делу такой вид, будто всех их поразили Вольф и Хрисенда. Потом они переключились на Подаргу и еще одного солдата, которого должны были пощадить для выполнения своих замыслов. И вот Колокольник в этом-то солдате и прыгнул на Нимстоула. Так что теперь фон Турбат и фон Свиндебарн мертвы, несмотря на все их хитрости. А Колокольник в теле Подарги должен был, держу пари, притвориться, что орлица бросила попытки добраться до меня. Она должна была молить о дружбе, вести себя так, словно действительно раскаивается, а когда моя бдительность ослабнет – хоп! Знаешь, это действительно смеш-

но. Ни Подарга-Колокольник, ни Шуптарт-Колокольник не знали ничего друг о друге, не ведали, что каждый из них – это замаскированный Колокольник, и поэтому они убили друг друга.

Он разразился громким смехом, но вдруг задумался.

– Вольф и Хрисенда где-то застряли. Давай сходим в библиотеку и заглянем в кодовую книгу. Если он занес туда эти врата, то мы можем узнать, как их привести в действие и куда делись Вольф с Хрисендой.

Они направились к двери. Кикаха немного отстал, потому что его спечалил вид Подарги. Она обладала лицом Ананы, поэтому Кикахе показалось, что перед ним мертвая Анана. Более того, Кикаху взволновало безумие гарпии, мука, которую она терпела три тысячи двести лет. Она могла бы снова оказаться с женским телом, если бы приняла предложение Вольфа. Но она слишком углубилась в свое безумие, она хотела страдать, а также мечтала отомстить человеку, поместившему ее в тело гарпии.

Анана остановилась так внезапно, что он чуть не врезался в нее.

– Этот звон! – простонала она. – Он начался опять!

Анана закричала и одновременно вскинула лучемет.

Кикаха уже выстрелил. Он направил луч в дверной проем прежде, чем там кто-нибудь появился. И теперь лучемет работал на полную мощь, достигнув режущего эффекта. Кикаха отсек кусок левого плеча Нимстоула.

Нимстоул отпрыгнул.

Кикаха побежал к двери, но не выскочил в коридор.

– Это фон Турбат или фон Свиндебарн! – крикнул Кикаха.

Он быстро размышлял. Один из двух вождей забрался в Подаргу, другой переключился в тевтона. Затем они сожгли свои бывшие тела и покинули центр управления, отправившись каждый своей дорогой, чтобы убить своих врагов.

Тот, что был в теле тевтона, напал на Нимстоула. Наверное, он действительно ранил Господа, однако он сумел переключиться на него.

Нет, этого не могло быть, поскольку для переключения требовалось двое Колокольников, и один должен орудовать Колоколом, дабы помочь другому.

Значит, Колокольник в теле Подарги должен был находиться потом в теле солдата. Орлица, должно быть, произвела пересадку, а затем убралась. Колокольник же в теле Нимстоула всадил нож в живот солдата, которого, вероятно, оглушил перед переключением.

Колокольник-Нимстоул мог бы добиться успеха, если бы Кикаха не действовал с привычной подозрительностью.

Каким-то образом Нимстоул-Колокольник выбрался из запертой комнаты. С помощью чего? Маленького маломощного лучемета, спрятанного в теле?

Нимстоул-Колокольник вернулся, надеясь застигнуть Кикаху с Ананой врасплох.

Если бы он преуспел, то мог бы выполнить завоевательные планы Колокольников. Но он не смог удержаться от искушения прихватить с собой колокол, и поэтому Анана вовремя заметила его присутствие.

Помочь в переводе Колокольника в солдата могла бы и Подарга, но если это сделала не она, значит, существовал еще один Колокольник, которого требовалось опознать, отыскать и убить.

Сперва, однако, необходимо заняться Нимстоулом-Колокольником.

Кикаха подождал достаточно долго. Потом он решил выяснить вот что. Если Колокольник убежал, то уже достаточно далеко, чтобы Кикаха без опаски сумел покинуть центр управления.

Если же Колокольник лежал в коридоре, истекая кровью, то Кикаха мог выйти в коридор. Если же Колокольник был ранен и не слишком тяжело, то он мог дожидаться появления Кикахи.

Какой бы ни была ситуация, Кикаха не мог больше ждать.

Он велел Анане посторониться, отступил на несколько шагов, затем разбежался и прыгнул через дверной проем.

На лету он перевернулся, уже включив лучемет. Он молниеносно провел лучом по стене и прорезал в мраморе канавку, разя вслепую, но готовый послать луч вниз, чтобы настигнуть Колокольника.

Колокольник валялся мешком у подножия стены. Лужа крови растекалась вокруг его плеча. Лучемет лежал у его ног, голова откинулась назад, а челюсть отвисла. Его кожа приняла синеватый оттенок.

Кикаха опустился на пол, отключил лучемет и медленно приблизился к Колокольнику.

Убедившись, что тот безвреден, Кикаха склонился над ним. Тот смотрел на него глазами, из которых еще не ушла жизнь.

– Мы обреченный народ, – прохрипел он. – Все складывалось в нашу пользу, и все же нам нанес поражение один-единственный человек.

– Кто ты? – спросил Кикаха, – Траумграсс или тот, который называл себя Свиндебарном?

– Траумграсс, король Колокольников. Я был в теле фон Турбата, а потом того солдата.

– Кто помог тебе перенестись в Нимстоула – в это тело? – спросил Кикаха.

– Разве ты не знаешь? – слабо проговорил он. – Тогда у нас есть еще надежда.

Анана отстегнула шкатулку от ремней Колокольника. Она открыла ее и, сморщившись, вынула большой черный колокол-колпак.

– Ты, может, думаешь, что умрешь, не сказав нам, кто тот Колокольник и что он собирается делать. Но ты не умрешь, – пообещала она и скомандовала:

– Кикаха, подержи его голову. Я собираюсь надеть на нее колокол.

Колокольник попытался было бороться, но он был слишком слаб и только чуть извивался. Наконец он поинтересовался:

– Что вы собираетесь делать?

– Содержимое твоего ума будет автоматически переправлено в колокол, – объяснила она. – Как тебе хорошо известно, это тело умрет, но мы найдем тебе здоровое тело и вложим в него твой ум, а когда мы проделаем это, то станем пытать тебя, пока ты не скажешь нам все, что мы желаем знать.

– Нет!

Колокольник застонал и снова попытался вырваться. Кикаха легко удерживал его, пока Анана помещала на его голову колокол.

Через некоторое время глаза Траумграсса остекленели и он умер. Кикаха посмотрел под колокол, когда Анана подняла его. Две крошечные иглы втягивались обратно.

– Я думаю, что его разум был принят прежде, чем умерло тело, – проговорил Кикаха. – Но, Анана, я не позволю тебе размагничивать мозг человека только для того, чтобы впустить эту тварь в его тело и получить некоторые сведения. Как бы там ни были важны эти сведения.

– Я это знаю, – согласилась Анана. – Я бы тоже этого не сделала. Благодаря тебе я вновь обрела кое-что из своей утраченной человечности. Более того, под рукой нет необходимых мне живых тел.

Она замолчала. Наконец Кикаха не выдержал.

– Не смотри на меня. У меня не хватит духу.

– Я тебя не виню. – Анана криво улыбнулась. – В любом случае я бы не хотела, чтобы это делал ты. Это сделаю я.

– Но...

Кикаха остановился. Это надлежало сделать, и он полагал, что если бы не вызвалась она, то это сделал бы он, хотя и очень неохотно. Он чувствовал некоторый стыд оттого, что позволял ей подвергаться тяжелому испытанию. Тем не менее он не стал

настаивать на своей кандидатуре. Он обладал большой смелостью, но то, что должно произойти, потребовало бы от него нечто несравнимо большего. А Кикаха не хотел считать себя трусом.

– Здесь есть наркотики, способные добыть правду, – напомнил он, – или, во всяком случае, то, что считает правдой исследуемый объект. Получить факты от тебя – я имею в виду от Колокольника – будет нетрудно, но ты действительно полагаешь, что это необходимо?

– Ты знаешь, какой ужас я испытываю перед колоколом, – ответила Анана. – Но я вложу в него свой разум и впущу одну из этих тварей в свое тело, если это наведет на след последнего Колокольника. Последнего, раз и навсегда.

Он хотел было возразить, но удержал язык за зубами. Это необходимо сделать.

Хотя он назвал себя трусом за то, что сам не решился на такое, и по его коже пробегали мурашки от страха за нее, Кикаха все же позволил Анане воспользоваться Колоколом.

Прежде чем подвергнуться пересадке, Анана прильнула к нему и яростно поцеловала.

– Я люблю тебя, – призналась она. – Я не хочу этого делать! У меня такое чувство, словно я кладу себя в могилу как раз тогда, когда я могла ожидать твоей любви.

– Мы могли бы просто обыскать этот дворец, – предложил Кикаха. – Мы обязательно выкурили бы Колокольника.

– Если он скрылся, мы никогда не узнаем, кого искать, – возразила она. – Нет. Действуй! Сделай это! Быстрее! Я сейчас чувствую себя так, словно умираю.

Анана лежала на диване. Она закрыла глаза, пока он надевал ей на голову колокол. Затем он держал его, пока тот не завершил свою работу. Дыхание Ананы, быстрое и неглубокое, через некоторое время замедлилось, веки затрепетали и открылись. Глаза ее смотрели теперь так, словно свет в них застыл во времени.

Подождав несколько лишних минут для гарантии, что колокол закончил пересадку, Кикаха мягко снял его с головы Ананы и положил в шкатулку на полу, после чего связал ей руки и ноги и плотно прикрутил Анану ремнями к дивану.

Он устроил у нее на голове колокол, содержавший разум Трауграсса.

Когда прошло двадцать минут, Кикаха почувствовал уверенность, что передача завершена.

Лицо Ананы ожило, глаза стали дикими, как у попавшего в силки ястреба. Голос остался столь же прекрасным, но модуляции его стали иными.

– Я могу определить, что нахожусь в теле женщины, – произнесла она.

Кикаха кивнул, а затем сделал укол наркотика ей в руку.

Он подождал минуту, а затем стал выкачивать нужные ему сведения.

Для извлечения фактов потребовалось довольно мало.

Господы ошибались относительно точного числа сохранившихся Колокольников. Их было пятьдесят один, а не пятьдесят, и Колокольники, конечно же, не посвятили в это своих врагов.

"Лишним" был Табууз.

Большую часть времени он находился внизу, в лабораториях дворца, где занимался созданием новых Колокольников.

Когда подняли тревогу из-за Кикахи, Табууз поднялся из лаборатории. Он не успел много сделать, но помог Трауграссу нокаутировать Нимстоула, а потом пересадить его мозг.

Трауграсс в теле тощего Господа должен был сделать еще одну попытку убить двух врагов Колокольников.

В случае его неудачи Табууз должен был отправиться через врата на землю со своим Колоколом и своими знаниями.

Там, на земле, спрятавшись в кишмя кишевшем человечестве, он обязан был изготовить новых Колокольников и еще раз попытаться завоевать миры.

– Какими вратами он воспользовался?

– Теми же, которыми воспользовались Вольф и Хрисенда, – ответил Трауграсс. – Они ведут на Землю.

– Откуда ты это знаешь?

– Мы нашли кодовую книгу, выяснили код и таким образом определили, что эти врата ведут на Землю. Табууз получил приказ воспользоваться ими, если чрезвычайная обстановка потребует, чтобы он убрался из дворца туда, где бы он мог спрятаться.

Кикаха был потрясен, но, поразмыслив, остался доволен.

Теперь у него появились две причины отправиться на Землю.

Одна, и самая важная, найти Табууза и убить его, прежде чем тот начнет осуществлять свой проект.

Вторая – он должен найти Вольфа и Хрисенду и сообщить им, что они могут вернуться домой, если пожелают, Вольф, несомненно, захочет помочь ему и Анане в охоте на Колокольника.

Кикаха вновь поместил колокол на голову Ананы.

Через пятнадцать минут перекачивание разума Трауграсса в колокол завершилось.

Тогда Кикаха надел ей на голову колокол, содержащий ее собственный разум.

Примерно через двадцать минут она открыла глаза и радостно произнесла его имя.

Некоторое время она плакала, прижимаясь к нему.

Анана сказала, что впечатление от пребывания в колоколе такое, словно ее мозг вырезали из головы и поместили в темную бездну.

Она не переставала думать, что с Кикахой может что-то случиться, и тогда она будет заперта в этом колоколе.

Анана знала, что сойдет с ума, и мысль о возможности остаться навеки безумной приводила ее в еще большее неистовство.

Кикаха утешал ее, и когда она немного успокоилась, сообщил ей все, что узнал.

Анана предложила отправиться на Землю вместе, но сперва им следует отделаться от Трауграсса.

– Это будет легко, – согласился Кикаха. – Я помещу колокол в пластиковый куб и поставлю его в музее. Позже, когда у меня появится время – то есть, когда я вернусь с Земли, – я доставлю его в Таланак. Можно будет разрядить его в приговоренного к смерти преступника, а потом убить. Сейчас же надо приготовиться к отправке на Землю.

Кикаха проверил по кодовой книге сведения, данные ему Колокольником.

Врата передачи находились в Южной Калифорнии, но конкретное место не уточнялось.

– У меня случались время от времени приступы ностальгии, – сознался Кикаха. – Но я преодолевал их. Это мой мир, этот мир ярусов, зеленых небес и сказочных зверей. Земля мне кажется похожей на большой серый кошмар, если я думаю о необходимости постоянно жить там. Но все же у меня возникает иногда небольшая тоска по дому.

Он помолчал, а потом продолжил:

– Мы, возможно, пробудем там какое-то время. Нам понадобятся деньги. Интересно, припас ли их где-нибудь Вольф?

Банк памяти подземной машины сообщил ему, где найти склад-хранилище земной валюты.

Кикаха вернулся из хранилища со странной усмешкой и мешком в руке.

Он вывалил содержимое мешка на пол.

– Мы все-таки захватим их. Возможно, нам удастся продать их коллекционерам. Мы возьмем также несколько драгоценных камней.

Он запрограммировал машины для изготовления одежды для себя и Ананы.

Одежды сделали по моде и образцам 1946 года.

– Сойдут, пока мы не сможем купить что-нибудь поновее.

Потом они перенесли Луваха в комнату побольше и поудобнее и поручили присматривать за ним кухонным талосам.

Кикаха оставил Анану поговорить с братом, а сам занялся сборами всего необходимого для путешествия на Землю.

Он уложил некоторые медикаменты, наркотики, лучеметы, заряды к ним, метательный нож для себя и небольшой стилет с ядом в полой рукоятке для Ананы.

Рог Шамборимена находился в футляре.

Кикаха отнес футляр в комнату, где находились Анана и Лувах.

– Я выгляжу, словно музыкант, – сказал он. – Мне надо будет постричься при первом же удобном случае, едва мы окажемся там. У меня такие длинные волосы, что я выгляжу, как Тарзан. Я не хочу привлекать внимания. Ах да, ты отныне вполне можешь называть меня Пол. Кикаха отпадает. Я теперь опять Пол Янус Финнеган.

Они попрощались с Лувахом, который пообещал охранять дворец в их отсутствие. Кикаха позаботился, чтобы талосы отправили все тела в крематорий, и установил защиту дворца от мародерствующих Господов.

Кикаха радовался, предвкушая путешествие с Ананой, пусть и недолгое.

Он явно был необычным Господом.

Несмотря на это, как только они вышли из комнаты Луваха, Кикаха осведомился у Ананы:

– Ты поговорила с ним о старых временах, как я тебя просил?

– Да, – ответила она. – Существует множество вещей, о которых он просто-напросто не мог вспомнить.

Кикаха остановился.

– Ты думаешь?

Она покачала головой и рассмеялась.

– Нет. Нашлось также множество вещей, о которых он помнил и которых Колокольник никак не мог знать. Он напомнил мне кое о чем, что я забыла сама. Он, безусловно, мой брат, он не Колокольник, как ты подозревал, мой подозрительный любимый.

Кикаха усмехнулся и ответил:

– Тебе эта мысль пришла на ум в то же самое время, что и мне. Помнишь?

Он поцеловал ее.

Как раз перед тем, как шагнуть во врата, приведенные в действие кодовой фразой, Кикаха спросил:

– Ты говоришь по-английски?

– Большую часть своих трех лет на Земле я провела в Париже и Лондоне, – ответила Анана. – Но я начисто забыла и французский и английский.

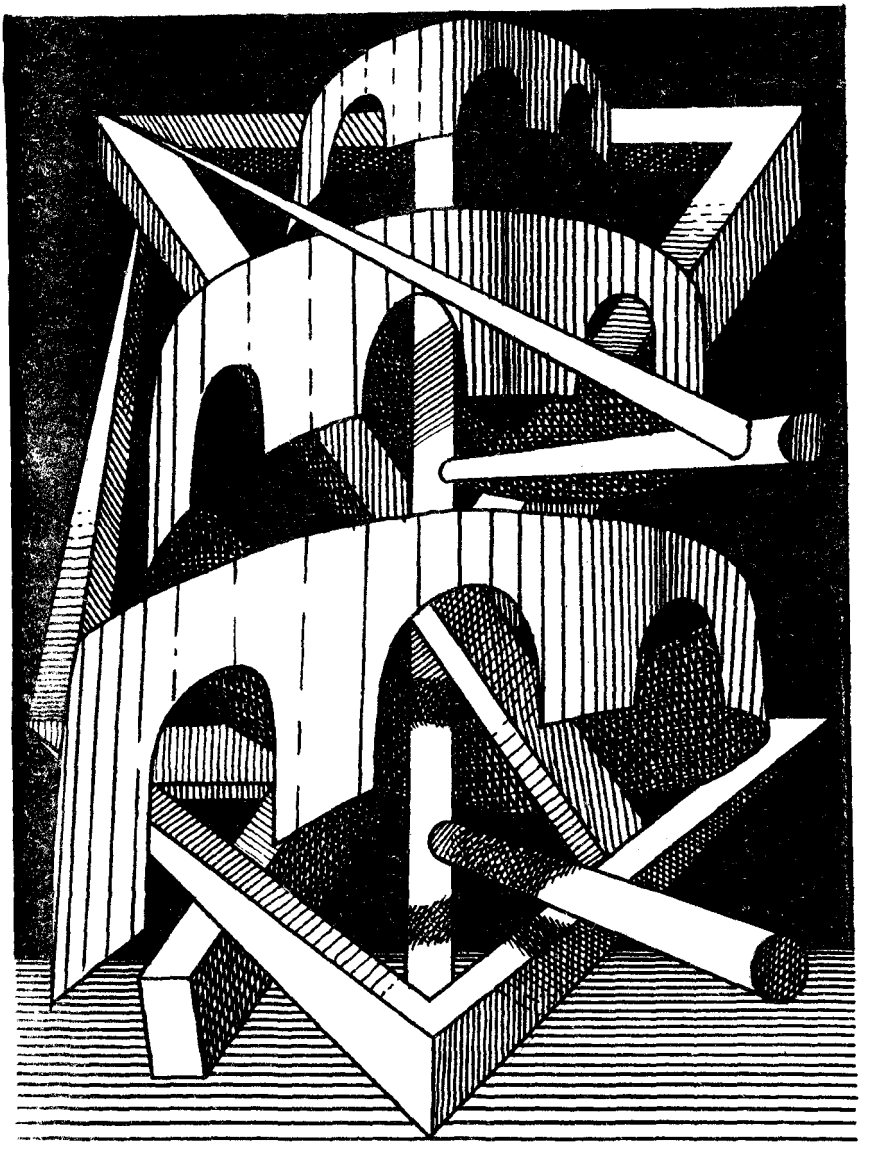
– Изучишь снова. А пока предоставь говорить мне.

Он постоял, словно очень не хотел отправляться в путь.

– Одно хорошо в этом путешествии на Землю. Конечно, нам придется выслеживать того Колокольника. Но нам нет надобности беспокоиться о столкновениях с какими-либо Господами.

Анана выглядела удивленной.

– Разве Вольф не говорил тебе? Рыжий Орктайный Господь Земли! – улыбнулся Кикаха.

ЗА СТЕНАМИ ЗЕМЛИ

Эти приключения Кикахи посвящаются Джеку Кордсу, живущему в карманных вселенных Пеории и Пекина[1]

Двадцать четыре года небо над ним было зеленым, но внезапно оно оказалось голубым.

Кикаха зажмурился. Он вновь очутился дома. Или, скорее, вновь оказался на родной планете. Кикаха прожил на Земле двадцать восемь лет. Потом он провел двадцать четыре года в той карманной вселенной, которую он сам назвал Многоярусным Миром. Теперь же, хотя его и не тянуло на Землю, он вернулся "домой".

Над Кикахой нависал козырек огромной скалы. Ветер, гулявший по поверхности скал, дочиста вымел каменный пол в гроте. По обеим сторонам грота виднелись горы, поросшие соснами и елями. Воздух показался Кикахе прохладным, но он знал, что должно стать теплей, поскольку было утро июльского дня, в южной Калифорнии. Вернее, так полагал Кикаха, если его расчеты правильны.

Поскольку он находился высоко на склоне горы, Кикаха видел очень далеко на юго-запад. Кикаха окинул взглядом несколько небольших долин, и взгляд его остановился на большой долине, рядом с которой, по его предположению, раскинулся Лос-Анджелес. Увиденная панорама удивила и встревожила Кикаху, так как она совсем не походила на то, что он ожидал лицезреть. Равнину покрывало густое серое ядовитое облако, словно дно долины под этим облаком было забито кипящими и бурлящими гейзерами, извергавшими вредные газы из нутра Земли.

Кикаха не имел понятия, что произошло на Земле с той ночи 1946 года, когда его случайно перебросило из этой вселенной во вселенную Джадавина. Наверное, крупные долины в районе Лос-Анджелеса заполнили ядовитые газы, сброшенные каким-то враждебным государством. Кикаха не мог угадать, какой

[1] Пекин здесь не столица Китая, а городишко в штате Иллинойс. Да и вселенные здесь не вселенные, а университеты *(прим. автора)*.

враг мог это сделать, поскольку Германия и Япония, когда он покинул этот мир, были разорены и наголову разбиты, а Россия тяжело изранена.

Кикаха пожал плечами. Со временем все выяснится. Банки памяти, устроенные под огромным дворцом-крепостью на вершине планеты во вселенной зеленого неба, гласили, что данные "врата" открывались где-то в горах, неподалеку от озера под названием Эрроухэд.

Врата представляли собой круг не подвергающегося коррозии металла. Этот круг был погребен под несколькими дюймами скальной породы и разглядеть его обычному человеку не представлялось возможным. Врата можно было найти только по нечетко нарисованному пурпурному кольцу на камне.

Кикаха, урожденный Пол Янус Финнеган, был ростом в шесть футов и один дюйм, весил сто девяносто фунтов и отличался широкими плечами, узкой талией и могучими бедрами. Его бронзово-рыжие волосы обрамляли лицо с густыми, темными, изогнутыми бровями, лиственно-зелеными глазами, прямым, но коротким носом, длинной верхней губой и глубоко раздвоенным подбородком. Кикаха носил походную одежду, за спиной у него висел рюкзак. В одной руке он держал ручку темного кожаного футляра, в котором, по всей видимости, находился музыкальный инструмент, вероятнее всего горн или труба. Волосы у Кикахи отросли до плеч. Он хотел было подстричь их до возвращения на Землю, чтобы не выглядеть странно. Но время поджимало, и Кикаха решил подождать, пока не доберется до парикмахерской. На всякий случай, всем любопытным Кикаха намеревался объяснять, что они с Ананой так долго пробыли в горах, что у него просто не было шанса обкорнать свою гриву.

Женщина рядом с ним оказалась настолько прекрасной, насколько это вообще возможно. У нее были темные волнистые волосы, безупречно белая кожа, синие глаза и превосходная фигура. Одета она была в обычную походную одежду: сапожки, джинсы, клетчатая рубашка и каскетка с длинным козырьком. Анана тоже несла на спине рюкзак, где лежали туфли, платье, нижнее белье, сумочка и несколько приборов, способных поразить земного ученого. Волосы она причесала по моде 1946 года. Прическу выбирал Кикаха. Косметикой Анана не пользовалась, да она в ней и не нуждалась. Тысячи лет назад она навсегда сделала себе губы красными. Так поступали все Господы женского пола.

Кикаха поцеловал женщину в губы и проговорил:

— Ты, Анана, побывала во множестве миров, но держу пари, нигде не видела ничего более странного, нежели Земля.

— Я видела и прежде голубые небеса, — не согласилась Анана.

— Не забудь, Вольф и Хрисенда опередили нас на пять часов, Колокольник на два часа. И у всех них — этот мир, где можно затеряться.

Кикаха кивнул и добавил:

— У Вольфа и Хрисенды нет никаких причин болтаться поблизости, так как врата эти односторонние. Они же отправятся к ближайшим двусторонним вратам, которые находятся в районе Лос-Анджелеса, если они еще существуют, те врата. Если же нет, то тогда самые близкие расположены в Кентукки или на Гавайях. Так что мы знаем, куда они двинутся.

Он помолчал, облизывая губы, а затем добавил:

— Что же касается Колокольника, то кто знает? Он может отправиться куда угодно или, возможно, находится еще поблизости. Он попал в абсолютно чуждый мир, он ничего о Земле не знает и не умеет говорить ни на одном из местных языков.

— Мы не представляем, как он выглядит, но мы найдем его, — уверенно произнесла Анана. — Я знаю Колокольника. Он не станет прятать свой колокол, а потом убегать и скрываться, рассчитывая вернуться за ним позже. Колокольник не способен далеко уйти от своего колокола. Он будет таскать его за собой сколько сможет. И это — единственное средство опознать его.

— Знаю, — отозвался Кикаха. Ему вдруг стало трудно дышать, а на глаза навернулись слезы. Внезапно он заплакал.

На минуту Анана встревожилась, но потом поддержала Кикаху:

— Поплачь! И я, помню, заплакала, когда однажды вернулась в свой родной мир. Я думала, что глаза у меня высохли навек, что слезы — это удел смертных, но возвращение домой продемонстрировало мою слабость.

Кикаха утер слезы, снял с пояса флягу, открыл ее и сделал большой глоток.

— Я люблю свой мир, мир с зелеными небесами, — заявил он. — Земля мне не нравится. Я вспоминаю ее без особой симпатии. Но надо полагать, что люблю я ее значительно больше, чем я думал. Признаюсь, что время от времени я испытывал некоторую ностальгию, некоторое слабое стремление вновь увидеть ее, повидать знакомых мне людей. Но...

На тысячу футов ниже того места, где стояли Кикаха и Анана, гору огибала двухполосная с отличным покрытием дорога. Она поднималась вверх, пока не терялась за следующим поворотом. В верхней части дороги появился автомобиль, пронесся, словно ветер, а затем скрылся за нижним изгибом шоссе.

Глаза Кикахи широко раскрылись, и он воскликнул:

— Я никогда прежде не видел такой машины! Она выглядела словно какой-то клопик. Жук.

В поле зрения Кикахи оказался ястреб, оседлавший воздушные потоки. Он спланировал и пролетел примерно в ста ярдах от пришельцев из другого мира.

Кикаха пришел в восторг.

— Это первый краснохвостый, которого я увидел с тех пор, как покинул Индиану!

Он шагнул к краю обрыва, забыв на секунду, но только на секунду, об осторожности. А потом отпрянул назад, под защиту каменного козырька, сделал знак Анане, и та вышла из грота. Оба они с опаской посмотрели вниз.

Внизу, насколько им удалось рассмотреть, никого не было, хотя обилие деревьев могло скрыть всякого, кто не хотел быть увиденным. Кикаха несколько ближе подошел к краю обрыва и посмотрел вверх, но из-за козырька не смог ничего разглядеть. Кикаха выяснил, что спускаться придется с правой стороны скалы. Несколько углублений и выступов послужат им на первых порах опорами для рук и ног. А дальше — будет видно!

Кикаха осторожно, повиснув на руках, опустил вниз одну ногу с карниза, нащупывая выступ. Затем он влез обратно, лег животом на каменный карниз и снова тщательно изучил дорогу в лес. Где-то там подняли крик голубые сойки. И этот шум достиг ушей Кикахи.

Он достал небольшой бинокль и на нем подкрутил три диска. Затем вынул один наушник и тонкий проводок со штепселем на конце. Кикаха вставил этот штепсель в гнездо, находящееся на боковой поверхности бинокля, и стал обследовать лес. В конце концов он навел бинокль на то место, где сойки подняли крик.

Благодаря прибору отдаленный лес стал близким, а слабые звуки громкими. По лесу внизу двигалось нечто темное, и, настроив бинокль, Кикаха увидел лицо человека. Еще один пристальный взгляд в бинокль дал ему возможность рассмотреть части тела и других людей. Каждый был вооружен винтовкой с оптическим прицелом, а у двоих были и бинокли.

Кикаха передал бинокль Анане, чтобы та взглянула сама, и спросил:

— Насколько ты знаешь, Рыжий Орк — единственный Господь Земли?

Она опустила бинокль и подтвердила:

— Да.

— Тогда он, должно быть, знает об этих вратах и установил какую-то сигнализацию и поэтому ему сразу же становится известно, когда они активированы. Может, его люди распола-

гались поблизости, может, вдалеке. Возможно, Вольф с Хрисендой и Колокольник убрались прежде, чем сюда сумели попасть его охранники. А может, и нет. В любом случае ясно, что эти внизу поджидают нас.

Они не стали выяснять причину отсутствия постоянной ловушки во вратах или постоянной охраны. Рыжий Орк или какой-то другой Господь прислал этих вооруженных людей, превращая вторжение других Господов на его личную территорию в игру. Это была смертельная игра, но тем не менее игра.

Кикаха снова изучил в бинокль четверых под деревьями там, внизу. Вскоре он сообщил:

— У них есть портативная рация.

Он услышал над головой жужжание. Перекатившись на спину, Кикаха поднял глаза и увидел странную машину, только что вылетевшую из-за горы справа от него.

— Автогироплан! — воскликнул он, а машина вдруг скрылась за горным пиком. Кикаха вскочил и убежал в грот. Анана последовала за ним.

Стрекочущий звук роторов гироплана превратился в рев, а затем машина зависла над карнизом. Кикаха начал осознавать, что машина не являлась настоящим автогиропланом. Насколько он знал, гироплан не мог висеть неподвижно в воздухе, или, как делала сейчас эта машина, раскачиваться из стороны в сторону, или поворачиваться на одном месте вокруг своей оси.

Корпус машины был прозрачен. Кикаха увидел пилота и трех человек, вооруженных винтовками. Они с Ананой оказались в ловушке, им некуда было бежать и негде было спрятаться.

Несомненно, люди Рыжего Орка отправились сюда, чтобы выяснить, какое оружие принесли незваные, вторгшиеся гости. Рыжий Орк рассчитал все верно: при таких обстоятельствах незваным гостям придется применить свое оружие, если они не предпочитают попасть в плен. Они не предпочитали. Гости произнесли активирующее кодовое слово, направили кольца на машину и проговорили последнее слово.

Мгновенно из их рук вырвались тонкие, словно иглы, золотые лучи, послав полный заряд крошечных аккумуляторных колец.

Гироплан раскололся в двух местах и упал. Кикаха выбежал и глянул через край уступа как раз вовремя, чтобы увидеть, как куски его ударились о поверхность горы внизу. Одна часть машины взорвалась красно-белым шаром, распавшимся на дюжину шаров поменьше. Все части машины, в конечном итоге, упали не слишком далеко друг от друга, у подножия горы, и ярко горели.

Лица четверых людей, что спрятались под деревьями, побелели, а человек с портативной рацией бросил в передатчик несколько слов. Кикаха попробовал сгустить аккумуляторный луч, чтобы зацепить и их, но мешал шум от горящей машины.

Кикаха обрадовался, что попал с первого раза, но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Он понимал, что Господь преднамеренно пожертвовал людьми и гиропланом, чтобы выяснить, насколько опасны его противники. Более того, до наступления ночи спуститься по горному склону было теперь невозможно, а тем временем Господь нападет снова.

Они с Ананой вновь зарядили кольца крошечными аккумуляторами. Кикаха продолжал следить за людьми внизу, в то время как Анана обследовала горные склоны. Вскоре слева на шоссе появился красный автомобиль с откидным верхом, спускавшийся по горной дороге. В автомобиле сидели мужчина и женщина. Машина остановилась неподалеку от охваченных пламенем обломков гироплана, и парочка вышла полюбопытствовать. Они постояли, поговорили, затем вернулись в машину и умчались.

Кикаха ухмыльнулся. Эти в машине, без сомнения, собирались уведомить власти. Это означало, что четверка не посмеет напасть на них. С другой стороны, власти могли забраться сюда и обнаружить его и Анану. Кикаха объяснит, что они простые туристы, и надолго их не задержат. Но даже кратковременное пребывание под стражей позволит Господу схватить их, как только их отпустят. Кроме того, им с Ананой придется трудновато удостоверить свои личности, и власти могут задержать их до тех пор, пока кто-нибудь их не опознает.

Конечно, у властей не найдется никаких сведений об Анане, но если проверят его, Кикахи, отпечатки пальцев, то полиция встанет в тупик. Выяснится, что он — Пол Янус Финнеган, родившийся в 1918 году неподалеку от города Терре-Хот, штат Индиана, что во время второй мировой войны он служил в танковом корпусе Восьмой армии, что он таинственно исчез из своей квартиры в Блумингтоне, где посещал Университет Индианы, и что с тех пор его никто не видел.

Кикаха, безусловно, всегда мог бы сослаться на амнезию, но как он сможет объяснить, что по земному календарю ему пятьдесят два года, а на самом деле всего лишь двадцать пять? И как он оправдает присутствие в своем рюкзаке странных приборов? Кикаха тихо выругался по-ташкетмоакски, на лакотском языке полуконей, на средне-верхненемецком языке Дракландии, на языке Господов и, наконец, по-английски. А затем переключил свое мышление на английский язык, поскольку почти забыл его

и должен был привыкнуть им пользоваться, если эти четверо будут торчать там, внизу, пока не появятся власти...

Но четверка не осталась. После длинных переговоров, явно получив приказ, они убрались. Они вышли на дорогу, и меньше чем через минуту появился автомобиль. Машина остановилась, четверо сели в нее и укатили.

Кикаха не расслабился. Он предполагал, что это может быть финт, чтобы побудить его и Анану спуститься с горы. Тогда другой гироплан застигнет их на горном склоне или же вернется четверка с ружьями. Или то и другое произойдет вместе.

Но если они останутся здесь и дождутся, пока явится полиция, то, возможно, это только повредит им. Ведь ночью их внизу будут поджидать люди Орка и, вероятно, применят какое-то прогрессивное оружие, оружие Господов, так как тут это сделать легко — ночью, да еще в столь отдаленном районе.

— Пошли, — скомандовал Кикаха Анане по-английски. — Мы сейчас спустимся вниз. Если нас увидит полиция, мы объясним, что путешествуем автостопом. Говорить предоставь мне. Я скажу, что ты приехала из Финляндии и еще не говоришь по-английски. Будем надеяться, что среди полицейских не окажется финнов.

— Что? — переспросила Анана. Она провела на Земле три с половиной года в конце девятнадцатого века и немного выучила английский и французский. Но сейчас уже забыла и то малое, что знала.

Кикаха медленно повторил.

— Это твой мир, — ответила Анана по-английски. — Ты — босс, ты и командуй.

Он усмехнулся, услышав такое заявление, ведь очень немногие Господы женского рода нашли бы в себе силы признавать, что случаются такие ситуации, при которых мужчина должен стать для них господином. Кикаха вновь свесился с карниза. Он вспотел. Солнце теперь перевалило через гору и светило прямо на них, но не солнце вогнало Кикаху в пот. Он просто боялся увидеть новых охранников Господ. Кикаха с Ананой преодолели примерно две трети пути вниз, когда появилась первая полицейская машина. Она была черно-белой с большой звездой на борту. Из машины вылезли двое. Их мундиры походили на те, что помнил Кикаха.

Спустя несколько минут появился еще один полицейский автомобиль и "скорая помощь". Затем остановились еще две машины. Через некоторое время их скопилось там целый десяток.

Кикаха нашел тропинку, иногда становившуюся ненадежной, но плавно огибавшую склон справа. Какую-то часть спуска они с Ананой могли оставаться скрытыми от людей внизу. Если их и увидят, то не должны вроде бы остановить. Полиция, вероятно, направится к ним, но окажется настолько далеко, что погоня потеряет всякий смысл.

Или так, во всяком случае, казалось Кикахе, пока не появился еще один гироплан. Он мотался взад-вперед, явно ища тела погибших или кого-нибудь, кто уцелел. Кикаха с Ананой спрятались за большим валуном, пока машина не приземлилась неподалеку от шоссе. Тогда они продолжили свой спуск с горы.

Когда пришельцы добрались до дороги, то слегка закусили тем, что принесли из другого мира. Кикаха объяснил Анане, что они пойдут по дороге вниз. Он также напомнил ей, что люди Рыжего Орка, вероятно, станут ездить на машинах взад-вперед по шоссе, высматривая их.

— Тогда почему бы нам не спрятаться до наступления ночи?

— Потому что при дневном свете я замечу машину, явно не принадлежащую Орку. Я не стану возражать, если она подвезет нас. Но если появятся люди Орка и что-нибудь затеют, у нас ведь есть наши лучи и мы будем настороже. А ночью не разберешь, кто там остановился, чтобы нас подвезти. Мы могли бы вообще уйти с шоссе и двигаться параллельно ему по лесу, но это нас сильно задержит. Я не хочу, чтобы Вольф или Колокольник чересчур нас опередили.

— Откуда мы знаем, что они не выбрали другое направление? — усомнилась Анана. — А может, их уже сцапал Рыжий Орк?

— Разумеется, мы ничего не знаем, — согласился Кикаха. — Но держу пари, что эта дорога ведет в Лос-Анджелес. Она идет по склону на запад. Вольф это поймет, а Колокольника, я полагаю, побудит идти вниз инстинкт. Возможно, я неправ. Но я не могу стоять здесь целую вечность, пытаясь решить, что произошло. Идем.

И они тронулись в путь. Воздух был сладок и чист. Пели птицы, на ветку высокой полумертвой сосны скакнула белка и принялась следить за ними своими яркими глазами. Тут попадалось много засохших и засыхающих сосен. Очевидно, их поразила какая-то болезнь. Единственным признаком присутствия человека в этих местах были скелетные опоры линий высоковольтных передач да тянувшиеся по склону горы алюминиевые кабели. Кикаха объяснил Анане, что они из себя представляют. Отныне ему предстоит объяснять ей многое. Он не возражал. Это даст ей возможность усвоить английский, а ему позволит восстановить его.

Сзади зашумел автомобиль. Услышав его, Кикаха и Анана отошли на обочину дороги, готовые стрелять лучами колец или, если понадобится, спрыгнуть вниз по склону. Кикаха проголосовал, но автомобиль не остановился.

— Люди стали не так гостеприимны и приветливы, как в мое время, — заметил он. — Никто не торопится нас подобрать. Неужели весь путь нам предстоит проделать пешком?

— Ничего страшного. У нас хватит сил. Да уж, вселенная... И куда только смотрит их Господь? — откликнулась Анана. — Если бы не Колокольник, ни за что бы здесь не осталась лишней минуты.

— Не забывай о Вольфе и Хрисенде. Мы должны найти их. А впрочем, если хочешь, можешь уходить. Местонахождение врат известно. Ведь то, что Вольф твой брат, — это совсем не имеет значения. Но я останусь. Я должен.

— Нет, я останусь. И ты знаешь, почему. — Анана улыбнулась, сжала его руку и проговорила: — Я люблю тебя.

Кикаха поцеловал ее в щеку и ответил:

— Я тоже люблю тебя.

Она начинала вести себя, как земная женщина, а не супераристократка из среды Господов.

Кикаха услышал, как из-за поворота выезжает машина, и оглянулся. Это был черно-белый автомобиль полиции штата с двумя людьми в позолоченных шлемах. Кикаха стал смотреть вперед, но уголком рта скомандовал Анане:

— Если эта машина остановится, веди себя спокойно. Это полиция штата. Если я подниму вверх два пальца, беги и прыгай вниз по склону горы. Нет! По зрелому размышлению... слушай, мы поедем с ними. Они могут отвезти нас в город или в его окрестности, и тогда мы оглушим их кольцами. Усекла?

Автомобиль, однако, пролетел мимо них, не останавливаясь и не притормозив. Кикаха облегченно вздохнул:

— Мы выглядим не так подозрительно, как мне это кажется.

Они пошли дальше по дороге. Пройдя примерно с четверть мили, они услышали позади себя слабый рев. Звук постепенно усиливался, а потом Кикаха невольно оглянулся и сказал:

— Мотоциклы. Уйма мотоциклов.

Рев стал очень громким. Кикаха с Ананой увидели около двадцати черных мотоциклов, мчащихся словно черная туча. Кикаха изумился. Он никогда не видел мужчин и женщин, одетых подобно этим мотоциклистам. Некоторые из них возродили в нем чувства, которые он считал умершими с момента объявления мира в 1945 году. Рука его метнулась к рукоятке ножа, висевшего в ножнах на поясе, а глазами он поискал кювет, куда можно было бы сигануть.

На трех мотоциклистах были надеты немецкие каски с нарисованными на сером металле большими черными свастиками. У двоих на шеях болтались на цепочках "Железные кресты" или металлические свастики.

Все мотоциклисты были в темных очках. Лица мужчин обрамляли неухоженные бороды и усы. Лица женщин покрывал густой слой косметики. Одежда на них была темная, хотя на некоторых мотоциклистах были грязные футболки. Большинство из них были обуты в сапоги. Одна женщина щеголяла в кепи и ярко-красной драгунской куртке с желтыми галунами. На их черных кожаных куртках и грязных футболках выделялись черепа, скрещенные берцовые кости и надпись: "Лоботрясы Люцифера".

Кавалькада с ревом пронеслась мимо Кикахи и Ананы, некоторые газовали или махали парочке, а несколько мотоциклистов завиляли по дороге взад-вперед, нагибаясь то в одну, то в другую сторону как можно ниже. Увидев это, Кикаха оценивающе усмехнулся: когда они ходили в школу в Терре-Хоте, у него был мотоцикл и он любил его.

Анана, однако, наморщила нос:

— От этого горючего жуткая вонь. Но ты почувствовал, как пахнут они сами? Они неделями не мылись. Или месяцами.

— Господь этого мира очень небрежен, — согласился Кикаха.

Он помнил гигиенические обычаи человеческих обитателей карманных вселенных, где правили другие Господы. Хотя Господы были часто весьма жестоки в обращении со своим человеческим имуществом, они настаивали на чистоте и красоте. Они устанавливали законы и религиозные правила, с помощью которых строго следили, чтобы чистота была основой всякой культуры.

Но случались и исключения. Некоторые Господы позволяли своим человеческим существам вырождаться, и тогда они становились безразличными к грязи.

Анана объяснила, что Господь Земли уникален. Рыжий Орк правил в строжайшей секретности и анонимности, хотя он не всегда так поступал. В прежние времена, на заре человечества, он часто выступал в роли бога. Но он забросил эту роль и ушел в подполье — иначе не скажешь. Он предоставил делам идти своим чередом.

У Кикахи не оказалось времени, чтобы побольше расспросить о Рыжем Орке, поскольку и узнал-то он о его существовании всего за несколько минут до того, как они с Ананой шагнули через врата.

— Они все выглядели такими безобразными, эти мотоциклисты, — добавила Анана.

— Я же рассказывал тебе, что здесь творит все человек, — отозвался Кикаха. — Никакой селекции не производилось ни Господом, ни самими людьми.

Тут они снова услышали приглушенный рев мотоциклов и через минуту увидели возвращавшихся к ним восьмерых мотоциклистов. Ехали только мужчины.

Мотоциклисты промчались мимо них, притормозили, развернулись и поехали за Ананой и Кикахой. Те продолжали идти. Три мотоцикла промчались мимо так близко, что Кикаха мог бы сбить их по одному ударом в голову. Вероятно, следовало бы так и поступить, тем самым сократив неравенство в силах. Казалось очевидным, что им не избежать приставаний мотоциклистов, а может, следовало ожидать и худшего.

Кое-кто из мотоциклистов свистел Анане и выкрикивал непристойные слова. Слов она не поняла, но интонации, жесты и ухмылки, сопровождавшие их, были столь характерными, что смысл их дошел до нее. Анана нахмурилась и сделала свойственный Господам жест. Несмотря на то что мотоциклисты были незнакомы с этим жестом, они его поняли. Один от смеха чуть не свалился с мотоцикла. Другой оскалил зубы в полуусмешке-полурычании.

Кикаха тоже остановился и повернулся к ним лицом. Мотоциклисты почти окружили парочку и выключили двигатели.

— Ладно, — сказал Кикаха, — что вам нужно?

Ответил большебрюхий юнец с толстой шеей и вылезающими из-под грязного расстегнутого ворота рубахи густыми, жесткими черными волосами. Он носил козлиную бородку и фуражку Африканского корпуса.

— Ну, знаешь, будь мы Сволочами Сатаны, нам понадобился бы ты. Но мы не гомики и поэтому возьмем с собой твою прекрасную даму. Старик, ты понял?

— Старик, это же цыпочка высший сорт! — заявил высокий, тощий парень со следами оспин на лице, большим адамовым яблоком и золотым кольцом в ухе. Длинные волосы почти закрывали его глаза и свисали ниже плеч.

— Лапочка! — добавил парень с кустистой бородой, редкими зубами и шрамом на лице.

Кикаха знал, когда хранить молчание, а когда говорить, но иногда ему бывало трудно сделать то, что, как он считал, будет в данном случае наилучшим. Сейчас у него не было ни времени, ни особого желания драться: его ожидало серьезное и важное дело. Даже чрезвычайное дело. Если Колокольник останется на свободе и достаточно хорошо адаптируется на Земле, чтобы сделать другие колокола, то он и его собратья буквально заполонят Землю. Колокольник не какой-то там научно-фантасти-

ческий монстр. Он существовал, и, если его не убить, прощай, Земля! Или прощай, человечество! Тела-то уцелеют, но мозги истощатся и их заполнит чуждый разум. Да, но если спасутся другие, то спасутся и эти подонки.

В данный момент мир должен был подождать. Сейчас Кикахе предстояло спастись самому и уберечь Анану. Восьмерка бросила свои мотоциклы и теперь приближалась к ним с разнообразным оружием в руках. Трое размахивали длинными цепями, двое — железными трубками, у одного в руках был нож, а еще двое были вооружены кастетами и финкой.

— Вы собираетесь напасть на нас среди белого дня, когда здесь в любую минуту могут появиться фараоны, — удивился Кикаха.

— Старик, — с откровенностью признался юнец в фуражке Африканского корпуса, — просто так мы б вас не стали трогать. Но когда я увидел эту цыпочку, это оказалось чересчур! Какая куколка! Я никогда не видел цыпочки, способной утереть ей нос. Чересчур! Она должна принадлежать нам! Врубаешься?

Что означало последнее слово, Кикаха не понял, но значения это не имело. Люди эти были жестокие, и они собирались заполучить то, что им понадобилось.

— Вам лучше приготовиться к смерти, — посоветовал им Кикаха.

Это всех поразило. Юнец из Африканского корпуса признал:

— Отдаю тебе должное, у тебя высокий класс. Слушай, мы могли бы сплясать на тебе и с большим удовольствием выпустили бы кишки, мы б в натуре сделали это, но я восхищаюсь твоим стилем, старик. Дай нам твою цыпочку, и через час-другой мы ее вернем. — Тут член Африканского корпуса усмехнулся и добавил: — Конечно, она будет уже не в таком состоянии и не такого качества, как сейчас, но какого черта?! Никто не совершенен!

Кикаха проговорил на языке Господов, обращаясь к Анане:

— Если удастся, мы укатим на одном из мотоциклов. Он довезет нас до Лос-Анджелеса.

— Эй, что это за чукская галиматья?

Африканец сделал знак, и парни с цепями, усмехаясь, шагнули вперед. Они замахнулись, и Кикаха с Ананой брызнули из своих колец золотистыми лучами. Кольца были установлены на "оглушающую" мощность. Трое выронили цепи, схватились за животы и согнулись пополам. Когда же лучи коснулись их макушек, они упали лицом вниз. От внезапно лопнувших кровеносных сосудов лица их побагровели. Теперь им предстояло не один день страдать от тошноты и головокружения и маяться от

боли. Остальные мотоциклисты вдруг обрели странную неподвижность, а лица у них побелели.

Кикаха выхватил свой нож и метнул его в плечо африканца. Тот пронзительно вскрикнул и выронил свою финку. Анана добила его лучом, а Кикаха скосил остальных.

К счастью, в последующие несколько минут не проехало ни одной машины. Парочка сволокла стонущих парней, находящихся почти в бессознательном состоянии, к краю дороги и столкнула вниз. Они прокатились по склону футов двадцать и разлеглись на скальном карнизе.

Затем все мотоциклы, кроме одного, тоже столкнули вниз, причем в таком месте, где им не за что было уцепиться. Мотоциклы подскакивали и катились по крутому склону, вновь и вновь переворачиваясь, разваливаясь на части. Некоторые вспыхнули ярким пламенем.

Кикаха сожалел об этом, поскольку не хотел, чтобы дым привлек чье-то внимание.

Анана поняла, что собирались сделать с ней парни. Она спустилась по склону к сваленным в кучу телам. Установив кольца на самую низкую обжигающую мощность, она сожгла всем неудачникам штапы и немного опалила кожу. Надолго запомнят они Анану. И если впоследствии и станут проклинать ее, то окажутся неправы. Им следовало бы благодарить Кикаху, что вообще остались живы.

Кикаха забрал бумажник африканца. Водительские права гласили, что его зовут Альфред Роджер Гудрих. Кикаха ничем не напоминал того парня, что был изображен на фото, но с этим уже ничего не поделаешь. Среди прочего в бумажнике Кикаха обнаружил сорок долларов.

Он проинструктировал Анану, как держаться в седле позади него и чего ожидать, когда они окажутся на дороге. Через минуту они выехали на шоссе, направляясь к Лос-Анджелесу. Рев мотора воскресил в Кикахе счастливые воспоминания о тех временах, когда он гонял на мотоцикле по Индиане. Его беспокоила дорога и раздражала вонь от бензина и масел. Он слишком долго прожил в тихом мире со сладким воздухом.

Анана, охватившая его талию, долгое время молчала. Разок он оглянулся и увидел, как развеваются ее черные волосы. Глаза ее за солнцезащитными очками, которые она позаимствовала у одного из Лоботрясов, были полузакрыты. Позже она что-то крикнула Кикахе, но ветер и шум двигателя отбросили ее слова назад.

Кикаха, проехав пару миль, определил, что владелец мотоцикла снял множество деталей, главным образом, для снижения веса машины. Не оказалось, например, передних тормозов. Как

только Кикаха выяснил, в чем заключались слабые и сильные стороны мотоцикла, он погнал по шоссе, пристально наблюдая за дорогой, но мыслями уносясь совсем в другие места.

Он прошел долгий и фантастический путь от того простофили, обучающегося в Индианском университете, до этой дороги в горах южной Калифорнии. Находясь с Восьмой армией в Германии, он нашел в развалинах местного музея тот полумесяц из твердого серебристого металла. Он забрал его с собой в Блумингтон, а там однажды появился человек по имени Ваннакс и предложил ему за этот полумесяц фантастическую сумму. Кикаха отказался от денег. Той же ночью Кикаха проснулся и обнаружил, что Ваннакс вломился в его квартиру. Ваннакс прикладывал к его полумесяцу другой металлический полумесяц, образуя круг. Кикаха бросился на Ваннакса и случайно вступил в этот круг. Не успел он и глазом моргнуть, как его перебросило в очень странное место.

Два полумесяца образовали врата, так устроили Господы. Эти врата — телепортическое устройство для переноса из одной вселенной в другую. Кикаха оказался в другой вселенной, созданной Господом по имени Джадавин. Но Джадавина в этой вселенной больше не было, другой Господь вытеснил его из вселенной, а самого выбросил на Землю. Джадавин потерял память и стал Робертом Вольфом.

История Вольфа (Джадавина) и Кикахи (Финнегана) была длинной и запутанной. Кикаха помог Вольфу вернуться в свою вселенную. После серии приключений Вольф восстановил память. Он также утвердил свое господство над этой конкретной вселенной, созданной им, и поселился со своей возлюбленной Хрисендой. Он правил во дворце, находившемся на вершине, похожей на Вавилонскую башню планеты, висевшей в середине вселенной. Но эта вселенная была меньше, чем солнечная система Земли.

Недавно Вольф и Хрисенда таинственно исчезли, вероятно, из-за козней какого-то Господа из другой вселенной. Кикаха наткнулся на Анану, бежавшую вместе с двумя другими Господами от Черных Колокольников. Первоначально Колокольников создали в лабораториях Господов. Они задумывались как устройства, предназначавшиеся для хранения разума Господов во время передачи его из одного тела в другое. Но колоколообразные и неразрушимые машины развились в существа со своим собственным рассудком. Им удалось переложить свой разум в тела Господов, а затем они начали вести против Господов тайную войну. Их раскрыли и началась долгая и жестокая борьба, в ходе которой всех Колокольников предположительно захватили в плен и заточили в специально созданной вселенной.

Однако проглядели пятьдесят одного Колокольника, и они после десяти тысяч лет спячки вновь попали в человеческие тела и очутились на свободе.

Прямо или косвенно Кикаха убил их всех, кроме одного. Этот, обладая разумом и телом человека по имени Табууз, ушел через врата на Землю. Вольф и Хрисенда вернулись во дворец, и тут их как раз и поджидали Колокольники. Вольфу и его возлюбленной удалось сбежать через врата на Землю. Позже этими же вратами воспользовался и Табууз.

Теперь Кикаха и Анана искали Вольфа и Хрисенду. А кроме того, они обязаны были найти и убить последнего Черного Колокольника. Если Табууз сможет от них ускользнуть, со временем он изготовит новых Колокольников и начнет тайную войну против людей на Земле. А позже вторгнется в личные вселенные Господов и станет разряжать их мозг, занимать их тела. Господы никогда не забывали Черных Колокольников и до сих пор носили кольца, способные засекать металлические колокола их древних врагов и передавать предупреждение и сигналы тревоги в мозг каждого Господа.

Жители Земли ничего не знали о Колокольниках. Ничего они не знали и о Господах. Кикаха был единственным землянином, прознавшим о Господах и их карманных вселенных.

Жители Земли окажутся легкой добычей для Колокольников. Они даже не успеют осознать, что им разрядили мозги антеннами колоколов и захватили их разум. Война будет вестись незаметно и очень коварно, так, что лишь по какой-то случайности люди проведают, что на них напали.

Требовалось найти и убить Черного Колокольника Табууза.

В то же время Господь Земли, Господь, именуемый Рыжим Орком, узнал, что в его владения через врата проникло пять человек. Он не мог знать, что один из них — Черный Колокольник. Господь попытался захватить в плен всех пятерых. И Рыжего Орка никак нельзя было уведомить, что по Земле на свободе бродит Черный Колокольник, так как Рыжего Орка невозможно было найти. Ни Анана, ни Кикаха не знали, где он живет. А вообще-то всего несколько часов назад Кикаха узнал, что у Земли есть Господь.

Через несколько минут Кикаха и Анана съехали по склону горы на плато. Небольшая деревня на перекрестке дорог показалась приятным местом, хотя было понятно, что она существует на доходы от туризма. Деревня была чистой и светлой с множеством белых домов. Однако, проезжая по главной улице, гости Земли заметили закусочную под открытым небом. А там за раскладными столиками, развалясь, сидели остальные Лоботрясы Люцифера, поедая гамбургеры и запивая их пивом.

Услышав знакомый рев "Харли-Дэвидсона", они подняли головы, а затем, увидев парочку, так и подпрыгнули. Один из них вскочил на мотоцикл и ударом ноги завел мотор. Это был высокий непричесанный длинноволосый юнец, носивший шляпу кавалерийского офицера конфедератов, белую шелковую рубашку с оборками на шее и запястьях, черные сверкающие штаны в обтяжку с красными лампасами и сапоги с меховыми голенищами.

За ним мгновенно потянулись остальные. Кикаха не думал, что они обратятся в полицию. Было в них нечто, убеждающее окружающих, что с полицией они не в ладах. Кикаха понял, что они попытаются отомстить собственными силами. Правда, маловероятно, что они решатся что-либо предпринять, находясь в деревеньке.

Кикаха увеличил скорость мотоцикла до предельной.

Когда они проехали поворот, который скрывал их от деревни, Анана обернулась. Она предполагала, что преследователи сидят у них на хвосте. Так и случилось. Высокий в меховых сапогах пригнулся к рулю и злобно усмехался. Очевидно, он рассчитывал, что обгонит их и либо вынудит остановиться, либо просто скинет их в пропасть. Позади него, растянувшись в один ряд, так что двое заехали на встречную полосу, мчались пятеро мотоциклистов, еще две машины, обремененные двумя седоками, отстали футов на двадцать.

Кикаха быстро оглянулся и кивнул Анане. Та выпустила луч как раз такой длины, чтобы разрезать переднее колесо головного мотоцикла. Машина развалилась, а седок, несколько раз перевернувшись через голову, свалился на шоссе и остался недвижим. Остальные мотоциклисты сразу нажали на тормоза и заглушили моторы. С минуту они находились в оцепенении, а потом резко развернули своих железных мустангов и бросились прочь по дороге.

Кикаха понял, что они решили вернуться в деревню. А это могло плохо кончиться для него и Ананы.

Кикаха выжимал из мотоцикла максимальную скорость. Анана на заднем сиденье крепко прижалась к нему. Они неслись словно ветер, но все равно вскоре услышали сигнал полицейского автомобиля. И Кикаха решил, что мотоциклисты встретили полицейских, не доехав до деревеньки. Кикаха на это не рассчитывал.

Он понял, что на шоссе полицейские быстро догонят их, и свернул на поле, мимо которого как раз проезжал. На поле он надеялся, маневрируя, ускользнуть от преследователей.

Полицейские тоже свернули на поле, и Кикаха почувствовал, что им вряд ли удастся уйти. Кикаха бросал мотоцикл то вправо

то влево, но полицейский автомобиль все равно мчался за ними по полю. Кикаха притормозил. Анана провела лучом по земле перед автомобилем. Комья земля метнулись вверх, а потом с грохотом рванули шины автомобиля. Из радиатора машины хлынули вода и пар.

Кикаха повел мотоцикл обратно на дорогу. Оба полицейских выскочили из машины, держа пистолеты обеими руками, и принялись палить. Шансы попасть в седоков с такого расстояния были невелики, но одна из пуль угодила в заднее колесо. То с треском лопнуло, и мотоцикл стал вилять. Кикаха вырубил двигатель, и они поехали по инерции. Полицейские помчались за ними.

— Черт побери, я не хочу их убивать! — ругнулся Кикаха. — Но...

Полицейские были здоровенными и пузатыми, и, судя по их виду, им было где-то между сорока и пятьюдесятью годами. На спинах Кикахи и Ананы висели рюкзаки примерно фунтов по тридцать весом, но зато обоим было по двадцать пять по земным меркам.

— Мы их обгоним, — решил Кикаха, и они помчались по дороге.

Полицейские стреляли и что-то кричали, но бежали они все медленнее и медленнее и вскоре уже едва двигались. Через полмили они остановились на обочине, наблюдая, как уменьшается убегающая парочка.

Посмеиваясь, Кикаха сделал круг и вернулся к автомобилю. Он разок оглянулся и увидел, что полицейские сообразили, что их провели. Они снова побежали, но не слишком быстро. Сперва их руки и ноги усиленно работали, потом бег стал менее энергичным, а затем они побрели шагом.

Кикаха открыл дверцу машины, вырвал микрофон, сунул руку под приборную доску и оборвал все провода, соединенные с рацией. К этому моменту его догнала Анана.

Ключи от машины все еще торчали в замке, а колеса оказались разрезанными, но неглубоко. Кикаха велел Анане садиться и, устроившись, включил зажигание. Фараоны прибавили скорость и вновь принялись стрелять, но машина, подпрыгивая и сотрясаясь, укатила от них через поле, все увеличивая скорость. Одна пуля попала в заднее стекло автомобиля и образовала в нем звездочку, а потом автомобиль выскочил на дорогу и покатил вниз.

После двух миль скрежета и поршнеобразного движения Кикаха решил, что хорошенького понемногу. Он подвел машину к обочине, вылез, бросил ключи от зажигания в траву, и они вновь пустились в путь пешком. Они прошли, наверное, ярдов

пятьдесят, когда услышали шум автобуса. Тот был весь разрисован спиралями, точками и кругами, квадратами и разноцветными, яркими многолучевыми звездами. По бокам автобуса шла надпись, сделанная ярко-желтыми буквами: КОРОЛЬ ГНОМОВ И ЕГО ТУХЛЫЕ ЯЙЦА. Над этими словами красно-желтой краской были нарисованы четвертные ноты, нотные строки, маленькие гитары и барабаны.

На какой-то миг Кикахе показалось, что автобус подобрал Лоботрясов Люцифера. За окнами автобуса виднелись мужчины с длинными, распущенными волосами, усами, бородами и женщины с длинными, прямыми волосами и густо накрашенные.

Но иными были лица: они выглядели дикими, но не зверскими или жестокими.

Автобус сбавил скорость, взвизгнув тормозами. Он остановился, дверь распахнулась и высунувшийся из нее юнец в огромных очках и с бородой приглашающе махнул рукой. Кикаха и Анана подбежали к автобусу и поднялись в него под аккомпанемент гитары и дружного смеха.

Автобус, за рулем которого сидел тоже юнец, смахивающий на Буффало Билла, рванул вперед. Кикаха осмотрелся, вглядываясь в лица шести парней и троих девушек. На задних креслах автобуса сидели трое мужчин постарше. Они играли в карты на небольшом раскладном столике. Игроки подняли головы, кивнули и снова углубились в карты. Часть автобуса была отгорожена. Кикаха позже выяснил, что там находятся туалет, ванная и небольшой гардероб. Гитары, барабаны, саксофон, флейта и арфа хранились на сиденьях или на полках под сиденьями.

Две девушки были одеты в юбки, едва прикрывающие их ягодицы, темно-серые чулки, яркие блузки с оборками. На них было множество разноцветных бус, а лица покрывал густой слой косметики: зеленые или серебристые веки, накладные ресницы, разноцветные круги вокруг глаз и зеленые или бледно-лиловые губы!

Третья девушка вовсе не употребляла косметики. Длинные черные ее волосы ниспадали до талии, а одета она была в облегающий джемпер без рукавов в красно-зеленую полоску с глубоким декольте, джинсы в обтяжку и сандалии. На некоторых парнях Кикаха увидел брюки клеш, и рубахи их были все в рюшках. Но все, как один, были с длинными волосами.

Король гномов оказался очень высоким юнцом туберкулезного вида, с кудрявыми волосами, вислыми усами. На самом кончике его большого носа сидели огромные очки. В ухе у него торчала серьга. Он представился как Лу Баум.

Кикаха назвался Полом Финнеганом, а Анану представил как Энн Финнеган. Это его жена, сообщил он Бауму, она недавно приехала из финской Лапландии. Он сообщил такие сведения, так как считал, что они вряд ли наткнутся на кого-то, кто говорит на финском языке.

— Из страны Деда Мороза? — переспросил Баум. — Что и говорить, она неплохо там сохранилась! — Он присвистнул, поцеловал кончики пальцев и послал поцелуй Анане. — Классная девочка, чтоб мне лопнуть! Чересчур! Слушай, кто-нибудь из вас играет на каком-нибудь инструменте? — Он посмотрел на футляр в руке Кикахи.

Кикаха ответил, что нет. Он не собирался сообщать им, что когда-то играл на флейте, но не занимался этим с окончания войны. Не хотел Кикаха говорить, что играл на инструменте, похожем на свирель, когда жил с Медвежьим народом на Индейском уровне Многоярусного Мира. И не считал, что поступит мудро, объяснив, что Анана играет на великом множестве инструментов и что кое-какие из них походили на земные, а другие очень отличались от них.

— Я использую этот футляр как чемодан, — объяснил он. — С тех пор, как мы покинули Европу, мы какое-то время находимся в дороге. Только что мы провели месяц в горах, а теперь решили наведаться в Лос-Анджелес. Мы никогда там не были.

— Значит, вам негде остановиться, — сделал вывод Баум.

Говорил он с Кикахой, но пялился на Анану, глаза у него блестели, а руки не переставали двигаться, будто он лепил скульптуру и натурой ему служила Анана.

— Она умеет петь? — неожиданно спросил он.

— Не по-английски, — ответил Кикаха.

Девушка в джинсах встала и обратилась к Бауму:

— Брось, Лу. С этой цыпочкой у тебя ничего не выйдет. Ее дружок убьет тебя, если ты ее хоть пальцем тронешь. Или она тебя сама убьет. Эта цыпочка, знаешь ли, на такое способна.

Лу, казалось, заколебался. Он подошел очень близко и вгляделся в глаза Кикахи, словно смотрел в микроскоп. Кикаха почувствовал странный, едкий запах его дыхания. Через мгновение Кикахе показалось, что он понял его происхождение. Граждане города Таланак на Индейском уровне, вырезанного из нефритовой горы, курили наркотический табак, придававший их дыханию похожий запах. Кикаха, конечно, не знал этого наверняка, поскольку на Земле он ничего подобного не пробовал, но он всегда подозревал, что этот табак был марихуаной и что таланакцы, потомки древних ольмеков Мексики, принесли его с собой, когда прошли через открытые Вольфом врата.

— Ты меня не разыгрываешь? — спросил Лу у девушки, которую звали Му-Му Нансен, оторвавшись от лиственно-зеленых глаз Кикахи.

— В них обоих есть что-то весьма странное, — ответила Му-Му. — Очень привлекательное, очень мужественное и очень пугающее. Чуждое. По-настоящему чуждое.

Кикаха ощутил холодок на затылке. Анана, придвинувшись к нему поближе, прошептала на языке Господов:

— Я не знаю, о чем они говорят, но мне это не нравится. У этой девушки есть дар видеть суть вещей, она зундра.

Слово "зундра" не имело точного или хотя бы приблизительного перевода на английский. Оно означало сочетание психолога, ясновидящей и ведьмы с толикой безумия.

Лу Баум покачал головой, вытер со лба пот, а затем снял и протер очки, моргая близорукими голубыми глазами.

— Эта цыпочка — псих, — пояснил он. — С чудинкой. Но всегда в точку. Она знает, что говорит.

— Я улавливаю флюиды, — продолжала Му-Му. — Они меня никогда не подводят. Я могу прочитать характер только так. — Она громко щелкнула пальцами. — Но в вас, и особенно в ней, есть что-то такое, чего я не улавливаю. Может, нечто вроде того, что вы не от мира сего, знаете ли. Вроде как вы марсиане... или нечто в этом роде.

Невысокий коренастый молодой блондин с изрытым оспой лицом, назвавшийся просто Стертым, поднял голову со своего сиденья, где он настраивал гитару.

— Финнеган не марсианин, — усмехнулся он. — У него четкий среднезападный акцент, словно он только что из Индианы, Иллинойса или Айовы. Закройте глаза, люди добрые! — громко призвал Стертый. — Послушайте его! Скажи еще раз, Финнеган! Если его голос не похож на голос Гарри Купера, то я съем несъедобное!

Кикаха произнес что-то, и все рассмеялись.

— Гарри Купер! Ты когда-нибудь дублировал его?

Это, казалось, сняло напряжение, возникшее после слов Му-Му. Она улыбнулась и снова села, но ее темные глаза то и дело стреляли в сторону чужаков. Кикаха знал, что она не успокоится. Лу Баум сел рядом с Му-Му. Его адамово яблоко работало так, словно было поршневым насосом. На лице его застыло тяжелое, почти ошеломленное выражение, но Кикаха догадывался, что Лу все еще разбирает любопытство. И еще ему было страшновато.

Баум явно верил в репутацию своей подружки как экстрасенса. Кроме того, он, вероятно, еще и побаивался ее.

Кикаху это не волновало. Ее определение их, как чужаков, могло быть только маневром для того, чтобы отпугнуть Баума от Ананы.

Важно было как можно скорее попасть в Лос-Анджелес и не оказаться в лапах людей Рыжего Орка. С автобусом им повезло, но как только они доберутся до подходящего места, чтобы отвалить, они отвалят. И прости-прощай, Король Гномов и его тухлые яйца!

Кикаха ненавязчиво изучал остальных обитателей автобуса. Трое мужчин, игравших в карты, подняли головы, когда он прошел мимо них, но ничего не сказали. Чувство отвращения вызывали у Кикахи их лысые головы, седые волосы, расплывшиеся и обрюзгшие черты лица, глаза в красных прожилках, морщины, двойные подбородки и толстые животы. За двадцать четыре года, прожитые во вселенной Джадавина, он видел не больше четырех стариков. Люди там жили тысячу лет, если им удавалось избежать несчастного случая или убийства, и не старели до последней сотни лет. Так долго, правда, удавалось прожить немногим. И потому Кикаха забыл о существовании стариков и старух. Он испытывал неприязнь, хотя и не такую сильную, как Анана. Она-то выросла в мире, где вообще не было физически старых людей, и хотя ей исполнилось уже десять тысяч лет, она не бывала во вселенных, где жили бы некрасивые люди. Господы — существа эстетичные, и потому они выпалывали некрасивых из своей среды и давали уцелевшим шанс обладать долгой-предолгой юностью.

По проходу к Кикахе подошел Баум и спросил:

— Ищешь что-нибудь?

— Мне просто любопытно, — ответил Кикаха, — есть ли тут какой-то способ выйти иначе, чем через переднюю дверь?

— В женской раздевалке есть запасной выход, а что?

— Просто люблю знать подобные вещи, — уклончиво произнес Кикаха. Он не видел причин объяснять, что всегда старался выяснить, сколько существует выходов из любого места и как до них добраться.

Он открыл двери в обе раздевалки и в туалет, а потом изучил запасной выход, чтобы в случае необходимости суметь открыть его мгновенно.

Следовавший за ним Баум заметил:

— Нахальства, друг, тебе, конечно, не занимать. Разве ты не знаешь, что любопытство сгубило кошку?

— Данной кошке оно сохранило жизнь, — отпарировал Кикаха.

Баум понизил голос и, подойдя поближе к Кикахе, спросил:

— У тебя действительно пунктик из-за этой цыпочки?

Фраза для Кикахи была новой, но он понял ее без труда. И ответил:

— Да. А что?

— Очень жаль. Я действительно обалдел от нее. Сам понимаешь, не хочу тебя обидеть, — объяснил он, когда Кикаха сузил глаза. — Му-Му настоящая куколка, но немного чудная, ты понимаешь, что я хочу сказать. Она говорит, что вы чудики и что в вас есть что-то странное, но мне она нравится. И я хочу сказать, что если тебе нужно немного денег, скажем, одна-две тысячи, то ты просто обеспечишь, образно говоря, доступ к своей цыпочке, а сам уйдешь несколько богаче, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Две тысячи! — усмехнулся Кикаха. — Ты, должно быть, весьма сильно ее хочешь.

— Две тысячи не растут на денежном дереве, друг мой, но за такую цыпочку...

— Должно быть, твой бизнес очень доходен, если ты можешь выбросить такую сумму, — заметил Кикаха.

— Старик, ты шутишь! — Баум, казалось, искренне удивился. — Неужели ты на самом деле никогда не слыхал обо мне и о моей группе? Мы знамениты! Мы везде побывали, мы тридцать восемь раз попадали в первую десятку, мы выпустили золотую пластинку, мы давали концерты в Чаще![1] Ты не врубаешься? И мы снова на пути к Чаще!

— Я долго отсутствовал, — пояснил Кикаха. — А что, если я возьму твои деньги, а Энн не упадет в твои объятия? Знаешь, я не могу заставить ее стать твоей.

Баум, казалось, обиделся.

— Цыпочки дюжинами предлагают мне себя каждую ночь! Я не шучу. Выбор у меня есть. Ты говоришь, что Энн, эта дочь Деда Мороза или кто она там, отвергнет меня? Баума, Короля Гномов?

Черты лица Баума не только не отличались красотой и гармонией, но у него были прыщи и кривые зубы.

До этого момента интонации Баума были просительными, даже заискивающими, но теперь его речь стала торжествующей и в то же время презрительной.

— Я сейчас могу дать тебе тысячу, возможно. Солли, мой агент, даст тебе пятьсот. На остальные я выдам чек.

— Белое рабство! — хмыкнул Кикаха. — Тебе ведь, вероятно, не больше тридцати пяти, верно? И ты можешь вот так разбрасываться деньгами?

---

[1] Ч а щ а — городской стадион Лос-Анджелеса.

Он вспомнил собственную юность во времена Великой Депрессии. Как много ему приходилось работать просто для того, чтобы выжить, и как тяжко приходилось многим другим!

— Ты чудик, — подтвердил свой вывод Баум. — Неужели ты ничего не знаешь? Или ты меня разыгрываешь?

Голос выдавал переполнявшее его презрение. Кикаха ощутил желание рассмеяться ему в лицо, а также врезать ему по зубам. Но он не сделал ни того, ни другого. А просто проговорил:

— Я возьму пятнадцать сотен, и прямо сейчас. Но если Энн па тебя наплюет, обратно деньги не получишь.

Баум нервно оглянулся на Му-Му, которая пересела на место рядом с Ананой.

— Подожди, пока не доберемся до Лос-Анджелеса. Мы остановимся перекусить, а пока ты можешь сваливать. Тогда я дам тебе деньги.

— И ты сможешь набраться храбрости и сообщить Му-Му, что Энн останется с вами, а я сваливаю? — поинтересовался Кикаха. — Отлично все, за исключением денег. Я хочу получить их сейчас! Иначе я скажу Му-Му, о чем ты сейчас говорил.

Баум несколько побледнел, а его челюсть, выступающая вперед, малость отвисла.

— Ну, ты змей!.. Наглость тебе не занимать! Ты думаешь, я обману тебя, выдам легавым?

— Такая возможность приходила мне в голову, — констатировал Кикаха, лихорадочно соображая, не означает ли слово "легавые" полицейских. — Кроме того, я требую любого заявления, причем письменного, объясняющего, что я получил деньги законным путем. Подойдет любое логичное объяснение.

— Ты, может, и был долгое время где-то, но не забыл никаких трюков, не так ли? — проговорил Баум уже не столь презрительно.

— Люди вроде тебя есть всюду, — лаконично отозвался Кикаха.

Он знал, что им с Ананой понадобятся деньги, а времени зарабатывать их трудом у них не было, так что Кикаха хотел избежать необходимости грабить кого-либо. Если этот тошнотворный образец самонадеянности считает, что сможет купить Анану, пусть расплачивается за возможность выяснить: под силу ему это или нет.

Баум порылся в карманах и достал оттуда восемь стодолларовых бумажек. Он вручил их Кикахе, затем оторвал от игры своего менеджера, толстого, лысого мужчину с огромной сигарой в зубах. Менеджер сильно жестикулировал и бросал на Кикаху тяжелые взгляды. Потом он уступил. Баум вернулся с пятью стодолларовыми бумажками. Потом написал на обрывке бумаги

записку, гласящую, что деньги пошли в оплату долга Полу Я.Финнегану. Вручив ее Кикахе, он настоял на том, чтобы Кикаха написал, в свою очередь, расписку в получении денег. Кикаха взял еще чек на оставшуюся сумму, хотя и не рассчитывал, что удастся превратить его в наличные. Он был уверен, что Баум приостановит выплату по этому чеку.

Кикаха покинул Баума и присел на место, где лежало множество журналов, книги в мягких обложках и "Лос-Анджелес Таймс". Он потратил некоторое время на чтение и, когда закончил, сидел какое-то время, просто глядя в окно.

Бесспорно, с послевоенных времен Земля изменилась.

Стряхнув с себя состояние созерцательного раздумья, Кикаха взял обнаруженную им карту дорог Лос-Анджелеса. Изучив ее, он понял, что Вольф и Хрисенда могут оказаться в любом месте от этого города. Он тем не менее был уверен, что они двинулись, скорее всего, в этом же направлении, а не отправились в Неваду или Аризону, поскольку ближайшие врата находились в районе Лос-Анджелеса. Вольф с Хрисендой тоже могли ехать в автобусе, идущем впереди этого на несколько миль.

Поскольку Вольф и Хрисенда воспользовались для своего бегства вратами во дворце вселенной Вольфа, используемыми в качестве пожарного выхода, то они должны быть одеты в одежду Господов, а Хрисенда, вероятно, вообще оказалась без всякой одежды. Так что этой парочке невольно придется позаимствовать одежду у других. И им предстоит немедленно найти темные очки, так как всякий, увидевший огромные фиолетовые глаза Хрисенды, поймет, что родилась она не на Земле. Или сочтет ее выродком, несмотря на ее потрясающую красоту.

И Вольф и Хрисенда были достаточно изобретательны, чтобы приспособиться, тем более, что Вольф провел на Земле много времени будучи взрослым.

Что же касается Колокольника, то он попал в абсолютно чуждый, пугающий его мир. Ни на одном земном языке он не может произнести ни одного слова. Он станет цепляться за свой колокол, и это будет для него неудобно и затруднительно. Но двигаться Колокольник мог в любом направлении.

Единственное, что мог сделать Кикаха, это направиться к ближайшим известным ему вратам, надеясь, что Вольф и Хрисенда сделают то же самое. Если они там встретятся, что вполне возможно, то смогут объединить свои силы, обдумать, какие шаги предпринять дальше, и спланировать наилучший способ обнаружения Колокольника. Если же Вольф и Хрисенда не появятся у врат, то все придется решать одному Кикахе.

Рядом с ним села Му-Му. Она положила ладонь на его руку и заметила:

— Ох, ну у тебя и мускулы!

— Есть немного! — усмехнулся Кикаха. — А теперь, когда ты умаслила меня своей лестью о моих мышцах, сознавайся, что у тебя на уме?

Му-Му нагнулась к нему, потерлась своей большой грудью о его руку и проговорила:

— Этот Лу! Стоит ему увидеть новую привлекательную девушку, как он балдеет. Он ведь убеждал тебя, чтобы ты отдал ему свою подружку, не так ли? Держу пари, он предложил тебе за нее деньги?

— Предложил малость, — согласился Кикаха. — И что из этого?

Она ощупала мышцы его бедра и продолжила:

— В такую игру могут играть и двое.

— Ты тоже предлагаешь мне деньги?

Она отодвинулась от него, широко раскрыв глаза, а затем произнесла:

— Ты меня разыгрываешь? МНЕ платить ТЕБЕ?

В другое время Кикаха действительно мог бы сыграть в эту игру до конца. Но, как ни банально это звучало, от него и в самом деле зависела судьба человеческой расы на Земле. Если Колокольник приспособится в этом мире и преуспеет в изготовлении других колоколов, то содержащиеся в них разумы вскоре захватят тела человеческих существ, и придет время, когда... сама Му-Му станет бездушной вещью, а затем в ее мозг и тело вселится другое существо.

Это, однако, могло и не иметь теперь значения. Если поверить хотя бы в половину того, что он только что прочел в газете и журналах, то человеческая раса, вероятно, сама уже обрекла себя на гибель и всю жизнь на этой планете. Земля, возможно, легко отделается, если в людей вселятся разумы Колокольников. Те были существами логичными, и, дай им волю, они бы все расчистили и навели порядок на этой помойке, в которую, кажется, люди превратили всю планету.

Кикаха содрогнулся. Такое мышление опасно.

Не может быть покоя, пока не умрет последний из Колокольников.

— Что с тобой случилось? — голос Му-Му потерял нежность. — Ты меня не любишь?

Он похлопал ее по бедру и сознался:

— Ты прекрасная женщина, Му-Му, но я люблю Энн. Однако вот что я тебе скажу! Если Королю Гномов удастся превратить Энн в одно из своих тухлых яиц, мы с тобой вместе станем

творить музыку. И это будет не та какофония, что сейчас выплевывает радио.

От удивления Му-Му дернулась, а затем произнесла:

— Что ты имеешь в виду? Это же "Роллинг Стоунз"!

— Ну и что? — настаивал Кикаха.

— Ты не в струе! — воскликнула она. — Приятель, ты квадрат, квадрат, квадрат![1] Ты уверен, что тебе не за тридцать?

Кикаха пожал плечами. В юности его тоже не волновала популярная музыка. Хотя временами она бывала приятной, не то что теперь. Та музыка не вызывала желания вцепиться в самого себя.

Автобус выбрался из пустынной местности. Он стремительно летел по шоссе, несмотря на возрастающий поток транспорта. Солнце палило теперь со всей свирепостью, а воздух стал горячим. Кроме того, атмосфера вокруг наполнилась шумом машин и вонью от выхлопных газов. Глаза у Кикахи заслезились, а в носу появилось такое ощущение, будто туда напихали иголок. Впереди расстилалось сероватое марево. Потом автобус въехал в него, и воздух показался Кикахе несколько чище, но марево вновь повисло впереди.

Му-Му говорила что-то о том, что смог в это время года действительно свирепствует в этих местах. Кикаха прочел об этом в одном из журналов, хотя и не знал происхождения этого слова. Если именно в смоге жили обитатели южной Калифорнии, то Кикаха не желал иметь к нему ни малейшего касательства. У Ананы глаза покраснели, и она фыркала и жаловалась на головную боль.

Му-Му пересела от Кикахи, и рядом с ним устроилась Анана.

— Ты никогда ничего не говорил мне об этом, когда рассказывал о своем мире, — упрекнула она его.

— Я сам об этом ничего не знал, — возразил Кикаха. — Это появилось после того, как я покинул Землю.

Автобус ехал быстро и как-то беспорядочно. Он то и дело перескакивал с одной полосы на другую, когда протискивался между машинами, шел впритык к тем, что ехали впереди, и бешено старался вырваться вперед. Водитель пригнулся к рулю, глаза его, казалось, горели, рот приоткрылся и из него высовывался язык. Он не обращал внимания ни на визг тормозов, ни на пронзительные гудки других водителей, но наваливался на свой клаксон, когда собирался спугнуть кого-то впереди себя.

Клаксон ревел весьма громко, должно быть, для многих водителей звучал, словно гудок локомотива. Они убирались на

[1] К в а д р а т — правильно мыслящий человек.

другую полосу, проделывая это иногда так быстро, что чуть не сметали с дороги другие машины.

Через некоторое время автомобильная давка стала такой сильной, что автобусу прошлось ползти, как и всем остальным, а иногда даже и останавливаться. Весь транспорт на много миль впереди еле тащился. Жара и серое марево густели.

— Почему мы не можем установить в этом автобусе кондиционеры? — обратилась Му-Му к Бауму. — Денег-то мы заколачиваем вполне достаточно!

— А часто ли мы попадаем на шоссе? — отпарировал менеджер.

Кикаха сообщил Анане о предложении Баума.

— Я не знаю, смеяться мне или плакать, — ответила на это Анана.

— Немного того и другого могут тебе помочь, — разъяснил Кикаха. — Ну, я пообещал, что не буду пытаться отговаривать тебя, если ты решишь предпочесть его мне. В чем, кажется, он уверен на все сто процентов.

— Ты меня продаешь, вот и помучайся немного, пока я не приму решения, — пригрозила Анана.

— Разумеется. Обязательно помучаюсь, — ответил Кикаха, поднялся и прошел по проходу, потом посмотрел через заднее стекло автобуса. Через некоторое время он вернулся и сел на прежнее место. — За нами, по-моему, ползет большой черный "линкольн-континенталь", — сообщил он, понизив голос. — Я узнал одного из сидящих в нем. Я видел его, когда смотрел в бинокль с горы.

— Как они могли найти нас? — голос Ананы остался ровным, но тело мгновенно напряглось.

— Может, они и не нашли. Может, это просто совпадение. Возможно, они понятия не имеют, что находятся так близко от нас. А впрочем, опять же...

Это казалось совершенно невероятным, но как они догнали их? Расставили посты вдоль дороги и выследили, что они проехали на автобусе? Или у Орка такая широкая сеть осведомителей, что ему доложил кто-то из автобуса?

Эту последнюю мысль он отмел как нереальную. Только время покажет, случайно это совпадение или нет. Пока что, казалось, люди в автомобиле не интересуются автобусом. У них шел горячий спор. Трое из них были темноволосыми мужчинами в возрасте между сорока и сорока пятью годами. Четвертый оказался молодым блондином с волосами, подстриженными а-ля Юлий Цезарь. Кикаха изучил их всех, пока не запечатлел в памяти их черты. Затем он вернулся на прежнее место.

Через некоторое время скорость транспортного потока возросла. Автобус несся мимо мрачных промышленных районов и задних фасадов захудалых зданий. Сероватый с зеленым оттенком смог не густел, но его разъедающе-раздражающее действие усилилось.

— Твои соотечественники все время живут в этой дряни, — посочувствовала Анана. — Они, должно быть, очень стойкие.

— Я об этом знаю столько же, сколько и ты.

Баум вдруг поднялся со своего места возле Му-Му и обратился к водителю:

— Джим, когда подъедем к Музыкальному центру, притормози и поищи забегаловку под открытым небом. Я проголодался.

Остальные запротестовали. Можно поесть в отеле, когда они туда приедут. Чего он спешит?

— Я голоден! — крикнул Баум. Он посмотрел на всех диким взглядом и с силой топнул ногой. — Я голоден! Я не хочу больше ждать! Кроме того, если нам, как обычно, придется пробиваться через толпу хиппи, мы можем еще и задержаться на немалый срок! Давайте перекусим сейчас!

Все пожали плечами. Очевидно, они уже сталкивались с подобным поведением Баума. Он выглядел так, словно в приступе ярости, того и гляди, примется визжать и пробивать пол ногами, если не сделает по-своему.

Однако на этот раз это не было очередным капризом. Му-Му закатила глаза, потом подошла к Кикахе и объяснила:

— Он дает тебе знать, что пришла пора откланяться. Тебе лучше забрать свои вещички и поцеловать на прощание подружку.

— Ты уже с этим сталкивалась прежде? — поинтересовался Кикаха. — Почему ты так уверена, что Энн останется?

— Насчет нее у меня нет такой уверенности, — призналась Му-Му. — Я почувствовала в вас что-то чудное. И это ощущение не прошло. Скорее, оно даже усилилось. — А потом она удивила Кикаху, когда добавила: — Вы ведь убегаете, не правда ли? От легавых. И от других, которые сильнее, чем легавые. Кто-то сейчас наступает вам на пятки. Опасность я нюхом чувствую. — Она сжала ему руку, нагнулась и прошептала: — Если я смогу помочь тебе, то я пробуду в отеле неделю. Отель "Беверли Хилтон", а потом мы отправимся в Сан-Франциско. Позвони мне. Я скажу в отеле, чтобы тебя соединили. В любое время.

Кикаха ощутил к ней теплые чувства и был благодарен за предложенную помощь. В то же время он не мог не учитывать, что она, вероятно, знала больше, чем следовало бы любому

будущему его другу. Не могла ли она быть связанной с Рыжим Орком?

Он отверг эту мысль. Жизнь его настолько была полна опасностей и рискованных ситуаций, следующих одна за одной, что у него появилась привычка всегда предполагать наихудшеее и планировать возможное противодействие, стремясь избежать этого наихудшего. В данном случае Му-Му могла быть не более, чем экстрасенсом или просто весьма чувствительным человеком.

Автобус съехал с шоссе и подкатил к Музыкальному центру. Кикахе хотелось бы изучить здешние высотные здания, напомнившие ему небоскребы Манхеттена, но он следил за большим черным "линкольном" и сидевшей в нем четверкой. Автомобиль свернул с шоссе вслед за автобусом, и теперь их отделяли от автобуса всего две машины. Кикаха был готов допустить, что этот маневр тоже был не более, чем совпадением, но уже весьма сильно в этом сомневался.

Автобус подрулил в угол стоянки, в центре которой находился большой прилавок, где торговали гамбургерами. Дверца автобуса раскрылась, и шофер вылез первым. Баум взял за руку Анану и вывел ее. Уголком глаза Кикаха заметил это, он-то следил за "линкольном", который тоже завернул на стоянку, держась от автобуса на некотором расстоянии.

Баума сразу же окружили пять-шесть молоденьких девчонок, которые выкрикивали его имя и множество других неразборчивых слов. Баум улыбнулся им и помахал рукой, чтобы они отошли. После минутной борьбы ему и мужчинам постарше удалось оттеснить девчонок.

Кикаха, держа в руке футляр, последовал за Му-Му через автостоянку к столу под тентом, где уже сидели Анана и Баум. Официантка принесла гамбургеры, шоколад, взбитые сливки и кока-колу. У Кикахи слюнки потекли, когда он увидел гамбургер. Прошло ведь, господи, больше двадцати четырех лет, как он в последний раз пробовал гамбургер! Кикаха откусил кусочек, потом медленно прожевал. В мясе было что-то такое, какой-то непонятный компонент, который ему не понравился. Эта невкусная субстанция присутствовала, кажется, и в латуке и в помидорах.

Анана поморщилась и на языке Господов спросила:

— Что они кладут в эту пищу?

— Может быть, инсектициды, — пожал плечами Кикаха, — хотя, вероятно, в микроскопических дозах. И все же что-то тут есть.

Им больше повезло со взбитыми сливками и шоколадом. Сливки оказались такими же густыми, кремовыми и вкусными,

какими они и были много лет назад. Анане тоже они понравились, и она кивнула в знак одобрения.

Четверка все еще сидела в "линкольне" и смотрела на Кикаху и Анану. Во всяком случае, на их группу.

— Ладно, Финнеган, — произнес Баум, посмотрев на Кикаху. — Давай отваливай.

Кикаха взглянул на него и напомнил:

— Согласно сделке, я отваливаю, если Анана согласится остаться с тобой.

— Я просто пытаюсь щадить твои чувства, мой среднезападный провинциальчик, — засмеялся Баум. — Но будь по-твоему. Следи за мной и, может, чему-то научишься.

Баум склонился к Анане, занятой разговором с Му-Му. Та взглянула разок в лицо Баума, потом встала и отошла. Кикаха следил за Ананой и Баумом. Разговор оказался коротким, действия — внезапными и взрывными.

Анана отвесила Бауму оплеуху с такой силой, что звук ее можно было расслышать даже сквозь гомон его поклонниц и рев уличного движения. Наступило короткое затишье, а затем раздались гневные крики со стороны вопящих поклонниц. Баум гневно закричал и правым кулаком замахнулся на Анану. Она ловко увернулась и соскользнула со скамьи, а потом Кикаху загородили окружившие их люди, и он больше ничего не видел.

Он сгреб со стойки кучу мелочи, оставленную клиентами. Сунув ее в карман, Кикаха нырнул в потасовку. Однако его тут же едва не сбили с ног люди, что пытались выбраться из кучи дерущихся. Какие-то девушки врезались в него, царапались, визжали, норовили выдавить ему глаза.

Внезапно все расступились. Кикаха увидел лежащего на цементном полу Баума, прижавшего к груди ноги и державшегося за пах. Около него, согнувшись пополам, сидела девица и держалась за живот. Другая девица склонилась над столом и ее рвало.

Кикаха схватил Анану за руку и крикнул:

— Ходу! Вот шанс, которого мы ждали!

Держа футляр в одной руке, он повел ее к дальнему концу стоянки. Перед тем как забежать в переулок между двумя высокими зданиями, Кикаха оглянулся. Машина с их преследователями въехала на стоянку, и из нее вышли трое преследователей. Они заметили свою дичь и рванулись к ним. Но они были не столь уж глупы, чтобы вытаскивать свое оружие до того, как догонят убегающих. Кикаха же не собирался допускать, чтобы их догнали.

А потом, когда они уже выбежали из переулка на соседнюю улицу, он подумал: "А почему бы и нет? Я могу потратить не один год, пытаясь найти Рыжего Орка, ну а если я заполучу в свои руки тех, кто на него работает?.."

Соседняя улица оказалась столь же деловой. Анана с Кикахой перестали бежать, но шли быстрым шагом. Полицейский автомобиль, следовавший в том же направлении, вдруг прибавил скорость, и его мигалка ожила. Машина свернула, взвизгнув тормозами, преследуемая проклятиями старика, похожего на алкоголика.

Кикаха оглянулся. Трое все еще шли за ними, но не предпринимали никаких шагов, чтобы догнать их. Один из них говорил во что-то, скрытое у него в руке. Он докладывал что-то либо человеку, оставшемуся в машине, либо беседовал со своим боссом. Кикаха усвоил теперь, что с послевоенного времени радиопередатчики стали гораздо меньше. С другой стороны, преследователь мог использовать какой-то прибор, неизвестный на Земле никому, кроме тех, кто работал на Рыжего Орка.

Парочка продолжала идти. Когда они миновали два квартала, Кикаха снова оглянулся. Большой черный "линкольн" остановился, и те трое садились в него. Кикаха задержался перед витриной ломбарда и посмотрел сквозь грязное стекло на обломки людских надежд.

— Мы позволим им сцапать нас, — предупредил он Анану. — Не знаю, хватит ли у них пороха сделать это средь бела дня, но если хватит, то...

"Линкольн" поравнялся с ними и остановился.

Кикаха обернулся и увидел, что передняя и задняя дверцы с правой стороны автомобиля открылись, и одновременно три человека вылезли из машины. Они направились к парочке, не вынимая рук из карманов. В этот момент на улице взвыла полицейская сирена. Троица резко дернула головами, глянув на внезапно появившийся полицейский автомобиль. Он пролетел между машинами, сделал крутой вираж, огибая стоявший "линкольн", и полетел дальше как раз на красный сигнал светофора. Автомобиль продолжал мчаться, не обращая внимания на происходящее.

Трое небрежно развернулись и пошли к "линкольну". Кикаха воспользовался тем, что их внимание было отвлечено полицейским автомобилем, и, прежде чем они успели оглянуться, он очутился у них за спиной. Ткнув костяшками пальцев в спину самого старшего, Кикаха произнес:

— Если ты станешь сопротивляться, я прожгу в тебе дыру.

Держа палец на спуске кольца, Анана приставила его к спине молодого блондина со спутанными волосами. Тот застыл,

и челюсть у него мгновенно отвисла. Он не мог поверить, что их жертвы не только накинулись на них, но и проделали это, не обращая внимания на свидетелей.

"Линкольн" начал сигналить. Водитель жестом велел троице поспешить с возвращением, а потом он заметил, что Кикаха с Ананой вплотную прижались к спинам двоих его людей. Третий, расслышавший слова Кикахи, помахал рукой водителю, чтобы тот уезжал. "Линкольн" рванулся с места, визжа и сжигая шины, и, не притормаживая, скрылся за углом.

— Это был умный ход! — похвалил Кикаха стоящего перед ним. — Один—ноль в вашу пользу.

Третий стал удаляться.

— Я убью этого парня, если ты не вернешься! — пригрозил Кикаха.

— Убивай! — отозвался тот и продолжал идти.

— Отпусти своего, — велел Кикаха Анане на языке Господов. — Мы оставим одного этого. Отправимся в уединенное место и там потолкуем.

— А что помешает другим последовать за нами?

— Ничего. В данный момент меня это не волнует.

На самом деле его это волновало, но он не хотел, чтобы об этом знали другие.

Блондин презрительно фыркнул и вразвалочку пошел прочь. Однако походка выдавала его. Он испытывал большое облегчение от того, что удалось уйти невредимым.

Кикаха уведомил того, который остался, о том, что с ним произойдет, если он попытается сбежать. Тот не ответил. Он казался очень спокойным. "Истинный профессионал, — подумал Кикаха. — Лучше было бы задержать молодого блондина, который мог оказаться не слишком-то преданным Рыжему Орку". Правда, было уже слишком поздно что-либо менять.

Проблема заключалась в том, куда везти этого типа. Они находились в центре огромного города, незнакомого ни Кикахе, ни Анане. Судя по зданиям и внешнему виду многих пешеходов, здесь должны были находиться и третьеразрядные отели. Вполне возможно, что там удалось бы снять номер и допросить пленника. Но тот мог все испортить, открыв рот и закричав. И даже если удастся привести его в номер отеля, его приятели, вероятнее всего, выследят их и вызовут подкрепление. Номер отеля окажется ловушкой.

Кикаха отдал приказ, и они втроем двинулись вперед. Кикаха шел с одной стороны пленника, а Анана с другой. Кикаха изучал профиль пленника, выглядевший грубоватым, но волевым. Это был человек лет пятидесяти, с темно-желтоватой кожей, карими глазами, большим кривым носом, толстогубым

ртом и массивным подбородком. Кикаха спросил, как его зовут, и тот буркнул:

— Мазарен.

— На кого ты работаешь? — спросил Кикаха.

— На того, с кем тебе лучше бы не связываться, — отозвался Мазарен.

— Сообщишь мне, кто твой босс и как до него добраться, и я тебя отпущу на все четыре стороны, — пообещал Кикаха. — А иначе буду жарить тебя, пока не скажешь. Ты знаешь, что у каждого есть предел терпения, и ты, возможно, сумеешь долго терпеть боль, но в конце концов все выдашь.

— Разумеется, — пожал широкими плечами пленник. — Ну и что?

— Ты и вправду такой преданный?

Тот презрительно взглянул на Кикаху.

— Нет, но я считаю, что вам не удастся что-либо предпринять. И больше я ничего говорить не стану.

Мазарен закрыл рот и отвел взгляд.

Они прошли пару кварталов. Кикаха оглянулся. Из-за угла выехал "линкольн", подобрал тех двоих и теперь медленно катил по ближайшей к тротуару полосе.

Кикаха не сомневался, что люди в автомобиле вступили в контакт со своим боссом и дожидались подкрепления.

Положение становилось безвыходным.

Потом Кикаха ухмыльнулся.

Он быстро переговорил с Ананой, и они подтолкнули Мазарена к краю тротуара. Подождали, пока "линкольн" не поравнялся с ними, а потом шагнули на мостовую. Трое в машине уставились на них, словно не могли поверить собственным глазам. Кроме того, было похоже, что их охватило беспокойство. Когда Кикаха махнул им рукой, машина остановилась. Двое, сидевшие с правой стороны машины, вытащили пистолеты и прицелились через окна, хотя и пытались, по возможности, прикрыть стволы руками.

Кикаха толкнул Мазарена вперед, и они обошли автомобиль спереди, подойдя к водителю. Анана осталась стоять примерно в пяти футах от машины.

Мазарен посмотрел на Кикаху с неприязнью. Он открыл заднюю дверцу машины и начал усаживаться. Кикаха впихнул его в салон автомобиля. Анана тоже подошла к машине. Водитель и двое других обернулись, чтобы посмотреть на Кикаху. Анана прижала кольцо, вновь установленное на оглушающий удар, к голове человека, находившегося на правом переднем сиденье. Тот рухнул, и в тот же момент Кикаха стукнул по голове Мазарена.

Молодой блондин на правом сиденье направил свой пистолет на Кикаху и нервно завопил:

— Ты, должно быть, спятил! Не шевелись, а то сделаю в тебе дыру!

Заряд из кольца ударил его по затылку. Вероятно, он получил еще и ожог головы. Голова непроизвольно дернулась, словно от удара кулаком, и рефлекторно сжавшийся палец надавил на курок пистолета. Автоматический пистолет сорок восьмого калибра грянул разок. Внутри машины выстрел прозвучал очень громко. Мазарен дернулся, наклонился назад, задев Кикаху. Потом медленно повалился на него.

Водитель заорал и рванул машину с места. Анана отпрыгнула, чтобы ее не переехали. Кикаха закричал на водителя, но тот продолжал надавливать на педаль газа, выкрикнув в ответ непристойное ругательство. Видимо, он собирался гнать машину и дальше, хотя впереди на светофоре загорелся красный сигнал, надеясь, что Кикаха не рискнет нокаутировать его, побоявшись результата этого нокаута на столь оживленной дороге.

Тем не менее Кикаха оглушил и его, и автомобиль немедленно потерял скорость. Он, правда, не остановился и поэтому, проехав вперед, врезался в машину, которая стояла перед светофором, ожидая, когда красный свет сменится зеленым. Чтобы смягчить удар, Кикаха присел на корточки позади сиденья водителя. Его бросило по инерции вперед вместе со спинкой сиденья, но удар был смягчен телом водителя.

Сразу после этого Кикаха открыл дверцу и выполз из машины. Он протянул руку и вытащил из пиджака Мазарена его бумажник. То же он проделал и с карманами водителя. Ни в отделении для перчаток, ни на колонке руля не оказалось регистрационной карточки на машину. Кикаха не мог больше позволить себе оставаться на сцене. Поэтому он отошел от машины, а потом припустился бежать, услышав позади себя крики.

Кикаха встретился с Ананой на перекрестке, и они свернули за угол. Преследовал Кикаху только один человек, да и тот остановился, когда Кикаха грозно посмотрел на него.

Беглецы остановили проезжавшее такси. Вспоминая карту, изученную в автобусе, Кикаха велел водителю высадить их на Лорейн к югу от Уилшира.

Анана не спрашивала, что он намеревается делать, поскольку он приказал ей помалкивать. Кикаха не хотел, чтобы таксист запомнил женщину, говорящую на чужом языке, хотя все равно ее красота и их походная одежда отложатся в его памяти.

Кикаха выбрал многоквартирный дом и велел шоферу остановиться возле него. Он расплатился и дал доллар на чай.

Затем они с Ананой поднялись по лестнице и вошли в вестибюль, оказавшийся пустым. Убедившись, что такси отъехало, они направились к Уилширу. Здесь они сели на автобус.

Через несколько минут Кикаха вывел Анану из автобуса, и она осведомилась:

— А теперь что?

Хотя, кажется, в данный момент ее не очень-то интересовал их следующий шаг, поскольку она вглядывалась в бензоколонку на другой стороне улицы. Кикахе ее архитектура показалась необычной. Он мог сравнить ее только с чем-то из сериалов о Френке Гордоне. Анана, конечно, видела много различных стилей. Женщине нельзя прожить десять тысяч лет в нескольких вселенных, не повидав разнообразных архитектурных стилей. Но эта Земля оказалась такой странной.

Кикаха сообщил ей свои планы. Они направятся к Голливуду и поищут мотель или гостиницу в районах подешевле. Из газеты и журналов он узнал, что там обитают нищие и бездомные — их теперь называли хиппи — и более дикие люди.

Через пару минут они поймали такси, добрались до Сансет-бульвара. Там они довольно долго гуляли. Солнце зашло, на улицах зажглись фонари. Сансет-бульвар начал заполняться автомобилями, тащившимися бампер в бампер. На тротуарах началась толкотня, собирались толпы народа, главным образом хиппи, о которых Кикаха читал. Появилось там же и немало других странных личностей, каких и следовало ожидать в Голливуде.

Они остановили одного бесцельно слоняющегося юнца и расспросили насчет ночлега. Молодой парень с волосами до плеч и густыми усами по моде 1890 года, но одетый в дорогой на вид костюм, сообщил им кое-какие полезные сведения. Он хотел поговорить еще и даже пригласил их пообедать. Заворожила его явно Анана, а не Кикаха.

— До скорого, — решительно попрощался с ним Кикаха, и они ушли.

Спустя полчаса они уже находились в номере отеля на боковой улочке. Номер был, конечно, не люкс, но он вполне устраивал Кикаху, прожившего большую часть из последних двадцати четырех лет в первобытных условиях. Тут, правда, оказалось не так тихо, как ему хотелось, поскольку в соседнем номере шла гулянка. Радио или проигрыватель извергали из себя наиболее крикливые образчики рока, топало множество ног и визжало немало голосов.

Пока Анана принимала душ, Кикаха изучал содержимое бумажников, забранных у людей Орка. Фредерик Джеймс Мазарен и Джеффи Веласкес Рамос жили, как извещали их во-

дительские удостоверения, на бульваре Уилшир. Карта подсказала Кикахе, что этот бульвар находился поблизости от границы городского района Уилшир. Кикаха подозревал, что эта пара жила в отеле. Мазарену было сорок восемь лет, а Рамосу — сорок шесть. Остальное содержимое бумажников состояло из кредитных карточек, которых Кикаха, естественно, не видел раньше, нескольких фотографий, на которых они были запечатлены с женщинами, снимки женщины, видимо, матери Рамоса, денег — триста двадцать долларов — и клочка бумаги (в бумажнике Мазарена), на котором были нацарапаны десять инициалов в одной колонке и номера телефонов в другой.

Кикаха зашел в ванную и сообщил Анане, что выйдет на улицу, чтобы позвонить из телефонной будки.

— Почему ты не воспользуешься здешним телефоном?

— Он проходит через коммутатор отеля, — пояснил он, — и я не хочу рисковать — могут подслушать или засечь.

Он прошел несколько кварталов до аптеки, где добыл мелочь. Постоял минутку, раздумывая, не воспользоваться ли телефоном аптеки, а потом решил вернуться к будке рядом с отелем. Тогда он сможет следить за входом в отель, пока обзванивает номера.

На минутку он задержался у лотков с книгами в мягких обложках. Давненько он не читал книг. Ну, он читал ташкетмоакские книги. Ташкетмоаки не издавали ничего, кроме научной, исторической и теологической литературы. Жители яруса, называемого Атлантидой, издавали беллетристику, но он провел на этом ярусе очень мало времени, хотя и планировал как-нибудь пожить подольше. Существовали кое-какие книги семитской цивилизации Дракландии, но число романов среди выпускаемой литературы было очень невелико, а тематика их весьма ограниченна. Во дворце Вольфа была библиотека в двадцать миллионов книг — или записей книг, — но Кикаха и там не располагал временем, чтобы многое прочесть.

Он осмотрел подборку, сознавая, что не следует терять время на это, и, наконец, выбрал три книги. Одна оказалась книгой Тома Вольфа. Кикахе показалось, что она сможет ему дать представление о духе времени нынешней эпохи. Другие книги были документальными: произведение Азимова (который, кажется, был тем же человеком, что и писатель-фантаст, которого он помнил) и очерк о черной революции. Кикаха направился к стойке с журналами и купил "Лук", "Лайф", "Сатедей", "Ревю", "Нью-Йоркер", "Лос-Анджелес магазин" и несколько научно-фантастических выпусков.

Держа в руках журналы и вечерний выпуск "Таймса", он побрел обратно к телефонной будке. Сперва он позвонил Анане,

чтобы удостовериться, что с ней все в порядке. Затем, достав карандаш и бумагу, он стал набирать каждый из номеров, записанных на клочке бумаги, что он нашел в бумажнике Мазарена.

Три номера соединили его с женщинами, отрицавшими всякое знакомство с Мазареном. Три — не ответили вовсе. Кикаха отметил их, чтобы позвонить попозже. Один номер, судя по доносившимся в трубку разговорам, мог быть установлен в конторе букмекера. Ответивший мужчина разговаривал так же уклончиво, как и женщины. Восьмой звонок соединил Кикаху с барменом, которому Кикаха сообщил, что ищет Мазарена.

— Разве ты не слышал, приятель? — спросил бармен. — Мазарена сегодня убили.

— Кто его убил? — произнес в ответ Кикаха так, словно был потрясен услышанным. — Кто это сделал?

— Никто не знает. Он ехал с несколькими ребятами, и вдруг тот парень ни с того ни с сего выхватил у Чарли из кармана пистолет, выстрелил из него Фреду в грудь, а после смотался, нокаутировав всех оставшихся в машине.

— Да? Ведь ребята тоже профи. Должно быть, проявили беззаботность или что-то в этом роде. Слушай, а разве это не взбесит их босса? Он, должно быть, вне себя от бешенства!

— Шутишь, друг? Кэмбринга ничто не заставит выйти из себя. Слушай, я должен идти, клиент стоит. Заскакивай, поднеси мне рюмку, и я тебе поведаю все кровавые подробности.

Кикаха записал фамилию Кэмбринга, а затем просмотрел телефонную книгу. В телефонной книге Лос-Анджелеса и других, окружавших его городков, никакого Кэмбринга не оказалось.

Девятый номер оказался телефоном гаража в Калвер-сити. Ответивший заявил, что никогда не слышал о Мазарене. Кикаха сомневался, что ему сказали правду, но ничего не мог поделать.

Последний номер был записан против инициалов Р.К. Кикаха надеялся, что они обозначают Р. Кэмбринг, но женщина, которая ему ответила, назвалась Роной Кольерс. Отвечая на его вопросы, она проявила осторожность, как и прочие.

Кикаха снова позвонил Анане, чтобы еще раз удостовериться, что с ней все в порядке. Потом он вернулся в номер, где заказал обед из "Цыплячьего восторга", и они с Ананой съели все, что оказалось в коробке. И на этот раз в еде присутствовал тот самый привкус чего-то неприятного и несъедобного.

— Завтра суббота, — принялся размышлять он вслух, — если мы не найдем никаких многообещающих ниточек, то придется приобрести кое-какую одежду.

Кикаха принял душ и успел вытереться. В этот момент принесли бутылку "Дикой индейки" и шесть бутылок "Тюборга". Анана попробовала то и другое и остановилась на датском пиве. Кикаха пригубил немного "Дикой индейки" и скривился. Владелец винного магазина утверждал, что у него лучшее в мире виски. Правда, прошло слишком много времени с тех пор, как Кикаха в последний раз пробовал этот напиток. Ему придется заново учиться его пить, если найдется на это время. А он в этом сомневался. Кикаха решил выпить бутылку-другую "Тюборга", которое ему показалось вкусным, вероятно, потому, что пивоварение было хорошо известно и в Многоярусном Мире, от пива Кикаха не отвык.

Он сидел в кресле, потягивая пиво, и медленно вслух читал по-английски газету для Ананы. В первую очередь он поискал какие-нибудь сообщения о Вольфе, Хрисенде или Колокольнике. Наткнувшись в газете на заметку о Лоботрясах Люцифера, Кикаха выпрямился в кресле. Их обнаружили полуголыми, избитыми и обгорелыми у дороги подле озера Эрроухэд. Полиции они рассказали байку, что на них напала соперничающая с ними банда.

Страницей дальше Кикаха нашел заметку о гибели вертолета неподалеку от озера Эрроухэд. Вертолет, вылетевший из аэропорта Санта-Моника, принадлежал некоему мистеру Кэмбрингу, который однажды привлекался к суду за подкуп муниципальных чиновников в связи с земельными сделками. Однако он не был осужден. Кикаха восторженно завопил, а потом объяснил Анане, какая это удача.

В статье не указывался адрес Кэмбринга. Кикаха позвонил в контору "Тон Хэт Энтерпрайзис", что принадлежала Кэмбрингу. Об этом Кикаха тоже узнал из заметки. Телефон тренькал довольно долго, и Кикаха наконец сдался. Тогда он позвонил в "Лос-Анджелес Таймс" и после многократного отфутболивания от одного сотрудника к другому, во время которых ему тоже приходилось ждать по три-четыре минуты, получил искомые сведения. Мистер Рой Ариделл Кэмбринг жил на бульваре Римпо. Посмотрев еще раз на карту города, Кикаха выяснил, что искомый дом находится в нескольких кварталах севернее Уилшира.

— Это нам поможет, — объявил он. — Я нашел бы Кэмбринга, если бы нанял для этого частного детектива, но это займет много времени. Давай-ка ляжем спать. Завтра у нас много дел.

Однако прошел час, прежде чем они заснули. Анана хотела спокойно полежать в его объятиях, болтая о том о сем, о своей жизни до того, как она встретилась с Кикахой, но главным образом о приключениях, которые она испытала, встретившись с

ним. На самом-то деле они знали друг друга не более двух месяцев, и их совместная жизнь была суматошной. Но Анана утверждала, что любит Кикаху, и вела себя так, будто это правда. Кикаха любил ее, но у него накопился достаточный опыт в общении с Господами, чтобы сомневаться, способна ли любить личность, прожившая десять тысяч лет. Однако ему было известно, что некоторые из Господов могли жить одним мгновением, так, словно это был последний миг в их жизни. Это объяснялось тем, что живущий вечно должен упиваться каждой минутой жизни, иначе он не смог бы вынести мысли о годах, бесконечных годах, ожидающих его впереди.

В то же время он был с ней счастлив, хотя был бы еще счастливее, если бы мог узнать ее получше. Именно на недостаток свободного времени она, собственно, и жаловалась. Правда, Анана знала наверняка, что всякая ситуация рано или поздно приходит к своему логическому завершению.

Размышляя об этом, они заснули. Где-то посередине ночи он вдруг сразу проснулся. На секунду ему показалось, что, вероятно, кто-то проник в номер, и он схватил лежавший подле него нож. Глаза его постепенно приспособились к темноте, которая оказалась не слишком черной из-за просачивающегося сквозь жалюзи света от яркой неоновой рекламы и уличных фонарей. Кикаха никого не увидел.

Медленно, стараясь, чтобы не скрипнула кровать, он встал с постели и осторожно прошелся по номеру, заглянул в ванную, потом посмотрел в шкафу. Окна были по-прежнему заперты изнутри, дверь закрыта, а придвинутое к двери бюро оставалось на месте. И под кроватью Кикаха тоже никого не обнаружил.

Он решил, что слишком долго ходил словно по натянутой проволоке. Кикаха ожидал, пусть даже и бессознательно, что вот-вот с нее свалится.

Однако его взволновало нечто большее. Его разбудило что-то подсознательное, действующее внутри него. Кикаха сообразил, что как раз перед тем, как проснуться, он видел сон. О чем?

Он никак не мог ухватиться за ниточку, чтобы размотать весь клубок, хотя неоднократно пытался. Кикаха расхаживал взад-вперед, все еще сжимая в руке нож, и старался воссоздать момент пробуждения. Через какое-то время он сдался. Но заснуть, когда снова лег, он не смог. Кикаха вновь поднялся, оделся, а потом разбудил Анану. При его нежном прикосновении она вскочила с постели с ножом в руке.

Отступив назад, он разъяснил:

— Все в порядке, любимая, просто я хотел сообщить тебе, что отправляюсь проверить дом Кэмбринга. Спать я больше не могу, я чувствую себя так, словно мне надо срочно сделать что-то

важное. У меня и прежде бывало такое ощущение, и оно никогда меня не подводило. — Кикаха не добавил, что иногда его подсознание предупреждало его о серьезных, почти фатальных бедствиях.

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Я ценю твое предложение, но лучше останься и спи. Обещаю тебе не заниматься ничем, кроме разведки вокруг его дома. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

— Ладно, — согласилась Анана в полусне. Она полностью доверяла его способностям. — Поцелуй меня еще раз, пожелай спокойной ночи и ступай. Хорошо, что у меня не беспокойная душа.

В холле оказалось пусто. На улице перед отелем ему никто не встретился, хотя несколько машин промчались мимо Кикахи. Монотонный рев снижающегося над международным аэропортом самолета звучал, казалось, прямо над головой, но по его огням было видно, что он находится не в одной миле к юго-востоку. Кикаха потрусил по улице в южном направлении, надеясь, что мимо него не проедет машина с фараонами. Из прочитанных газет он понял, что бегущий человек автоматически попадает под подозрение в любой части города, так же, как и человек, гуляющий ночью даже в респектабельном районе.

Кикаха мог бы взять такси и доехать почти до нужного места, но предпочитал добежать туда. Ему необходимо было потренироваться, если он собирается долго жить в этом городе, иначе он размякнет без тренировок.

Смог, казалось, исчез вместе с солнцем. По крайней мере, глаза у Кикахи не чесались и не слезились, хотя он запыхался, пробежав всего восемь кварталов. Должно быть, ядовитые вещества были просто не видны или же Кикаха уже начал терять форму.

Судя по карте, дом Кэмбринга находился в трех с половиной милях от их пристанища.

Добежав до Римпо, Кикаха очутился в районе старых особняков. Квартал выглядел так, словно здесь жили только богатые люди. Правда, налицо были следы упадка. Некоторые из домов требовали ремонта, кое-какие были уже переделаны в многоквартирные. Но немало особняков были в отличном состоянии.

Дом Кэмбринга оказался огромным трехэтажным особняком. По его виду можно было предположить, что он выстроен в двадцатых годах нынешнего столетия кем-то, кто испытывал ностальгию по архитектуре, популярной среди богатеев Среднего Запада. Дом обрамляла высокая терраса, посередине лужайки шла дорожка, а изогнутый подъездной путь вел к крыльцу. На

этой дороге было припарковано три автомобиля. На лужайке росли дюжина могучих дубов и несколько сикомор, а среди деревьев располагались высокие, красиво подстриженные кусты. Весь участок, кроме фасадной части, окружала высокая кирпичная стена.

На первом и втором этажах за задернутыми занавесками горел свет. Свет освещал и второй этаж частично видимого Кикахе гаража. Он прошел мимо дома к углу участка. Здесь кирпичная стена шла вдоль тротуара. Дальше Кикаха разглядел подъездной путь к гаражу. Он остановился перед закрытыми железными воротами, которые были заперты.

Вполне возможно, что на земле среди деревьев были установлены электронные приборы для охраны участка. Ну что ж, ему придется рискнуть. Неплохо выяснить все прямо сейчас. Кикаха сомневался, что Рыжий Орк жил в этом доме. Кэмбринг, должно быть, являлся одним из подчиненных Орка, стоявшим, вероятно, на иерархической лестнице довольно низко. Господь Земли обосновался бы с комфортом в истинно роскошном жилище за хорошо охраняемыми стенами.

Кикаха установил кольцо на теплопробивающую мощность и взял нож в зубы. Вместо того чтобы вернуться к фасаду, он двинулся вдоль стены к боковой стороне дома. Забраться здесь будет трудней, но здесь было безопаснее.

Он разбежался, отойдя на мостовую, перескочил тротуар и прыгнул вверх. Пальцы его ухватились за край стены, он легко подтянулся и влез на стену. Кикаха вытянулся на стене и лежал, наблюдая, нет ли кого-нибудь поблизости. Прошло минуты четыре. Автомобиль, быстро ехавший по улице, свернул за угол через два дома от него и полетел дальше. Вполне возможно, что обитатели особняка смогли заметить его в свете фар. Кикаха спрыгнул со стены и упал на мягкую травянистую почву. Место падения он отметил веточкой. Это если придется бежать.

Было около трех часов утра, если его не подводило чувство времени. Часов Кикаха не носил, но собирался теперь обзавестись ими, поскольку сейчас он находился в мире, где точное время играло важную роль.

Следующие минут десять Кикаха провел, изучая место, непосредственно примыкающее к дому и гаражу. Три раза он забирался на дерево, пытался заглянуть в окно, но ничего не увидел. Он потыркался вокруг автомобилей, не пытаясь открыть дверцы, так как посчитал, что у них может быть сигнализация. Казалось вполне вероятным, что гангстер вроде Кэмбринга станет больше беспокоиться о бомбе, подложенной в машину, чем о вторжении в свой дом. Большого черного "линкольна" здесь не было. Кикаха подумал, что его конфисковала

полиция в качестве улики по делу об убийстве. Он несколько раз произнес номера машин, чтобы их запомнить, хотя у него был с собой листок бумаги и карандаш. За годы, проведенные в соседней вселенной, Кикаха привык полагаться на свою память. Он развил ее до такой степени, какую двадцать пять лет назад счел бы невероятной. У неграмотности есть свои плюсы. Сколько образованных людей на Земле могли вспомнить точную топографию сотен мест, или начертить карту пятитысячефутового маршрута, или прочесть наизусть эпическую поэму в три тысячи строк?..

Через минут пятнадцать Кикаха проверил все, что мог, и теперь точно знал, где что находится. Пришло время убираться. Он пожалел, что пообещал Анане ограничиться только разведкой. Искушение проникнуть внутрь было почти непреодолимо. Если бы он мог захватить Кэмбринга и выжать из него кое-какие сведения... Но он пообещал. И она осталась спать, поскольку верила, что он сдержит слово. Это доказывало, как сильно она его любит, потому что, если что и отсутствовало у Господов, так это вера в другого.

Некоторое время Кикаха стоял, пригнувшись, за кустом в боковом дворе, зная, что ему следует убираться, но надеясь, что произойдет нечто, что вынудит его остаться и предпринять какие-либо действия. Проходили минуты за минутами.

Потом он услышал, как в доме зазвонил телефон. За занавеской окна на втором этаже зажегся свет. Кикаха приблизился к дому и приставил к стене небольшой, похожий на колокольчик прибор. От прибора тянулся шнур к вставленной в ухо затычке. И Кикаха услышал:

— Да, сэр. Вас понял. Но как вы нашли их, если мне позволительно спросить?

Наступило краткое молчание, потом тот же человек продолжал:

— Извините, сэр. Я, конечно, не хотел совать свой нос не в свое дело. Да, сэр, больше это не повторится. Да, сэр, я вас понял сразу. Я точно знаю, что делать. Я позвоню вам, когда мы начнем операцию, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Сердце у Кикахи забилось чаще. Кэмбринг мог разговаривать прямо с Рыжим Орком. Во всяком случае, происходило нечто важное. Нечто угрожающее.

Он услышал шаги и звон зуммера. Голос произнес, надо полагать, в усилитель: "Одевайтесь и живо сюда! Рысью! У нас есть дело! Живей!"

Кикаха понял, что ему следует делать. Если он выяснит, что ребята направляются не за ними, то подождет, пока они уедут, и тогда проникнет в дом. Условия так сильно изменились, что

с его стороны просто глупо не воспользоваться их отсутствием. Анана это поймет, осознает и простит его.

Если же он услышит, что речь идет о нем и Анане, то смоется к ближайшей телефонной будке. Кикаха пошарил в карманах в поисках мелочи и выругался. После сделанных вечером звонков у него осталась всего одна десятицентовая монета.

Семь минут спустя через заднюю дверь вышло восемь человек. Кикаха следил за ними из-за дерева. Четверо сели в "мерседес-бенц", а четверо — в "меркурий". У Кикахи не было уверенности, что он знает, кто из них Кэмбринг, так как никто не произнес ни слова, когда они появились на улице. Один из парней открыл дверцу автомобиля для высокого человека с пышными кудрявыми волосами и длинным носом. Кикаха подумал, что это и есть Кэмбринг. Он, кроме того, узнал еще двоих: молодого блондина и Рамоса, водителя "линкольна". Его голову стягивал белый бинт.

Машины уехали, и на подъездной аллее остался только один автомобиль. Но были и еще люди в доме. Ведь Кикаха слышал, как женщина сонным голосом спрашивала Кэмбринга, что случилось, а мужской голос интересовался, почему он должен оставаться, когда ему хочется поехать. Кэмбринг велел ему заткнуться. Им было приказано не оставлять дом без охраны.

Не успели машины исчезнуть, как Кикаха оказался у передней двери. Она была заперта, но короткий выстрел пучком энергии из кольца прорезал металл насквозь. Кикаха медленно толкнул дверь и шагнул в помещение, освещенное лишь фонарем на лестничном пролете. Когда глаза его привыкли к полумраку, он разглядел на столе у стены телефон. Кикаха подошел к нему, зажег спичку и набрал номер своего отеля. Телефон позвонил не более трех раз, прежде чем Анана ответила.

— Анана, — тихо проговорил он в трубку. — Я в доме Кэмбринга! Он и его люди отправились брать нас. Хватай свою одежду и быстро смывайся оттуда, слышишь? Даже не трудись одеваться! Засунь все в рюкзак и смывайся. Оденешься за отелем! Я встречусь с тобой, где договорились! Поняла?

— Подожди, — отозвалась она, — разве ты не можешь рассказать мне, что произошло?

— Нет! — отрезал он тихо и положил трубку на рычаг. Он услышал шаги в коридоре наверху, а следом скрип ступенек под тяжестью спускавшегося рослого человека.

Кикаха снова установил кольцо на оглушающую мощность. Ему было необходимо завалить кого-либо для допроса, и он сомневался, что женщина может знать об операции больше, чем мужчина.

Слабый скрип прекратился. Кикаха пригнулся в самом низу лестницы и ждал. Внезапно в помещении вспыхнул свет, и человек выпрыгнул из-за скрывавшей его стены. Одним прыжком он миновал лестницу, круто развернувшись в прыжке. В правой руке он держал большой автоматический пистолет, вероятно, сорок пятого калибра. Он оказался лицом к лицу с Кикахой и тут же рухнул на спину, потеряв сознание от удара лучом. Голова у него откинулась, пистолет выпал из руки.

Кикаха усышал, как женщина наверху спросила:

— Уолт? Что случилось? Уолт! Что стряслось?

Кикаха подобрал пистолет, щелкнув предохранителем и заткнул его за пояс. Потом поднялся по лестнице и оказался наверху одновременно с женщиной. Она открыла рот, собираясь закричать, но он захлопнул его ладонью и поднес к ее глазам нож. Она обмякла, посчитав, что сможет умиротворить его, если не окажет сопротивления. Она была, безусловно, права, хотя бы в данный момент.

Это была высокая, хорошо сложенная блондинка лет тридцати пяти. Одета она была в прозрачное неглиже. Изо рта разило виски, но очень хорошим.

— Вы, Кэмбринг и все прочие в этом доме являетесь для меня только средством, чтобы добраться до вашего большого босса, — заявил Кикаха. — Вот и все. Я могу отпустить вас без единой царапины, а потом никогда и не вспомню о вас, если вы меня не станете беспокоить. Или же я могу сейчас же убить вас. Если я не получу необходимые мне сведения. Вы меня понимаете?

Она кивнула.

— Я отпущу вас, — повторил Кикаха, — но один только вопль — и я распорю вам живот. Ясно?

Она снова кивнула. Он отнял руку от ее рта. Женщина побледнела и задрожала.

— Покажите мне фотографию Кэмбринга, — приказал Кикаха.

Она повернулась и провела его в свою спальню, где показала фотографию на трюмо. Оказалось, что это тот самый человек, которого вычислил Кикаха.

— Вы его жена?

— Да, — ответила она, откашлявшись.

— Есть в доме еще кто-нибудь, кроме Уолта?

— Нет, — хрипло произнесла она.

— Знаете, куда отправился Кэмбринг?

— Нет, — сказала она, снова откашлявшись. — Я не хочу знать о таких вещах.

— Он поехал забирать меня и мою женщину по приказу вашего большого босса, — сообщил ей Кикаха. — Большой босс,

несомненно, убил бы нас, выпытав все, что ему хотелось бы узнать. Поэтому я не стану проявлять милосердия ни к кому, связанному с ним, если они откажутся сотрудничать.

— Я ничего не знаю! — охнула женщина. — Рой никогда ничего мне не говорит! Я даже не знаю, кто такой большой босс!

— Кто непосредственный шеф Кэмбринга?

— Поверьте мне, пожалуйста, я не знаю. Поверьте, не знаю. Он получает от кого-то приказы, это точно. Но я не знаю ничего!

Вероятнее всего, она говорила правду. Так что теперь предстояло привести в чувство Уолта и выяснить, что знает он. Громила все еще валялся без сознания. Кикаха приказал женщине, которую звали Кара, принести из ванной стакан воды. Он выплеснул воду на лицо Уолта. Спустя мгновение Уолт очнулся, но выглядел слишком разбитым, чтобы представлять какую-то угрозу. Казалось, его, того и гляди, вырвет. По его лбу и носу расползалось большое черное пятно, а глаза были красными.

Допрос продолжался недолго. Полное имя мужчины оказалось Уолтер Эрих Фогель. Он утверждал, что тоже не имеет понятия, кто босс Кэмбринга. Он даже не знал, куда отправился Кэмбринг. Этому Кикаха поверил, поскольку Кэмбринг никому ничего не сообщил о цели их поездки. Он явно собирался сказать об этом своим людям после того, как они отъедут от дома. Время от времени Кэмбринг звонил своему боссу, сообщил Уолт, но номер телефона держал в голове.

— Это древняя практика, — объяснил Уолт. — Поэтому вы можете пытать меня до судного дня и ничего от меня не добьетесь, потому что я ничего не знаю.

Кикаха снова подошел к телефону и, не спуская глаз с обоих пленников, набрал номер Ананы. Он не удивился, когда ответил Кэмбринг.

— Кэмбринг, — произнес Кикаха, — это говорит человек, за которым вы прибыли. А теперь выслушайте меня, потому что мое сообщение предназначено для вашего большого босса. Вы скажете ему или тому, кто там с ним общается, что по Земле гуляет на свободе Черный Колокольник.

Наступило молчание, вызванное, как надеялся Кикаха, потрясением, а потом Кэмбринг спросил:

— Что? О чем вы говорите, черт побери? Что за Черный Колокольник?

— Просто скажите своему боссу, что Черный Колокольник вырвался на свободу из мира Джадавина. Колокольник находится где-то поблизости или, во всяком случае, находился здесь вчера. Запомните: Черный Колокольник прибыл сюда еще вчера из мира Джадавина.

Вновь последовало молчание, потом Кэмбринг прорычал в трубку:

— Послушайте. Босс знает, что вы скрылись. Но он предупредил, что если у меня будет шанс побеседовать с вами, то мне следует передать вам, чтобы вы прибыли к нам. Босс не причинит вам вреда. Он хочет просто познакомиться с вами.

— Возможно, это и так, — согласился Кикаха, — но я не могу позволить себе идти на риск. Да, доложите еще кое-что вашему боссу. Обнадежьте его, что я не собираюсь до него добираться. Я не Господь. Я просто хочу найти другого Господа и его женщину, которые прибыли в этот мир, спасаясь от Черного Колокольника. Я могу сказать, кто такой этот Господь. Это Джадавин. Может, ваш босс вспомнит его. Это Джадавин, который сильно изменился. Джадавин не собирается бороться с вашим боссом. Его это волнует меньше всего. Он всего лишь хочет вернуться в свой мир. Проинформируйте об этом своего босса, хотя я сомневаюсь, чтобы от этого был какой-то толк. Я позвоню вам завтра домой около полудня, чтобы вы успели передать своему боссу все, что я сказал. Возможно, ваш босс захочет посетить вас, чтобы поговорить со мной.

— Что за тарабарщину вы несете, черт побери? — не выдержал Кэмбринг. Судя по голосу, он здорово разозлился.

— Просто изложите своему боссу то, что я сказал, он поймет, — ответил Кикаха и положил трубку. Он был уверен: если что-то и способно напугать Господа, так это Черный Колокольник.

Спортивный автомобиль, что оставался перед домом, как и предполагал Кикаха, принадлежал жене Кэмбринга. Она объяснила, что за ключами ей придется подняться наверх. Кикаха ответил, что это его устраивает, но он с Фогелем составят ей компанию. Они прошли в спальню, где Кикаха слегка тюкнул Фогеля по затылку лучом из кольца. Забрав у Фогеля бумажник, он отволок хозяина портмоне в стенной шкаф, где и оставил полежать. Затем Кикаха потребовал у женщины деньги, и она отдала ему шестьсот долларов в двадцати и пятидесятидолларовых купюрах. Кикаха радовался, что пока ему удавалось жить за счет его врагов.

Чтобы не оставлять Кару без дела, он сорвал с окон несколько занавесей и поджег их лучом из кольца. Кара пронзительно закричала и бросилась в ванную за водой. Через мгновение Кикаха уже отъезжал по подъездной аллее на ее "ягуаре". Позади него из открытых дверей неслась крик Кары, пока она боролась с огнем.

Доехав до отеля, он дважды мигнул фарами, просигналив Анане. Между двух домов появилась темная фигура, осторожно

приближавшаяся к автомобилю, пока Анана не узнала Кикаху. Бросив на заднее сиденье их рюкзаки, она забралась в машину и спросила:

— Где ты достал эту машину?

— Позаимствовал у Кэмбринга, — засмеялся он. — Я оставил у Кэмбринга сообщение для Рыжего Орка. Поведал, что на Земле разгуливает Черный Колокольник. Это должно отвлечь Орка. Возможно, это его настолько напугает, что он предложит перемирие.

— Только не Рыжий Орк, — возразила Анана. — Если, конечно, он не изменился, что вполне возможно. Я изменилась. Мой брат Лувах изменился. А ты утверждаешь, что Джадавин изменился.

Кикаха рассказал Анане, что он придумал, чтобы вступить в контакт с Вольфом.

— Мне следовало бы раньше до этого додуматься, но мы были слишком заняты. И кроме того, я многое забыл о Земле. Сейчас нам надо найти новое пристанище. Однако нет полной уверенности, что там мы станем чувствовать себя в безопасности. То, что нас ищут и уже один раз нашли, весьма примечательно. Должно быть, Рыжий Орк привел в действие очень большую организацию, чтобы отыскать нас.

— Как он мог сделать это? — гадала Анана.

— Вероятно, его люди обзванивали все отели и комнаты в районе Лос-Анджелеса. Однако это такая огромная работа, что я сомневаюсь, что они могли обзвонить много гостиниц. Может, они звонили наугад. Или, может, им просто повезло.

— Если это так, то мы не будем в безопасности, если снова остановимся в гостинице.

— Я не верю, что даже у Господа Земли достаточно людей, чтобы проверить за столь короткий срок все отели. Но мы оставим этот район и отправимся в Долину, как ее здесь называют.

Когда они нашли мотель в Лавровом Каньоне, то столкнулись с затруднениями.

Портье хотел посмотреть водительские права Кикахи и записать номер машины. Кикаха не собирался привлекать его внимание, но поскольку портье не проявлял никакого желания проверить его слова, назвал ему выдуманный номер. А потом показал водительское удостоверение Рамоса. Портье записал номер и взглянул на фотографию. У Рамоса было квадратное лицо с большим кривым носом, черными глазами и шапкой черных волос. Несмотря на несхожесть фото и оригинала, портье, казалось, ничего не заметил.

Однако у Кикахи возникли подозрения. Этот парень казался слишком гладким. Возможно, он действительно плевать хотел,

был ли Кикаха тем человеком, за которого себя выдает. Возможно, и нет. Кикаха ничего не сказал, взял ключ и вывел Анану из вестибюля. Вместо того чтобы подняться в номер на втором этаже, он встал за дверью, где его не было видно. Через минуту он услышал, как портье с кем-то говорит по телефону. Он заглянул в холл. Портье сидел у коммутатора спиной к двери. Кикаха на цыпочках подкрался поближе.

— ... не его, — говорил он. — Да, я проверил номер, как только они пошли к себе. Машина припаркована неподалеку. Послушайте, вы...

Он замолчал, так как повернул голову и увидел Кикаху. Он медленно отвернулся и проговорил:

— О'кей. До скорого.

Портье снял наушники, встал и, улыбаясь, спросил:

— Чем могу вам помочь?

— Мы решили поужинать. Мы не ели весь день, — тоже улыбаясь, ответил Кикаха. — Где здесь ближайший приличный ресторан?

Портье задумался, словно выбирая тот, что подойдет гостям. Кикаха помог ему.

— Без изысков, годится любое заведение.

Спустя мгновение они с Ананой уехали. Портье видел, как они положили в машину рюкзаки и футляр, и поэтому, вероятно, не поверил, что они вернутся.

Кикаха подумал, что сегодня они, вероятно, могут поспать в машине, при условии, конечно, что полиция не разыскивает этот автомобиль. Завтра им придется купить одежду и пару чемоданов. Ему нужно будет избавиться от этой машины, но взять напрокат или купить машину без надлежащих документов — проблема немалая. Кикаха подрулил к станции обслуживания и велел дежурному налить полный бак. Юноша этот оказался разговорчивым и любопытным. Он хотел узнать, где они были, в горах? Он тоже любил туристские поездки.

Кикаха тут же сочинил байку. Они с женой бродяжничали по стране, а потом решили приехать в Лос-Анджелес. Денег у них маловато, и они собирались продать эту машину и купить подержанную. Они также намереваются остановиться на ночь в каком-либо заведении, где не станут задавать лишних вопросов, если деньги у вас нужного цвета.

Дежурный уведомил их, что поблизости есть мотель, неподалеку от Тарзаны в Ван Найсе, и что он отвечает всем требованиям Кикахи. Служитель усмехнулся и подмигнул им, уверенный, что они занимаются чем-то незаконным, и пожелал удачи. Может, он сумеет организовать для них выгодную продажу "яга".

Через полчаса Анана и Кикаха рухнули в постель в мотеле и сразу же уснули.

Кикаха встал в десять. Анана еще крепко спала. Побрившись и приняв душ, он разбудил ее, чтобы сообщить, что он затеял. Потом Анана снова заснула, а Кикаха заглянул в ресторан на другой стороне улицы, съел приличный завтрак, купил газету и потом вернулся в номер. Анана все еще спала. Он позвонил в отдел рекламы "Лос-Анджелес Таймс" и продиктовал текст в колонку личных объявлений. В качестве своего адреса он назвал мотель, но имя он использовал вымышленное. Кикаха подумал было воспользоваться именем Рамоса, если сотрудник "Таймс" станет проверять адреса, но он не собирался давать хоть какую-то ниточку, чтобы можно было вычислить его отношение с Кэмбрингом, раз это зависит от него. Он пообещал сразу же прислать чек, повесил трубку и забыл об этом.

Кикаха проверил утренние объявления в "Таймс". Там не оказалось ничего, что можно было бы истолковать, как весточку от Вольфа.

Когда проснулась Анана, он пояснил:

— Пока ты завтракаешь, я позвоню Кэмбрингу. Я уверен, что он получил указания от Рыжего Орка.

Кэмбринг ответил сразу, как будто ждал у аппарата. Кикаха произнес:

— Это говорит друг, посетивший ваш дом прошлой ночью, Кэмбринг. Вы передали мое сообщение о Черном Колокольнике?

Голос Кэмбринга звучал так, словно он сдерживал бешенство.

— Да, передал.

— Что он сказал?

— Он сообщил, что хотел бы встретиться с вами. Устроить военный совет.

— Где?

— Где вам угодно.

"Хорошо, — подумал Кикаха, — он не считает, что я настолько глуп, что приду к нему. Но он уверен, что сумеет расставить мне ловушку, где бы я с ним ни встретился. Если, конечно, он появится сам. В этом я сомневаюсь. Он чересчур хитер. Но он пошлет кого-нибудь вместо себя. Этот кто-то может оказаться на ступеньку поближе к Господу".

— Я сообщу вам через полчаса, где мы встретимся, — сказал Кикаха в трубку. — Но до того, как я повешу трубку, вспомните, больше ваш босс не велел ничего мне передать?

— Нет.

Кикаха повесил трубку. Он нашел Анану в кабинке ресторана и, присев рядом, сообщил:

— Не знаю, задержал Орк Вольфа или нет. Я даже не уверен, передал ли Кэмбринг ему мое сообщение о Вольфе и Хрисенде, но Орк знает, что до нашего появления врата активизировались дважды, и теперь предупрежден, что один из прошедших через них был Черный Колокольник. Я не думаю, что Орк зацапал Вольфа и Хрисенду, потому что, будь это так, он бы использовал их, чтобы заманить нас в ловушку. Он бы знал, что я галопом примчусь их выручать.

— Вероятно, так, — согласилась Анана. — Но он мог посчитать, что незачем тебе знать о Вольфе и Хрисенде. Возможно, Орк совершенно уверен, что сможет поймать тебя и не сообщая о них. Или, возможно, он приберегает эти сведения до более удобного случая.

— Вы, Господы, бесспорно, рассматриваете проблему со всех точек зрения, — иронически заметил Кикаха. — Звезды не видали более подозрительной компании.

— Чья бы корова мычала, — отпарировала Анана по-английски.

Они вернулись в номер, забрали рюкзаки, футляр и вышли к машине. Они укатили, не сообщив о своем отъезде администрации, так как Кикаха не считал нужным кого-либо информировать о том, что они делают, если он так решил. По дороге он зашел в универмаг и купил одежду для себя и Ананы. Это заняло полчаса, но Кикаха был не прочь заставить Кэмбринга подождать. Пусть они с его боссом немного попотеют.

Ожидая, пока ему подгонят брюки, он позвонил. Кэмбринг сразу ответил.

— Вот что мы сделаем, — заявил Кикаха. — Я буду в одном местечке, близком к вашему дому. Когда я туда приеду, то позвоню вам и в вашем распоряжении будет двадцать минут, чтобы добраться до места встречи. Если вы к тому времени не явитесь, я удаляюсь. Или же, если что-то покажется мне похожим на ловушку, я сматываюсь, и больше вы меня не увидите. Ваш босс тогда может сам ловить Колокольника.

— О каком таком Колокольнике вы твердите, черт побери? — рассердился Кэмбринг.

— Спроси своего босса, — посоветовал Кикаха, отлично зная, что на такое Кэмбринг не решится. — Слушайте, я выбрал местечко, где смогу все увидеть со стороны. Я хочу, чтобы со мной встретились только двое. Вы, поскольку я вас знаю, и ваш босс. Вы подойдете не ближе, чем на шестьдесят ярдов, и тогда вперед выйдет ваш босс. Идет? Пока!

В полдень, съев гамбургер и выпив стакан молока, он позвонил Кэмбрингу. Кикаха находился в ресторане всего в нескольких кварталах от места встречи. Кэмбринг вновь ответил,

прежде чем телефон успел прозвонить три раза. Кикаха сообщил ему, где они встретятся и при каких условиях.

— Помните, — повторил он, — если я унюхаю что-то подозрительное, то смоюсь, как пасхальный зайчик с предродовыми схватками.

И он быстро повесил трубку. Они с Ананой ехали настолько быстро, насколько позволяло движение. Целью их был Окружной Художественный музей Лос-Анджелеса. Кикаха припарковал машину за углом и положил ключи под коврик, на случай, если к машине вернется один из них. Они направились к площади за музеем и прошли через автостоянку.

Анана отстала от него, чтобы можно было подумать, что она идет одна. Ее длинные черные волосы были скручены пучком, на ней была белая блузка с оборками и глубоким вырезом и очень облегающие брюки в красно-зеленую полоску. Глаза прикрывали черные очки, с собой она несла папку для рисования и карандаши. Кроме того, у нее была кожаная сумочка, в которой лежало множество предметов, способных поразить воображение любого, сведущего в науке землянина.

Пока Кикаха останавливал такси, она медленно двигалась по траве. Кикаха дал таксисту двадцатидолларовую банкноту в знак доказательства своих добрых намерений и грядущих чаевых. Он велел ему ждать на стоянке с включенным двигателем, чтобы укатить по первому приказу Кикахи.

Таксист поднял брови и осведомился:

— Вы ведь не собираетесь ограбить музей?

— Не собираюсь делать ничего противозаконного, — заверил его Кикаха. — Считайте меня эксцентричным. Просто иногда я люблю спешно удаляться.

— Если будет какая-нибудь стрельба, я смываюсь, — предупредил таксист. — С вами или без вас. И доложу о вас фараонам. Просто, чтобы вы знали заранее. Понимаете?

Кикаха предпочел иметь не один путь бегства. Если в районе встречи будут болтаться люди Кэмбринга, они могут заметить позаимствованную у Кэмбринга машину и расставить ловушку. Кикаха давал голову на отсечение, что именно этим они сейчас и занимаются. Но если путь к такси окажется перекрытым, и ему придется отступать к автомобилю, то он, безусловно, воспользуется этой машиной.

Однако Кикаха чувствовал, что таксист заслуживает доверия, так что он не винил его за подозрения, которые тот испытывал.

Он добавил к двадцатке десятку и сказал:

— Хотите, звоните фараонам прямо сейчас. Мне на это плевать, я чист.

Надеясь, что таксист не воспользуется его предложением, Кикаха повернулся и зашагал по цементу автостоянки, а потом по траве. Анана сидела на бетонной скамейке и рисовала мамонта. Она была великолепной художницей, так что всякий, кто заглянул бы через ее плечо, увидел бы, что дело она знает.

Кикаха был одет в пурпурную рубаху без рукавов и джинсы с большим кожаным поясом с модной серебряной пряжкой. На нем были темные очки. Под длинными рыжими волосами, за ухом, был спрятан приемник. Прибор, надетый на запястье, содержал аудиопередатчик с лучом в шесть раз мощнее, чем его кольцо.

Кикаха занял позицию напротив Ананы. Он стоял неподалеку от ограды, за которой находилась статуя огромного доисторического медведя. Вокруг расхаживало человек пятьдесят, из которых никто не походил на людей Кэмбринга. Это, конечно, ничего не означало.

Спустя минуту Кикаха увидел въехавший на стоянку большой серый "роллс-ройс". Из него вышли двое и по прямой двинулись через лужайку к Кикахе. Один был Рамос. Другой оказался высоким, долговязым мужчиной, одетым в костюм делового человека, в темных очках и шляпе. Когда он подошел поближе, Кикаха разглядел, что ему лет пятьдесят и у него лошадиное лицо. Кикаха усомнился в том, что это Рыжий Орк, потому что никакой Господь, будь он хоть двадцати тысяч лет отроду, не выглядел старше тридцати.

В его ушах прозвучал голос Ананы:

— Это не Рыжий Орк.

Он снова огляделся. Двое слева от него рассматривали фонтан перед музеем, еще двое находились справа от Кикахи, примерно в двадцати ярдах. Они могли быть людьми Кэмбринга.

Сердце Кикахи забилось чаще. Он ощутил, как по шее пробежал холодок. Кикаха посмотрел за ограду на бульвар Уилшир. Там стояла машина с открытым капотом, хотя парковка была запрещена там в любое время. Какой-то человек заглядывал под капот, один сидел на переднем сиденье, еще один — на заднем.

— Он собирается попробовать меня сцапать, — произнес Кикаха. — Кажется, я заметил семерых.

— Ты хочешь отказаться от своего плана?

— Если соберусь это сделать, ты знаешь условное слово. Следи! Они подходят.

Перед ними остановились Рамос и долговязый.

— Пол? — обратился к нему долговязый, воспользовавшись именем, которое Кикаха назвал Кэмбрингу.

Кикаха кивнул и заметил, как на автостоянку въехал еще один большой автомобиль. Машина находилась еще слишком

далеко, чтобы он мог различить лица пассажиров, но водитель в шляпе и темных очках мог быть Кэмбрингом. В машине сидело еще трое.

— Вы Рыжий Орк? — спросил Кикаха, зная, что высокий, вероятно, держит в кармане прибор, который передает разговор Господу, где бы тот ни был.

— Кто? Рыжий Орк? — переспросил высокий. — Меня зовут Клейст. Итак, мистер Пол, вы нам сообщите, чего вы желаете?

Кикаха заговорил на языке Господов:

— Рыжий Орк! Я не Господь, а землянин, нашедший врата в мир Джадавина, которого ты, возможно, помнишь. Я вернулся на Землю, хотя и не хотел этого, чтобы выследить Колокольника. У меня нет ни малейшего желания здесь оставаться, я только хочу убить Колокольника и вернуться в мир, усыновивший меня. У меня нет намерения бросать тебе вызов.

— Что за тарабарщину вы несете, черт побери? — разозлился Клейст. — Говорите по-английски, приятель!

Рамос выглядел обеспокоенным и высказал свое мнение:

— Он сбрендил.

Вдруг Клейст мгновенно изменил тактику. Кикаха догадался, что он получил приказание.

— Мистер Пол, — произнес Клейст, — я уполномочен обещать вам любые гарантии, только отправьтесь с нами, и мы сведем вас с человеком, которого вы хотите увидеть.

— Нет, — отверг предложение Кикаха, — я буду работать с вашим боссом, но не предоставлю себя в его распоряжение. Возможно, он отличный человек, но у меня нет причин доверять ему. Однако я хотел бы сотрудничать с ним в деле поимки Колокольника.

Выражение лица Клейста убедило Кикаху, что о Колокольнике он ничего не понял.

Кикаха вновь огляделся. Люди справа и слева подобрались к нему поближе. Двое, сидевших в машине на бульваре Уилшир, вышли из нее. Один заглядывал под капот, но другой глядел через ограду на Кикаху. Когда он заметил, что Кикаха на него смотрит, то быстро отвернулся.

— Вам было сказано, что явиться должны только двое! — гневно заявил Кикаха. — Вы пытаетесь захлопнуть ловушку! Но вы ведь не рассчитываете, что можете похитить меня здесь среди всех этих людей?

— Ну, ну, ну, мистер Пол, — успокаивающе произнес Клейст. — Вы ошибаетесь! Не надо нервничать. Нас только двое, и мы прибыли сюда поговорить с вами, и только.

— Полицейский автомобиль только что подъехал к той машине на улице, — прошептала Анана на ухо Кикахе.

Клейст и Рамос переглянулись. Было очевидно, что они тоже увидели полицейский автомобиль. Но, судя по их виду, удаляться они не собирались.

— Если ваш босс хочет, чтобы я помог ему, — заявил Кикаха, — то ему придется придумать нечто, что бы убедило меня в полной безопасности.

Кикаха решил, что настала пора преподнести свой сюрприз. Рыжий Орк знал, что с Кикахой прошла через врата женщина, и хотя он никак не мог даже предположить, что она — Господь, он, должно быть, подозревал об этом. Кикаха пробыл на Земле совсем недолго, когда люди Рыжего Орка увидели Анану. И вероятно, они не успели еще собрать всей информации.

Теперь пришло время сообщить об этом Рыжему Орку. Это усилит позиции Кикахи и, возможно, предотвратит попытку взять его в плен именно здесь.

— Скажите своему боссу, что на Земле сейчас находятся еще четыре Господа, — произнес Кикаха.

Он не постеснялся несколько преувеличить количество, если это поможет сбить с толку или расстроить врага. Могло наступить время, когда Кикаха сможет воспользоваться двумя несуществующими Господами, чтобы надавить на Рыжего Орка.

— А также, — добавил он, — двое землян, прибывших из мира Джадавина. Я сам и женщина, которая прибыла с Джадавином.

Это должно было заинтересовать Господа Земли. Кикаха рассчитывал, что он проявит еще большее любопытство. Ведь не ясно, как двое землян вообще попали в мир Джадавина и как они вернулись обратно.

— Скажите своему боссу, — продолжал Кикаха, — что никто из нас, исключая Колокольника, не собирается причинять ему вреда. Мы хотим всего лишь убить Колокольника и убраться к чертовой бабушке из вашей вонючей вселенной.

Кикаха думал, что уж это-то Рыжий Орк сможет оценить. Какой Господь в здравом уме попытается отнять контроль над Землей у ее Господа? Какой Господь захочет оставаться здесь, если он может отправиться в куда более приятную, пусть даже и меньшую вселенную?

Клейст немного помолчал. Он слегка наклонил голову набок, словно слушая невидимого собеседника на своем плече. А потом спросил:

— Ну и что из того, что тут четыре Господа?

Было ясно, что Клейст повторил чей-то вопрос, не понимая его смысла.

Кикаха заговорил снова на языке Господов:

— Рыжий Орк! Ты забыл про устройство, которое носит любой Господь в своем мозгу. Про устройство, что звенит в голове у каждого Господа, когда он приближается к металлическому колоколу Колокольника! При четырех Господах, что ищут Колокольника на Земле, шансы найти его куда больше!

Клейст бросил притворяться, что не имеет прямой связи со своим шефом, и спросил:

— А откуда босс знает, что вы не Колокольник?

— Если бы я был Колокольником, то зачем бы мне предупреждать вас, что в вашем мире бродит на свободе опасный для вас враг?

— Он говорит, — доложил Клейст, лицо которого становилось все бессмысленней, будто он превращался в простой механический передатчик, — что Колокольник постарается как можно скорее обнаружить Господов. В конце концов, Господь — единственный, кто знает о существовании Колокольников, конечно, кроме них самих. И только Господы могут бороться с Колокольниками. Поэтому любой Колокольник попытается найти его, Господа Земли, точь-в-точь, как вы и поступаете. Даже если это и означает для вас смерть. Колокольники хорошо известны тем, что жертвуют одним из своих, если могут подобным образом обрести преимущество. Он еще говорит, что не уверен, что эти так называемые Господы — не ваши собратья-Колокольники.

Кикахе снова пришлось перейти на язык Господов:

— Рыжий Орк! Ты испытываешь мое терпение. Я обратился к тебе, так как знаю о твоих возможностях! У тебя нет выбора, Рыжий Орк! Если ты вынудишь меня прервать с тобой контакт, то все равно ты не убедишься, что я не Колокольник, и сон твой станет отвратительным из-за кошмаров о Колокольниках, разгуливающих на свободе. Только действуя вместе со мной, ты можешь удостовериться, что я не Колокольник! И работать надо на моих условиях. На этом я настаиваю!

Единственный способ произвести впечатление на Господа — быть даже более высокомерным, чем он.

Голос Ананы сообщил:

— Машина уехала. Должно быть, их спугнула полиция. Полицейский автомобиль тоже уезжает.

Кикаха поднял руку и шепнул в передатчик:

— Где остальные?

— Приближаются. Стоят у ограды и притворяются, что разглядывают статуи, но подбираются к тебе.

Кикаха посмотрел мимо Клейста и Рамоса.

Оба подозрительных автомобиля были сейчас пусты, если не считать того, кого Кикаха считал за Кэмбринга. Остальные

бродили по лужайке среди отдыхающих. Кикаха заметил еще двоих, выглядевших мрачными, решительными и тяжеловесными. Они тоже могли оказаться людьми Кэмбринга.

— Уходим через левые ворота, — предупредил Анану Кикаха. — Вокруг ограды и через Уилшир. Если они последуют за нами, придется сматываться пешком. По крайней мере, сначала.

Он бросил взгляд на Анану. Она встала и неторопливо направилась к нему.

— Отлично, — произнес Клейст. — Я уполномочен принять ваши условия. — Он обезоруживающе улыбнулся и шагнул поближе. Рамос напрягся. — Не могли бы мы куда-нибудь пойти? Здесь трудно вести разговор. Но туда, куда скажете вы.

Кикаха ощутил отвращение. Он уже был готов согласиться на кое-какие уступки. Так легче обнаружить Колокольника, Вольфа и Хрисенду, а потом хоть потоп и дьявол побери все последствия. Но Господь Земли имел все недостатки Господов, он доверял своей силе, своей способности получить все и всех, кого ему хотелось.

Кикаха сделал последнюю попытку.

— Погодите! Ни шагу ближе! Спросите своего босса, помнит ли он Анану, свою племянницу, или Джадавина, своего племянника? Помнит, как они выглядели? Если он сможет опознать их, то поймет, что я говорю правду.

Все бесполезно. Кикаха понял, о чем думает Рыжий Орк. Это должно было прийти в голову и Кикахе. В мозгах Ананы и Вольфа могли поселиться разумы Колокольников.

Все еще улыбаясь, Клейст медленно сунул руку в карман пиджака так, чтобы Кикаха не подумал, что он полез за пистолетом. Он достал блокнот, ручку и предложил:

— Я запишу вам номер, чтобы вы могли позвонить...

Ни секунды Кикаха не поверил в то, что ручка была всего лишь ручкой. Очевидно, Орк доверил Клейсту лучемет. Клейст этого не знал, и он был обречен. Слишком много он услышал во время разговора и получил прибор, которому на Земле еще не полагалось существовать.

Сообщать это Клейсту в надежде, что его можно перевербовать, времени не оставалось.

Кикаха отпрыгнул в сторону, как раз когда Клейст направил ручку на него. Кикаха был быстр, но луч все же задел его плечо и боком швырнул на землю. Он покатился, заметив, как Клейст вскинул в воздух руки, ручка отлетела прочь, а потом Клейст, зашатавшись, сделал шаг назад и упал на спину. Кикаха вскочил и коршуном метнулся к ручке, хотя в его левом плече и в руке было такое ощущение, будто по ним врезали лесиной. Рамос

не сделал ни малейшей попытки схватить ручку. Вероятно, он не знал, чем она была на самом деле. Женщины визжали, мужчины кричали, началась паника.

Когда Кикаха поднялся на ноги, то увидел, что Клейст и еще трое валяются без сознания. К ним бежало шестеро человек — это были служащие, должно быть, прибывшие позже. Они распихивали с дороги людей. Один из них вытаскивал из кобуры под мышкой пистолет.

Заметив это, Рамос закричал:

— Нет! Без пистолета! Ты знаешь, почему!

Кикаха нацелил ручку-лучемет, которая, к счастью, приводилась в действие нажатием пружины, а не кодовым словом, и человек, казалось, сложился пополам и приподнялся над землей. Он отлетел назад, ударился о землю ягодицами, выпрямился и лежал, не двигаясь, вытянув руки. Лицо у него посинело. В нескольких футах от него валялся пистолет.

Кикаха оглянулся и увидел бегущую к нему Анану. Она выстрелила в тот же момент, что и Кикаха, так что бандит получил двойную порцию.

Кикаха прыгнул вперед, сгреб пистолет и швырнул его через ограду. Они обежали решетку и бросились вверх по склону к тротуару. Перехода здесь не было, а уличное движение оказалось достаточно интенсивным. Правда, в этот момент машины двигались медленно, поскольку неподалеку горел красный сигнал светофора.

Пара пробежала между машинами, вынуждая водителей нажимать на тормоза. Загудели клаксоны, и несколько человек облаяли их из своих машин.

Добравшись до противоположной стороны улицы, они сразу оглянулись. Машины тронулись, и семеро, что гнались за ними, оказались отрезанными и беспомощными.

— Все вышло не очень ладно, — резюмировал Кикаха. — Я надеялся, что смогу захватить Клейста и скрыться с ним. Он мог бы привести к Рыжему Орку.

Анана рассмеялась, хотя и несколько нервно:

— Никто не сможет обвинить тебя в недостатке самоуверенности. Что дальше?

— Сюда весьма скоро приедут фараоны. Да, смотри, все люди Кэмбринга идут обратно. Держу пари, они получили приказ убрать Клейста и того другого до появления полиции.

Он схватил Анану за руку и припустился бегом.

— Что ты хочешь? — поинтересовалась она.

— Пока они заняты, мы перейдем улицу у светофора, а потом побежим обратно по Керзон-стрит, словно черти. Ведь Кэмбринг там!

Больше она ни о чем не спрашивала. Но уйти от врага, а потом прямиком отправиться к нему в пасть, казалось самоубийством.

Теперь они очутились напротив людей Орка ярдах, примерно, в ста. Кикаха разглядел между деревьями, выстроившимися в ряд, что непострадавшие поддерживают Клейста. Вдали взвыла сирена. Судя по тому, как люди Кэмбринга спешили, они понимали, что полиция едет по их душу.

Кэмбринг, выглядевший обеспокоенным, стоял возле машины. Ощутив прикосновение к своей спине небольшой ручки и услышав голос Кикахи, он напрягся.

Кэмбринг не оглянулся, а сел, как ему приказали, на переднее сиденье. Кикаха и Анана устроились сзади. Но и пригнувшись, Кикаха продолжал упираться рукой в спину Кэмбринга.

Кэмбринг попробовал протестовать:

— Вам не может сойти с рук такое! Вы безумец!

— А ты просто заткнись! — посоветовал ему Кикаха.

Тридцатью секундами позже Клейст, поддерживаемый двумя людьми, добрался до машины. Кикаха распахнул заднюю дверцу и, нацелив на них ручку, приказал:

— Положите Клейста на переднее сиденье.

Люди, помогающие Клейсту, остановились. Остальные потянулись за пистолетами, но Кикаха крикнул:

— Я убью и Клейста и Кэмбринга! И вас тоже вот этим!

Он помахал ручкой. Все теперь уже поняли, что ручка — это какой-то вид оружия, неизвестный пока им. Они, похоже, страшились ее больше, чем пистолета.

Преследователи остановились, и Кикаха заявил:

— Я забираю этих двоих! Через минуту здесь появится полиция! Вам лучше отвалить и позаботиться о себе!

Люди, державшие Клейста, запихнули его на переднее сиденье. Кэмбрингу пришлось оттолкнуть Клейста, чтобы не дать ему свалиться на него, словно мешку, набитому мусором. Кикаха вышел из машины и быстро обошел ее, потом он занял место водителя, сильно потеснив Кэмбринга и Клейста, пока Анана держала остальных под прицелом ручки.

Кикаха завел машину, подал, взвизгнув тормозами, назад, резко остановился, развернулся и с ревом покинул автостоянку. Машина резко подскочила, когда они перепрыгнули через бордюрный камень между стоянкой и улицей. Кикаха что-то крикнул Анане, и та, проведя у Клейста за ухом, достала передатчик. Это был металлический диск в почтовую марку толщиной и величиной с гривенник.

Анана приспособила его себе за ухо, а также сняла с Клейста наручные часы и надела их на свое запястье.

Теперь Кикаха заполучил в свои руки Клейста и Кэмбринга. Что же он может с ними сделать?

Внезапно Анана ахнула и попыталась оттолкнуть Кэмбринга, рухнувшего на Кикаху. Мгновенно среагировав, Кикаха резко пихнул Кэмбринга локтем, на секунду вообразив, что тот решил на него напасть. Потом до него дошло, что тот просто упал на него. Кэмбринг был без сознания.

Еще один взгляд на него убедил Кикаху, что он ошибся. Кэмбринг был уже мертв. Кожа у него стала сине-зеленой, как у трупа.

— Они оба мертвы! — воскликнула Анана.

Кикаха подвел машину к тротуару и остановился. Он пытался что-то объяснить Анане жестами. Мгновение она на него пялилась, потом до нее дошло, что он пытался ей внушить. Она быстро сорвала с себя приемник и часы Клейста, будто обнаружила, что на ней одежда прокаженного.

Кикаха протянул руку, привлек ее к себе и прошептал на ухо:

— Я подберу все это платком и суну в багажник, пока мы не сможем от них избавиться. Думаю, если бы этот приемник все еще оставался бы у тебя, ты сейчас услышала бы голос Рыжего Орка. Он сообщил бы тебе, что только что убил Кэмбринга и собирается убить тебя, если ты не сдашься.

Кикаха взял Кэмбринга за запястье и карандашом слегка отодвинул часы. Кожа под ними слегка обесцветилась. Так же карандашом Кикаха сковырнул диск за ухом Кэмбринга, и открылось коричнево-серое дискообразное пятнышко.

Вопреки предсказанию Ананы, Клейст застонал. Веки у него затрепетали, и он поднял их. Кикаха вновь включил двигатель и отъехал от тротуара. Потом свернул на север. Когда они медленно двигались в оживленном потоке, Клейст сумел выпрямиться. Чтобы сделать это, ему пришлось толкнуть Кэмбринга на Кикаху. Анана отдала резкий приказ, и Клейст столкнул Кэмбринга с сиденья на пол. Поскольку тело заняло там много места, Клейсту пришлось сидеть, поджав ноги чуть ли не до подбородка.

— Вы убили его, — застонал Клейст.

Кикаха объяснил происшедшее. Клейст ему не поверил.

— За какого дурака вы меня принимаете? — отмахнулся он.

— Отлично, — усмехнулся Кикаха, — значит, вы мне не верите. Не верите в эффективность приборов, действие которых я вам только что объяснил. Я мог бы снова надеть их на вас и показать таким способом правдивость сказанного мною. Вы,

правда, так и не убедились бы в том сами, поскольку оказались бы покойником, а ваш босс выиграл бы у нас очко.

Кикаха поехал вперед, пока не заметил знака, указывающего на автостоянку за служебным зданием. Стоянка располагалась у глухой стены дома, и, как ни странно, там сейчас никого не было. Кикаха припарковался. Потом он вышел из машины и жестом приказал выйти Клейсту. Анана держала ручку у бока Клейста.

Кикаха выволок из машины тело Кэмбринга и затолкал его под грузовик с панелями. Затем они вернулись в машину и поехали к мотелю.

Кикаха беспокоился. Возможно, своими действиями он вынудил Рыжего Орка сообщить об угоне "роллса". До настоящего времени Господь Земли не впутывал в это дело полицию, но Кикаха не сомневался, что Господь теперь привлечет и ее, если почувствует необходимость в этом. Господь обязан поддерживать свой авторитет, даже если с ним общается крайне мало людей. Если полиция заберет Анану и Кикаху, то Господь устроит так, что их захватят его люди. Все, что ему придется для этого сделать, это заплатить залог и поймать их после того, как они отойдут от полицейского участка на несколько кварталов.

А если уж Кикаха сумел предпринять кое-что и выйти на Рыжего Орка, то и Господь сможет принять меры, чтобы до него нельзя было добраться.

В данный момент Клейст не проявлял желания сотрудничать с Кикахой. Он даже не отвечал на его вопросы. Он оглядывался вокруг, словно собираясь бежать или позвать на помощь, но Кикаха предупредил его, что если он попробует что-нибудь выкинуть, то получит достаточный удар энергии из ручки. Клейст шагнул в номер мотеля впереди Кикахи, который, даже не дожидаясь, пока Анана закроет дверь, оглушил своего пленника легким щелчком из кольца.

Еще до того, как Клейст смог очухаться, Кикаха сделал ему инъекцию снадобья, захваченного ими из дворца Вольфа.

В течение следующего часа Кикаха и Анана узнали многое о людях и деятельности того, что Клейст назвал "ГРУППОЙ". Его непосредственным начальником был человек по имени Альфредо Румени. Он жил в Беверли Хиллс, но Клейст никогда не бывал у него дома. Румени всегда отдавал приказы по телефону или встречался с Клейстом и другими своими сотрудниками либо у Клейста, либо у Кэмбринга.

Судя по описанию Клейста, Румени не мог быть Рыжим Орком.

Кикаха, нахмурившись и проводя пальцами по длинным волосам, расхаживал по комнате.

— Рыжий Орк узнает или, по меньшей мере, догадается, что мы вынули из Клейста имя и адрес Румени. Так что он предупредит его и они расставят ловушку. Возможно, Господь и был раньше чересчур самонадеянным и уверенным в себе, но теперь он знает, что мы — крепкие орешки. Мы причинили ему слишком много хлопот. Приблизиться к Румени мы не сможем, но даже если бы нам это удалось, мы обнаружили бы, что он имеет не больше представления об истинной роли или нахождении Рыжего Орка, чем Клейст.

— Вероятно, это так, — согласилась Анана. — Поэтому единственное, что нам остается, это вынудить вылезти Орка из норы.

— Я думаю так же, — кивнул Кикаха. — Но как заставить его сделать это?

— Колокольник! — воскликнула Анана.

— Пока что мы не знаем, где Колокольник, — напомнил Кикаха, — и, как ни неприятно думать об этом, мы можем никогда об этом не узнать.

— Не говори так, — вздрогнула Анана. — Мы должны найти его!

Решимость ее, насколько он знал, не происходила от озабоченности судьбой жителей Земли. Ее приводило в ужас только то, что однажды Колокольники смогут стать достаточно мощными, чтобы пройти через врата Земли в другие вселенные, карманные миры, принадлежащие Господам. Анану заботила только ее собственная судьба и, конечно, его. Может, еще и Луваха, ее брата, которого ранили, когда он охранял дворец Вольфа. Но она никогда не сможет спокойно спать, пока не будет уверена в том, что в тысяча восьми известных вселенных нет ни одного живого Колокольника.

Да и Рыжий Орк тоже потеряет сон.

Кикаха связал Клейсту руки за спиной, связал ноги и залепил рот клейкой лентой. Анана не могла понять, почему Кикаха не убивает его. Кикаха объяснил, как уже делал неоднократно, что не станет убивать, если не сочтет это совершенно необходимым.

Вынув у Клейста бумажник, он засунул гангстера в шкаф.

— Он может оставаться здесь до утра, пока не придет уборщица. Я думаю, нам пора переехать. Давай-ка перейдем через улицу и двинемся.

Они пересекли улицу, прошли полквартала до ресторана и устроились в кабинке у окна, из которого был виден их мотель.

Пока они ели, Кикаха сообщил ей свой план:

— Господь может бороться и с псевдоколокольником, так же, как и с настоящим, так как не будет знать наверняка, кто есть

кто. Мы сделаем колокол, кое-что предпримем и, таким образом, гарантируем, что Рыжий Орк прознает об этом человеке.

— Все равно нет гарантий, что Рыжий Орк явится лично.

— Как он собирается узнать, настоящий это Колокольник или нет, если не придет сам? Или если Колокольника не доставят к нему?

— Но ведь тогда ты не сможешь выбраться?

— Может, выбраться я и не смогу, но я еще не там. Придется нам рискнуть. Никакого другого пути я не вижу, а ты?

Они встали. Кикаха остановился у кассы, чтобы заплатить. Анана шепнула ему, чтобы он взглянул через витрину. На территорию мотеля сворачивала полицейская машина.

Кикаха наблюдал, как из нее вышли двое полицейских и посмотрели на номер "роллса". Затем один из них отправился в кабинет управляющего, а другой принялся проверять "роллс". Через минуту управляющий и полицейский вышли и направились в номер, оставленный Ананой и Кикахой совсем недавно.

— Они обнаружат в шкафу Клейста, — пробормотал Кикаха. — Мы возьмем такси, вернемся в Лос-Анджелес и найдем ночлег где-нибудь в другом месте.

У них осталась только та одежда, что была на них, футляр с рогом Шамборимена, кольца-лучеметы с множеством зарядов, ручка-лучемет, наушные приемники, наручные хронометры-передатчики и деньги, взятые у Баума, Кэмбринга и Клейста. Последний добавил к их состоянию еще сто тридцать долларов.

Они вышли из ресторана в жару и в обжигающий глаза, высушивающий носовые пазухи, затрудняющий дыхание смог. В киоске на углу Кикаха купил газету, утреннюю "Лос-Анджелес Таймс", затем они принялись ловить такси.

Такси скоро подвернулось, и они укатили из Долины. По дороге Кикаха прочел колонку личных объявлений, в которой оказалось и его объявление. Ни одно из прочих не содержало и намека на то, что его дал Вольф. Парочка вылезла из такси, прошла пару кварталов и погрузилась в другое такси. Адрес Кикаха дал наобум.

Они немного погуляли. Кикаха подстригся и купил шляпу, а также поговорил с продавцом в отделе женских шляп.

В аптеке Кикаха купил немного краски для волос и другие предметы, включая бритвенные принадлежности, зубные щетки, пасту и пилку для ногтей. В ломбарде он приобрел два чемодана, нож, великолепно заточенный, и ножны для него.

Двумя кварталами дальше они нашли третьеразрядную гостиницу и остановились в ней. Казалось, портье интересовался лишь одним — могут они заплатить вперед или нет. Кикаха, надевший шляпу и темные очки, надеялся, что портье не обра-

тит на них особого внимания. Судя по разившему от него запаху дешевого виски, в данный момент он был не слишком восприимчив.

Анана, оглядев их номер, заметила:

— Только что покинутое наше жилье было хижиной. Но по сравнению с этим, оно — дворец!

— Я бывал и в худших местах, — ответил Кикаха. — Главное, что тараканы здесь не настолько громадные, чтобы утащить нас.

Некоторое время они провели, перекрашивая волосы. У него они стали темно-каштановыми, а черные, блестящие, как у девушки из Полинезии, волосы Ананы превратились в пшенично-желтые.

— Не улучшение, но перемена, — заключил Кикаха. — Так, а теперь к чеканщику.

Телефонная книга предоставила им несколько адресов тех, кто работал в этом районе. Они пошли в ближайшую мастерскую, где Кикаха объяснил, что ему требуется, и заплатил аванс. Во время разговора он изучал характер владельца мастерской и пришел к выводу, что тот готов на любую сделку, если оплата высока, а риск минимален.

Кикаха решил припрятать Рог. Как ни страшно было выпускать его из своих рук, он больше не желал рисковать и опасаться, что он может попасть в руки Рыжего Орка. Если бы они не унесли Рог с собой, когда покинули отель, то уже сейчас Рог был бы у полиции. А если бы Рыжий Орк прослышал бы об этом, что случилось бы обязательно, то заполучил бы его достаточно быстро.

Анана и Кикаха пришли на автобусную остановку вокзала компании "Грейхаунд", где Кикаха и сдал футляр в камеру хранения.

— Я дал тому парню лишних двадцать монет за скорость. Он пообещал изготовить все к пяти. Тем временем я предлагаю отдохнуть в кабаке на противоположной стороне улицы. И станем следить, не разовьется ли в нашем отеле какая-либо бурная деятельность.

"Летящая Голубая Бутылка" оказалась низкопробной пивной, в которой, однако, нашлась свободная кабинка у окна. Его, правда, закрывали жалюзи, но между пластинами фасад отеля был виден достаточно хорошо. Кикаха заказал кока-колу для Ананы и пиво для себя. Он почти не пил пиво, но заказывал по кружке каждые минут пятнадцать, чтобы не вызвать неудовольствие хозяина. Следя за отелем, Кикаха расспрашивал Анану о Рыжем Орке. Он ведь так мало знал об их противнике.

— Он — мой Кратлрандрун, — сообщила Анана. — Брат моей матери. Он покинул родную вселенную свыше пятнадцати

тысяч земных лет назад и отправился создавать свою, личную. Это произошло за пять тысяч лет до моего рождения. Но у нас остались его статуи и фотографии, а один раз, когда мне было пятнадцать лет, он вернулся, так что я знала, как он выглядит. Но сейчас уже не помню. Несмотря на это, если бы я снова увидела его, то, возможно, сразу же бы узнала. Есть, знаешь ли, семейное сходство. Достаточно сильное. Если когда-нибудь увидишь мужчину, такого же, как я, перед тобой и будет Рыжий Орк. Кроме волос. У него не черные, а темно-бронзовые. Как у тебя. И теперь, когда я подумала... интересно, почему мне раньше такое не пришло в голову... не бросалось в глаза... ты на него очень похож.

— Да брось ты! — отмахнулся Кикаха. — Это означало бы, что я похож на тебя! Я это отрицаю!

— Думаю, мы можем быть кузенами.

Кикаха засмеялся, хотя лицо у него покраснело и он ощутил какое-то смутное беспокойство.

— В следующей фразе ты сообщишь мне, что я — давно пропавший сын Рыжего Орка!

— Я не знаю, был ли у него когда-нибудь сын, — задумчиво произнесла она, — но да, ты можешь быть его ребенком.

— Мне известно, кто мои родители, — отверг Кикаха такое предположение. — Фермеры. И они также знали, кто их предки. Мой отец ирландского происхождения, ведь наша фамилия — Финнеган. А моя мать — норвежка и на четверть индианка-катоба.

— Я ничего не пытаюсь доказать. Я просто отмечаю определенное сходство. И сейчас, когда я над этим поразмыслила, то убедилась, что твои глаза особенного лиственно-зеленого оттенка... да, точь-в-точь такие же... Я забыла... У Рыжего Орка твои глаза.

— Погоди, — Кикаха положил свою руку на ее. Он смотрел сквозь жалюзи.

— Полицейские! — воскликнула Анана, повернувшись.

— Да, их автомобиль припарковался во второй ряд перед отелем. Полицейские входят в отель. Возможно, проверяют кого-нибудь другого. Так что давай не будем впадать в панику.

— С каких это пор я стала впадать в панику? — холодно спросила Анана.

— Извини. Просто у меня такая манера выражаться.

Прошло минут пятнадцать. Затем сзади к полицейскому автомобилю подъехала машина. В ней сидело трое в штатском, двое из них вылезли и вошли в отель. Машина уехала.

— Эти двое, — процедил Кикаха, — кажутся мне весьма похожими на сыщиков.

Полицейские в мундирах уехали. Двое, которых Кикаха посчитал сыщиками, не появлялись из отеля около тридцати минут. Потом они вышли, прогулялись до угла, постояли с минуту, разговаривая, а потом один из них вернулся. Он, однако, не стал заходить в отель. Вместо этого он пересек улицу.

— У него возникла та же мысль, что и у нас! — выругался Кикаха. — Следить отсюда за входом в отель! — Он встал и скомандовал: — Быстро! Через черный ход! Иди, как будто прогуливаешься, но быстро!

Черный ход был на самом деле боковым выходом, который выводил в тупиковый переулок. Выйти из него можно было только в сторону мастерской чеканщика.

— Либо полиция получила информацию от Рыжего Орка, — стал рассуждать Кикаха, — либо проверяют нас из-за Клейста. Значение это не имеет. Мы в бегах, и Орк получил преимущество. Пока он и дальше сможет давить на нас, мы никак к нему не подберемся.

У них оставалось еще несколько часов, пока чеканщик закончит свою работу. Кикаха привел Анану в другую пивную, куда более высокого класса, и они снова сели за столик.

— Ты только начала рассказывать мне историю своего дяди, — сказал он.

— Рассказывать-то особенно нечего, — возразила Анана. — Долгое время Рыжий Орк был среди Господов фигурой, внушающей ужас. Он успешно вторгся во вселенные по меньшей мере десятка Господов и убил их. Потом его тяжело ранили, когда он попал в мир Валы, моей сестры. Рыжий Орк очень ловок, умен и силен. Но моя сестра Вала соединяет в себе качества кобры и тигра. Она, как я уже говорила, тяжело ранила его, но и сама пострадала. Вернее, она чуть не умерла. А Рыжий Орк, однако, спасся и вернулся в эту вселенную, которую он создал первой, после того, как покинул родной мир.

— Что? — выпрямился Кикаха.

Дернувшись, его рука сшибла кружку с пивом. Он не заметил этого, а уставился на Анану во все глаза.

— Что ты сказала?

— Ты хочешь, чтобы я повторила все?

— Нет, нет! То последнее... то, что ты говорила о его возвращении в эту вселенную, первую, которую он создал!

— Да? И что в этом такого необычного?

Заикался Кикаха не часто, но теперь он не мог выдавить из себя ни слова.

— С-слушай! — проговорил он наконец. — Я осознаю, что существуют карманные вселенные Господов, так как сам провел

полжизни в одной из них. Я знаю, что реальны и другие, поскольку мне о них рассказывал человек, который не лжет. И я видел Господов из других вселенных, включая тебя! Я уверен, что существует, по крайней мере, тысяч восемь относительно небольших искусственных вселенных. Но я всегда думал... и до сих пор думаю... это невозможно... моя вселенная — естественная, точно так же, как и твоя родная вселенная Гардзринтрах.

— Я не утверждала этого, — мягко возразила Анана, взяв его за руку. — Кикаха, милый, тебя это действительно так расстраивает?

— Ты, должно быть, ошиблась, Анана, — стоял он на своем. — Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о громадности этой вселенной? Она бесконечна! Никакой человек не мог создать этот сложный и гигантский мир! Боже мой, до ближайшей звезды четыре с чем-то световых года, а до самой далекой миллиарды световых лет, и, должно быть, существуют еще миллиарды световых лет за ее пределами. И потом, ведь у этой вселенной есть возраст! Да ведь одной этой планете два с половиной миллиарда лет. Так, по крайней мере, я слышал! Это намного больше, чем пятнадцать тысяч лет, когда твой дядя Господь отправился из своего родного дома создавать вселенные! Намного больше!

Анана улыбнулась и потребовала выслушать ее до конца, потрепав Кикаху по руке, будто она была бабушкой, а он ее самым малым внучком.

— Ну, ну! Нет причин расстраиваться, любимый. Я удивлена, почему Вольф ничего не рассказал тебе. Вероятно, забыл об этом, когда потерял память. А когда она к нему вернулась, то вернулась не целиком, или, наверное, он считал это настолько само собой разумеющимся, что никогда не принимал в расчет, что ты не знаешь таких очевидных вещей.

— А как ты можешь объяснить бесконечные размеры и возраст этой Земли? И эволюцию? — победоносно бросил Кикаха вызов. — Вот как ты объяснишь эволюцию? Неоспоримые данные, полученные в результате раскопок? Датировку по углероду и калий аргону? Я прочел об этих новых открытиях в журнале, пока мы ехали в автобусе. Эти доказательства научно неопровержимы!

Пока официантка собирала пустые кружки, он молчал. Как только она ушла, Кикаха открыл рот, потом закрыл. Телевизор над стойкой показывал новости, и на экране появилось изображение двух лиц.

— Посмотри туда! — прошипел он Анане.

Она успела повернуться и увидеть рисунки прежде, чем изображение исчезло.

— Они очень похожи на нас, — констатировала она.

— Да, полицейский фоторобот, — подтвердил Кикаха. — Теперь гончие действительно взяли след! Спокойно! Если мы встанем сейчас, люди могут обратить на нас внимание. Но если мы останемся и будем заниматься своими делами, то никто ничего не заподозрит.

Если бы телевизор был цветной, сходство было бы меньшим, поскольку волосы они перекрасили. Но он был черно-белым, так что их нарисованные портреты оказались похожими на оригиналы.

Однако никто даже не взглянул на них и вполне возможно, что, кроме пьяных подле стойки, посетители не заметили передачи по телевизору. А к ним лицом беглецы не собирались поворачиваться.

— Что сказала эта штука? — шепнула Анана, подразумевая телевизор.

— Не знаю. Очень шумно, чтобы я смог услышать. И я не могу расспросить никого у стойки.

У него возникли сомнения относительно своих планов по выманиванию Рыжего Орка. Наверное, ему следует бросить эту идею. Кое-чем рисковать, конечно, следовало, но не тогда, когда полиция наступает на пятки, а их рассматривают в каждом доме в Калифорнии! Кикаха вообще не желал привлекать никакого внимания. Кроме того, эта идея ему самому казалась бредовой. Она, безусловно, фантастическая, но именно по этой причине могла бы иметь успех. Но не сейчас. В ту же минуту, как он приведет свой план в действие, он и привлечет внимание людей Орка и полиции. Так что Рыжий Орк не явится собственной персоной, поскольку будет знать, где Кикаха.

— Надень темные очки, — велел Кикаха Анане. — Прошло достаточно времени, чтобы никто ничего не заподозрил и не связал нас с передачей по телевизору.

— Тебе вовсе незачем мне все растолковывать, — отрезала она. — Я не такая малоумная, как ваши земные женщины.

Он немного помолчал. За какие-то несколько минут на его голову обрушилось столько информации, словно она сыпалась из рога изобилия. Кикаха хотел продолжить обсуждение вопроса о происхождении и природе этой вселенной, но времени не было. Выжить, найти Вольфа и Хрисенду, уничтожить Колокольника — вот главное. Но в данный момент самого большого внимания требовал вопрос о собственном выживании.

— Мы заберем еще кое-что из багажа. И колокол тоже, — объяснил он. — Может быть, я сумею позднее его использовать. Кто знает?

Кикаха заплатил по счету, и они вышли. Через десять минут они получили колокол. Чеканщик проделал хорошую работу. Конечно, этот колокол не прошел бы проверки ни у одного Господа. Но на определенном расстоянии или при взгляде на него человека некомпетентного он сошел бы за большую ценность Колокольника. Он был традиционной формы, но с закрытым дном, в полтора раза больше головы Кикахи, сделан из алюминия и опылен быстросохнущей краской. Кикаха заплатил мастеру и положил колокол в шляпную коробку, добытую в магазине.

Спустя час они шли через парк Макартура. То и дело им попадались ораторы на ящиках из-под мыла, множество алкашей, наркоманов и мотоциклетные громилы. И множество людей, что пришли сюда насладиться цветами и поглазеть на других, пренебрегающих условностями.

Обогнув большой куст, они остановились.

Справа от них стояла бетонная скамья. На ней сидели двое алкашей с небритыми, впалыми щеками в голубых прожилках и молодой человек. Этот юноша оказался хорошо сложенным парнем с длинными грязными белобрысыми волосами и щетиной трехдневной давности. Одежда его была даже более рваной и грязной, чем у алкашей.

Рядом с ним на скамейке лежала картонная коробка, примерно в полтора квадратных фута.

Анана начала было что-то говорить, потом замолчала.

Кожа ее побледнела, глаза расширились, она вцепилась в свое горло и пронзительно закричала.

Единственное, что могло привести ее в состояние такого ужаса, была сигнализация, которую внедрили ей в мозг десять тысяч лет назад, когда она стала взрослой. Да еще это кольцо на пальце! Оно ведь тоже помогает вычислить Колокольника.

Приближение к колоколу Колокольника автоматически включало прибор в мозгу Ананы. Нервы ее взвыли, словно к ним привязали сирену. Ее охватил вековечный страх перед Колокольником.

Белобрысый вскочил, сграбастал картонную коробку и бросился бежать.

Кикаха рванулся за ним. Алкаши заорали, и многие гуляющие бросились к ним.

В другое время Кикаха бы рассмеялся. Он собирался отнести свою коробку с псевдоколоколом в какое-нибудь место вроде этого, туда, где болтались алкаши и отщепенцы, и вызвал бы там какой-нибудь скандал, который попал бы в газеты. Кикаха надеялся, что это могло бы вывести его на Рыжего Орка, который вылез бы из норы.

По иронии судьбы он наткнулся на настоящего Колокольника.

Если бы у Колокольника хватило ума припрятать где-нибудь свой колокол, он был бы в безопасности. Кикаха с Ананой прошли бы мимо, так и не опознав его.

Внезапно Кикаха остановился. Зачем преследовать Колокольника, даже если он сможет догнать его? Погоня привлечет слишком много внимания.

Кикаха вынул лучемет, замаскированный под ручку, и установил его на самый узкий теплопробивающий луч. Он нацелил его в спину Колокольника, и в этот момент, словно сообразив, что должно произойти, Колокольник бросился на землю. Коробка его перевернулась, сам он откатился и исчез за невысоким холмиком. Луч из ручки прошел над ним, попал в дерево и продырявил его. От коры повеяло дымом. Кикаха выключил ручку. Если бы лучемет продолжал бы работать на несколько секунд дольше, то ему бы понадобился новый заряд.

Голова Колокольника высунулась, и затем показалась его рука с зажатым в ней тонким предметом. Он направил предмет на Кикаху. Тот подпрыгнул вверх и вбок и одновременно отшвырнул в сторону свою шляпную коробку. По коробке чиркнуло что-то белое, и она вместе с содержимым упала, развалившись пополам, на землю. Перед тем, как удариться о землю, коробка вспыхнула.

Кикаха упал и сразу выстрелил. Трава на холме стала коричневой. В следующее мгновение Колокольник полоснул по Кикахе снова. Кикаха откатился, потом вскочил и побежал зигзагами.

Он подумал, что его шалости с Колокольником должны были показаться гуляющим весьма странными. Вдруг двое юнцов с картонками в руках начали носиться друг за другом ни с того ни с сего, целились друг в друга шариковыми ручками, уклонялись, падали на землю, будто играли в ковбоев и индейцев. Тем более, что женщина, вопившая, словно увидела монстра Франкенштейна, таже теперь принимала участие в этой игре.

Один из полицейских что-то крикнул им.

— Не давай им поймать нас! — закричал Кикаха. — Иначе нам конец! Держи Колокольника!

Они припустили во всю прыть. Фараон снова что-то крикнул. Кикаха оглянулся. Ни один из полицейских не выхватил пистолета, но долго так не могло продолжаться.

Они настигали Колокольника, а полицейские отставали от них. Кикаха, однако, дышал слишком тяжело.

Но каким бы плохим ни было его состояние, у Колокольника оно было еще хуже. Он быстро сбавлял темп. Это означало, что очень скоро он вновь обернется, и лучше бы Кикахе бежать попроворней. Через несколько секунд Колокольник окажется в диапазоне действия его лучемета, и он отхватит ему обе ноги. На этом все опасности для Кикахи кончатся.

Колокольник с бешеной скоростью взлетел по бетонной лестнице, ведущей на улицу. Прежде чем последовать за ним, Кикаха приостановился. Он понял, что Колокольник затаился наверху и ждет, когда появится его голова. Тут подоспела и Анана.

— Где он? — спросила она, тяжело переводя дыхание.

— Если бы я знал, то не стоял бы здесь, — огрызнулся Кикаха.

Он повернулся и, спрыгнув с лестницы, побежал, пригнувшись, по крутому склону холма. Колокольник, по его расчетам, должен растеряться, не понимая, что он делает. Если он умен, то поймет, что Кикаха не собирается бросаться в атаку на лестнице. Колокольник будет смотреть по обе ее стороны в поисках вдруг пропавшего врага.

Кикаха взглянул направо. Анана уловила его мысль и тоже кралась по склону. Она повернула голову, улыбнулась ему и помахала рукой. Он показал ей, что им следует выглянуть одновременно. Если Колокольник хоть на секунду будет озадачен их одновременным появлением и не сумеет определить, в кого первого стрелять, то его можно считать покойником.

Конечно, при условии, что не вмешаются гнавшиеся за ними полицейские. Их крики становились все громче, затем рявкнул пистолет, и поблизости от Кикахи взлетела земля.

Кикаха подал знак, и они высунули головы. В то же мгновение на улице прозвучал выстрел из пистолета.

Посреди улицы на спине лежал Колокольник. Рядом с ним стоял большой черный "линкольн", и несколько человек собрались поднять Колокольника и погрузить его в машину. Одним из людей был Клейст.

Кикаха выругался. Он загнал Колокольника прямо в объятия людей Орка, которые, вероятно, курсировали в этом районе в поисках человека с большой картонной коробкой в руках. Или, возможно, кто-то — о, ирония судьбы! — увидел Кикаху с его коробкой и принял его за Колокольника.

Он махнул Анане, они одновременно выскочили и со всех ног побежали к машине. Полицейские вновь закричали, но никаких выстрелов с их стороны не последовало. Люди подле лимузина подняли головы только тогда, когда зашвырнули обмякшее тело Колокольника в автомобиль. Они поспешно влезли в машину и рванули прочь, визжа горящей резиной по открывшейся перед автомобилем свободной полосе.

Кикаха прицелился, надеясь пробить шину либо поджечь бензобак. Но ничего не произошло, машина целехонькая исчезла за углом. Его лучемет был пуст.

Не оставалось ничего другого, как снова бежать, но теперь полицейские вызовут подмогу. Единственное преимущество бегунов заключалось в том, что был час пик и движение оказалось очень интенсивным. Фараоны не смогут сюда добраться на автомобилях слишком быстро.

Еще через полчаса они ехали в такси, а еще через двадцать минут прибыли в мотель. Управляющий с любопытством поглядел на них и поднял брови, когда не увидел никакого багажа. Кикаха пояснил, что они авангард небольшой рок-группы и их багаж прибудет несколько позднее.

Они взяли ключ от номера и поднялись к себе. Здесь они улеглись на кровати, заперев сначала двери и придвинув к ним кое-какую мебель. Они проспали пятнадцать минут. Проснувшись, приняли душ и снова натянули на себя потную одежду. Следуя совету управляющего, они прогулялись в район магазинов и приобрели кое-что из одежды и несколько необходимых предметов.

— Если мы и дальше будем покупать одежду и терять ее в тот же день, — заметил Кикаха, — то скоро останемся без гроша. И мне вновь придется вернуться к грабежу.

Когда они вернулись в номер, Кикаха нетерпеливо раскрыл "Лос-Анджелес Таймс" на колонке личных объявлений. Он прочел ее сверху вниз, а потом вдруг восторженно воскликнул "Иеи!".

Анана села на постели и спросила:

— Что случилось!

— Ничего не случилось! Это первая хорошая весть, что дошла до нас с тех пор, как мы попали сюда! Я по-настоящему и не верил, что это сработает! Но он хитрый старый лис, этот Вольф! Он мыслит так же, как и я. Смотри, Анана!

Он сунул ей газету. Моргая, она отодвинула ее так, чтобы стало удобно читать, а потом медленно проговорила:

— "Малыш Хровака. Ты прошел. Штаты. Уилшир и Сан-Винсент. Э. веч. Х. шлет горячий привет".

Кикаха стащил Анану с кровати и закружил по номеру.

— Нам удалось! Нам удалось! Коль скоро мы окажемся вместе, нас не остановит ничто!

Анана обняла и поцеловала его, признавшись:

— Я так счастлива. Возможно, ты прав, это поворотный пункт. Брат Джадавин! Когда-то я постаралась бы убить его. Но теперь нет. Я едва могу дождаться встречи.

— Ну, нам не придется долго ждать, — Кикаха старался успокоиться. — Мне лучше выяснить, что происходит.

Он включил телевизор. Диктор этой телестанции явно не собирался упоминать о них, поэтому Кикаха принялся переключать приемник с канала на канал. Спустя минуту его старания были вознаграждены.

Его и Анану разыскивали для допроса в связи с делом о похищении Клейста. Управляющий мотелем, где нашли связанного Клейста, описал двух предполагаемых похитителей. Сам Клейст не выдвинул против них никаких обвинений, но потом было найдено тело Кэмбринга. Полиция установила связь между Кикахой, Ананой и Кэмбрингом из-за суматохи в Окружном Художественном музее. Существовало еще и дополнительное обвинение: угон машины Кэмбринга.

Новости не понравились Кикахе, но он не мог малость не посмеяться, представив, какую досаду должен был испытывать Рыжий Орк. Господу было бы предпочтительней менее тяжелое обвинение, такое, как угон машины, чтобы он мог заплатить за парочку залог и, таким образом, сцапать их, когда они выйдут из полицейского участка. Но при обвинении в похищении и убийстве он, может, и не сумеет их освободить.

Да, обвинения были достаточно серьезные, хотя и не обязательно даже и в этом случае показывать их портреты в теленовостях. Диктор уточнил, что случай представляет особый интерес, так как проверка отпечатков пальцев мужчины, участвующего в деле, показала, что они принадлежат Полу Янусу Финнегану, который исчез в 1946 году из своей квартиры в Блумингтоне, штат Индиана, где он посещал университет.

Спустя двадцать четыре года он появился в Ван Найсе, штат Калифорния, при весьма таинственных или сомнительных обстоятельствах. Самое сенсационное, по словам диктора, заключается в том, что свидетели описывают Финнегана как мужчину лет двадцати пяти, когда ему должно быть пятьдесят два года! Более того, с того момента, как его портрет был показан по телевидению, он был опознан как один из участников очень таинственной погони в парке Макартура.

Закончил диктор комментарием, претендующим на остроумие. Наверное, этот Финнеган вернулся от Источника Юности. Или, вероятно, свидетели могли напиться слегка из другого источника.

— При такой рекламе, — заявил Кикаха, — наше положение веселым не назовешь. Надеюсь, управляющий мотелем не смотрел эту передачу.

Было восемь тридцать. Они должны были встретиться с Вольфом в десять часов в ресторане "Штаты" на углу Уилшир

и Сан-Винсент. Если они возьмут такси, то смогут попасть туда значительно раньше. Кикаха решил, что им следует прогуляться пешком. Он не доверял такси. И хотя он воспользовался бы автомобилем, если бы это было необходимо, он не видел ни малейшей причины брать его только для того, чтобы избежать пешей прогулки. Особенно потому, что им требовалось поразмяться.

Анана жаловалась, что проголодалась, и мечтала как можно скорей попасть в ресторан. Он сообщил ей, что страдания полезны для души, и усмехнулся, произнося это. Его собственный желудок сжимался от спазм, а ребра прощупывались лучше, чем несколько дней назад. Но если это зависело от него, то он не собирался кидаться куда-то очертя голову.

Пока они шли, Кикаха расспрашивал ее о Рыжем Орке и о том, как тот "якобы" сотворил Землю.

— Вначале была вселенная Господов. Она была единственной известной нам. Потом после десяти тысяч лет цивилизации мои предки сформулировали теорию искусственных вселенных. Коль скоро была понятна математика данной концепции, создание первой карманной вселенной стало лишь делом времени и воли. Тогда то же самое "пространство" содержало два мира, пространство-материи, но один оставался непроницаемым для другого, потому что вселенные находились "под прямым углом друг к другу". Ты понимаешь, что термин "прямой угол" ничего не значит. Это была просто попытка объяснить нечто такое, что на самом деле можно объяснить лишь тому, кто понимает математику данной концепции. Лично я, хоть и спроектировала собственную вселенную, а затем и построила ее, никогда не понимала этой математики или как даже действуют создающие мир машины. Первую искусственную вселенную сконструировали примерно за двести лет до моего рождения. Создала ее группа Господов — тогда, кстати, они Господами себя не называли, — среди которых был мой отец Уризен и его брат Орк. Орк тогда уже прожил две тысячи лет. Он был физиком, а потом биологом и, наконец, социологом.

Первоначальный шаг был подобен надуванию шара в непространство. Ты можешь себе это представить? Я тоже не могу, но именно так мне это объяснили. Ты надуваешь шар в непространство, то есть ты создаешь небольшое пространство или небольшую вселенную, куда ты можешь "загонять" свои машины. Они расширяют соседнее пространство или пространство-время оригинальной вселенной. Новый мир расширяется так, чтобы ты мог втиснуть в него еще больше машин. А они еще больше расширяют вселенную, и ты пересылаешь машины в новое большое пространство. С самого начала создания этого

нового мира он мог иметь совершенно новые физические законы, чем в оригинальной вселенной. Тут важно сформировать пространство-время-материю так, чтобы, скажем, гравитация действовала иначе, чем в оригинальном мире.

Однако первая новая вселенная была, можно сказать, топорной. Она не воплощала никаких новых принципов, фактически она являлась точной имитацией оригинала. Ну, не точно, конечно, она была копией мира, но того, каким он являлся не в момент создания, а каким он был в прошлом.

— Той копией был этот — мой мир? — уточнил Кикаха. — Земля?

— Она — эта вселенная, — кивнула Анана, — была первой. И создали ее приблизительно пятнадцать тысяч лет назад. Эта солнечная система лишь в мелких особенностях отклонилась от родной вселенной Господов.

— Ты хочешь сказать...

Он молчал почти полквартала, а затем проговорил:

— Так это объясняет, что ты имела в виду, когда сказала, что этот мир создан недавно. Я знал, что этого быть не может, так как датировка на калий-аргон и ксенон-аргон неопровержимо доказывает, что этому миру более четырех с половиной миллиардов лет. И ведь найдены ископаемые человекоподобных, которым по меньшей мере миллион семьсот пятьдесят тысяч лет. И потом, у нас есть датировка на углерод-14, который, предположительно, точен до пятидесяти тысяч лет, если я правильно помню ту статью.

— Но ты говоришь, что скалы твоего мира, которым было четыре с половиной миллиарда лет, были воспроизведены в этой вселенной. И поэтому, хотя они и воспроизведены всего пятнадцать тысяч лет назад, кажется, что им четыре миллиарда лет. И мы находим ископаемые, бесспорно доказывающие, что динозавры жили пятьдесят миллионов лет назад. И мы откапываем каменные орудия и скелеты людей, что жили миллион лет назад. Но все это сдублировано с вашей вселенной.

— Совершенно верно, — согласилась Анана.

— Но звезды! Галактики, квазары! Миллионы, миллиарды их в миллиардах световых лет! В одной этой галактике миллионы звезд, а диаметр ее — сто тысяч световых лет! Красное смещение света от убегающих от нас галактик при четверти скорости света и в миллиардах световых лет от нас! Радиозвезды! Боже мой, все!

Он вскинул руки, указывая на бесконечность и вечность этой вселенной. И кроме того, демонстрируя нелепость ее слов.

— Эта вселенная — первая и самая большая из всех искусственных, — пояснила Анана. — Ну, не самая большая, вторая

была точно такой же величины. Диаметр ее — троекратное расстояние до Солнца от планеты Плутон. Если люди когда-нибудь построят корабль для полета к ближайшей звезде, то они пролетят до орбиты Плутона, а потом им придется преодолеть двойное расстояние от Плутона до Солнца. А потом...

— Потом?

— А потом корабль войдет в секторы, где он будет уничтожен. Он наткнется на... как мне это назвать? Единственный термин, какой я могу придумать, это — силовое поле. И он исчезнет во вспышке энергии. И то же произойдет с другим кораблем или кораблями, если они за ним последуют. Звезды не для людей. Главным образом потому, что никаких звезд нет.

Кикаха хотел горячо запротестовать. Он почувствовал, что возмущен, но заставил себя спокойно спросить:

— Как ты это объяснишь?

— Пространство-материя за пределами орбиты Плутона — подобие звездного неба. Крошечное подобие. Ну, относительно крошечное.

— Эффекты света от звезд, туманностей и тому подобное? Красное смещение? Скорость света? Все это? — переспросил Кикаха.

— Существует фактор искривления, придающий необходимые иллюзии. Итак, вся заплутоновская астрономия, вся космогония — ложны.

— Но почему Господы сочли необходимым установить это подобие бесконечной, беспространной расширяющейся вселенной с ее миллионами небесных тел? Почему они не оставили просто чистое небо, исключая Луну и планеты? Зачем этот предельно жестокий обман? Или мне незачем спрашивать? Я на минуту забыл, что Господы жестоки.

Анана потрепала его по руке, заглянула в глаза и объяснила:

— Жестоки не только Господы. Ты забыл, а ведь я сказала тебе, что эта вселенная была точной копией нашей. Я имею в виду, что она точь-в-точь такая же. От центра, то есть Солнца, до внешнего края, стен этой вселенной, ваш мир — дубликат нашего. Это включает в себя и подобие пространства за Солнечной системой.

— Ты хочешь сказать, что... родной мир Господов тоже искусственная вселенная? — Кикаха даже остановился.

— Да. После того, как три корабля были отправлены за самую крайнюю планету к ближайшей звезде всего в четырех и трех десятых световых лет от нас — как мы думали, — был запущен и четвертый корабль. Но он притормозил, когда приблизился к району, где исчезли во вспышках света предыдущие корабли, и не был уничтожен. Но он не смог продвинуться дальше тех трех

кораблей. Силовое поле оттолкнуло его. Или его завернула структура пространственно-материального притяжения в той точке. После некоторого изучения мы неохотно пришли к выводу, что ни звезд, ни наружного пространства не существует. Во всяком случае, в том смысле, как мы их понимали.

Многие не приняли эти откровения. Удар, нанесенный этим открытием, был настолько силен, что наша цивилизация долгое время находилась в состоянии, близком к психозу. Некоторые историки утверждали: именно открытие, что мы находимся в искусственной, сравнительно ограниченной вселенной, и пришпорило нас — подстегнуло нас — к поискам средств создания своих собственных синтетических вселенных. Потому что, если мы сами являемся продуктами, созданными людьми, сконструировавшими нашу вселенную и, таким образом, изготовившими и нас, то и мы тоже можем создать свои миры. И поэтому...

— Значит, Земля даже не из вторых рук! Она из третьих рук! — продолжал Кикаха. — Но кто же мог создать ваш мир? Кто Господь Господов?

— Мы пока не знаем, — ответила Анана. — Мы не нашли никаких следов. Они существуют на плоскости полярности, выходившей тогда за пределы нашей досягаемости. И, насколько я знаю, они всегда будут за пределами нашей досягаемости.

Кикаха подумал, что это должно было оскорбить Господов. Наверное, вначале и оскорбило. Но они оправились и перешли к созданию собственных космосов и своего образа жизни.

И в своем поиске бессмертия они создали Колокольников, этих монстров Франкенштейна, а потом после долгой войны победили собственные создания и навек отделались от этой угрозы. Так они думали. Но теперь Колокольник гулял на свободе. Он находился в руках Рыжего Орка, который наверняка присмотрит за тем, чтобы Колокольник умер, а его колокол оказался погребенным где-то поглубже, наверное, на дне Тихого океана.

— Я проглочу все, что ты мне рассказала, — допустил Кикаха, — хотя это и не очень мне нравится. Но что насчет жителей Земли? Откуда они взялись?

— Твоих предков создали пятнадцать тысяч лет назад в биолабораториях Господов. Один набор создали для этого мира, для этой Земли, и еще один набор — для второй Земли. Точные дубликаты. Рыжий Орк создал вселенные совершенно одинаковыми и поселил на поверхность обеих Земель биологически одинаковых людей. Орк расположил в разных местах детей европеоидов, негроидов и монголоидов. Вот из этих-то детей Господы и вырастили людей каменного века. Все группы научили языкам, которые, кстати, были искусственными языками.

Кроме того, их обучили изготавливать каменные и деревянные орудия, охотиться. Надоумили, какие правила поведения избрать и так далее. А потом Господы исчезли. Большинство из них вернулось в родную вселенную, где они принялись составлять планы строительства собственных вселенных. Некоторые остались на двух Землях понаблюдать, но стараясь никому не попадаться на глаза. В конечном итоге Орк всех их перебил или выгнал из обоих вселенных, но произошло это тысячу лет спустя...

— Минуточку, — перебил Кикаха. — Я никогда не думал об этом, воспринимая все как должное. Но я полагал, что все Господы — европеоиды.

— Просто потому, что случилось так, что ты встречал только европеоидов, — разъяснила Анана. — Кстати, скольких Господов ты встречал?

— Шестерых, — усмехнувшись, признался Кикаха.

— Я бы предположила, что их осталось около тысячи, и из них примерно треть — негроиды, еще треть — монголоиды, применяя земную терминологию.

— А вселенная той, другой Земли? Там люди развивались по моделям, схожим с нашими? Или они существенно отличались?

— Не могу сказать тебе, — призналась Анана. — Это знает лишь Рыжий Орк.

У Кикахи было множество вопросов, особенно его интересовало, почему на Земле оказалось немало врат, никак не контролировавшихся Рыжим Орком. Кикахе пришло в голову, что они могли остаться от старых времен, когда на Земле было много Господов.

На новые вопросы времени не было. Они переходили с Сан-Винсента на Уилшир. До ресторана "Штаты" оставалось всего несколько дюжин ярдов. Ресторан располагался в двухэтажном кирпичном здании с большими витринами и окнами по фасаду. Перспектива снова увидеть Вольфа и Хрисенду сделала Кикаху счастливым. Тем не менее об осторожности он не забывал.

— Сперва пройдем мимо, — приказал он. — Давай.

Они находились прямо напротив ресторана. В нем находилось примерно полдюжины обедавших, две официантки и женщина за кассой. В одной кабинке сидело двое полицейских, а их белый автомобиль стоял на автостоянке к западу от ресторана. Ни Вольфа, ни Хрисенды они в ресторане не увидели.

Было, правда, еще не ровно девять, и Вольф тоже мог проявить бдительность.

Они остановились перед витриной магазина одежды. Со своего наблюдательного пункта Кикаха мог наблюдать за всеми

входящими и выходящими из ресторана. Двое клиентов встали и ушли. Полицейские не собирались расплачиваться. На стоянку въехала машина, остановилась и выключила фары. Из нее вышли мужчина и женщина, оба седые, и вошли в ресторан. Мужчина был слишком маленького роста и тощим, чтобы оказаться Вольфом, а женщина — слишком полной и высокой для Хрисенды.

Прошло полчаса. Прибыли новые клиенты, кто-то уже покинул ресторан, но никто из них не мог быть друзьями Кикахи. Оба полицейских ушли без четверти десять.

— Можем мы теперь войти? — спросила Анана. — Я так проголодалась, что мой желудок ест сам себя.

— Не нравится мне, как все это пахнет, — высказал Кикаха свои сомнения. — Все вроде выглядит как надо, исключая то, что Вольфа здесь еще нет. Подождем еще немного, дадим ему шанс. Но заходить в ресторан не станем. Это слишком похоже на западню.

— Я вижу впереди на улице еще ресторан. Почему бы мне не пойти туда купить немного еды и вернуться сюда.

Они отрепетировали заказ (ведь у Ананы были трудности с произношением): два чизбургера без лука, две порции шоколада со взбитыми сливками. Кикаха объяснил Анане, сколько ей должны дать сдачи, а потом велел поторопиться.

Пару секунд он гадал, не следует ли ему остановить ее. Если случится нечто неожиданное и ему придется смываться, она попадет в беду. Она все еще не знала, что и как в этом мире.

С другой стороны, у него в желудке тоже урчало.

— Ладно, — неохотно уступил он. — Но не задерживайся, и если что-нибудь случится и мы расстанемся, то встретимся снова около мотеля.

Он то следил за входом в ресторан, то наблюдал за Ананой.

Примерно минут через десять она появилась, держа большой бумажный пакет. Анана дважды перешла улицу, чтобы вернуться к Кикахе, и уже направлялась к нему. Она сделала несколько шагов от угла улицы, когда подле нее остановилась машина, проезжавшая мимо. Из автомобиля выпрыгнули двое и побежали к Анане. Кикаха бросился наперерез. Анана выронила пакет, потом упала. Не было звука пистолетного выстрела, или вспышки, или ещё чего-нибудь, что указывало бы на применение оружия. Двое подбежали к Анане. Один поднял ее, а второй повернулся лицом к Кикахе.

В этот момент из машины вылез еще один человек и побежал к Кикахе. К остановившейся машине подъехало несколько автомобилей. Они посигналили, а потом объехали ее. Их фары высветили еще одного человека, сидевшего на месте водителя.

Кикаха отскочил на мостовую. Один из объезжавших автомобилей рявкнул клаксоном и свернул, чтобы не задеть его. Долетел рассерженный крик водителя:

— Ты сумасшедший, сукин сын!

К этому моменту Кикаха уже вытащил свою ручку-лучемет. С помощью нескольких неторопливых слов он установил ее на пробивное действие. Первой его заботой было: не попасть под лучемет противников, а второй: вывести из строя машину.

Он упал на мостовую и покатился, уловив уголком глаза вспышку тонкого, как игла, и горячего, словно солнце, луча. Из его собственной ручки выпрыгнул луч и прошелся по колесам машины со стороны проезжей части. Шины с грохотом лопнули, и машина накренилась набок.

Водитель выскочил и убежал за автомобиль.

Кикаха поднялся и побежал к машине похитителей. Он бросился вперед, сильно ударился и покатился по мостовой. Когда он пришел в себя и выглянул, то увидел, что на некотором расстоянии от первой машины остановилась вторая. Туда и затаскивали Анану.

Кикаха вскочил и закричал. Мимо пролетело несколько автомобилей, и они помешали ему воспользоваться лучеметом. А в это время автомобиль, где находилась Анана, уже разворачивался на сто восемьдесят градусов. Мимо Кикахи все время мелькали автомобили. Шансов резануть лучом задние колеса уезжающей машины у него не осталось. И именно тогда, словно сама судьба ополчилась против него, он увидел, что к нему приближается полицейский автомобиль. Кикаха понимал, что попадать в руки полиции ему нельзя никак, и в ярости побежал.

Позади него взвыла сирена. Кто-то что-то крикнул и выстрелил в воздух.

Кикаха прибавил скорость и выскочил на Сан-Винсент, чуть не остановив уличное движение, пока петлял в потоке машин. Он пересек разделительную полосу и, когда добрался до другой стороны улицы, успел быстро оглянуться и увидеть одного полицейского, преследовавшего его.

Полицейский же автомобиль развернулся и направился через улицу. Кикаха все бежал. Он свернул за угол, проскочил между двух домов и из-за них снова выскочил на Сан-Винсент. Фараон, бежавший за ним, садился в автомобиль. Кикаха спрятался в тени, пока автомобиль, продолжая завывать сиреной, не укатил. Он свернул за тот же угол, из-за которого выбежал Кикаха.

Кикаха побежал к ресторану "Штаты" и заглянул внутрь. Там не было никаких признаков Хрисенды и Вольфа. К ресторану приближался еще один полицейский автомобиль, сверкая мигалкой, но с выключенной сиреной.

Кикаха миновал стоянку и обошел здание. Это заняло у него час, но к этому времени он, петляя между домами, перебегая через улицу, то и дело прячась, ускользнул от патрульных. Он остановился купить кое-какой еды и вернулся к своему мотелю.

Перед мотелем стоял полицейский автомобиль. И снова Кикахе пришлось все бросить, и он пропал в ночи.

Но одно Кикаха должен был сделать немедленно. Он знал, что Рыжий Орк даст Анане наркотик, который заставит ее ответить на любой заданный вопрос. Вполне может статься, что Орк прознает, что в этот мир попал Рог Шамборимена и что сейчас он находится в камере хранения автовокзала в центре города. Он, конечно, пошлет людей на вокзал и не станет стесняться в средствах добыть Рог. Орка ничего не остановит.

Кикаха поймал такси и приехал на автовокзал. Опустошив камеру хранения, он отошел от автовокзала на семь кварталов, прежде чем взять другое такси, которое отвезло его на железнодорожный вокзал в центре города. Здесь он снова сунул Рог в камеру хранения. Носить ключ от нее ему не хотелось. Он купил пакетик жевательной резинки и сжевал все пластинки, пока не получился большой резиновый шарик. Пока Кикаха проделывал это, он, прогуливаясь вокруг вокзала, обследовал дерево на краю автостоянки и решил, что нашел превосходный тайник. Он запрятал комок резинки с засунутым в него ключом в небольшое дупло на дереве, как раз выше человеческого роста. Кикаха поймал такси и направился в район Сансет и Ферфакс.

Около восьми часов утра он проснулся на старом матрасе, лежавшем на голом полу в большой обшарпанной комнате. Рядом с ним спала Род, сокращенное от имени Родрига. Родрига Элсид, как она себя называла, была высокой худощавой девушкой с замечательно большими грудями, хорошеньким, но чересчур веснушчатым личиком, большими синими глазами и прямыми желто-каштановыми волосами, ниспадавшими до талии. Она носила ковбойку в красно-синюю клетку, грязные брюки клеш и рваные мокасины. Зубы у нее были белые и ровные, но изо рта слишком слабо пахло пищей и слишком сильно марихуаной.

Прогуливаясь вечером в толпе, Кикаха заметил ее, сидящей на тротуаре и разговаривающей с другой девушкой и парнем.

Девушка заметила Кикаху, улыбнулась и окликнула его:

— Хэлло, друг. Ты выглядишь так, словно долго бежал.

— Надеюсь, что не все столь наблюдательны, — улыбнулся в ответ Кикаха, — а то легавые тоже могут это заметить.

Завязать знакомство со всей троицей оказалось очень легко, и, когда Кикаха объявил им, что купит им всем троим что-нибудь поесть, он почувствовал определенный интерес к себе.

Поев, они послонялись все вместе по Сансет. В этот вечер он многое узнал об их субкультуре. Когда Кикаха упомянул о том, что у него нет крыши над головой, они пригласили его остановиться в их хазе. Это большой запущенный дом, сказали они, с привидениями, там живет примерно пятьдесят человек, плюс-минус десяток. Они скидывались на арендную плату и коммунальные услуги, если пользовались ими. Если же у них не было денег, их все равно принимали до тех пор, пока они не доставали где-нибудь "бабки".

Родрига Элсид (Кикаха был уверен, что это не настоящее ее имя) приехала сюда недавно из Дейтона, штат Огайо. Там у нее остались родители-пуритане. Ей уже исполнилось семнадцать лет, но она не знала, кем хочет быть. Сейчас, объяснила она, просто собой.

Кикаха внес еще некоторую сумму на марихуану, и вторая девушка, Джеки, немедленно исчезла. Когда она вернулась, то все они направились к большому дому, который у них называли Графство, и удалились в эту комнату. Кикаха покурил вместе с ними, так как понимал, что если он это сделает, то станет для них почти своим парнем. Казалось, курение произвело на него мало впечатления, не вызвав ничего, кроме кашля.

Через некоторое время Джеки и парень, Дар, начали заниматься любовью. Родрига и Кикаха пошли прогуляться. Родрига сказала, что он ей нравится, но она не испытывает никакого желания ложиться с ним в постель после столь краткого знакомства.

Кикаха ответил, что понимает ее. Он вовсе не настаивает ни на чем. Ему просто хочется немного поспать. Спустя час они вернулись в комнату, которая к тому времени оказалась пустой, и завалились спать.

Но сон не уменьшил беспокойства Кикахи. Он был подавлен от того, что Анана оказалась в руках Рыжего Орка. И он подозревал, что Вольфа и Хрисенду постигла та же участь. Каким-то образом Рыжий Орк догадался, что первое объявление в газете дал Кикаха и Господь сам на него ответил. Но он не смог бы ответить столь точно, если бы не захватил Вольфа и не вытащил из него все, что тот знал о Кикахе.

Зная Господов, Кикаха считал вполне вероятным, что сперва Рыжий Орк подверг Вольфа и Хрисенду пыткам, хотя было бы достаточно применить наркотик, который бы заставил их рассказать все, о чем Орк их спрашивал. Вскоре Орк снова подвергнет их пыткам и в конечном итоге убьет.

С Ананой он поступит точно так же.

Кикаха содрогнулся и сказал:

— Нет!

Родрига открыла глаза и спросила:

— Что?

— Спи, — прошептал Кикаха, но она села, обхватив прижатые к груди колени. Потом покачалась из стороны в сторону и изрекла:

— Тебя что-то грызет, дружок. Глубоко. Слушай, я не хочу обременять тебя, но если я могу что-то сделать...

— Мне требуется сделать кое-что самому, — отозвался он.

Кикаха не мог вовлекать ее в это дело, даже если бы она и могла каким-то образом помочь.

При первом же контакте с людьми Орка, если бы такое произошло, она была бы убита. Род не была быстрой, очень сильной и изобретательной женщиной, какой была Анана. "Да, совершенно верно, — сказал он самому себе. — Была". В этот самый миг ее уже могло и не быть в живых.

На глаза его навернулись слезы.

— Спасибо, Род. Теперь я должен идти. Может, встретимся с тобой как-нибудь.

Тут она поднялась с матраса и проговорила:

— В тебе, Пол, есть нечто странное. Ты молод, но употребляешь наш жаргон не совсем верно, понимаешь, что я хочу сказать? Ты мне кажешься малость чудным. Я хочу сказать, ты словно не совсем принадлежишь этому миру. Я знаю, как это бывает, у меня самой очень часто возникает такое же ощущение. То есть я тоже не принадлежу здешнему миру. Но с тобой это не совсем то же самое. Я думаю, и ты действительно не от мира сего. Ты ведь не какое-то там существо с летающей тарелки?

— Слушай, Род. Я ценю твое предложение, действительно ценю. Но ты не можешь отправиться со мной или что-то для меня сделать. В данный момент. Но позже, если возникнет необходимость и ты сможешь мне помочь, то будь уверена, черт побери, что я позволю тебе сделать что-нибудь для меня и буду этому очень рад. — Он нагнулся и поцеловал ее в лоб. — До свидания, — попрощался он, — а может, прощай. Давай все-таки надеяться, что мы еще встретимся.

Кикаха бродил по улицам, пока не нашел небольшой ресторан. Завтракая, он обдумывал ситуацию.

Одно можно утверждать наверняка. Проблема Колокольника решена. Не имело значения, кто убьет его, Кикаха или Рыжий Орк. Главное, что он убит, и Колокольники навеки убраны с дороги.

А теперь Рыжий Орк заполучил в свои руки всех своих врагов, кроме одного, но скоро заполучит и этого последнего. Если, конечно, этот враг не доберется до него первым. Рыжий Орк не использовал еще всех своих возможностей для поимки Кикахи,

поскольку первой его заботой был Колокольник. Но сейчас он уже мог сосредоточиться и захватить всегда ускользавшего Кикаху.

Каким-то образом Кикаха должен был найти Рыжего Орка раньше, чем этот Господь до него доберется. И весьма скоро.

Закончив завтракать, Кикаха купил "Таймс". Идя по улице, он просматривал газету. В ней ничего не сообщалось ни о похищении женщины, ни о машине с практически отрезанными половинками левых колес. Имелась небольшая заметка о розыске Пола Я.Финнегана, загадочного человека, о том, как он скрылся, и краткое описание его жизни до 1946 года.

Кикаха заставил себя успокоиться и хладнокровно обдумать ситуацию. Никогда прежде он так не волновался. Он был бессилен остановить пытки, которым подвергались его друзья и его любимая в эту минуту.

Существовал-таки один способ попасть в дом Господа и встретиться с ним лицом к лицу. Если Кикаха сдастся, то сможет потом, когда его привезут к Господу, положиться на свою смелость и изобретательность.

Спасло его чувство реальности. После того, как его схватят, то убедятся, что он не утаил какого-либо оружия или прибора. И привезут его связанным и беспомощным.

Но у Господа уже стало доброй традицией оставлять какой-то путь свободным для отступления с умным человеком. Всегда, какие бы эффектные и мощные ловушки ни устанавливали Господы в своих дворцах, они оставляли без охраны, по крайней мере, один маршрут, и если вторгшийся окажется достаточно восприимчивым и дерзким, то он спасется. Таково было правило смертельной игры, в которую Господы играли тысячу лет. Фактически именно это правило и заставило Рыжего Орка оставить врата в пещере без охраны и ловушки.

Из-за того, что больше ничего нельзя было предпринять, Кикаха зашел в телефонную будку на бензоколонке, потом набрал номер Кэмбринга. Трубку подняли так быстро, что Кикахе на секунду показалось, что Кэмбринг жив и ждал его звонка. Ответила, однако, жена Кэмбринга.

— Говорит Пол Финнеган, — произнес Кикаха.

Возникла пауза, а затем Кикаха услышал:

— Ты убийца! — завизжала она.

Он подождал, пока она не накричится и перестанет проклинать его. Ее вопли перешли в рыдания. Дыхание у нее стало прерывистым.

— Я не убивал вашего мужа, — произнес Кикаха. — Хотя, если бы убил, был бы оправдан, как вам хорошо известно. Его убил большой босс.

— Вы лжете.

— Скажите своему большому боссу, что я хочу с ним поговорить. Я буду ждать. Я знаю, что вы можете воспользоваться несколькими телефонами.

— С какой стати мне это делать? — огрызнулась она. — Я ничего не стану для вас предпринимать!

— Ставлю вопрос так. Если он заполучит меня в свои руки, то позаботится о том, чтобы вы могли удовлетворить свою жажду мщения. Но если я не вступлю с ним в контакт прямо сейчас, то сматываюсь в Великое Неведомое. И он никогда не найдет меня.

— Ладно, — шмыгнула она носом и пропала.

Примерно через минуту она вернулась и объявила:

— У меня здесь есть громкоговоритель, ящик, как вы там его называете. Так или иначе, вы можете говорить с ним через него.

Кикаха сомневался, что человек, с которым он должен был беседовать, и есть "большой босс". Хотя миссис Кэмбринг доказала, что обладает теперь сведениями, которых у нее не было, когда Кикаха допрашивал ее. Не может ли это происходить от того, что Господь рассчитывал на его звонок?

Он ощутил холодок, прогулявшийся по затылку. Если Рыжий Орк так хорошо предвидит его действия, то он уловит и следующий шаг Кикахи.

Он пожал плечами. Существовал лишь один способ выяснить, так ли умен Рыжий Орк.

Голос оказался глухим и резонирующим. Его говор походил на местный. Беседующий не представился. Тон его указывал, что он в этом не нуждается, что один лишь его голос должен был убедить каждого, кто его услышит, в истинности его личности. И в его могуществе.

Кикаха почувствовал, что это истинный Рыжий Орк, и чем дольше слушал, тем больше узнавал определенные характерные интонации, напоминающие ему голос Ананы. Сходство было явным, что не было удивительно, ведь в семье Уризена были очень приняты внутрисемейные браки.

— Финнеган! Я захватил твоих друзей, Вольфа и Хрисенду, и твою любовницу, мою племянницу Анану. Они здоровы. С ними ничего не случилось, ничего, что им повредило бы. Пока! Я добился от них правды с помощью наркотика. Они рассказали мне все, что знают.

"Тогда хорошо, — подумал Кикаха, — что Анана не знает, где на самом деле находится Рог Шамборимена".

Возникла пауза, и Кикаха проговорил:

— Я слушаю.

— Мне следовало убить их, уделив сперва, конечно, подобающее внимание. Но они и в самом деле не представляют для меня

никакой угрозы. Они попались столь же легко, как и новорожденные кролики.

Господу всегда требовалось немного побахвалиться. Кикаха ничего не сказал, зная, что Господь перейдет к сути, только когда несколько утомится, но Рыжий Орк удивил его.

— Я мог бы подождать, пока не поймают тебя, и ждать мне пришлось бы недолго. Но именно сейчас важно время и потому я готов пойти на обмен.

Он вновь сделал паузу. Кикаха сказал:

— Я весь внимание.

— Я отпущу пленников и позволю им вернуться в мир Джадавина. И ты сможешь отправиться с ними. Но при нескольких условиях. Во-первых, ты вернешь Рог Шамборимена.

Этого Кикаха ожидал. Рог был не только единственным во всех вселенных, но и являлся самым желанным предметом для всех Господов. Его изготовил легендарный предок всех живущих Господов, хотя он долго принадлежал его столь же легендарному сыну, поскольку его иногда именовали Рогом Ильмарволкина. Он был очень полезен возле врат. Рог можно было применить и в одиночку. Все другие врата должны были существовать парами. Одни нужно было иметь в покидаемой вселенной, другие во вселенной, куда вступаешь. Большинство их врат были фиксированными, хотя врата типа полумесяцев мобильны. Но если ты владеешь Рогом, то требовалось лишь протрубить в него в надлежащей последовательности и мгновенно открывался путь между вселенными. То есть так произошло бы, если бы рогом воспользовались неподалеку от "резонирующей" точки в "стенах" между двумя мирами.

Резонирующая точка являлась тропой между вселенными. Поэтому если Господь пользовался Рогом, то оказывался в любой вселенной, какая попадалась по другую сторону врат, нравилось это Господу или нет.

Кикаха знал о четырех местах, где он мог бы протрубить в рог и наверняка открыть для себя путь в Многоярусный Мир. Одно находилось в пещере неподалеку от озера Эрроухэд, другое — в Кентукки, но чтобы добраться туда, ему потребовалась бы помощь проводника. Проводником должен быть Вольф. Третье, вероятно, находилось в его квартире в Блумингтоне, штат Индиана. А четвертое место располагалось в гардеробе, в подвале дома в Тампе, штат Аризона. Вольф тоже знал о нем, и он рассказал Кикахе, как попасть туда, и Кикаха помнил это.

Голос Рыжего Орка сделался нетерпеливым:

— Брось, брось! Не играй со мной в игры, земляшка! Говори, да или нет, но поскорее!

— Да! Пока что-то есть. Все зависит от твоих условий.

— У меня осталось только одно. — Рыжий Орк несколько откашлялся, а потом буркнул: — Ты и другие поможете мне поймать Колокольника!

Кикаха был потрясен, но сумел скрыть свое удивление и спокойно произнес:

— Согласен. Именно на нечто в этом роде я и рассчитывал все время, но не представлял, как можно с тобой общаться.

Значит, Колокольник был либо пойман людьми Орка, а потом сбежал, либо же его захватил кто-то другой. И этот другой мог быть только еще одним Господом.

Или, вероятно, это был другой Колокольник.

При этой мысли Кикаха похолодел.

— Что мы будем теперь делать? — осведомился он.

Голос Орка стал жестким и сдержанно торжествующим:

— Ты явишься как можно быстрее к дому миссис Кэмбринг; и мои люди препроводят тебя сюда. Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до дома Кэмбринга?

— Примерно полчаса, — ответил Кикаха. Если бы он смог сразу схватить такси, то сумел бы оказаться там минут через десять, но ему хотелось оставить себе немного времени, чтобы подумать.

— Отлично! — произнес Господь. — Ты должен сдать все оружие, мои люди тщательно тебя обыщут. Понятно?

— О, разумеется!

Разговаривая, Кикаха становился все бдительнее. Он посмотрел через стекло будки, выискивая, нет ли чего подозрительного, но не заметил ничего, кроме проезжавших мимо автомобилей. Вот какой-то автомобиль остановился около тротуара. Это был большой темный "кадиллак", в нем находился один человек. Он посидел минуту, посмотрел на часы, а потом открыл дверцу и вышел из машины. Не спеша, он направился к будке, снова взглянув на часы. Это был весьма хорошо сложенный юноша, ростом примерно в шесть футов и три дюйма, одетый модно и дорого. Длинные желтые волосы его блестели на солнце, словно облитые золотом. Лицо у него было красивое, но довольно грубое.

Юноша остановился недалеко от будки и достал портсигар. Кикаха продолжал слушать голос по телефону. Тот передавал ему инструкции, но Кикаха не спускал глаз с приехавшего человека. Этот парень глядел на мир надменными глазами из-под полуприкрытых век. Он, очевидно, нервничал из-за того, что будка занята. Юноша снова посмотрел на часы, потом закурил сигарету.

Кикаха произнес кодовое слово, подготовившее кольцо к активным действиям. Если этот парень охотится за ним, то Кикахе придется прорезать стекло.

Голос в трубке все продолжал говорить. Казалось, он диктует условия капитуляции великой державе, а не одному-единственному человеку. Кикаха должен был приблизиться к фасаду дома Кэмбринга и пройти только половину центральной дорожки, а потом стоять, пока из дому не выйдут три человека, а трое, находившиеся в припаркованном на другой стороне улице автомобиле, одновременно приблизятся к Кикахе сзади. А потом...

Человек около будки состроил недовольную гримасу, когда снова посмотрел на часы, и отвернулся, собираясь уйти. Очевидно, ему надоело дожидаться, когда будка освободится.

Но он сделал всего три шага и резко обернулся. В руках у него был крупный пистолет.

Кикаха выронил трубку и пригнулся, произнося одновременно кодовое слово, активизирующее кольцо.

Пистолет рявкнул, стекло будки разлетелось, и Кикаху обволокло облаком белого тумана. Это было настолько неожиданно, что он охнул, сразу же поняв, что ему следует задержать дыхание. Так он и поступил. Кикаха выскочил из будки, разрезая дверь кольцом. Дверь выпала наружу, но Кикаха так и не услышал, как она ударилась о землю.

Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что кругом темно. Запах бензина и теснота подсказали ему, что он находится в багажнике автомобиля. Руки его были связаны за спиной, ноги — в лодыжках, а рот заклеен липкой лентой.

От жары он вспотел, но воздуха в багажнике хватало. Машина въехала на небольшой холм и остановилась. Двигатель заглох, взвизгнули дверцы, машина приподнялась на рессорах, когда пассажиры вышли из нее, а затем откинулась крышка багажника. Четверо, одним из которых был светловолосый юноша, выстреливший в Кикаху из газового пистолета, разглядывали его.

Они вытащили его из багажника и вынесли из гаража, дверь которого закрыли. Выход из гаража вел прямо в коридор дома, и Кикаха вскоре оказался в большой комнате с роскошной мебелью и ковром, закрывавшим пол. Следующий коридор привел их в комнату с очень высоким потолком, громадной хрустальной люстрой, черно-белым паркетным полом, тяжелой мебелью и картинами на стенах, напоминавшими старых мастеров.

Здесь Кикаху опустили в большое кресло с высокой спинкой и развязали ноги. Затем один из принесших его людей велел ему двигаться за ним. Человек, находящийся позади Кикахи, поощрил его к этому, ткнув в спину чем-то твердым. Кикаха пошел

за людьми через дверной проем, расположенный под большой лестницей. Марш из двенадцати ступенек привел их в скудно меблированную комнату. В одном ее конце находилась большая массивная железная дверь, которая вела, насколько он понимал, в тюремную камеру. Так оно и оказалось, хотя это была довольно комфортабельная тюрьма. Руки его развязали, рот расклеили.

Кольцо-лучемет сняли, а из кармана рубахи вытащили ручку-лучемет. Пока один из них следил за Кикахой, остальные раздели его донага, срезая рубашку и белье... Затем они обследовали его тело в поисках оружия, но ничего не нашли.

Он не оказывал никакого сопротивления. Это было бесполезно.

Рослый парень и еще один держали его под прицелом пистолетов. После проверки один из них замкнул кандалы на лодыжках Кикахи. Они соединились цепью, прикрепленной одним концом к кольцу в стене. Цепь оказалась очень тонкой и весила немного. Она была достаточно длинна, чтобы позволить Кикахе передвигаться по камере в любом направлении.

Увидев, что Кикаха разглядывает цепь, рослый мужчина улыбнулся и объяснил:

— Она прозрачнее, чем паутинка, друг мой, и крепка, как цепь, державшая Фенрира.

— Я Локи, а не Фенрир, — нехорошо усмехнулся Кикаха. Он знал, что рослый охранник предполагал, что он не поймет упоминание об огромном волке из скандинавской мифологии и что ему следует притворяться невежественным. Чем меньше уважения к тебе испытывает тюремщик, тем больше у тебя шансов сбежать. Но удержаться от ответа Кикаха не смог.

Рослый поднял брови и спросил:

— Ах, так! Ты знаешь, что случилось с Локи?

— Я тоже Локи, — ответил Кикаха, но теперь он решил, что разговор зашел слишком далеко. Кикаха замолк, ожидая, когда хоть что-то прояснится.

Теперь охранник выглядел совсем не так молодо. Казалось, что ему уже за тридцать. Голос у него был тяжелым и очень властным. Глаза его были прекрасными: большие, лиственно-зеленые с густыми ресницами. Лицо показалось Кикахе знакомым, хотя он был уверен, что никогда прежде не видел его.

Рослый подал знак, и все остальные покинули помещение. Он закрыл дверь за ними, потом присел на край стола. Стол, как и прочие предметы мебели, был привинчен к полу. Некоторое время человек сидел, покачивая ногой и держа на коленях пистолет, который выглядел как обычное оружие. Он не был похож ни на газовый пистолет, ни на замаскированный лучемет. Кикаха никак не мог определить, что это такое. Он уселся в

кресло и ждал. Правда, это позволило рослому смотреть на него сверху вниз, но Кикаха не ощущал при этом психологического унижения.

Несколько минут рослый неотрывно глядел на Кикаху. Тот отвечал ему таким же взглядом, потихоньку насвистывая.

— Какое-то время я за тобой следил, — произнес вдруг рослый. — Я все еще не знаю, кто ты такой. Позволь мне представиться. Я — Рыжий Орк.

Кикаха застыл в кресле и моргнул.

Рослый поинтересовался:

— А за кого ты меня принимал?

— За Господа, который застрял в этой вселенной и ищет выхода из нее, — ответил Кикаха. — Значит, есть два Рыжих Орка.

Рослый несколько растерялся.

— Нет, есть только один! А тот другой самозванец! Лишь на мгновение я проявил беззаботность! Но я скрылся, сохранив жизнь, и я убью его и верну все!

— А кто тот, другой? Я подумал... но, впрочем, он никогда не называл себя... он просто позволил мне думать...

— Что он — Рыжий Орк? Так я и думал! Но его зовут Уртона. Он был некоторое время Господом Меняющегося Мира. А потом эта дрянь — демонесса Вала, моя племянница, — выгнала Уртона из его мира, и он бежал сюда, в мой мир. Я не знал, кто это, хотя получил сведения, что какой-то Господь прошел через врата в Европе. Я поохотился за ним, не нашел, а потом забыл о нем. Это произошло тысячу лет назад. Я счел, что он выбрался через какие-то неизвестные мне врата или же убит.

Но он затаился и все это время искал меня. И наконец, всего десять лет назад, он нашел меня, изучил мою крепость, мою защиту, проследил распорядок дня, а потом нанес удар!

Я был беззаботен, но сумел спастись, хотя все мои телохранители погибли. И он взял командование вселенной на себя. Для него это оказалось просто, потому что он находился в центре власти, а там не было никого, кто бы мог помешать ему. Да и как там мог появиться кто-то, способный сказать ему нет? Я слишком хорошо спрятался. Всякий в центре власти мог отдавать приказы, дергать за ниточки, и ему повиновались, поскольку даже земляшки, стоявшие к нему ближе всего, не знали ни его настоящего имени, ни его настоящего лица.

И я не мог пойти к исполнявшим приказы людям и сказать: "Вот я, ваш истинный Господь! Повинуйтесь мне и убейте дурака, отдававшего вам приказы!" Меня сразу же пристрелили бы, потому что Уртона описал меня слугам, и они посчитали бы, что я враг их господина.

Поэтому я ушел в подполье, точно так же, как там находился Уртона до этого. Но когда я нанесу удар, я не промахнусь! Я снова окажусь в центре власти!

Наступило молчание. Орк, казалось, ожидал от Кикахи каких-то комментариев. Наверное, он надеялся на похвалу, или чувство трепета, или ужаса.

— Теперь, когда у него в руках то, что ты называешь центром власти, он — Господь обеих Земель? — поинтересовался Кикаха. — Или только этой?

Казалось, этот вопрос застал Орка врасплох. Он уставился на Кикаху, лицо его побагровело.

— А тебе что до этого? — спросил он наконец.

— Просто я подумал, что ты смог бы удовольствоваться положением Господа другой Земли. Почему бы не предоставить Уртону возможность править этим миром? На мой взгляд, судя по увиденному, конечно, за тот короткий срок, что я здесь пробыл, этот мир обречен. Люди загрязняют воздух и воду и в любое время могут истребить всю жизнь на Земле атомной войной. Ты явно ничего не делаешь, чтобы предотвратить все это. Так почему бы не предоставить Уртону владеть этим миром, покуда ты сохраняешь для себя другой. — Кикаха помолчал, а потом спросил: — Или Земля номер два в таком же плохом состоянии, как и эта?

Лицо Рыжего Орка приобрело нормальный цвет. Он улыбнулся и ответил:

— Нет, на другой положение получше. Она куда более желанна, хотя начало у нее было точно такое же. Но твое предложение доказывает, что ты мало о нас знаешь, леблабий.

— Я знаю достаточно, — возразил Кикаха, — но даже Господы меняются к лучшему, и я надеялся...

— Я не стану вмешиваться в развития событий здесь. Конечно, я буду защищаться, — заявил Орк, — и если эта планета задохнется от созданной самим человеком загрязненности или если она взорвется в тысячах вспышек от ядерных ударов, это произойдет безо всякой помощи или помех с моей стороны. Я ученый и не стану оказывать влияние на направления естественного развития тем или иным способом. На обоих планетах. Все, что я делаю, находится на микромасштабном уровне и не потревожит микромасштабных дел. Это, кстати, является еще одной причиной, почему я должен убивать всякого, кто вторгается в мои вселенные. Они могут попробовать вмешиваться в мои великие эксперименты.

— Только не я! — возразил Кикаха. — И не Вольф, ни Хрисенда, ни Анана! Мы мечтаем вернуться в свои собственные

миры. Конечно, после того, как будет уничтожен Колокольник. Он — единственная причина, по которой мы оказались здесь. Ты должен в это поверить!

— Не смеши меня! Чтобы я тебе поверил?!

Кикаха пожал плечами:

— Это правда, но я не жду, что ты в нее поверишь. Вы, Господы, слишком склонны к паранойе, чтобы ясно представлять окружающее.

— Тебя будут держать здесь, пока я не захвачу в плен остальных и не разобью Уртона. Тогда я решу, что с тобой делать.

Под этим Рыжий Орк подразумевал самые изощренные пытки. На мгновенье Кикаха задумался, не поставить ли Рыжего Орка в известность о Роге Шамборимена. Наверное, он смог бы тогда поторговаться. Затем Кикаха решил, что не стоит. Если Орк узнает, что Рог здесь, он просто-напросто извлечет из своего пленника сведения о его местонахождении при помощи пыток или наркотиков.

— Ты еще не убил Колокольника? — спросил Кикаха.

— Нет, — улыбнулся Орк.

Он казался очень довольным собой.

— Если возникнет необходимость, я стану угрожать Уртону именно Колокольником. Я скажу ему, что, если он не уберется, я выпущу на свободу Колокольника. Это, как ты понимаешь, самое ужасное, что может сделать Господь.

— И ты это осуществил бы? После того, что ты говорил об уничтожении всякого, кто может вмешаться в естественное развитие?

— Если бы я знал, что скоро умру, что моя смерть неизбежна, да, сделал бы! Почему бы и нет? Какое мне дело до того, что случится с этим миром, если я умру? Туда им и дорога!

Было еще много вопросов, на которые Кикахе хотелось бы получить ответы, но он не мог проявлять инициативу. Внезапно Орк вышел через другую дверь. Кикаха натянул цепь, пытаясь заглянуть за нее, но дверь закрылась и он не смог ничего рассмотреть.

Оптимизма у Кикахи поубавилось. Он всегда хвастался, что может освободиться из любой тюрьмы, но это была, конечно, лишь похвальба. Пока что он сумел бежать изо всех мест, куда его заточали, но он понимал, что в один прекрасный день окажется в помещении, из которого выхода не окажется. Вероятно, это было именно такое место. За Кикахой наблюдали телекамеры, он был прикован к цепи, которую голыми руками не разорвешь, кроме того, цепь могла служить проводником чего-то, что способно парализовать Кикаху или наказать, если он будет вести себя неподобающим образом.

Это не помешало ему попытаться порвать цепь, перекрутить ее. Ведь он не мог позволить себе принять что-то на веру. Цепь осталась невредимой, и он предположил, что его действия весьма позабавили тех, кто за ним наблюдал.

Кикаха прекратил эти игры. Некоторое время он размышлял о своем бедственном положении. Никаких неудобств из-за того, что он был голым, он не испытывал. Воздух в помещении был всего на несколько градусов меньше температуры его тела, а сквозняка практически не ощущалось. Через некоторое время Кикаха уснул, не придумав никакого разумного плана.

Когда он проснулся, в комнате все осталось, как и прежде. Свет, который лился из неведомого источника, не позволял точно определить время. Температура воздуха тоже не изменилась. Когда Кикаха сел, то обнаружил поднос с чашками, тарелками и столовыми приборами на тонконогом деревянном столике около дивана. Кикаха обязательно бы заметил вошедшего с подносом, даже если бы и спал; значит, у столика есть открывающиеся крышки и поднос появился именно таким способом.

Кикаха с жадностью поел. Столовые приборы были сделаны из дерева, а тарелки и чашки — из олова. На них были изображены стилизованные спруты, дельфины и омары. Покончив с едой, он с час походил по камере насколько позволяла цепь. Кикаха попробовал думать, что он смог бы сделать с вратами, если бы эти врата и впрямь существовали в деревянной поверхности стола. В конце своей прогулки, повернувшись лицом к столу, он заметил,что поднос исчез. Подозрения его оказались верными — в поверхности стола имелись врата.

В камере раздался какой-то звук — по крайней мере, так показалось Кикахе. Но на самом деле было тихо. Господы старых времен разрешили проблему шумов, вызываемых внезапным исчезновением предметов. Воздух не вырывался в созданный вакуум, так как устройство врат включало в себя обмен воздуха между вратами.

Примерно через час Орк вошел в ту же дверь, через которую вышел. Его сопровождали два человека, один из которых держал шприц. Оба носили юбки-кильты. У одного кильт был в черно-красную полоску, у другого — белый со стилизованными осьминогами с большими голубыми глазами. Кроме кильтов, кожаных сандалий, бус и металлических медальонов, они ничего не носили. Отличались они темной кожей, а их лица напомнили Кикахе индейцев. Прямые черные волосы были заплетены у них в две косички. Одна косичка спадала на спину, другая сворачивалась спиралью на правой стороне головы.

Орк заговорил с ними на языке, неизвестном Кикахе, хотя он и показался ему смутно похожим на еврейский либо на арабский, но только звуками. Кикаха слишком мало был знаком с этими языками, чтобы суметь определить их.

Пока один из вошедших стоял в стороне, прицеливаясь в Кикаху из арбалета, другой подошел к нему. Орк решительно и твердо сказал Кикахе, что если тот откажется делать инъекцию и будет сопротивляться, то ему всадят шприц из арбалета, и это будет намного больнее. Кикахе оставалось лишь подчиниться, поскольку ничего другого он сделать не мог.

После инъекции он ничего не ощущал, но на все вопросы Орка отвечал без малейшего колебания. Помрачения или оглушенности он не чувствовал. Кикаха мыслил так же ясно, как и обычно. Он просто не мог сопротивляться Орку и выдал тому все сведения, которые его интересовали. Но именно это и удержало его от упоминания о Роге Шамборимена. Орк о нем не спрашивал, да у него и не было для такого вопроса никаких причин. Он же не знал, что Рог принадлежит Вольфу.

Однако вопросы Орка прояснили все, что было ценно для него. Он кое-что знал о жизни Кикахи на Земле до той ночи в Блумингтоне, когда Пол Янус Финнеган случайно катапультировался из этой вселенной в Многоярусный Мир. Он узнал о жизни Кикахи с той поры, как Финнеган стал Кикахой, а также Хорстом фон Хорстманном и дюжиной других личностей. Он получил сведения о Вольфе-Джадавине, о Хрисенде, Анане, о вторжении Черных Колокольников и о других относящихся к делу обстоятельствах. Он узнал многое о деятельности Кикахи и Ананы с того момента, как они прошли через врата в пещеру неподалеку от озера Эрроухэд.

— Если бы я позволил тебе, Анане и Вольфу с Хрисендой вернуться в ваш мир, — спросил Орк, — ты остался бы там и не попытался бы вернуться сюда?

— Конечно, — ответил Кикаха, — при условии, что я был бы абсолютно уверен, что Колокольник мертв.

— Хммм... Однако твой Многоярусный Мир кажется весьма завораживающим. Джадавин всегда отличался превосходным воображением. Думаю, что мне захотелось бы добавить его к своим владениям.

Именно этого и ожидал Кикаха.

Орк снова улыбнулся:

— Интересно, что бы ты сделал, если бы узнал, где я раньше жил и где теперь в центре власти сидит Уртона.

— Я отправился бы туда и убил бы тебя или Уртона. Спас бы Анану, Вольфа и Хрисенду, а потом стал бы искать Колокольни-

ка, пока не нашел бы и не уничтожил его. А потом вернулся бы в свой мир, точнее говоря, в мир Вольфа.

Орк принял задумчивый вид и некоторое время расхаживал взад-вперед. Вдруг остановился и посмотрел на Кикаху. Он улыбнулся так, словно его осенила блестящая мысль.

— Ты заставил меня подумать, что ты очень хитрый и изобретательный, — заметил он. — Ты настолько хитер, что я мог бы решить, что ты Господь, а не всего лишь земляшка-леблабий.

— У Ананы возникла безумная мысль, что я могу быть сыном Господа. Она считает, что я могу быть твоим сыном.

— Что? — переспросил Орк и внимательно посмотрел на Кикаху, а потом начал смеяться. Когда приступ смеха прекратился, он вытер глаза и проговорил: — Ну и приятное же ощущение! Давно уж я так не смеялся... Сколько? Неважно. Так ты в самом деле думаешь, что ты можешь быть моим ребенком?

— Не я, — поправил его Кикаха. — Анана. Она любит порассуждать об этом, так как ищет оправдание за то, что она влюблена в леблабия. Если бы я оказался Господом хоть на половину, то это стало бы для нее очень приятным известием. Но, безусловно, эта мысль — попытка выдать желаемое за действительное.

— У меня нет никаких детей, потому что я хочу как можно меньше вмешиваться здесь в естественное развитие, хотя один-второй ребенок не смогут ничего изменить. Но ты, я полагаю, можешь быть дитем другого Господа. И ты сбил меня с темы, ты весьма хитер. Наверное, я смогу тебя использовать.

Рыжий Орк снова умолк и опять стал расхаживать взад-вперед, опустив голову и сцепив руки за спиной. Затем он остановился, посмотрел на Кикаху и улыбнулся.

— Почему бы и нет? Посмотрим, насколько ты хорош. Проиграть я не могу, что бы там ни случилось, а выиграть попробую.

Кикаха догадался, что мог предложить ему Орк. Он собирался сообщить ему адрес Уртона, доставить его туда, обеспечить его кое-каким оружием и позволить ему атаковать Уртона, как Кикаха сам пожелает. Если Кикаха и потерпит неудачу, то все-таки отвлечет Уртона, так что Орк сможет использовать это обстоятельство в собственных интересах.

В любом случае будет забавно посмотреть, как леблабий попытается вторгнуться в средоточие власти Господа.

— А если у меня не получится?

— Это крайне неприятно, поскольку я пока не добился никакого успеха. Хотя, конечно, по-настоящему этим еще не занимался. Но если ты преуспеешь, а меня подобная вероятность не беспокоит, то я разрешу тебе, твоей любовнице и твоим

друзьям вернуться в ваш мир. При условии, конечно, что все остальные тоже поклянутся, находясь под действием надлежащих наркотиков, что у них нет никаких намерений посягнуть на любую из Земель.

Кикаха не поверил ни единому слову Орка, но не видел никакой выгоды сообщать об этом ему. Коль скоро он сможет выбраться из этой камеры и обрести некоторую свободу действий — хоть и под пристальным наблюдением Орка, — у него появятся кое-какие шансы против Господов.

Орк что-то сказал на неизвестном Кикахе языке в прикрепленное к его руке устройство, и через мгновение появился еще один человек. Его кильт был красным, на нем была изображена черная стилизованная птица с серебряной рыбой в когтях. Он принес кое-какие бумаги и подал их Орку. Поклонился и исчез.

Орк сел рядом с Кикахой.

Бумаги оказались картами центрального района Лос-Анджелеса и Беверли Хилл.

— Вот дом, где я жил прежде и где теперь живет Уртона, — сказал Орк. — Дом, который ты искал и где сейчас, без сомнения, держат Анану и всех остальных. Или, по крайней мере, туда их доставили, когда захватили.

Описанные Орком защитные системы в доме заставили Кикаху ощутить себя достаточно уязвимым. Кроме того, Уртона, наверное, внес изменения в расположение защитных систем. Но хотя конфигурация ловушек могла стать иной, в основном их конструкция должна остаться прежней.

— Почему же ты не попробовал напасть раньше?

— Пытался, — ответил Орк, — несколько раз. Мои люди проникали в дом, но я их больше никогда не видел. Последняя попытка была сделана три года назад. Если у тебя ничего не получится, — продолжал Орк, — то я пригрожу Уртону Колокольником. Однако я сомневаюсь, что от этого будет толк, поскольку он сочтет немыслимым, что Господь может совершить такое.

Тон Рыжего Орка свидетельствовал, что он не верит, что нанадение Кикахи увенчается успехом.

Он хотел выяснить планы Кикахи, но тот смог лишь сказать ему, что таковых у него нет. Кикаха хотел только, чтобы Орк применил свои приборы для искажения показаний защитных устройств.

Орк возражал и не хотел одалживать Кикахе антигравитационный пояс. Что, если он попадет в руки земляшек?

— Шансов на это немного, — отверг его довод Кикаха. — Коль скоро я окажусь на территории Уртона, я либо преуспею, либо потерплю поражение. В любом случае пояс не попадет в

руки постороннего. А если даже и попадет, то тот, кто станет Господом, будет обладать достаточным влиянием, чтобы позаботиться об изъятии его из рук кого бы то ни было. Я уверен, что, если бы даже он попал в руки ФБР, Господь двух Земель сумел бы найти способ отнять его у него. Верно?

— Верно, — согласился Орк. — Но не замышляешь ли ты убежать с поясом?

— Нет. Я не остановлюсь до тех пор, пока не погибну или не стану совершенно небоеспособным, чтобы драться, или не одержу победу.

Орк этим удовлетворился, и Кикаха понял, что наркотик правды еще действовал. Орк встал и объявил:

— Все для тебя приготовлю я. Это займет некоторое время, так что ты можешь отдохнуть или делать то, что тебе кажется наилучшим. Мы приступим сегодня в полночь.

Кикаха поинтересовался, нельзя ли снять с него цепь и кандалы?

— Почему бы и нет? — ответил Орк. — Ты все равно не сможешь отсюда выбраться. Это все было лишь предосторожностью.

Один из людей Орка прикоснулся к кандалам вокруг щиколоток Кикахи тонким цилиндром. Кандалы разомкнулись и спали. Потом Орк вышел следом за своими слугами, дверь закрылась, и Кикаха остался один.

Время он провел в размышлениях, занимаясь кое-какими упражнениями, потом пообедал и поужинал. Затем он побрился, помылся, снова размялся упражнениями и лег спать. Скоро ему понадобится его сила, скорость реакции и проворство, так что бессмысленно растрачивать силы на беспокойство и бессонницу.

Он не знал, сколько проспал. В камере по-прежнему горел свет, и все казалось таким же, как и тогда, когда он лег. На столе все еще находился поднос с пустыми тарелками и чашками. И вот здесь что-то не стыковалось — ему, подносу, полагалось быть убранным через врата.

Звуки, разбудившие Кикаху, воспринимались, как слабые постукивания. Когда он спал, ему снилось, или он думал, что ему снится, будто дятел долбит ствол дерева.

Теперь же вокруг стало тихо.

Кикаха поднялся и подошел к двери, которой пользовались *Орк и его слуги. Она оказалась стальной. Кикаха приложил ухо* к двери и прислушался. И ничего не услышал. А потом резко отпрыгнул назад, выругавшись. Металл внезапно стал горячим.

Пол задрожал так, будто началось землетрясение. Металлическая дверь издала серию звуков, и он понял, откуда появился сон о дятле. Что-то било по двери с той стороны.

Кикаха отступил от двери, когда центр ее стал вишневым и начал плавиться, красный свет постепенно распространился по всей двери, потом все стало белым, и, наконец, центр двери исчез, появилась дыра, размером с тарелку. К этому моменту Кикаха уже пригнулся за диваном и выглядывал из-за его спинки. Очевидно, кто-то пытался найти замок, его там не было, так что рука убралась, а через мгновение край двери снова стал вишнево-красным. Кикаха подозревал, что кто-то использует лучемет, и гадал, из какого металла сделана дверь. Будь он даже самой твердой сталью, ему полагалось бы испариться в облачке дыма при первом же прикосновении луча.

Дверь с лязгом упала внутрь. В комнату впрыгнул человек, державший большой цилиндр с колоколообразным дулом и прикладом как у винтовки. Это был один из слуг Рыжего Орка. Но на спине его был предмет, похожий на черный колокол.

Кикаха охватил все это одним взглядом и мгновенно убрал голову. Он скрючился за диваном, надеясь, что ворвавшийся не заметил его и не станет в порядке предосторожности проводить лучом по дивану, чтобы убедиться, что там никого нет. Он знал, кем был теперь этот человек. Это — Черный Колокольник, Табууз. Разум Колокольника вселился в разум слуги Господа, а разум слуги подвергся разрядке.

Каким-то образом Колокольник сумел заполучить свой колокол и переправить свой разум из раненого тела дракландца в тело слуги Господа. Ему удалось завладеть мощным лучеметом, и теперь он находился на пути к тому, чтобы вырваться из твердыни Рыжего Орка.

Помещение заполнял запах горелого мяса, должно быть, от тел в соседнем помещении.

Кикахе безумно хотелось выяснить, что делает Колокольник, но он не посмел снова выглянуть из-за дивана. Он слышал дыхание Колокольника, а потом вдруг стало тихо. Выждав секунд шестьдесят и ничего не услышав, Кикаха выглянул. Комната оказалась пустой. Через секунду он в этом уверился. Вторая дверь, та, через которую входил Орк, Кикаха и люди Орка, была широко распахнута. Замок был прожжен насквозь.

Кикаха осторожно выглянул из-за двери. Там валялись части человеческих тел: руки, туловище, голова, все сильно обгоревшее. Сначала тут, вероятно, было четверо или пятеро человек. Определить, кто из них был Рыжим Орком, было невозможно, поскольку и волосы и одежда — все сгорело.

Где-то тихо звенела сигнализация.

Кикаха разрывался между желанием идти дальше по следу Колокольника, чтобы не потерять его, и попыткой выяснить, жив ли еще Рыжий Орк. Кроме того, ему ужасно хотелось

подтвердить свои подозрения насчет того, что он находится на известной ему Земле. Он подозревал, что дверь, через которую его провели, служит вратами между двумя мирами и что этот дом находится на Земле номер два.

Кикаха вышел в коридор. На полу валялось несколько ножей. Но они оказались слишком горячими, чтобы их можно было подобрать. Он прошел по коридору и вошел в очень большое помещение куполообразной формы. Стены его были покрыты фресками, которые изображали жизнь моря. В помещении стояла легкая мебель, сделанная из дерева, неизвестного Кикахе. На полу была каменная мозаика также из жизни моря и его обитателей.

Он пересек помещение и выглянул в окно. Луна давала достаточно света, чтобы разглядеть широкое крыльцо с выкрашенными в белый цвет высокими деревянными столбами, а за ним — каменистый берег, через сотню ярдов спускавшийся к морю. Вокруг никого не было видно.

Кикаха порыскал по дому быстро и осторожно. Он нашел ручной лучемет, сделанный так, что он не отличался от обыкновенного пистолета. На рукоятке были значки, которые не являлись языком Господа или каким-либо из известных Кикахе языков. Кикаха опробовал лучемет на стуле, который распался на две части. Для перезарядки пистолета Кикаха не мог найти никаких батарей, так что узнать, насколько большой заряд остался в пистолете, он не мог.

Он обнаружил также шкафы с одеждой. Большинство ее составляли кильты, сандалии, бусы и куртки с пышными рукавами. Но в одном шкафу он нашел одежду земного типа, Земли номер один. Кикаха надел слишком большие для него рубашку и брюки. Поскольку носить большие ботинки он не мог, ему пришлось удовольствоваться сандалиями.

Наконец в большой спальне он определил, как удалось сбежать Рыжему Орку. В центре спальни на полу лежал полумесяц. Господь шагнул в круг, образованный двумя полумесяцами, и его перекинуло куда-то в другое место. Было очевидно, что он сделал это, чтобы спастись. Дверь и стены покрывали тонкие отверстия, которые обуглились. Вполне вероятно, что Орк был застигнут без личного оружия, и он не пожелал сталкиваться с большим лучеметом. Рыжий Орк ушел через врата, но куда? Он мог вернуться на Землю номер один, но не обязательно в тот же дом. Или же мог отправиться в другое место на Земле номер два. А может, в другую комнату в этом же доме.

Кикаха должен выбраться из этого дома и отправиться за Колокольником. Кикаха побежал вниз по лестнице, промчался через большую комнату, по коридору и оказался в помещении,

где его держали. Дверь, через которую ушел Колокольник, все еще была открыта. Кикаха постоял перед ней в нерешительности, потому что Колокольник мог выжидать, не последует ли кто-нибудь за ним. Затем ему, вероятно, пришло в голову, что Колокольник должен полагать, что все в доме либо сбежали от него, либо погибли, так что следовать за ним было некому. Конечно, о Кикахе он ничего не знал, иначе постарался бы устранить его в первую очередь.

Кикаха вернулся в коридор. К этому времени один из ножей, что валялись в коридоре, уже остыл и выглядел неповрежденным. Кикаха взвесил нож в руке, определил, что он хорошо сбалансирован, и заткнул его за пояс. Кикаха выпрыгнул в дверь с пистолетом наготове. В коротком и узком коридоре было тихо. Дверь в его конце оказалась закрытой, и он мягко толкнул ее, открывая кончиком ножа. Когда дверь распахнулась, он немного подождал, прислушиваясь.

Прежде чем войти, он изучил комнату. Она изменилась. Стала больше, а серо-голубые обои превратились в серый камень. Кикаха ожидал, что подобное может случиться. Рыжий Орк изменил резонанс врат, так что, если бы пленник сбежал, он оказался бы в удивительном месте, скорее всего, неприятном и полном сюрпризов.

При других обстоятельствах Кикаха повернул бы обратно и отыскал выключатель, устанавливающий врата на желательную частоту. Но теперь его первым долгом было выручить друзей, попавших в руки Уртона. К чертям Колокольника! Лучше всего и в самом деле вернуться на Землю номер один и начать атаку против Уртона.

Он намеревался вернуться в помещение, где его держали, но остановился. Это помещение тоже изменилось, хотя Кикаха и не узнал бы об этом, если бы дверь с другой стороны не была удалена Колокольником. Эта же дверь выглядела теперь точно, как прежде, но была целехонькая и оставалась на месте. Только это удержало Кикаху от попытки шагнуть в нее и оказаться, таким образом, переправленным через врата в другое место, где он был бы отрезан от Колокольника и от пленников Уртона.

Кикаха стиснул зубы и зашипел от ярости и досады. Теперь ему ничего не оставалось, как воспользоваться вторым вариантом и прицепиться к Колокольнику, надеясь, что тот сумеет найти выход.

Кикаха вернулся и снова прошел за дверь за Колокольником, соблюдая все ту же осторожность.

Комната, куда он вошел, казалось, не таила опасности, но следующая, возможно, подскажет ему, где он находится. Однако комната оказалась точно такой же, как и та, из которой он

пришел, исключая то, что в ней стояли какие-то черные металлические ящики, примерно в шесть квадратных футов каждый, сваленные вдоль стен почти до потолка. На них не было никаких замков или устройств, закрывавших их.

Кикаха медленно открыл следующую дверь, поглядел внутрь, а потом впрыгнул в помещение. Он очутился в большой комнате, меблированной креслами, диванами, столами и украшенной скульптурами. На середине комнаты находился большой фонтан. Мебель выглядела так, словно ее изготовили Господы. Хотя Кикаха и не помнил названия этого стиля, он его узнал. Часть потолка и одна сторона правой стены комнаты были покрыты резьбой и совершенно прозрачны. Земля на некотором расстоянии оставалась невидимой, а потом вдруг появлялась в поле зрения. Поверхность там, снаружи, постепенно превращалась в склон небольшой горы.

Снаружи был день, но свет в комнате был бледным, а ведь уже полдень. Солнце показалось Кикахе меньше земного, а небо черным. Земля была каменистой с вкраплениями красноватого песка, а по склону и в долине росли в большом отдалении друг от друга несколько кактусовидных растений. Издали они выглядели маленькими, но через некоторое время Кикаха понял, что они, должно быть, огромны.

Кикаха внимательно изучил комнату и удостоверился, что дверь в следующую комнату закрыта. Затем снова выглянул в окно. Пустынно и жутко. Ничего не двигалось, и, вероятно, ничего не перемещалось здесь тысячи лет. Или так ему казалось? Горизонт здесь находился ближе, чем ему полагалось быть.

Кикаха не имел понятия, где он находится. Если его перенесло в другую вселенную, то он, вероятно, об этом никогда не узнает. Если же его перенесло на другую планету его родной вселенной, то, вероятнее всего, он на Марсе. Размер солнца, красноватый песок, расстояние до горизонта, достаточное количество воздуха и даже появление беловатого тела, приближающегося с западной стороны неба, — все это указывало на то, что Кикаха оказался на Марсе.

Значит, это здание простояло на Марсе пятнадцать тысяч лет, с самого сотворения этой вселенной.

Вдруг что-то перелетело через гору и спланировало на дно долины. Размах крыльев у этого нечто достигал ярдов так пятьдесят, и самое это нечто выглядело как гибрид коршуна, птеродактиля и воздушного шара. Кости на крыльях казались тонкими, словно оловянная фольга, хотя на таком расстоянии нельзя было быть в этом уверенным.

Кожа крыльев выглядела тоньше папиросной бумаги. Тело представляло собой большой мешок, будто бы наполненный

газом. Хвост имел весьма любопытную конфигурацию. Его нижние конечности с широкими многопалыми ступнями были исключительно тонкими, но многочисленными и, вероятно, служили для посадки.

Чудище спланировало весьма быстро и грациозно. Ему приходилось планировать под крутым углом. Должно быть, воздух был очень разряженный.

Существо отбросило огромную тень на один из гигантских кактусов, а потом опустилось, словно падающий небоскреб, на растение. В воздух поднялась красная пыль и осела быстрее, чем это произошло бы на Земле.

Туша чудовища полностью скрыла растение. Оно воткнуло свой рапирообразный нос между лапами и, надо полагать, в растение. Чудовище сидело столь же неподвижно, что и кактусы.

Кикаха следил за ним, пока ему не пришло в голову, что Колокольник, возможно, тоже следит за ним. Если это так, то Кикахе будет легче застать его врасплох. Кикаха прошел через следующую дверь так же, как и через предыдущую, и оказался в комнате, в десять раз большей, чем только что оставленная им. Ее заполняли большие металлические ящики и пульты со множеством индикаторов. И в этой комнате имелось окно с видом на долину.

Никакого Колокольника, однако, там не оказалось. Кикаха прошел дальше. Следующее помещение оказалось небольшим и было обставлено всем тем, что могло понадобиться человеку. Посреди комнаты на полу лежал скелет.

Не было видно, как и отчего умер этот человек. Скелет принадлежал рослому мужчине. Зубы у него были в превосходном состоянии. Скелет лежал на спине, раскинув костлявые руки.

Кикаха подумал, что это скелет какого-то Господа, либо вошедшего в эту крепость на Марсе через врата в какой-то другой вселенной, либо попавшего в ловушку где-то в другом месте и переправленный сюда Рыжим Орком. Это могло произойти и десять тысяч лет назад, и пятьдесят.

Кикаха поднял череп и понес его в левой руке. Ему могло понадобиться что-нибудь в качестве метательного орудия или как нечто отвлекающее. Кикаху позабавила мысль об использовании черепа бывшего Господа, давно умершего, в борьбе с Колокольником.

Следующая комната была выполнена в виде грота. В центре ее находился бассейн, шириной примерно ярдов в шестьдесят и длиной ярдов триста. Слева небольшой водопад низвергался с вершины гранатного конуса. Тут были несколько гранатных

конусов и небольших холмиков, росших тут и там странных на вид растений, крошечный ручеек, вытекающий из ключа под одним из кактусов, и огромные, похожие на водяные лилии, растения в бассейне.

Когда Кикаха медленно шел по мокрому вязкому краю бассейна, его поразило существо красноватого цвета, прыгнувшее с водяной лилии. Оно взмыло в воздух, вытянув лягушачьи лапы, а потом плюхнулось в воду. Через мгновение оно всплыло и повернулось к человеку. Морда у него была похожа на лягушачью, но глаза служили перископами, а пупырчатая кожа была такого же красного цвета, что и песок на поверхности за окном.

В глубине бассейна виднелось несколько рыбовидных тел. Это, видимо, были существа, чем питалась эта лягушка, было там и то, что питалось лягушкой. Экология этой крошечной комнаты была, вероятно, великолепно сбалансирована. Кикаха сомневался, что Рыжий Орк часто наведывался сюда, чтобы проверить это.

Кикаха стоял у края бассейна, когда заметил, что дверь в противоположном углу комнаты начала открываться. Времени бежать куда-либо у него не осталось из-за того, что ему пришлось бы преодолеть немалую дистанцию. Справа спрятаться было негде, а слева находился только бассейн. Задержавшись с выбором не больше секунды, Кикаха предпочел бассейн и соскользнул по вязкому краю в воду.

Она оказалась достаточно теплой, чтобы не повергнуть Кикаху в шоковое состояние, но он ощутил маслянистость воды. Он заткнул за пояс лучемет и, все еще держа в руке череп, погрузился в воду, оттолкнувшись от края бассейна ногами. Кикаха проплыл под водой как можно дальше от края бассейна. Когда он всплывал на поверхность, то постарался сделать это медленно. Вынырнув, он спрятал голову под листом лилии и надеялся, что Колокольник не заметит его. Все комнаты, которые он осмотрел, были ярко и с равной интенсивностью освещены. Но эта освещалась лишь лившимся из окна светом и благодаря этому в ней как бы спускались сумерки.

Одной рукой Кикаха вцепился в стебель растения и украдкой выглянул из-под приподнятого края листа. Он едва не вскрикнул от удивления. К счастью для него, он сумел удержаться, поскольку рот был под водой.

Вдоль края бассейна плыл черный колокол на высоте примерно семь футов над поверхностью воды.

Колокол медленно двигался, а потом остановился у двери. Через секунду вошел Колокольник и уверенно двинулся к колоколу.

Кикаха постепенно начал понимать, что произошло в доме Рыжего Орка.

Находясь в лаборатории Вольфа, Колокольник, должно быть, оснастил свой колокол антигравитационным устройством. И, вероятно, он добавил еще что-то для управления этим устройством при помощи мысли даже на расстоянии. Пока Колокольник находился на Земле, он не мог воспользоваться этим да и не имел для этого никаких причин, пока он не попал в плен к Рыжему Орку. Затем, когда Колокольник достаточно оправился от раны, он понял, что ему повезло, и мысленно вызвал свой колокол. Или, если точнее, вызвал у себя мозговые волны такой длины, какие мог уловить колокол. Управление, разумеется, было очень грубым и ограниченным в расстоянии, но оказалось достаточно действенным.

Каким-то образом колокол, действуя по команде, освободил Колокольника. А тот захватил одного из людей Орка, разрядил его мозг и перевел свой разум из поврежденного тела Табууза в мозг слуги.

Колокол мог уловить мысленный зов своего хозяина с помощью двух крошечных антенн-буров. Материал, из которого был сделан колокол, уничтожению не поддавался, он был непроницаем даже для радиации. Антенны должны были выдвигаться автоматически и "слушать" мозговые волны Колокольника. И колокол "услышал" их и откликнулся. Колокольник выбрался на свободу, обрел оружие и начал действовать. Он преуспел, возможно, даже убил Рыжего Орка, хотя Кикаха в этом не был уверен.

Потом его перекинуло через врата в здание на Марсе.

Кикаха следил за приближением Колокольника. Не будучи в состоянии больше держать череп и одновременно управлять лучеметом, он кинул череп. Тот бесшумно погрузился в глубину. А Кикаха, держась одной рукой за стебель, другой вытащил из-за пояса лучемет. Колокольник дошел до двери, остановился и подождал, пока колокол не проплывет мимо него.

Очевидно, колокол мог также засекать и другие живые существа. Но все же диапазон его, вероятно, оставался ограниченным, иначе он бы засек Кикаху, когда проплывал мимо него. Вероятно, вода и лист водяной лилии защитили Кикаху от антенн колокола.

Кикаха подтянулся повыше и поднял лучемет над поверхностью. Прицелился из-под листа в Колокольника. Необходимо было свалить Колокольника первым же ударом луча. Если Кикаха промахнется, то Колокольник скроется за дверью и тогда Кикахе придется столкнуться с оружием куда более мощным, чем у него.

Кроме того, если он не попадет в Колокольника, то луч разрежет стену здания и воздух рванется в разреженную атмосферу Марса. И тогда им обоим каюк.

Колокольник повернулся к Кикахе боком. Кикаха устойчиво держал лучемет, нацелив его так, чтобы тонкий, как нить, луч прожег дыру в бедре Колокольника. Тогда, если он упадет, будет разрезан надвое.

Палец его начал нажимать на гашетку. Вдруг от боли в лодыжке он чуть не закричал. Боль была настолько сильной, что Кикаха чуть не потерял сознание от шока, вызванного ею. Он согнулся пополам и наглотался воды. Кикаха захлебнулся. Его рука выпустила стебель растения, уронил Кикаха и лучемет.

В хорошо освещенной глубине бассейна он заметил быстро уплывающую лягушкообразную тварь и понял, что именно она укусила его. Кикаха всплыл, поскольку ему было необходимо глотнуть воздуха. Он, однако, понимал, что Колокольник с легкостью прикончит его, если увидит, что он всплыл.

Кикаха вынырнул и усилием воли удержался и не стал отфыркиваться и отплевываться. Голова его вновь оказалась прикрытой листом, и он осторожно выплюнул попавшую в рот воду. И тут Кикаха увидел, что Колокольник исчез.

В следующую секунду Кикаха снова согнулся от боли. Лягушка вернулась и опять укусила его за ногу. Из раны лилась кровь и окрашивала воду. Кикаха быстро подплыл к краю бассейна и одним движением выскочил из воды. Ноги у него дрожали.

Стоя около бассейна, он стянул с себя рубашку и, разорвав ее на полосы, перевязал раны. Зубы у этой твари, должно быть, такие же острые, как у акулы. Они прорезали ткань штанов и отхватили кожу и мясо. Но раны оказались неглубокие.

Должно быть, Господь сильно веселился, когда запускал в этот бассейн жестокого маленького хищника.

Кикахе веселиться не приходилось. Он не знал, зачем Колокольник подался в соседнюю комнату, но подозревал, что скоро тот вернется. Кикаха должен был спрятаться, но ему было необходимо достать лучемет из воды. Но только пока лягушкообразная тварь не покинет бассейн, сделать это практически невозможно.

Все-таки у Кикахи остался нож. Он вытащил его из-за пояса и держал в зубах, пока плескал водой на дорожку. Чтобы смыть кровь. Затем он выпрямился и прохромал мимо бассейна в следующую комнату. Он прошел через коридор с голыми стенами. Комната за коридором была такой же, как и комната с бассейном. В ней царили тепло и влажность, ее заполняли растения,

не похожие ни на земные, ни на марсианские. Правда, Кикаха не видел никакой марсианской растительности, кроме кактусов в долине. Но эти растения были такими высокими, зелеными, пахучими, мясистыми и настолько хорошо росли, что просто не верилось, что они могут существовать в марсианском климате, где так мало воздуха.

Одна сторона стены в комнате оставалась прозрачной и сквозь нее виднелся серый туман. И все. Как Кикаха ни напрягал глаза, он не смог увидеть ничего, кроме серого тумана. Туман этот состоял из тысяч мельчайших частиц, больше похожих на какую-то пыль.

Кикаха решил, что он больше не на Марсе. Попав из коридора в эту комнату, он шагнул через врата, мгновенно перебросившие его в здание на какой-то другой планете или спутнике. Гравитация, кажется, не отличалась от земной, так что он, вероятно, был на планете среднего размера. Вероятнее всего, на Венере.

Вдруг Кикаха сообразил, что гравитация в здании на Марсе должна быть много меньше земной. Насколько меньше? В шесть раз? Он не знал, не помнил, но был уверен, что, если бы подпрыгнул, взлетел бы намного выше, чем полагал сам.

Но то здание находилось на Марсе. Кикаха был в этом уверен. Это означало, что оно было снабжено устройством, гарантирующим локальную земную гравитацию. А еще это свидетельствовало, что то здание могло находиться, скажем, на Юпитере и благодаря устройству Господа любой находящийся там чувствовал себя вполне уютно.

Кикаха пожал плечами. На самом-то деле не имело никакого значения, где он находился, если нельзя существовать за пределами здания. Проблема, которую ему требовалось разрешить, состояла в том, чтобы остаться в живых и найти дорогу обратно на Землю. Кикаха прошел еще один пустой коридор, а затем попал в сумрачно освещенное громадное помещение, размером примерно с Большой Центральный Вокзал в Нью-Йорке. Оно имело куполообразную форму и было заполнено серебристой металлической жидкостью, исключая узкую дорожку вдоль стены и небольшого круглого островка в середине. С виду металл походил на ртуть, а дорожка описывала в помещении полный круг. Вдоль стены Кикаха не увидел никаких признаков отверстий.

Островок находился примерно в пятидесяти ярдах от стены. Его поверхность лишь на фут выступала над неподвижной гладью ртутного озера. Островок казался каменным, а в самом его центре возвышался металлический обруч, установленный вертикально.

Кикаха сразу же понял, что это врата, и если он сможет добраться до них, то его переправят в место, где у него, по крайней мере, будет больше шансов выжить. Таково было правило игры. Если пленник окажется достаточно умным, достаточно сильным, достаточно быстрым — и самое главное, достаточно везучим, — он мог освободиться.

Кикаха ждал у двери, потому что прятаться было больше негде. Ожидая, он попытался вспомнить, не было ли в других помещениях чего-нибудь, что он мог бы использовать вместо лодки. Ничего в голову ему не пришло, хотя в одной из комнат стоял диван. Правда, Кикаха не был уверен, что он может оказаться плавучим, и все-таки надо попробовать. Но как гнать по ртути медленно или быстро тонущий предмет?

Пока не попробует — не узнает. Эта мысль отнюдь не развеселила Кикаху. А потом он подумал: а может ли человек плавать в ртути? Кроме того, он знал из уроков химии, что от ртути поднимаются ядовитые испарения.

Теперь он вспомнил несколько фраз из занятий по химии в средней школе. Это было давным-давно и в его настоящем мире: "Не смачивает стекло, не образует выпуклой поверхности, находясь в стеклянном сосуде... обладает слабой летучестью при ординарных температурах и опасна для здоровья из-за отравляющего действия... во влажном воздухе постепенно тускнеет..."

Воздух в этом здании, безусловно, отличался влажностью, но металл не потускнел. И Кикаха не улавливал никаких испарений и не ощущал отравляющего воздействия. Пока.

Внезапно он напрягся. Кикаха услышал слабое шлепанье ног по камню. Колокольник оставил дверь открытой, и Кикаха не трогал ее. Он стоял по другую сторону двери, ожидая и надеясь, что колокол не влетит сюда первым.

Колокол влетел. Черный предмет проплыл через дверь на высоте примерно четырех футов над поверхностью. Как только он миновал дверь, Кикаха прыгнул к двери и закрыл ее. Колокол продолжал парить на том же месте, где остановился.

Дверь осталась закрытой. Замка на ней не было, и Колокольнику нужно было только толкнуть ее. Но он не осмелился сделать это и, должно быть, был весьма потрясен, увидев, что дверь закрылась. Колокольник понятия не имел о том, кто находится за дверью и каким оружием располагает его враг. Более того, он теперь оказался в разлуке со своим колоколом, своим самым драгоценным имуществом. Если и верно, что колокол невозможно уничтожить, то верно также и то, что его можно отобрать у Колокольника и спрятать.

Кикаха подбежал к двери, надеясь, что Колокольник не выстрелит по ней в этот момент из лучемета. Он ухватился

обеими руками за колокол и толкнул его. Колокол оказал сопротивление, но тем не менее сдвинулся с места и не опустился ни на дюйм.

В это мгновение металл по краю деревянной двери и стены начал краснеть. Кикаха понял, что Колокольник обратил на дверь всю мощь своего лучемета и что металл здесь и впрямь очень стойкий.

Но почему Колокольник просто не откроет дверь пинком, а потом не выстрелит, стоя в дверном проеме?

Вероятно, он боялся, что его враг спрятался за дверью и нападет на него, когда та распахнется. И он предпочел, чтобы дверь некому было распахивать. Какими бы ни были мотивы его действий, он давал Кикахе еще немного времени, чтобы добраться до островка. Колокольник справится с дверью примерно к тому моменту, когда Кикаха будет на полпути к острову.

Обеими руками Кикаха снова ухватился за колокол и толкнул его к стене. Тот не очень-то легко продвигался по горизонтали, но Кикаха все же истратил не очень много сил. Кикаха потянул колокол на себя, оценивая силу сопротивления. Затем он с силой пихнул его вдоль стены. Колокол двигался со скоростью фута два в секунду, но потом скорость замедлилась и колокол заскреб по стене. Еще один толчок, на этот раз под углом. Колокол отошел от изгиба стены и продвинулся на большее расстояние.

Кикаха взглянул на дверь. Красное пятно уже превратилось в дыру, под ней виднелась красная линия. Очевидно, Колокольник намеревался прорезать большое отверстие или вырезать дверь целиком. В любой момент он мог прервать свое занятие и заглянуть внутрь через вырезанную дверь. Если он это сделает, то увидит своего врага и свой колокол. А с другой стороны, он, вероятно, все еще боялся пролезть через дыру, потому что ожидал, что враг караулит около этого отверстия. Кикаха обладал еще одним преимуществом: Колокольник не знал, каким оружием он располагает.

Кикаха поспешил за колоколом, снова схватил его, отступил, остановился у стены, потом подтянул ноги. Он повис, почти касаясь дорожки коленями и пальцами ног, но колокол не терял и миллиметра высоты.

— Вот! Ставим все на это! — пробормотал про себя Кикаха и изо всех сил оттолкнулся от стены ногами.

Кикаха и колокол понеслись над озером к островку. Они пролетели примерно футов сорок, а потом остановились. Кикаха посмотрел на серую жидкость внизу и медленно выпрямил ноги, пока они не оказались в металле. Он оттолкнулся от него, и металл подался под его ногами, но они смогли продвинуться всего на несколько футов. И вот Кикахе пришлось постоянно

отталкиваться, чтобы продвигаться вперед, правда, медленно. Пот лился по его телу, заливал глаза, а ноги стали зудеть, словно он пробежал не менее пары миль.

И все-таки Кикаха добрался до островка. Стоя на его каменистой поверхности, рядом с высящимся от него всего в нескольких футах металлическим обручем, Кикаха снова взглянул на дверь. Через нижнюю часть двери тянулась тонкая линия, она изгибалась и проходила через верхнюю часть двери. Через минуту-другую дверь упадет внутрь, а потом появится Колокольник.

Кикаха посмотрел сквозь обруч, по другую сторону просматривалось все то же помещение, но Кикаха знал, что если шагнет туда, в обруч, то его переправят куда-то в другое место, вероятнее всего, в другую вселенную. Если Господь не установил этот обруч шутки ради.

Он толкнул колокол вперед, а потом бросился в сторону, чтобы не оказаться перед обручем. У Кикахи было достаточно опыта в общении с Господами, чтобы подозревать, что на другой стороне обруча установлена ловушка. В ловушку, чтобы та сработала, лучше всего что-нибудь бросить.

Раздался взрыв, оглушивший Кикаху. Лицо и бок опалило жаром. Он закрыл глаза, но быстро сел, открыл их, и как раз вовремя — он увидел колокол на все той же высоте летящий над бассейном ртути. Он пролетел над озером и врезался в стену. Отскочив, колокол остановился в нескольких дюймах от стены.

И сразу же внутрь помещения упала дверь. Кикаха этого не услышал. У него лишь звенело в ушах после взрыва. Но Кикаха заметил, как Колокольник нырнул через дверь, прижимая к себе лучемет, как он ударился о пол, покатился и поднялся, держа лучемет наготове. К этому моменту Кикаха уже вскочил на ноги. Когда он увидел, что Колокольник заметил его, прыгнул через обруч. Выбора у Кикахи не было. Он не думал, что ловушка сработает еще раз, поскольку у Господов не было привычки устраивать двойные ловушки. Но если ловушка с той стороны заряжена снова, то его разорвет на куски и со всеми его беспокойствами будет покончено.

Кикаха проскочил и почувствовал, что падает. Под ним было несколько тысяч футов воздуха, над головой — голубое небо, а прямо перед ним — тонкий горизонтальный брус. Он ухватился за него, вцепившись обеими руками в гладкое холодное железо, и закачался на вытянутых руках под брусом, концы которого были прикреплены к двум металлическим шестам, выступающим из скалы, примерно футов на двадцать.

Это было вершиной садистского воображения Рыжего Орка. Если пленник окажется достаточно беззаботным, чтобы пройти

сквозь обруч, не отправив впереди себя какой-нибудь предмет, его разорвет на куски до того, как он упадет и разобьется насмерть. А если он не прыгнет, а просто шагнет через врата, то не дотянется до бруса.

А если схватит брус, что потом?

Человек менее храбрый и сильный мог бы упасть. Кикаха не стал терять времени зря. Он протянул руку и ухватился за опорный шест. И так же быстро выпустил его, ругаясь и раскачиваясь на одной руке. Опорный шест оказался чересчур горячим.

Перебирая руками вдоль бруса, Кикаха добрался до второго опорного шеста и прикоснулся к нему. Тот был точно таким же горячим. И все-таки металл был не так горяч, чтобы нельзя было воспользоваться шестом. Правда, он причинил Кикахе столь сильную боль, что он подумывал разжать руки. Но все равно вцепился в шест, и, наконец, терпя жуткую боль, он перетащил себя через край скалы. С минуту он лежал на ее краю и стонал. Ладони и пальцы были в таком состоянии, будто он получил ожоги третьей степени. Выглядели они, правда, так, словно совсем недолго побывали рядом с огнем, но не в огне. Боль быстро утихала.

Он быстро обследовал себя, поскольку смотреть было особенно не на что. Кикаха находился на вершине столпа из черного твердого камня. Вершина была шире подножья, а стенки — гладкими, словно пушечный ствол. Повсюду, насколько он мог видеть, расстилалась безжизненная каменная равнина и внизу текла река. Она раскалывала описываемый горизонтом круг, а потом сама раскалывалась, когда доходила до каменного столпа. По другую сторону река вновь соединялась и несла свои воды дальше к горизонту.

Небо было голубое, а желтое солнце находилось в зените.

Вокруг столпа, неподалеку от его подножия, располагалось четыре гигантских обруча. Один из них означал для Кикахи возможность попасть в место, где он смог бы выжить, если, конечно, он правильно угадает. Остальные, вероятно, означали верную гибель, если он пройдет через них.

Но сперва требовалось спуститься со скалы, а Кикаха не знал, как это сделать.

Он вернулся к выступающему из скалы шесту. Колокольник мог вот-вот пройти через врата. Даже если он не захочет, он будет вынужден это сделать. Это был единственный путь, чтобы выжить и ему тоже.

Минуты шли, превращаясь в часы. Солнце прочертило дугу вниз от зенита. Кикаха шагал взад-вперед, чтобы размяться и ускорить ток крови в ногах и ягодицах. Вдруг из глубокого

воздуха появились рука и нога. Колокольник, находясь с другой стороны врат, зондировал поверхность.

Стопа подвигалась туда-сюда, ища опору и находя лишь воздух. Она убралась, и через несколько секунд из воздуха появилось лицо Колокольника.

Нож Кикахи превратился в серебряную палочку, пролетевшую к этому лицу. Оно отдернулось обратно, а нож поглотило небо в точке примерно на фут ниже места, где находилось лицо Колокольника.

Врата не были односторонними. Это доказало исчезновение ножа. Да и Колокольник мог просунуть через них часть тела, а потом убраться обратно. Правда, и односторонние врата позволяли телу проходить сквозь них наполовину, а потом возвращаться назад. Если, конечно, соорудивший их Господь не собирался разрезать тела людей, воспользовавшихся ими.

Прошло несколько секунд. Кикаха выругался. Он мог так никогда и не узнать, точно метнул он нож или нет.

Внезапно из голубизны появилась голова, за ней последовали шея, плечи, грудь и живот. И Кикаха увидел, что из солнечного сплетения торчит рукоятка ножа.

Вскоре все тело Колокольника вывалилось из врат. Он рухнул вниз, и его туловище становилось все меньше и меньше, а потом пропало вдали. Но Кикахе удалось разглядеть белый всплеск, когда тело упало в воду.

Он глубоко вздохнул и сел. Его трясло. Наконец Колокольник умер и все вселенные обрели безопасность.

"И вот я здесь, — подумал Кикаха, — вероятно, единственное живое существо в этой вселенной. Настолько одинок, насколько одинок может быть только человек. И если я не придумаю, как сделать что-то невозможное для своего несуществующего завтра, то скоро буду одним из двух мертвых существ в этой вселенной".

Он вновь глубоко вздохнул, а потом сделал то, что требовалось сделать.

Возвращаться на брус по шесту было так же больно, как и слезать с него. Добравшись до бруса, он передохнул на нем, зацепившись еще и ногой. После того как боль в руках прошла, Кикаха забрался на брус, балансируя на нем. Окупились часы тренировок. Кикаха смог сохранить равновесие, пока прикидывал, из какой точки упал Колокольник. Она была всего лишь неопределенным куском голубизны, и у Кикахи был всего лишь один шанс попасть в цель.

Он прыгнул вперед и вверх, и его голова и часть тела прошли через обруч. Затем из него вырвалось громкое "Уф", когда он ударился животом о край обруча. Кикаха вытянул руку, ухва-

тился за камень кончиками пальцев и подтянулся. Какое-то время он спокойно лежал, пока сердцебиение не пришло в норму. Он увидел, что колокол парит над ним, а лучемет лежит на поверхности островка всего в футе от него.

Он встал и осмотрел колокол. Тот был неразрушаем, как и его антенны. Когда антенны убирались внутрь, их кончики затыкали отверстия в нижней части колокола. Но сами антенны были сделаны из менее стойкого металла, так что они пострадали от времени. По крайней мере, так считал Кикаха. Он даже почти не видел антенн, такими тоненькими они были, хотя и ощущал их. Но раз Колокольник не послал вперед себя колокол, стало быть, он поврежден. Наверное, взрыв на короткое время испортил что-то в относительно тонкой аппаратуре по улавливанию мозговых волн и управлению полетом колокола. Видимо, аппаратура эта оказалась достаточно новой, поэтому Колокольник не имел времени, чтобы подвергнуть ее полевым испытаниям.

Что бы там ни случилось, колокол зафиксировало на этой высоте над островком. И он все еще оказывал слабое сопротивление толчкам по горизонтали.

Кикаха предположил, что антенны колокола в какой-то степени еще действовали. Иначе колокол не имел бы возможности сохранять постоянную высоту.

Это давало Кикахе единственный шанс добраться до земли, располагавшейся на несколько тысяч футов ниже. Кикаха, правда, не знал, насколько велик был этот шанс. Колокол мог просто остаться на том же уровне.

Кикаха перекинул через плечо ремень лучемета, прижал к груди колокол и шагнул через обруч.

Спуск его оказался столь же быстрым, как если бы он воспользовался парашютом. Скорость была больше, чем он рассчитывал. Время от времени ему приходилось отталкиваться ногами от стен, так как колокол постоянно сносило к стене, словно масса скалы притягивала его.

Затем Кикаха оказался в десяти футах над водой и отпустил колокол. Кикаха стал падать немного быстрей, врезался в воду, которая оказалась теплой, и поплыл в сильном течении. Ему пришлось потрудиться, чтобы выбраться на берег, но он сумел справиться. После того как он несколько восстановил свои силы, Кикаха прогулялся вдоль берега, пока не увидел колокол. Тот остановился у скалы, словно новорожденный детеныш, прижавшийся к матери. Кикаха никак не мог до него добраться, но он и не видел никаких причин делать это.

Несколькими ярдами дальше он нашел тело Колокольника. Оно закончило свое плаванье возле каменного рифа, едва вы-

ступающего над поверхностью реки. Колокольнику распороло спину, а затылок стал мягким, как будто он ударился о бетон, а не о воду. Нож все еще торчал из солнечного сплетения. Кикаха вытащил его и вытер о мокрые волосы Колокольника. Нож был в исправности.

Кикаха вытащил из реки тело Колокольника. А потом поразмыслил о гигантских вратах в виде обруча, устроенных подобно тем, меньшим, на островке в другом мире. Двое врат находились на этой стороне реки, двое — на другой. Все они располагались на углах квадрата со стороной в две мили. Кикаха дошел до ближайших и бросил туда камень. Тот пролетел сквозь обруч и упал на скальную поверхность с другой стороны. Это была одна из шуток Рыжего Орка. Наверное, все врата были пустыми и он застрянет в этом обреченном мире, пока не сдохнет с голоду.

Следующий обруч оказался тоже всего лишь обручем.

Кикаха начал испытывать усталость и голод. Теперь нужно было переплыть реку, чтобы добраться до остальных обручей. Течение оказалось очень сильным. Прогулка от одного обруча до другого составляла две мили, и если придется испытывать все четверо врат, то он совершит прогулку длиной в восемь миль. Обычно Кикаха не возражал против таких прогулок, но за последние несколько часов он слишком многое перенес.

На минутку он присел, но тут же вскочил, громко обозвав себя дураком. Он забыл, что врата могут быть односторонними и не срабатывают только с одной стороны, зато пропускают через себя, если человек прохóдил с другой стороны обруча. Кикаха подошел к обручу, потом бросил камень. Результат был тот же самый.

Тут уж ничего не оставалось, как идти и проверять следующий обруч. Тот тоже оказался всего лишь обручем. Кикаха переплыл реку и оказался на другой стороне после того, как течение снесло его на полмили вниз, увеличив таким образом его прогулку. Лучемет еще больше затруднял плаванье, поскольку весил футов тридцать. Нести его тоже было удовольствие ниже среднего. Но Кикаха не собирался бросать его.

И еще один обруч оказался всего лишь куском металла. Он направился к последнему, пока солнце еще не село. Оно сияло в безмолвной тишине неба над безмолвной тишиной земли. Даже ветер замер, и слышалось лишь журчание реки, стихшее, когда Кикаха отошел от берега. Теперь он слышал лишь собственное дыхание и звук собственных шагов.

Когда Кикаха добрался до последнего обруча, то ощутил желание отложить на время свои испытания. Если окажется, что

это еще одна шуточка Рыжего Орка, она может оказаться и последней в жизни Кикахи.

Первый камень пролетел и ударился о скалу, находившуюся за обручем.

Второй ударился за ним же.

Кикаха запрыгал и заорал от досады и стукнул кулаком о ладони. Он пнул небольшой валун и закричал от боли. Он дернул себя за волосы и отвесил себе увесистую оплеуху, а потом обратил лицо к голубому небу и глухому желтому солнцу и заскулил, как волк, попавший в капкан.

Через некоторое время Кикаха сделался неподвижным и безмолвным. Он вполне мог сойти за изваяние, вытесанное из светло-красного камня, которого было так много здесь. У Кикахи только подрагивали веки да грудь вздымалась и опадала в такт дыханию.

Когда он наконец вырвался из объятий бессмысленного созерцания, то быстро направился к реке, не проявляя никаких эмоций. Кикаха напился из реки, а потом поискал местечко, где можно было бы укрыться и провести ночь. Минут через пятнадцать он обнаружил нишу в склоне невысокого холма, которая могла защитить его от ветра. Потом он уснул после долгих неизбежных размышлений о своем будущем.

Утром он взглянул на тело Колокольника, раздумывая, не придется ли ему его съесть.

Чтобы чем-то заняться, он вошел в реку и поводил в воде руками. Ему не удалось вспугнуть какую-нибудь рыбу. Казалось маловероятным, чтобы здесь водилась рыба, учитывая полное отсутствие растительности.

Кикаха поднялся на вершину холма, у подножия которого спал. Какое-то время он посидел на круглой вершине, двигаясь лишь для того, чтобы сесть поудобнее. Положение его было просто отчаянным. Либо Рыжий Орк приготовил путь для бегства своего пленника, если тот окажется достаточно умным, достаточно проворным, либо нет. Если нет, то пленник умрет здесь. Если да, то пленник, в данном случае Кикаха, просто оказался недостаточно толковым. И в этом случае пленнику предстоит умереть.

Кикаха долго сидел, потом застонал. Что случилось с его мозгами? Разумеется, камень пролетал сквозь врата, но никакая плоть сквозь них не проходила. Ему следовало бы попробовать самому вместо того, чтобы испытывать врата лишь камнем. Врата могли быть здесь такого типа, что срабатывали лишь тогда, когда через них проходила материя определенной массы или органическая материя. А вероятно, что только человеческие мозговые волны могли воздействовать на них. Но Кикаха был

озабочен тем, чтобы избежать ловушек, и это просто не пришло ему в голову.

Однако любые активированные врата могли оказаться настроенными на уничтожение первой вступившей в них большой массы. Ведь однажды это уже произошло. Кикаха застонал при этой мысли. Он взвалил на плечо тело Колокольника, благодаря фортуну за то, что тот не отличался крупным телосложением, и направился к ближайшему обручу.

День стоял жаркий. Отсутствие пищи ослабило его тело, а неудачи возле обручей отнимали у него все больше сил. Плаванье через реку с трупом Колокольника и лучеметом отняло у Кикахи еще больше сил. Но он бросал труп шесть раз через трое ворот.

А теперь он отдыхал, сидя возле последних. Колокольник лежал возле него, раскинув руки, обратив лицо к жаркому солнцу, с открытыми глазами, открытым ртом. От него веяло запахом тления.

Прошло какое-то время. Кикаха не почувствовал себя намного сильнее. Ему было нужно встать и бросить тело через обруч с обеих сторон. О том, чтобы просто перевалить тело через него, не могло быть и речи, так как Кикаха не хотел оказаться в поле действия любого поля и взрыва. Надо было встать у края обруча, поднять тело, бросить его через обруч, а затем отскочить в сторону.

Он так и сделал уже в седьмой раз. Тело пролетело через обруч и растянулось на земле. У Кикахи остался последний шанс, и на этот раз вместо того, чтобы отдыхать, он поднял труп до уровня груди и швырнул.

Когда он взглянул со своей позиции, занятой им на скальной поверхности, тело было все еще видно.

Вот и все. Вот и все для него. Ему пришел конец.

Он сел, закрыв глаза. Этот шаг, совершенный без какого-либо мотива, спас ему жизнь.

Правда, все равно он чуть ее не лишился. Тигроподобный зверь, бесшумно мчавшийся к нему по твердому камню, зарычал, увидев, что он сел, и увеличил длину своих прыжков. Кикаха был настолько поражен, что на секунду замер и этим предоставил зверю некоторое преимущество. Но весьма незначительное. Лучемет выстрелил в тот момент, когда животное взвилось в воздухе, описывая последнюю дугу, и луч пробуравил ему голову, рассек ее, разрезал шею и грудь, отхватил часть лапы и продырявил скалу.

Тело зверя ударилось о поверхность, а заскользив, врезалось в Кикаху, сбив его с ног. Кикаха несколько раз перевернулся, у него болели ноги, спина, грудь, руки и нос. Кожа была сильно

поцарапана, в теле возникла тупая боль, становившаяся все острей.

Животное выглядело съедобным. И Кикаха подумал, что он знает, откуда оно взялось. Сначала он нарежет несколько кусков мяса, зажарит его и поест, а потом вернется к предпоследним вратам.

Зверь был примерно на четверть больше уссурийского тигра. У него был длинный густой мех с рыжевато-коричневым подшерстком и бледно-красными зигзагами полос на голове и теле. На нижней части лап мех был похож на черные чулки. Глаза зверя оказались лимонно-желтыми, а зубы больше походили на акульи, чем на кошачьи.

Мясо неприятно пахло, но оно наполнило Кикаху силой. Он взял Колокольника за руку и проволок тело две мили до врат. К тому времени труп был уже сильно поврежден. Кроме того, от него исходил ужасный запах. Кикаха поднял тело и бросил через врата.

На этот раз труп исчез, и тут же из врат хлынул поток нефти, который окатил бы Кикаху с ног до головы, не отскочи он предварительно в сторону. Маслянистая субстанция сразу же вспыхнула и минут пятнадцать полыхала.

Кикаха подождал, пока погас огонь, а потом прыгнул через врата с лучеметом наготове. Он не знал, что там можно ожидать. Его мог караулить на другой стороне еще один тигр. Было очевидно, что, бросив туда Колокольника первый раз, Кикаха включил активацию замедленного действия, которая позволила зверю проскочить через врата. Если бы он подождал немного, то ему не пришлось бы так расстраиваться. Это было очень умное и садистское устройство, как раз того сорта, какое следовало ожидать от Рыжего Орка. Кикахе все же казалось, что Рыжий Орк давно уже мог прекратить установку каких-либо новых устройств. Он, конечно, учитывал, что крайне маловероятно, что кто-то сможет забраться так далеко.

На секунду Кикаха оказался в маленькой пустой комнате с большой клеткой, у которой была распахнута дверца. Там еще находился черный купол на трех коротких ножках. Потом Кикаха очутился в другой комнате. Она была побольше и сделана из какого-то твердого металла или пластика. Эта комната была начисто лишена каких-либо украшений и мебели, кроме унитаза без стульчака, раковины с одним краном и небольшого металлического стола, прикрепленного к полу цепями.

Переход из одной комнаты в другую вызвал у Кикахи шок, хотя он и понимал, как это случилось. Прыгая через врата, он активизировал врата замедленного действия. А они, включившись, отправили его в эту камеру, выглядевшую как тупик.

Свет, заполнявший комнату с разной интенсивностью, не имел никаких видимых источников. Он был достаточно ярким, чтобы Кикаха смог разглядеть, что в стене нет ни трещин, ни каких-либо изъянов. И не было ничего, что напоминало бы окно или дверь. Стены оказались сделанными из прочного материала. Лучемет, включенный на полную мощность, лишь нагрел стены и воздух в комнате. Кикаха отключил оружие и стал искать вентиляцию, если она тут вообще имелась.

После длительного осмотра он определил, что свежий воздух медленно поступает из отверстия, находящегося как раз над поверхностью стола. Уходил же воздух через другие врата, вставленные в стену в точке, где стена примыкала к потолку. Врата эти, вероятно, срабатывали лишь под воздействием газов.

Кикаха обратил полную мощь лучемета на поверхность стола, но он оказался сделанным из такого же прочного материала. Однако, если его тюремщики не собирались уморить его голодом, то наверняка было какое-то устройство, через которое пленнику переправлялась пища. Вероятно, это будут те же врата, что и на поверхности стола, но они срабатывают только тогда, когда придет время приема пищи. Они автоматически переключаются на режим твердой материи.

Некоторое время Кикаха размышлял над этим и гадал, почему никто не додумался до такого способа побега. Наверное, Господь посчитал, что его пленник до этого не додумается. Это была бы шутка, какими обычно наслаждаются Господы. И все-таки эта идея казалась настолько дикой, что могла и не прийти в голову даже Господу.

Кикахе представилось, что где-то в доме, в котором находилась эта камера, должна срабатывать сигнализация. Если, конечно, камера находилась в здании, а не в какой-то пустынной карманной вселенной. Если бы, предположим, Господь отлучился, то тогда он мог вернуться слишком поздно, чтобы удержать своего пленника.

Кикаха не имел точного представления, сколько прошло времени, но прикинул, что минуло, вероятно, около четырех часов его пребывания здесь, когда на столе появился поднос. Пища на нем была земная: хорошо приготовленное мясо, салат из латука, морковь, лук, чесночный соус, три куска европейского хлеба из непросеянной муки с натуральным маслом и порция шоколадного мороженого.

Закончив еду, Кикаха почувствовал себя гораздо лучше и чуть ли не благодарил своего тюремщика. Однако времени он зря не терял даже после того, как проглотил последнюю ложку мороженого. Он влез на стол, повесив на плечо лучемет и держа поднос на руках. Затем он нагнулся, поставил поднос на стол и

встал на него. Кикаха рассудил, что врата могут активизироваться наличием на столе подноса и тарелок на нем, а не определенной массой. Он мог поставить голову против пуговицы, что активность врат простиралась вверх достаточно, чтобы забрать и его. Если же это не так, то кто-то на другой стороне получит сюрприз в виде половинки трупа. Если же все так, как рассчитывал Кикаха, то кто-то все равно получит сюрприз, но уже более приятный.

Внезапно Кикаха очутился на столе в чулане, освещенном единственной лампочкой над головой. Если бы он не догадался пригнуться, то остался бы без головы, так как потолок в чулане был очень низок.

Кикаха спрыгнул со стола и, распахнув дверь, шагнул в очень большую кухню. Спиной к нему стоял человек, но он, должно быть, услышал, как распахнулась дверь, поскольку круто развернулся. Челюсть у него отвисла, глаза стали громадными, и он проговорил:

— Что за...

Нога Кикахи угодила в его подбородок, и человек упал спиной на пол, потеряв сознание. Прислушавшись и удостоверившись, что шум, вызванный падением тела, никого не встревожил, Кикаха обыскал одежду упавшего.

Он обнаружил "смит-вессон" тридцать восьмого калибра со спаренным дулом, бумажник со ста десятью долларами, водительские права, вездесущие кредитные карточки и визитную карточку. Человека этого звали Роберто ди Анжело.

Кикаха сунул пистолет за пояс, предварительно проверив его, и осмотрел кухню. Она была настолько большой, что наводила на мысль об особняке богатого человека. Кикаха быстро нашел щит управления за выдвижной панелью в стене, оставленной приоткрытой. На щите мигало несколько огоньков.

Тот факт, что ди Анжело послал ему еду, показывал, что обитателям этого дома было известно, что у них появился пленник. Или, по крайней мере, что об этом знал Господь. Его люди могли и не ведать о вратах, но наверняка им было приказано докладывать Рыжему Орку, если на этом щите загорятся огоньки и, несомненно, включится звуковая сигнализация. Последняя теперь уж, конечно, вырублена.

Тут должен был быть и монитор, чтобы Господь, в данном случае — Уртона, мог знать, кто оказался у него в плену. Почему Уртона не предпринял никаких шагов, чтобы допросить своего пленника? Он же наверняка просто сгорает от желания узнать, как это Кикахе удалось попасть к нему.

Кикаха налил в стакан воды и плеснул в лицо лежавшего. Ди Анжело вздрогнул, мотнул головой и открыл глаза. И снова

дернулся, когда увидел над собой Кикаху и ощутил у горла острие ножа.

— Где твой босс? — осведомился Кикаха.

— Не знаю.

— Неведение в твоем случае не спасет! — предупредил его Кикаха и кольнул ножом, так что по шее побежала тонкая струйка крови.

— Зачем же так нервничать? — расширились глаза лежавшего. — Какая с того разница? У вас нет шанса. Вот что произошло...

Ди Анжело служил поваром, но знал и о происходящем в нижних этажах. Ему давным-давно приказали уведомить босса, которого он называл мистер Каллистер, если на кухне сработает сигнализация. До сегодняшней ночи все шло спокойно. Когда сигнализация включилась, повар позвонил мистеру Каллистеру, уехавшему со своей бандой на дело, о котором ди Анжело ничего не знал. Должно быть, оно имело отношение к неприятностям, тем, что возникли с появлением Кикахи. Каллистер сообщил ему, что надо делать — всего лишь приготовить обед, поставить его на стол в чулане, закрыть дверь чулана и нажать кнопку на щите управления.

Кикаха спросил о Вольфе, Хрисенде и Анане. Ди Анжело ответил:

— Несколько парней отвели их в кабинет босса и оставили там, и это было последний раз, когда их кто-нибудь видел. Ей-богу, я говорю правду! Если кто и знает, куда они делись, так это мистер Каллистер. Он, и только он!

Кикаха заставил ди Анжело встать и провести его по дому. Они прошли через несколько коридоров и больших комнат, роскошно обставленных, а потом по широкой мраморной лестнице поднялись на второй этаж. На пути ди Анжело сообщил Кикахе, что дом этот стоит на обнесенном стеной участке в Беверли Хиллс. Адрес соответствовал тому, что называл Рыжий Орк.

— А где слуги? — спросил Кикаха.

— Либо отправились по домам, либо разошлись по комнатам над гаражом, — ответил ди Анжело. — Я не вру, мистер, когда говорю, что я в доме один.

Дверь в кабинет Каллистера была заперта и сделана из тяжелой стали. Кикаха применил лучемет и коротким вращением дула вырезал замок. Ди Анжело выпучил глаза и побледнел еще больше. Очевидно, он ничего не знал об оружии Господов.

Кикаха нашел какую-то веревку в огромном письменном столе из красного дерева и связал ди Анжело руки и ноги. Пока ди Анжело сидел в кресле, Кикаха провел быстрый, но эффек-

тивный обыск кабинета. Когда он нажал кнопку в углу стола, из его ящика выскочило то, что могло быть пультом управления вратами. Кнопки, датчики, огоньки были оснащены надписями, которые сбили бы с толку любого землянина, кроме Кикахи. Надписи были на языке Господов.

Однако Кикаха не знал ни характера врат, с первых по десятые, ни то, что произойдет, если он нажмет кнопку, помеченную символом М. Это могло означать тысячи вариантов, но Кикаха подозревал, что этот знак обозначает смерть. Главная трудность заключалась в том, что Кикаха не знал, где находятся врата, даже если бы он и активизировал их. Господь оказался не настолько глуп, чтобы оставить действующую систему доступной всем. Он наверняка носил при себе какой-то прибор, который требовалось включить, прежде чем будет подана энергия к пульту управления. Но все-таки теперь Кикаха знал, где находится пульт, так что, если ему в руки когда-нибудь попадет активатор, он сможет воспользоваться пультом. То есть, конечно, если он обнаружит врата.

Это весьма угнетало его, поскольку он был уверен, что и Анана, и двое его друзей, если они еще живы, находятся за какими-то из этих десяти врат.

Зазвонил телефон. Кикаха вздрогнул, но быстро сориентировался, взял трубку, поднес ее к ди Анжело и расположил так, чтобы обоим им было слышно. Объяснять ди Анжело, что от него требуется, было не нужно. Он произнес:

— Алло?

Голос, что ответил ему, принадлежал Рамосу:

— Ди Анжело? Минутку.

Голос, который последовал потом, принадлежал человеку, с которым беседовал Кикаха, когда считал, что говорит с Рыжим Орком. Должно быть, это был Уртона. И что бы там ни вытащило его из крепости, это, вероятно, оказалось очень важным. Вообще-то единственно, что могло заставить его выйти из убежища, это шанс добраться до Рыжего Орка.

— Анжело? Сработала сигнализация. В моем кабинете. Ты знал об этом?

Кикаха покачал головой, и ди Анжело ответил:

— Нет, сэр.

— Ну, значит, кто-то находится в моем кабинете. Ты где?

— На кухне, сэр.

— Поднимись туда и выясни, в чем дело. Я оставлю эту линию связи открытой. И пошлю людей со склада помочь тебе. Ни в коем случае не рискуй. Стреляй, если будешь абсолютно уверен, что свалишь его. Понятно?

— Да, сэр, — поторопился ответить ди Анжело.

В трубке раздался щелчок. Кикаха не ощущал себя победителем. Уртона понимал, что любой, кто находится в кабинете, может поднять трубку и подслушать разговор. Уртона сообразил, что ди Анжело не удастся захватить врага врасплох, и, значит, он пошлет подкрепление как можно скорее.

Кикаха заткнул ди Анжело рот и запер его в стенном шкафу. Потом вспышкой из лучемета уничтожил пульт управления вратами. Если Уртона собирался переправить других своих пленников — если у него таковые имелись — или что-нибудь сделать с ними, то на какое-то время он будет лишен такой возможности. Ему придется построить другой пульт — если, конечно, у него на складе нет дубликатов.

Теперь следовало выбраться из дома и отправиться к железнодорожному вокзалу, где в камере хранения лежал Рог. Кикаха хотел бы иметь возможность заполучить Рог как можно раньше, потому что тогда он мог бы беспрепятственно им воспользоваться. Теперь же Уртона наверняка будет лучше охранять свой дом.

Кикахе нужно было покинуть дом и отправиться в центр города. Он решил припрятать лучемет на приусадебном участке. Кикаха нашел небольшое углубление в земле за большим кустом олеандра возле стены. Здесь находился отлично ухоженный сад — не было никаких опавших листьев или прутьев, чтобы прикрыть спрятанное. Кикаха просто положил лучемет в углубление и оставил. Кроме того, он решил спрятать здесь и изъятый у ди Анжело пистолет. Тот был слишком велик, чтобы прятать его под рубашкой.

Выбрался Кикаха без происшествий, если не считать, что ему пришлось вернуться к месту, где лежал спрятанный лучемет, чтобы иметь возможность вырезать им замок на железных воротах, через которые можно было выйти на улицу. Сторожевая будка возле больших железных ворот оказалась пустой явно потому, что Уртона увел из дома всех, кроме ди Анжело. В будке сторожа находилось и управление механизмами, и Кикаха легко опознал, что открывало те и другие ворота. Но энергия или сами механизмы отключены, а Кикаха не хотел терять времени и возвращаться в дом, чтобы допросить ди Анжело. Кикаха прожег замок и толчком открыл ворота. Позади него взвыла сирена, и он увидел, как замигали огоньки на щите управления в будке сторожа. Если этот шум будет продолжаться, то кто-нибудь наверняка вызовет полицию. При этой мысли Кикаха улыбнулся. А затем перестал улыбаться. Полиция могла бы помешать и ему, а не только Уртону.

Вновь припрятав за кустом лучемет, Кикаха направился на юг. Пройдя пять кварталов, он вышел на Сансет. Он опасался,

что его заметят полицейские, так как понимал, что в этом исключительно богатом районе любые пешеходы, по всей вероятности, останавливались полицией. Особенно ночью.

Но удача не оставила его и он сумел поймать такси. Водитель не хотел слишком далеко уезжать от Беверли Хиллс, но Кикаха не слушал возражений, открыл заднюю дверцу и забрался в машину.

— Это срочное дело, — сказал он. — У меня деловая встреча, связанная с бизнесом, который сулит мне большие деньги. — Кикаха наклонился вперед и вручил водителю двадцатидолларовую бумажку из бумажника ди Анжело. — Она — ваша, сверх тарифа и обычных чаевых. Как, по-вашему, можете вы сделать небольшой крюк?

— Можно, — коротко ответил шофер.

Он высадил Кикаху в трех кварталах от железнодорожного вокзала, поскольку Кикаха не хотел, чтобы водитель знал, куда он направился, если его паче чаяния допросит полиция. Кикаха прогулялся до вокзала, вытащил из дупла резиновый шарик и отправился на вокзал.

Он достал футляр с Рогом из камеры хранения, не привлекая чьего-либо внимания, если не считать четырехлетней девочки, уставившейся на него большими синими глазами, а потом произнесшей: "Хэлло!" Проходя, он потрепал ее по голове, заставив тем самым ее мать оттащить дочь в сторону и прочитать ей громким голосом лекцию об опасности заводить дружбу с незнакомыми людьми.

Кикаха усмехнулся, хотя и не расценил, что это происшествие столь уж забавно. За долгие годы, проведенные в Многоярусном Мире, он привык, что к детям относятся, как к самым любимым существам. Так как Вольф подмешал в воду того огромного мира химические вещества, которые давали людям возможность обрести молодость длиной в тысячу лет, но существенно сокращали рождаемость, он гарантировал тем самым, что детей здесь будут очень ценить. Случаев убийств детей, жестокого с ними обращения в том мире не случалось. И хотя подобное воспитание вовсе не мешало детям вырастать людьми, которые были весьма жестоки во время войны, у них там бывало меньше психозов и нервозов, чем у цивилизованных землян. Конечно, большинство обществ в мире Вольфа были небольшими, однородными и технологически примитивными, не подверженными перекрещивающимся многослойным образом жизни высокоиндустриализированных обществ Земли.

Кикаха покинул вокзал и прошел несколько кварталов, прежде чем зайти в телефонную будку в углу большой станции

техобслуживания. Он набрал номер Уртона. Телефон прозвонил один раз, трубку подняли. Ответил незнакомый голос.

— Мистера Каллистера, будьте добры, — попросил Кикаха.

— Кто это? — поинтересовался грубый голос.

— Меня может описать ди Анжело, — ответил Кикаха, — если вы нашли его в стенном шкафу.

Раздалось восклицание, затем:

— Минутку.

Через несколько секунд другой голос произнес:

— Каллистер слушает.

— Известный иначе, как Уртона, нынешний Господь Земли, — уточнил Кикаха, — я, человек, который был вашим пленником.

— Как ты... — выпалил было Уртона, потом замолчал, сообразив, что все равно не услышит, как тот сбежал.

— Я — Кикаха, — представился Кикаха, решив, что, если он себя назовет, это не причинит ему вреда, поскольку он был уверен, что Уртона узнал от Ананы его имя. — Землянин, сделавший то, что не смогли сделать вы, предполагаемые Повелители Мироздания. Я убил сам или явился причиной, которая погубила всех Колокольников. Пятьдесять одного. Больше они никому не угрожают. Я выбрался из дома Рыжего Орка на той, другой Земле, пробрался через все ловушки и попал в твой дом. Если бы ты оказался дома, я захватил бы тебя в плен или убил бы. Не заблуждайся на этот счет. Но позвонил я тебе не просто, чтобы сообщить о своих подвигах. Я хочу спокойно вернуться в мир Вольфа вместе с ним, Хрисендой и Ананой. Вы с Рыжим Орком можете сражаться здесь сколько влезет, и да победит сильнейший! Теперь, когда последний Колокольник убит, у нас нет никаких причин оставаться здесь.

Наступило долгое молчание, потом Уртона спросил:

— А откуда ты знаешь, что Колокольник убит?

Кикаха описал происшедшее, хотя и оставил за скобками несколько деталей, которых Уртону, по мнению Кикахи, знать не следовало.

— Так что теперь ты знаешь, как проверить мои слова, — продолжал Кикаха. — Ты сможешь проследовать моим маршрутом так, как это делал я, поскольку ты не представляешь, где находится дом Рыжего Орка, так же, как и я. Но я полагаю, что все врата там двусторонние и ты сможешь пройти в обратную сторону, начав с камеры, в которой я свой путь закончил.

Он мог представить себе чувства, испытываемые Уртоном попеременно: радость и тревогу. Теперь он вроде нашел способ пробраться в дом Рыжего Орка, но он понимал, что и Рыжий Орк может воспользоваться тем же способом.

— Ты неправ! — возразил Уртона. — Я знаю, где живет Рыжий Орк. То есть жил. Один из моих людей видел его на улице всего пару часов назад. Сперва он посчитал, что это я и что я занимаюсь каким-то делом, которое ему лучше не знать. Потом он вернулся, увидел меня и понял, что я не мог бы так скоро перенестись сюда. Я тут же сообразил, какая удача мне выпала. Взяв своих людей, я окружил дом, и мы вломились туда. Нам пришлось убить четверых его людей, но сам он ушел. Полагаю, скрылся через врата. И скрывшись, Орк уничтожил все врата в доме. Не было никакой возможности его преследовать.

— Я подумал, что один из обгоревших трупов мог принадлежать Рыжему Орку, — сказал Кикаха, — но он еще жив. Ну...

— Я устал играть в эту игру, — заявил Уртона. — Я хотел бы увидеть своего братца, когда он станет таким вот обугленным трупом. Я вновь заключу с тобой сделку. Если ты заполучишь для меня Рыжего Орка, предоставишь мне его в узнаваемом состоянии, то я отпущу твоих друзей и гарантирую безопасное возвращение в ваш Многоярусный Мир. Конечно, если я смогу удостовериться, что твой рассказ о Колокольнике — правда.

— Тебе известно, как это сделать. Дай мне поговорить с Ананой и Вольфом, чтобы я был уверен, что они живы.

— В данный момент я не могу этого сделать. Мне потребуется минут десять, а потом ты позвони еще раз.

— Ладно, — согласился Кикаха.

Он повесил трубку и спешно покинул будку. Уртона мог обладать или обладал какими-то средствами, позволяющими ему быстро определить, откуда звонили, но Кикаха не собирался давать ему такой шанс. Он поймал такси и велел таксисту отвезти его к музею искусств. Оттуда Кикаха направился по бульвару Уилшир, пока не добрался до телефонной будки. Прошло десять, нет, пятнадцать минут. На этот раз трубку поднял ди Анжело. Хотя он, должно быть, и узнал голос Кикахи, но ничего не сказал, кроме:

— Подождите, сейчас соединю.

Вслед за этим раздался голос Уртона:

— Ты можешь сперва поговорить с моей племянницей, этой любительницей леблабиев.

— Кикаха! — возник в трубке голос Ананы. — У тебя все в порядке?

— Пока что прекрасно! — заверил ее Кикаха — Колокольник готов! Я сам убил его. А Рыжий Орк в бегах. Держись. Скоро мы вернемся в приличный мир. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Вмешался Уртона, который произнес жестко и с сарказмом:

— Да, я тоже люблю тебя, леблабий! А теперь не желаешь ли поговорить с Вольфом?

— Я не собираюсь полагаться на твое слово, что с ним все о'кей, — буркнул Кикаха.

В трубке зазвучал голос Вольфа, глухой и мелодичный:

— Кикаха, дружище! Я знал, что ты вмешаешься рано или поздно.

— Алло, Роберт, рад снова услышать твой голос. С тобой и Хрисендой все в порядке?

— Да, мы невредимы. Какую сделку ты заключаешь с Уртоном?

— Достаточно, — прервал их Уртона. — Ты удостоверился, землянин?

— Я удостоверился, что на данный момент они живы, — уточнил Кикаха. — И лучше бы им остаться в таком состоянии, когда настанет час расплаты.

— Не угрожай мне! — прошипел Уртона. Потом более спокойно он проговорил: — Отлично. Я помогу тебе всем, что в моих силах. Что тебе нужно?

— Адрес дома Рыжего Орка.

— Зачем тебе он понадобился? — удивился Уртона.

— У меня свои причины. Какой адрес?

Уртона продиктовал адрес, но говорил он медленно, словно пытался додуматься до причин, по которым он понадобился Кикахе.

— Это все, что мне нужно сейчас, — сказал Кикаха. — Пока.

И он повесил трубку. Уже через минуту Кикаха ехал в такси к дому Уртона. В двух кварталах от него он расплатился с водителем и оставшиеся два квартала прошел пешком. Маленькие железные ворота держала теперь цепь, а свет в будке сторожа помог ему разглядеть, что там сидят трое. Особняк тоже был освещен, хотя в окнах никого не было видно.

В этот момент Кикахе показалось, что не существует никакого способа попасть в сад незамеченным. Кикаха был способен, конечно, подпрыгнуть, ухватиться за верх стены и подтянуться, но он не сомневался, что наверху устроена сигнализация. Однако, если подумать, что из того? Сейчас вторгаться в дом он не собирался. Все, чего хотел Кикаха, это забрать свой лучемет и убраться. К моменту, когда прибегут люди Уртона, он успеет перепрыгнуть на другую сторону ограды.

Сперва было необходимо где-то припрятать Рог, так как будет неудобно пролезать через стену, держа его при себе. Кикаха мог перекинуть его через стену, но не хотел этого делать. Минутный осмотр показал Кикахе, что он может закрепить футляр на ветвях куста, росшего между тротуаром и мостовой.

Кикаха перешел улицу, постоял минуту, прислушиваясь, пережидая, пока не проедет машина, потом рванул через улицу. Он прыгнул вверх, его пальцы сомкнулись на грубом ребре стены. Потом он легко подтянулся. Стена наверху была шириной фута в полтора, и по всей ее ширине шел двойной ряд железных пик высотой примерно в шесть футов. Вдоль этих пик тянулся двойной ряд проволоки, блестящей от света, падающего из особняка.

Крайне осторожно Кикаха перешагнул через проволоку, повернулся и спустился, сначала повиснув на руках, а потом он просто упал на мягкую землю. Несколько секунд он стоял, глядя на будку сторожа и на особняк, и прислушивался. Ничего не услышав и не уловив какого-либо движения, он подбежал к кусту и забрал лучемет. Перелезть обратно с висевшим через плечо лучеметом оказалось намного труднее, но Кикаха проделал и это, не возбудив, насколько он мог судить, никакого внимания со стороны обитателей особняка и сторожей в будке.

С Рогом и лучеметом в руках Кикаха снова направился к Сансет. Ему пришлось подождать на углу минут десять, пока не появилось свободное такси. Садясь в машину, он прикрыл лучемет футляром, чтобы таксист его не заметил. Дуло лучемета было слишком толстым, и его нельзя было спутать даже с дробовиком, а приклад делал лучемет слишком похожим на какое-то огнестрельное оружие.

Дом Рыжего Орка находился в богатом районе Пасифик Палисаде. Подобно особняку Уртона, дом этот окружала высокая кирпичная стена. Однако железные ворота при въезде оказались открытыми. Кикаха проскользнул через них к дому, где царила темнота. Уртона не упомянул, оставил ли он там караульных, но казалось разумным, что он именно так и поступил. Уртона не захотел бы упустить шанс схватить Рыжего Орка, если тот по какой-то причине вдруг вернется.

Входы с обеих сторон дома оказались запертыми. Света нигде не было видно. Кикаха пригнулся, приложив ухо к двери, но ничего не услышал. Наконец он просверлил лучеметом дыру в задней двери и, толкнув, открыл ее. Входил он медленно и осторожно, а потом услышал какие-то звуки в комнатах со стороны фасада. Оказалось, их производили трое людей, сидевших в темноте в огромной комнате. Один заснул и тихо похрапывал, а двое других разговаривали приглушенными голосами.

Кикаха прокрался наверх по винтовой лестнице с мраморными ступеньками и потому не заскрипевшей и не застонавшей под его ногами. Найдя спальню, он закрыл за собой дверь, потом включил лампу. Сняв с телефонного аппарата трубку, он набрал один из номеров этого дома.

Когда на звонок ответили, Кикаха произнес, подражая голосу Рамоса:

— Ребята, вас вызывает босс! Шуруйте сюда рысью! Кое-что наклевывается, но я не могу вам сказать об этом по телефону!

Кикаха подождал, пока тот, кто ему ответил, не положил трубку. Потом подошел к окну. Он увидел, как те трое идут по подъездной аллее и выходят за ворота. Через мгновение примерно в полуквартале от дома вспыхнули фары автомобиля. Машина укатила, и Кикаха, насколько ему было известно, остался в доме один. У него было не больше тридцати пяти минут. Столько времени понадобится громилам, чтобы добраться до Уртона, выяснить, что их надули, и вернуться с подкреплением.

А Кикахе требовалось всего несколько минут. Он спустился вниз и включил свет на кухне. Найдя фонарик, он выключил свет и направился в большую фасадную комнату. Дверь под лестницей оказалась открытой. Он прошел через нее в небольшой коридор. В конце коридора Кикаха открыл еще одну дверь и пошарил за ней лучом фонарика. Комната выглядела точь-в-точь как та, куда он попал, когда оказался пленником Рыжего Орка. Конечно, это была другая комната, но здесь, как надеялся Кикаха, находились врата, вмонтированные в дерево и штукатурку. Они оказались дезактивированы.

Кикаха открыл футляр и достал Рог, который в лучах фонарика блеснул серебром. Формой он походил на рог африканского буйвола, но заканчивался широким раструбом. На узкий конец его был насажен мундштук из мягкого золотистого материала, а по верху вдоль оси шли семь маленьких кнопок. Внутри раструба была паутина из какого-то серебристого материала. На середине Рога красовался начертанный иероглиф, марка Шамборимена, создателя Рога.

Кикаха поднес Рог к губам и тихо протрубил в него, нажимая на кнопочки. Раструб он направил на стены и водил им вдоль стен. Кикаха надеялся, что дезактивированные врата находятся в этой комнате. Если это так, то они обладали установленной резонансной точкой, которая ослабляла стены между вселенными, и частоты, выходящие из Рога, действовали на манер отмычки и открывали врата. Это-то и было уникальной способностью Рога, невоспроизводимого прибора Шамборимена, величайшего ученого-изобретателя из Рода Господ.

Рог тихо заговорил, и звуки, производимые им, казались достаточно магическими, чтобы открыть двери в сказочную страну фей. Но ни на северной, ни на восточной стенах не появилось ничего похожего на врата. Кикаха перестал дуть в Рог и прислушался, не приближаются ли к дому машины.

Он ничего не услышал. Снова он поднес Рог к губам и проиграл несколько нот.

Вдруг засветилось одно место на стене. Белое пятно увеличилось, разбухло, а затем очертило круг, определявший вход. Свет померк, сменился свечением помягче и потемней.

Кикаха заглянул в круг и увидел полусферическую комнату без окон и дверей. Стены ее были алыми, единственной мебелью служила кровать, парившая над полом на высоте нескольких футов. Существовала там и прозрачная кабина, тоже парившая в воздухе, в которой находились раковина, кран и туалет.

Затем стена быстро закрылась, края отверстия устремились навстречу друг другу, и через секунд тридцать стена стала такой же, как была.

Рог развернулся, и белое пятно появилось вновь. Оно выросло в размерах, комнату залило зеленоватым светом, исходящим из зеленого солнца, висевшего над зеленым мхом равнины и острыми зелеными горами. Горизонт здесь находился вдвое дальше, чем на Земле. Справа щипали мох какие-то животные, напоминавшие газелей, с рогами в виде арфы.

Третье отверстие продемонстрировало коридор с закрытой дверью в конце его. Кикахе ничего не оставалось делать, как обследовать его, поскольку именно эта дверь могла привести его к Анане и остальным.Он прошел сквозь быстро сужающееся отверстие, потом по коридору и осторожно открыл дверь. Ничего не случилось. Кикаха выглянул из-за двери и увидел большое помещение. Пол был выложен цветной мозаикой, посредине находился бассейн, наполненный до краев, а вокруг располагалась мебель из воздушных конструкций. Свет не имел определенного источника.

Анана, которая не услышала, что кто-то вошел, сидела на стуле и читала книгу в твердом переплете, походившем на мрамор с прожилками. Выглядела Анана ухоженной, и питание у нее было, видимо, достаточным.

С минуту Кикаха наблюдал за ней, хотя ему приходилось сдерживать себя, чтобы не броситься к ней и не схватить ее в объятия. Он слишком долго прожил в мирах, где в ловушки обычно была подложена приманка.

Его осмотр не дал ничего подозрительного, но это может говорить только о том, что ловушки хорошо спрятаны. Наконец он тихо позвал:

— Анана!

Она подпрыгнула, книга выпала из ее рук. Потом она вскочила со стула и бросилась к Кикахе. На щеках и в глазах Ананы блестели слезы, хотя она и улыбалась. Протягивая к нему руки, она рыдала от облегчения и радости.

Его желание броситься к ней стало почти непреодолимым. Он ощутил слезы на собственных глазах и подступающие к горлу рыдания. Но избавиться от подозрений, что Рыжий Орк мог устроить эту комнату так, чтобы убить всякого, кто войдет в нее, не обезвредив сперва какой-то скрытый механизм, Кикаха не мог.

Ему и так повезло, что он забрался так далеко, не попав ни в какую ловушку.

— Кикаха! — воскликнула Анана, пробегая через дверь и падая в его объятия.

Он поглядел через плечо, увидел, что дверь закрывается, и наклонил голову, чтобы поцеловать Анану.

Боль в губах и носу была похожа на ожог от горящего бензина. Боль в ладони, там, где он прижал ее к спине Ананы, походила на боль от ожога серной кислотой.

Кикаха пронзительно вскрикнул, рванулся прочь и покатился по полу, ощущая мучительную боль. И все-таки, хотя он почти потерял сознание от боли, его рука успела подхватить лучемет, оброненный на пол.

Анана кинулась за ним, но не очень быстро. Ее лицо таяло, словно воск на солнце, глаза растекались, рот расползался, образуя канавки и гребни. Руки ее потянулись вперед, стремясь обхватить Кикаху, но они по капле истекали кислотой, теряя форму. Пальцы настолько удлинились, что один из них выглядел, как соломинка, до колена. А ее прекрасные ноги вспучились, открывая дорогу чему-то похожему на газ. Ступни выворачивались и производили впечатление чего-то горящего на полу и выделяющего дым.

Ужас помог преодолеть боль. Без колебания он поднял лучемет и нажал кнопку, направляя его на Анану, вернее, не на Анану, а на "нечто".

"Нечто" распалось сперва на две, потом на четыре части. Разрезанные части корчились на полу. Кровь хлестала из ног и из туловища, превращаясь из существа в коричневую субстанцию. Помещение заполнил запах тухлых яиц или горящих собачьих экскрементов.

Кикаха сбавил мощность лучемета. Он водил лучом, как шлангом, по разрезанным частям этого "нечто", и все горело в дыму. Волосы псевдо-Ананы полыхали и источали запах настоящих горелых волос человека. Но все остальное издавало запах серы и собачьего помета.

Когда догорел огонь, от псевдо-Ананы оставалось всего лишь несколько хрящей.

Кикаха не желал заходить в помещение, откуда вышло "нечто", но боль в губах и носу стала слишком невыносимой. Кроме

того, ему подумалось, что Господь удовольствуется смертью этого "нечто", созданного им в виде Ананы. В той комнате была прохладная на вид вода, и Кикахе нужно было добраться до нее. Можно было, конечно, протрубить в Рог и вернуться в кабинет Рыжего Орка, но Кикаха не был уверен, что сможет достаточно долго терпеть эту боль. Более того, если он уж столкнется с кем-нибудь в той комнате, то необходимо быть в форме, чтобы суметь достойно защищаться. А в таком состоянии он этого сделать бы не смог.

У бассейна Кикаха опустил в воду руку и лицо. Прохлада, казалось, мгновенно остудила их, хотя, когда Кикаха наконец отнял лицо от воды и вздохнул, боль все еще была сильной. Здоровой рукой он плеснул в лицо воды. Через большой промежуток времени Кикаха поднялся с края бассейна. Он плохо стоял на ногах и чувствовал позывы к рвоте, и, кроме того, ему было на все наплевать.

Когда Кикаха осторожно поднес Рог ко рту, то обнаружил, что у него распухли губы и рука его тоже распухла. Они становились большими и жесткими. Только ценой новых мук Кикаха сумел протрубить в Рог, нажимая на кнопочки. Стена перед ним открылась. Он быстро сунул Рог в футляр. Ногой пропихнул его через отверстие, а потом прыгнул сам с лучеметом наготове.

Кабинет оказался пустым. Кикаха нашел ванную. Медицинский шкафчик был наполнен множеством всяких бутылочек. Он открыл одну, понюхал содержимое, попробовал, усмехнулся распухшими губами и выжал себе на руку зеленоватую мазь. Натер ею нос, губы и ладонь обожженной руки. Боль сразу же начала исчезать, а когда он взглянул в зеркало, то увидел, что опухоль пропала прямо на глазах.

Кикаха выжал себе на язык несколько капель из другой бутылочки. Минуту спустя дрожь в теле прошла, и к нему вернулось ощущение реальности. Он закрыл обе бутылочки и сунул их в задние карманы брюк.

Возня с вратами и псевдо-Ананой заняли у него больше времени, чем он мог себе позволить. Кикаха выскочил из ванной и направил рог на следующую точку на стене. Ничего не произошло. Он испытал другую стену. Снова ничего. И только в спальне Кикаха обнаружил искомые врата.

Стена там раздвинулась, словно акулья пасть. За вратами тянулись ряды высоких белых острых треугольников. Растительность между ними представляла собой пурпурные переплетающиеся лозы под бледно-лиловым небом.

Вторые врата пропустили Кикаху в еще один коридор. В его конце виднелась дверь. Снова у Кикахи не было выбора, и он обследовал это место. Он толкнул бесшумно открывающуюся

дверь и осторожно выглянул. Помещение выглядело точно так же, как то, где он раньше обнаружил существо, которое принял за Анану. Она находилась и здесь. На этот раз она не читала книгу, хотя и сидела на стуле. Анана нагнулась вперед, положив локти на колени и уткнувшись подбородком в сложенные руки. Взгляд ее был неподвижным и мрачным. Кикаха тихо окликнул ее, и она подпрыгнула точно так же, как и та, лже-Анана. Потом она вскочила и бросилась к нему со слезами на глазах. Ее рот улыбался, и она протягивала руки к Кикахе. Когда она пробежала через дверь, Кикаха отступил и резко приказал ей остановиться. Кикаха держал ее под прицелом лучемета. Она подчинилась, но выглядела озадаченной и очень обиженной. Затем Анана заметила его все еще слегла припухшие губы и нос, и глаза ее широко раскрылись.

— Анана, — обратился к ней Кикаха, — какую детскую песенку пела тебе мать десять тысяч лет назад?

Если это снова очередная копия Ананы или искусственное создание, то в него Рыжий Орк мог вложить кое-что из того, что узнал от Ананы. У такого существа могла быть даже своего рода память, содержащая отрывочные сведения, но все-таки достаточные, чтобы одурачить ее любовника. Но ведь есть вещи, о которых она никому, и даже Рыжему Орку, не рассказала даже под воздействием наркотиков, хотя бы потому, что он не додумался спросить ее об этом. И колыбельная являлась именно такой вещью. Анана рассказала о ней Кикахе, когда они прятались от Колокольника в Великой Прерии Многоярусного Мира.

Несколько секунд Анана пребывала в состоянии большой озадаченности, но потом поняла, что у Кикахи возникла острая необходимость удостовериться в том, что она действительно Анана. Она улыбнулась и пропела прекрасную колыбельную, которой научила ее мать во времена, когда она еще не выросла и не узнала, какой уродливой и злобной была жизнь взрослых членов семейства Господов.

Но даже после этого Кикаха чувствовал себя скованно, целуя Анану. Потом, когда он убедился, что она женщина из плоти и крови, Анана прошептала еще кое-что, о чем знал лишь Кикаха. И он наконец оттаял. Они всплакнули, но Кикаха опомнился первым.

— Поплачем немного позже, — сказал он. — Есть у тебя хоть какое-то представление, где могут быть Вольф и Хрисенда?

Она ответила:

— Нет.

Кикаха так и думал.

— Тогда испытаем Рог на прочность и откроем все врата в доме. Но дом этот большой, так что...

Он объяснил ей, что сюда должен прикатить Уртона со своими молодчиками.

— Пока я занимаюсь Рогом, ты поищи оружие, — попросил Кикаха.

Минут через десять Анана присоединилась к нему и показала нечто, походившее на ручку, но на самом деле оно являлось лучеметом. Кикаха сообщил, что нашел еще двое врат, но они его не заинтересовали. Кикаха быстро прошел через все комнаты второго этажа, все время трубя в Рог. Но напрасно.

Первый этаж дома тоже его не порадовал. К этому моменту прошло уже сорок минут, как люди Уртона покинула дом и должны были вернуться с минуты на минуту.

— Давай снова попытаемся протрубить в Рог перед лестницей, — предложил Кикаха. — Возможно, что активизированные врата могут заставить ее открыться в еще один, другой мир.

Врата могли устанавливаться так, что попеременно слегка меняли резонанс и действовали подобно двери-вертушке. При одной активации они открывались в одну вселенную, а при следующей — в другую. Некоторые врата могли служить дорогой в дюжину или более миров.

Врата, которые они пытались активировать, тоже могли оказаться такими. Так что стоило вернуться и попробовать многократную активацию. Такая перспектива их не радовала, но делать было нечего.

Перед дверью Кикаха снова поднял Рог и сыграл мелодию, ломавшую грань между вселенными. За дверью вдруг оказалась большая комната с голубыми стенами и ярким светом, струящимся из люстр, которые были сделаны из драгоценных камней: алмазов, рубинов, изумрудов и гранатов. Мебель тоже была изготовлена из драгоценных камней, скрепленных золотым цементом.

Кикаха видывал залы и пороскошней. Его внимание привлекла открытая круглая дверь в противоположном конце комнаты, оттуда как раз в эту минуту выплыл цилиндрический предмет темно-красного цвета. Он застыл примерно в футе от Кикахи. За цилиндром показалась светловолосая голова. Человек толкал предмет прямо на них.

Голова человека походила на башку Рыжего Орка. Казалось, он единственный, кто, находясь в другом месте, мог доставить к этим вратам предмет, несомненно означавший смерть для тех, кто занял этот дом.

Лучемет был наготове, но Кикаха не выстрелил. Если этот цилиндр набит какой-то мощной взрывчаткой, то он обязательно рванет от прикосновения луча.

Быстро, но бесшумно Кикаха закрыл дверь. Анана казалась озадаченной, поскольку она не видела то, что рассмотрел Кикаха. Он прошептал:

— Анана! К передней двери! И беги как можно быстрее, как можно дальше!

— С какой это стати? — возразила Анана.

— Вот! — Он сунул ей Рог и футляр. — Не спорь! Если он...

Дверь стала распахиваться. Из-за ее края высунулся тонкий изогнутый инструмент. Кикаха выстрелил по нему, разрезав его пополам. С другой стороны двери раздался крик, оборванный захлопнувшейся дверью. Кикаха с силой пнул по двери ногой.

— Беги! — крикнул Кикаха и, схватив Анану за руку, поволок ее за собой.

Перед тем как выскочить за дверь, он оглянулся. Раздался треск, когда дверь и часть стены вокруг нее с грохотом выпали наружу и через отверстие целиком пролез цилиндр.

Для Кикахи этого оказалось достаточно. Он выпрыгнул на крыльцо и слетел по ступенькам, волоча за собой Анану, одновременно не отпуская лучемет. Когда по дорожке они добрались до кирпичной стены, Кикаха повернул и побежал вдоль нее, держась рядом, так как стена давала электромагнитную защиту.

Взрыв, которого он ожидал, что-то задерживался.

В это мгновенье из-за угла квартала показался автомобиль, взвизгнув шинами. Он понесся к подъездной аллее. В машине Кикаха заметил шестерых человек. Одним из них мог быть Уртона. Потом Кикаха снова помчался. Они свернули за угол, из-за которого вылетел, не снижая скорости, автомобиль, и ничего по-прежнему не случилось. Анана что-то кричала, но Кикаха продолжал тащить ее дальше. Они пробежали целый квартал и пересекли улицу, чтобы вновь свернуть за угол, когда появился черно-белый патрульный автомобиль полиции. Ехал он медленно, так что сидевшие в нем имели массу времени, чтобы разглядеть двух беглецов. Любой, кто гулял по улице в этом районе после наступления темноты, становился подозреваемым. Бегущих же наверняка забирали в участок на допрос. Двоим же бегущим, которые тащили большой футляр для музыкального инструмента и нечто, походившее с виду на дробовик, гарантировался арест. Если, конечно, их смогут поймать.

Кикаха выругался и рванулся от автомобиля к ближайшему от них дому. Там горел свет и парадная дверь была открыта, хотя дверь из прихожей в дом была, вероятно, заперта. Позади них взвизгнули тормоза. Патрульная машина заскользила и остановилась. Громкий голос приказал им остановиться. Кикаха и Анана продолжали бежать. Они взлетели на крыльцо, и Кикаха потянул на себя дверь в прихожую. Он собирался проскочить

через дом и выйти через черный ход, рассчитывая, что полицейские вряд ли примутся сразу же стрелять в них, особенно, если здесь окажутся посторонние.

Кикаха снова выругался и рванул на себя ручку двери с такой силой, что вырвал замок. Они бросились внутрь дома. Анана следовала за ним. Пронесясь через вестибюль, они оказались в большой комнате с люстрой и широкой винтовой лестницей, ведущей наверх. В комнате сидели и стояли человек десять мужчин и женщин, все они были полураздеты. Женщины завизжали, мужчины заорали. Двое незваных гостей беспрепятственно пробежали мимо них. Сквозь шум, поднятый обитателями дома, стали слышны крики полицейских.

В следующее мгновение все шумы, производимые людьми, исчезли. Стекла окон вышибло взрывом, и сотрясение оказалось столь велико, словно на дом обрушился тайфун. Ударной волной всех швырнуло на пол.

Кикаха ожидал этого, да и Анана по его поведению поняла, что ждать надо чего-то очень страшного.

Они вскочили на ноги раньше всех остальных. Через несколько секунд Анана и Кикаха выскочили через заднюю дверь. Кикаха бросился обратно. Вся дорожка была усыпана битым стеклом, вылетевшим из окон какого-то близлежащего дома. Вокруг валялось несколько кустов и покореженная мебель.

У тротуара все еще стояла патрульная машина. Мотор ее работал, фары горели. Анана бросила футляр на заднее сиденье и влезла сама, а Кикаха положил лучемет на пол и сел на место водителя. Он пристегнул ремни безопасности и рванул машину, газанув на полную мощность. Проехав четыре квартала, он нажал кнопки, отключающие мигалку и сирену.

— Мы поедем к дому Уртона, во всяком случае, подберемся поближе к нему, — сказал Кикаха, — а потом бросим машину. Я думаю, Рыжий Орк сейчас там, чтобы выяснить, был ли Уртона в доме, когда рвануло.

Анана покачала головой и показала на уши. Она все еще ничего не слышала.

И неудивительно. Кикаха сам еле-еле слышал сирену, которая должна была просто бить по ушам.

Через несколько минут, пролетев на красный свет, они разминулись с машиной с включенной мигалкой, которая ехала им навстречу. Анана пригнулась, чтобы ее не заметили, но, вероятно, патрульные получили информацию по рации, что данный автомобиль угнан. Встречная патрульная машина резко развернулась, завизжав шинами, и помчалась за беглецами. Спортивная машина, летевшая через перекресток так, будто ее водитель намеревался игнорировать мигающий красный свет,

резко свернула, чтобы избежать столкновения. Сделав это не совсем удачно, водитель задел задний бампер полицейской машины, проделал сложный пируэт через бордюр и очутился на тротуаре.

Кикаха видел все это в зеркальце, когда нажимал на акселератор. Через некоторое время он проскочил знак "стоп", а вскоре остановил машину перед этим знаком так резко, что его бросило грудью на руль.

— Теперь ты меня слышишь? — прокричал Кикаха.

— Да, — ответила Анана, — тебе совсем незачем так орать.

— Мы сейчас в Беверли Хиллс. Прокатимся на этой машине как можно дальше, а потом бросим ее. Придется отрываться от полицейских, если, конечно, сумеем.

За ними помчалась еще одна патрульная машина. Она выскочила из боковой улочки, игнорируя знак "стоп" и вынудив еще одного водителя резко отвернуть в сторону и врезаться в бордюрный камень. Водитель патрульной машины рассчитывал проскочить перед их автомобилем и преградить им дорогу, но оказался недостаточно быстрым. Кикаха гнал теперь машину со скоростью восемьдесят миль в час, что оказалось слишком быстрым для данной улицы с многочисленными пересекающими ее боковыми улочками.

Скоро показалась деловая часть Беверли Хиллс. Свет в светофоре сменился на желтый, как раз когда Кикаха пролетел через перекресток. Он нажал на клаксон и обошел спортивную машину, слегка притормозив, а потом колеса его автомобиля попали в рытвину, машина подпрыгнула, Кикаха нажал на тормоза, снижая скорость до шестидесяти миль, но все равно его машина так сильно накренилась, что они могли перевернуться.

Навстречу приближалась патрульная машина. Проехав полквартала, она развернулась боком и преградила им дорогу. С обеих сторон от патрульной машины оставалось слишком мало места, но Кикаха уже решился.

Оба полицейских в мундирах вышли из машины. Один стоял за багажником с карабином в руках, другой — между передним бампером и припаркованными к тротуару машинами. Кикаха велел Анане пригнуться и погнал свою машину по узкому пространству. Слева от него раздался треск, автомобиль врезался в бампер патрульной машины, а другой стороной — в бок автомобиля, стоящего у тротуара. И все-таки они прорвались. Грохнул выстрел из карабина: на заднем стекле образовалась звездочка.

В этот момент из-за угла слева от них выскочила еще одна патрульная машина, она направлялась к ним. Кикаха врезал по тормозам. Они завизжали, а его кинуло на руль. Автомобиль

вильнул, закачался и врезался под тупым углом в перед патрульной машины.

Оба автомобиля остановились. Кикаху и Анану оглушило, но они сумели выбраться из автомобиля. Кикаха держал лучемет, а Анана — футляр. Они перебежали улицу, проскочили между двух припаркованных машин на тротуар, прежде чем услышали крики полицейских. Потом они помчались по узкому тротуару между двух высоких зданий вдоль деревьев и кустов. Они неслись по этой улице, пока не выскочили на следующую. Здесь Кикаха увлек Анану на север, увидел еще один темный проулок между двумя домами, и свернул туда. Примерно на высоте восьми футов над дверями одного из подъездов был козырек из прессованного бетона. Кикаха забросил на него лучемет, кинул футляр, повернулся, сцепил руки в замок. Анана поставила туда ногу и взлетела наверх. Она ухватилась за край козырька, Кикаха подтолкнул ее, и она забралась на козырек. Кикаха прыгнул вслед за ней и лег.

Мимо прогромыхали шаги. Несколько человек, тяжело дыша, пробежали под ними. Кикаха рискнул выглянуть и увидел в противоположном конце проулка освещенные фарами силуэты троих полицейских. Явно озадаченные, они переговаривались, не понимая, куда делись преследуемые. Затем они двинулись обратно, и Кикаха распластался на бетоне. Двое свернули за угол здания.

Но когда один из полицейских оказался под ними, Кикаха, внезапно осененный идеей, прыгнул ему на спину. Он сшиб фараона на землю, ударив при этом так сильно, что тот потерял сознание. Кикаха пнул его еще в челюсть.

Он надел фуражку полицейского и разрядил вынутый из его кобуры пистолет тридцать восьмого калибра. Анана спрыгнула вслед за Кикахой, сбросив предварительно лучемет и футляр с Рогом.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

— Он перекрыл бы нам путь к отступлению. Кроме того, есть одна неповрежденная машина и нам предстоит ее позаимствовать.

Четвертый полицейский сидел в машине и что-то говорил в микрофон. Он не видел Кикаху, пока тот не оказался на расстоянии сорока шагов. Полицейский выронил микрофон и схватился за карабин, лежавший на сиденье. Лучемет, установленный на оглушающий удар, ударил его в плечо и отшвырнул к другой дверце автомобиля. Полицейский упал ничком, выронив карабин.

Кикаха вытащил полицейского из машины, заметив, что сквозь рукав его рубашки просачивалась кровь. Лучемет, даже

установленный на "оглушающую" мощность, мог раздробить кость, порвать кожу и кровеносные сосуды.

Как только Анана села в автомобиль, Кикаха развернул его на север. Сзади по встречной полосе его догоняли сразу два полицейских автомобиля.

Промчавшись через перекресток на красный свет, Кикаха посмотрел в зеркальце и увидел, что полицейские машины развернулись и погнались за ним.

Уличное движение впереди было таким плотным, что у Кикахи не было шансов ни влиться, ни пересечь его. Ничего не оставалось делать, как свернуть в переулок. Он повернул налево. Переулок шел вдоль стены бакалейно-гастрономического магазина.

Затем Кикаха выехал на другую улицу. Он так сильно нажал на тормоза, что машину занесло и она заскрежетала колесами по кирпичной стене. Анану бросило к Кикахе.

Полицейские машины, двигающиеся медленней, чем Кикаха, следовали за ним. Когда первая из них вышла из виража, Кикаха выстрелил по ее шинам. Передок автомобиля отвалился, и раздался визг тормозов.

Автомобиль покачался вверх-вниз, потом дверцы его раскрылись, как крылья птицы перед полетом.

Кикаха рванул прочь. Анана следовала за ним. Он повел ее через стоянку у гастрономического магазина на улицу.

Свет в светофоре переменился на красный, и машины встали. Кикаха подбежал сзади к спортивному автомобилю, где за рулем сидел юнец с длинными черными волосами, в огромных круглых очках, с ястребиным носом и жесткими черными усиками. Правой рукой юнец барабанил по приборной доске под хриплую музыку, несущуюся из приемника. Кикаха считал, что это не музыка, а два чудовища Сцилла и Харибда трутся друг о друга. Руки Кикахи промелькнули словно две молнии. Юнец застыл. Прежде чем он сумел что-то предпринять и повернуть голову, ему расстегнули ремни безопасности. Словно мешок с картошкой он сполз с сиденья, и руки Кикахи грубо швырнули его на тротуар. Мгновенье он полежал там, потом вскочил на ноги, воя от злобы. К этому времени Кикаха и Анана уже сидели в его автомобиле и уносились прочь.

Оглянувшись, Анана заметила:

— Мы убрались как раз вовремя.

— Какие-нибудь полицейские машины преследуют нас?

— Нет. Пока нет.

— Отлично. Нам осталось проехать всего пару миль.

Кикаха уже припарковал машину в полутора кварталах от дома Уртона, но полиция так и не появилась.

— Мне описали расположение дома, — сообщил Кикаха, — так что мы не заблудимся, когда войдем. Коль скоро мы окажемся в доме, дела могут пойти быстрее. Думаю, что там окажется Рыжий Орк. Я считаю, он пройдет туда через врата просто удостовериться, что Уртона погиб. Однако Уртона может оказаться живым, так как он — старая лиса. Он должен был почуять ловушку. Я знаю, что, прежде чем пытаться войти в этот дом, я сначала все бы хорошенько разнюхал.

Дом был хорошо освещенным, но в нем никого не оказалось. Кикаха с Ананой пошли вдоль фасада и поднялись на крыльцо. Кикаха потрогал дверь и обнаружил, что она заперта. Быстрое вращение дулом лучемета, включенного на пробивающий удар, и замка как не бывало. Они вошли в безмолвный дом и, когда закончили его осматривать, обнаружили лишь попугая в клетке. И только он нарушал тишину, пронзительно крича что-то.

Кикаха вытащил из футляра Рог и начал искать в доме резонансные точки. Он поступал здесь точно так же, как и в доме Рыжего Орка. Он переходил из комнаты в комнату, начав со спальни и кабинета Уртона, так как чаще всего врата располагались именно там. Однако тщетно Рог расходовал мелодичные звуки, пока Кикаха не наткнулся на небольшой чулан внизу, недалеко от лестницы. Стена выдала крохотное белое пятнышко, похожее на слезинку, а потом пятнышко расширилось и превратилось в дыру в другой мир.

Мельком Кикаха заметил там комнату, которая была точным дубликатом этого чулана. Тут Анана тихо вскрикнула и дернула его за рукав. Кикаха повернулся и услышал шум, который вызвал тревогу у Ананы. На крыльце раздались шаги, за ними последовала трель звонка. Кикаха двинулся через помещение, остановился на полдороге и бросил Рог Анане:

— Держи эти врата открытыми!

Под мелодию Рога, мягко плывущую по помещению, Кикаха подошел к окну и чуть приподнял штору. На крыльце стояли трое полицейских, а один человек в штатском как раз двигался вдоль стены дома. На улице расположились два полицейских автомобиля и один автомобиль без номера.

Кикаха повернулся к Анане:

— Наверное, Уртона оставил снаружи человека, который нас высматривал. Он позвонил фараонам. Должно быть, дом был окружен.

Они могли попробовать прорваться с боем, сдаться или уйти через врата. Драться — означало убивать людей, чья единственная вина заключалась в том, что они по ошибке принимали Кикаху за преступника.

Если же Кикаха отдаст себя в руки полиции, то тем самым приговорит к смерти себя и Анану. Как только любой из Господов узнает, что они в тюрьме, он тем или иным способом до них доберется.

Кикаха не хотел уходить через врата, не приняв каких-либо мер предосторожности, но выбора у него не было.

— Пошли! — скомандовал он Анане и прыгнул через уменьшающееся отверстие с лучеметом наготове. Анана, держа Рог, последовала за ним.

В том, другом уже мире Кикаха пинком распахнул дверь и отпрянул назад. Подождав минуту, он шагнул за порог. Чулан располагался неподалеку от подножия лестницы — точь-в-точь его эквивалент на Земле. Помещение за ним оказалось огромным, его мраморные стены украшали яркие фрески, мозаичный пол был из разноцветного мрамора. Снаружи стояла ночь, свет давали многочисленные масляные лампы и факелы на стенах. За ними, в отбрасываемой колоннами тени, находились двери в другие помещения и на улицу.

Не слышалось ни звука, кроме шипения и треска пламени.

Кикаха прошел через все комнаты и оказался в приемной, стены которой были украшены изображениями дельфинов и осьминогов. Кикаха уже понял, что его ожидает на крыльце с огромными колоннами. Он снова оказался на Земле номер два.

По крайней мере, представлялось, что дело обстоит именно так. Разумеется, полная Луна, близкая к зениту, была земной Луной. И глядя с крыльца, находившегося близ невысокой горы, Кикаха мог бы поклясться, что смотрит на дубликат той части Калифорнии, где на Земле номер один был выстроен Лос-Анджелес. Топография, насколько Кикаха мог определить в темноте, была той же самой. Правда, этот город был поменьше, чем Лос-Анджелес на Земле номер одни, с меньшим числом огней, уступавших в яркости и расположенных здесь, в отличие от настоящего Лос-Анджелеса, дальше друг от друга. Кикаха бы предположил, что населения в этой долине много меньше, чем в долине Калифорнии.

Воздух был чистым, а Луна и звезды — большими, яркими. Не было намека на запах бензина. Кикаха ощущал лишь слабый запах лошадиного навоза, но он был приятным, очень приятным.

Конечно, он, может быть, был и неправ, но казалось, что технологическая мысль на этой Земле развивается не так быстро, как на его родной планете.

Очевидно, Уртона нашел врата, что вели в этот мир.

Тут до Кикахи долетел голос, доносившийся из одной большой комнаты. Он взял Анану за руку и увлек ее в тень от ко-

лонны. Вдруг на крыльце появились трое. Двое мужчин были одеты в кильты, сандалии и матерчатые куртки со стоячими воротниками, пышными рукавами и фалдами. Один из них — невысокий, темноволосый, средиземноморского типа, походил на слугу Рыжего Орка. Второй оказался высоким, краснолицым и рыжеволосым. Третьей была женщина, блондинка с полной фигурой, она тоже была одета в кильт и куртку, но ее куртка не была застегнута и открывала голые груди, поддерживающиеся жесткой палкой, которая выступала из огненно-красного корсажа. Волосы ее были уложены в сложную прическу. На свое лицо она не пожалела косметики. Женщина вздрогнула, произнесла что-то на языке, похожем на семитский, и застегнула куртку.

Если эти люди были всего лишь слугами, то они решили себе позволить прокатиться с шиком. Из-за угла дома выехала коляска, похожая на кабриолет, запряженная двумя красивыми лошадьми. Она остановилась перед крыльцом. Кучер спрыгнул с козел и помог всем сесть в коляску. Кучер носил высокую шляпу с ярко-красным пером, куртку с громадными золотыми пуговицами и алыми позументами, тяжелый голубой жилет и высокие сапоги.

Трое уселись в коляску и отбыли. Кикаха следил за масляными фонарями на кабриолете, пока они не скрылись на дороге, извивающейся между холмами.

"Этот мир, — подумал Кикаха, — очень интересно изучить".

На первый взгляд его физические свойства были такими же, как и на Земле номер один. Этих близнецов поместили в одинаковые края, дали им одинаковых людей и одинаковые понятия, а потом предоставили самим себе. Кикаха полагал, что различия между здешним народом и людьми его мира начали развиваться почти сразу же. А в результате за пятнадцать тысяч лет сложилась совсем другая история и культура.

Ему хотелось бы остаться и побродить по этой Земле. Но сейчас требовалось разыскать Вольфа и Хрисенду, а чтобы сделать это, надо было найти и захватить в плен Уртона. И здесь им должен был помочь Рог — открыть нужные врата.

И сделать это будет нелегко, как выяснил Кикаха через несколько минут. Звук Рога, хотя и негромкий, привлек внимание слуг. Кикаха разок выстрелил из лучемета по ближайшей к ним колонне. Слуги увидели появившуюся в колонне дыру и с воплями убежали прочь. Кикаха сказал Анане, чтобы она продолжала играть, но шум в глубине дома убедил его,что им не стоит оставаться здесь. Это здание было слишком большим, чтобы они могли без спешки обследовать весь первый этаж. Вероятнее всего, врата находились в спальне и в кабинете хозяина дома.

Но эти помещения, по всей видимости, располагались на втором этаже.

Когда они одолели половину лестницы, появилось множество людей в стальных конических шлемах, с небольшими круглыми щитами и копьями. Среди них находились и три человека, которые несли большие, тяжелые, неуклюжие на вид ружья с деревянными прикладами и кремниевыми замками.

Кикаха перерезал лучом дуло одного из мушкетов, воины тут же рассеялись, но они перегруппировались раньше, чем Кикаха и Анана успели добраться до верха лестницы. Кикаха перерезал мраморную колонну в двух местах, сверху и снизу. Колонна рухнула с грохотом, который сотряс все здание, и вооруженные бойцы бежали с поля боя.

Этот разгром дорого стоил, так как небольшая выпуклость сбоку лучемета вдруг замигала красным светом. Осталось мало энергии, а другого зарядного устройства у Кикахи не было.

Они нашли спальню, которая, казалось, принадлежала Господу. Безусловно, она была достаточно великолепна, но в этом особняке все было таким. Здесь висело большое количество всякого оружия: мечи, топоры, кинжалы, металлические ножи, палицы, рапиры и — о радость! — луки и колчаны со стрелами. Пока Анана исследовала с помощью Рога стены и пол, Кикаха выбрал для нее нож, а потом натянул на лук тетиву. Он перекинул через плечо колчан и почувствовал себя намного лучше. В лучемете оставалось достаточно энергии на несколько секунд полной мощности. Потом Кикахе придется полагаться на себя и на первобытное оружие.

Кикаха выбрал для Ананы легкий топор, подходивший, как ему казалось, для метания. Анана обладала большим опытом в применении любого оружия и, хотя уступала ему в силе, была очень искусна.

Анана перестала трубить в Рог. С потолка на золотых цепях опустилась кровать, а за ней в стене расползался круг света. Свет словно растворился, появились тонкие колонны, подчеркивающие украшенный фресками потолок. А за колоннами виднелось множество деревьев.

От удивления Анана даже вскрикнула. И в ее возгласе была и радость, и печаль. Она двинулась было вперед, но Кикаха придержал ее.

— Что за спешка! — возмутился он.

— Это дом! — воскликнула Анана. — Родной дом!

Все ее существо излучало радость.

— Твой мир? — уточнил Кикаха.

— О, нет! Родной дом! Я здесь родилась! Мир, откуда произошли Господы!

Там, казалось, не было никаких ловушек, но это ничего не значило. Однако шум голосов снаружи означал, что им лучше приготовиться к бою. Поскольку заряд лучемета был сильно истощен, отбиваться от нападения Кикаха долго не смог бы.

— Ходу! — скомандовал он и прыгнул через врата. Анана пригнулась пониже и последовала за ним, так как отверстие уже стало смыкаться.

— Ты помнишь то высокое здание на Уилшир неподалеку от Музея Искусств? — спросила Анана, поднимаясь на ноги. — Большое такое с огромной вывеской "Калифорния федерал"? Оно всегда так и пылало ночью от рекламы. — Кикаха кивнул, и она закончила: — Вот эта беседка находится на том же самом месте. Я хочу сказать, на участке, соответствующем этому.

Здесь ничего не указывало на сходство, соответствующее бульвару Уилшир. Росшие здесь деревья, безусловно, лишали эту местность сходства с низинами Калифорнии, но Анана объяснила, что Господы создали здесь реки и ручьи, чтобы мог вырасти этот лес. Беседка была одной из многих, построенных для того, чтобы семья могла провести здесь ночь, удалиться сюда для медитации или заниматься чем-либо еще, кому что нравилось. Все основные жилища находились на побережье.

В этой долине никогда не бывало много народу, и, когда родилась Анана, здесь жили лишь три семьи. Позже, по крайней мере ее так учили, все Господы покинула эту долину. Вернее, они покинули и весь этот мир и отправились в свои собственные искусственные вселенные, а оттуда повели войны друг с другом.

Кикаха позволил ей побродить вокруг. Анана тихо восклицала про себя или подзывала Кикаху посмотреть на что-то. Кикаха удивлялся, что она вообще что-то помнила, поскольку она не была здесь три тысячи двести лет. Когда он об этом подумал, то спросил, где находятся врата, через которые она сюда попала.

— Они на вершине валуна, примерно в полумиле отсюда, — пояснила Анана. — Здесь еще множество врат, разумеется, замаскированных. И никто не знает, сколько их тут. Конечно же я не знала о вратах под каменным полом беседки. Уртона, должно быть, поместил их туда давным-давно, может, десять тысяч лет назад.

— Эта беседка такая древняя?

— Да, древняя. В ней, конечно, есть самообновляющееся и самоочищающееся оборудование. А то, что помогает содержать лес и местность в первозданной чистоте, находится под землей. Эрозия этой почве не грозит.

— А здесь не припрятано для тебя какого-то оружия?

— Его много как раз за теми вратами, — ответила Анана. — Но их заряды постепенно превратились в нечто и, кроме того,

у меня нет активатора... — Анана помолчала, потом добавила: — Я забыла про Рог. Он может активизировать любые врата, но там действительно нет ничего, что могло бы нам помочь.

— А куда ведут эти врата?

— Они ведут в комнату, где есть другие врата, а те открывают путь прямо во дворец в моем собственном мире. Но в них есть ловушка. Мне пришлось бросить свой дезактиватор, когда в мой мир вторглись Колокольники и я бежала через другие врата в мир Джадавина.

— Покажи мне все же, где этот валун. Если понадобится, мы сможем укрыться за его вратами, а позже сумеем выйти.

Но сперва требовалось поесть и, если возможно, поспать. Анана провела его в дом, правда, сначала она долго изучала его, ища ловушки. На кухне стоял изысканный мраморный шкаф. В нем находился фабрикатор, большая часть которого была спрятана под домом. Анана осторожно открыла его, что-то проделала и снова закрыла. Через пять минут Анана снова открыла шкаф. Там стояли тарелки, чашки, блюда, наполненные вкусной едой и напитками. Собиратели энергии-материи под землей ждали приказа подать этот обед тысячи лет и прождут, может, еще сто тысяч лет, пока подадут следующий.

Поев, они вытянулись на свисающей на цепях кровати. Кикаха расспросил Анану о местности. Она уже почти засыпала, когда Кикаха проговорил:

— У меня такое ощущение, что попали мы сюда не случайно. Я полагаю, что либо Уртона, либо Рыжий Орк устроили так, чтобы мы оказались здесь, проявив достаточно проворства и ума. И тот, и другой, кто бы это ни сделал, наверняка устроил так, чтобы другой Господь, его враг, тоже оказался здесь, если он еще жив. Я чувствую, что это финал спектакля и что Уртона и Орк организовали все, чтобы сыграть здесь концовку трагедии. Это было бы очень похоже на Господа — привести своих врагов домой на родную планету и там их убить. Это всего лишь ощущение, но я намерен действовать так, будто точно это знаю.

— Ты бы все равно действовал именно так, — иронически отозвалась Анана. — Но я думаю, что ты, может быть, прав.

Она уснула. Кикаха встал с постели и вышел в переднюю покараулить. Солнце начало уже клониться к горизонту. Вокруг бассейна с фонтаном летали прекрасные птицы, большинство предков которых были, должно быть, созданы в биолабораториях Господов. Один раз из лесу вышел большой бурый медведь и приблизился к дому. Потом Кикаха услышал звук, наполнивший его радостью. Это пронзительно протрубил мамонт. Боевой клич животного напомнил Кикахе об индейском ярусе в мире Вольфа, где мамонты и мастодонты миллионами бродили по

равнинам и лесам на территории, большей чем вместе взятые Южная и Северная Америка. Он ощутил ностальгию и гадал, увидит ли он этот мир вновь, и если увидит, то когда. Хровака, медвежий народ, прекрасные и великие индейцы, усыновившие его, погибли. Стали жертвой Колокольников. Но были и другие племена, которые охотно бы усыновили его. Даже те, кто называл его величайшим врагом и много лет охотился за его головой и скальпом.

Кикаха вернулся в спальню и разбудил Анану, потом лег сам и велел ей поднять его примерно через час. Так она и сделала. И хотя ему хотелось проспать остаток дня и еще полночи, он заставил себя встать.

Они еще немного поели и немного еды прихватили с собой. Потом двинулись через лес и вышли на тропу, протоптанную мамонтами. Анана и Кикаха направились по тропе, прислушиваясь, не раздастся ли трубный глас животных. Здесь им не досаждали ни мухи, ни москиты. Существовала лишь какая-то разновидность жуков, которыми кормились птицы.

Одни раз они услышали грозное рычание. Они остановились, но рычание не повторилось, и они пошли дальше. Оба узнали рев саблезубого тигра.

— Если это было поместье твоей семьи, то зачем твои родные держали поблизости больших и таких опасных зверей? — спросил Кикаха.

— Тебе следовало бы это знать. Господы любят опасность. Она — единственная приправа вечности. Бессмертие — ничто, если ты не можешь в любой момент лишиться его.

Это была правда. Оценить такое могли лишь обладавшие бессмертием. Но он иногда желал, чтобы этой острой приправы было все-таки не так много. За последнее время Кикаха ни разу не отдохнул как следует, и его нервы были словно оголенные провода под током.

— Как ты думаешь, кто-нибудь еще знает о вратах и валуне?

— Уверенным ни в чем нельзя быть, — ответила Анана. — Но не думаю. А что? Ты подозреваешь, что Уртона догадывается, что мы направляемся к валуну?

— Это кажется вполне вероятным. Иначе он устроил бы нам ловушку в беседке. Я считаю, что он, возможно, ожидает нас там и желает, чтобы мы отправились к валуну, потому что он и другого Господа ведет к тому же самому месту. Это будет местом встречи нас и наших врагов.

— Ты этого не можешь знать точно. Это все твой подозрительный ум. Это ты все так бы организовал, если бы был Господом.

— Только поглядите, кто это меня называет ненормаль-

ным, — улыбнулся Кикаха. — Может, ты и права. Но я столько всего пережил, что слышу, как щелкают тумблеры в головах у других людей.

Он решил, что лучеметом следует управлять Анане, а он будет держать наготове лук и стрелы.

Недалеко от края поляны Кикаха заметил легкое вспучивание почвы. Оно было примерно в четверть дюйма высотой и два дюйма в ширину и тянулось на несколько футов. Потом оно исчезло. Несколько ярдов Кикаха прошел зигзагообразно и наконец нашел еще одно вспучивание, которое едва заметно двигалось и вскоре исчезло.

Кикаха вернулся к наблюдавшей за ним с озадаченным видом Анане.

— Тебе известно о каких-нибудь подземных работах, что здесь велись? — спросил он.

— Нет. А что?

— Может быть, это вызвано землетрясением, — проронил Кикаха и больше не рассуждал об этих странных вспучиваниях.

Валун оказался размером с однокомнатное бунгало и располагался недалеко от края поляны. Он был из красно-черного граната и привезли его сюда с севера вместе с тысячами других валунов, чтобы разнообразить ландшафт. Валун находился примерно в ста ярдах к северо-востоку от смоляной ямы. Эта яма, как понял Кикаха, была тех же размеров и находилась почти на том же месте, что и смоляная яма, которую они обнаружили с Ананой на Земле в парке Музея Изящных Искусств.

Они опустились на четвереньки и медленно поползли к валуну. Когда Кикаха с Ананой оказались в тридцати ярдах от него, Кикаха пополз вокруг валуна, пока не осмотрел огромный камень со всех сторон. Вернувшись, он объявил:

— Я не считал, что он будет настолько тупым, чтобы спрятаться за валуном. Но вот спрятаться в нем самом было бы хорошо. Или, может, он сидит в лесу и дожидается, когда мы откроем врата, поскольку он снабдил их ловушкой.

— Если ты прав и он ждет третьего участника... — Анана оборвала фразу и стиснула ему руку. — Я видела кого-то! Вон там!

Она указала через долину на густой лес, где находился бы Художественный Музей Лос-Анджелеса. Кикаха посмотрел туда, но ничего не увидел.

— Это был мужчина, я уверена в этом! — твердила Анана. — Высокий мужчина. Я думаю, это был Рыжий Орк.

— Оружие какое-нибудь заметила? Лучемет?

— Нет. Я увидела его лишь мельком, а потом он пропал за деревьями.

Кикаха начал беспокоиться еще больше. Он следил за птицами и заметил, что ворона каркала, как безумная, недалеко от места, где Анана видела Рыжего Орка. Вдруг та птица рухнула с ветки, и больше они ее не видели и не слышали. Кикаха ухмыльнулся: Господь сообразил, что она выдает его, и подстрелил птицу.

В ста ярдах от них, недалеко от края смоляной ямы, несколько голубых соек устроили дикий крик, бросаясь на что-то в высокой траве. Кикаха наблюдал за ними, но через минуту из травы выскочила рыжая лиса и побежала. Сойки полетели за ней.

Теперь наступила относительная тишина. Лежать в высокой траве стало жарко. Иногда поблизости жужжало небольшое насекомое. Один раз к ним метнулась тень, и, подняв глаза, Кикаха разглядел стрекозу, мерцавшую крылышками золотисто-зеленого цвета. Стрекоза взмыла вверх, помахивая крыльями чуть ли не в полудюйме от его лица. Время от времени до них докатывался трубный рев и издалека долетал вой, похожий на волчий, а однажды над ними хрипло прокричала какая-то птица.

Ни Кикаха, ни Анана больше не замечали никаких признаков присутствия человека, принятого Ананой за Рыжего Орка. И все-таки он, должно быть, находился где-то тут. Он даже мог заметить их и подползти к их укрытию. Эта мысль заставила Кикаху несколько отползти от валуна. Они проделали это очень медленно, чтобы как можно меньше задевать высокую траву. Когда они обосновались под деревьями на краю поляны, Кикаха сказал:

— Нам не следует оставаться на месте. Я собираюсь пойти в лес, но недалеко. Там я смогу лучше осмотреться.

Он поцеловал Анану в щеку и уполз. Оглядевшись, Кикаха решил занять пост за кустом на небольшом пригорке. Позади него росло дерево, которое могло скрыть Кикаху от любого, кто попытается к нему приблизиться. Правда, оно могло закрыть от него и приближающуюся опасность, но Кикаха рискнул. Пригорок давал ему преимущество перед тем, кто мог оказаться ниже.

Анану рассмотреть он не мог, хотя и знал точно, где она. Несколько раз трава колыхалась в направлении, противоположном ветерку. Если Орк или Уртона заметили это, то...

Кикаха замер. Трава начала шевелиться едва заметно примерно ярдах в двадцати от Ананы. Минут десять все было спокойно, а потом трава вновь пригнулась в сторону Ананы, затем вновь выпрямилась, словно кто-то постепенно ее отпускал. Спустя несколько минут трава шевельнулась снова.

Кикаха был поглощен наблюдением за продвижением кого-то к Анане, но не отвлекался и от всего прочего. Взглянув через плечо, Кикаха заметил мелькнувшую сквозь ветки куста, примерно в шестидесяти метрах от него, белую кожу. Сперва он хотел переместиться со своей позиции на другую. Но если он это сделает, то, вполне вероятно, будет замечен этим белокожим. Возможно, его уже и так заметили. Как раз лучше всего оставаться неподвижным.

Солнце плыло по небу к горизонту, и тени удлинились. Тот, кто крался к Анане, двигался рывками и очень медленно. Только примерно через час он оказался футах в двенадцати от нее. Знала она об этом или нет, Кикаха не мог определить.

Он достал из футляра Рог и ждал, положив стрелу на тетиву лука. Снова трава пригнулась в сторону Ананы, и кто-то приблизился к ней на целый фут.

Позади Кикахи не было ничего, кроме стремительно снижавшейся между двух деревьев ярко-красной птицы.

Вскоре на другую сторону поляны протрусил, держась поближе к деревьям, громадный черный волк. Он достигал в высоту четырех с половиной футов и мог одним махом отхватить ногу человеку. Это был страшный волк, вымерший на Земле около десяти тысяч лет назад, но его было еще полно в мире Джадавина. Волк был воссоздан в биолабораториях Господов. Гигантский волк трусил столь же осторожно и пружинисто, как тигр, его красный язык свисал, словно попавший под ливень флаг. Он бежал настороженно, но уверенно ярдов двадцать, потом замер. Несколько секунд он поворачивал голову, осматривая примерно четверть горизонта, затем снова двинулся, но уже припадая к земле. Кикаха следил за ним, наблюдая одновременно за передвижением неизвестного к Анане. Это оказалось довольно сложно. Поэтому он чуть не прозевал мгновенный прыжок волка.

Тот внезапно бросился к какому-то месту в лесу, затем точно так же внезапно прекратил атаку, с воем развернувшись к поляне, и побежал в сторону Ананы. Шкуру его на спине и задних лапах охватило пламя.

Кикаха сразу понял, что в игру вступило еще одно лицо и что оно пыталось отпугнуть волка коротким маломощным выстрелом из лучемета. Но в спешке неизвестный установил слишком большую мощность и поджег волка вместо того, чтобы просто оглушить его.

А может, он это сделал намеренно? Неизвестный мог подпалить зверя и направить его в нужную сторону, чтобы посмотреть, кого он сможет испугать.

Каковы бы ни были у того намерения, этот неизвестный расстроил планы того, кто подкрадывался к Анане. И Анана тоже была ошарашена, услышав довольно близко волчий вой. Она не смогла удержаться и подняла голову ровно настолько, чтобы рассмотреть, что происходит.

Кикаха хотел еще разок быстро оглянуться, но времени на это у него не оставалось. Он поднялся, натянул тетиву и выпустил стрелу как раз тогда, когда футах в сорока от Ананы над травой поднялось нечто темное. Нечто было одето во все черное и носило черный шлем с черным забралом, точно такой же, какой носили лос-анджелесские мотоциклисты. У плеча оно держало приклад короткоствольного лучемета.

Тем временем волк выл и бежал дальше, пламя от него перескакивало на сухую траву, и она загоралась. Стрела Кикахи пронеслась между деревьями и краем поляны, солнце сверкнуло на ее медном наконечнике. Она попала черному как раз под левую руку, которую он поднял, чтобы поддержать лучемет. Стрела отскочила, но черный человек, хотя и защищенный какими-то гибкими доспехами, все равно упал.

Из его рук выпал лучемет. Поскольку за мгновение до того он его включил, то лучемет прожег в траве огненный туннель, перерезал передние лапы волку, который упал с еще более громким воем. Но скоро вой прекратился, поскольку луч разрезал тело волка. Огонь быстро распространялся. Повалил дым, но Кикаха увидел, что Анану не задело и что она быстро ползет к упавшему лучемету.

Тут Кикаха резко обернулся, вытаскивая из колчана стрелу и натягивая ее на тетиву лука. Он увидел высокого человека, высунувшегося из-за ствола дерева. Тот держал лучемет, нацеленный на Кикаху. Кикаха прыгнул за дерево, пригнулся, зная, что не сможет выпустить стрелу достаточно быстро и метко.

Запахло паленым, раздался глухой стук. Луч прорезал ствол, и верхняя часть дерева осела на пару дюймов, ударившись гладко обрубленным комлем о пенек.

Кикаха шагнул влево и выстрелил со всей меткостью, на которую был способен. Стрела шла так близко к дереву, но вдруг она взмыла вверх, чуть-чуть не задев человека, державшего лучемет. Человек отпрыгнул, а потом дерево над Кикахой рухнуло, свалившись на ту сторону, где было больше ветвей. Оно упало бы на Кикаху, но он успел отпрыгнуть и поэтому остался жив. Но одна ветка стукнула его по голове и все вокруг стало черным и беспросветным.

Когда он очнулся, то понял, что времени прошло немного. Солнце продвинулось недалеко. Голова у него болела так,

словно в нее врос корень и запутался в самых чувствительных нервах. Одна ветка дерева давила ему на грудь, а в ногах было такое ощущение, словно их прижала другая ветка. Кикаха мог немного двигать руками и поворачивать голову, но в остальном его движения были столь же ограниченны, как и у попавшего под обвал.

Едкий дым заставил Кикаху закашлять. Трещало пламя и лизало ему подошвы. Кикаха осознал, что он может заживо сгореть, но ему никак не удавалось выбраться из-под дерева. Кикаха подумал об остальных. Что случилось с Ананой? Почему ее здесь нет и она не старается освободить его? А человек, который срезал дерево? Не подбирается ли он к нему, оставаясь незамеченным? Попал Кикаха в него или нет? И еще был человек в черном, которого сшибла с ног его стрела, и еще человек на другой стороне поляны, который поджег волка.

Если Анана быстренько что-нибудь не сделает, то может о Кикахе забыть. Дым становился гуще, а ступням Кикахи все жарче. Может, это конец? Приходит конец всем, даже тем Господам, что прожили пятнадцать тысяч лет. Но если уж придется Кикахе умереть, то пусть это случится в его любимом, усыновившем его мире.

Затем он отбросил эти мысли. Он еще не умер и не собирается прекращать борьбы. Каким-то образом он скинет с груди это мерзкое дерево и уползет туда, куда огонь не сможет добраться и где он будет скрыт от своих врагов. Но где же Анана?

Его заставил вздрогнуть громкий голос. Он раздался в футе от Кикахи. Тот повернул голову и увидел лицо Рыжего Орка.

— Так, значит, лис попал в свою собственную западню? — произнес Рыжий Орк по-английски.

— Конечно же ты все так и спланировал, — отозвался Кикаха.

Господы всегда были жестоки, и Рыжий Орк непременно захочет, чтобы Кикаха умер медленно, чтобы он полностью изведал вкус поражения. Ни один Господ не убивал врага быстро, если это было в его силах.

Кикаха должен был как можно дольше поддерживать разговор с Рыжим Орком. Если Анана приблизится к ним, то лучше, если Рыжий Орк будет занят беседой.

Господь хотел поболтать, поиздеваться над своей жертвой, но бдительность не терял. Лежа рядом с Кикахой, он держал лучемет наготове и посматривал в разные стороны

— Значит, ты победил? — спросил Кикаха, хотя и не верил, что Рыжий Орк одолел его. Кикаха не поверил бы в это, до самой своей смерти.

— Тебя — да, — ответил Рыжий Орк, — других еще нет. Но одолею и их.

— Значит, Уртона все еще там, — заключил Кикаха. — Скажи мне, кто же расставил эту ловушку? Ты или Уртона?

Рыжий Орк перестал улыбаться.

— Я ни в чем не уверен. Ловушка могла быть настолько хитро устроена, что меня привели к мысли, будто ее расставил я. А может, и действительно это сделал я. Какое это имеет значение? Это последнее поле боя для всех нас. И это был хороший бой, поскольку мы сражались самостоятельно. Мы бились, как нам подобает. Ты — единственный землянин, принимавший участие в этом сражении, и теперь я убежден, что ты и вправду, вероятно, наполовину Господь. Ты бесспорно обладаешь семейным сходством с нами. Твоим отцом мог быть и я. Или Уртона. Или Уризен. Или даже этот темноволосый Джадавин. В конце концов, гены для создания рыжих волос у него были. — Рыжий Орк помолчал, а потом добавил: — И возможно, что твоей матерью могла быть и Анана. В этом случае — ты чистокровный Господь. Этим бы удалось объяснить твои необыкновенные способности и изумительные успехи.

Густой клуб дыма прошелся над Кикахой, вызвав новый приступ кашля. Рыжий Орк выглядел встревоженным и чуть отодвинулся, повернувшись к Кикахе спиной. С ногами Кикахи что-то произошло. Они перестали ощущать жар. Впечатление такое, будто на них навалили груду земли.

— Не знаю, к чему ты клонишь, Орк, — сказал Кикаха, — но Анана не могла быть моей матерью. Во всяком случае, я знаю, кто были мои родители. Они — фермеры в штате Индиана и происходили из старого американского рода, а тот, в свою очередь, из шотландских, норвежских и ирландских эмигрантов. Я родился в очень маленькой деревушке севернее Терре-Хота, и нет никакой тайны...

Он вдруг осекся, так как тайна все-таки существовала. Его родители переехали в Индиану из Кентукки перед самым его рождением, и он вдруг вспомнил дядю Роберта, навещавшего их время от времени. А потом, когда Кикаха записался добровольцем в армейскую кавалерию, возникли затруднения со свидетельством о рождении. А когда после войны он вернулся в Индиану, неизвестный благодетель оставил ему десять тысяч долларов. Это должно было помочь ему закончить колледж, кроме того, ему намекнули на поступление новых сумм.

— Нет никакой тайны? — переспросил Рыжий Орк. — Я знаю о тебе больше, чем тебе могло показаться. Когда я выяснил твое настоящее имя — Пол Янус Финнеган, я кое-что вспомнил и проверил. И поэтому...

Кикаха снова закашлялся, Орк замолчал. Через секунду из дыма возникла фигура, выскочившая с другой стороны дерева, где, по мнению Кикахи, не могло быть ничего живого. Фигура нырнула сквозь облако дыма и растянулась на Рыжем Орке, так что тот упал на спину и выронил лучемет.

От удивления и шока Орк заорал благим матом и попытался добраться до лучемета, но нападавший скомандовал приглушенным голосом:

— Ни с места! Или разрежу пополам!

Кикаха выгнул шею. Голос он конечно же узнал, но все еще не мог в это поверить. Затем Кикаха сообразил, что это Анана навалила земли на его ноги или накрыла их чем-то.

Тут Анана повернулась к нему, все еще держа Рыжего Орка под прицелом лучемета. Нос и рот у нее были обвязаны какой-то тряпкой, смоченной жидкостью. Анана всегда отличалась умением трезво оценивать ситуацию.

Жестом она приказала Орку отодвинуться от своего лучемета. Тот отполз назад, злобно глядя на Анану.

Анана шагнула вперед, отшвырнула прочь свой лучемет, одновременно успев схватить лучемет Орка. Затем, снова направив оружие на Рыжего Орка, она сдернула с лица тряпку и, слегка улыбнувшись, поблагодарила:

— Спасибо за лучемет, дядя. У моего кончился заряд.

Вид у Рыжего Орка был такой, будто его шарахнуло пыльным мешком.

— Ладно, дядя, — нагнувшись, скомандовала Анана, — стаскивай с него это дерево. И быстро!

— Я не могу поднять его, — огрызнулся Орк. — Даже если я сломаю спину, пока буду это делать, то все равно не сумею поднять эту махину.

— Попытайся, — посоветовала Анана.

На лице Орка появилось выражение упрямства:

— А зачем мне утруждаться? Ты все равно убьешь меня. Так сделай это сразу.

— Я спалю тебе ноги и выжгу глаза, — пообещала Анана, — я брошу тебя здесь слепого и безногого, если ты не вытащишь его из-под дерева.

— Брось, Анана, — вмешался Кикаха, — я знаю, что ты хочешь заставить его страдать, но не за мой счет. Срежь лучеметом ветки, что меня прижимают, чтобы ему не пришлось поднимать такой тяжелый груз. Не играй в ковбоев! Там, знаешь ли, еще двое.

Анана отошла и приказала:

— Посторонись, дядя! — и провела лучом.

Огромная ветвь на груди Кикахи была разрезана пополам. Что она сделала с тем, что было у него на ногах, Кикаха не видел. Без всяких усилий Орк поднял ствол и выволок Кикаху из дыма. Господь взял Кикаху на руки и отнес его в лес, где росла трава, редкая и короткая.

Повинуясь приказу Ананы, Орк мягко опустил Кикаху на землю, а потом заложил руки за голову.

— Неизвестный там, на валуне, — сообщила Анана. — Он поднялся и, пошатываясь, скрылся, после того как я заполучила его лучемет. Он убежал, спасаясь от меня и от огня. Я его не убила, хотя, возможно, и следовало бы. Но мне было очень любопытно узнать, кто он такой, и я подумала, что позже смогу его допросить.

Это любопытство дорого обойдется им, так, по крайней мере, подумал Кикаха. Но он воздержался от комментариев, поскольку дело было сделано.

— Ты знаешь, где Уртона? — спросил Кикаха, сопя, чихая и ощущая ужасную боль в груди. Ноги у него онемели, но жизнь постепенно возвращалась в них. А с жизнью приходила и боль. — Толку от меня будет мало, Анана, — произнес Кикаха. — У меня очень сильные внутренние повреждения. Я сделаю, что будет в моих силах, но остальное теперь зависит от счастья и от тебя.

— Я не знаю, где Уртона, — ответила Анана. — Я уверена, что это он поджег волка и подстроил это. Даже великий Рыжий Орк, Господь двух Земель, попался на эту удочку.

— Я знал, что это ловушка, — огрызнулся Рыжий Орк, — но все равно бросился в нее. Я думал, что наверняка я... я...

— Да, дядя, будь я на твоем месте, я бы не похвалялась, — съехидничала Анана. — Единственный вопрос сейчас заключается в том, как нам спастись.

— Рог, — произнес Кикаха. С большим трудом он сел. Под деревья вплыл дым и вновь заставил его закашлять. Боль стала еще сильнее.

— О! — огорчилась Анана. — О нем я забыла.

— Придется его достать. Он должен быть там, под деревом. И откроем врата в валуне. Может, нам удастся пройти через них.

— Но во второй комнате ловушка, — напомнила Анана. — Я же говорила тебе, что для прохода нужен дезактиватор.

— Мы попробует выйти позже, — возразил Кикаха. — Уртона не сможет последовать за нами и не будет здесь болтаться, так как подумает, что мы определенно сбежали на другую планету.

Кикаха оборвал свою речь, так как усилия, которые ему пришлось приложить для такого разговора, причинили ему сильную боль.

По приказу Ананы Рыжий Орк помог ему встать. Он проделал это так грубо, что Кикаха поневоле тихо вскрикнул. Анана прожгла Орка взглядом и процедила:

— Дядя, будь поаккуратней, а то я убью тебя прямо сейчас.

— Если ты это сделаешь, тебе придется самой нести его, — процедил он. — И в каком положении ты окажешься?

Анана выглядела так, будто все равно собиралась пристрелить Орка. Прежде чем Кикаха успел вмешаться, он увидел, как дуло лучемета упало на землю и в руках Ананы осталась половинка оружия.

Голос из-за деревьев позади них крикнул:

— А теперь вы будете делать то, что прикажу вам я! Идите к тому валуну и ждите дальнейших приказаний!

"С чего бы это он хочет, чтобы мы так сделали, — подумал Кикаха. — Может, он знает о ловушке во вратах, знает, что там мы застрянем? Не надеется ли он, что мы бросимся в ловушку и в результате уничтожим себя? Он будет ждать у валуна, а мы станем мучиться внутри. И он получит садистское удовольствие, думая о нашей драме".

Уртона явно считал, что все находятся в его власти, и так оно и было. Но он не собирался открываться и приближаться к ним.

"Вот способ управиться с этим делом, — подумал Кикаха. — Не будь дуроломом, будь лисой, никогда и ничего не воспринимай как должное". Именно так удалось ему уцелеть в стольких переделках. Уцелеть? Все выглядело так, словно его время вот-вот истечет.

— Идите к валуну! — повторил Уртона. — Сейчас же! А не то я вас немного подпалю!

Анана подошла к Кикахе и помогла Орку поддержать его. Каждый шаг отдавался в Кикахе ужасной болью, но он стиснул зубы и не позволил стонам прорваться наружу. От дыма, все еще стоящего в воздухе, он снова закашлялся.

Затем они прошли мимо дерева, где лежал Рог, прикрытый полусгоревшей веткой.

— Уртона еще не вышел из леса? — поинтересовался Кикаха.

Анана медленно обернулась и сообщила:

— Не больше, чем на пару шагов.

— Я намерен споткнуться. Дайте мне упасть.

— Ты от этого пострадаешь.

— Ну и что? Дайте мне упасть. Отпускайте меня! Сейчас же!

— С удовольствием, — буркнул Орк и отпустил его.

Анана действовала не столь быстро и на секунду попробовала удержать его тело. Они упали вместе, и большая часть удара пришлась на Анану. И все-таки Кикахе показалось, что в грудь его впились заостренные копья, и он чуть не потерял сознание.

Уртона что-то крикнул. Рыжий Орк замер и медленно поднял руки над головой. Кикаха попытался подняться и подползти к Рогу, но Анана опередила его.

— А теперь труби в него! — приказал Кикаха.

— Зачем? — хором спросили Анана и Рыжий Орк.

— Просто делай, что я говорю! Объяснения позже! Если выйдет хоть какой-то толк.

Анана поднесла мундштук ко рту и громко протрубила мелодию из семи нот, служившую отмычкой для любого замка от врат Господов.

Уртона снова что-то крикнул и побежал к ним. Но когда прозвучали первые ноты, он разглядел, что Анана держит около рта. И он пронзительно закричал.

Кикаха ожидал, что Уртона выстрелит. Но вместо этого он круто развернулся и, продолжая кричать, припустился к лесу.

— Что происходит? — недоумевал Орк.

Последняя из золотых нот растаяла в воздухе.

Уртона замолк, швырнул на землю лучемет и в ярости запрыгал.

Непосредственно рядом с ним местность оставалась прежней. Поляна с обгоревшей травой, валун, на вершине которого сидел одетый в черное незнакомец, упавшее дерево и деревья на краю поляны.

Но небо стало багрово-красным и солнца на том небе не оказалось.

За поляной местность стала холмистой. Холмы казались высокими, их покрывала ржавая трава и странного вида кусты с листьями, похожими на свастику в красно-золотую полоску. На дальних холмах росли деревья, высокие и круглые, с черно-красными и черно-белыми полосками на стволах. Они походили на зебр. Деревья мерно качались, словно росли на дне моря и откликались на морские течения.

Уртона высоко подпрыгнул, футов на шесть. Теперь он подобрал свой лучемет и гигантскими прыжками бросился к Кикахе, Анане и Орку. Он, было похоже, отлично владел собой.

Но к Рыжему Орку хорошее расположение духа не вернулось. Он только начал поворачиваться к Уртону, чтобы спросить, что случилось, как опрокинулся на землю из-за слишком резкого движения. Но удар вышел не тяжелым.

— Не вставай, — сказал Анане Кикаха. — Я не знаю, где мы, но гравитация здесь меньше земной.

Уртона остановился перед ними. Лицо его стало почти таким же багровым, как небо. Его зеленые глаза дико смотрели на них.

— Рог Шамборимена! — завопил он. — Я-то гадал, что у вас в том футляре. Если бы я знал! Если бы я знал!

— Тогда бы ты остался за гранью гигантских врат, которые ты устроил вокруг поляны, — закончил за него Кикаха. — Скажи мне, Уртона, зачем ты вошел в них? Зачем ты гнал нас к валуну, когда мы уже находились в пределах врат?

— Как ты узнал? — снова завопил Уртона. — Как ты смог узнать?

— На самом-то деле я не был уверен, — поправил его Кикаха. — Я заметил в нескольких местах на краю поляны, прежде чем мы все на нее зашли, необычное вспучивание почвы. И у меня возникли подозрения. У меня вызывает подозрение все, что я не могу объяснить.

Потом ты держался на расстоянии, и это тоже само по себе не вызывало подозрений, поскольку приближаться к нам пока у тебя не было необходимости и ты не был уверен, что у нас нет никакого припрятанного оружия. Но тебе хотелось сделать нечто большее, чем просто заманить нас в гигантские врата, а потом включить их для нас. Ты хотел загнать нас в наши же собственные врата, в валуне, где мы бы оказались в капкане. Ты хотел, чтобы мы спрятались внутри валуна и думали, что нам удастся тебя одурачить. А потом через некоторое время вышли бы, чтобы обнаружить, что оказались в этом мире.

Но ты не знал, что у Ананы нет активатора, но зато у нас есть Рог. У тебя не было никаких причин помнить о нем, даже если бы ты увидел футляр, потому что прошли, должно быть, тысячелетия с тех пор, как ты в последний раз видел Рог. И ты знал, что он принадлежит Джадавину, иначе связал бы это с футляром, поскольку я друг Джадавина. Вот я и велел Анане трубить в Рог, хотя она и не знала, зачем это делает. Я не хотел отправляться в твой мир, но если бы я мог прихватить с собой тебя, я бы на это пошел.

Анана медленно и осторожно поднялась с земли и промолвила:

— Мир Уртона! Меняющийся Мир!

На востоке, или там, где мог быть восток в только что покинутом ими мире, над холмами, появилось массивное красное тело. Оно быстро взошло и было раза в четыре больше земной Луны. Тело было не круглым, а продолговатым, от него про-

стиралось несколько клиновидных щупалец. Кикахе показалось, что оно слегка меняло форму.

Он ощутил, как кренится под ним земля. Голова оказалась у него ниже, чем ноги. И цепь высоких холмов вдали оседала.

Кикаха сел. Вроде бы боль слегка отпустила его. Наверное, это произошло потому, что так сильно уменьшилась сила тяготения. Кикаха проговорил, то ли спрашивая, то ли утверждая:

— Это, конечно, односторонние врата, Уртона?

— Конечно, — подтвердил Уртона, — иначе бы я взял Рог и снова бы открыл их.

— А где находятся ближайшие врата, выводящие из этого мира?

— Ничего не случится, если я скажу тебе, — хмыкнул Уртона. — Особенно, если учесть, что тебе эти знания уже не сгодятся. Единственные врата находятся в моем дворце, где-то на этой поверхности. Или, может, на той, — добавил он, показывая на красноватое тело в небе, меняющее форму. — Эта планета раскалывается, меняет форму, вновь соединяется и опять раскалывается. Меняющийся Мир.

Тут вмешался Рыжий Орк. Прыгнул он высоко и чуть не пролетел над головой Уртона. Но все же Орк врезался в него, и оба покатились по земле. Лучемет, который в результате столкновения выронил Уртона, отлетел в сторону. Анана нырнула за ним, схватила и приземлилась так неловко и тяжело, что Кикаха за нее испугался. Анана поднялась, несколько нетвердо держась на ногах, но посмеиваясь. Уртона подошел к ним, а Рыжий Орк пополз в их сторону.

— Ну-с, дядюшки, — сказала Анана, — я смогла бы пристрелить вас, и, возможно, так и нужно мне сделать. Но мне нужен кто-то, чтобы нести Кикаху, так что вы оба сгодитесь для этого. Вам следует радоваться, что сила тяжести здесь мала. И мне нужен ты, Уртона, потому что ты хоть знаешь что-то об этом мире. Вернее, тебе следовало бы знать, поскольку ты его спроектировал и создал. Вы сделаете для Кикахи носилки, а потом мы тронемся в путь.

— Куда мы пойдем? — проворчал Уртона. — Тут некуда идти. Здесь нет ничего постоянного. Неужели ты не можешь это понять?

— Если даже нам придется обыскать каждый дюйм этого мира, — заявила Анана, — мы это сделаем. А теперь — за работу!

— Минутку, — остановил ее Кикаха. — Что ты сделал с Вольфом и Хрисендой?

— Я отправил их через врата в этот мир. Они где-то на этой поверхности. Или на той массе. Или на другой, еще не увиденной нами. Я подумал, что это наихудшее, что я мог сделать.

И конечно, у них есть некоторый шанс найти мой дворец Хотя...

— Хотя если они найдут его, то наткнутся на ловушки? — закончил за него Кикаха.

— Есть и кое-что другое в этом мире...

— Крупные хищники? Враждебные человеку существа?

— Да, — кивнул Уртона. — Нам понадобится лучемет. Надеюсь, его заряда хватит надолго, и...

— Не томи, — сказал Кикаха.

— Надеюсь, поиски моего дворца не займут у нас много времени. Если ты не родился в этом мире — он сведет тебя с ума!

Конец четвертой книги

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ
Роман
3

ВРАТА МИРОЗДАНИЯ
Роман
171

ЛИЧНЫЙ КОСМОС
Роман
305

ЗА СТЕНАМИ ЗЕМЛИ
Роман
481

Литературно-художественное издание

Фармер Ф.Ж.

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *С.А. Кукуш*
Художник *А.Б. Державин*
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Н.И. Лепешкина*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 03.11.92.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,20.
Уч.-изд. л. 40,04. Тираж 60 000 экз. Заказ №3616.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Диапозитивы изготовлены в ТОО "Внешсигма".
129278, Москва, Рижский проезд, 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
"Красный пролетарий" РГИЦ "Республика".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой
"Красный пролетарий".

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ
ВРАТА МИРОЗДАНИЯ
ЛИЧНЫЙ КОСМОС
ЗА СТЕНАМИ ЗЕМАИ

романы